Белгородский государственный национальный исследовательский университет

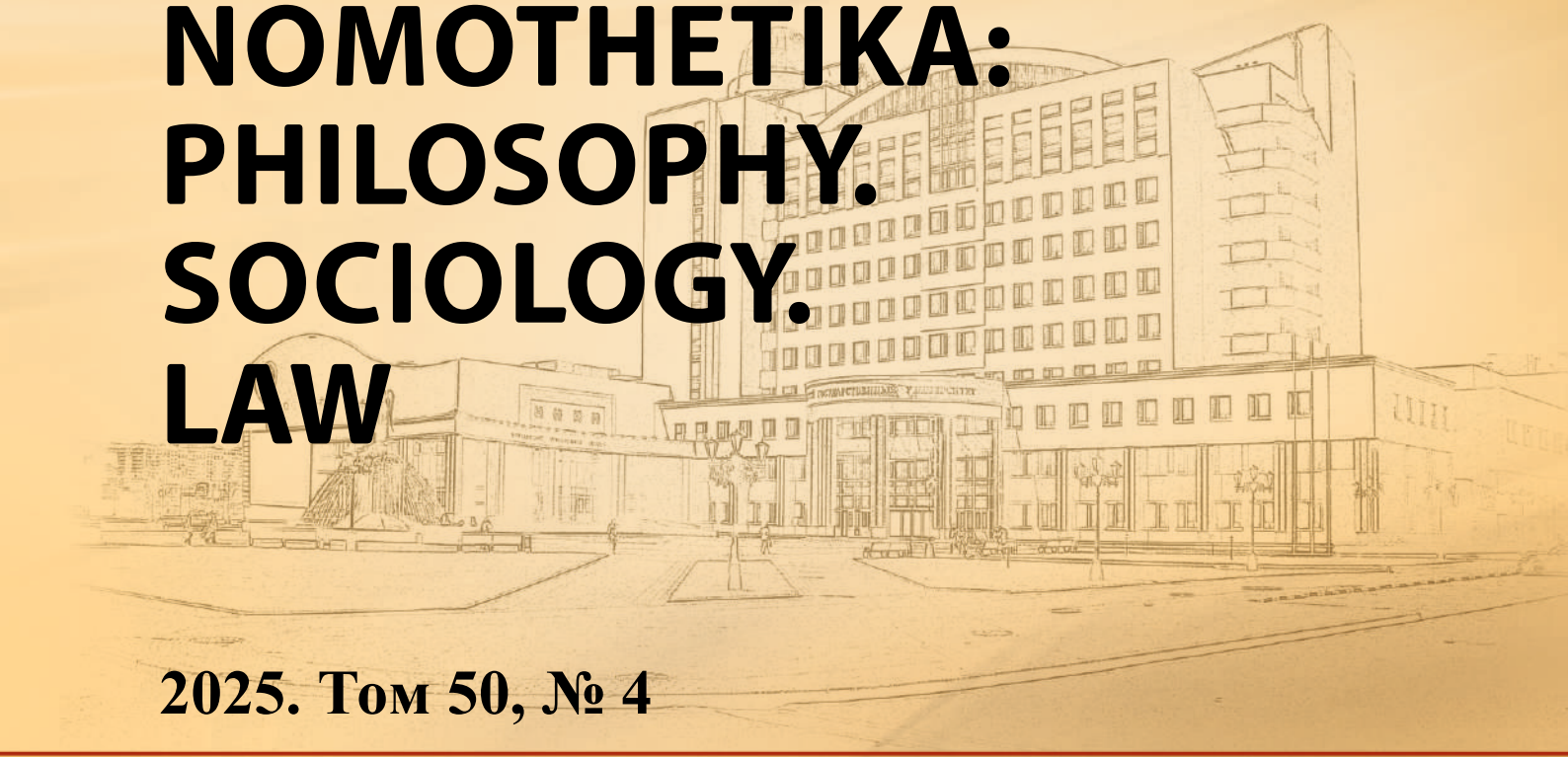
ISSN 2712-746X (online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

NOMOTHETIKA: ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW



2025. Том 50, № 4

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

NOMOTHETIKA:
Философия. Социология. Право.
2025. Том 50, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры, НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

Вангородская С.А., доктор социологических наук (НИУ «БелГУ»)
Нифонтова О.И., кандидат философских наук (НИУ «БелГУ»)
Чуева И.А., кандидат юридических наук (НИУ «БелГУ»)

Члены редакционной коллегии

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)
Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Боянич Петар, доктор философских наук, профессор (г. Белград, Сербия)
Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)
Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Зиёдуллаев М.З., доктор юридических наук, профессор (Республика Узбекистан)
Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)
Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (г. Белгород, Россия)
Климова С.М., доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
Липич Т.И., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Максименко А.А., доктор социологических наук (НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия)
Малько А.В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)
Мареева Е.В., доктор философских наук (г. Москва, Россия)
Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (г. Тула, Россия)
Новиков В.Г., доктор социологических наук, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)
Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)
Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Воронеж, Россия)
Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
Тощенко Ж.Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)
Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (г. Грозный, Россия)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 33,8. Дата выхода 30.12.2025. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

687 **Посохова Я.В., Борисов С.Н., Римская О.Н.** Парадокс Homo Sacer: голос «голой жизни» в философии Дж. Агамбена

694 **Третьяк А.Р.** На пути к диалектике капитала: критическая рецепция Ильенкова и Альтюссера

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

706 **Когай Е.А., Кузнецов А.В., Королева Л.Г.** Датафикация как новая форма отчуждения: экзистенциальный разрыв и толстовский императив подлинности в цифровую эпоху

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

715 **Бабинцев В.П., Серкина Я.И., Дерин М.О**. Трансформация социально-технологической культуры личности под влиянием изменения социальных технологий в дигитализированном обществе

725 **Благорожева Ж.О., Ковальчук О.В., Махмутова К.А., Семченко И.В., Хашаева С.В.** Интеллектуальное волонтёрство как инструмент повышения качества жизни населения: вовлечённость студенческой молодёжи

737 **Вукчевич Н., Видойкович М.** Трудности социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российских вузах (на примере сербских студентов)

747 **Ибрагимова Н.Р.** Профилактика социального сиротства в Узбекистане: взаимодействие государства и общественных организаций

759 **Медведев С.В., Данакин Н.С., Качурова Е.В.** Реализация гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве региона (на примере Белгородской области)

770 **Рогач О.В.** Карьерные ожидания и установки муниципальных служащих в РФ

779 **Шмарион Ю.В., Курских Е.П.** Использование аддитивной технологии применения ИИ в формировании инструментальных компетенций студентов-социологов

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

790 **Носков В.А.** Морализаторство как политика отчуждения права (к постановке проблемы)

799 **Пенская Т.М., Пенской В.В.** «Патриархальный абсолютизм» М.Н. Покровского: старая критика и новые подходы

816 **Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М.** Основные принципы пандектной кодификации: от римского права к современным кодексам

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

825 **Еременко В.М., Ляхова А.И., Першина Е.А.** Проблемы уголовно-судебного правоприменения в условиях цифровой трансформации

833 **Кандохов В.Х.** Перспективы развития конституционного судебного нормоконтроля в Российской Федерации

845 **Нифанов А.Н., Билык К.В.** Воспитание как элемент публично-правового обязательства в России

858 **Таболин В.В., Мархгейм М.В.** Принцип надежности государства как альтернатива западной концепции устойчивого развития: правовые проблемы применения в России

867 **Шубин В.Н., Чуева И.А.** Особенности правовой квалификации преступлений террористической направленности в международном праве

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

876 **Воденко К.В., Волохова Е.В., Тихоновскова М.П.** Культурный суверенитет как основа развития и безопасности российского общества

886 **Мельникова Л.В., Джинибалаян С.М.** Культурная безопасность и национальная идея

895 **Сорокопуд М.С.** Медиаполитика как технология бытия: субъект в эпоху алгоритмов

904 **Стогнеев Е.А.** Понятие «поколение»: признаки и классификация

913 **Хасуев А.Э.** Экзистенциальные проблемы современных молодежных субкультур

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

920 **Стрелкова И.А., Нифонтова О.И.** Рационально-философские основания терминологического аппарата Леонтия Византийского и Иоанна Дамаскина. Сущности и акциденции

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

928 **Дашкова Е.В., Ивушкина Е.Б.** Общинный туризм во Вьетнаме как механизм трансляции и сохранения этнической культурной идентичности

938 **Паниотова Т.С. Савлучинская А.Д.** Утопия: эволюция жанра

942 **Римская О.Н., Енина С.А., Посохова Н.В.** Концептуализация досуга: философские основания свободного времени и его роль в формировании культурной идентичности

951 **Цзян Ч.** Кураторский поворот и арт-критика

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

958 **Валеева Г.В.** Этические проблемы и риски интеграции технологий искусственного интеллекта в российское высшее образование

966 **Усова Г.М. Цуриков И.М., Цурикова Л.В.** Социально-эпистемологические механизмы легитимации войны в современном культурном пространстве

975 **Фэн Инхун.** Аксиология и фактурные особенности китайской народной музыки

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ

981 **Римский В.П.** Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2017 год

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

1001 **Бай Цзе, Борисов С.Н., Резник С.В.** О новом способе мышления в эпоху кризиса. Рецензия на книгу: Юк Хуэй. Пост-Европа. М. ; Владивосток : Ад Маргинем Пресс, 2025. 176 с.

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

NOMOTHETIKA:
Philosophy. Sociology. Law.
2025. Volume 50, No. 4

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995.
The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate od Science and Doctor of Science should be published.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".
Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief
Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)
Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State National Research)
Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor
Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy (Belgorod State National Research University)

Executive Secretary
Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology (Belgorod State National Research University)
Nifontova, O.I., Candidate of Philosophical Sciences, (Belgorod State National Research University)
Chueva, I.A., Candidate of Law Sciences (Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board
Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)
Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor (Belgorod State National Research University)
Bojanic Petar, Doctor of Philosophy, Professor (Belgrade, Serbia)
Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor (Rostov-on-Don, Russia)
Ziyodullaev, M.Z., Doctor of Law, Professor (Republic of Uzbekistan)
Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)
Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod, Russia)
Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)
Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Lipich, T.I., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)
Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)
Maksimenko, A.A., Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)
Mareeva, E.V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)
Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tula, Russia)
Novikov, V.G., Doctor of Sociology, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod State National Research University)
Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)
Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia)
Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Toshchenko, Zh.T., Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor (Belgorod State National Research University)
Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia (Grozny, Russia)

ISSN 2712-746X
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС77-77840 of 31.01.2020. Publication frequency: 4/year
Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. 33.8 publishing sheets. Date of publishing 30.12.2025. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

687 **Posokhova Y.V., Borisov S.N., Rimskaya O.N.** The Paradox of Homo Sacer: The Voice of "Bare Life" in the Philosophy of Giorgio Agamben

694 **Tretiak A.R.** Towards the Dialectic of Capital: A Critical Reception of Ilyenkov and Althusser

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

706 **Kogay E.A., Kuznetsov A.V., Koroleva L.G.** Datafication and Alienation: Existential Crisis and the Tolstoyan Pursuit of Authenticity in the Digital Era

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

715 **Babintsev V.P., Serkina Ya.I., Derin M.O.** Transformation of a Person's Socio-Technological Culture Under the Influence of Changes in Social Technologies in a Digitalized Society

725 **Blagorozheva Zh.O., Kovalchuk O.V., Makhmutova K.A., Semchenko I.V., Hashaeva S.V.** Intellectual Volunteering as a Tool for Enhancing the Population's Quality of Life: Student Engagement

737 **Vukčević N., Vidojković M.** Challenges of Socio-Cultural and Psychological Adaptation of International Students in Russian Universities (The Case of Serbian Students)

747 **Ibragimova N.R.** Prevention of Social Orphanhood in Uzbekistan: Interaction Between the State and Non-Governmental Organizations

759 **Medvedev S.V., Danakin N.S., Kachurova E.V.** Implementation of Civic Initiatives in the Social Network Space of the Region (Using the Example of the Belgorod Region)

770 **Rogach O.V.** Career Expectations and Attitudes of Municipal Employees in the Russian Federation

779 **Shmarion Yu.V., Kurskikh E.P.** Additive AI Technology for Building Methodological Tool Use Competencies in Sociology Students

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

790 **Noskov V.A.** Moralizing as a Policy of Alienation of Law (to the Formulation of the Problem)

799 **Penskaya T.M., Penskoy V.V.** M.N. Pokrovsky's "Patriarchal Absolutism": Old Criticism and New Approaches

816 **Tsukanova E.Yu., Bakirova D.M.** Basic Principles of Pandetic Codification: From Roman Law to Modern Codes

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

825 **Eremenko V.M., Lyakhova A.I., Pershina E.A.** Problems of Criminal and Judicial Law Enforcement in the Context of Digital Transformation

833 **Kandokhov V.Kh.** Prospects for the Development of Preliminary Regulatory Control Exercised by the Constitutional Court of the Russian Federation

845 **Nifanov A.N., Bilyk K.V.** Upbringing as an Element of Public Law Obligations in Russia

858 **Tabolin V.V., Markheim M.V.** The Principle of State Reliability as an Alternative to the Western Concept of Sustainable Development: Legal Problems of Application in Russia

867 **Shubin V.N., Chueva I.A.** Features of the Legal Qualification of Terrorist Crimes in International Law

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

876 **Vodenko K.V., Volokhova E.V., Tikhonovskova M.P.** Cultural Sovereignty as the Basis for the Development and Security of Russian Society

886 **Melnikova L.V., Djinibalayan S.M.** Cultural Security and the National Idea

895 **Sorokopud M.S.** Media Policy as a Technology of Being: Subject in the Age of Algorithms

904 **Stogneev E.A.** The "Generation" Concept: Characteristics and Classification

913 **Khasuev A.E.** Existential Problems of Contemporary Youth Subcultures

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

920 **Strelkova I.A., Nifontova O.I.** The Rational and Philosophical Foundations of the Terminological Apparatus of Leontius of Byzantium and John of Damascus. Essences and Accidents

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

928 **Dashkova E.V., Ivushkina E.B.** Community Tourism in Vietnam as a Mechanism for the Transmission and Preservation of Ethnic and Cultural Identity

938 **Paniotova T.S., Savluchinskaya A.D.** Utopia: Evolution of the Genre

942 **Rimskaya O.N., Enina S.A., Posokhova N.V.** Conceptualizing Leisure: Philosophical Foundations of Free Time and Its Role in Shaping Cultural Identity

951 **Jiang C.** Curatorial Turn and Art Criticism

THESES

958 **Valeeva G.V.** Ethical Issues and Risks of Integrating Artificial Intelligence Technologies into Russian Higher Education

966 **Usova G.M., Tsurikov I.M., Tsurikova L.V.** Socio-Epistemological Mechanisms of War Legitimation in the Modern Cultural Space

975 **Feng Yinghong.** Axiology and Textural Features of Chinese Folk Music

ARCHIVAL PUBLICATIONS, TRANSLATIONS, AND ESSAYS

981 **Rimskiy V.P.** Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The Year 2017

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

1001 **Bai Jie, Borisov S.N., Reznik S.V.** About a New Way of Thinking in an Era of Crisis. Book Review: Yuk Hui. Post-Europe. Moscow ; Vladivostok : Ad Marginem Press, 2025. 176 p.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 141.72
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-687-693
EDN AABVZE

Парадокс Homo Sacer: голос «голой жизни» в философии Дж. Агамбена

[1] Посохова Я.В., [1, 2] Борисов С.Н., [1] Римская О.Н.
[1] Белгородский государственный институт искусств и культуры
308033, Россия, Белгород, ул. Королёва, д. 7
[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85
yana-posohova@mail.ru; Borisov_SN@bsuedu.ru; olgarimskaja@rambler.ru

Аннотация. Исследуется ключевая концепция итальянского философа Джорджо Агамбена «голая жизнь» (nuda vita) для критического осмысления феномена миграции в XXI веке. Анализируется генеалогия понятия, восходящего к аристотелевскому различию между zoe (биологическим существованием) и bios (политически оформленной жизнью). Исследование демонстрирует, как механизмы суверенной власти, производя «голую жизнь», помещают мигрантов и беженцев в «состояние исключения», где они оказываются в правовом вакууме, будучи инклюзированы в политический порядок исключительно через свое исключение. Сделан вывод о том, что концепция Агамбена остается крайне актуальной для осмысления вызовов, стоящих перед человечеством в XXI веке.

Ключевые слова: Дж. Агамбен, голая жизнь, био-политика, состояние исключения, миграция, беженцы, лагерь, суверенитет

Для цитирования: Посохова Я.В., Борисов С.Н., Римская О.Н. 2025. Парадокс Homo Sacer: голос «голой жизни» в философии Дж. Агамбена. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 687–693. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-687-693 EDN: AABVZE

The Paradox of Homo Sacer: The Voice of "Bare Life" in the Philosophy of Giorgio Agamben

[1] Yana V. Posokhova, [1, 2] Sergey N. Borisov, [1] Olga N. Rimskaya,
[1] Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St., Belgorod 308033, Russian Federation
[2] Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
yana-posohova@mail.ru; Borisov_SN@bsuedu.ru; olgarimskaja@rambler.ru

Abstract. This article examines the relevance of the key concept suggested by the Italian philosopher Giorgio Agamben – "bare life" (nuda vita) – for a critical understanding of the migration phenomenon in the 21st century. The genealogy of the concept, dating back to the Aristotelian distinction between "zoe" (biological existence) and "bios" (politically qualified life), is analyzed. It is demonstrated how the

© Посохова Я.В., Борисов С.Н., Римская О.Н., 2025

mechanisms of sovereign power, producing "bare life," place migrants and refugees in a "state of exception," where they find themselves in a legal vacuum, being included in the political order solely through their exclusion.

Keywords: Giorgio Agamben, bare life, biopolitics, state of exception, migration, refugees, camp, sovereignty

For citation: Posokhova Y.V., Borisov S.N., Rimskaya O.N. 2025. The Paradox of Homo Sacer: The Voice of "Bare Life" in the Philosophy of Giorgio Agamben. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law,* 50(4): 687–693 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-687-693 EDN: AABVZE

Политическая философия рубежа XX–XXI веков ознаменовалась «биополитическим поворотом», в рамках которого жизнь (zoe) перестала быть лишь предпосылкой политики, превратившись в ее главный объект и ставку. Одним из наиболее радикальных и влиятельных мыслителей в этой области является Джорджо Агамбен, чья концепция «голой жизни» (nuda vita) предлагает переосмыслить саму природу западного политического порядка. В своем масштабном проекте "Homo Sacer" Агамбен утверждает, что исходным отношением политики является не договор, а включение через исключение, производящее особую форму жизни, лишенную политической и юридической защиты.

Современные миграционные процессы, достигшие беспрецедентных масштабов, ставят под сомнение традиционные политико-правовые категории и выявляют пределы гуманистического дискурса прав человека. Официальные нарративы, оперирующие понятиями «кризис», «поток» или «угроза», зачастую затемняют саму суть явления, требующего глубокого философского осмысления. В этом контексте политическая философия Джорджо Агамбена, и в частности его концепция «голой жизни», предлагает радикально новый угол зрения, позволяющий вскрыть фундаментальные механизмы власти, действующие в отношении мигрантов.

Концепция Агамбена формируется в диалоге с двумя ключевыми мыслителями XX века: Мишелем Фуко и Карлом Шмиттом. От М. Фуко Агамбен заимствует понятие биополитики – формы власти, которая берет под свой контроль жизнь биологических популяций. Фуко показал, что на смену старому суверенному праву «умерщвлять и позволять жить» приходит новая власть, нацеленная на то, чтобы «делать жить и отбрасывать в смерть» [Фуко, 1996]. Однако Агамбен идет дальше, утверждая, что биополитика является не просто современным феноменом, но скрытым матричным ядром западной политики как таковой, начиная с Античности. У К. Шмитта итальянский философ берет тезис о том, что «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [Шмитт, 2000]. Для Агамбена связь между суверенитетом и чрезвычайным положением является парадигмальной. Он интерпретирует чрезвычайное положение не как внешнюю по отношению к праву угрозу, а как скрытую основу самого правового порядка, которая позволяет ему приостанавливать собственное действие, чтобы включить в себя то, что формально находится вне его. Синтез фукианской биополитики и шмиттианской теории суверенитета позволяет Агамбену сформулировать собственную центральную категорию – «голую жизнь».

Концепция «голой жизни» является краеугольным камнем масштабного философского проекта Джорджо Агамбена "Homo Sacer". Агамбен, развивая фукианскую теорию биополитики, возводит ее к аристотелевскому различию между двумя модусами жизни: zoe – простым биологическим фактом жизни, общим для всех живых существ, и bios – жизнью политической, оформленной, наделенной смыслом и ценностью в рамках полиса [Agamben, 1998]. По мнению Агамбена, западная политическая традиция с самого

своего основания заключала в себе парадоксальную возможность включения zoe в сферу политики. Однако это включение происходит не через ее облагораживание, а через ее исключение. Суверенная власть, чьим фундаментальным жестом является решение о состоянии исключения (state of exception), производит «голую жизнь» – жизнь, которая может быть подвергнута насилию и уничтожена, но не принесена в жертву в ритуальном смысле. Такую жизнь Агамбен обозначает архаической римской фигурой homo sacer (священный человек) – индивидом, который изгнан из общества и которого любой может безнаказанно убить, но который не может быть ритуально принесен в жертву богам [Agamben, 1998, p. 71–74].

Пространством, где «голая жизнь» производится в ее чистом виде, является, по Агамбену, лагерь. Лагерь – это не аномалия, а скрытая матрица, номос современного политического пространства, где состояние исключения становится перманентной нормой, а закон приостанавливает свое действие, не отменяясь окончательно [Agamben, G., 1998, p. 166-169].

Современный мигрант, и в особенности беженец, оказывается в положении, структурно схожем с положением homo sacer:

1) правовой вакуум: пересекая границу, мигрант зачастую оказывается вне правового поля страны исхода и еще не инкорпорирован в правовое поле страны назначения. Его правовой статус неопределен, отложен или сведен к минимуму. Он находится в «серой зоне» – состоянии исключения, где формально действующие законы о правах человека де-факто приостанавливаются;

2) редукция к биологическому существованию: в публичном дискурсе и в практике институтов мигрант часто редуцируется до своей «голой жизни». Речь идет о его физическом выживании – необходимости в пище, крове, медицинской помощи. Его политическая, культурная, личная идентичность (его bios) стирается. Он становится частью «биологической массы», которой необходимо «управлять»;

3) инклюзия через исключение: мигрант встроен в политический порядок принимающего государства единственно через свое исключение. Он является объектом управления, контроля, гуманитарной помощи, но не полноправным субъектом политического действия. Его присутствие служит для подтверждения суверенитета государства, которое решает, кому предоставить защиту, а кому – отказать, чью жизнь сделать достойной, а чью – оставить в подвешенном состоянии.

Парадигматическими пространствами, где производство «голой жизни» становится зримым, являются лагеря для беженцев и центры временного содержания. Это не временные аномалии, а, по Агамбену, постоянная структура современности [Агамбен, 2011, с. 210]. В этих зонах жизнь сводится к биологическому поддержанию, а время как бы останавливается – человек оказывается в состоянии бесконечного ожидания, его биография прерывается.

Другим ключевым механизмом является процедура определения статуса. Длительные, часто бюрократически абсурдные процедуры, интервью, проверки – все это представляет собой технологию власти, которая, по сути, ставит под вопрос саму человечность просителя. Он вынужден постоянно доказывать правдивость своей травмы, соответствие критериям «подлинного» беженца. Этот процесс является формой символического насилия, производящего субъекта, который полностью зависит от решения внешней, непрозрачной инстанции.

Теоретические построения Джорджо Агамбена находят свое зримое и трагическое воплощение в конкретных практиках управления миграцией в разных частях мира. Рассмотрим два парадигматических кейса: лагерь Мориа на острове Лесбос (Греция) в рамках политики ЕС и политику «нулевой терпимости» на южной границе США.

Лагерь Мориа, формально носивший название «Регистрационный центр по оказанию помощи», на пике своей переполненности являлся идеальным примером агамбеновского лагеря как состояния исключения. Созданный как временный хаб в рамках договора между ЕС и Турцией 2016 года, он быстро превратился в постоянное пространство, где закон приостанавливался, а нормальным становилось чрезвычайное положение [Papada, 2021]. Правовой вакуум и суверенное решение – беженцы на Лесбосе попадали в правовую ловушку. Их присутствие на территории ЕС было фактом, но их правовой статус находился в подвешенном состоянии на время рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища. Это и есть агамбеновское «инклюзивное исключение» – они были физически внутри европейского правового пространства, но лишены большинства прав, которыми обладают его граждане. Суверенным решением (договор ЕС – Турция) для них была создана особая юридическая зона. Редукция к биологическому существованию: жизнь в Мориа была сведена к чистому выживанию (zoe). Ужасающие санитарные условия, нехватка воды, пищи, медицинской помощи, постоянная угроза пожаров и насилия – все это демонстрировало, что жизнь обитателей лагеря была лишена какой-либо политической или социальной ценности (bios). Они были «голой жизнью», объектом гуманитарного вмешательства, но не субъектами права [Chávez, 2021]. Лагерь как номос: Мориа не был аномалией; он был логическим следствием политики ЕС по экстернализации границ. Его существование доказывает тезис Агамбена о том, что лагерь является скрытой, но фундаментальной матрицей современного политического порядка. Это пространство, где отобранные индивиды могут быть помещены в состояние перманентной исключенности, служа примером для других потенциальных мигрантов.

Политика администрации Дональда Трампа «нулевой терпимости» (2018 г.) и ее последствия предоставляют другой, но столь же показательный пример производства «голой жизни» через криминализацию мигранта. Производство Homo Sacer через закон: в отличие от беженцев в Мориа, которые находились в административно-правовом limbo, мигранты на границе США целенаправленно переводились в разряд уголовных преступников. Однако, как и в случае с homo sacer, это включение в уголовно-правовое поле носило парадоксальный характер – задержанные лишались базовых процессуальных прав, а главное – права на семейную целостность. Их жизнь подвергалась символическому и физическому насилию (разделение детей и родителей) с санкции государства [De Genova, 2018]. Центры содержания как лагеря: примитивные условия в пограничных станциях (известные как hieleras – «холодильники») и центрах временного содержания детей демонстрировали ту же редукцию к «голой жизни». Дети, помещенные в клетки, лишенные базового ухода, становились чистыми биологическими телами, чья индивидуальность и личные истории стирались. Они становились объектом управления и учета, но их страдания оказывались вне поля действенной правовой защиты. Суверенная власть и биополитика: риторика «вторжения», использовавшаяся для оправдания этой политики, ясно указывала на биополитический аспект. Речь шла о защите «тела нации» от чужеродного биологического элемента. Решение разделять семьи было суверенным жестом, демонстрирующим абсолютную власть государства над жизнью тех, кто пересек границу без разрешения, – власть превращать их жизнь в «голую», доступную для манипуляций.

Анализ этих двух кейсов подтверждает универсальность агамбеновского категориального аппарата. При разном политическом и правовом контексте и в Греции, и в США мы видим работу одного и того же механизма – производство «голой жизни» через создание зон исключения, где закон де-факто приостанавливается, а человек редуцируется до своего биологического существования, становясь объектом суверенного решения.

События общемирового масштаба, связанные с пандемией 2020 года, означают возросшую опасность превалирования тенденций «общества спектакля», трансформации и усечения естественных человеческих интенций и способностей индивидуума в сфере чувственного, эстетического. Переход на цифровые основания с максимальным использованием существующих сегодня электронных технологий обеспечивает широкие возможности для манипулирования в рамках тотальной биополитики, проявляющейся в первую очередь в фундаментально-образовательном, а также в общекультурном планах, что ведет к превращению индивидуума в удобную фигуру на шахматной доске игрока-манипулятора [Хаддадин, 2021].

Таким образом, концепция «голой жизни» Джорджо Агамбена предоставляет исключительно мощный аналитический инструмент для деконструкции кажущейся очевидности современных миграционных процессов. Она позволяет увидеть за логикой «чрезвычайной ситуации» и «гуманитарного кризиса» работу перманентных био-политических механизмов суверенной власти. Анализ показывает, что фигура мигранта не является маргинальной; напротив, она выходит на центральное место в современной политике, обнажая ее изначальную связь с управлением жизнью как таковой. Лагеря и процедуры – это не досадные исключения, а лаборатории, в которых оттачиваются технологии управления «голой жизнью», все более актуальные для обширных зон глобального мира.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что концепция «голой жизни» Джорджо Агамбена представляет собой мощный инструмент критики современной политической реальности. Показав, что производство «голой жизни» через механизм суверенного исключения является не периферийным, а конститутивным для западного политического порядка, Агамбен предлагает радикально пересмотреть традиционные представления о суверенитете, праве и субъективности. Его теория демонстрирует, что там, где жизнь становится главным объектом политики, возникает и угроза ее радикального обесценивания. Фигуры беженца, заключенного, нелегального мигранта или даже пациента, находящегося на грани жизни и смерти, оказываются не маргинальными, а парадигмальными фигурами современности, раскрывающими изнаночную логику власти, для которой человек как политический субъект (bios) всегда рискует превратиться в «голую жизнь» (zoe). Таким образом, концепция Агамбена остается крайне актуальной для осмысления вызовов, стоящих перед человечеством в XXI веке.

Большое количество научных работ в области философской мысли конца XX – начала XXI в. в той или иной степени апеллирует к социологическим и политическим установкам. Недаром в зрелом модерне поднимается вопрос наукологии, принадлежности философии к корпусу многообразных дисциплин, ее наукометричности. Конечно, достоверность эмпирического материала в ней весьма опосредована по сравнению, например, с математикой, физикой, химией, даже филологией, которая имеет дело с четкими структурами языка. Также ярко выражено отсутствие свойств когерентности в концептах постмодернистских исследований. Мозаичность, сингулярность, углубление философской мысли в суть понятий подобно акцентированию физической науки на недоступных простому глазу уровнях расщепления молекулярных частиц стали теми препятствиями, которые, с одной стороны, ставят под сомнение преемственность знания, а с другой – говорят о контрарности научной мысли предыдущих эпох [Хаддадин, 2021].

Перспективой дальнейшего исследования могло бы стать осмысление возможностей сопротивления, намеченных в поздних работах Агамбена, – концепций «формы жизни» и «пригодности» (inoperosità), которые предлагают модель сообщества, не основанного на суверенной исключительности и не сводящего человека к его биологическому субстрату.

Список литературы

Агамбен, Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен ; пер. с итал. А.В. Дьяков. – Москва : Европа, 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0195-8.

Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; пер. с фр. – Москва : Касталь, 1996. – 448 с.

Хаддадин, В. А. Ги Дебор, Джорджо Агамбен: диалектика конфликтов "голой жизни" и "общества спектакля" / В. А. Хаддадин // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 1 (81).

Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт ; пер. с нем. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.

Agamben, G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life / G. Agamben ; transl. by D. Heller-Roazen. – Stanford : Stanford University Press, 1998. – 216 p.

Chávez, K.R. The Biopolitics of the US Refugee Crisis in the Trump Era [Electronic resource] / K. R. Chávez // Journal of Refugee Studies. – 2021. – Vol. 34, Issue 1. – P. 1-19. – DOI: 10.1093/jrs/fez093.

De Genova, N. The "migrant crisis" as racial crisis: Do Black Lives Matter in Europe? [Electronic resource] / N. De Genova // Ethnic and Racial Studies. – 2018. – Vol. 41, Issue 10. – P. 1765-1782. DOI: 10.1080/01419870.2018.1484504.

Papada, E. The biopolitics of the migrant camp: A view from the Greek hotspots [Electronic resource] / E. Papada, A. Papoutsi, J. Painter, A. Vradis // Environment and Planning D: Society and Space. – 2021. – Vol. 39, Issue 5. – P. 787-804. – DOI: 10.1177/02637758211025514. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02637758211025514 (дата обращения: 06.08.2025). –

References

Agamben, G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life / G. Agamben; trans. from Italian. A.V. Dyakov. – Moscow: Evropa, 2011. – 256 p. – ISBN 978-5-9739-0195-8.

Foucault, M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Different Years / M. Foucault; trans. from French. – Moscow: Kastal, 1996. – 448 p.

Haddadin, V. A. Guy Debord, Giorgio Agamben: the dialectics of the conflicts of "naked life" and the "society of the spectacle" / V. A. Haddadin // Society: Philosophy, History, Culture. – 2021. – No. 1 (81).

Schmitt, K. Political Theology / K. Schmitt; trans. from German. - Moscow: Kanon-Press-C, 2000. – 336 p. – ISBN 5-93354-003-X (translated).

Agamben, G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life / G. Agamben ; transl. by D. Heller-Roazen. – Stanford : Stanford University Press, 1998. – 216 p. – ISBN 0-8047-3218-3.

Chávez, K. R. The Biopolitics of the US Refugee Crisis in the Trump Era [Electronic resource] / K. R. Chávez // Journal of Refugee Studies. – 2021. – Vol. 34, Issue 1. – P. 1-19. – DOI: 10.1093/jrs/fez093.

De Genova, N. The "migrant crisis" as racial crisis: Do Black Lives Matter in Europe? [Electronic resource] / N. De Genova // Ethnic and Racial Studies. – 2018. – Vol. 41, Issue 10. – P. 1765-1782. – DOI: 10.1080/01419870.2018.1484504.

Papada, E. The biopolitics of the migrant camp: A view from the Greek hotspots [Electronic resource] / E. Papada, A. Papoutsi, J. Painter, A. Vradis // Environment and Planning D: Society and Space. – 2021. – Vol. 39, Issue 5. – P. 787-804. – DOI: 10.1177/02637758211025514.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.05.2025
Поступила после рецензирования 15.08.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received May 15, 2025
Revised August 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Посохова Яна Витальевна аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Римская Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород , г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Posokhova, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Olga N. Rimskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture.

УДК 101.8
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-694-705
EDN ASHCIQ

На пути к диалектике капитала: критическая рецепция Ильенкова и Альтюссера

Третьяк А.Р.
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, 125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49
assefir@mail.ru

Аннотация. Вопрос о диалектике капитала – это вопрос о том, как формируются, будут функционировать и применяться специфические марксистские понятия. В марксизме XX века можно четко проследить, как вырисовываются стратегии развития диалектики капитала Маркса с опорой на два важных философских источника: Гегеля и Спинозу. Яркий представитель антигегельянской версии марксизма Луи Альтюссер выступает, на первый взгляд, как теоретическая антитеза советскому философу Эвальду Ильенкову. Последний мыслит диалектику Гегеля вместе со Спинозой, тогда как первый предлагает использовать Спинозу в качестве теоретического «обходного пути» для построения антигегельянской диалектики. Построение модели теоретической практики для Альтюссера является ключом к пониманию специфики диалектики Маркса. Ильенков анализирует возможности диалектики капитала как развертывание всеобщих закономерностей объективной реальности. Оба теоретика прекрасно понимают, что диалектика не может применяться «внешним» образом, лишь как простой перевод понятий на другой язык. Язык диалектики должен быть совершенно уникальным соединением теории и практики. Критическая рецепция концепций Ильенкова и Альтюссера позволяет увидеть возможности для общего структуралистского аргумента в пользу обоснования диалектики. В этой узловой точке создается диалектика капитала как общий горизонт формулирования теоретических проблем, помогающий снять проблему разрыва между антигегельянской и гегельянской линией марксизма.

Ключевые слова: диалектика, капитал, разрыв, теоретическая практика, конкретное, Ильенков, Альтюссер, Спиноза

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130.

Для цитирования: Третьяк А.Р. 2025. На пути к диалектике капитала: критическая рецепция Ильенкова и Альтюссера. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 694–705. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-694-705 EDN: ASHCIQ

Towards the Dialectic of Capital: A Critical Reception of Ilyenkov and Althusser

Artur R. Tretiak
Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Ave., Moscow 125993, Russian Federation
assefir@mail.ru

Abstract. The question of dialectical materialism is the question of how Marxist concepts could function and operate in the context of contemporary capitalist production. In 20th century Marxism, we can clearly see how Marx's strategies of developing dialectical materialist theory emerge from two important philosophical sources: Hegel and Spinoza. At first glance, Louis Althusser appears as a theoretical

© Третьяк А.Р., 2025

antagonist to the Soviet philosopher, Evald Ilyenkov, who thinks of Hegelian dialectics together with Spinoza, while Althusser suggests using Spinoza's philosophy as a "detour" to construct an anti-Hegelian theory. For Althusser, the construction of a model of theoretical practice is the key to understanding the specifics of Marx's dialectic. Ilyenkov analyses the possibilities of dialectical materialism as the unfolding of universal laws of objective reality. Both theorists are well aware that dialectics cannot be applied in an "external" way, only as a simple translation of concepts into another language. The language of dialectics should be a unique combination of theory and practice. A critical reception of the concepts of Ilyenkov and Althusser allows us to see the possibilities for their common structuralist argument in favor of justification of dialectics. At this point, dialectics is created as a common horizon for theoretical problems, helping to resolve the gap between anti-Hegelian and Hegelian Marxism.

Keywords: dialectics, capital, rupture, theoretical practice, concrete, Ilyenkov, Althusser, Spinoza

Funding: the research was completed with the financial support of the Russian Science Foundation (RGNF) within the framework of scientific project No. 24-18-00130.

For citation: Tretiak A.R. 2025. Towards the Dialectic of Capital: A Critical Reception of Ilyenkov and Althusser. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law,* 50(4): 694–705 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-694-705 EDN: ASHCIQ

Введение

Философия в XX веке продолжает оставаться ключевой ареной для развития марксистской мысли. Вопросы труда, власти, идеологии и социальных конфликтов становятся основой для различных марксистских направлений, часто вступающих в плодотворные дискуссии несмотря на все свои различия. Социолог Йоран Терборн отмечает, что западный марксизм зародился благодаря переосмыслению советского опыта, и революционная тематика остаётся центральной для многих мыслителей: «Западный марксизм возник как европейская интеллектуальная реакция на Октябрьскую революцию» [Терборн, 2021, с. 136]. Даже несмотря на политические разногласия, философские дебаты вокруг марксизма сохраняют потенциал для диалога между разными школами. Терборн рассматривает развитие марксизма через призму трёх ключевых аспектов (марксистского треугольника) – социального анализа исторического функционирования капитализма, политической борьбы рабочего класса и философской диалектики: «Любая серьёзная попытка понять постмарксизм должна учитывать этот треугольник социальной науки, политики и философии» [Терборн, 2021, с. 169]. Хотя сам автор полагает, что данная триада уже не действует полноценно, её элементы всё ещё имеют большое значение. Особенно важна для нас сторона «треугольника», связанная с философией как диалектикой современности.

Каков проект диалектики капитала со стороны перспективы сегодняшнего дня? Следует ли довериться утверждению Негри, который провозгласил конец диалектики и ее неприменимость в качестве инструмента критического анализа: «Таким образом, история диалектической идеологии, которая является историей европейской метафизики в современную эпоху, представляет собой путь утраты силы бытия. Мысль деградирует до все более низкого и пустого, все более обездоленного и формального уровня…» [Negri, 2004, с. 2]? Диалектика для Негри отождествляется с метафизикой и провозглашается идеологической конструкцией. Диалектика слишком формальна и оперирует стремлением к абсолюту, который выглядит как самопроизводство своего собственного движения, в словах итальянского философа она синонимична европейской метафизике.

Взгляд на диалектику как на нечто, радикально противоположное метафизике, можно обнаружить в философских дискуссиях марксизма 60-х годов. Философия как диалектика современности в рамках марксистского проекта – это всегда вопрос о том, как мы понимаем и истолковываем реальные общественные процессы и противоречия. Так возникает вопрос о диалектике капитала или о смысле материалистической диалектики в

качестве актуального инструмента для анализа общественных противоречий в исторической перспективе современности. Эвальд Ильенков и Луи Альтюссер часто рассматриваются как представители полярных направлений в истории марксистской философии. Их различие особенно заметно через призму их восприятия наследия Гегеля. Советский философ Ильенков продолжает видеть в гегелевской мысли фундаментальную основу для понимания диалектики, тогда как французский марксист Альтюссер склоняется к тому, чтобы считать гегельянство пережитком прошлого, ошибочным элементом мировоззрения молодого Маркса. Еще одно ключевое расхождение проявляется в подходах к человеку – Ильенков отстаивает гуманизм, заинтересован в проблемах отчуждения труда, универсализации человека, в то время как Альтюссер защищает идею теоретического антигуманизма. Однако оба философа уделяют значительное внимание вопросам диалектической методологии применительно к анализу капиталистической системы.

Таким образом, возникает исследовательский вопрос: какими способами и аргументами каждая из данных фигур обосновывает свою интерпретацию марксистской диалектики в контексте анализа капиталистической системы?

Диалектика капитала у Ильенкова и Альтюссера

Диалектика, занимающая центральное место в марксистской философии, служит не только инструментом анализа и критики современности, но и представляет собой теорию с большой буквы, которая позволяет объяснить как и метод Маркса, так и его общее видение диалектического понимания капиталистического мира. Для Ильенкова и Альтюссера данная позиция является общей. Рассмотрим каким образом функционирует диалектика современности у Ильенкова и Альтюссера, на какие понятия она опирается, и постараемся обрисовать общую стратегию аргументации в защиту актуальности диалектики.

Понять диалектику капитала – значит выявить ее логическую структуру через внимательное изучение того, как функционируют категории Маркса. Изучая систему категорий Маркса, Ильенков стремится зафиксировать «всеобщие диалектические закономерности развертывания любой объективной конкретности» [Ильенков, 2010, с. 614], тем самым показывая изначальное движение диалектики в сторону утверждения «конкретного» понятия. «Капитал» Маркса содержит практическое применение диалектики и ключевые элементы того, как она должна функционировать. Альтюссер предлагает читателю схожую идею: диалектика Маркса уже дана в виде своего конкретного применения в науке Маркса, однако диалектика как теория «теоретической практики» или в своем общем виде как диалектика современности еще нуждается в своей разработке.

В чем заключается главный аргумент противопоставления диалектики и метафизики? Европейская метафизика, по мысли Ильенкова, традиционно избегает «противоречий в определениях» и старается найти однозначное определение предмета. Поэтому проблема противоречия здесь оказывается центральной. В «Диалектической логике» он пишет: «Прежняя метафизика упрямо старалась организовать сферу разума на основе закона тождества и запрета противоречия в определениях. Задача принципиально невыполнимая» [Ильенков, 1984, с. 76]. Для диалектики организовать сферу разума и самой реальности на основе принятия возможности противоречия кажется более выполнимой задачей. Метафизика как «первая философия» для Ильенкова не имеет смысла, он видит в ней либо субъективное стремление отказаться от противоречия, либо позитивистское требование к однозначности построения понятий в научном познании.

Поскольку диалектика не является просто формой философствования или метафизики, стратегия ее обоснования будет заключаться в вопросе теории как формы практики. Один из базовых принципов работы диалектики как теоретической практики – это возможность зафиксировать и преодолеть разрыв между «абстрактным» и

«конкретным» как двумя операционными понятиями. Для Ильенкова базовое восхождение диалектики нацелено на утверждение «конкретного» всегда в тесном взаимодействии со «всеобщим» как некоторым реальным контекстом, внутри которого оно находится. «Целое» всегда проявляется через конкретное, поэтому анализ чего-то простейшего сразу вписан в контекст утверждения целостной системы. Обращаясь к «Капиталу» Маркса, Ильенков приводит пример с категорией товара: «В случае с системой товарно-капиталистической системы взаимодействия между людьми в процессе общественного производства материальной жизни такой клеточкой оказывается товар, простая товарная форма взаимодействия» [Ильенков, 2010, с. 617]. Товарная форма взаимодействия оказывается примером точки отсчета диалектического движения, с одной стороны, это нечто, что мы можем наблюдать как непосредственную данность – в этом случае это пример «абстрактного».

Важная цель диалектики как теории – найти такую определенность вещи, которая выражала бы объективные условия ее существования. Условия ее существования отражают целый комплекс процессов, которые связаны с самой природой вещи. Поэтому для Ильенкова необходимо указать на логику внутренней связанности, когда он дает определение теоретического суждения: «Теоретическое суждение связывается из абстракций, каждая из которых выражает необходимую, внутреннее связанную с самой природой вещи, определенность, такую определенность – лишившись которой вещь рассыпается, перестает существовать как данная вещь» [Ильенков, 2010, с. 620]. Что будет являться критерием для определения точности теоретического суждения? Простое эмпирическое созерцание здесь не годится, считает Ильенков и предлагает опираться именно на критерий «общественной практики» – это важный для него аргумент, поскольку позволяет связать теорию и практику в единую комплексную систему. Теория тоже определяется через практику, и можно сказать, сама выступает формой исторической, общественной практики человечества. Итак, диалектику капитала у Ильенкова можно представить как эффективную модель для обоснования теоретического развития марксизма.

Альтюссер, который известен своими попытками преодолеть наследие Гегеля и сделать серьезный акцент на «научности» Маркса, тем не менее не отказывает от диалектики как от идеологический фикции раннего Маркса. Проблема диалектики как ключевого элемента марксистского наследия схожим образом начинается с вопроса о теоретической практике. Теоретическая практика имеет свой собственный материал, на который она воздействует, и своим эффектом создает знание. Понятие «теоретическая практика», используемое Альтюссером, подчеркивает значительное воздействие теории на повседневную жизнь человека. По мнению мыслителя, теория, хотя и имеет дело с идеологическими конструкциями, в конечном итоге приводит к формированию конкретного знания. В дальнейшем встаёт задача осмысления условий, при которых возникает необходимость разработки «теории» самой теоретической практики.

Самостоятельная теоретическая практика, поглощённая своими процессами, зачастую не задаётся вопросами относительно собственного функционирования, ключевых элементов, методов и специфики. Потребность в рефлексии появляется тогда, когда возникают мета-проблемы или общие вопросы, касающиеся методологических аспектов, с которыми теоретическая практика не способна справиться самостоятельно. Таким образом, постановка вопроса о теории теоретической практики марксизма представляет собой попытку выработать целостное философское понимание марксистской теории и разработать новые стратегии её дальнейшего развития. Согласно Альтюссеру, диалектика и является основой «теории» теоретической практики марксизма.

Вопрос о потенциале диалектике необходимо продумать заново, полагает Альтюссер. Его размышление вращается вокруг задачи, как пишет Агон Хамза, которая заключается в «освобождении диалектики» от прежних идеологический заблуждений: «Чтобы покончить

с философскими и политическими препятствиями, в которые она попала, и освободить ее от различных форм отклонений, Альтюссер объявил о философском, то есть историческом и эпистемологическом прочтении Маркса. Связь между наукой и философией очевидна: философия претерпевает радикальную трансформацию после каждого научного прорыва, а наука является условием существования философии. Другими словами, философия существует только в условиях науки и политики» [Hamza, 2016, p. 147]. Диалектический материализм как теория теоретической практики имеет свой конкретный исторический контекст и вместе с этим может радикально изменяться. Поэтому диалектический модель Маркса, как показывает Альтюссер, не является простым переносом понятийного аппарата диалектики Гегеля. Она создает свой собственный уникальный набор теоретических механизмов и операций.

Вопрос о диалектике в работах Альтюссера требует обращения к основополагающим аспектам его общего понимания места философии в рамках марксизма. Традиционно философия ограничивалась воспроизведением самой себя, обособляясь от других областей знания. В своем эссе «Преобразование философии» Альтюссер показывает, что истинная функция философии состоит в интеграции социальных практик посредством разработки теоретических моделей и инструментов для понимания мира, обеспечивая тем самым целостность «исторической» истины. Философия создает, пишет Альтюссер, «целый диспозитив категорий, которые позволяют мыслить и помещать различные социальные практики в лоно идеологий, то есть на то место, которое они должны занять, чтобы сыграть предусмотренную роль в утверждении господствующей идеологии... Она производит, наконец, теоретические схемы, теоретические фигуры, которые служат средством преодоления противоречий и средством связи между различными элементами идеологии» [Альтюссер, 2012].

В докладе «Ленин и философия» Альтюссер ясно расставляет акценты между наукой, философией и политикой. Философия интересна для него именно в качестве «философской практики». Является ли марксизм специфической формой философии? На этот вопрос мы получаем отрицательный ответ. Маркс создает новый «континент» научной теории, которая радикально меняет представления об истории. Философия вступает в дело после, стремясь создать теоретические инструменты для осмысления новых научных разрывов, разрабатывая для этого подходящие инструменты: «У нас есть все шансы найти в созревающей марксистской науке теоретические элементы будущей марксистской философии – элементы более передовые, чем мы могли предположить, уже зная о неизбежном отставании философии» [Альтюссер, 2005, с. 38]. В то же самое время философия неизбежно связана и со своим историческим контекстом, внутри которого она создает свои категории. Представление о независимости философии, ее вечности и истории Альтюссер отвергает как идеологические иллюзии самой философии. Значит остается признать второй фактор – связь философии с политикой: «философия – это продолжение политики другими средствами, в другой области, в соотношении с другой реальностью» [Альтюссер, 2005, с. 73]. Поэтому марксизм выступает не просто как особый вид философии, а как новая философская практика, которая отдает себе отчет в своей исторической природе: понимать свою связь с политикой и наукой.

Итак, Маркс не создает специфической «теории» теоретической практики с большой буквы, но он создает, как считает Альтюссер, прежде всего новую практику философии. В этом ключе он прочитывает знаменитое высказывание Маркса из «Тезисов о Фейербахе» о необходимости изменить мир [Маркс, Энгельс, 1955, с. 4]. Новая практика философии осмысляет себя как практика классовой борьбы, которая не выполняет функцию идеологического синтеза всех социальных практик: «Все обстоит так, будто предельной решимостью и одновременно предельной сдержанностью своих непосредственно философских интервенций Маркс, Ленин и Грамши, регулярно практикуя философию, которой они не желали систематически создавать, намекали, что философия, в которой

нуждается марксизм, *не столько философия, произведенная как философия, сколько новая практика философии»* [Альтюссер, 2012]. Поэтому задача построения теории с большой буквы возникает значительно позднее, когда новая практика философии уже проявила себя, оказала определенные эффекты на политическую реальность и нуждается в осмыслении своих базовых положений.

Диалектика современности для Ильенкова и Альтюссера – это важный шаг в сторону разработки целостного теоретического проекта для философии марксизма. Оба мыслителя противопоставляют диалектику метафизике – ассоциируя с ней «традиционную» форму, или, лучше сказать, «практику» философии. Диалектика не является «новой» философией марксизма, она разворачивается как новая философская практика – теория теоретической практики, которая позволяет анализировать историческое движение от абстрактного к конкретному. Само движение от абстрактного к конкретному оказывается центральной теоретической операцией диалектики капитала: через него возможно преодолеть метафизические заблуждения прошлых теоретических практик.

Диалектическая логика целого и проблема противоречия

Поскольку предмет диалектики никогда не исчерпывается простым данным созерцанием, а старается раскрыть исторически сложную систему конкретности, то и проблематика противоречия осмысляется и у Ильенкова, и у Альтюссера как нечто естественное для всякой сложной системы, внутри которой множество тесно переплетающихся связей оказывают свои эффекты на противоречие. Эти переплетающиеся связи и отношения образуют независимые от человека закономерности, которые «разрешают» противоречия в результате пластичности и изменчивости самой системы, диалектика помогает проследить способ, «которым они разрешаются движением самой предметной, объективной реальности, движением и развитием мира «вещей в себе» [Ильенков, 2010, с. 643]. Описать данное множество взаимодействующих отношений, которые включают индивида в его природный, исторический и культурный контекст, можно с помощью категории «целого».

Теоретическая операция «движение от абстрактного к конкретному» служит наиболее эффективной стратегией понимания целого. Целое состоит из множества элементов, эффекты которых могут производить противоречия. Логика противоречия в конечном итоге показывает, что между отдельными этапами развития диалектического познания вполне допустимы противоречия, или «разрывы», как сказал бы Альтюссер. Изменчивость и суверенность реальности по отношению к субъекту требует от него иного понимания того, как движутся процессы развития. Противоречие, или разрыв, оказывается необходимым элементом развития: «Конкретное, таким образом, противоречит абстрактному в «Капитале» Маркса, и противоречие это не только не исчезает от того, что между тем и другим установлена цепь опосредующих звеньев, но доказывается как необходимое противоречие самой экономической реальности» [Ильенков, 2010, с. 643]. Абстрактное выступает как «целое, данное в созерцании» [Ильенков, 2010, с. 626], то, что можно наблюдать как изначально заданную всеобщность, общий контекст явлений. И далее советский мыслитель еще раз очерчивает свою формулу: «Процесс восхождения от всеобщего теоретического определения к понимаю всей сложности его исторически развитой структуры конкретности предполагает конкретный, и полный анализ исходной, всеобщей категории науки» [там же, с. 627].

Конкретное как процесс протекает внутри исторически детерминированных структур, которые обладают внутренней связностью со своим контекстом, не зависимы от субъекта или определяются всем совокупностью цепи взаимосвязей, то есть снова логикой целого. В исследовании Джианниса Ниноса «конкретное» определяется как саморазвивающееся «целое»: «Конкретное — это единство многообразного, а именно система определений, представляющая необходимые отношения исторически

определенного объекта. Таким образом, конкретное понимается как саморазвивающееся целое, которое исторически определено» [Ninos, 2023, p. 393]. Конкретное как результат развития не тождественен начальной точке процесса диалектического познания. Здесь появляется «новая реальность», как говорит Ильенков [Ильенков, 2010, с. 614], она отличается, «отрицает» свои прошлые формы. Опять же, можно назвать это элементом разрыва, что допускает диалектическая логика, поскольку новая реальность вносит свои коррективы в то, как мы можем познавать тот или иной предмет.

Критерий исторической изменчивости «новой реальности» предполагает, что саму модель восхождения от абстрактного к конкретному можно воспринимать через перспективу, связывающую логическое и историческое: «Рассматривая диалектику как систему упорядоченных категорий, которая внутренне переплетена с историческим исследованием объекта, Ильенков закладывает системное понимание истории марксизма. При таком подходе диалектика как метод восхождения от абстрактного к конкретному внутренне ассоциируется с историзмом» [Ninos, 2023, p. 396]. Историческая модель диалектики Ильенкова позволяет увидеть возможность разрыва или противоречия между двумя стадиями одного процесса, поскольку сам объект изменчив, и вместе с этим меняется наше понимание сущности данного объекта.

Проблематика противоречия в диалектике современности Альтюссера рассматривается исходя из перспективы сложного-детерминированного целого. Видя в гегелевской диалектике инструмент развертывания противоречия как чего-то, что уже содержит в себе свое решение и свои собственные условия, он полагает, что материалистическая диалектика работает принципиально иначе. Логика «целого» выступает как образ сложно-детерминированной системы, в которой имеется множество связанных друг с другом противоречий, оказывающих влияние друг на друга. Тем не менее это не гомогенная структура, в которой все общественные противоречия опознаются как имеющие абсолютно одинаковое значение: «В этом сложном целом, которые "содержит в себе целый ряд противоречий", нельзя "обнаружить" одно противоречие, господствующее над другими…сложное целое обладает единством артикулированной структуры с доминантой» [Альтюссер, 2006, с. 288].

Сложное целое выражается через артикулированную структуру с доминантой. Используя данное выражение, Альтюссер подчеркивает, что существуют большое разнообразие переплетающихся исторических условий в тот или иной момент времени, которые оказывают влияют как и друг на друга, так и на ключевое противоречие, создавая возможность для политического действия. Логика целого обретает свои ясные очертания, если принять во внимание, что условия, хоть и могут быть случайными, но создают сложно структурированную конъюнктуру конкретного исторического процесса: «марксизм понимает «условия» в качестве существования противоречий, конституирующих целое того или иного исторического процесса» [там же, с. 295]. Теоретические операции материалистической диалектики и позволяет схватить и проанализировать это сложно структурированное «целое» исторического процесса.

Наконец, логика целого у Альтюссера определяется понятием «сверхдетерминация». Этим понятием французский марксист пытается схватить возможность сложного переплетения различных противоречий в качестве объективных условий протекания исторического целого. Существенная характеристика сверхдетерминации: «рефлексия в самом противоречии условий его существования, т. е. его положения в структуре с доминантой сложного целого» [там же, с. 297]. «Доминирующее» противоречие внутри исторического целого «сверхдетерминировано» переплетающимися условиями его существования, когда одни противоречия внутри общественной динамики влияют на другие, когда классовые различия, политические убеждения, социально-экономические проблемы и многое другое может переплетаться в сложную структура, в которой одна (или

несколько) конкретных противоречий могут «взорвать» систему изнутри, создать необходимое пространство для революционного события.

Наконец еще раз зафиксируем важный аргумент, – и Ильенков, и Альтюссер смотрят на диалектику современности исходя из перспективы ее значимости не как отдельной метафизической философии, а как формы теории практики реального научного познания. Традиционная логика философской практики не очень подходит для объяснения философии, подчеркивает Ильенков: «Мировоззрение, именуемое диалектическим материализмом, не есть философия в старом смысле этого слова, которая взвалила на свои плечи задачу, посильную только всему научному познанию, и то в перспективе» [Ильенков, 1979, с. 107]. Альтюссер использует выражение «критическая экстракция» [Альтюссер, 2005, с. 97] для объяснения этой роли диалектики современности – она не просто повторяет гегельянские формулы, но критически преображает их в ходе своего применения к «сырому» материалу прошлых экономических и социальных теорий.

Как итог, цель обоснования материалистической диалектики в качестве теории теоретической практики заключается в принципиальном обособлении науки от идеологии, которая воспринимается как заранее данный набор понятий, фактов, гипотез, что не прошли проверку через строгий научный инструментарий. Поэтому логика «переворачивания», как это повторяет Альтюссер несколько раз, не может здесь работать, наука полностью преобразовывает свой материал, создавая новый продукт – конкретные теории. Тем не менее за всей этой идеологической борьбой Альтюссера против философии Гегеля основная модель диалектики как теории, которая описывает восхождение от абстрактного к конкретному, все еще функционирует в своих основных контурах. Эту идеологическую борьбу поддерживает и Ильенков: у диалектики есть прямое мировоззренческое значение: она помогает развивать современное научное мировоззрение, производя критическую работу над преодолением прошлых форм знания, где философия представлена как отдельная, стоящая над всеми другими сферами теория бытия.

Структуралистский аргумент в пользу диалектики

Ильенков и Альтюссер, несмотря на различие подходов к гегелевскому наследию в контексте перспектив развития марксистской философской теории, сходятся во мнении, что Спиноза представляет собой значимого союзника в реализации их проектов. По мнению Ильенкова, Спинозу возможно прочитывать как такого философа, чьи идеи позволяют рассматривать диалектику как науку о мышлении. Альтюссер развивает схожий тезис, утверждая, что обращение к Спинозе становится важным этапом для преодоления трудностей, возникающих перед марксистской философией: «Мы проделали обходной путь через Спинозу, чтобы лучше понять философию Маркса» [Althusser, 1976, с. 134]. В этом пространстве интерпретации Спинозы вытекает общий для марксистских авторов «структуралистский» аргумент в пользу диалектики. Для Ильенкова и Альтюссера образ мыслей Спинозы является шагом в сторону обоснования нового типа логики, что позволит выделить еще один аргумент в пользу диалектики, как указывает А.Д. Майданский: «Ильенков и Альтюссер вычитывали в трудах Спинозы не промарксистскую метафизику, не синтетический взгляд на мир, но – логику нового типа: принцип отношения мышления к реальности и метод теоретического познания, предвосхитивший материалистическую диалектику Маркса» [Майданский, 2017, с. 450].

Эта идея развивается через интерпретацию понятия субстанции. Согласно Ильенкову, субстанция понимается как объективная реальность, проявляющаяся через взаимосвязь и многообразие конкретных явлений, включая природу, культуру и человеческие действия. Объективный контекст субстанции прочитывается как верный признак диалектики: «Субстанция, таким образом, оказывается абсолютно необходимым условием, без допущения которого принципиально невозможно понять способ взаимодействия между мыслящим телом и тем миром, внутри которого оно действует в

качестве мыслящего тела. Это глубоко диалектический момент» [Ильенков, 1984, с. 46]. Вдохновляясь теоремой «параллелизма» вещей и идей, Ильенков видит в логических схемах мышления человека отображение универсальной связи множественных структур внутри «субстанции»: природа и культура оказываются сложно переплетёнными элементами, которые «сверхдетерминируют» возможности речи и мышления индивида.

Диалектика определяется как способ функционирования и познания этой сложной внешней структуры субстанции. Эти структуры существуют вне зависимости от самого индивида, он овладевает ими в процессе познания и узнает в них свои коллективные возможности речи. Мышление индивида встроено в цепочку универсальных принципов, отражающих коллективные «общие места». Общее предшествуют индивидуальному, что отражает диалектический принцип встроенности возможностей мышления индивида в цепочку общих форм говорения и осмысления реальности. Логические действия индивида», пишет Ильенков [Ильенков, 1984, с. 131], подчиняются общему интеллекту как совокупности основных способов мышления речи, которые выражают коллективный опыт человечества. Для Ильенкова субстанция Спинозы – это и есть имманентный контекст индивида, фиксирующей возможности его речи.

Таким образом, можно сказать, что сам по себе индивид не является ни субстанцией, ни полноценном субъектом, который устанавливает свою собственную логику диалектического движения. Он является совокупностью сложно переплетающихся связей внутри своего имманентного контекста. Такую же версию предлагает Витторио Морфино, когда пытается ответить на вопрос об онтологии отношения у Спинозы. Он пишет: «Вряд ли нужно повторять, что для Спинозы индивид не является ни субстанцией, ни субъектом… индивид – это отношение между внешним и внутренним, парадоксальным образом конституируемое самим этим отношением» [Morfino, 2014, p. 63]. Спиноза оказывается важным проводником диалектической модели, которая учитывает структурную каузальность индивида по отношению к его имманентному контексту субстанции.

Альтюссер видит в Спинозе возможность иных форм мышления, которых нет в диалектике Гегеля. Спиноза оказывается важным ориентиром для постижения понятия имманентной причинности Бога: «Именно здесь Спиноза послужил нам (иногда прямым, иногда очень косвенным) ориентиром: в его попытке постичь "не-выдающуюся" (то есть не трансцендентную) не просто транзитивную (по Декарту) или экспрессивную (по Лейбницу) причинность, которая объясняла бы действие Целого на его части и частей на Целое, безграничное Целое, которое является лишь активным отношением между его частями: в этом стремлении Спиноза послужил нам, хотя и косвенно, первым и почти уникальным ориентиром» [Althusser, 1976, p. 140]. Итак, для диалектического материализма Спиноза служит проводником нового способа объяснения структурной (или имманентной) причинности.

Проблема «причин» и метафизики «целей» – одна из центральных в заключительных пассажах первой части «Этики». Разбирая человеческие заблуждения в попытке объяснить действие Бога в мире, Спиноза показывает, как люди легко стремятся объяснить все исходя из «конечных причин». Он пишет: «Они всегда стремятся узнавать конечные причины совершившегося и успокаиваются, когда им укажут их, не имея, конечно, никакого повода к дальнейшим сомнениям» [Спиноза, 2016, с. 72]. Заблуждением является то, как мы переносим понятие цели на логику «конечных причин», наблюдая во всех событиях некую цель, к которой стремится некое событие. Между тем, Бог как субстанция «действует единственно по законам своей природы и без чьего-либо принуждения» [там же, с. 51]. Когда мы действует по закону своей природы, это значит осознание того, что возможности нашего мышления и действия исходят не из внешних навязанных принципов, а являются объективными условиями, прямо вытекающими из нашего существования. Альтюссер подхватывает этот мотив Спинозы и развивает его в своей интерпретации.

Аргумент структурной причинности объясняет взаимозависимость причины и своих эффектов. Материалистическая логика целого, находящаяся в центре диалектики, подразумевает, что общество как структура с выраженной доминантной определяется через сложное переплетение эффектов, которые порождают различные противоречия. Питер Томас объясняет аргумент структурной причинности следующим образом: «Альтюссеровское понятие структурной причинности утверждало, что общество представляет собой децентрализованную структуру, с выраженной доминантой, подверженную противоречиям, неравномерному развитию и сверхдетерминации каждого из относительно автономных элементов внутри него, и именно этот процесс – структурное взаимодействие каждого из элементов друг с другом и с целым – является причиной социальной тотальности» [Thomas, 2002, p. 103]. Социальная тотальность как целое функционирует исходя из своих собственных законов, которые задаются сложной структурой ее существования.

Материалистическая диалектика, имманентно присущая субстанции, находит свое отражение в рассматриваемом аргументе: положение индивида обусловлено реальными структурными условиями сложного взаимодействия различных элементов внутри общественной целостности, находящейся в процессе постоянного исторического изменения. Спиноза способствует актуализации диалектики как альтернативы философии трансцендентного – своего рода «антиметафизике» субстанции, подчеркивающей значимость исторического контекста, многослойного переплетения социальных структурных эффектов и воплощения в мышлении индивида всей полноты культурного опыта.

Заключение: теоретическая практика диалектики

Наследие материалистической диалектики сегодня позволяет иначе взглянуть на прошлые философские дискуссии. Разграничение между гуманистической и антигуманистической установками в марксизме выглядит как искусственная конструкция, не имеющая столь значимого влияния на прояснение роли диалектики сегодня. Диалектика рассматривает индивида и возможности его мышления как встроенные в цепочку сложно переплетающихся отношений между различными элементами общественного целого.

Теория теоретической практики – это еще один важный аспект диалектической модели Ильенкова и Альтюссера. Марксистская диалектика реализуется не как новая форма философии, не является исторической формой метафизики, ее следует рассматривать именно как теорию теоретической практики, с одной стороны, и как саму теоретическую практику – с другой. Ильенков утверждает идею тождества мышления во всех проявлениях. Мышление как реальная историческая практика проявляет себя во многих сферах: науке, экономике, технологиях, философии. Мышление индивида встроено в эти универсальные схемы. Индивид узнает себя в этих схемах, и его теоретическая практика «сверхдетерминирована» сложной исторической конъюнктурой, в которой он себя обнаруживает. Важный аргумент для обоснования диалектики обнаруживается в рецепции Спинозы. Материалистическая интерпретация субстанции позволяет сделать несколько шагов в сторону структуралистской реформы диалектики.

В итоге диалектику в перспективе Ильенкова и Альтюссера можно охарактеризовать как перенесение формальных структур концепций Маркса и Спинозы на новый философский ландшафт середины XX века. Это новая диалектика современности закрепляет свой потенциал как теоретическая практика марксизма: она содержит в себе необходимый инструментарий как и для практической критики идеологии, науки, различных противоречий современности, так и для теоретического развития марксистского учения после Маркса.

Список литературы

Альтюссер Л. 2005. Ленин и философия. М.: Ад Маргинем Пресс. 175 с.
Альтюссер Л. 2006. За Маркса. М.: Праксис, 392 с.
Альтюссер Л. 2012. Преобразование философии. Неприкосновенный запас, 5 (85).
Ильенков Э. В. 1974. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Издательство политической литературы, 271 с.
Ильенков Э. В. 2010. Способ восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проспект, С. 613–699.
Ильенков Э.В. 1979. Диалектика и мировоззрение. Материалистическая диалектика как логика. Алма-Ата, с. 103-113.
Майданский А.Д. 2017. Треугольник Ильенкова: марксизм в поисках философских корней. Stasis. Т. 5, №2. 446-474 с.
Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Сочинения, изд. 2. Т.3. М.: Гос. Полит. Издат. 650 с.
Спиноза Б. 2016. Этика. СПб.: Азбука-классика. Non-Fiction, 336 с.
Терборн Й. 2021. От марксизма к постмарксизму? М. Изд. Дом Высшей Школы Экономики. 256 с.
Althusser L. 1976. Essays in self-criticism, London: NLB, 224 p.
Hamza A. 2016. Lacan contra Althusser: Dialectical Materialism vs Nominalism. Vol. 1, Issue 1: What Does Intellectual Freedom Mean Today? A Provocation, 137-155 p.
Morfino V. 2014. Plural temporality: Transindividuality and the aleatory between Spinoza and Althusser. Brill: Leiden, 187 p.
Negri A. 2004. Subversive Spinoza. Manchester: Manchester University Press. 124 p.
Negri A. 2012. Some thoughts on the use of dialectics. African yearbook of rhetoric. Vol. 3(1):3–11 p.
Ninos G. 2023. The significance of the relation of the logical and the historical in Ilyenkov’s approach to dialectics. Studies in East European Thought. Vol. 76:389–405 p.
Thomas P. 2002. Philosophical strategies: Althusser and Spinoza. Historical Materialism, 10(3):71–113 p.

References

Althusser L. 2005. Lenin i filosofiya [Lenin and philosophy and other Essays]. M.: Ad Marginem Press. 175 p.
Althusser L. 2006. Za Marksa [For Marx]. M.: Praksis, 392 p.
Althusser L. 2012. Preobrazovanie filosofii. [The transformation of philosophy] Neprikosnovennyj zapas, nomer 5 (85).
Il'enkov E. V. 1974. Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii. [The dialectical logic: history and theory] M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 271 p.
Il'enkov E. V. 2010. Sposob voskhozhdeniya ot abstraktnogo k konkretnomu v «Kapitale» K. Marksa. [The method of ascent from the abstract to the concrete in K. Marx's Capital]. Marks K. Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty. M.: Akademicheskij prospekt, p. 613–699.
Il'enkov E.V. 1979. Dialektika i mirovozzrenie [Dialectics and worldview]. Materialisticheskaya dialektika kak logika. Alma-Ata, p. 103-113.
Majdanskij A.D. 2017. Treugol'nik Il'enkova: marksizm v poiskah filosofskih kornej. [Ilyenkov's Triangle: Marxism in Search of Philosophical Roots]. Stasis. T. 5, №2. 446-474 p. (In Russ).
Marks K., Engel's F. 1955. Sochineniya, izd. 2. T.3. [Selected works] M.: Gos. Polit. Izdat. 650 p.
Spinoza B. 2016. Etika [Ethics]. SPb.: Azbuka-klassika. Non-Fiction, 336 p.
Terborn J. 2021. Ot marksizma k postmarksizmu? [From Marxism to Post-Marxism?] M. Izd. Dom Vysshej SHkoly Ekonomiki. 256 p. (In Russ).
Althusser L. 1976. Essays in self-criticism, London: NLB, 224 p.
Hamza A. 2016. Lacan contra Althusser: Dialectical Materialism vs Nominalism. Vol. 1, Issue 1: What Does Intellectual Freedom Mean Today? A Provocation, 137-155 p.
Morfino V. 2014. Plural temporality: Transindividuality and the aleatory between Spinoza and Althusser. Brill: Leiden, 187 p.
Negri A. 2004. Subversive Spinoza. Manchester: Manchester University Press. 124 p.
Negri A. 2012. Some thoughts on the use of dialectics. African yearbook of rhetoric. Vol. 3(1):3–11 p.

Ninos G. 2023. The significance of the relation of the logical and the historical in Ilyenkov's approach to dialectics. Studies in East European Thought. Vol. 76:389–405 p.
Thomas P. 2002. Philosophical strategies: Althusser and Spinoza. Historical Materialism, 10(3):71–113 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Третьяк Артур Романович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artur R. Tretiak, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ
LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 128; 130.121, 82.091; 004.891.2
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-706-714
EDN BBGAEY

Датафикация как новая форма отчуждения: экзистенциальный разрыв и толстовский императив подлинности в цифровую эпоху

[1] Когай Е.А., [2] Кузнецов А.В., [1] Королева Л.Г.
[1] Курский государственный университет
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33
[2] Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
eakogay@mail.ru, kuzandr@mail.ru

Аннотация. В контексте антропологического кризиса цифровой эпохи, характеризующегося тотальной опосредованностью человеческого существования технологическими интерфейсами, философско-литературное наследие Л.Н. Толстого приобретает статус релевантного герменевтического инструмента. В работе показывается, как ключевые проблемы толстовской антропологии – поиск аутентичности, преодоление отчуждения и конфронтация с конечностью как ограниченностью и временностью земного бытия, получают новое конкретное воплощение в условиях доминирования алгоритмической рациональности и развития искусственного интеллекта. Анализ осуществляется через призму категорий философской антропологии, таких как «перформативная идентичность», «интерсубъективность», «редукция к данным» (датафикация) и «экзистенциальный разрыв». Прогностическая модель рассматривает развитие ИИ не как разрешение, а как радикализацию этих экзистенциальных противоречий, требующую нового прочтения толстовского императива «опрощения» как формы технологического аскетизма и утверждения нередуцируемой человеческой экзистенции.

Ключевые слова: философская антропология, Л.Н. Толстой, цифровая эпоха, неподлинное существование, датафикация, искусственный интеллект, ИИ, экзистенциальный разрыв, смысл жизни

Для цитирования: Когай Е.А., Кузнецов А.В., Королева Л.Г. 2025. Датафикация как новая форма отчуждения: экзистенциальный разрыв и толстовский императив подлинности в цифровую эпоху. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 706–714. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-706-714 EDN: BBGAEY

Datafication and Alienation: Existential Crisis and the Tolstoyan Pursuit of Authenticity in the Digital Era

[1] Evgeniya A. Kogay, [2] Andrey V. Kuznetsov, [1] Lyudmila G. Koroleva
[1] Kursk State University
33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russian Federation
[2] 2 I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
eakogay@mail.ru, kuzandr@mail.ru

Abstract. Within the context of the anthropological crisis of the digital age, which is characterized by the total mediation of human existence through technological interfaces, the philosophical and literary

© Когай Е.А., Кузнецов А.В., Королева Л.Г., 2025

heritage of Leo Tolstoy gains the status of a relevant hermeneutic tool. This paper demonstrates how the key problems of Tolstoyan anthropology – the quest for authenticity, the overcoming of alienation, and the confrontation with finitude – acquire a new embodiment under the dominance of algorithmic rationality and the development of artificial intelligence. The analysis is conducted through the lens of philosophical anthropology categories such as “performative identity”, “intersubjectivity”, “datafication”, and “existential gap”. The prognostic model views AI development not as a resolution but as a radicalization of these existential contradictions, necessitating a renewed reading of the Tolstoyan imperative of “simplification” as a form of technological asceticism and an affirmation of irreducible human existence.

Keywords: philosophical anthropology, Leo Tolstoy, digital age, inauthentic existence, datafication, artificial intelligence (AI), existential gap, meaning of life

For citation: Kogay E.A., Kuznetsov A.V., Koroleva L.G. 2025. Datafication and Alienation: Existential Crisis and the Tolstoyan Pursuit of Authenticity in the Digital Era. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 706–714 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-706-714 EDN: BBGAEY

Философско-антропологический проект Л.Н. Толстого, сфокусированный на дихотомии подлинного и неподлинного модусов существования, обнаруживает свою прогностическую силу при анализе антропологического кризиса цифровой эпохи, характеризующегося радикальной трансформацией онтологических оснований человеческого бытия-в-мире. Категориальный аппарат толстовской критики «общего шаблона» жизни и отчуждения предоставляет герменевтический инструментарий для деконструкции паттернов алгоритмически детерминированного поведения, цифровой симуляции интерсубъективности и редукции экзистенциальной субъективности к операционализируемым данным (датафикации). В контексте тотальной кибернетизации жизненного мира, где доминирование инструментального разума достигает апогея в формах искусственного интеллекта и предиктивной аналитики, толстовская проблематика обретает новое измерение. Его экзистенциальный императив обретения «внутреннего света» противостоит процессам формирования перформативной идентичности, опосредованной цифровыми платформами, и антропологическому уплощению, индуцированному метризацией человеческих качеств.

Наше исследование позиционирует нарративы Л.Н. Толстого как критический метаязык, применяемый в анализе эпистемологических и онтологических рисков технологической среды, включая эрозию автономии воли, кризис аутентичности и симуляцию трансцендентного в проектах цифрового бессмертия. Для верификации данной методологической установки представляется эвристичным обращение к конкретным текстам писателя. Через призму таких произведений, как «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната» и «Исповедь», выявляется структурное соответствие между этикой социальной конформности и современной логикой алгоритмического управления, что позволяет концептуализировать технологический аскетизм как форму сопротивления цифровой гетерономии и утверждения нередуцируемой экзистенциальной правды перед лицом нарастающей симуляции реальности.

Так, в «Исповеди» и «Смерти Ивана Ильича», неподлинное существование манифестируется как жизнь по «общему шаблону» социума, где индивид оказывается редуцирован до своей социальной роли, что может быть интерпретировано как подчинение Dasein безличному диктату das Man (Хайдеггер). Л.Н. Толстой довольно прямо и глубоко философски манифистирует понятие «жизни по шаблону, описывая свое собственное прозрение: «Я тотчас же убедился, во-первых, в том, что это не детские и глупые вопросы, а самые важные и глубокие вопросы в жизни. <...> Для людей моего круга есть четыре выхода из того ужасного положения, в котором мы все находимся.

Первый выход есть выход неведения… Второй выход – это выход эпикурейства. Он состоит в том, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамест теми благами, какие есть… Этого второго вывода придерживается большинство людей нашего круга... Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах» [Толстой 1991, Исповедь II]. «Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусства – все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысла в этом нельзя» [Толстой 1991, Исповедь X]. Здесь Л.Н. Толстой приходит к выводу, что окружающие его люди живут автоматически, следуя социальным ритуалам и условностям («как живут все»), не задаваясь экзистенциальными вопросами. Эта жизнь – «баловство», лишенное подлинного смысла. Экзистенциальный кризис героев возникает как результат осознания онтологического разрыва между конституирующим ядром самости и ее публичной персоной, где последняя представляет собой конформистский конструкт, лишенный экзистенциальной глубины.

Вместе с тем, жизнь по «общему шаблону» в «Смерти Ивана Ильича» показана уже не через философские рассуждения, а через трагическую судьбу конкретного человека: «Жизнь Ивана Ильича и в новом городе сложилась очень приятно… Жизнь Ивана Ильича продолжала итти так, как он считал, что она должна была итти: приятно и прилично» [Толстой 1992, с. 76]. В рукописи Л.Н. Толстого мы обращаем внимание на один из возможных вариантов: «Оказалось, что жена была ревнива, скупа, безтолкова и что въ домашней жизни ничего не выходило, кромѣ тяжести и скуки. Придать жизни съ ней веселый, пріятный и приличный характеръ не было никакой возможности. Это былъ первый ухабъ, въ который заѣхала катившаяся такъ ровно до тѣхъ поръ жизнь Ивана Ильича» [Толстой, 1992, с. 521].

Создается впечатление, что Л.Н. Толстой, описывая жизнь Ивана Ильича самой простой и обыкновенной, считает именно потому ее самой ужасной. Рассуждая о его жизни как довольно скучной, Л.Н. Толстой связывает данную установку с негативными эмоциями и чувствами, описывая состояние как противное, что он (Иван Ильич) готов был бросить всё, но его удерживало сознание того, что он делает то, что все делают, и что поэтому это, должно быть, так и нужно. Здесь мы видим, что Л.Н. Толстой указывает на тот «общий шаблон» в мыслях Ивана Ильича, который был усвоен им с детства и который состоял в том, что жизнь должна быть приятна, прилична и одобряема обществом. Да он и есть, в сущности, воплощение «общего шаблона», ведь Иван Ильич выбирает карьеру, брак, образ жизни, руководствуясь не внутренними убеждениями, а тем, «как принято», «что все одобряют». Этот шаблон становится ловушкой, которая заслоняет от него подлинность бытия и обрекает на духовную пустоту, которая с ужасом открывается ему перед лицом смерти.

Идеальной метафорой подлинного бытия, которое исследуется как антитеза отчуждению, вызванному датафикацией, сопряжена с номотетической литературой, которая «в думающем слове прозревает, выражает и любит истину и законы жизни. Она всегда – в уединении, в любящем и тихом разговоре с самим собой мыслящим. И собой – другим, с другим – как с собой. И её предельное выражение – не в писании букв и слов, а в жизни: она живёт так, будто своей жизнью пишет один и тот же текст, который и растворяется в молчаливом приятии собственной судьбы и жизни...» [Римский, 2023, с. 628]. Эта цитата служит ключевыми феноменологическим маркером, позволяющим перейти от литературного примера к строгому философскому обобщению. Толстовское описание жизни «как все» и ее экзистенциального краха является прямым предвосхищением центральных категорий экзистенциальной философии: неподлинности, отчуждения и бытия-к-смерти. Поэтому его критика «общего шаблона» может быть интерпретирована как фундаментальная деконструкция неподлинного модуса

человеческого бытия, обусловленного тотальной социальной гетерономией. Л.Н. Толстой фактически предвосхищает ключевые интуиции экзистенциальной аналитики Хайдеггера, демонстрируя, как экзистенциальный проект личности, по своей сути призванный к трансцендированию и автономному смыслопорождению, редуцируется до миметического воспроизводства навязанных извне паттернов – того, что «одобряется обществом» и признается тем, «как все живут». Этот процесс приводит к системной реификации человеческой субъективности: индивид, делегирующий свой экзистенциальный выбор анонимному авторитету «они» (das Man), утрачивает способность к Selbstsein (быть самим собой), погружаясь в состояние онтологической забывности. Неподлинность, таким образом, проявляется не просто как моральный недостаток, но как форма радикального отчуждения, при которой бытие подменяется функционированием в рамках социальной или – в современном контексте – технологической системы. Именно этот механизм Л.Н. Толстой с беспощадной точностью вскрывает в «Смерти Ивана Ильича», где жизнь, выстроенная в строгом соответствии с внешними, конвенциональными критериями успеха, оборачивается экзистенциальной катастрофой в момент столкновения с конечностью. Смерть здесь выступает как категорический императив аутентичности: она размыкает рутину повседневности, обнажая пропасть между бытием-к-смерти (Sein-zum-Tode) и существованием в режиме «общего шаблона». Следовательно, толстовский проект обретения «внутреннего света» может быть прочитан как герменевтический призыв к экзистенциальному пробуждению – сознательному отвержению гетерономных детерминаций и утверждению себя в качестве субъекта, несущего ответственность за придаваемый жизни смысл перед лицом ничто. В этом аспекте наследие Л.Н. Толстого оказывается не только диагнозом кризиса, порожденного социальной конформностью XIX века, но и универсальным ключом к критике любых форм отчуждения человеческой экзистенции, включая современные практики её алгоритмической оптимизации и датафикации.

И здесь нам представляется принципиально важным, что в условиях цифрового технологического уклада данный разрыв приобретает тотальный и гипертрофированный характер. Социальные платформы институционализируют перформативную идентичность (Дж. Батлер) в качестве доминирующего модуса бытия-в-сети, тем самым радикализируя толстовскую диагностику. Конституирование «Я» происходит здесь через непрерывный акт курирования цифрового следа – лайков, постов, репостов, – который ориентирован исключительно на внешний алгоритмический и социальный запрос. Следовательно, толстовский вопрос о «истинной жизни» трансмутирует в проблему цифровой аутентичности, ставя под сомнение онтологический статус антропологического опыта в аспекте онлайн-самости: является ли она экспликацией внутреннего мира или же результатом конформного подчинения интерфейсным императивам.

Более того, алгоритмы рекомендаций, функционирующие в роли своего рода технологического бессознательного, не просто пассивно отражают предпочтения пользователя, но активно формируют его желание и вкус. Этот процесс ставит под сомнение саму возможность автономного самоопределения, поскольку символический порядок (Лакан) и аффективные паттерны индивида все в большей степени детерминируются внешней технической средой. В данном контексте практика толстовских героев, таких, например, как Пьер Безухов в романе-эпопее «Война и мир», примеряющего различные идентичности в поисках себя, находит свою предельную и одновременно завершенную реализацию. Духовная эволюция Пьера Безухова представляет собой процесс трансценденции за пределы отчужденного существования. Его прежняя жизнь, детерминированная внешними социальными ритуалами и анонимной властью das Man, сменяется решительным поворотом к аутентичности. Этот поворот

выражается в радикальной смене темпорального режима: Пьер начинает проживать время не как проект будущего или бремя прошлого, а как настоящее-присутствие (Хайдеггер), обретая полноту бытия в каждом актуальном моменте. В эпилоге мы видим героя, достигшего состояния экзистенциальной уверенности и гармонии с жизненным миром, где семья выступает как онтологическое основание его подлинной самости. В отличие от онтологического поиска Пьера Безухова, чей путь к аутентичности лежал через отказ от несобственного бытия, цифровой перформанс делает смену идентичностей не экзистенциальным поиском, а технически опосредованной и перманентной симуляцией, где профили в социальных сетях становятся симулякрами (Бодрийяр), окончательно замещающими как антропологический опыт, так и его когнитивную структуру подлинной самости.

Таким образом, можно констатировать, что цифровая среда доводит логику неподлинного существования, описанную Л.Н. Толстым, до своего апогея, порождая новые формы отчуждения. Речь идет уже не только об отчуждении от природы или труда, но об отчуждении от собственного цифрового двойника в процессе датафикации, когда человеческая экзистенция редуцируется до машиночитаемых данных. Здесь термин датафикация применяется нами для того, чтобы далее мы имели возможность говорить о том, что происходит, когда данные становятся частью социальных процессов. В данном случае, по нашему мнению, это приводит к распаду подлинной интерсубъективности, которая замещается транзакционным обменом сигналами, и к реификации (Лукач) социальных отношений (превращение абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены), которые овеществляются в метриках подписчиков и просмотров. Следовательно, наследие Л.Н. Толстого предоставляет не просто историческую параллель, но и строгий герменевтический инструмент для критики современности, указывая на необходимость выработки практик цифровой аскезы как осознанного сопротивления этой новой форме онтологического отчуждения.

Наряду с этим, анализируя современную цифровую проблематику через призму текстов Л.Н. Толстого, можно выявить ряд глубоких аллюзий, раскрывающих экзистенциальные и антропологические вызовы технологической эпохи. Использование аллюзий в анализе цифровой проблематики через призму творчества Л.Н. Толстого является не просто стилистическим приемом, но методологически и герменевтически оправданным подходом. Далее укажем на возможные ключевые причины его уместности.

Во-первых, в качестве общей основы для установления диалога между эпохами определим критику «неподлинности», ведь Л.Н. Толстой является мастером критики социальной мимикрии, где человек теряет себя в ритуалах и условностях среды («Смерть Ивана Ильича», «Анна Каренина»). Современная цифровая культура гипертрофировала эту проблему: лайки, сторис, виральность стали новыми формами социального ритуала, где алгоритмы выступают механизмом принуждения к конформизму. Аллюзия на произведения Л.Н. Толстого позволяет показать, что технологический уклад не создал новую природу человека, но вывел старые конфликты на иной уровень, сделав их тотальными. Аллюзии работают как оптический инструмент: они позволяют сфокусировать размытые современные явления через четкие толстовские образы. Например, «цифровой» Иван Ильич – пользователь, выстраивающий идеальный профиль, но испытывающий экзистенциальный кризис при столкновении с реальностью (например, кибербуллинг – провал проекта, digital death / цифровая смерть – удаление аккаунта). Для нас это не просто сравнение, а метод анализа, раскрывающий суть явления через его архетипическую форму. Наряду с этим дискуссии о цифровой эпохе часто сводятся к технократическому фатализму: «алгоритмы правят миром». Аллюзии на произведения Л.Н. Толстого позволяют нам вернуть в центр рефлексии человеческое измерение. Иными словами, Толстой показывает, что проблема не в институтах самих по себе (светское общество XIX века – цифровые платформы сегодня), а в способе существования человека

внутри них – в отказе от аутентичности. Это, в свою очередь, смещает фокус с «проклятия технологий» на этический выбор личности, что созвучно современной философии техники (Боргман, Айрис). Вместе с тем Толстой – не просто философ, но художник, обращающийся к экзистенциальному опыту. Аллюзии на его тексты вызывают эмоциональный отклик (узнавание сюжетов «Смерти Ивана Ильича» или «Крейцеровой сонаты»), придают анализу этическую напряженность, отсутствующую в сухих технических отчетах. Это позволяет говорить о цифровых проблемах не как о «багах системы», а как о трагедиях человеческого духа, что критически важно для их осмысления. Кроме того, цифровая эпоха часто мифологизируется как «неизбежное будущее». Л.Н. Толстой же в «Исповеди» разоблачает миф о прогрессе как цели истории. Его аллюзии обнажают, что технологические изменения не отменяют экзистенциальные вопросы (смерть, смысл, одиночество), а лишь маскируют их под лозунгами «удобства» и «инноваций». Это позволяет демистифицировать нарративы силиконовой долины, показав их как новую версию старой игры по правилам das Man (Хайдеггер), то есть человека, «не имеющего собственного лица». В «Смерти Ивана Ильича» Л.Н. Толстой обнажает парадокс: его герой, проживший «правильную» с точки зрения света жизнь, перед лицом небытия осознаёт, что она была «не то». Эта жизнь, выстроенная из карьерных ступеней, светских условностей и комфорта, оказалась глубоко неискренней, порождающей чудовищный экзистенциальный вакуум. В современном контексте эту роль «не той» жизни выполняет цифровая симуляция. Социальные платформы становятся новым интерфейсом для конструирования идеального, одобряемого алгоритмами существования. Лайки, комментарии, количество подписчиков и виртуальное признание создают иллюзию насыщенной и состоявшейся жизни – ровно ту же, что и успешная карьера Ивана Ильича в суде. Но за этим глянцевым фасадом, как и за фасадом жизни толстовского персронажа, часто скрывается та же пустота. Блогер, выстраивающий идеальную картинку путешествий, счастья и успеха, может испытывать тот же леденящий ужас от осознания искусственности своего существования, что и толстовский герой на диване. Его «я» распадается на два: куратор идеального цифрового двойника и одинокий человек, жаждущий подлинности. Цифровая платформа становится таким же «защитным барьером» от экзистенциальных вопросов, каким для Ивана Ильича была его служба и игра в винт. И так же, как и ему, современному человеку в тишине ночи или в момент кризиса может открыться страшная правда: что его «насыщенная» цифровая жизнь была лишь симуляцией, уводящей от подлинного бытия и подлинной встречи с собой и другими. Это и есть экзистенциальное одиночество 2.0, усугублённое тем, что даже его нельзя прожить аутентично, не превратив в контент.

Во-вторых, проецируя толстовскую проблематику на новый онтологический ландшафт, мы обнаруживаем, что поиск идентичности в мире алгоритмов обретает черты пути Пьера Безухова, чье экзистенциальное странствие по разным философским и социальным «системам» прямо коррелирует с современной попыткой личности выстроить аутентичное существование в цифровой среде, перенасыщенной чужими сценариями. Эти цифровые формы отчуждения ведут к парадоксу, который можно выразить почти поэтически: мы, множа лики, теряем в итоге себя, в чужих зеркалах стирая свои черты. Этот процесс напрямую коррелирует с толстовской критикой жизни по «общему шаблону», где подлинное «Я» оказывается подменено набором предписанных ролей. Пьер Безухов, проходя через масонские ложи, филантропию, светские рауты и духовные кризисы, ведёт подлинный поиск. Его примерка ролей – это мучительный, но искренний процесс самопознания, диалог с миром и с самим собой. Каждая новая идентичность – это не просто маска, а ступень, ведущая его через страдание и разочарование к обретению внутреннего стержня, к той нравственной ясности и простоте, которые он обретает к финалу романа. В цифровом же пространстве алгоритмы платформ поощряют перформативный шизофренический бред. Пользователь не ищет себя, а реагирует на

внешние сигналы одобрения (лайки, просмотры, репосты). Сегодня он, скажем, «активист», потому что это трендово, завтра он занимается карьерным коучингом и так далее, потому что этот образ в контенте набирает охваты. Эти маски не имеют глубины, они лишены экзистенциального стержня. Это не этапы пути, а сиюминутные товары на рынке внимания. Однако ключевое различие осуществляется в онтологической укоренённости. Путь Пьера укоренён в реальном опыте, страдании, рефлексии и в конечном счёте – в обретении ответственности (перед собой, семьёй, страной). Цифровой перформанс, напротив, подрывает всякую укоренённость. Идентичность становится текучей, фрагментированной, зависящей от конъюнктуры алгоритмической ленты. Это ведёт не к интеграции «Я», а к его диссоциации, к потере самого вопроса «Кто я?», который заменяется вопросом «Какой образ сейчас вызовет больше одобрения?».

Таким образом, если путь Пьера мы видим в диалектическом восхождении к себе через отрицание ложных идентичностей, то цифровая игра превращается в бегство по горизонтали от самого себя в бесконечный зеркальный лабиринт чужих взглядов и алгоритмических предписаний.

Проблема технологического опосредования человеческих отношений находит свое развитие в следующей аллюзии – обращении к повести «Крейцерова соната». В «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстой откровенным образом обличает страсть как слепое, животное начало, которая подменяет собой истинную, духовную любовь и разрушает всякую возможность подлинной близости между людьми: «Период любви – период злобы; энергический период любви – длинный период злобы, более слабое проявление любви – короткий период злобы. Тогда мы не понимали, что эта любовь и злоба были то же самое животное чувство, только с разных концов» [Толстой, 2006, VII, с. 21]. В любви мы видим что-то высокое и поэтическое. Но, указывая нам на любовь Позднышева, Л.Н. Толстой объявляет ее грубой физиологической потребностью, «животным» инстинктом, не имеющим ничего общего с истинным, духовным чувством. Сегодня эту разрушительную роль всё чаще берут на себя технологии, выступая новым опосредующим и разъединяющим интерфейсом. Свидания, сведённые к механическому свайпу в приложениях для романтических знакомств, дружба, редуцированная до лайков и формальных поздравлений в социальных сетях, семейное общение, заключённое в холодный прямоугольник видео-конференц-связи (ВКС), – всё это формы транзакционализации человеческих связей.

Как и страсть у Толстого, разрушающая подлинную близость и общение, технологический интерфейс предлагает суррогат – иллюзию связи, за которой скрывается эмоциональное отчуждение. Он заменяет живой, спонтанный, полный невербальных нюансов диалог на обмен сигналами (сообщениями, эмодзи, реакциями). Это та же подмена, ведущая к той же пустоте: видимость общения при тотальном одиночестве души, не услышанной и не увиденной по-настоящему: «Ведь мы ненавидели друг друга уже тогда, когда нас влекла друг к другу эта животная страсть. Я не знал тогда, что эта ненависть есть только обратная сторона животной страсти. Мы воображали, что ненавидим друг друга потому, что мы были так разны. А это было не так. Эта ненависть была не что иное, как протест человеческой природы против того животного, которое подавляло ее» [Толстой, 2006, VIII, с. 15]. Страсть не только не является основой для близости, но и прямо противоположна ей. Она порождает ненависть, так как низменное животное начало в человеке вступает в конфликт с его духовной, человеческой природой. Подлинное общение и понимание становятся невозможными. Таким образом, технология, подобно слепой страсти, парадоксальным образом становится не мостом к подлинной близости, а стеной, возведенной между индивидуумами. Она создает иллюзию связи, опосредуя ее алгоритмами, рейтингами и перформативными практиками, которые подменяют живой диалог его симулякром.

Эта мысль находит свое кристаллическое выражение в аллюзии на «Крейцерову сонату» Л.Н. Толстого: «И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом, – вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом» [Толстой, 2006, XXIII, с. 29]. Позднышев обвиняет музыку (в частности, «Крейцерову сонату» Бетховена) в том, что она не возвышает душу, а, наоборот, пробуждает в ней самые темные, животные инстинкты, снимая культурные запреты и условности. Она выступает как мощный инструмент разжигания той самой слепой страсти, которую он ненавидит. Мысль о невозможности подлинных отношений на этой основе мы обнаруживаем у Л.Н. Толстого: «А мы были два ненавидящих друг друга колодника, связанных одной цепью, отравляющие жизнь друг другу и старающиеся не видать этого» [Толстой, 2006, XVII, с. 21]. Ибо страсть приводит не к союзу душ, а к созданию тюрьмы. Брак, основанный на ней, – это каторга, где два человека, ненавидящие друг друга, вынуждены существовать вместе, не имея духовной связи. Это полная противоположность подлинной близости, которая, по мнению Л.Н. Толстого, должна основываться на духовном и нравственном единстве, а не на физическом влечении.

Эти цитаты из уст Позднышева (являющегося рупором идей позднего Л.Н. Толстого) последовательно доказывают, что страсть – это обманчивая и разрушительная сила. Она маскируется под любовь, но на деле является лишь животным инстинктом, который разобщает людей, отравляет их отношения и делает невозможным истинное, духовное соединение личностей. И если в повести слепая, чувственная страсть героев, опосредованная музыкой, приводит к трагическому разобщению, убийству и духовной смерти, то в современном контексте роль этой роковой «сонаты» играет технологическая среда. Она точно так же опосредует отношения, доводя их до абсурда: бесконечная коммуникация оборачивается глухотой, а доступность – тотальным одиночеством, обнажая ту же толстовскую проблему подмены подлинного человеческого соединения его суррогатом, ведущим к отчуждению.

Список литературы

Римский В.П., Римская О.Н. 2023. Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 48(3): 623–631.

Толстой, Л.Н. Исповедь; В чем моя вера? / Л.Н. Толстой; [Вступ. ст. А. Меня, с. 5-31; Послесл. А. Панченко, с. 346-360; Подгот. текста и коммент. Г. Галаган]. – Ленинград: Худож. лит : Ленингр. отд-ние, 1991. – 410 с.

Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // Полное собрание сочинений / под общ. ред. В. Г. Черткова. – Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. – М.: Терра, 1992. Т. 26: [Произведения, 1885-1889. Т. 26 / ред. П. В. Булычев и др.]. 1992. IX, 948 с.

Толстой Л.Н. Варианты к «Смерти Ивана Ильича» // Полное собрание сочинений [Текст] / под общ. ред. В.Г. Черткова. – Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. М.: Изд. центр «Терра», 1992. Т. 26: [Произведения, 1885-1889. Т. 26 / ред. П. В. Булычев и др.]. 1992. IX, 948 с.

Толстой, Л. Н. Крейцерова соната: [повесть, рассказы] / Лев Николаевич Толстой. М.: Мир книги: Литература, 2006 (Ярославль: Ярославский полиграфкомбинат). VII. 495 с.

References

Rimskiy V.P. Rimskaya O.N. 2023. Molchaniye avtora: avtor i tekst. rech i pismo. diskurs i ponimaniye. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*: 623–631.

Tolstoy, L.N. Ispoved; V chem moya vera? / L.N. Tolstoy; [Vstup. st. A. Menya. s. 5-31; Poslesl. A. Panchenko. s. 346-360; Podgot. teksta i komment. G. Galagan]. – Leningrad: Khudozh. lit : Leningr. otd-niye. 1991. 410 s.

Tolstoy L.N. Smert Ivana Ilicha // Polnoye sobraniye sochineniy / pod obshch. red. V. G. Chertkova. – Reprintnoye vospr. izd. 1928-1958 gg. – M.: Terra. 1992. T. 26: [Proizvedeniya. 1885-1889. T. 26 / red. P. V. Bulychev i dr.]. 1992. IX. 948 s.

Tolstoy L.N. Varianty k «Smerti Ivana Ilicha» // Polnoye sobraniye sochineniy [Tekst] / pod obshch. red. V.G. Chertkova. – Reprintnoye vospr. izd. 1928-1958 gg. – M. : Terra. 1992. T. 26: [Proizvedeniya. 1885-1889. T. 26 / red. P. V. Bulychev i dr.]. 1992. IX. 948 s.

Tolstoy. L. N. Kreytserova sonata: [povest. rasskazy] / Lev Nikolayevich Tolstoy. – M.: Mir knigi: Literatura. 2006 (Yaroslavl: Yaroslavskiy poligrafkombinat). VII. 495 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Когай Евгения Анатольевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии, Курский государственный университет, г. Курск, Россия.

Кузнецов Андрей Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Королева Людмила Георгиевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya A. Kogay, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology at Kursk State University, Kursk, Russia.

Andrey V. Kuznetsov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Information and Computer Technologies in the Operations of Internal Affairs Agencies, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Lyudmila G. Koroleva, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.42
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-715-724
EDN BHKHPX

Трансформация социально-технологической культуры личности под влиянием изменения социальных технологий в дигитализированном обществе

Бабинцев В.П., Серкина Я.И., Дерин М.О.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
babintsev@bsuedu.ru, serkina_ya@bsuedu.ru, derin-m@mail.ru

Аннотация. В результате развития процесса цифровизации сформировался новый феномен конвергентных технологий. Они изменили социальную реальность, поставили успешность в зависимость от его технологической компетентности и технологического мышления. Однако, несмотря на значительное количество научных работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных конвергентным технологиям, практически не исследованной остается проблематика социально-технологической культуры личности, ее динамики в современной гибридной реальности. Тем не менее без ясного представления о модификации этого важного компонента общей культуры человека невозможно прогнозировать перспективы развития современного общества. Цель исследования заключается в выявлении модификаций социально-технологической культуры личности, обусловленных метаморфозами социальных технологий в цифровом (дигитализированном) социуме. Социально-технологическая культура личности определяется как система качеств, детерминирующих способность человека осмыслить, оценить и использовать социальные технологии. Показано, что состояние социально-технологической культуры личности в решающей степени зависит от содержания и структуры социальных технологий. В исследовании впервые определяются особенности формирования новой конвергентной технологической культуры: корректная технологическая семантика, обоснованный реализм, «умное» действие, развитие.

Ключевые слова: социальные технологии, цифровизация, цифровые технологии, конвергентные технологии, социально-технологическая культура, конвергентная технологическая культура, алгоритм, искусственный интеллект, ИИ

Для цитирования: Бабинцев В.П., Серкина Я.И., Дерин М.О. 2025. Трансформация социально-технологической культуры личности под влиянием изменения социальных технологий в дигитализированном обществе. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 715–724. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-715-724 EDN: BHKHPX

© Бабинцев В.П., Серкина Я.И., Дерин М.О., 2025

Transformation of a Person's Socio-Technological Culture Under the Influence of Changes in Social Technologies in a Digitalized Society

Valentin P. Babintsev, Yana I. Serkina, Maxim O. Derin
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
babintsev@bsuedu.ru, serkina_ya@bsuedu.ru, derin-m@mail.ru

Abstract. As a result of the development of the digitalization/digitalization process, a new phenomenon of convergent technologies has emerged. These technologies have changed the social reality, making success dependent on the technological competence and technological thinking. However, despite a significant number of scientific papers by domestic and foreign authors devoted to convergent technologies, the problems of socio-technological culture of personality and its dynamics in modern hybrid reality remain practically unexplored. Without a clear understanding of the modification of this important component of the general human culture, it is impossible to predict the prospects for the development of modern society. The purpose of the study is to identify the modifications of the socio-technological culture of a personality caused by the metamorphoses of social technologies in a digital (digitalized) society. The socio-technological culture of a personality is defined as a system of qualities that determine a person's ability to comprehend, evaluate and use social technologies. It is shown that the state of a person's socio-technological culture depends crucially on the content and structure of social technologies. For the first time, the study identifies the features of a new convergent technological culture formation: correct technological semantics, grounded realism, "smart" action, and development.

Keywords: social technology, digitalization, digital technologies, convergent technologies, socio-technological culture, convergent technological culture, algorithm, artificial intelligence, AI

For citation: Babintsev V.P., Serkina Ya.I., Derin M.O. 2025. Transformation of a Person's Socio-Technological Culture Under the Influence of Changes in Social Technologies in a Digitalized Society. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 715–724 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-715-724 EDN: BHKHPX

Введение

Современное общество, вопреки утверждениям некоторых идеологов постмодернизма становится все более рациональным и прагматичным. Одним из проявлений этого процесса является технологизация различных сфер общественной и личной жизни человека, поскольку именно технологии, представляющие собой поэтапные и постепенные преобразования природных, технических и социальных объектов, которые должны сопровождаться постоянной рефлексией опыта познания, наиболее адекватно выражают суть рационального отношения к миру. Приняв рационализм в качестве базовой установки сознания, мыслящий человек не только с неизбежностью придет к идее использования технологий для выполнения процедур и операций в производственной сфере, но и задумается о возможности применить их в отношениях с другими людьми. Как он отнесется к этой идее и будет ли пытаться ее реализовать на практике, зависит от многих факторов. Один из них – уровень социально-технологической культуры личности, которую в самом общем виде можно определить как знания о процедурах и операциях оптимизации отношений с согражданами и комплекс способностей использовать эти знания для достижения индивидуальных, групповых целей, а в отдельных (редких) случаях даже в интересах всего общества.

Понятие «социально-технологическая культура» довольно давно используется в научной литературе и публичном дискурсе, хотя до настоящего времени его трактовки отдельными авторами довольно существенно различаются [Стенюшкина, 2017]. В какой-то мере это объяснимо, поскольку социально-технологическая культура динамична и модифицируется под воздействием множества факторов. Вполне естественно, что к числу наиболее значимых среди них относится фактор социальных технологий. Наиболее существенные трансформации социально-технологической культуры имеют место тогда, когда меняются базовые социальные технологии, а вслед за ними – весь социально-технологический уклад общества. Именно такой переход мы наблюдаем в настоящее время, и связан он с массовым внедрением цифровых технологий.

Интеграция технологий, которую в последнее время определяют как их конвергенцию, является объектом внимания зарубежных [Michaud, 2021; Chen, 2025] и российских [Ястреб, 2012; Кудашов, 2014] исследователей. Для определения нового класса технологий обычно используется аббревиатура NBICS; в русскоязычном варианте – НБИКС (нано-, био-, инфо-, когнито-, социотехнологии). Впрочем, единой трактовки феномена конвергентных технологий пока нет. Так, Дирк Хелбинг и Марчелло Иенки подчёркивают, что современные конвергентные технологии – это нанотехнологии, нейротехнологии, робототехника. Если они изначально были разрозненными, то в настоящее время становятся взаимосвязанными [Helbing, 2024]. Т. Мишо рассматривает ключевые траектории развития инновационных технологий в ближайшие десятилетия, прогнозируя революционные изменения виртуальной реальности, нейросвязи, здравоохранения и космической отрасли [Michaud, 2021]. Исследователи акцентируют внимание на влиянии конвергенции технологий на межотраслевую коэволюцию, развитие интеллектуальных систем и технологических инноваций, а также на социальные и экономические изменения [Suppl, 2021; Latzer, 2022; Fasoli, 2023; Guo, 2025]. Однако остаются практически не изученными последствия технологических изменений для культурного капитала личности, в частности для его социально-технологической компоненты.

Цель исследования заключается в выявлении модфикаций социально-технологической культуры личности, обусловленных метаморфозами социальных технологий в цифровом (дигитализированном) социуме.

Методы исследования

Исследование носит теоретический характер, хотя в ретроспективном плане опирается на ряд эмпирических исследований, проведенных представителями белгородской школы социальных технологов. Авторы имели возможность проанализировать диссертации, защищенные в диссертационном совете БелГУ 19.09 по специальности «Социология управления» за последние 20 лет, в которых в той или иной мере рассматривалась проблематика социальных технологий.

Изложенные в статье выводы опираются на теорию социального действия М. Вебера, не исчерпавшую своего эвристического потенциала в современном обществе. В частности, по-прежнему значим веберовский вывод о том, что характерной чертой социальных практик в рациональной модели общественной организации становится ориентация индивида «на цель, средства и побочные результаты его действий» [Вебер, 1990], то есть на элементы, присущие любой социальной технологии. Именно они делают технологию востребованной во всех случаях, когда наличествуют сходные условия бытия человека. При этом авторы считают необходимым учитывать дополнительный фактор, стимулирующий внедрение социальных технологий: формирование новой гибридной реальности с ее сложными «социотехническими» [Trist, 1951] или социобиотехническими системами (СБТ-системами).

Результаты исследования

Поскольку социально-технологическая культура личности наглядно проявляется в процессе практического использования социальных технологий, необходимым условием для понимания ее специфики является ясное представление о содержании последних, которое не может не изменяться в динамично развивающемся цифровом или по меньшей мере эволюционирующем в данном направлении обществе. В новых условиях для понимания сущности социальных технологий как области знаний и социальной инженерии, практики их использования недостаточно ссылок на выводы, сделанные несколько десятилетий назад. В то время многие, связанные с определением теории социальных технологий в рамках социологической науки процессы еще не проявили себя в развернутом виде [Ефременко, 2019]. Массовое внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни, как отмечал О.Н. Яницкий [2018], сформировало множество новых вызовов к социально-гуманитарному знанию. Часть из них фокусируется на теоретических аспектах технологий социального управления и социального взаимодействия. В частности, возникла необходимость понять, в каком отношении новые технологии находятся с традиционными социальными технологиями; не ведут ли они к пересмотру их концепции, основы которой были заложены еще К. Поппером и Р. Паундом. Именно эта концепция стала популярной в России в конце прошлого века, после выхода русских изданий книг болгарских авторов М. Маркова [1982] и Н. Стефанова [1976].

Проблемы, возникшие в связи с динамичными изменениями технологий, осложнили два важных обстоятельства. Первое связано с тем, что вызовы цифровизации/дигитализации, как опять же отмечал О.Н. Яницкий [2018, с. 8], были адресованы не только науке, но самой сущности социального. Так, они заставили по-новому взглянуть на проблему субъектов социального действия. В их составе выделилась группа акторов, которые могут определяться лишь с добавлением термина «техно-», но при этом создают и используют алгоритмы, оказывающие огромное влияние на поведение людей. Необходимо было встроить применяемые техносубъектами практики в социально-техническую картину реальности. Но, и в этом заключалось второе важное для понимания сути возникших проблем обстоятельство, теория социальных технологий за последние два-три десятилетия развивалась крайне нестабильно, стагнировала, и в ее рамках не были сформулированы доказанные, принципиально новые положения, которые можно было бы использовать для объяснения дигитализационных процессов. В.В. Щербина имел все основания утверждать, что предметное поле теории социальных технологий содержит ограниченное число «конвенционально согласованных представлений» [Щербина, 2014, с. 114].

Важно, что дефицит прорывных концептуальных идей проявился в отношении фундаментальных понятий теории социальных технологий и прежде всего – дефиниции феномена социальной технологии. Ученые до настоящего времени чаще всего оперируют ее определением, предложенным еще Л.Я. Дятченко, который писал о социальной технологии как о «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» [Дятченко, 1993, с. 52]. Но если для времени публикации его работы этого определения было достаточно, то с учетом специфики 20-х годов нашего столетия оно требует уточнения и дополнения. Это предопределяет необходимость пересмотра многих теоретических положений, связанных с разработкой и реализацией социальных технологий. Одним из них и является вывод о существовании социально-технологической культуры личности, которую И.В. Бурмыкина [2009] определила в свое время как «паттерн базовых представлений, ценностей и технологий организации познавательной и преобразовательной социальной деятельности».

Довольно очевидно, что ключевым при обсуждении рассматриваемых вопросов является понятие социальной технологии, которое чаще всего раскрывается через понятие алгоритма. «Социальная технология, – обоснованно пишут Л.А. Лесина и Л.Д. Забокрицкая, – это форма управленческого воздействия на объект, связанная с получением заданного результата и отличающаяся наличием практической цели, алгоритма действий и стандартов, обеспечивающих воспроизводство этого результата... – И, довольно точно воспроизводя традиционную точку зрения, поясняют: – В представленном определении социальной технологии следует выделить три существенных момента: наличие совокупности этапов, процедур и операций; моделирование определенной последовательности операций; определение способов операций» [Лесина, Забокрицкая, 2021, с. 30].

Устоявшаяся интерпретация социальной технологии предопределяла весьма конкретную трактовку сущности социально-технологической культуры. Она выстраивалась по следующей логической схеме: 1) существует особая область знаний о процедурах и операциях оптимизации общественных процессов (социальные технологии); 2) на ее основе выстраивается комплекс практик (социальная инженерия); 3) все те качества, что определяют способность человека осмыслить, оценить и использовать социальные технологии, представляют собой его социально-технологическую культуру; 4) перечень этих качеств может быть довольно пространным, но в него обязательно включаются: наличие потребностей и интересов, связанных с использованием социальных технологий; наделение их ценностным содержанием; мотивация к использованию; знание предмета; навыки практической реализации.

Дигитализация потребовала внести в эту логическую цепочку коррективы, необходимость которых определялась наличием двух уровней конвергенции. Первый уровень – конвергенция социальных и цифровых технологий, установившая взаимосвязь и взаимозависимость между ними. Отныне социальная технология, во всяком случае если она используется в управлении, практически немыслима без цифрового элемента. Это значит, что социальные и цифровые процедуры и операции начинают применяться синхронно, обеспечивая достижение синергетического эффекта. Взаимосвязь и взаимное проникновение технологий, о чем писал еще М. Кастельс [2001] в своей концепции информационного общества, ведут к тому, что логика традиционных индустриальных моделей замещается логикой новых сетевых информационных потоков. Это породило новый класс технологий, объединяющих процедуры социальных и цифровых изменений, их можно было бы определять как «инфосоциальные». Но данный термин не вполне корректен, поскольку и те, и другие интегрированы еще и с процедурами, изменяющим и физическую реальность, поэтому точнее будет характеризовать их как гибридные. Второй уровень конвергенции выразился в интеграции гибридных социальных технологий с биологическими, когнитивными и нанотехнологиями и формировании кластера конвергентных НБИКС-технологий, ядром которого становится искусственный интеллект.

Вследствие произошедших изменений с неизбежностью трансформируется социально-технологическая культура личности. Она уже не исчерпывается качествами личности, обеспечивающими способность решать проблемы, разделяя процессы на этапы, применяя алгоритмы и рефлексируя результаты. Социально-технологическая культура становится конвергентной, то есть приобретает ряд существенно меняющих ее характеристик, отражающих метаморфозы социальных технологий.

В соответствие с ними конвергентная социально-технологическая культура – это:

1) культура корректной технологической семантики. Интеграция технологий стимулирует процесс дополнения специфического понятийного аппарата, используемого в конкретной сфере деятельности, терминологией, заимствованной у специалистов других отраслей. Так, в сфере социально-гуманитарного знания широко применяются понятия, используемые прежде в естественных и технических науках – «сеть», «метаболизм»,

«коэволюция», «гибридность», «механизм» и многие другие. При этом в них вкладывается новое содержание, которое определяется довольно произвольно, вне связи с исходным значением. При обосновании возможности использования понятия специалисты нередко ограничиваются добавлением определения «социальный», очевидно, полагая, что этого достаточно. В результате таких манипуляций возникает ситуация терминологического хаоса, обесценивающая когнитивный потенциал дефиниций. Наглядным примером является широко распространенное понятие «социальный механизм», обычно получающее различную трактовку, мало связанную с аутентичным термином. О.Ю. Максимова и В.А. Масликов пишут: «…социальный механизм есть устойчивое по форме социальное отношение, реализуемое на практике при любом числе повторений с максимально предсказуемым результатом» [Максимова, Масликов, 2016, с. 247]. Н.С. Данакин и Н. Деева, рассматривая механизм как модель, выделяют семь «групп элементов (деталей): 1) стратегии, 2) технологии, 3) ресурсы, 4) организационная система, 5) предметное поле управленческих воздействий, 6) социальные проблемы, 7) социальные факторы. Первые четыре группы относятся к субъектному сегменту, три последние – к объектному» [Данакин, Деева, 2012]. В.Ф. Мартюшов предлагает следующую дефиницию: «Механизм – это особая система взаимодействия, между элементами которой действуют дифференцированные связи и в основе которой лежит принцип действия, понимаемый одновременно как способ организации содержания и как конкретный способ реализации функции» [Мартюшов, 2015, с. 98]. Но если мы обратились к понятию механизма, то непременно должны включить в него все элементы, которые учитываются при традиционной интерпретации в технике, либо объяснить причины их исключения. Содержание элементов, несомненно, будет иным, но структура и связи между ними должны сохраниться. Однако этого обычно не происходит;

2) культура обоснованного реализма. Одним из «уязвимых мест» традиционных социальных технологий было то, что они конструировались как некие абстрактные схемы действий, которые надлежало осуществить в своего рода «идеальном социальном пространстве», в котором все его участники действуют рационально. Но поведение людей не укладывается в рамки рациональности. К тому же, разрабатывая социальные технологии, субъекты социального действия, как правило, не принимали во внимание воздействие на человека техно- и экосреды. Поэтому созданные ими модели часто были оторваны от реальности, хотя и выглядели довольно безупречными с точки зрения логики. Проектировщики социальных технологий, сознательно или неосознанно, исходили из убеждения, что правильно выстроенное социальное действие приоритетно по отношению ко всем обстоятельствам, и подспудно предполагали, как довольно точно пишут авторы книги «Инженерная онтология. Инженерия как странствие», что можно «договориться с бетоном» [Никитин, 2025, с. 9]. Конвергентная социально-технологическая культура становится возможной лишь в том случае, когда ее носитель исходит не из собственных предубеждений и стереотипов, но учитывает весь комплекс обстоятельств, определяющих его действия;

3) культура «умного» действия. Конвергентная технологическая культура предполагает, что человек в преобразовании реальности ориентируется не столько на действия, сколько на взаимодействия, постоянно учитывая как сознательную реакцию контрагентов, так и спонтанный ответ эко- и техносреды. Это в полной мере укладывается в концепцию «умного управления», опирающегося на идею «сращивания социальных и инфотехнологических практик цифровизации управления на принципах обратной связи» [Тихонов, 2020, с. 78];

4) культура развития. Конвергентная технологическая культура должна предполагать постоянные изменения, детерменированные двумя главными обстоятельствами: 1) постоянной трансформацией значительной части объектов преобразующей деятельности человека, в качестве которых выступают СБТ-системы

(социобиотехнические системы – системы высокого уровня сложности, складывающиеся на основе интеграции технико-технологических, биологических и социальных элементов (подсистем), функционирование которых определяется метаболическими процессами); 2) изменением познавательно-преобразующей парадигмы, ведущим к утверждению подхода, в соответствие с которым объекты воспринимаются как взаимообусловленные и взаимосогласованные самоорганизующиеся открытые системы.

Заключение

Таким образом, современная конвергентная социально-технологическая культура – это культура когнитивного синтеза, отражающего интегративные процессы в природе, обществе и человеческом сознании. В таком виде она не может сложиться стихийно и предполагает целенаправленную работу по созданию условий для ее утверждения в обществе. Эта работа включает в себя действия, направленные на формирование социально-технологического мышления граждан; создание социальной среды, в которой владение социальными технологиями обеспечивает человеку конкурентные преимущества; устранение барьеров, возникающих при попытках технологизировать (оптимизировать) общественные процессы. Деятельность по формированию такой среды должна носить системный характер, быть научно обоснованной и, главное, получить институциональное закрепление. Только в этом случае можно преодолеть дилетантизм в применении социальных технологий и обеспечить социально-технологическую безопасность России.

Список литературы

Бурмыкина И.В. 2009. Управление формированием и развитием социально-технологической культуры современного менеджера. Белгород, БелГУ. 358 с.

Вебер М. 1990. Избранные произведения. Москва, Прогресс. 808 с.

Данакин Н.С., Деева Н.Н. 2012. Механизм социального управления: концептуальный анализ. *Социально-гуманитарные знания*.8: 48–54.

Дятченко Л.Я. 1993. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, Центр социальных технологий. 343 с.

Ефременко Д.В., Яницкий О.Н., Ермолаева П.О. 2019. О социобиотехнических системах. *Вопросы философии*. 5:138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва, ГУ ВШЭ. 608 с.

Кудашов В.И. 2014. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. *Вопросы философии.* 8:176–181

Лесина Л.А., Забокрицкая Л.Д. 2021. Социальные технологии государственного и муниципального управления : учебное пособие. Екатеринбург, Издательство Уральского университета. 164 с.

Максимова О.Ю., Масликов В.А. 2016. Структурно-функциональный анализ категории «социальный механизм» в современной практике управления. *Вестник университета*. 3: 246–251.

Марков М. 1982. Технология и эффективность социального управления. Москва, Прогресс. 267 с.

Мартюшов В.Ф. 2015. Понятие «механизм» в контексте изучения социальных процессов. *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*. 3: 94–103.

Никитин В., Переслегин С., Парибок А., Чудновский Ю., Переслегина Е., Луковникова Н., Васильков Д., Тариков И. 2025. Инженерная онтология. Инженерия как странствие. Санкт-Петербург, ООО «Полакс», 280 с.

Стенюшкина С.Г., Ошкадерова Д.А., Шрубченко А.В. 2017. К вопросу о формировании социально-технологической культуры специалистов в области управления. *Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право*. 17 (266). Выпуск 41: 146–151.

Стефанов Н. 1976. Общественные науки и социальная технология. Москва, Прогресс. 259 с.

Тихонов А.И., Богданов С.В. 2020. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей. *Социологические исследования*. 1: 74–81.

Щербина В.В. 2014. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние. *Социологические исследования*. 7: 113–124.

Яницкий О.Н. 2018. К проблеме модернизации гуманитарного знания. *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 6. 1 (21): 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5734

Ястреб Н.А. 2012. Конвергентные технологии как фактор развития фундаментальных и прикладных наук. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 3:156–160.

Chen D.K., Chang H.C., Chen S.H. 2025. Convergence of Technological Social Changes in the Development of Intelligent Technology Innovation System in Taiwan. *Journal of Scientometric Research*. 13(3). https://jscires.org/article/7874/

Fasoli A. 2023. Vulnerability, Embodiment and Emerging Technologies: A Still Open Issu. *Philosophies*, 8 (6): 115. DOI:10.3390/philosophies8060115

Guo X., Miao H., Huang L. 2025. Research on Technology Convergence and Innovation Facing the Health Industry: A Review. *Pacific Asia Journal of the Association for Information Systems*. 17(3). DOI: 10.17705/1pais.17304

Helbing D., Ienca M. 2024. Why converging technologies need converging international regulation. *Ethics and Information Technology*. 26 (1). https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-024-09756-8

Latzer M. 2022. The digital trinity – Controllable human evolution – Implicit everyday religion: Characteristics of the socio-technical transformation of digitalization. *KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 74(2). DOI:10.1007/s11577-022-00841-8

Michaud T. 2021. Future – The Future of Innovative Technologies: Between Imagination and Technological Ideology. *Innovation Economics, Engineering and Management Handbook* 1: Main Themes: 167–172.

Suppl, Saraçoğlu D. 2021. The Effect of Technology Convergence on Cross-sectoral Co-Evolution: The Case of Automotive & Ict Sectors : Middle East Technical University. https://hdl.handle.net/11511/91233

Trist Eric, Bamforth Ken. 1951. Some social and psychological consequences of the longwall method of coal getting. *Human Relations.* 4:3–38. DOI: 10.1177/001872675100400101

References

Burmykina I.V. 2009. Upravlenie formirovaniem i razvitiem social'no-tekhnologicheskoj kul'tury sovremennogo menedzhera [Managing the formation and development of the socio-technological culture of a modern manager]. Belgorod, BeLGU. 358 s.

Veber M. 1990. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]/ Moskva, Progress. 808 s.

Danakin N.S., Deeva N.N. 2012. Mekhanizm social'nogo upravleniya: konceptual'nyj analiz [The mechanism of social management: a conceptual analysis]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 8: 48–54.

Dyatchenko L.YA. 1993. Social'nye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi processami [Social technologies in the management of social processes]. Belgorod, Centr social'nykh tekhnologij. 343 s.

Efremenko D.V., Yanickij O.N., Ermolaeva P.O. 2019. O sociobiotekhnicheskikh siste-makh [About sociobiotechnical systems]. *Voprosy filosofii*. 5: 138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5

Kastel's M. 2000. Informacionnaya ehpokha: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: economy, society and culture]. Moskva, GU VSHEH. 608 s.

Kudashov V.I. 2014. Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya ehvolyuciya [The global future of 2045. Convergent Technologies (NBICS) and transhumanistic evolution]. *Voprosy filosofii*. 8: 176–181

Lesina L.A., Zabokrickaya L.D. 2021. Social'nye tekhnologii gosudarstvennogo i mu-nicipal'nogo upravleniya : uchebnoe posobie [Social technologies of state and municipal management : a textbook]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 164 s.

Maksimova O.Yu., Maslikov V.A. 2016. Strukturno-funkcional'nyj analiz kategorii «social'nyj mekhanizm» v sovremennoj praktike upravleniya [Structural and functional analysis of the category "social mechanism" in modern management practice]. *Vestnik universiteta*. 3: 246-251.

Markov M. 1982. Tekhnologiya i ehffektivnost' social'nogo upravleniya [Technology and effectiveness of social management]. Moskva, Progress. 267 s.

Martyushov V.F. 2015. Ponyatie «mekhanizM» v kontekste izucheniya social'nykh proces-sov [The concept of "mechanism" in the context of studying social processes]. *Vestnik TVGU. Seriya «Filosofiya»*. 3: 94–103.

Nikitin V., Pereslegin S., Paribok A., Chudnovskij YU., Pereslegina E., Lukovnikova N., Vasil'kov D., Tarikov I. 2025. Inzhenernaya ontologiya. Inzheneriya kak stran-stvie. Uchebnoe posobie [Engineering ontology. Engineering is like a journey]. Sankt-Peterburg, OOO «PolakS», 280 s.

Stenyushkina S.G., Oshkaderova D.A., Shrubchenko A.V. 2017. K voprosu o formirovanii social'no-tekhnologicheskoj kul'tury specialistov v oblasti upravleniya [On the issue of forming a socio-technological culture of management specialists]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo.* 17 (266). Vypusk 41: 146–151.

Stefanov N. 1976. Obshchestvennye nauki i social'naya tekhnologiya [Social sciences and social technology]. Moskva, Progress. 259 s.

Tikhonov A.I., Bogdanov S.V. 2020. Ot «umnogo regulirovaniya» k «umnomu upravle-niyu»: social'naya problema cifrovizacii obratnykh svyazej [From "smart regulation" to "smart management": The social problem of digitalization of feedback]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 1: 74–81.

Shcherbina V.V. 2014. Social'nye tekhnologii: istoriya poyavleniya termina, transfor-maciya soderzhaniya, sovremennoe sostoyanie [Social technologies: the history of the term, the transformation of content, the current state]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 7: 113–124.

Yanickij O.N. 2018. K probleme modernizacii gumanitarnogo znaniya [Towards the problem of modernization of humanitarian knowledge]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika.* T. 6. 1 (21): 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5734

Yastreb N. A. 2012. Konvergentnye tekhnologii kak faktor razvitiya fundamental'nykh i prikladnykh nauk [Конвергентные технологии как фактор развития фундаментальных и прикладных наук]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 3: 156–160.

Chen D.K., Chang H.C., Chen S.H. 2025. Convergence of Technological Social Changes in the Development of Intelligent Technology Innovation System in Taiwan. *Journal of Scientometric Research*. 13(3). https://jscires.org/article/7874/

Fasoli A. 2023. Vulnerability, Embodiment and Emerging Technologies: A Still Open Issu. *Philosophies*. 8 (6): 115. DOI:10.3390/philosophies8060115

Guo X., Miao H., Huang L. 2025. Research on Technology Convergence and Innovation Facing the Health Industry: A Review. *Pacific Asia Journal of the Association for Information Systems*. 17(3). https://aisel.aisnet.org/pajais/vol17/iss3/4/ DOI: 10.17705/1pais.17304

Helbing D., Ienca M. 2024. Why converging technologies need converging international regulation. *Ethics and Information Technology*. 26 (1). https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-024-09756-8

Latzer M. 2022. The digital trinity – Controllable human evolution – Implicit everyday religion: Characteristics of the socio-technical transformation of digitalization. *KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 74(2). DOI:10.1007/s11577-022-00841-8

Michaud T. 2021. Future–The Future of Innovative Technologies: Between Imagination and Technological Ideology. *Innovation Economics, Engineering and Management Handbook* 1: Main Themes: 167–172.

Suppl, Saraçoğlu D. 2021. The Effect of Technology Convergence on Cross-sectoral Co-Evolution: The Case of Automotive & Ict Sectors : Middle East Technical University. https://hdl.handle.net/11511/91233

Trist Eric, Bamforth Ken. 1951. Some social and psychological consequences of the longwall method of coal getting. *Human Relations.* 4:3–38. DOI: 10.1177/001872675100400101

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.09.2025
Поступила после рецензирования 28.10.2025
Принята к публикации 10.11.2025

Received September 14, 2025
Revised October 28, 2025
Accepted November 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Серкина Яна Игоревна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Дерин Максим Олегович, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Yana I. Serkina, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Maxim O. Derin, Postgraduate Student of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.4
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-725-736
EDN CSNSAI

Интеллектуальное волонтёрство как инструмент повышения качества жизни населения: вовлечённость студенческой молодёжи

Благорожева Ж.О., Ковальчук О.В., Махмутова К.А., Семченко И.В., Хашаева С.В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
blagorozheva@bsuedu.ru, kovalchuk@bsuedu.ru, makhmutova@bsuedu.ru, semchenko@bsuedu.ru, hashaeva@bsuedu.ru

Аннотация. Волонтерская практика для молодёжи выступает каналом социализации, профессиональной идентификации и формирования гражданской позиции, что обеспечивает потенциальное влияние на социальное благополучие территориальных сообществ. Целью исследования является определение мотивации и степени вовлечённости студенческой молодёжи в интеллектуальное волонтёрство как фактора, способствующего повышению качества жизни населения. Международным центром социологических исследований НИУ «БелГУ» в 2024 году было проведено социологическое исследование (анкетирование студентов Белгородской области, n = 806). Результаты показали, что интеллектуальное волонтёрство функционирует как эффективный механизм синергии личностного и профессионального развития студентов и решения актуальных проблем территориальных сообществ. Сделан вывод о необходимости целевых мер по стимулированию студенческой вовлечённости (образовательные программы, институциональная поддержка, механизмы признания), направленных на масштабирование интеллектуального волонтёрства как ресурса устойчивого социального развития.

Ключевые слова: студенческое волонтёрство, мотивация участия, вовлечённость молодёжи, качество жизни населения, профессионально ориентированные социальные проекты

Для цитирования: Благорожева Ж.О., Ковальчук О.В., Махмутова К.А., Семченко И.В., Хашаева С.В. 2025. Интеллектуальное волонтёрство как инструмент повышения качества жизни населения: вовлечённость студенческой молодёжи. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 725–736. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-725-736 EDN: CSNSAI

Intellectual Volunteering as a Tool for Enhancing the Population's Quality of Life: Student Engagement

Zhanna O. Blagorozheva, Olga V. Kovalchuk, Karolina A. Makhmutova, Irina V. Semchenko, Svetlana V. Hashaeva
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation
blagorozheva@bsuedu.ru, kovalchuk@bsuedu.ru, makhmutova@bsuedu.ru, semchenko@bsuedu.ru, hashaeva@bsuedu.ru

Abstract. Volunteer practice for young people acts as a channel for socialization, professional identification and the formation of a civic position, which provides a potential impact on the social well-being of territorial communities. The aim of the study is to determine the motivation and degree of

© Благорожева Ж.О., Ковальчук О.В., Махмутова К.А., Семченко И.В., Хашаева С.В., 2025

students' involvement in intellectual volunteering as a factor contributing to improving the quality of life of the population. The International Center for Sociological Research of Belgorod State National Research University conducted a sociological study in 2024 (a survey of students of the Belgorod region, n = 806). The results showed that intellectual volunteerism works as an effective mechanism for creating a synergy of students' personal and professional development and for solving urgent problems of territorial communities. The conclusion is made about the need for targeted measures to stimulate student engagement (educational programs, institutional support, recognition mechanisms) aimed at scaling intellectual volunteerism as a resource for sustainable social development.

Keywords: student volunteering, volunteer motivation, youth engagement, quality of life, professionally oriented social projects

For citation: Blagorozheva Zh.O., Kovalchuk O.V., Makhmutova K.A., Semchenko I.V., Hashaeva S.V. 2025. Intellectual Volunteering as a Tool for Enhancing the Population's Quality of Life: Student Engagement. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 725–736 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-725-736 EDN: CSNSAI

Введение

Актуализация интеллектуального волонтерства в начале XXI века – это естественная реакция на вызовы постиндустриального и информационного общества. Современный социум предполагает активное использование человеком таких ресурсов, как знания, креативность и профессиональные навыки. В контексте данного исследования интеллектуальное волонтерство определяется как целенаправленное предоставление специализированных знаний, профессиональных навыков и компетенций на безвозмездной основе в целях общественного блага. Его актуальность как инструмента повышения качества жизни объясняется текущими социальными и образовательными тенденциями и проявляется в двух взаимосвязанных функциях. С одной стороны, интеллектуальное волонтерство способствует повышению качества жизни населения посредством оказания квалифицированных услуг и решений социальных задач; с другой – оно служит платформой социализации молодых профессионалов, стимулируя развитие активной гражданской позиции и лидерских способностей.

Студенческая молодежь, как носитель наиболее актуальных образовательных трендов и инновационного потенциала, естественным образом становится ключевым агентом в этой сфере.

Вовлеченность студенческой молодежи к участию в интеллектуальном волонтерстве играет ключевую роль в повышении качества жизни населения. Интеллектуальное волонтерство подразумевает использование знаний, профессиональных навыков и творческого потенциала молодых людей для решения социальных и образовательных задач. Это деятельность, результатом которой является не материальный продукт, а интеллектуальная или экспертная услуга: консультирование, менторство, проектирование, правовая помощь, проведение исследований и т. д. Активное вовлечение студентов в такие проекты способствует распространению инноваций и эффективных социальных практик, что положительно сказывается на социальном самочувствии.

Помимо этого, образовательная среда вузов всё чаще интегрирует практики прикладного обучения и проектную деятельность, что способствует повышению мотивации обучающихся и углублению их профессиональных компетенций. Студенческое интеллектуальное волонтерство выступает как перспективный механизм не только реализации социальных инициатив, но и развития профессиональных и личностных компетенций, необходимых для успешной социальной интеграции и будущей трудовой деятельности.

Мотивация молодежи часто связана с желанием реализовать себя, получить опыт и внести вклад в благо общества. В результате интеллектуальная помощь студентов позволяет улучшать доступ к качественным услугам, поддерживать социально

незащищенные группы и способствовать развитию гражданского общества. Таким образом, стимулирование участия студенчества в интеллектуальном волонтерстве является эффективным инструментом для устойчивого социального прогресса и повышения уровня жизни в целом.

Несмотря на возросший интерес к добровольческой деятельности среди молодежи, что подтверждают мониторинги ВЦИОМ [1], остаётся недостаточно изученным влияние интеллектуального волонтерства на формирование социально значимых навыков и мотивации студентов, что подчёркивает актуальность данного исследования в современном образовательном пространстве. Интеллектуальное волонтерство сегодня становится каналом социализации и профессионализации студентов, позволяя апробировать полученные в вузе знания в реальных условиях. Данный вид деятельности способствует формированию гражданской идентичности и социальной ответственности. Для общества в целом это механизм привлечения ценных, нефинансируемых ресурсов для решения социальных задач и повышении качества жизни населения.

Современный этап изучения интеллектуального волонтерства характеризуется его переходом из периферийной области в фокус серьезных академических дискуссий. Отметим, что в начале XXI века важной формой интеллектуального волонтерства становится наставничество, отвечая вызовам постиндустриального и информационного общества. В современных условиях именно передача знаний, креативность и профессиональный опыт через наставничество служат ключевыми ресурсами для решения социальных и образовательных задач. Поэтому исследователями уделялось большое внимание именно педагогической системе интеллектуального волонтерства в молодежной среде [Батышев, 1985; Богданова, 2014; Гасилов, 1985; Зияева, 2020].

Практика интеллектуального волонтерства расширяется во время пандемии COVID-19 во всем мире, и практически сразу данный феномен становится объектом научного анализа: исследуется, как студенты-медики, программисты, психологи оказывали дистанционную экспертизу и поддержку [Мэдисон, и др., 2023]; дается оценка долгосрочного воздействия волонтерского опыта на карьерную траекторию, уровень доходов и гражданскую активность самих добровольцев [Exploring medical students'..., 2021].

Научный ландшафт в области изучения интеллектуального волонтерства достаточно мозаичен, но можно выделить ряд ключевых фигур и научных направлений. Прежде всего, это характеристика мотивации интеллектуальных волонтеров, сочетающих помощь с личностным и профессиональным ростом. Здесь можно упомянуть имя Лэсли Хьюстинкс, известную критическим анализом современных тенденций в волонтерстве, которая ввела понятие «рефлексивного волонтерства» (preflexive volunteering) [Хьюстинкс, Ванделаннот, 2025]. Примером также может служить коллективная монография «Волонтерство: история, мотивация, социальное предпринимательство» [Волонтерство..., 2019]. При этом не остался без внимания и тренд эмоционального выгорания волонтеров [Григорьева, 2023].

Еще одним направление в изучении волонтерства вообще и интеллектуального в частности, является рассмотрение роли волонтерства как формы социального служения и построения гражданского общества [Певная, 2024 а, б; Хаски-Левенталь и др. 2010].

[1] Исследование ВЦИОМ показывает изменение восприятий волонтерства среди россиян. Ассоциативный ряд вокруг понятия "волонтерство" включает ассоциации с помощью, участием и заботой (42%), положительным отношением в целом (18%), свободой и бескорыстностью (11%). Эти изменения демонстрируют рост доверия и уважения к волонтёрам и самой идее добровольчества. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring (дата обращения: 14.09.2025).

Также исследователи фокусируют внимание на волонтерстве как важном канале социализации и самореализации молодого поколения и формированием soft skills у молодежи. Современные публикации все чаще содержат попытки оценить влияние волонтерских проектов на формирование профессиональных компетенций [Большов, Николаенко, 2020; Шульгина и др., 2018].

Множество исследований посвящено трансформации волонтерства в цифровом формате, чему способствовало появление онлайн-платформ для интеллектуального волонтерства (Todogood, ProCharity, «IT-волонтер», «Пасека», «Теплица социальных технологий» [1] и т. д.), что также позволяет сформировать представление оразвитии интеллектуального волонтерства в современных российских условиях [Гафарова, 2021; Мерсиянова, 2020].

При этом необходимо отметить, что в научном дискурсе до сих пор отсутствует единое, общепринятое определение «интеллектуального волонтерства». Родственные понятия – «экспертное волонтерство», «про-боно деятельность» (pro bono, от лат. pro bono publico – ради общественного блага), «волонтерство компетенций» (skills-based volunteering) – часто используются как синонимы, что создает терминологическую путаницу. В российском контексте это усугубляется переводными вариациями.

Методы исследования

В целях изучения мотивации студенческой молодежи к участию в интеллектуальном волонтерстве как способу улучшения качества жизни в 2024 году Международный центр социологических исследований НИУ «БелГУ» реализовал эмпирическое социологическое исследование методом онлайн-анкетирования студенческой молодежи Белгородской области (N=806). Для повышения репрезентативности результатов исследования была выбрана квотная выборка. Основными квотами выступали пол респондентов и распределение по форме и курсу обучения, что позволяет охарактеризовать выбор молодежи относительно пола и уровня обучения. В исследовании приняли участие 67,7 % респондентов женского пола и 32,3 % респондентов мужского пола. Распределение студентов по курсам следующие: 19,6 % – 1 курс бакалавриата, 20,9% – 2 курс бакалавриата, 12,5 % – 3 курс бакалавриата, 9,1 % – 4 курс бакалавр иата, 4,5 % – обучающиеся магистратуры, 0,4 % – обучающиеся аспирантуры, 33 % – студенты СПО. Ошибка выборки составила 2,73 %.

Результаты исследования

Среди участников исследования были зафиксированы следующие группы: молодые люди, которые часто занимаются интеллектуальным волонтерством (8,4 %) и их оказалось абсолютное меньшинство; представители молодежи, которые иногда участвуют в такой деятельности (22,5 %); респонденты с небольшим опытом участия (25,3 %); группа молодежи которые практически не занимаются интеллектуальным волонтерством (43,7 %). Стоит отметить, что в процентом соотношении последняя группа наиболее многочислена.

Несмотря на низкие показатели фактического участия, около половины респондентов демонстрируют позитивную установку по отношению к данному виду деятельности: 19,3 % респондентов заинтересованы в интеллектуальном волонтерстве в полной мере, а 31,7 % скорее заинтересованы.

[1] Платформа интеллектуального волонтерства Todogood. URL: https:// todogood.com/abouts (дата обращения: 13.10.2025); Платформа интеллектуального волонтерства ProCharity. URL: https:// procharity.ru/about project/ (дата обращения: 13.10.2025); Платформа интеллектуального волонтерства «IT-волонтер». URL: https://itv.te-st.ru/ (дата обращения: 13.10.2025); Платформа «Теплица социальных технологий». URL: https://te-st. ru/about/ (дата обращения: 13.10.2025); Платформа интеллектуального волонтерства «Пасека». URL: https:// paseka.te-st.ru/ (дата обращения: 13.10.2025).

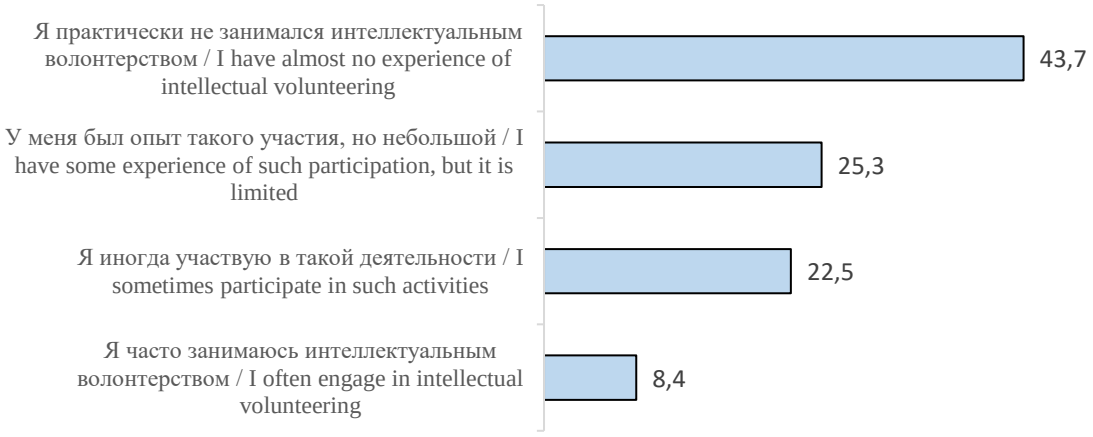


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Если понимать под интеллектуальным волонтерством безвозмездную деятельность, в которой человек использует свои профессиональные компетенции, чтобы помогать другим в решении конкретных задач, был ли у Вас опыт такого участия?»
Fig. 1. Distribution of answers to the question “If we define intellectual volunteering as a gratuitous activity in which a person uses their professional competencies to help others solve specific problems, have you ever participated in such an activity?”

Несмотря на то, что большая часть респондентов (33,8 %) оценили свой интерес к интеллектуальному волонтерству нейтрально, в совокупности тех, кто полностью заинтересован или скорее заинтересован, больше – 51 %; 5,5 % респондентов скорее не заинтересованы в участии в интеллектуальном волонтерстве, а 9,8 % не заинтересованы вообще. Одним из сдерживающих факторов выступает недостаточная осведомленность о потенциальных преимуществах и возможностях, предоставляемых данной формой волонтерской активности.

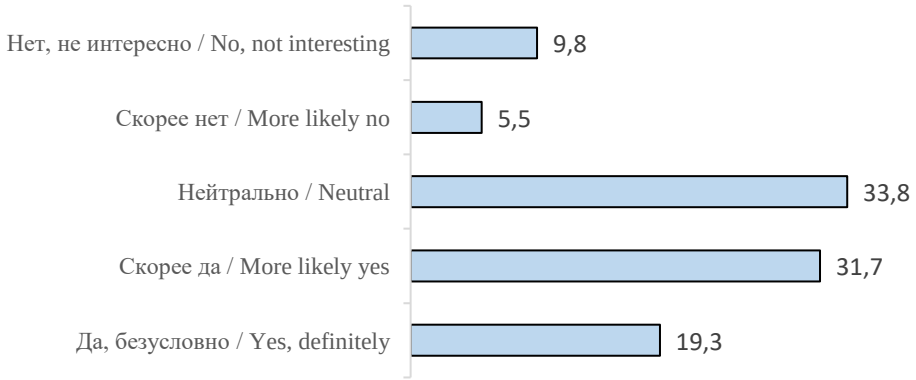


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Интересно ли для вас интеллектуальное волонтерство?»
Fig. 2. Distribution of answers to the question “Is intellectual volunteering interesting to you?”

Акцентируя внимание на том, что уровень заинтересованности молодежи в интеллектуальном волонтерстве не очень высок, обратим внимание на факторы и мотивацию участия молодых людей в таких практиках. Несмотря на то, что все представленные варианты получили в целом высокую оценку, доминирующим фактором, способным привлечь к интеллектуальному волонтерству, выступает возможность получить рекомендации для трудоустройства, познакомится с возможными работодателями (43,1 %), возможность быть полезным, помогать людям (42,7 %), возможность показать и улучшить свои профессиональные навыки в реальной ситуации (42,6 %). На первый план здесь выходят не только альтруистические и социальные

мотивы («помочь обществу»), но и инструментальные: карьерные устремления, желание наработать профессиональный опыт и портфолио, установление деловых контактов (рис. 3). Мотивы, связанные с профессиональными и карьерными перспективами, играют доминирующую роль в формировании привлекательности интеллектуального волонтерства для студентов.

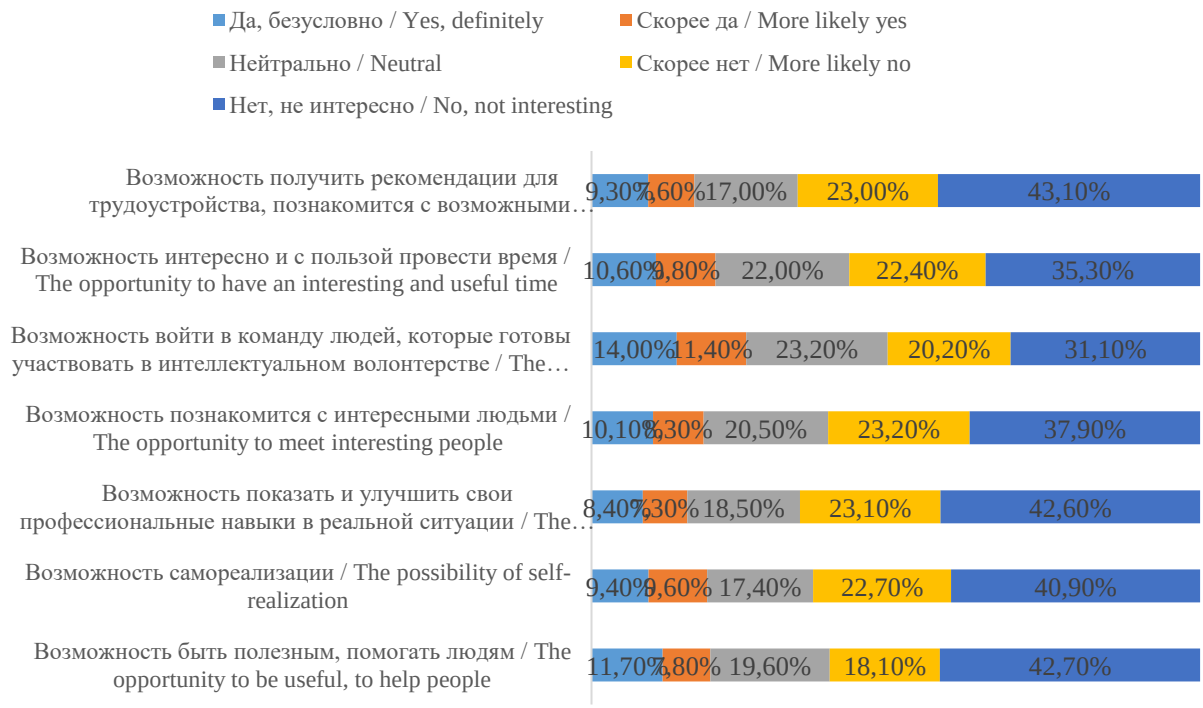


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что могло бы Вас привлечь к участию в интеллектуальном волонтерстве?»
Fig. 3. Distribution of answers to the question “What would attract you to participate in intellectual volunteering?”

Представленные результаты исследования свидетельствуют о низкой осведомлённости и ограниченной вовлечённости студенческой молодёжи в интеллектуальное волонтёрство, несмотря на признание её потенциальной привлекательности. Это указывает на наличие существенных барьеров, в том числе дефицита времени и недостаточной информированности, которые затрудняют активное участие студентов. Данные обстоятельства подчёркивают необходимость разработки комплексных мер, направленных на повышение мотивации и создание благоприятных условий для реализации интеллектуального волонтёрства на студенческом уровне.

Как показывают результаты исследования, большинство респондентов указали, что готовы участвовать в интеллектуальном волонтерстве при наличии бонусов в профессиональной сфере, но параллельно молодые люди не уверены в том, что они могут в полной мере реализовать свои профессиональные знания и навыки в рамках интеллектуального волонтерства. На вопрос «Есть ли у вас представление о том, как можно применить свои профессиональные знания и навыки в рамках интеллектуального волонтёрства?» положительно («да, у меня есть чёткое представление») ответили 11,7 % респондентов; 44,6 % указали, что имеют отдельные идеи, но испытывают дефицит информации для их реализации; 43,7 % заявили, что вообще не представляют, как их знания могли бы быть применены в интеллектуальном волонтёрстве.

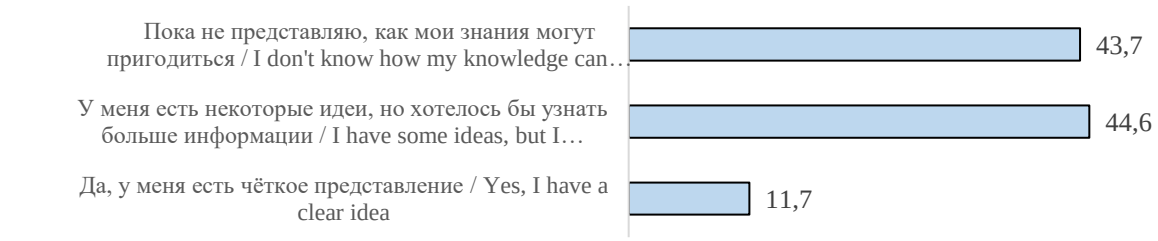


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Есть ли у вас представление о том, как можно применить свои профессиональные знания и навыки в рамках интеллектуального волонтерства?»
Fig. 4. Distribution of answers to the question “Do you have any idea how you can use your professional knowledge and skills in the context of intellectual volunteering?”

Анализ факторов участия и не участия молодых респондентов в интеллектуальном волонтерстве показал следующие результаты:

– основными стимулами для участия в интеллектуальном волонтерстве являются стипендии, гранты (39,1 %), предоставление своевременной информации о проектах по интеллектуальному волонтерству (21,9 %), организация мероприятий и встреч, посвященных этому направлению деятельности (21,0 %).

– в качестве основных причин неучастия респонденты отметили недостаток времени (39,6 %), отсутствие информации (28 %) и мотивации (24,1 %).

Нельзя не обратить внимание на стремление респондентов получать информацию о возможностях участия в интеллектуальном волонтерстве. Данный показатель характеризует потенциал вовлечения молодежи в будущем в практики интеллектуального волонтерства. Однако здесь тоже получены неоднозначные данные. Постоянно получать дополнительную информацию хотят лишь 15,7 % респондентов; большая часть, а это 55,2 %, скорее хотят получать эту информацию, но только если она будет интересной для них; а почти треть респондентов (29,2 %) вообще не заинтересованы в ней.

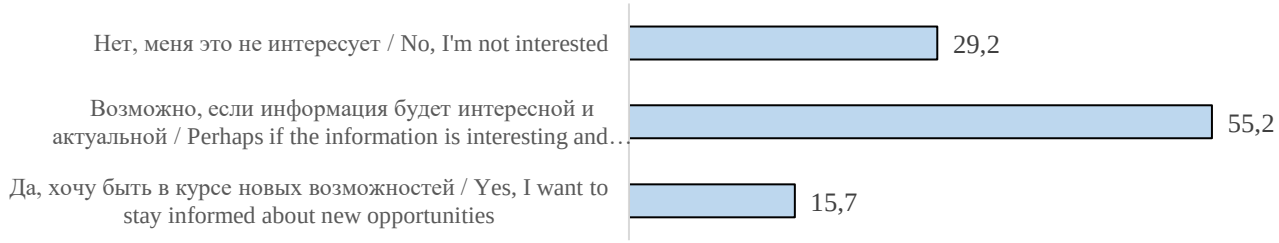


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Хотите ли вы получать дополнительную информацию о возможностях участия в интеллектуальном волонтерстве?»
Fig. 5. Distribution of answers to the question “Do you want to receive additional information about opportunities for participating in intellectual volunteering?”

Возможность вовлечения в практики интеллектуального волонтерства мы оценили временным индуктором участия молодых людей в общественной работе на безвозмездной основе. Большая часть респондентов (35,2 %) готова участвовать в волонтерстве и добровольчестве несколько часов в неделе. Второй по популярности выбор респондентов – «Нисколько, очень много работы и семейных забот» (29,3 %). Почти треть опрошенных не готовы вообще выполнять какие-либо работы бесплатно. Большую часть времени готовы заниматься общественными делами лишь 6,7 % респондентов. Анализ данных выявил ограниченную готовность студенческой молодежи к регулярным и значительным временным инвестициям в волонтерские проекты. Большинство опрошенных склонны рассматривать возможность эпизодического или краткосрочного участия, что коррелирует с указанным выше барьером нехватки времени.

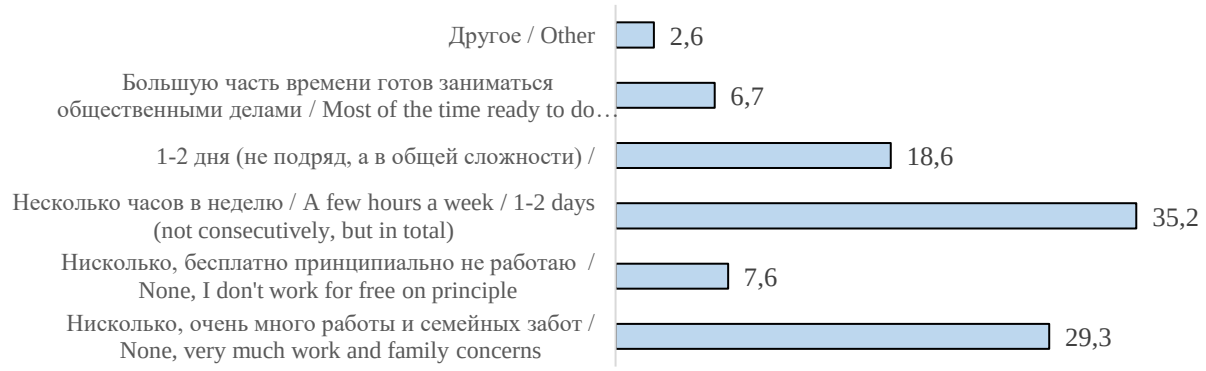


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Сколько времени в неделю Вы смогли бы выделить на общественную работу на безвозмездных условиях?»
Fig. 6. Distribution of answers to the question “How much time per week would you be able to devote to volunteer work?”

В заключение респондентам был задан вопрос о социальных институтах, от которых в большей степени зависит развитие интеллектуального волонтерства. Представленные социальные институты необходимо было оценить по шкале от 1 до 5 (1 – не влияет, 5 – сильно влияет). Анализ полученных результатов показал, что, хотя все предложенные варианты ответов получили 5 баллов, все же в большей степени развитие интеллектуального волонтерства зависит от государственной поддержки и финансирования (43,2 %) и от самих студентов и их личной инициативы (40,5 %).

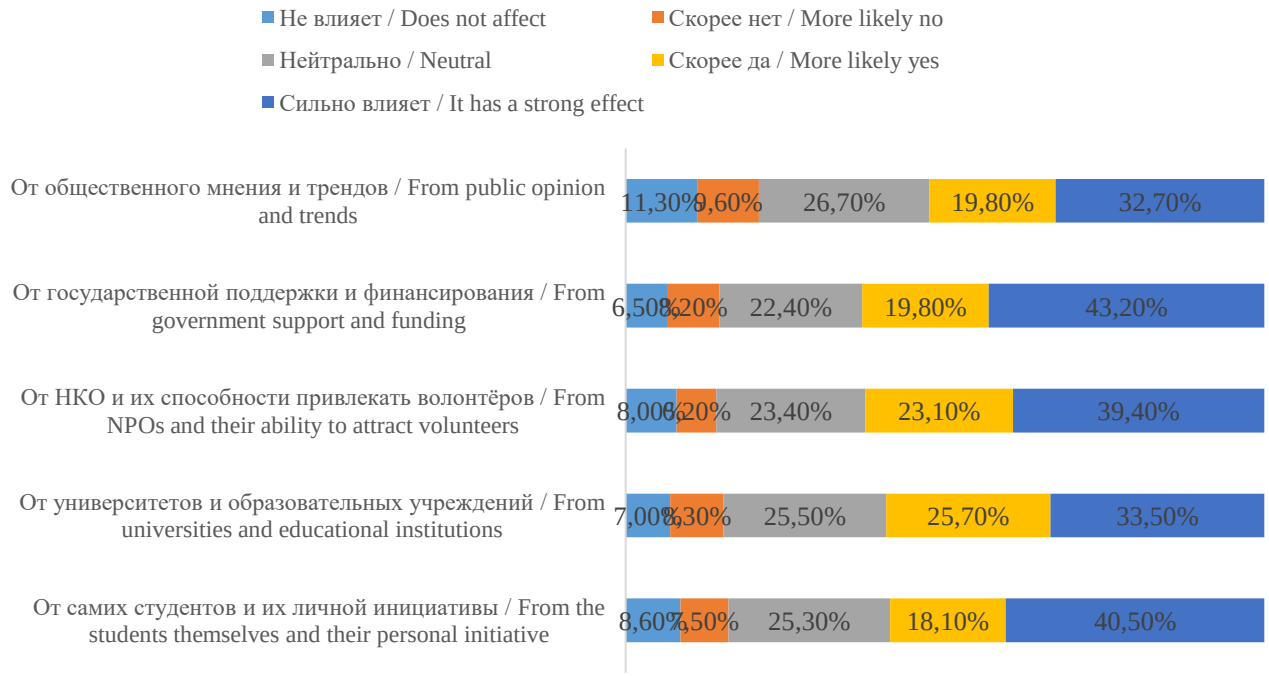


Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «От кого, по вашему мнению, в большей степени зависит развитие интеллектуального волонтерства?»
Fig. 7. Distribution of answers to the question “Who do you think is most responsible for the development of intellectual volunteering?”

Согласно результатам исследования, в восприятии студенческого сообщества ключевыми акторами, ответственными за развитие интеллектуального волонтерства, выступают государственные институты и личная инициатива самих студентов. Успешная

имплементация соответствующих практик обусловлена сочетанием созданных институциональных условий и проактивной позиции непосредственных потенциальных участников.

Заключение

Результаты проведенного анализа выявляют ряд ключевых проблем и вызовов. Прежде всего, отсутствие единой терминологии и стандартизированных методов оценки препятствует глубокой систематизации и сопоставлению результатов исследований, что затрудняет формирование целостного представления о феномене. Кроме того, зафиксирован низкий уровень информированности студентов о природе интеллектуального волонтёрства, его потенциальных выгодах и практических механизмах участия, что выступает существенным сдерживающим фактором вовлечённости. Исследование показало, что основным мотивационным драйвером для студентов является карьерно-профессиональная перспектива: возможность налаживания контактов в профессиональных сообществах и развитие компетенций воспринимается как ключевое преимущество данной деятельности. Главными ограничениями являются объективный дефицит временных ресурсов у студентов и субъективный недостаток доступной и релевантной информации о существующих возможностях участия. Наконец, респонденты рассматривают перспективу развития сферы как требующую сочетания институциональной поддержки (в первую очередь финансовой и инфраструктурной) и активности самих студентов.

В целом мотивация студентов к участию в интеллектуальном волонтёрстве имеет сложный характер, взаимосвязь личных достижений и социальной ответственности становится ключевым фактором. Особое значение приобретает учёт культурно-исторических особенностей российского контекста, в котором традиции взаимопомощи и гражданской активности трансформируются под воздействием профессиональных и карьерных амбиций. В совокупности эти результаты указывают на необходимость комплексных мер, предусматривающих повышение информированности, адаптацию форматов участия под временные ограничения студентов и созданиесоздание условий, сочетающих внешнюю поддержку и стимулы для личной инициативы.

Список литературы

Батышев А.С. 1985. *Педагогическая система наставничества в трудовом коллективе*. М.: Высш. шк., 272 с.

Богданова Л.А., Вавилова Л.Н, Казаков А.Ю. 2014. *Наставничество в профессиональном образовании*. Кемерово: ГОУ «КРИРПО». 144 с.

Большов В.Б., Николаенко В.В. 2020. Волонтерство и волонтерская практика как способ самореализации студентов вузов. *Социальная компетентность*. Т. 5, № 3. С. 377-388.

Гасилов Г.В. 1985. *Педагогическое мастерство наставника: Беседы о пед. основах наставничества*. М.: Профиздат. 96 с.

Гафарова Э.Р., Архипова Е.Б. 2021. Применение онлайн-платформ интеллектуального волонтерства в деятельности некоммерческих организаций. *Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства: материалы Всероссийской конференции, 6-7 апреля 2021 года*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 11-20.

Григорьева Е.Д. 2023. Мотивация и риски выгорания в интеллектуальном волонтерстве: опыт эмпирического исследования. *Социологические исследования*. № 5. С. 70-81. DOI: 10.31857/S013216250021652-0. EDN: BZWRYC.

Зияева Г.А. 2020. Наставничество как важнейший элемент развития образовательной организации. *Современное образование: актуальные вопросы и инновации*. № 1. С. 72-79.

Мерсиянова И.В., Брюхно А.С. 2020. Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6. С. 357-375. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1732.

Панфилова А.П., Глотов М.Б., Черненок М.А., Семенова А.А., Смирнова В.В., Долматов А.В., Логинова Н.А., Сычева С.М. 2019. *Волонтерство: история, мотивация, социальное предпринимательство*. Коллективная монография. Санкт-Петербург, 211 с. EDN: PWONPS.

Певная М.В., Тарасова А.Н. 2024. Предрасположенность молодежи к волонтерству: опыт построения типологии (на материалах регионального исследования). *Социологические исследования*. № 10. С. 55-68. DOI: 10.31857/S0132162524100057. EDN: SVBSHF.

Певная М.В., Тарасова А.Н., Телепаева Д.Ф., Протасов Д.С. 2024. Трансформирующая агентность учащейся молодежи как ресурс формирования гражданственности в сфере образования. *Образование и наука*. Т. 26, № 4. С. 169-200. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-4-169-200. EDN: PIGVNY.

Шульгина Т.А., Кетова Н.А., Непочатых Е.П., Холодова К.А. 2018. Волонтерское движение на факультетах клинической психологии, социальной работы КГМУ (социологический анализ). *Профессионально ориентированное волонтерство: актуальное состояние и перспективы : сб. науч. тр. по материалам V Всерос. форума*. Курск: С. 119-125. EDN: XMOBOH.

Ali A. 2021. Exploring medical students' perceptions of the challenges and benefits of volunteering in the intensive care unit during the COVID-19 pandemic: a qualitative study. *BMJ Open*. № 11. DOI: 10.1136/bmjopen-2021-055001. EDN: AFTTUQ.

Haski-Leventhal, Debbie, Lucas CPM Meijs, and Lesley Hustinx. 2010. The third-party model: Enhancing volunteering through governments, corporations and educational institutes. *Journal of Social Policy*. 39(01). Pp. 139-158.

Lesley Hustinx L, Isis Vandelannote. 2025. Stratification in Formal Volunteering: Occupational Spill-Over Effects on the Hierarchical Positions of Volunteers in Voluntary Organizations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. URL: https://www.researchgate.net/publication/395678634_Stratification_in_Formal_Volunteering_Occupational_Spill-Over_Effects_on_the_Hierarchical_Positions_of_Volunteers_in_Voluntary_Organizations (дата обращения: 20.10.2025). DOI:10.1177/08997640251375969.

Madison N. Sewell,Christopher M. Napolitano,Brent W. Roberts,Christopher J. Soto, Hee J. Yoon. 2023. The social, emotional, and behavioral skill antecedents to college students' volunteering during the COVID-19 pandemic. *Journal of Research on Adolescence*. Volume 33, ШSsue 2, Pp. 618-631. URL: https://doi.org/10.1111/jora.12830 (https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jora.12830) (дата обращения: 20.10.2025).

References

Batyshev, A. S. (1985). *Pedagogicheskaja sistema nastavnichestva v trudovom kollektive* [Pedagogical system of mentoring in a labor collective]. Moscow: Vysshaya shkola. 272 p.

Bogdanova, L. A., Vavilova, L. N., & Kazakov, A. Yu. (2014). *Nastavnichestvo v professional'nom obrazovanii* [Mentoring in professional education: a methodological guide]. Kemerovo: GO "KRIRO". 144 p.

Bolshov, V. B., & Nikolaenko, V. V. (2020). Volonterstvo i volonterskaja praktika kak sposob samorealizacii studentov vuzov [Volunteering and volunteer practice as a way of self-realization of university students]. *Social'naja kompetentnost*'. V. 5. № 3. Pp. 377-388. EDN: ADVXAU.

Gasilov, G.V. (1985). *Pedagogicheskoe masterstvo nastavnika: Besedy o ped. osnovah nastavnichestva* [Pedagogical skill of a mentor: Conversations on the pedagogical foundations of mentoring]. Moscow: Profizdat. 96 p.

Gafarova, E.R., & Arkhipova, E.B. (2021). Primenenie onlajn-platform intellektual'nogo volonterstva v dejatel'nosti nekommercheskih organizacij [The use of online platforms for intellectual volunteering in the activities of non-profit organizations]. *Social'naja rabota i social'naja politika v uslovijah menjajushhejsja arhitektury social'nogo gosudarstva: materialy Vserossijskoj konferencii, 6-7 aprelja 2021 goda* [Social work and social policy in the context of a changing architecture of the social state]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/105808/1/978-5-7996-3367-7_2021_003.pdf (accessed 18 August 2025).

Grigorieva, E.D. (2023). Motivacija i riski vygoranija v intellektual'nom volonterstve: opyt jempiricheskogo issledovanija [Motivation and burnout risks in intellectual volunteering: an empirical study experience]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* № 5. Pp. 70-81. DOI: 10.31857/S013216250021652-0. EDN: BZWRYC.

Ziyaeva, G.A. (2020). Nastavnichestvo kak vazhnejshij jelement razvitija obrazovatel'noj organizacii [Mentoring as the most important element of the development of an educational organization]. *Sovremennoe obrazovanie: aktual'nye voprosy i innovacii*. № 1. Pp. 72-79. EDN: YTMSMK.

Mersiyanova, I. V., & Bryukhno, A. S. (2020). Cifrovye volonterskie platformy: gotovnost' rossijan i potencial primenenija. [Digital volunteer platforms: readiness of Russians and application potential]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. № 6. C. 357-375. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1732.

Panfilova, A. P., Glotov, M. B., Chernenok, M. A., Semenova, A. A., Smirnova, V. V., Dolmatov, A. V., Loginova, N. A., & Sycheva, S. M. (2019). *Volonterstvo: istorija, motivacija, social'noe predprinimatel'stvo* [Volunteering: history, motivation, social entrepreneurship]. Saint Petersburg, 211 p. EDN: PWONPS.

Pevnaya, M. V., & Tarasova, A. N. (2024). Predraspolozhennost' molodezhi k volonterstvu: opyt postroenija tipologii (na materialah regional'nogo issledovanija) [Youth predisposition to volunteering: the experience of building a typology (based on a regional study)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* № 10. Pp. 55-68. DOI: 10.31857/S0132162524100057. EDN: SVBSHF.

Pevnaya, M.V., Tarasova, A.N., Telepaeva, D.F., & Protasov, D.S. (2024). Transformirujushhaja agentnost' uchashhejsja molodezhi kak resurs formirovanija grazhdanstvennosti v sfere obrazovanija [The transforming agency of student youth as a resource for the formation of citizenship in the field of education]. *Obrazovanie i nauka*. V. 26, № 4. Pp. 169-200. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-4-169-200. EDN: PIGVNY.

Shulgina, T. A., Ketova, N. A., Nepochatykh, E. P., & Kholodova, K. A. (2018). Volonterskoe dvizhenie na fakul'tetah klinicheskoj psihologii, social'noj raboty KGMU (sociologicheskij analiz) [Volunteer movement at the faculties of clinical psychology and social work of KSMU (sociological analysis)]. *Professional'no orientirovannoe volonterstvo: aktual'noe sostojanie i perspektivy : sb. nauch. tr. po materialam V Vseros. foruma*. Kursk, pp. 119-125. EDN: XMOBOH.

Ali, A. 2021. Exploring medical students' perceptions of the challenges and benefits of volunteering in the intensive care unit during the COVID-19 pandemic: a qualitative study. *BMJ Open*. № 11. DOI: 10.1136/bmjopen-2021-055001. EDN: AFTTUQ.

Haski-Leventhal, Debbie, Lucas CPM Meijs, and Lesley Hustinx. 2010. The third-party model: Enhancing volunteering through governments, corporations and educational institutes. *Journal of Social Policy.* 39(01). Pp. 139-158.

Lesley, Hustinx L, Isis, Vandelannote. 2025. Stratification in Formal Volunteering: Occupational Spill-Over Effects on the Hierarchical Positions of Volunteers in Voluntary Organizations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. [Online]. DOI:10.1177/08997640251375969.

Madison, N. Sewell, Christopher M. Napolitano, Brent W. Roberts, Christopher J. Soto, Hee J. Yoon. 2023. The social, emotional, and behavioral skill antecedents to college students' volunteering during the COVID-19 pandemic. *Journal of Research on Adolescence*. Volume 33, ШIssue 2, Pp. 618-631.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.09.2025
Поступила после рецензирования 28.10.2025
Принята к публикации 10.11.2025

Received September 14, 2025
Revised October 28, 2025
Accepted November 10, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Благорожева Жанна Олеговна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-1119-9644

Ковальчук Ольга Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-1060-4505

Махмутова Каролина Александровна, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.
https://orcid.org/0009-0007-1348-1834

Семченко Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-5078-3096

Хашаева Светлана Владимировна, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanna O. Blagorozheva, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.
https://orcid.org/0000-0003-1119-9644

Olga V. Kovalchuk, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.
https://orcid.org/0000-0003-1060-4505

Karolina A. Makhmutova, Assistant at the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.
https://orcid.org/0009-0007-1348-1834

Irina V. Semchenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-5078-3096

Svetlana V. Hashaeva, Doctor of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 378.147: 316.653:316.752
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-737-746
EDN DDFHBV

Трудности социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российских вузах (на примере сербских студентов)

[1] Вукчевич Н., [2] Видойкович М.
[1] Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,
Республика Сербия, 38218, г. Лепосавич, ул. 24 ноября, бб
[2] Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46
nemanja.vukcevic75@gmail.com, milena.vidojkovic31@gmail.com

Аннотация. Социально-культурная и психологическая адаптация иностранных учащихся представляет собой сложный процесс, сопровождающийся целым рядом негативных эффектов – от снижения учебной мотивации до затруднённого включения в принимающее сообщество. Научные исследования академической миграции всё ещё недостаточно полно раскрывают влияние различных обстоятельств на адаптацию. Цель исследования – выявить ключевые факторы успешной и проблемной адаптации сербских студентов в российских вузах и объяснить влияние на нее языковых, социокультурных, институциональных и индивидуально-психологических параметров. В период с 23 апреля по 5 мая 2025 г. был проведен онлайн-опрос 101 сербского студента относительно их адаптации к условиям жизни в России. Анализ полученных данных показал, что, несмотря на культурную близость, целевая группа сталкивается с трудностями при адаптации. При этом высокая языковая компетентность, активное социальное взаимодействие и участие в культурных мероприятиях снижают интенсивность культурного шока и повышают уровень социально-культурной и психологической адаптации. По результатам исследования предложены рекомендации практического характера: популяризация межнациональной дружбы, знакомство с российскими реалиями до прибытия. Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением кросс-культурных сравнений, лонгитюдных наблюдений и анализом эффективности мер поддержки, что позволит корректировать динамику адаптации иностранных студентов.

Ключевые слова: миграция, иностранный учащийся, адаптация, опрос, анкетирование, сербские студенты в России

Для цитирования: Вукчевич Н., Видойкович М. 2025. Трудности социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российских вузах (на примере сербских студентов). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 737–746. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-737-746 EDN: DDFHBV

Challenges of Socio-Cultural and Psychological Adaptation of International Students in Russian Universities (The Case of Serbian Students)

[1] Nemanja Vukčević, [2] Milena Vidojković
[1] Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić
bb 24 Novembar St., 38218 Leposavić, Republic of Serbia
[2] Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostykova St., Belgorod 308012, Russian Federation
nemanja.vukcevic75@gmail.com, milena.vidojkovic31@gmail.com

Abstract. The sociocultural and psychological adjustment of international students is a complex process that may have several detrimental consequences, such as decreased academic motivation and challenges

© Вукчевич Н., Видойкович М., 2025

in integrating into the host community. Academic research on student migration still does not sufficiently reveal the influence of various circumstances on adaptation. The aim of this study is to identify the key factors that contribute to both successful and problematic adaptation of Serbian students in Russian universities. It also seeks to explain the impact of linguistic, socio-cultural, institutional, and individual-psychological parameters. Between 23 April and 5 May 2025, an online survey was conducted among 101 Serbian students regarding their adaptation to living conditions in Russia. The analysis of the data reveals that, despite cultural proximity, the target group also encounters difficulties during the adaptation process. At the same time, high language competence, active social interaction, and participation in cultural events can reduce the intensity of cultural shock. These factors also increase the level of socio-cultural and psychological adaptation. Based on the results, the following practical recommendations are offered: encourage interethnic friendships among students and provide orientation programs to familiarize them with Russian realities before their arrival. Future research should focus on conducting cross-cultural comparisons, undertaking longitudinal studies, and evaluating the effectiveness of support measures. These approaches will enable a more precise adjustment of strategies to enhance the adaptation process for international students.

Keywords: migration, foreign student, adaptation, survey, questionnaire, Serbian students in Russia

For citation: Vukčević N., Vidojković M. 2025. Challenges of Socio-Cultural and Psychological Adaptation of International Students in Russian Universities (The Case of Serbian Students). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 737–746 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-737-746 EDN: DDFHBV

Введение

Во всем мире глобализация способствует увеличению масштабов и интенсивности мобильности в академической среде. В рамках миграционных процессов современные технологии и новые способы коммуникаций определяют интернационализацию образования на фоне увеличения численности обучающихся в другой стране студентов. По данным Минобрнауки РФ, в 2024 году в стране обучались более 395 тыс. иностранных студентов, на 12 % больше, чем в 2023-м [1]. Межкультурное сотрудничество и культурная политика создают пространство для взаимопонимания, снижения социальных дистанций и формирования позитивных моделей взаимодействия между коренным населением и новоприбывшими и таким образом способствуют лучшей интеграции мигрантов в принимающее общество. Однако современные исследования демонстрируют, что даже при культурной и языковой близости интернациональные студенты нередко испытывают аккультурационный стресс, сложности социокультурной и психологической адаптации, что негативно сказывается на их удовлетворённости обучением и готовности рекомендовать вуз другим иностранцам [Malota, Mucsi, 2025]. В российских условиях создание адекватной социокультурной поддержки в вузах признано критически важным для адаптации и успешного обучения иностранных студентов [Kolova, Belkina, 2023].

В последние годы растёт численность студенческой диаспоры в России, куда ежегодно уезжают от 150 до 200 студентов, хотя и не все они остаются там, чтобы продолжить учебу [2]. Изучением жизни сербских студентов и их интеграции в Европе занимаются различные авторы [Бобић и др., 2016; Видицки и др., 2023; Стойшин и др., 2023; Шлюкић и др., 2023]. По данным широкомасштабного опроса сербской академической диаспоры, проведенного ООО "Startuj Infostud" и НКО "Organizacija srpskih studenata u inostranstvu" в 2024 году при поддержке Министерства туризма и молодежи

[1] Валерий Фальков дал старт стратсессии, посвященной вопросам укрепления позиций России в международном образовательном пространстве. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/96731/ (дата обращения: 05.08.2025).

[2] RT Balkan analiza: Šta se krije iza istraživanja o povratku srpskih studenata u zemlju? URL: https://lat.rt.rs/srbija-i-balkan/80065-povratak-studenti-inostranstvo-srbija/ (дата обращения: 07.08.2025).

Республики Сербия, порядка 150 000 молодых людей ежегодно мигрируют с целью получения образования [1]. К сожалению, по статистике, почти в 40–50 % случаях речь идет о безвозвратной миграции. Юноши и девушки из Сербии чаще всего едут учиться в Венгрию, Австрию, Германию, Словению или Италию – выбор этих стран определен рядом географических, исторических, политических и экономических причин – чтобы затем остаться там жить: таким образом речь идет о безвозвратной миграции молодых и образованных людей, т.е. потере человеческого капитала.

Степень научной разработанности проблемы адаптации определяют работы отечественных и зарубежных исследователей, базирующихся на трудах канадского социального психолога Джона Берри (теория аккультурации) [Berry 1990; 1997], канадского антрополога Калерва Оберга (теория культурного шока) [Oberg, 1960], американского антрополога и кросс-культурного исследователя Эдварда Холла (теория культурного конфликта) [Hall, 1986]. Среди современных трудов отметим анализ роли мотивации и изучения языка в улучшение адаптации иностранцев к учебному процессу, подтвердивший синергетическую природу академической адаптации («ни высокий язык, ни сильная мотивация поодиночке не гарантируют успеха, а их сочетание обеспечивает наилучшие результат») [Волков и др., 2025, с. 305], исследование процесса социальной адаптации иностранных студентов на основе акторно-сетевая теория Бруно Латура [Кузнецова, 2025], исследование мотивов, способности к планированию и организации учебной деятельности, стратегий адаптации в новой социокультурной среде как предикторов типов образовательной среды вуза [Максимова, 2025], сравнение стратегий аккультурации, трудностей адаптации и типов этнической идентичности студентов-мигрантов [Ремизова, 2025]. Инновационными являются работы по моделированию цифровой экосистемы педагогического сопровождения, интегрирующей технологии искусственного интеллекта и кросс-культурные практики в единый образовательный контур [Башеров и др.,2025], системы поддержки адаптации, включающей лингвистическое сопровождение, академическое консультирование, межкультурный тренинг и вовлечение в совместную деятельность [Кондрашова, 2025], схемы взаимосвязи структурных элементов социальной адаптации и профессиональной социализации [Лутова, Щанина, 2025], эффективных вузовских программ адаптации, основанных на персонализации с учетом культурных особенностей [Гарнов, Хуснутдинова, 2025].

В научной литературе иностранные студенты, как правило, рассматриваются как единая социальная группа, без учета межгрупповых различий и культурно-специфических факторов адаптации [Миленина, 2018; Болотова и др., 2024]. В силу этого проблемы адаптации иностранных учащихся из разных стран, которые могут рассматриваться в социальном и психологическом измерении, требуют исследования в предметном поле социологии. Кроме того, до настоящего времени не было предпринято попыток изучить адаптацию сербских студентов на примере академической диаспоры в России. Между тем сербские студенты представляют собой особую категорию иностранных учащихся благодаря культурной и языковой близости к России, специфическим мотивационным стратегиям академической мобильности и парадоксальным проявлениям культурного шока в условиях «близких культур» [Berry, 1997; Oberg, 1960]. Научный пробел заключается в отсутствии анализа того, каким образом эти особенности влияют на динамику и успешность их социально-культурной и психологической адаптации. Таким образом, выбор целевой группы для исследования (сербские студенты) определен культурной близостью и тем самым вносит вклад в развитие теории аккультурации.

[1] Oko 15.000 studenata godišnje odlazi u inostranstvo. URL: https://www.rts.rs/lat/vesti/drustvo/4612066/studiranje-inostranstvo-ana-marija-kopert-ino-edukacija.html (дата обращения: 05.08.2025).

Цель исследования – установить, какие языковые, социокультурные, институциональные и индивидуально-психологические факторы определяют динамику адаптации сербских студентов в российских вузах и каким образом они влияют на успешность прохождения ими данного процесса. Особое внимание уделяется выявлению специфики адаптационного опыта в условиях культурной близости, что позволяет уточнить механизмы аккультурации и дополнить существующие теоретические подходы. Полученные результаты призваны способствовать разработке более эффективных практик поддержки иностранных учащихся.

Материалы и методы исследования

В период с 23 апреля по 5 мая 2025 год в российских учреждениях высшего и среднего профессионального образования Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Белгорода и других городов был проведен социологический опрос. Для этого была разработана анкета, рассчитанная на 10–15 минут и включающая 20 вопросов (5 вопросов, касающихся социально-демографических характеристиках респондентов, 5 вопросов об опыте адаптации, 4 вопроса о стратегиях адаптации, а также 3 вопроса, связанных со способностью эффективно адаптироваться и взаимодействовать с людьми из разных культур, и 3 открытых вопроса о рекомендациях будущим студентам). В исследовании принял участие 101 респондент: 41 юноша (40,6 %) и 50 девушек (59,4 %) в возрасте от 19 до 49 лет, при этом медианный возраст составил 25 лет. Из них: 3 ученика колледжа – (3 %), 53 студента бакалавриата (53 %), 31 учащийся магистратуры (30 %) и 14 аспирантов (14 %). При этом 75 опрошенных (74 %) обучаются в России уже более 2 лет, 23 (23 %) – от полугода до года и 3 (3 %) – менее полугода.

Точных данных о количестве сербских студентов пребывающих в России с целью учебы в конкретный момент времени, нет. Вместе с тем, проанализировав статистику погранслужбы ФСБ РФ[1], учитывающую количество пересечений гражданами какого-либо государства государственной границы Российской Федерации в одном направлении с распределением по целям поездки (в нашем случае – учеба) и приняв во внимание сведения о том, что ежегодно Правительством Российской Федерации устанавливается квота в пределах порядка 200 человек на образование граждан Республики Сербия в Российской Федерации, мы можем оценить данное количество в 400–500 человек.

Анкетирование проводилось в онлайн-формате с применением сервиса Google Формы (Google Forms). Участники привлекались к опросу на добровольной основе посредством распространения информации об исследовании в личных сообщениях в группах в Viber и Telegram, а также через различные студенческие сообщества, что обеспечило целевой характер выборки. Опрос являлся анонимным, при этом участники были проинформированы о его целях. Собранные данные были подвергнуты статистической обработке в программе SPSS Statistics. В частности, нами были реализованы описание выборки и основных ответов, описательная статистика (частота, процент, среднее значение, стандартное отклонение), дисперсионный анализ различий в уровне адаптации в зависимости от уровня получаемого образования, продолжительности пребывания и стратегии адаптации (ANOVA), измерение степени и направления связи между языковой компетенцией и адаптацией (коэффициент корреляции Спирмена) и множественный линейный регрессионный анализ значимости нескольких независимых переменных при прогнозировании уровня адаптации. Для интерпретации ответов респондентов на открытые вопросы применялся тематический анализ с группировкой по доминирующим категориям, что углубило статистическую интерпретацию и легло в основу контекстуального обзора трудностей сербских студентов в России и благоприятных факторов их интеграции.

[1] Въезд иностранных граждан в РФ. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/38479 (дата обращения: 01.08.2025).

Результаты и их обсуждение

Результаты проведенного нами опроса позволили выявить достаточно большую степень освоения русского языка у сербских студентов: так, свободно владеют русским языком 77,2 %, то есть большинство респондентов, как средний оценивают свой уровень 19,8 % опрошенных, при этом совсем не владеет русским языком только 1 %. В последнем случае речь идет о новоприбывших студентах, поступивших на подготовительные факультеты российских вузов для освоения русского языка «с нуля».

О.А. Береговая, С.С. Лопатина и Н.В. Отургашева говорят о том, что «языковая адаптация – это важная часть, определяющая интеграцию иностранного студента в окружающую социальную среду… овладение языком для иностранного студента – это владение "культурным кодом", что позволяет быстро осваиваться в незнакомой среде» [Береговая и др., 2019, с. 115]. Действительно, языковая компетенция становиться основой формирования и развития социальных связей. В нашем случае, респонденты реализуют социальные интеракции на различных уровнях: в то время как 25,7 % плотно общаются только с соотечественниками, близкие друзья и среди сербов, и среди русских есть у 54,5 % опрошенных. Еще одним индикатором социальных связей и одновременно формирующим их фактором является участие в культурных и спортивных мероприятиях. Среди наших респондентов 19,8 % отметили, что они участвуют в таких мероприятиях очень часто, 48,5 % – время от времени, 25,7 % – редко, а 5,9 % не участвуют никогда.

Мы согласны с И.Л. Беккер и С.А. Иванчиным, которые пишут, что «каждый иностранный студент проходит процесс социальной адаптации к жизни в России и к процессу обучения в университете» [Беккер, Иванчин, 2015, с. 248]. Наше исследование также показало, что, несмотря на культурную близость, тот или иной вид культурного шока пережили 82,2 % сербских студентов в России, при этом у 31,7 % респондентов речь шла о большом культурном шоке, а у 50,5 % – о среднем. Только 17,8 % участников опроса высказались о том, что у них не было культурного шока. Стандартные этапы адаптации в новой культурной среде нашли отражение в психических процессах опрошенных нами сербских студентов в России. Так, говоря о своих первых месяцах учебы и пребывания в стране, 27,7 % респондентов отмечали у себя эйфорию и волнение, 25,7 % упоминали растерянность, 22,8 % – одиночество, а 23,8 % заявляли, что им было интересно.

И.О. Кривцова определяет социокультурную адаптацию как «сложный многоплановый процесс взаимодействия личности и новой социокультурной среды, в ходе которого иностранные студенты, имея специфические этнические и психологические особенности, вынуждены преодолевать разного рода психологические, социальные, нравственные, религиозные барьеры, осваивать новые виды деятельности и формы поведения» [2011, с. 284]. 81,2 % опрошенных нами сербских студентов чувствуют себя адаптированными к российскому обществу (56,4 % – в большой степени, 24,8 % – полностью), 10,9 % респондентов выразили неуверенность в собственной адаптированности, а 7,9 % часто чувствуют отчужденность. Бы отмечен следующий положительный факт: ни один из заполнивших анкету сербских студентов не сказал, что он совсем не адаптирован.

Несколько отличается распределение ответов респондентов на вопрос об адаптированности к повседневной жизни в России Так, полностью адаптированными назвали себя 27,7 % участников опроса, в основном адаптированными – 31,7 %, в то время как не смогли оценить степень собственной адаптации 34,7 %. Заявили о своей полной неадаптированности к повседневным российским реалиям 5,9 %. При этом, хотя большинство наших респондентов заявили о своем положительном опыте интеграции в новую среду, 22,8 % респондентов испытали дискриминационный опыт или чувствовали

себя отверженными, 16,8 % участников опроса не смогли определиться в том, были ли они дискриминированы или нет (60,4 % ответили, что не сталкивались с такого рода негативным отношением).

По аналогии с критерием участия в мероприятиях в контексте языковой компетенции, одним из индикаторов адаптированности и одновременно определяющим ее фактором является возможность и скорость распознавания норм и правил, распространенных в принимающем сообществе. 57,4 % сербских студентов российских вузов, принявших участие в опросе, быстро распознают, что является нормой в России, 39,6 % – распознают культурные нормы и отношения со средней скоростью, 3 % – распознают норму медленно. В последнем случае мы можем говорить о наличии у сербских студентов в России адаптационых трудностей личного характера при общем высоком уровне адаптированности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство сербских студентов обладают высоким уровнем владения русским языком, активно формируют социальные связи и участвуют в культурных мероприятиях, что способствует успешной адаптации, хотя более 80 % всё же переживают культурный шок различной интенсивности; при этом адаптация усиливается по мере увеличения срока пребывания, а ключевые трудности связаны с повседневными нормами, социальной неопределённостью и отдельными случаями дискриминации.

Заключение

Исследование было направлено на изучение социально-культурной и психологической адаптации сербских студентов в российских вузах, поскольку этот процесс в условиях культурной близости остаётся недостаточно раскрытым, а его анализ позволяет глубже понять механизмы аккультурации и сформировать более эффективные подходы к поддержке иностранных учащихся. Данные, полученные в ходе проведенного нами анкетирования, нацеленного на выявление ключевых факторов успешной и проблемной адаптации сербских студентов в российских вузах, продемонстрировали, что адаптационный процесс находится под виянием языковой компетенции, культурного различия между иностраными студентами и местным сообществом, сторонней поддержки и индивидуальной мотивации. Анализ полученных результатов показал, что у хорошо знающих русский язык респондентов адаптация проходит легче. Среди владеющих русским языком сербских студентов больше тех, кто считает себя полностью адаптированным в России, тогда как имеющие низкие языковые компетенции участники опроса демонстрируют более высокую частоту столкновения с социальными барьерами и сложнее переживают культурный шок по прибытию. Таким образом, мы можем говорить об обратной взаимосвязи индивидуального уровня открытости к российской культуре и интенсивностью культурного шока. По мере увеличения срока пребывания в России степень культурного шока уменьшается, чему способствуют социальные интеракции и участие в культурных и спортивных мероприятиях. В части участия в мероприятиях отметим также, что пассивность способствует более медленной адаптации, а активность и инициативность в поиске и установлении социальных контактов помогает значительно повысить уровнь адаптированности.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что глубокое и качественное изучение русского языка, улучшение социальных интеракций, популяризация межнациональной дружбы и сотрудничества в молодежной среде, интенсификация информационных компаний, направленных на знакомство иностранных студентов с российским обществом и российскими реалиями до прибытия будут способствовать сглаживанию культурного шока у иностранных студентов на начальном

этапе учебы и жизни в России, а также эффективной адаптации. При этом мотивация самих студентов и сторонняя поддержка, как и участие в мероприятиях помогают избежать отчужденности и отверженности.

Список источников

Башеров О.И., Мухина Ю.М., Сведенцова И.Н., Калашникова Н.А. 2025. Цифровая экосистема педагогического сопровождения адаптации иностранных студентов: интеграция искусственного интеллекта и кросс-культурных практик в образовательной среде современного университета. *Управление образованием: теория и практика*, 3(1): 89-102. DOI 10.25726/l5881-5050-5715-c.

Беккер И.Л., Иванчин С.А. 2015. Проблемы адаптации иностранных студентов к образовательному процессу российского вуза (на примере Пензенского государственного университета). *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*, 4(36): 247–257.

Береговая О.А., Лопатина С.С., Отургашева Н.В. 2019. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах. *Перспективы науки и образования*, 2(38): 108–118.

Болотова М. И., Ермакова М. А., Пушкарева Н. Н. 2024. Адаптация иностранных студентов в вузах: результаты Всероссийского онлайн-опроса молодежи. *Проблемы современного педагогического образования*, 83 (1): 26-30.

Видицки В., Шљукић М., Стојшин С. 2023. Преговарање етничког идентитета – шта значи бити српски студент на бечком универзитету? *Национални интерес*, XIX (46–3): 47–66.

Волков Ю.А., Фомичева Д.А., Яшина Ю.В., Савельева М.Н. 2025. Роль мотивации и предварительной языковой подготовки в успешной адаптации студентов к академическому процессу на иностранном языке в контексте глобального высшего образования. *Управление образованием: теория и практика*, 10(1): 305-314. DOI 10.25726/f9963-5554-1210-z.

Гарнов А.А., Хуснутдинова М.Н. 2025. Адаптация и личностное развитие иностранных студентов в российских вузах: вызовы и стратегии интеграции. *Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета*, 2(55): 298-301.

Кондрашова Н.В. 2025. Трудности адаптации иностранных студентов к языковым и культурным особенностям российского образовательного пространства и пути их преодоления. *Вопросы истории*, 2: 150-160. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202502Statyi05.

Кривцова И.О. 2011. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко). *Фундаментальные исследования*, 8-2: 284–288.

Кузнецова О.В. 2025. Социальная адаптация иностранных студентов в эпоху цифровизации: новый взгляд через призму акторно-сетевой теории Б. Латура. *Международный научно-исследовательский журнал*. 8(158). DOI 10.60797/IRJ.2025.158.86.

Лутова Ю.А., Щанина Е.В. 2025. Социальная адаптация и профессиональная социализация иностранных студентов: структурные и факторные элементы. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 4: 29-36.

Максимова Н.А. 2025. Взаимосвязь типа образовательной среды вуза и характеристик академической адаптации иностранных студентов. *Научное мнение*, 1(2): 182-186. DOI 10.25807/22224378_2025_1-2_182.

Миленина В.В. 2018. Культурный шок в процессе адаптации иностранных студентов. *Аллея науки*, 1–3 (19): 690-693.

Ремизова С. В. 2025. Стратегии адаптации и типы идентичности иностранных студентов высших учебных заведений. *Научный результат. Педагогика и психология образования*, 11(3): 119-130. DOI 10.18413/2313-8971-2025-11-3-0-9.

Бобић М., Весковић Анђелковић М., Кокотовић Каназир В. 2016. Студија о спољним и унутрашњим миграцијама грађана Србије са посебним освртом на младе, Београд: IOM, UNDP, Swiss Agency for Development and Cooperation. 125 стр.

Стојшин С., Шљукић М., Видицки В., Мејџор С. 2023. Карактеристике академских студија као мотив емиграције студената – пример студената у Бечу. *Методички видици*, 14 (2): 379–397.

Шљукић М., Стојшин С., Видицки В. 2023. Услови студирања српских студената у Бечу. *Социолошки преглед*, LVII (4): 1130–1160.

Berry J.W. 1990. Psychology of acculturation. Nebraska Symposium on motivation, cross-cultural perspectives, current theory and research in motivation (Berman J.J. ed.) Lincoln: University of Nebraska Press: 201–234.

Berry J.W. 1997. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46 (1): 5–34.

Hall E. T. 1986. Beyond Culture. New York : Anchor Press. 256 p.

Kolova S.M., Belkina O. V. 2023. Sociocultural support of internationl students as adaptation tool in intercultural environment of russian university (SuSu case study). *Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки*, 15(3): 67-83.

Malota E., Mucsi A. 2025. The impact of acculturative stress and sociocultural adaptation on international student satisfaction and loyalty. *International Journal of Intercultural Relations*, 109: 1-14. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2025.102292

Oberg K. 1960. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Anthropology*, 7 (4): 177–182.

References

Basherov O. I., Mukhina Iu. M., Svedentsova I. N., Kalashnikova N. A. 2025. Tsifrovaia ekosistema pedagogicheskogo soprovozhdeniia adaptatsii inostrannykh studentov: integratsiia iskusstvennogo intellekta i kross-kulturnykh praktik v obrazovatelnoi srede sovremennogo universiteta [A digital ecosystem for pedagogical support for international student adaptation: integrating artificial intelligence and cross-cultural practices in the educational environment of a modern university]. *Education Management Review*, 3(1): 89-102. DOI 10.25726/l5881-5050-5715-c.

Bekker I. L., Ivanchin S. A. 2015. Problemi adaptacii inostrannyh studentov k obrazovatel'nomu processu rossijskogo vuza (na primere Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta) [Problems of foreign student's adaptation to the educational process at a Russian university (by the example of Penza state university)]. *University proceedings. Volga region. Humanities*, 4 (36): 247–257. (in Russian)

Beregovaya O. A., Lopatina S. S., Oturgasheva N. V. 2019. Bar'ery sociokul'turnoj adaptacii inostrannyh studentov v rossijskih vuzah [Barriers to socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities]. *Perspectives of Science & Education*, 2(38): 108–118.

Bobić M., Vesković Anđelković M. и Kokotović Kanazir V. 2016. Studija o spoljnim i unutrašnjim migracijama građana Srbije sa posebnim osvrtom na mlade [Studio about the quiet and intimate migration of the city of Srbije with the surrounding island in its youth]. Beograd: IOM, UNDP, Swiss Agency for Development and Cooperation. 125 p.

Bolotova M. I., Ermakova M. A., Pushkareva N. N. 2024. Adaptaciya inostrannyh studentov v vuzah: rezul'taty Vserossijskogo onlajn-oprosa molodezhi [Adaptation of foreign students in universities: results of the all-russian online survey of youth]. *Problems o modern pedagogical education*, 83 (1): 26-30.

Vidicki V., Šljukić M., Stojšin S. 2023. Pregovaranje etničkog identiteta. – šta znači biti srpski student na Bečkom univerzitetu? [Negotiating ethnic identity – What does it mean to be a serbian student at the university of Vienna?] *National interest*, XIX (46–3): 47–66.

Volkov Iu. A., Fomicheva D. A., Iashina Iu. V., Saveleva M. N. 2025. Rol motivatsii i predvaritelnoi iazykovoi podgotovki v uspeshnoi adaptatsii studentov k akademicheskomu protsessu na inostrannom iazyke v kontekste globalnogo vysshego obrazovaniia [The role of motivation and preliminary language training in students' successful adaptation to the academic process in a foreign language in the context of global higher education]. *Education Management Review*, 10(1): 305-314. DOI 10.25726/f9963-5554-1210-z.

Garnov A. A., Khusnutdinova M. N. 2025. Adaptatsiia i lichnostnoe razvitie inostrannykh studentov v rossiiskikh vuzakh: vyzovy i strategii integratsii [Adaptation and personal development of international students at Russian universities: challenges and integration strategies]. *Vestnik naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2(55): 298-301.

Kondrashova N. V. 2025. Trudnosti adaptatsii inostrannykh studentov k iazykovym i kulturnym osobennostiam rossiiskogo obrazovatelnogo prostranstva i puti ikh preodoleniia [Difficulties in adapting foreign students to the linguistic and cultural characteristics of the Russian educational

space and ways to overcome them]. *Voprosy Istorii*, 2: 150-160. DOI 10.31166/ VoprosyIstorii202502Statyi05.

Krivtsova I. O. 2011. Sociokul'turnaya adaptaciya inostrannyh studentov k obrazovatel'noj srede rossijskogo vuza (na primere Voronezhskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii im. N. N. Burdenko) [Social and cultural adaptation of foreign students to educational medium of the russian high school (on the example of the Voronezh state medical academy of N. N. Burdenko]. *Fundamental research*, 8-2: 284–288.

Kuznetsova O. V. 2025. Sotsialnaia adaptatsiia inostrannykh studentov v epokhu tsifrovizatsii: novyi vzgliad cherez prizmu aktorno-setevoi teorii B. Latura [Social adaptation of international students in the digital age: a new perspective through the lens of B. Latour's actor-network theory]. *International Research Journal*. 8(158). DOI 10.60797/IRJ.2025.158.86.

Lutova Iu. A., Shchanina E. V. 2025. Sotsialnaia adaptatsiia i professionalnaia sotsializatsiia inostrannykh studentov: strukturnye i faktornye element [Social adaptation and professional socialization of foreign students: structural and factorial elements]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 4: 29-36.

Maksimova N. A. 2025. Vzaimosviaz tipa obrazovatelnoi sredy vuza i kharakteristik akademicheskoi adaptatsii inostrannykh studentov [The relationship between the type of educational environment of the university and the characteristics of academic adaptation of international students]. *Nauchnoe mnenie*, 1(2): 182-186. DOI 10.25807/22224378_2025_1-2_182.

Milenina V. V. 2018. Kul'turnyj shok v processe adaptacii inostrannyh studentov [Culture shock in the adaptation process of foreign students]. *Alley-science*, 1–3 (19): 690-693.

Remizova S. V. 2025. Strategii adaptatsii i tipy identichnosti inostrannykh studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Adaptation strategies and identity types of international students at higher education institutions]. *Research result. Pedagogy and Psychology of Education*, 11(3): 119-130. DOI 10.18413/2313-8971-2025-11-3-0-9.

Bobić M., Vesković Andđelković M., Kokotović Kanazir V. 2016. Study on external and internal migration of Serbian citizens with special emphasis on youth, Belgrade: IOM, UNDP, Swiss Agency for Development and Cooperation. 125 p. (in Serbian)

Stojšin S., Šljukić M., Vidicki V., Mejdžor S. 2023. Karakteristike akademskih studija kao motiv emigracije studenata – primer studenata u Beču [Characteristics of academics studies as a motive for student emigration – example of students in Vienna]. *Methodical Perspectives*, 14 (2): 379–397. (in Serbian)

Šljukić M., Stojšin S., Vidicki V. 2023. Uslovi studiranja srpskih studenata u Beću [Study conditions for Serbian students in Vienna]. *Sociological Review*, LVII (4): 1130–1160. (in Serbian)

Berry J. W. 1990. Psychology of acculturation. Nebraska Symposium on motivation, cross-cultural perspectives, current theory and research in motivation (Berman J.J. ed.) Lincoln: University of Nebraska Press: 201–234.

Berry J. W. 1997. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46 (1): 5–34.

Hall E. T. 1986. Beyond Culture. New York : Anchor Press. 256 p.

Kolova S. M., Belkina O. V. 2023. Sociocultural support of internationl students as adaptation tool in intercultural environment of russian university (SuSu case study). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational sciences*, 15(3): 67-83.

Malota E. & Mucsi A. 2025. The impact of acculturative stress and sociocultural adaptation on international student satisfaction and loyalty. *International Journal of Intercultural Relations*, 109: 1-14. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2025.102292.

Oberg K. 1960. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Anthropology*, 7 (4): 177–182.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вукчевич Неманья, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич, г. Лепосавич, Республика Сербия.
https://orcid.org/0000-0003-3682-3888

Видойкович Милена, магистр филологических наук, аспирант кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nemanja Vukčević, Candidate of Sociological Sciences, Research fellow, the Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić, Leposavić city, Republic of Serbia.
https://orcid.org/0000-0003-3682-3888

Milena Vidojković, Master of Philological Sciences, Postgraduate Student of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia.

УДК 364.4
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-747-758
EDN FEANTU

Профилактика социального сиротства в Узбекистане: взаимодействие государства и общественных организаций

Ибрагимова Н.Р.
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ
Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, пр-кт Средний В.О., д. 57/43
ibragimova.nadira82@mail.ru

Аннотация. В условиях трансформации системы социальной защиты детей в Узбекистане возрастает значимость роли негосударственных некоммерческих организаций (ННО) в профилактике социального сиротства. При этом опыт Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» остаётся фрагментарно внедрённым в практику, несмотря на соответствие международным стандартам и совпадение с государственными приоритетами. При этом механизмы взаимодействия между государственными структурами и ННО в условиях усиливающегося институционального контроля изучены недостаточно. Цель исследования – оценка вклада Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» в развитие семейных форм устройства, поддержку уязвимых семей, профилактику потери родительской опеки, и выявление барьеров внедрения её опыта в государственную систему. Методология включает качественный анализ программной деятельности Ассоциации и нормативных документов, а также анализ вторичных данных. Установлено, что среди факторов, сдерживающих сотрудничество, преобладают стремление к централизованному контролю в социальной политике, опасения по поводу подрыва авторитета государственных структур и конкуренция за бюджетные средства. Полученные результаты вносят вклад в развитие научного подхода к устойчивому межсекторному партнёрству в социальной сфере.

Ключевые слова: социальная работа, негосударственные некоммерческие организации, семейные формы устройства, социальное партнерство, де-институционализация, международные организации-доноры

Для цитирования: Ибрагимова Н.Р. 2025. Профилактика социального сиротства в Узбекистане: взаимодействие государства и общественных организаций. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 747–758. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-747-758 EDN: FEANTU

Prevention of Social Orphanhood in Uzbekistan: Interaction Between the State and Non-Governmental Organizations

Nodira R. Ibragimova
North-West Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
57/43 Sredniy V.O. Ave., St. Petersburg 199178, Russian Federation
ibragimova.nadira82@mail.ru

Abstract. It is extremely important to analyze the role of non-governmental non-profit organizations (NGOs) in preventing social orphanhood during the ongoing transformation of the child social protection system in Uzbekistan. However, the experience of the Association “SOS – Children’s Villages of Uzbekistan” remains only partially integrated into state practice despite its alignment with

© Ибрагимова Н.Р., 2025

international standards and consistency with the national priorities. At the same time, the mechanisms of interaction between governmental structures and NGOs in the conditions of increasing institutional control have not been sufficiently studied. The aim of the research is to assess the contribution of the Association "SOS – Children's Villages of Uzbekistan" to the development of family-based care, support for vulnerable families, and prevention of the loss of parental care, as well as to identify barriers to integrating its practices into the state system. The methodology includes a qualitative analysis of the Association's program activities and regulatory documents, along with an examination of secondary data. The findings reveal that cooperation is hindered primarily by tendencies toward centralized control within the social policy, concerns about weakening the authority of state institutions, and competition for budgetary resources. The results contribute to the scientific understanding of sustainable intersectoral partnership in the social sphere.

Keywords: social work, non-governmental non-profit organizations, family forms of placement, social partnership, de-institutionalization, international organizations acting as donors

For citation: Ibragimova N.R. 2025. Prevention of Social Orphanhood in Uzbekistan: Interaction Between the State and Non-Governmental Organizations. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 747–758 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-747-758 EDN: FEANTU

Введение

Социальное сиротство представляет собой одну из наиболее острых проблем в Республике Узбекистан, что требует системного и комплексного подхода к ее решению. Согласно официальным данным Национального агентства социальной защиты при Президенте Республики Узбекистан от сентября 2024 года, в стране зарегистрировано: 4 751 ребенок – круглые сироты; 5 796 детей лишены родительской опеки; 4 752 ребенка – дети погибших матерей-одиночек; 62 923 детям оформлены опекунство и попечительство; 50 554 ребенка находятся под опекой и попечительством по причине трудовой миграции родителей. В течение 2024 года 254 ребенка были возвращены в биологические семьи [1].

В статье «Практика социальной работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей в Узбекистане» (2022 год), указывается, что в стране зарегистрировано 33 680 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Из них 21 856 детей находятся под опекой и попечительством; 1 947 детей воспитываются в патронатных семьях; около 10 000 детей находятся на полном государственном обеспечении в специализированных учреждениях. Каждый год более 900 родителей лишаются родительских прав, а свыше 2 000 детей направляются в интернатные учреждения. На учете органов внутренних дел состоят более 12 000 неблагополучных семей, в которых проживают свыше 18 000 детей [Абдурахманова и др., 2022].

Население Узбекистана в 2022 году составляло 35 821 000 чел., детей в возрасте до 18 лет было 11 340 700[2]. Это означает, что доля детей, нуждающихся в помощи государства и общества, составляет примерно 0,5 %. На первый взгляд это немного, но в абсолютных числах – это большая группа населения, требующая серьезных ресурсов для своей поддержки и оказывающая заметную нагрузку на систему социальной защиты страны. Ситуация осложняется значительной миграцией трудоспособного населения сраны, что приводит к передаче детей под опеку родственников или государства.

[1] Национальное агентство социальной защиты при Президенте Республики Узбекистан. Открытые данные // Официальный сайт Национального агентства социальной защиты. https://ihma.uz/открытые-данные/ (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Демографическая ситуация в Республике Узбекистан за январь-сентябрь 2022 года // Официальный сайт Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан. – URL: demografiya-press-reliz-27_10_2022-rus.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

В последние годы Узбекистан активно проводит реформы в сфере социальной защиты детей и осуществляет политику деинституционализации, направленную на развитие семейных форм устройства детей-сирот. По распоряжению Президента Республики Узбекистан, Указ № УП-82 от 01.06.2023[1], было создано Национальное агентство социальной защиты (НАСЗ). В районах и городах страны были открыты Центры социальных услуг «Инсон», оказывающие помощь уязвимым категориям граждан, включая детей, оставшихся без попечения родителей. Данные меры направлены на сокращение институциональных учреждений, что соответствует международным стандартам защиты прав ребёнка.

Подчеркнем, что важную роль в решении данной проблемы играют не только государственные структуры, но и негосударственные некоммерческие организации (ННО), такие как Ассоциация «SOS – Детские деревни Узбекистана». Начиная с 1997 года, она является одной из ключевых организаций, реализующих семейные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В отличие от традиционных детских домов, подход Ассоциации основан на принципах семейной опеки, индивидуального подхода и социальной адаптации детей.

Сегодня внимание исследователей во всем мире направлено на изучение различных аспектов данной проблемы, в том числе ее профилактике. Ученые отмечают, что значительную роль в профилактике социального сиротства и безнадзорности играют образовательные учреждения. Выявление детей из неблагополучных семей, тесное сотрудничество с социальными службами и правоохранительными органами, усиление воспитательной работы, правовое просвещение, семейное консультирование, поддержка семей, находящихся в сложных ситуациях и повышение квалификации педагогов и психологов для работы с уязвимыми семьями и детьми являются ключевыми элементами эффективной профилактики. Тем не менее межведомственное взаимодействие остается недостаточным, что снижает эффективность профилактических мер [Поликашина, 2016].

Согласно исследованиям, алгоритмы поддержки семей в кризисных ситуациях включают раннее выявление групп риска; оказание комплексной поддержки, включающий медицинскую, психологическую, социальную и юридическую; создание кризисных центров для матерей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, условий для сохранения ребёнка в семье, обеспечив материальную помощь, временное жильё, родительские курсы. Авторы отмечают, что ключевую роль в снижении числа социальных сирот играет межведомственное сотрудничество и системная поддержка семей; подчеркивают, что предложенная система может быть адаптирована в Узбекистане, особенно с учетом реформ в социальной сфере [Хусанова и др., 2020].

Мировая практика показывает, что успешные модели социальной защиты детей-сирот ориентированы на семейные формы устройства и предотвращение разлучения детей с родителями. Основные подходы в развитых странах следующие: в США действует система патронатных семей (foster care), где дети находятся временно, пока не вернутся в биологическую семью или не будут усыновлены; в Германии распространены социальные деревни, напоминающие модель «SOS – Детских деревень», а также программы раннего выявления кризисных семей; в Великобритании внедрена экстренная фостерная помощь (emergency foster care) для быстрого размещения детей в случае кризиса в семье; Франция делает упор на поддержку кризисных семей, предлагая широкий спектр социальных услуг, чтобы предотвратить социальное сиротство. В ряде стран применяется фостерная система, экстренная помощь и программы раннего вмешательства, что помогает предотвращать социальное сиротство.

[1] Указ Президента Республики Узбекистан № УП-82 от 01.06.2023 «О дополнительных мерах по совершенствованию системы защиты семьи и детей» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: https://lex.uz/uz/docs/6480351 (дата обращения: 30.04.2025).

Исследователи подчеркивают, что успешные зарубежные практики могут быть адаптированы в Узбекистане для повышения эффективности социальной защиты детей-сирот, а также улучшения механизмов поддержки приемных семей и постинтернатного сопровождения [Шарипова, 2023]. Кроме того, по мнению ученых, необходимо учитывать значительную роль неправительственных организаций в профилактике социального сиротства, в реабилитации беспризорных детей и их успешной социализации [Абдурахманова и др., 2022]. Конструктивное взаимодействие государственных структур и ННО, таких как Ассоциация «SOS – Детские деревни Узбекистана», должно играть решающую роль в обеспечении устойчивых изменений в сфере детского благополучия в стране.

Однако, несмотря на очевидные достижения в изучении проблематики социального сиротства, проведенный выше анализ показывает недостаточное внимание к изучению практик, подобных модели «SOS – Детских деревень», в контексте Узбекистана. В условиях продолжающейся реформы системы социальной защиты возникает необходимость анализа роли Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана», её вклада в развитие альтернативных форм устройства и профилактику социального сиротства.

Это и определило исследовательский вопрос настоящей работы: в какой мере деятельность ННО может быть включена в систему социальной защиты детей в Узбекистане и какие барьеры препятствуют полноценному признанию их роли государством?

Задачи исследования включают: анализ деятельность Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» в области профилактики социального сиротства и поддержки уязвимых семей; исследование действующих государственных мер по реформированию системы социальной защиты детей в Узбекистане, включая нормативно-правовую базу; сопоставление направлений деятельности Ассоциации с целями и задачами, обозначенными в Указе Президента Республики Узбекистан № УП-185 от 14 ноября 2024 г. и Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 893 от 27 декабря 2024 года; выявление причин двойственного отношения государственных структур к ННО в Узбекистане.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу составила информация, полученная из научных источников, отчётов и публикаций Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана», а также нормативно-правовые акты, регулирующих сферу социальной защиты детей в Республике Узбекистан. В исследовании использовались методы качественного анализа и анализа вторичных данных.

Причины и профилактика социального сиротства

В научной литературе отмечается, что ключевыми причинами социального сиротства являются: социально-экономическое неблагополучие, низкий уровень доходов семей, отсутствие доступа к качественным услугам в сферах образования и здравоохранения. Социальные проблемы, такие как бедность, безработица, злоупотребление алкоголем и наркотиками, приводят к разрушению семейных связей и потере родительской опеки детьми [Левашов, 2023].

Проблематика бедности тесно связана с вопросами семейного благополучия и рисков социального сиротства. Как отмечают Е.В. Медиков и Т.Е. Демидова, снижение уровня бедности является одной из ключевых задач социальной политики, поскольку бедность подрывает устойчивость семьи и ограничивает её воспитательный потенциал [Медиков, Демидова, 2020]. По мнению авторов, государственная поддержка нередко фокусируется на компенсационных мерах, а не на профилактике социальных рисков, что

требует переосмысления подходов к защите семьи как института. Эти выводы согласуются с современными тенденциями в социальной политике к смещению акцента с ликвидации последствий к предупреждению семейного неблагополучия.

Современные исследователи подчеркивают, что социальное сиротство является не только следствием экономических трудностей, но и проявлением более глубоких процессов социальной дезинтеграции. По мнению А.Н. Тесленко, оно представляет собой сложный девиантологический феномен, связанный с межпоколенческими механизмами утраты родительской ответственности. На основе 52 нарративных интервью исследователь показал, что для большинства матерей-отказниц характерны эмоциональная незрелость, инфантилизм и дефицит родительских компетенций, тогда как экономические факторы играют второстепенную роль [Тесленко, 2022]. Эти выводы позволяют рассматривать профилактику социального сиротства как культурно-воспитательную задачу, направленную на укрепление родительских ценностей и формирование позитивных моделей семейных отношений.

Результаты социологического исследования, проведённого Е.И. Мозговой и С.В. Татаринцевой, подтверждают, что социальное сиротство имеет не только экономические и правовые, но и социокультурные причины, связанные с утратой традиционных семейных ценностей, снижением воспитательной функции семьи и ростом девиантного поведения родителей. Исследователи указывают, что профилактика социального сиротства должна строиться на комплексной основе – сочетать социально-экономические, психологические и культурно-воспитательные меры, направленные на укрепление родительства и повышение педагогической культуры родителей [Мозговая, Татаринцева, 2025]. В этом контексте деятельность Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» по развитию ответственного родительства и поддержке семей в кризисе можно рассматривать как реализацию социокультурных стратегий профилактики сиротства, ориентированных на восстановление доверия и семейных связей.

Важное место в системе профилактики социального сиротства занимает социально-педагогическая и психологическая поддержка семей, находящихся в сложной жизненной ситуации.

Исследователи выделяют несколько уровней профилактики:

1. Общий уровень профилактики направлен на устранение социальных и экономических проблем, улучшение условий жизни семей, поддержку позитивного воспитания детей.

2. Социально-педагогическая и психологическая профилактика сосредоточена на поддержке семей с проблемами, выявлении групп риска и проведении коррекционной работы.

3. Индивидуальная профилактика включает поддержку семей в кризисных ситуациях, помощь в реинтеграции ребенка в семью, а также комплексную помощь матерям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации [Киршина, Бибикова, 2024].

В последние годы в социологии развивается концепция профессионализации заботы, которая помогает рассматривать приёмное родительство не только как проявление любви и морального долга, но и как социально значимую работу, требующую подготовки, знаний и компетенций. Как подчёркивают Ж.В. Чернова и М. Кулмала, забота в современных обществах становится общественным ресурсом, от качества которого зависит благополучие детей и устойчивость семей [Чернова, Кулмала, 2018]. Приёмное родительство, особенно в условиях детских деревень, можно понимать как форму профессионализированной заботы, соединяющую моральные и социальные основания. Такой подход позволяет рассматривать деятельность Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» как пример профессионализации заботы, когда родительство сочетается с социальной миссией, а семейная среда становится инструментом профилактики сиротства и деинституционализации.

Опыт Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» в части психолого-педагогического сопровождения приёмных семей соотносится с результатами исследования Л.А. Метляковой и А.С. Радостевой, показавшими высокую эффективность системной поддержки детей из замещающих семей в условиях партнёрства между образовательными учреждениями и службами сопровождения семей при центрах помощи детям. Авторы отмечают, что ключевыми условиями успешной адаптации детей являются создание объединений замещающих родителей (семейных клубов), организация методического взаимодействия специалистов школ и социальных служб, а также проведение согласованных психокоррекционных программ, направленных на снижение тревожности и укрепление эмоционального благополучия ребёнка [Метлякова, Радостева, 2025]. В этом контексте деятельность Ассоциации по формированию профессионального сообщества приёмных родителей, регулярные супервизии и развитие межведомственного взаимодействия можно рассматривать как локальную модель интегрированной психолого-педагогической поддержки.

Проведённые российскими исследователями пространственные анализы социального сиротства показывают, что уровень сиротства определяется прежде всего духовно-нравственными и культурными факторами. Так, Т.А. Балина, З.П. Замараева и А.А. Игнатьева выявили почти двадцатикратные различия между регионами России – от минимальных показателей в республиках Северного Кавказа до максимальных на Дальнем Востоке, при этом материальное благополучие населения не является определяющим фактором. Наиболее значимыми оказываются сохранность семейных традиций, национально-конфессиональные особенности и устойчивость институтов семьи [Балина, Замараева, Игнатьева, 2024]. Эти выводы важны и для Узбекистана, где профилактика социального сиротства требует учёта культурных и ценностных особенностей общества, а также консолидации усилий государства, ННО и местных сообществ.

Узбекские исследователи всё чаще акцентируют внимание на необходимости профилактики социального сиротства именно на уровне местных сообществ и межведомственного взаимодействия, подчёркивают, что отсутствие действенного мониторинга семей в кризисной ситуации, а также слабая поддержка социальных и образовательных служб затрудняет раннее выявление случаев риска потери родительской опеки. Отмечена значимость углублённого анализа причин попадания детей в институциональные учреждения и комплексного подхода к сопровождению семей с рисками [Субханова, Хайдаров, 2024]. Также внимание уделяется вопросам духовного и нравственного воспитания родителей как важного фактора защиты ребёнка в семье [Исмаилова, 2022]. Кроме того, авторы поднимают вопросы инклюзии детей с особыми потребностями, делая акцент на необходимость более тесной координации между социальной защитой и образовательными структурами [Исмоилова, 2023]. Исследователи подчёркивает значимость профилактики сиротства в семейной среде, необходимость многоуровневого сопровождения, включая поддержку социальных, медицинских и образовательных учреждений.

Роль Ассоциации в системе социальной защиты детей

Ассоциация «SOS – Детские деревни Узбекистана», созданная в 1997 году как ННО, на протяжении почти трех десятилетий работает в сфере защиты прав и интересов детей. Это единственная в Узбекистане негосударственная организация, предоставляющая услуги для детей, оставшихся без попечения родителей, и уязвимых семей, где существует высокий риск разлучения детей с родителями. Основные цели Ассоциации заключаются в предотвращении социального сиротства, создании условий для защиты детей, оказавшихся в кризисных ситуациях, и укреплении семей, что соответствует передовым международным стандартам в области социальной защиты детей.

Рассматривая деятельность Ассоциации через призму социологического анализа, можно отметить, что реализуемая модель профилактики социального сиротства отражает тенденции, описанные в современной научной литературе: переход от институциональных форм заботы к профессионализированной семейной модели, сочетающей элементы социальной работы, воспитания и ответственности [Чернова, Кулмала, 2018; Метлякова, Радостева, 2025].

С 2007 года Ассоциация «SOS – Детские деревни Узбекистана» активно внедряет профилактическую модель социальной защиты, ориентированную на сохранение семейных связей и предотвращение разлучения детей с родителями.

Комплекс мероприятий включает:

1. Проведение тренингов для опекунов и приемных родителей, направленных на развитие родительских навыков, формирование ответственного родительства и создание благоприятной воспитательной среды.

2. Обучение финансовой грамотности и планированию семейного бюджета, что способствует снижению риска отказа от ребенка по причине бедности.

3. Психологическую поддержку родителей, включающую консультации по вопросам воспитания детей, помощь в управлении стрессом и преодолении кризисных ситуаций.

4. Тренинги по эмоциональному воспитанию, направленные на улучшение понимания детей, предотвращение конфликтов и жестокого обращения в семье.

5. Подход Ассоциации основывается на принципах комплексности, индивидуальности и профилактики. Мероприятия охватывают как детей, так и их семьи, создавая условия для устойчивого воссоединения и адаптации. В случаях, когда возвращение ребёнка в биологическую семью отвечает его наилучшим интересам, Ассоциация организует процесс реинтеграции с последующим мониторингом семьи, что способствует восстановлению детско-родительских отношений и укреплению семейных связей [1].

После создания в Узбекистане Национального агентства социальной защиты (НАСЗ) в 2023 году Ассоциация «SOS – Детские деревни Узбекистана» активно включилась в работу по сопровождению детских домов семейного типа (ДДСТ). С начала 2024 г. внедряются методы индивидуального подхода к воспитанникам и приёмным родителям ДДСТ, что обеспечивает комплексное сопровождение детей, социальную адаптацию, эмоциональное благополучие и формирование навыков самостоятельной жизни. Приёмные родители получают поддержку в виде тренингов, консультаций и регулярных психологических супервизий, что способствует предупреждению эмоционального выгорания и повышению устойчивости к кризисным ситуациям.

Кроме того, Ассоциация проводит специализированные тренинги для сотрудников социальных центров, направленные на развитие профессиональных компетенций по ключевым темам, таким как гейткипинг (предотвращение институционализации детей); кейс-менеджмент и индивидуальный подход в работе с детьми; защита прав детей, гендерное равенство и принципы Конвенции ООН о правах ребенка; методы выявления и предотвращения жестокого обращения с детьми.

Важно отметить, что направления деятельности Ассоциации уже во многом соответствуют приоритетам, определённым в последующих нормативных актах. В частности, Указ Президента Республики Узбекистан № УП-185 от 14 ноября 2024 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы социальной защиты детей» [2] определяет основные направления реформирования системы социальной защиты,

[1] Официальный сайт Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана». URL: https://www.sos-kd.uz/ (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Указ Президента Республики Узбекистан № УП-185 от 14.11.2024 «О мерах по совершенствованию системы социальной защиты детей» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/ru/docs/7228844 (дата обращения: 30.04.2025).

направленные на создание условий для обеспечения благополучия детей, оставшихся без попечения родителей, и их успешной интеграции в общество, развитие семейных форм устройства детей, улучшение системы социальной поддержки семей в трудной жизненной ситуации и повышение квалификации специалистов в сфере защиты детей. Ассоциация «SOS – Детские деревни Узбекистана» активно поддерживает данные инициативы, оказывая комплексную психосоциальную поддержку приёмным родителям, а также содействуя профессиональному развитию специалистов социальных центров. Это способствует повышению компетенций в вопросах защиты прав детей и развития семейных форм воспитания.

В свою очередь, Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 893 от 27 декабря 2024 года [1], принятое в рамках реализации положений Указа Президента Республики Узбекистан № УП-185, закрепляет конкретные механизмы выявления, учета и устройства детей, оставшихся без попечения родителей, а также меры по их социальной адаптации. Особое внимание уделено подготовке специалистов, работающих с уязвимыми категориями населения, и совершенствованию процессов гейткипинга – системы мер по предотвращению необоснованной институционализации детей и обеспечению приоритетного семейного воспитания. Ассоциация «SOS – Детские деревни Узбекистана» в рамках своей деятельности активно участвует в данных мероприятиях, обучая социальных работников принципам раннего выявления семейного неблагополучия, индивидуального сопровождения детей и семей, а также профилактике жестокого обращения с детьми. Программы Ассоциации направлены на развитие профессиональных компетенций сотрудников социальных служб, что позволяет более эффективно защищать права детей и обеспечивать их благополучие в условиях семейного окружения.

Таким образом, деятельность Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» изначально соответствовала стратегическим приоритетам, определённым в Указе Президента и Постановлении Кабинета Министров, что позволяет ей эффективно взаимодействовать с государственными структурами и способствовать достижению общих целей по обеспечению прав и защиты детей в Узбекистане.

Однако, несмотря на то, что целый ряд направлений, обозначенных в Указе Президента Республики Узбекистан № УП-185 и Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 893, уже реализовывался совместно с Ассоциацией «SOS – Детские деревни Узбекистана», Национальное агентство социальной защиты не учло многолетний опыт Ассоциации и не признало ее в качестве ключевого партнера, предпочитая реализовывать аналогичные программы собственными силами, используя недавно сформированные государственные структуры. Это позволяет поставить вопрос: «*Почему несмотря на многолетний опыт Ассоциации, государство воспринимает её как конкурента в сфере защиты прав детей и социальной помощи? Почему между ними не складываются отношения, дающие синергетический эффект?*»

Можно выделить несколько причин сложных и противоречивых отношений между государством и неправительственными некоммерческими организациями в этой области.

Угроза монополии государства на социальные услуги: когда государство часто стремится контролировать все аспекты социальной политики, особенно в странах с сильной государственной властью и централизованной системой управления. ННО, предоставляющие социальные услуги, могут восприниматься как угроза монополии государства на помощь уязвимым группам, что может подорвать авторитет государственных структур [Stroup, 2020].

[1] Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 893 от 27.12.2024 «О мерах по совершенствованию системы социальной защиты детей» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/docs/7283077 (дата обращения: 30.04.2025).

Конкуренция за ресурсы: при ограниченных бюджетных средствах государство и ННО могут конкурировать за финансирование, включая государственные субсидии, что создает конфликт интересов, так как государственные структуры стремятся сохранить контроль над распределением средств [Salamon, 1994].

Боязнь потери контроля и управления: государственные органы стремятся сохранить контроль над процессами предоставления социальных услуг, чтобы не утратить влияние на целевые группы и не подвергнуться критике в случае неэффективности реализуемых программ [Najam, 2000].

Недооценка роли ННО и недоверие к профессионализму их сотрудников: в случаях с устоявшимися государственными институтами часто существует стереотип о непрофессионализме ННО и их неспособности решать масштабные социальные проблемы. Это подкрепляется отсутствием систематической оценки деятельности ННО и механизмов взаимодействия с государственными структурами [Banks et al., 2015].

В случае Узбекистана причины конкурентных взаимоотношений между государством и Ассоциацией «SOS – Детские деревни Узбекистана» во многом схожи с теми, что наблюдаются в других странах, но можно предположить несколько дополнительных факторов:

Централизация власти и контроль над социальной сферой: в Узбекистане государство традиционно контролирует социальную политику, а активность ННО рассматривается как вмешательство в государственные дела.

Опасения утраты авторитета: государственные органы могут опасаться, что успешная деятельность Ассоциации будет акцентировать недостатки работы государственных структур.

Важно подчеркнуть, что взаимоотношения между государством и ННО в Узбекистане часто строятся по принципу субординации, а не партнёрства. Это выражается в недостаточной вовлечённости ННО в процесс принятия решений и разработку нормативно-правовых актов. Сотрудничество не носит системного характера, механизмы взаимодействия не отработаны. Кроме того, отсутствуют чёткие критерии оценки работы ННО, что мешает объективно оценивать их вклад в сферу социальной защиты и решения проблем социального сиротства.

Таким образом, многолетний опыт Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» в области защиты прав детей и профилактики социального сиротства остаётся недооценённым. Государственные программы и нормативные документы, направленные на реформирование социальной защиты, недостаточно учитывают успешные практики Ассоциации, доказавшие свою эффективность в работе с детьми, оставшимися без попечения родителей.

Заключение

Проведённый выше анализ позволил сделать ряд выводов, отражающих современное состояние системы профилактики социального сиротства в Узбекистане, а также показать значительный вклад Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» в эту сферу.

Во-первых, деятельность Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана», основанная на международной модели семейного воспитания и индивидуального сопровождения детей, демонстрирует высокую степень эффективности в предотвращении социального сиротства. Ассоциация осуществляет комплексную поддержку уязвимых семей, способствует возвращению детей в биологические семьи, работает с приемными родителями, а также реализует образовательные и психосоциальные программы. Данная деятельность соответствует международным стандартам в области защиты прав ребенка и в значительной мере уже реализует те

принципы, которые позже были обозначены в официальных государственных стратегических документах.

Во-вторых, исследование действующих государственных реформ, в том числе Указа Президента № УП-185 от 14 ноября 2024 года и Постановления Кабинета Министров № 893 от 27 декабря 2024 года, показало, что государство взяло курс на деинституционализацию, развитие семейных форм устройства детей и повышение качества работы специалистов в сфере социальной защиты. И эти направления полностью соотносятся с многолетней практикой Ассоциации. Однако при этом существует недостаток системного подхода к интеграции успешного опыта ННО в общенациональные программы.

В-третьих, выявлены ключевые причины двойственного отношения государственных структур к неправительственным некоммерческим организациям, в частности к Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана». К ним относятся стремление к централизованному контролю в социальной политике, опасения по поводу подрыва авторитета государственных структур, а также конкуренция за бюджетные средства. Такое положение снижает эффективность реализации социальной политики, ограничивая возможности синергии между государственными и неправительственными акторами.

Таким образом, полноценное взаимодействие государства и Ассоциации «SOS – Детские деревни Узбекистана» требует принятия комплексных мер по созданию правовых механизмов партнёрства, признанию роли ННО и формированию благоприятной среды для их деятельности. Реализация данных рекомендаций позволит обеспечить устойчивое развитие системы социальной защиты детей и повышение качества жизни уязвимых категорий населения. Исследование подтверждает значимость социокультурных факторов в профилактике социального сиротства и демонстрирует, что взаимодействие государства и ННО должно рассматриваться не только как административный, но и как социальный процесс, включающий доверие, профессионализацию заботы и формирование гражданских практик поддержки семьи.

Перспективными в избранной теме представляются изучение международного опыта взаимодействия государства и ННО в сфере профилактики социального сиротства, где выстроено устойчивое партнёрство между государственными структурами и гражданским сектором. Это позволит выявить лучшие практики и адаптировать их для Узбекистана; исследование организационной культуры как в структурах ННО, так и в государственных органах социальной защиты. Особое внимание следует уделить тому, как внутренние ценности, управленческие подходы и нормы взаимодействия внутри организаций влияют на эффективность партнёрства, реализацию совместных инициатив и уровень взаимного доверия. Анализ организационной культуры позволит глубже понять институциональные барьеры и ресурсы, определяющие возможность интеграции ННО в систему государственной социальной политики.

Список литературы

Абдурахманова М., Хонкелдиева К., Рахматшоева Н. 2022. Практика социальной работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей в Узбекистане. O‘zbekistonda fanlararo innovatsiyalar va ilmiy tadqiqotlar jurnali, 12: 901–904.

Балина Т.А., Замараева З.П., Игнатьева А.А. 2024. Пространственный анализ социального сиротства как индикатора благополучия населения. Экономико-географические исследования, 3(2): 45–58.

Исмаилова Б.Х. 2022. Alohida ehtiyojli bolalarning rivojlanishi. Bola tarbiyasida oilaning o‘rni. Экономика и социум, 9(100): 375–382.

Исмоилова Д. 2023. Bolalarning mehribonlik uyiga tushish sabablari ijtimoiy-psixologik tahlili. Journal of Academic Research and Trends in Educational Sciences, 2: 13–19.

Киршина Ю.В., Бибикова Н.В. 2024. Профилактика социального сиротства: проблемы и перспективы. Наука в жизни человека, 2024: 64–72.

Левашов В.К. 2023. Бедность и детская безнадзорность. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году: монография / под ред. В.К. Левашова. Москва: ФНИСЦ РАН, 263–273.

Медиков Е.В., Демидова Т.Е. 2020. Бедность и социальное сиротство: взаимосвязь и пути профилактики. Вестник социально-гуманитарных исследований, 4(12): 122–131.

Метлякова Л.А., Радостева А.С. 2025. Социально-педагогическое сопровождение детей из замещающих семей: проблемы и решения. Вестник педагогических инноваций, 1(45): 88–97.

Мозговая Е.И., Татаринцева С.В. 2025. Социокультурные факторы социального сиротства и профилактические стратегии семейной политики. Журнал социологических исследований, 2(38): 41–52.

Поликашина О.В. 2016. О роли образовательных организаций в профилактике правонарушений несовершеннолетних. Наука и школа, 6: 41–46.

Субханова Х., Хайдаров С. 2024. Ijtimoiy pedagogning maktab yoshidagi bolalar bilan ish yuritish. Science and Education, 6: 200–202.

Тесленко А.Н. 2022. Социальное сиротство как девиантологический феномен: результаты качественного исследования. Социология и социальная работа, 5(21): 83–94.

Хусанова Д.Г., Хрульнова Г.В., Базарова Р.А., Яхняева М.Ш. 2020. Алгоритм совместных действий по профилактике раннего социального сиротства. Инновационное развитие образования, науки и технологий: сб. науч. тр. международной конференции / под ред. А.В. Туголукова. Москва: ИП Туголуков, 114–126.

Чернова Ж.В., Кулмала М. 2018. Забота как труд и моральная практика: профессионализация заботы в постсоветском пространстве. Журнал исследований социальной политики, 16(3): 323–340.

Шарипова К. 2023. Yetim va ota-ona qaromog‘isiz qolgan bolalarni ijtimoiy himoyalashda xalqaro rivojlangan davlatlar tajribasi. Academic Research in Educational Sciences, Periodical Collection 7: 177–183.

Banks N., Hulme D., Edwards M. 2015. NGOs, States, and Donors Revisited: Still Too Close for Comfort? World Development, 66: 707–718.

Najam A. 2000. NGO Accountability: A Conceptual Framework. Development Policy Review, 14(4): 339–353.

Salamon L.M. 1994. Partners in Public Service: Government–Nonprofit Relations in the Modern Welfare State. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Stroup S. 2020. NGOs and States in Global Politics: A Brief Review. Political Studies, 63(2): 353–372.

References

Abdurakhmanova M., Khonkeldieva K., Rakhmatshoeva N. 2022. Praktika sotsial'noi raboty s det'mi-sirotami i det'mi, ostavshimisya bez popecheniya roditeley v Uzbekistane [Practice of social work with orphans and children left without parental care in Uzbekistan]. O‘zbekistonda fanlararo innovatsiyalar va ilmiy tadqiqotlar jurnali, 12: 901–904.

Balina T.A., Zamaraeva Z.P., Ignat'eva A.A. 2024. Prostranstvenniy analiz sotsial'nogo sirotstva kak indikatora blagopoluchiya naseleniya [Spatial analysis of social orphanhood as an indicator of population well-being]. Ekonomiko-geograficheskie issledovaniya, 3(2): 45–58.

Ismailova B.Kh. 2022. Alohida ehtiyojli bolalarning rivojlanishi. Bola tarbiyasida oilaning o‘rni [Development of children with special needs. The role of family in upbringing]. Ekonomika i sotsium, 9(100): 375–382.

Ismoilova D. 2023. Bolalarning mehribonlik uyiga tushish sabablari ijtimoiy-psixologik tahlili [Socio-psychological analysis of the reasons for children's placement in orphanages]. Journal of Academic Research and Trends in Educational Sciences, 2: 13–19.

Kirshina Yu.V., Bibikova N.V. 2024. Profilaktika sotsial'nogo sirotstva: problemy i perspektivy [Prevention of social orphanhood: problems and prospects]. Nauka v zhizni cheloveka, 2024: 64–72.

Levashov V.K. 2023. Bednost' i detskaya beznadzornost' [Poverty and Child Neglect]. In: Rossiyskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh global'noi mnogopolyarnosti [Russian society and state under global multipolarity]. Monograph / ed. by V.K. Levashov. Moscow: FNISC RAN, 263–273.

Medikov E.V., Demidova T.E. 2020. Bednost' i sotsial'noe sirotstvo: vzaimosvyaz' i puti profilaktiki [Poverty and social orphanhood: interrelation and prevention measures]. Vestnik sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy, 4(12): 122–131.

Metlyakova L.A., Radosteva A.S. 2025. Sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie detey iz zameshchayushchikh semey: problemy i resheniya [Socio-pedagogical support for children from foster families: problems and solutions]. Vestnik pedagogicheskikh innovatsiy, 1(45): 88–97.

Mozgovaya E.I., Tatarintseva S.V. 2025. Sotsiokul'turnye faktory sotsial'nogo sirotstva i profilakticheskie strategii semeynoy politiki [Sociocultural factors of social orphanhood and preventive strategies of family policy]. Zhurnal sotsiologicheskikh issledovaniy, 2(38): 41–52.

Polikashina O.V. 2016. O roli obrazovatel'nykh organizatsiy v profilaktike pravonarusheniy nesovershennoletnikh [On the role of educational institutions in the prevention of juvenile delinquency]. Nauka i shkola, 6: 41–46.

Subxanova Kh., Xaydarov S. 2024. Ijtimoiy pedagogning maktab yoshidagi bolalar bilan ish yuritish [Social pedagogue's work with school-age children]. Science and Education, 6: 200–202.

Teslenko A.N. 2022. Sotsial'noe sirotstvo kak deviantologicheskiy fenomen: rezul'taty kachestvennogo issledovaniya [Social orphanhood as a deviantological phenomenon: results of a qualitative study]. Sotsiologiya i sotsial'naya rabota, 5(21): 83–94.

Khusanova D.G., Khrulnova G.V., Bazarova R.A., Yakhnyaeva M.Sh. 2020. Algoritm sovmestnykh deystviy po profilaktike rannego sotsial'nogo sirotstva [Algorithm of joint actions for the prevention of early social orphanhood]. In: Tugolukov A.V. ed. Innovatsionnoe razvitie obrazovaniya, nauki i tekhnologiy. Moscow: IP Tugolukov, 114–126.

Chernova Zh.V., Kulmala M. 2018. Zabota kak trud i moral'naya praktika: professionalizatsiya zaboty v postsovetskom prostranstve [Care as labor and moral practice: professionalization of care in the post-Soviet space]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki, 16(3): 323–340.

Sharipova K. 2023. Yetim va ota-ona qaromog'isiz qolgan bolalarni ijtimoiy himoyalashda xalqaro rivojlangan davlatlar tajribasi [Experience of developed countries in social protection of orphans and children left without parental care]. Academic Research in Educational Sciences, Periodical Collection 7: 177–183.

Banks N., Hulme D., Edwards M. 2015. NGOs, States, and Donors Revisited: Still Too Close for Comfort? World Development, 66: 707–718.

Najam A. 2000. NGO Accountability: A Conceptual Framework. Development Policy Review, 14(4): 339–353.

Salamon L.M. 1994. Partners in Public Service: Government–Nonprofit Relations in the Modern Welfare State. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Stroup S. 2020. NGOs and States in Global Politics: A Brief Review. Political Studies, 63(2): 353–372.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ибрагимова Нодира Рузматовна, аспирантка кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nodira R. Ibragimova, Postgraduate Student of the department of social technologies, North-West Institute of Management – Branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia.

УДК 316.472.45
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-759-769
EDN FPQCCP

Реализация гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве региона (на примере Белгородской области)

Медведев С.В., Данакин Н.С., Качурова Е.В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
Medvedev_S@bsuedu.ru, danakin@bsuedu.ru, Kachurova@bsuedu.ru

Аннотация. Реализация гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве региона приобретает особое значение в условиях роста цифровизации общества и активного развития социальных медиа как платформ для взаимодействия граждан и власти. Однако в научной среде наблюдается недостаток комплексных исследований, анализирующих специфику и эффективность именно региональных социально-сетевых коммуникаций в контексте гражданской активности. Цель исследования – оценить влияние цифровых платформ на повышение эффективности гражданской активности. В ходе работы выявлены ключевые тенденции социально-сетевого взаимодействия: формирование децентрализованных, адаптивных и самоорганизующихся коммуникационных структур, а также переход пользователей к роли как создателей, так и потребителей контента. Установлены основные препятствия, затрудняющие мобилизацию и координацию гражданских инициатив: слактивизм, несопоставимость онлайн- и офлайн-активизма, деструктивное воздействие цифровых технологий и воздействие социальных ботов. Результаты исследования показывают, что социально-сетевое пространство создает благоприятные условия для распространения гражданских инициатив, обеспечивая доступ к ресурсам, широкой аудитории и эффективным коммуникационным инструментам, что способствует росту масштаба и результативности гражданской активности. Сделан вывод о важности поддержки и развития цифровых платформ как инструментов усиления гражданского участия и улучшения диалога общества с органами власти, а также необходимости преодоления выявленных барьеров для повышения уровня самоорганизации населения.

Ключевые слова: гражданское участие, гражданская активность, социальные медиа, социальные сети, гражданские инициативы, социально-сетевое пространство

Финансирование: исследование проведено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2023-0006 «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции».

Для цитирования: Медведев С.В., Данакин Н.С., Качурова Е.В. 2025. Реализация гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве региона (на примере Белгородской области). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 759–769. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-759-769 EDN: FPQCCP

Implementation of Civic Initiatives in the Social Network Space of the Region (Using the Example of the Belgorod Region)

Sergey V. Medvedev, Nikolay S. Danakin, Elena V. Kachurova
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
Medvedev_S@bsuedu.ru, danakin@bsuedu.ru, Kachurova@bsuedu.ru

Abstract. The implementation of civic initiatives in the regional social media space is particularly important, given the increasing digitalization of society and the active development of social media as

© Медведев С.В., Данакин Н.С., Качурова Е.В., 2025

platforms for citizen-government interaction. However, the academic community lacks comprehensive research analyzing the specifics and effectiveness of regional social media communications in the context of civic engagement. This creates a knowledge gap regarding the factors influencing successful mobilization and coordination of the population through digital platforms at the local level. The aim of this study was to assess the impact of digital platforms on increasing the effectiveness of civic engagement. This study identified key trends in social media interaction: the emergence of decentralized, adaptive, and self-organizing communication structures, as well as the transition of users to the roles of both creators and consumers of content. The key obstacles hindering the mobilization and coordination of civic initiatives were identified, including slacktivism, the incompatibility of online and offline activism, the destructive impact of digital technologies, and the influence of social bots. The study shows that social media create favorable conditions for the dissemination of civic initiatives, providing access to resources, a broad audience, and effective communication tools, thereby facilitating the growth and effectiveness of civic engagement. The findings emphasize the importance of supporting and developing digital platforms as tools for strengthening civic participation and improving public dialogue with government authorities, as well as the need to overcome identified barriers to increasing public self-organization.

Keywords: civic participation, civic activity, social media, social networks, civic initiatives, social network space

Funding: the study was conducted within the framework of the draft State Task FZWG-2023-0006 "Regulation of demographic behavior of the population of rural areas in the Central Chernozem economic region as the main mechanism of social reproduction in conditions of depopulation"

For citation: Medvedev S.V., Danakin N.S., Kachurova E.V. 2025. Implementation of Civic Initiatives in the Social Network Space of the Region (Using the Example of the Belgorod Region). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 759–769 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-759-769 EDN: FPQCCP

Введение

Современное развитие социальных сетей и сетевых сообществ приобретает всё большую значимость для функционирования гражданского общества, в частности для реализации гражданских инициатив на региональном уровне. Технологические прорывы последних лет существенно повлияли на общественные коммуникации, практики общественно-политического участия и гражданскую активность в целом. И.А. Бронников обоснованно подчеркивает, что «сегодня информационное поле взаимодействий и изобилие (по М. Маклюэну) политических коммуникаций ключевых акторов приобретают невообразимые масштабы влияния, что приводит к конструированию качественно новых децентрализованных коммуникационных структур и практик, обладающих адаптивной способностью к самоорганизации и, что имеет немаловажное значение для гражданского активизма, к самореализации» [Бронников, 2019, с. 98].

Появление социальных сетей спровоцировало существенные трансформации в сфере массовой информации и коммуникаций. Их ключевое значение проявляется в нескольких аспектах:

1. Приоритет социальных медиа над традиционными СМИ. Социальные сети превзошли традиционные СМИ, делая коммуникацию моментальной, интерактивной и персонализированной. Они создали новые формы общения, объединяя пользователей по интересам, географии и социальным группам.

2. Децентрализация медиапространства. В отличие от классических моделей СМИ, где информация исходила от ограниченного числа источников, в социальных сетях каждый пользователь может создавать, распространять и анализировать контент, становясь одновременно автором и потребителем.

3. Цифровая демократизация коммуникаций. Поддержка социального, экономического и политического развития. Доступ к информации и возможность быстрого её распространения способствуют информированности общества, росту деловой активности, а также мобилизации граждан в политических процессах.

4. Менеджмент цифрового социального капитала. Пользователи формируют свою виртуальную «репутацию» и связи, что влияет на социальное и профессиональное положение в реальном мире.

Таким образом, социальные сети не просто изменили способы общения, а стали мощной технологической платформой, которая определяет современное информационное пространство и влияет на развитие общества в целом.

В условиях стремительной цифровизации и расширения интернет-коммуникаций перед исследователями стоит ряд новых вызовов. В частности, анализ социально-сетевых взаимодействий требует глубокого понимания структур и механизмов функционирования онлайн-сообществ, особенностей лидерства, мотивации участников, а также факторов, влияющих на формирование доверия внутри таких сообществ. Кроме того, важной проблемой остаётся «цифровой разрыв» – неравенство в доступе к цифровым технологиям и информационным ресурсам, наблюдаемое между различными социальными группами и регионами. Это непосредственно отражается на возможностях граждан участвовать в сетевых инициативах и влияет на эффективность взаимодействия в социально-сетевом пространстве.

Большая часть существующих исследований сосредоточена либо на общих теоретических аспектах цифрового взаимодействия [Манеева, 2025, Мерзляков, 2024]., либо на национальном или глобальном уровне, где соединяются различные типы сетевых сообществ и масштабов коммуникаций [Червова, 2024]. При этом уникальные особенности региональных социально-сетевых пространств, такие как локальные социальные связи, менталитет населения, инфраструктура информационного доступа, а также специфика региональной политико-административной среды, зачастую остаются вне поля зрения или рассматриваются поверхностно. В результате мало изучены механизмы, через которые именно в регионах происходит мобилизация граждан, формирование и развитие инициатив, их распространение и дальнейшая интеграция с реальными социальными и политическими процессами.

Таким образом, несмотря на значительный научный интерес к теме цифровых коммуникаций и социально-сетевых систем специфика реализации гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве регионов РФ изучена недостаточно.

Цель исследования – оценка влияния цифровых платформ на повышение эффективности гражданской активности в социально-сетевом пространстве.

Социально-сетевое пространство будет нами пониматься как динамическая виртуальная среда, сформированная на основе цифровых платформ и ресурсов, в которой происходит взаимодействие индивидов, групп и сообществ через социальные сети. Это пространство характеризуется многоуровневой структурой взаимосвязей, включающей информационный обмен, социальное взаимодействие, формирование и поддержание сетевого капитала, а также коллективное действие. В контексте реализации гражданских инициатив социально-сетевое пространство выступает как платформа для мобилизации, координации и распространения инициатив, обеспечивая доступ к ресурсам, аудитории и инструментам коммуникации, оказывая существенное влияние на эффективность и масштаб гражданской активности.

Материалы и методы исследования

Объектом данного исследования выступает социально-сетевое пространство Белгородской области с точки зрения его функционала и потенциала для реализации гражданских инициатив. Предметом изучения являются процессы формирования, развития и успешной реализации этих инициатив с использованием цифровых коммуникаций и платформ.

В исследовании для анализа реализации гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве региона использовалась комплексная методологическая основа,

включающая акторно-сетевую теорию Бруно Латура [2014] и теорию новых медиа Д. К. Брекенридж [2010].

Акторно-сетевая теория позволила рассмотреть взаимодействия не только между людьми, но и между людьми и техническими элементами сети – цифровыми платформами, алгоритмами, техническими средствами. Этот подход обеспечил понимание социальной динамики как результата комплексных отношений, где технические компоненты существенно влияют на коммуникацию, координацию и распространение информации.

Теория новых медиа была использована для изучения процессов цифровизации и интерактивности, характерных для современных социальных сетей и онлайн-платформ. Основные посылы теории включают цифровой формат, мультимедийность и сетевую природу медиа, а также явления конвергенции и дигитализации, которые расширяют возможности коммуникаций и влияют на форматы участия граждан в инициативах. Такая теоретическая база позволила учитывать особенности новых медиа как среды, в которой реализуются гражданские инициативы, и анализировать их влияние на формирование новых типов взаимодействий и аудиторий.

Кроме того, исследование опиралось на концепцию информационного общества [Кастельс, 2000, Тоффлер, 2025], которая подчеркивает возрастение роли информации, знаний и цифровых технологий в социальной и экономической жизни. Классические теории информационного общества показывают, что именно электронное общество и новые формы коммуникаций – массовая самокоммуникация – создают уникальные возможности для коллективного действия и мобилизации граждан. Исследование опирается на комплекс классических методов, позволяющих всесторонне проанализировать процессы реализации гражданских инициатив в цифровом социально-сетевом пространстве:

Системный анализ – применялся для изучения гражданских инициатив как сложных социальных систем, состоящих из взаимосвязанных элементов (участников, медиа, технологий). Позволил выявить структуру, взаимное влияние компонентов и динамику развития инициатив в сетевой среде, что важно для понимания устойчивости и эффективности взаимодействий.

Структурно-функциональный анализ – использовался для определения функций различных элементов системы и их роли в поддержании целостности и развития гражданских инициатив. Этот метод помог понять, как технические, социальные и информационные компоненты взаимодействуют, создавая условия для реализации инициатив и трансформации моделей коммуникации.

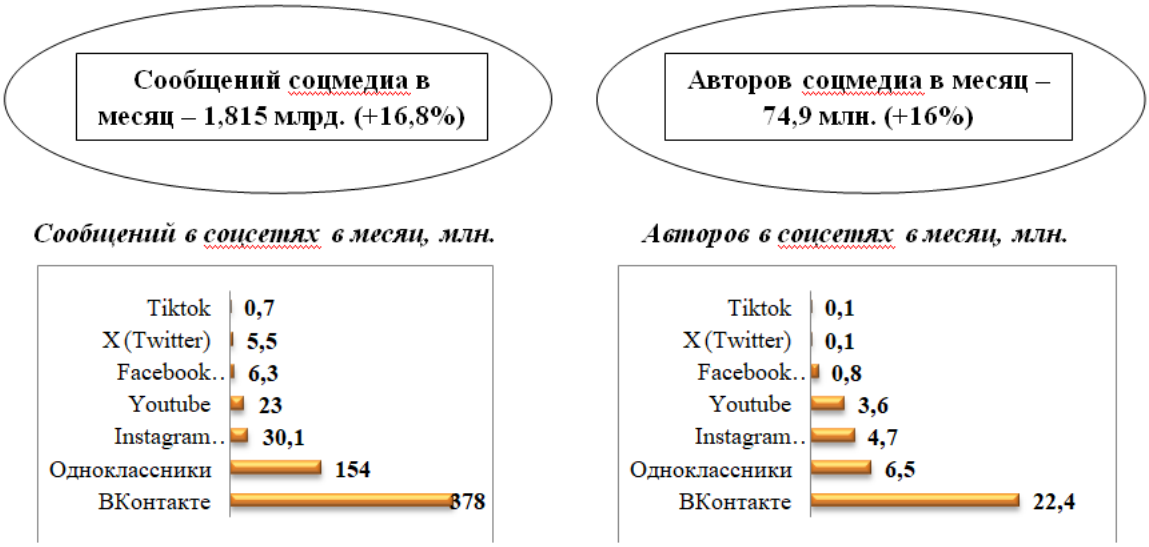
Результаты исследования и обсуждение

В условиях стремительного цифрового развития социальные сети и платформы приобретают все большее значение как ключевые инструменты коммуникации и социальной интеграции. Высокая популярность социальных сетей обусловлена их доступностью, интерактивностью и оперативностью, что позволяет участникам быстро выстраивать коммуникационные связи, формировать коллективные действия и оказывать влияние на общественные процессы.

Как отмечают Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова, «цифровые медиа, как важная часть внешней среды, встраиваются в когнитивную и социальную систему человека, выступают как ее часть и ее изменяют, определяя цифровую трансформацию нашей повседневности…Все реже онлайн рассматривается как отдельная реальность, дополняющая нашу традиционную повседневность. Все чаще исследователи наряду с офлайном и онлайном, границы которых размываются, начинают изучать смешанную реальность как совмещенную онлайн/офлайн среду, предполагающую новые типы гибридного взаимодействия. Они возникают в едином пространстве обычной реальности

и технологий виртуальной и дополненной реальности, где физические и виртуальные объекты интегрируются на разных уровнях» [Солдатова, Рассказова, 2020. с. 88].

Объём активной аудитории и публикуемого контента в соцмедиа России с каждым годом только увеличиваются, актуальные данные относительно объема контента и авторов в сетях в 2024 году и их динамики по отношению к 2023 представлены на рисунке.



Объём активной аудитории и публикуемого контента в соцмедиа России
Active audience size and published content in Russian social media

Наблюдаемый значительный рост числа активных авторов в социальных медиа России (на 16 % за год) свидетельствует не просто о расширении аудитории пользователей, а о повышении вовлечённости и активности самих участников цифрового пространства. Увеличение числа публичных сообщений – постов, репостов и комментариев – на 16,8 % подтверждает тенденцию, что люди не только просматривают контент, но и активно формулируют свои позиции, выражают мнение, участвуют в дискуссиях и инициируют диалог. Основными причинами такого роста можно назвать повсеместное увеличение цифровой грамотности, развитие мобильного интернета и доступности устройств, а также возросшую значимость социальных медиа как платформы для выражения гражданской позиции и организации общественно значимых инициатив. Кроме того, активизируются коммуникации в условиях общественно-политических трансформаций, что стимулирует пользователей становиться не пассивными потребителями, а именно создателями контента. Рост разнообразия цифровых площадок – от форумов и блогов до мессенджеров и специализированных UGC-платформ.

«Общее число авторов (74,9 млн) и общее число сообщений (1,815 млрд) не являются суммой показателей, представленных на инфографике с данными по соцсетям. Это данные по всем социальным медиа, включающим соцсети, мессенджеры, форумы, блоги, маркетплейсы, геосервисы, отзовики, UGC-площадки и т. д. При этом общее количество авторов учитывает присутствие одних и тех же пользователей на различных площадках. А общее количество сообщений учитывает объём публикаций на источниках соцмедиа, данные по которым не выделены отдельно в данном исследовании» [1].

Общее количество авторов, равное 74,9 млн человек, и суммарный объём опубликованных сообщений – 1,815 млн – не совпадает с суммой показателей,

[1] Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2024. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024 (дата обращения: 11.02.2025).

представленных на инфографике по социальным сетям. «Эти цифры охватывают все социальные медиа, включающие не только соцсети, но и мессенджеры, форумы, блоги, маркетплейсы, геосервисы, платформы с пользовательским контентом и другие онлайн-ресурсы. При этом общее число авторов учитывает пользователей, присутствующих одновременно на нескольких платформах, а объём сообщений включает публикации с различных источников социальных медиа» [Ткач, 2023, с. 330].

В рейтинге социальных платформ России первое место по числу авторов и объёму создаваемого контента сохраняет «ВКонтакте». За период с октября 2023 по октябрь 2024 г. отмечен рост обеих метрик у таких ресурсов, как Telegram, Яндекс.Дзен и Rutube. В то же время наблюдается существенное снижение активности на Instagram [1] – число активных авторов сократилось на 62 %, а на YouTube – на 34 %. Telegram демонстрирует постоянный и устойчивый рост показателей с 2020 года, что свидетельствует о его наращивании влияния и роли в медиапространстве.

Широкомасштабное использование социальных сетей привело к изменениям во многих видах коммуникации, а так же открыло новые возможности для активности и самоорганизации граждан. По мнению В.И. Буренко, «переход коммуникативных технологий на интерактивные платформы социальных медиа открыл новые возможности для организации гражданского участия. Развитие в Интернете таких социальных платформ, как Twitter, «ВКонтакте», а также Facebook, Instagram (*запрещенные в России*), послужило толчком к развитию и формированию сетевых сообществ, что открывает возможности постоянного взаимодействия акторов пространства публичных коммуникаций. Глобальная информационная сеть создала условия для появления наиболее гибких, интерактивных и удобных взаимодействий, возникающих на базе взаимного социального интереса и обусловленных наличием гражданской активности. Онлайн-пространство становится площадкой, где вопреки сопротивлению бюрократического госаппарата сфера взаимодействия государства и гражданского общества демократизируется, наполняется элементами партиципаторной, прямой демократии» [Буренко, 2012, с. 45].

Гражданские инициативы и активность в социальных сетях предполагают свободное общение граждан для решения общественно важных задач. Социальные медиа играют ключевую роль в этом процессе, предоставляя цифровые платформы с интерактивными сервисами. Они значительно упрощают запуск, распространение, взаимодействие и координацию действий, а также ускоряют обмен информацией, позволяя мобилизовать людей эффективнее и быстрее, чем традиционными способами.

Как отмечают В.В. Зотов и соавторы, «сетевой гражданский активизм обладает потенциалом для повышения результативности диалога между государством и структурами гражданского общества. Через установление онлайн-контактов между представителями органов власти и гражданами осуществляется реализация механизма общественного участия в публичном управлении» [Зотов и др., 2021, с. 208].

Китайский социолог Ли Ён Джу в своих исследованиях выявил взаимосвязь между капиталом человека в социальных сетях и гражданской активностью, уделяя особое внимание сетям, сформированным через социальные медиа. Ли Ён Джу отмечает, что социальный капитал в Интернете является особой формой социального капитала с отличительными характеристиками и результатами, которые отличают его от традиционного социального капитала, формируемого в результате личного взаимодействия. Капитал социальных сетей отличается от традиционного социального капитала с точки зрения типов социальных ценностей и ресурсов, производных от сети, процесса развития ценностей в социальных отношениях, а также того, как эти ценности и ресурсы конвертируются в социальные или политические действия [Lee, 2022, p. 128].

[1] Принадлежит компании Meta, запрещённой в Российской Федерации.

Финские социологи Робин Лайбек, Илкка Койранен и Аки Койвула, изучая специфику социального капитала в условиях цифровой эпохи, так же, как и китайские коллеги, выделяют понятия цифрового капитала и отмечают, что цифровой капитал, а именно цифровые навыки в сочетании с другими ресурсами, работает как промежуточный капитал, который позволяет одному типу капитала передавать/накапливать другой. В контексте участия в социальных сетях ученые рассматривают роль цифрового капитала как взаимодействие культурного и политического ресурса. Наиболее существенным эффектом социальных сетей, по мнению исследователей, является их способность перераспределять и децентрализовать общественную власть. «Сегодня у простых граждан есть множество возможностей присоединиться к формированию общественного мнения и таким образом влиять на других. Тем не менее эти возможности неравномерно распределены среди населения, поскольку некоторые сталкиваются с большим количеством барьеров, чем другие» [Lybeck at all, 2024, p. 1658].

Социальные сети обладают уникальной способностью передавать информацию и выстраивать отношения между большими группами людей, независимо от географического местоположения и без значительных денежных затрат. Более того, с развитием информационных технологий и инфраструктуры люди могут легко получить доступ к своим социальным связям в любое время и в любом месте, используя свои сетевые мобильные устройства. Социальные сети также позволяют людям взаимодействовать по-новому, и важность цифровых платформ в создании и поддержании социального капитала значительно возросла. Эти платформы не только увеличили ресурсы, которые отдельные лица и организации могут мобилизовать для разработки и внедрения социально инновационных практик, но и изменили природу социальных связей в результате широкого использования социальных сетей. Французские социологи в своих исследованиях выявили что, важность социальных сетей в создании социального капитала особенно заметна среди миллениалов, поскольку они провели всю свою жизнь в цифровой среде и являются основными пользователями этих сайтов. Исследования показали, что социальные сети и другие платформы социальных сетей используются в качестве важного средства для участия миллениалов и волонтерства, предлагая диалогическую коммуникацию, которая обходит традиционные фильтры средств массовой информации и способствует мобилизации людей [De Zúñiga at al., 2024, p. 44].

Учёные подчеркивают, что внедрение и развитие более интерактивных платформ для участия и дискуссий в цифровых экосистемах могло бы существенно преобразовать коммуникацию между гражданами и государственными органами. Такие платформы способны сделать взаимодействие не только более экономичным, но и повысить уровень доверия к управлению. Однако для этого требуется благоприятная институциональная среда, способствующая их эффективному функционированию и развитию.

За последние 5 лет гражданская активность в социально-сетевом пространстве существенно выросла. Причинами к этому послужила пандемия коронавирусной инфекции. Ограничительные меры по социальному дистанцированию привели к переносу многих видов деятельности и социальных взаимодействий в онлайн-пространство. Поскольку многие люди не могли связаться со своими близкими и семьёй лично, социальные сети стали основной формой общения для поддержания этих связей.

Некоторые примеры реализации гражданских инициатив в социальных сетях РФ:

– проект «Инципедия». Это живая энциклопедия гражданских инициатив, которую создают сами участники общественных движений и организаций. Пользователи могут размещать собственные и корректировать чужие материалы о проблемах и способах их решения, рассказывать о своей организации или личной инициативе, размещать фотографии, голосовать за то или иное предложение.

– интернет-проект JABA.RU. Молодёжная социальная сеть второго поколения, созданная для общения людей. В рамках волонтёрских проектов и программ в ней можно

принять участие в мероприятиях, культурных и социальных акциях в разных точках России. В социальных сетях проводятся онлайн-акции по сбору средств или привлечению внимания к какой-либо общественно значимой проблеме. Однако стоит учитывать, что потенциал социальных сетей не всегда используется конструктивно: через них могут организовывать срыв какого-либо мероприятия или мобилизацию радикального протеста.

Можно выделить некоторые проблемы гражданского активизма в социально-сетевом пространстве среди них:

– *слактивизм.* Лёгкая онлайн-активность, которая не имеет никакого политического или социального воздействия. Мнимая активность выражается в механическом выставлении «лайков», подписи онлайн-петиций и других действиях, но не приводит к реальным гражданским действиям.

– *несоотносимость гражданских кампаний в социальных медиа с реальными действиями.* Платформы социальных сетей построены вокруг слабых связей, которые редко в реальности приводят к активным действиям граждан.

– *деструктивные последствия использования цифровых технологий.* «К ним относятся нарушение коммуникаций, искажение или разрушение виртуальной собственности, организация враждебных акций в оффлайне (причинение физического вреда третьим лицам и их собственности), публикация личной информации и дезинформации» [Башева, 2020, с. 42].

– *формирование общественно значимой проблематики посредством социальных ботов.* Боты смещают акценты, раскручивают фейковые новости, дискредитируют определённые позиции и конкретных людей.

Некоторые исследователи склонны считать, что активность в социальных сетях недостаточна для того, чтобы произвести реальные социальные изменения, если она существует только в Интернете. Люди могут обсуждать и выражать поддержку отдельным инициативам в Интернете как угодно, но если они не смогут реализовать свои ценности в реальном мире, например, голосовать на выборах и делать пожертвования или участвовать в волонтерской деятельности на социальные цели, изменения будут ограничены. Таким образом, онлайн- и офлайн-активизм должны действовать сообща, чтобы социальные и структурные изменения процветали [Jung at all, 2024, с. p. 769].

Сегодня в контексте изучаемой темы остается нерешенным ряд концептуальных вопросов, требующих дальнейшего исследования. Например, модерируют ли алгоритмы социальных сетей гражданское участие в реальной жизни, курируя информацию, которую получают пользователи? Влияют ли алгоритмы на гражданское участие в реальной жизни, вызывая, казалось бы, незначительные действия, такие как лайки и репосты? Как алгоритмы социальных сетей влияют на тип сетей, которые люди создают, и какова их роль в мотивации гражданского участия в офлайне? Кроме того, при каких обстоятельствах и для каких пользователей алгоритмы социальных сетей усиливают или подрывают их мотивацию к гражданскому участию в офлайне?

Заключение

Технологические прорывы последних лет, в частности развитие социальных сетей, значительно преобразовали информационное пространство и формы общественно-политического участия, создав новые децентрализованные, адаптивные и самоорганизующиеся коммуникационные структуры. Социальные сети выступают ключевой платформой для мгновенной, интерактивной и персонализированной коммуникации, что меняет традиционные модели массовой информации: пользователи одновременно становятся создателями и потребителями контента. Социально-сетевое пространство стало не просто новым каналом коммуникации, а важным фактором современного общественного развития, требующим системного анализа и продуманного использования в гражданских инициативах.

В рамках исследования были выявлены основные барьеры гражданского активизма в социальных медиа, такие как слактивизм, несопоставимость онлайн-кампаний с реальными действиями, деструктивное влияние цифровых технологий и формирование общественно значимой проблематики через социальные боты. При этом остается нерешённым вопрос соотношения онлайн- и офлайн-активизма, что представляет значительный научный интерес для будущих исследований. С учётом выявленных ограничений рекомендуется брать во внимание институциональные и технологические аспекты при разработке цифровых платформ для повышения эффективности гражданского участия.

Исследование подтвердило достижение поставленной цели: цифровые платформы значительно повышают эффективность гражданской активности за счёт роста вовлечённости пользователей и интеграции онлайн и офлайн взаимодействий. В итоге доказано, что развитие цифровых медиа способствует активному участию граждан в общественно-политических процессах и расширяет возможности для коллективного выражения мнений.

Практическая значимость работы заключается в углублении понимания роли социальных сетей в политической коммуникации и активизме, что способствует развитию цифровой демократии и более устойчивым формам взаимодействия общества и государства.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением взаимного влияния онлайн- и офлайн-активизма, а также с разработкой стратегий минимизации негативных последствий цифровых технологий для повышения качества и результативности гражданских инициатив.

Список литературы

Башева О.А. 2020. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации. *Научный результат*. *Социология и управление*, Т. 6, № 1: 41–57.

Брекенридж Д. К. 2010. PR 2.0: Новые медиа, новые аудитории, новые инструменты. М., Эксмо, 272 с.

Бронников И.А. 2019. Сетевые гражданские инициативы как фактор трансформации публичных ценностей. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки,* Т. 10, № 4: 94–102.

Буренко В.И., Бронников И.А. 2015. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический аспект). *Знание. Понимание. Умение*, № 1: 44–51.

Зотов В.В., Боев Е.И., Василенко Л.А. 2021. Гражданская активность населения в социально-сетевом пространстве региона. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент,* Т. 11. № 2: 203–216.

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. [б. и.], 606, с.

Латур Б. 2014. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., Издательский дом Высшей школы экономики. 384 с.

Манеева А.А. 2025. Социальные сети как инструмент взаимодействия представителей органов власти с населением. *Молодежь Барнаулу* : *материалы XXVI городской научно-практической конференции молодых ученых,* Барнаул, 01–30 ноября 2024 года. Барнаул: ООО «АлКом»: 1275–1276.

Мерзляков А.А., Гусейнова К.Э., Смирнова А.С. 2024. Эффективность взаимодействия органов власти с населением в условиях реализации национальных проектов: анализ социальных сетей // *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 19, № 1: 86–105.

Солдатова Г.У. 2020. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности. *Культурно-историческая психология*. Т. 16, № 4: 87–97.

Сетевая теория в современной социологии. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/ (дата обращения: 12.02.2025).

Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2024. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024 (дата обращения: 11.02.2025).

Ткач С.С. 2023. Особенности коммуникаций в цифровую эпоху. В сборнике: Государство, политика, право и экономика в условиях цифровой трансформации. *Сборник докладов II Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону: 329–332

Тоффлер Э. 2025. Шок будущего. М., АСТ, 544 с.

Червова Н. В. 2024. Проблемы использования государственными структурами социальных медиа для коммуникации с населением. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки,* 8: 67–72.

De Zúñiga, H.G., Barnidge, M., Scherman, A. 2017. Social media social capital, offline social capital, and citizenship: Exploring asymmetrical social capital effects. *Political Communication,* 34(1): 44–68.

Lee Y. 2022. Social media capital and civic engagement: Does type of connection matter? *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, Т. 19. №. 1: 167–189.

Lybeck R., Koiranen I., Koivula A. 2024. From digital divide to digital capital: the role of education and digital skills in social media participation. *Universal Access in the Information Society*, Т. 23. №. 4: 1657–1669.

Jung H., Dai W., Albarracín D. 2024. How Social Media Algorithms Shape Offline Civic Participation: A Framework of Social-Psychological Processes. *Perspectives on Psychological Science*, Т. 19. №. 5: 767–780.

References

Basheva, O.A. 2020. "Digital Activism as a New Method of Civic Mobilization." Research Results. Sociology and Management, Vol. 6, No. 1: 41–57.

Breckenridge, D. K. 2010. PR 2.0: New Media, New Audiences, New Tools. Moscow, Eksmo, 272 p.

Bronnikov, I. A. 2019. Networked Civic Initiatives as a Factor in the Transformation of Public Values. Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanities and Social Sciences, Vol. 10, No. 4: 94–102.

Burenko, V. I., Bronnikov, I. A. 2015. Electronic Civil Society: Illusion or Reality? (Foreign Experience and Domestic Practice. Political Aspect). Knowledge. Understanding. Skill, No. 1: 44–51.

Zotov V. V., Boev E. I., Vasilenko L. A. 2021. Civic Engagement of the Population in the Regional Social Network Space. Bulletin of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management, Vol. 11. No. 2: 203–216.

Castells M. 2000. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Moscow [b. i.], 606, p.

Latour B. 2014. Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 384 p.

Maneeva A.A. 2025. Social Networks as a Tool for Interaction between Government Representatives and the Population. Youth of Barnaul: Proceedings of the XXVI City Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Barnaul, November 1–30, 2024. Barnaul: AlKom LLC: 1275–1276.

Merzlyakov A.A., Guseynova K.E., Smirnova A.S. 2024. "Efficiency of Interaction between Government Agencies and the Population in the Context of Implementing National Projects: An Analysis of Social Networks" // Central Russian Bulletin of Social Sciences. Vol. 19, No. 1: 86–105.

Soldatova G. U. 2020. "Results of Digital Transformation: From Online Reality to Mixed Reality." Cultural-Historical Psychology. Vol. 16, No. 4: 87–97.

Network Theory in Contemporary Sociology. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/ (accessed: 12.02.2025).

Social Media in Russia: Figures and Trends, Autumn 2024. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024 (accessed: 11.02.2025).

Tkach S.S. 2023. Features of Communications in the Digital Age. In the collection: State, Politics, Law, and Economics in the Context of Digital Transformation. Collection of Papers of the II All-Russian (National) Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: 329–332.

Toffler E. 2025. Future Shock. Moscow, AST, 544 p.

Chervova N.V. 2024. Problems of Using Social Media by Government Agencies to Communicate with the Population. Humanities, socio-economic and social sciences, no. 8: 67–72.

De Zúñiga, H.G., Barnidge, M., Scherman, A. 2017. Social media social capital, offline social capital, and citizenship: Exploring asymmetrical social capital effects. Political Communication, no. 34(1): 44–68.

Lee Y. 2022. Social media capital and civic engagement: Does type of connection matter? International Review on Public and Nonprofit Marketing, Vol. 19. No. 1: 167–189.

Lybeck R., Koiranen I., Koivula A. 2024. From digital divide to digital capital: the role of education and digital skills in social media participation. Universal Access in the Information Society, Vol. 23. no. 4: 1657–1669.

Jung H., Dai W., Albarracín D. 2024. How Social Media Algorithms Shape Offline Civic Participation: A Framework of Social-Psychological Processes. Perspectives on Psychological Science, Vol. 19. No. 5:767–780.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.03.2025
Поступила после рецензирования 24.11.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received March 10, 2025
Revised November 24, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Медведев Сергей Владимирович, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Данакин Николай Семенович, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Качурова Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Medvedev, Postgraduate Student of the Department of Social Technologies and Public Service at the Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Nikolai S. Danakin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service at the Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Doctor of Sociology, Professor, Belgorod, Russia.

Elena V. Kachurova, Senior Lecturer at the Department of Social Technologies and Public Service at the Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 352/354-1
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-770-778
EDN HGAQSY

Карьерные ожидания и установки муниципальных служащих в РФ

Рогач О.В.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Россия, 125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2
rogach16@mail.ru

Аннотация. Значимость укрепления института муниципальной службы определяется актуальностью административно-хозяйственных задач российских территорий. В этом контексте предъявляются высокие требования к кадровому корпусу муниципальной службы, его профессиональным компетенциям и карьерному планированию. Цель исследования – выявить возможные проблемы и дефициты служащих муниципальных органов власти в построении карьеры. Использовался метод анкетного опроса (N = 3 066, целевая выборка, январь 2025 года, 36 регионов РФ). Установлено, что долгосрочные карьерные планы в местных органах власти строят только треть служащих. Сотрудники на главных муниципальных должностях характеризуются устойчивостью карьерных установок, тогда как сотрудников на младших должностях отличает намерение сменить работу. Сделан вывод о «карьерной пассивности» муниципальных служащих: более трети из них не строят планов на будущее, а декларирование намерения уйти со службы не подкрепляется активными действиями по поиску новой работы. Установлено, что для тех муниципальных служащих, кто не планирует продолжать карьеру в муниципальных органах власти, в равной степени актуальны карьерный рост на вышестоящих уровнях властной вертикали и переход в другую профессиональную сферу. Резкое снижение оценки привлекательности муниципальной службы с увеличением стажа сотрудников коррелирует с пиком их выгорания и намерений сменить работу. Значимое влияние на решение о продолжении карьеры оказывает эффективность кадрового резерва.

Ключевые слова: карьера, муниципальный служащий, муниципальная служба, органы власти, профессиональное выгорание, карьерная пассивность, кадровый резерв

Для цитирования: Рогач О.В. 2025. Карьерные ожидания и установки муниципальных служащих в РФ. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 770–778. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-770-778 EDN: HGAQSY

Career Expectations and Attitudes of Municipal Employees in the Russian Federation

Olga V. Rogach
Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation
rogach16@mail.ru

Abstract. The importance of strengthening the institution of municipal service is determined by the relevance of administrative and economic tasks of Russian territories. In this context, high demands are placed on the municipal service personnel, their professional competencies and career planning. The purpose of the study is to identify possible problems and deficiencies faced by municipal government employees in building a career. The questionnaire survey method was used (N = 3.066, target sample, January 2025, 36 regions of the Russian Federation). According to the survey findings, only a third of the

© Рогач О.В., 2025

employees make long-term career plans in local government. Employees in key municipal positions are characterized by stable career attitudes, while those in junior positions are distinguished by the intention to change jobs. A conclusion has been made about the "career passivity" of municipal employees: more than a third of them do not make plans for the future, and those who declare an intention to leave the service do not take any active actions to find a new job. It has been established that for those municipal employees who do not plan to continue their career in municipal authorities, career growth at higher levels of the power vertical and a transition to another professional sphere are equally relevant. Longer employment is accompanied with a lower attractiveness of municipal service, which correlates with the peak of people's burnout and intentions to change jobs. The effectiveness of the personnel reserve has a significant impact on the decision to continue a career.

Keywords: career, municipal employee, municipal service, authorities, professional burnout, career passivity, personnel reserve

For citation: Rogach O.V. 2025. Career Expectations and Attitudes of Municipal Employees in the Russian Federation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 770–778 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-770-778 EDN: HGAQSY

Введение

Значимость укрепления и развития института муниципальной службы определяется приоритетом национальных интересов России. В частности, речь идет об обеспечении гаранта высокого качества жизни населения, профессиональном решении острых социально-экономических проблем территории, разработке и реализации стратегических планов ревитализации муниципальных образований. Необходимым условием реализации этих задач становится профессионализм кадрового корпуса муниципальной службы.

Вопросы профессионального развития муниципальных кадров выступают объектом изучения ряда российских [Козловский, 2021; Троянская, 2021] и зарубежных авторов [Humphrey, 2021; Pratama et al., 2024]. По мнению Е.В. Фроловой, В.Ю. Шалашниковой, реализация задач административного хозяйствования требует от служащих местных органов власти, помимо базовых знаний и развитых компетенций в сфере коммуникативного взаимодействия с населением, способности к саморазвитию [Фролова и др., 2021]. Схожая позиция отражена в работе J. Jung, в которой автор раскрывает связь карьерных стратегий и профессионального развития сотрудников [Jung, 2024]. При этом зарубежные исследования в большей степени иллюстрируют значимую роль организационных и социальных условий муниципальной службы в формировании профессионального самосознания сотрудников [Asplund et al., 2023], общественной оценке эффективности работы представителей властных структур [Wessels, 2022]. Отметим, что проблематизация вопросов профессионального развития муниципальных служащих повышает исследовательский интерес к их карьерным стратегиям в органах власти.

В современном научном дискурсе недостаточно эмпирических данных, иллюстрирующих карьерные ожидания, установки и стратегии муниципальных служащих. Возможным объяснением недостаточности эмпирической базы может стать как правовая сторона регламентации «качественных и количественных характеристик корпуса служащих» [Сидорова, 2022, с. 55], так и негативная коннотация «карьерных бюрократов» [Татаринова, Масленникова, 2021, с. 39] в идеологии общественного служения. Отметим исследования, посвященные изучению нравственных основ данной профессии [Мухаметжанова 2023], этических норм, формирующих мотивацию муниципальных кадров к долгосрочным карьерным трекам [Klatt, Fairholm, 2022].

Отдельный блок исследований посвящен процедурным аспектам подбора и развития муниципальных кадров как стартовой карьерной ступени в публичных органах власти. По мнению Г.М. Шамаровой, в малоресурсных муниципальных образованиях отмечается недостаток современных механизмов кадровой работы в части подбора и закрепления

квалифицированных сотрудников [Шамарова, 2021], что становится причиной оттока специалистов, минимизируя их карьерные возможности в местных органах власти. Схожего мнения придерживаются А.В. Кулагин и В.Н. Меньшова, полагая что дефицит знаний руководителей местных администраций о кадровых технологиях оказывает негативное влияние на профессиональное самочувствие служащих, снижает их мотивацию к долгосрочной карьере в муниципальных органах власти [Кулагин, Меньшова, 2021]. Кейсы федеративных структур напротив иллюстрируют потенциал кадровых резервов на гражданской службе [Комиссаров, Шебураков, 2024], большие возможности привлечения и удержания молодых специалистов в органах государственной власти [Родюкова, 2022].

Таким образом, особый интерес сегодня представляет изучение субъектной позиции муниципальных служащих в рефлексии карьерных перспектив на муниципальной службе. Данный исследовательский вопрос определил цель исследования – выявить возможные проблемы и дефициты служащих муниципальных органов власти в построении карьеры.

Материалы и методы исследования

Проведен анализ оценок служащих муниципальных органов власти своих карьерных ожиданий и установок. Ключевым методом сбора информации выступил анкетный опрос (N = 3 066). Исследование проведено в один этап в январе 2025 г. при организационной поддержке ВАРМСУ. Выборка целевая, признак репрезентации – профессиональный статус респондентов. Географический охват представлен 36 регионами РФ, что связано с организационными сложностями доступа к данной профессиональной группе. Используя программные возможности SPSS при обработке данных был проведен корреляционный анализ материалов исследования по ряду параметров. Также для интерпретации материалов исследования применялся метод анализа произвольных таблиц сопряженности с использованием критерия χ^2.

Инструментарий исследования представлен несколькими блоками вопросов, посвященных восприятию муниципальной службы, мотивации и профессиональной идентификации, а также карьерным планам муниципальных служащих. В данной статье приводятся результаты последнего блока.

Результаты исследования

Материалы исследования показали, что 45,4 % муниципальных служащих не имеют карьерных планов. При этом треть опрошенных (35,5 %) демонстрирует запрос на долгосрочное карьерное планирование в выбранном органе муниципальной власти, что может рассматриваться как оптимистичный тренд в укреплении кадрового корпуса муниципальной службы. Вместе с тем результаты исследования (табл. 1) показали наличие «группы риска» – муниципальных служащих, рассматривающих иные перспективы своего профессионального пути.

Анализ ответов позволил установить наличие статистически значимой зависимости между планами респондентов продолжать карьеру на муниципальной службе и эмоциональным состоянием (чувство профессионального выгорания). Значение критерия χ^2 составляет 934,812. Критическое значение χ^2 при уровне значимости p = 0,01 составляет 26,217.

Обратим внимание на следующий эмпирический факт: среди тех муниципальных служащих, кто испытывает чувство разочарования в профессии (выбор варианта ответа «да»), существенно больше доля работников, запланировавших уход из местных органов власти на ближайшую перспективу – 39,4 % (выше средних значений по выборке на 25,1 п. п.); при этом существенно ниже доля тех из них, кто рассматривает муниципальную службу как долгосрочный карьерный тренд – 9,4 % (ниже средних значений по выборке на 26,1 п.п.). Однако, что примечательно, ответы респондентов

иллюстрируют наличие скорее декларируемого намерения, чем сформированной готовности сменить место работы. При общей доле 37,7 % муниципальных служащих, которые в той или иной степени ощущают профессиональное выгорание, лишь 4,8 % предпринимают реальные шаги по изменению ситуации (выбор варианта ответа «уже ищу новую работу»).

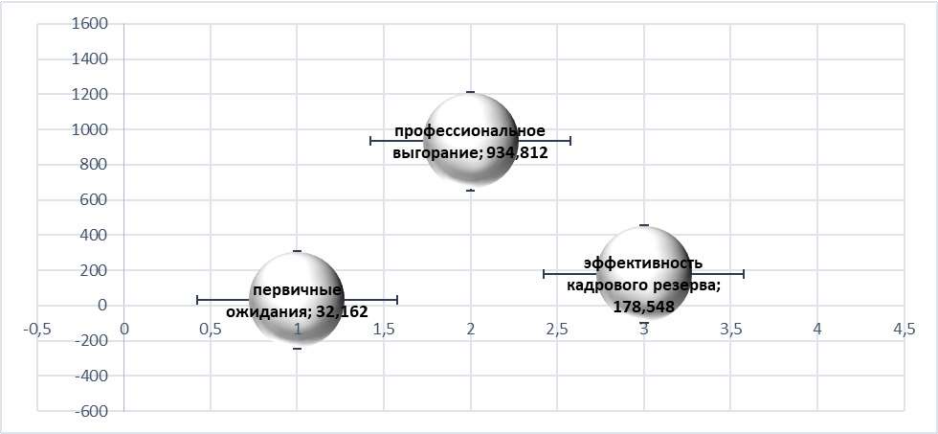
Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос:
«Планируете ли Вы остаться на муниципальной службе надолго
или рассматриваете возможность ухода?», %
Distribution of responses to the question: “Do you plan to remain
in municipal service for a long time or are you considering resignation?”, %

Вариант ответа	Количество отетов, %
Не задумывался об этом	45,4
Планирую остаться здесь надолго	35,5
Планирую уйти в ближайшее время	14,3
Уже ищу новую работу	4,8

Результаты исследования показали низкую зависимость между первичными установками муниципальных служащих, с которыми они пришли в профессию, и их дальнейшими карьерными треками. Анализ карьерных планов муниципальных служащих свидетельствует, что только треть из них высказывают запрос на профессиональный рост в своем муниципалитете. Низкий уровень территориальной идентичности муниципальных служащих может рассматриваться в качестве фактора оттока профессиональных кадров из местных органов власти.

Стоит обратить более пристальное внимание на роль кадрового резерва в планировании карьеры муниципальных служащих. Результаты эмпирического исследования (см. рисунок) показали наличие статистически значимой зависимости между этими переменными: $\chi^2 = 178{,}548$, критическое значение χ^2 при уровне значимости $p = 0{,}01$ составляет 26,217.



Веса показателей значения критерия χ2 при уровне значимости p = 0,01 для факторов влияния на планы респондентов продолжать карьеру на муниципальной службе
Weights of the χ2 criterion values at a significance level of p = 0.01 for factors influencing respondents’ plans to continue their careers in municipal service

В частности, можно заметить, что среди тех респондентов, кто планирует продолжить карьеру в своем муниципальном образовании, в целом выше оценки эффективности использования кадровых резервов на муниципальной службе. При этом среди тех, кто планирует уйти в другую профессиональную сферу, оценки неэффективности кадрового резерва выше, чем в среднем по выборке 11,8–12,3 п.п.

Обратим внимание, что территориальная и профессиональная идентичность муниципальных служащих имеют достаточно высокую степень взаимозависимости. Такой подход позволяет рассматривать их в едином блоке инвазивных факторов. При этом ведущая детерминация свойственна девиации в профессиональной сфере работников, что отражается в профессиональной (карьерной) пассивности. Корреляционный анализ позволил обозначить обратную зависимость уровня профессионального выгорания от занимаемой должности. Наибольший индекс выгорания зафиксирован у служащих, занимающих младшие муниципальные должности (специалисты 1 и 2 категории) – 0,51. Наименьший уровень выгорания характерен для сотрудников на главных муниципальных должностях (заместители главы муниципального образования и т. д.) – 0,41.

Результаты эмпирического исследования позволили установить следующее: в равных долях распределяются позиции муниципальных служащих, выбравших карьерный рост согласно принципу вертикальной ротации – в органы государственной власти регионального и федерального уровней (15,3 %) и по принципу дифференциации карьерных стратегий – планируют уйти в другую профессиональную сферу 14,4 % опрошенных (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов на вопрос: «Как вы планируете свою дальнейшую карьеру?», %
Distribution of responses to the question: “How do you plan your future career?”, %

Вариант ответа	Количество отетов, %
Хочу «расти» в своем муниципалитете	33,8
Рассматриваю возможность карьерного роста на других уровнях управления (регион, федеральный уровень)	15,3
Планирую уйти в другую профессиональную сферу	14,4
Ничего не планирую	36,5

Вызывает опасения карьерная пассивность муниципальных служащих. Как отмечалось выше, 36,5 % опрошенных не строят планов по развитию карьерных треков. Инертность муниципальных служащих в данном вопросе может быть вызвана сужением каналов профессиональной мобильности и отсутствием перспектив карьерного роста, с одной стороны, тогда как с другой – личностно-психологическими качествами сотрудников. В частности, речь идет об профессиональном выгорании, эмоциональной усталости от рутинизации рабочих задач, стрессом ввиду наличия конфликтов при решении задач развития территории.

Результаты корреляционного анализа позволили определить зависимость намерения служащих остаться на муниципальной службе от уровня занимаемой должности.

Во-первых, младшие специалисты демонстрируют наименьшую лояльность: только четверть опрошенных планируют остаться надолго, при этом немногим более половины данной профессиональной группы вообще не задумывались о будущем (самый высокий показатель безразличия/неопределенности). Доля ищущих новую работу выше на 1,2 п. п., чем в среднем по выборке. Высшее руководство в свою очередь проявляет наибольшую

приверженность карьере на муниципальной службе: практически 40 % из них планирует остаться надолго, при этом ищут новую работу только порядка 3 %.

Во-вторых, среди молодых специалистов (до 1 года) наиболее высока доля не строящих карьерных планов (выше на 16,5 п. п., чем в среднем по выборке) и самый низкая доля активно ищущих новую работу (не более 1 %). При этом среди специалистов со стажем от 1 года до 3 лет наблюдается максимизация стремлений сменить работу в ближайшем будущем.

В-третьих, абсолютный максимум желающих остаться надолго (50 %) зафиксирован среди муниципальных служащих местной власти в мегаполисах. В малых городах (до 50 тыс. человек) и сельских поселениях ситуация отличается: выше средних знаний доля планирующих уйти в ближайшее время и уже ищущих работу. Желающих остаться сравнительно мало – только треть опрошенных.

Муниципальные служащие на младших должностях, испытывая чувство эмоциональной усталости и профессионального выгорания, вместе с тем оценивают престиж службы наиболее высоко среди других групп респондентов. Возможно, это связано с изначально позитивными ожиданиями «новичков» и высоким восприятием статуса службы, что в дальнейшем не находит отражения в реальном опыте работы. Резкое снижение оценки привлекательности муниципальной службы с увеличением стажа (от 0,64 у специалистов со стажем до 1 года до 0,45 у «ветеранов» муниципальной службы) коррелирует с пиком выгорания и намерений уйти, указывая на эффект профессионального разочарования. Более высокая оценка привлекательности муниципальной службы в крупных городах и мегаполисах согласуется с более прочными карьерными установками, мотивацией и удовлетворенностью работой на муниципальной службе.

Заключение

Результаты исследования показали, что только треть муниципальных служащих имеют долгосрочные карьерные планы. Причиной редукции карьерных установок муниципальных служащих становится нарушение их психоэмоционального состояния (профессиональное выгорание). Кроме того, среди тех муниципальных служащих, кто разочарован в профессии, существенно больше доля работников, запланировавших уход из местных органов власти на ближайшую перспективу. Примечательно, что данный выбор в большей степени характерен для муниципальных служащих, занимающих младшие должности, (специалисты 1 и 2 категории), тогда как служащие, занимающие главные должности (заместители главы муниципального образования и т.д.), отличаются большей стабильностью карьерных установок.

Согласно полученным результатам, значительная часть служащих проявляет карьерную пассивность: 36,5 % не планируют карьеру («ничего не планирую»); разговоры о смене сферы профессиональной деятельности в большей степени имеют форму декларируемого намерения, чем сформировавшейся готовности сменить место работы. Активно ищут новую работу только 4,8 % опрошенных.

В ходе исследования сделан вывод, что карьерные ожидания муниципальных служащих имеют низкую зависимость от первичных установок в период входа в профессию. При этом установлено, что среди тех респондентов, кто планирует продолжить карьеру в своем муниципалитете, в целом выше оценки используемых кадровых технологий, и, наоборот, среди тех, кто планирует сменить сферу профессиональной деятельности, выше доля оценивших кадровую технологию построения карьерных треков на муниципальной службе как неэффективную.

Установлено, что для тех муниципальных служащих, кто не планирует продолжать свою карьеру в муниципальных органах власти, в равной степени актуальны два направления: карьерный рост на вышестоящих уровнях властной вертикали (регион, федеральный уровень) и переход в другую профессиональную сферу. Резкое снижение

оценки привлекательности муниципальной службы с увеличением стажа сотрудников коррелирует с пиком их выгорания и намерений сменить работу, указывая на эффект профессионального разочарования.

*Автор выражает благодарность доктору социологических наук, профессору **Е.В. Фроловой** за помощь в организации исследования.*

Список литературы

Козловский М.Е. 2021. Муниципальные служащие и проблемы их профессионального и управленческого развития в современной России. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 6(14):87-93. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-87-93

Комиссаров А.Г., Шебураков И.Б. 2024. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1: 7-38. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38

Кулагин А.В., Меньшова В.Н. 2021. Профессиональное самочувствие руководителей и специалистов на муниципальной службе. *Социально-гуманитарные знания*, 3: 256-264.

Мухаметжанова В.С. 2023. Нравственные основы деятельности муниципальных служащих. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 23(4): 901-915. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-901-915

Родюкова Т.Н. 2022. Привлечение и удержание молодых специалистов как способ решения кадровых проблем на государственной гражданской и муниципальной службе. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 12: 91-96. DOI 10.23672/SAE.2022.48.60.001

Сидорова О.В. 2022. Современное состояние, проблемы и перспективы развития муниципальной службы в России. *Право и государство: теория и практика*, 8(212): 54-56. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_8_54.

Татаринова Л.Н., Масленникова Е.В. 2021. Карьерные стратегии в контексте личностно-профессионального развития резерва управленческих кадров. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*, 1(8): 37-51. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-37-51

Троянская М.А. 2021. Использование профессиональных стандартов на муниципальной службе. *Вестник Академии знаний*. 1(42):273-279. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-10923

Фролова Е.В., Рогач О.В., Шалашникова В.Ю. 2021. Реализация модели «сити-менеджер» в России: ограничения и преимущества. *Мониторинг общественных мнений: привычные и социальные перемены,* 6(166): 506-527. DOI:10.14515/monitoring.2021.6.1887

Шамарова Г.М. 2021. Современные тенденции развития муниципальной службы. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. *Социально-экономические науки*, 3:229-240.

Asplund S., Lindgren B.-M., Åström S., Hedlund M., Åhlin J. 2023. Organizational and psychosocial environmental factors associated with self-rated fatigue disorder among Municipal employees in rural north Sweden. *WORK*, 75(4): 1215-1229.

Jung J. 2024. Career Paths and Professionalism: Examining ICMA Credentials among City Managers. *The American Review of Public Administration,* 54(8):732-746. DOI: 10.1177/02750740241269930

Humphrey N.M. 2021. Emotional labor and professionalism: finding balance at the local level. *State and local government review*, 53(3): 260-270. DOI:10.1177/0160323X211048847

Pratama A.B., Ahsani R.D.P., Wulandari C. 2024. Does citizen feedback influence public service motivation? Evidence from a survey experiment in the context of urban service provisions. *Public Personnel Management*, 54(1):3-23. DOI:10.1177/00910260241254669

Klatt T., Fairholm M. 2022. Promote or Deter: How Organizations Influence Public Service Motivation. *Public Personnel Management*, 52(1): 48-69. DOI: 10.1177/00910260221121101

Wessels R.G. 2022 Training and development model for municipal frontline staff. *Teaching Public Administration*, 40(1): 42-69. DOI:10.1177/0144739421997524

References

Kozlovskiy M.Ye. 2021. Munitsipal'nyye sluzhashchiye i problemy ikh professional'nogo i upravlencheskogo razvitiya v sovremennoy Rossii [Municipal employees and the problems of their professional and managerial development in modern Russia]. Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki, 6(14):87-93. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-87-93

Komissarov A.G., Sheburakov I.B. 2024. Kadrovyye rezervy v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: opyt i novyye smysly [Personnel reserves in the public administration system: experience and new meanings]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 1:7-38. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38

Kulagin A.V., Men'shova V.N. 2021. Professional'noye samochuvstviye rukovoditeley i spetsialistov na munitsipal'noy sluzhbe [Professional well-being of managers and specialists in the municipal service]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 3:256-264.

Mukhametzhanova V.S. 2023. Nravstvennyye osnovy deyatel'nosti munitsipal'nykh sluzhashchikh [Moral foundations of the municipal employees work]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 23(4):901-915. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-901-915

Rodyukova T.N. 2022. Privlecheniye i uderzhaniye molodykh spetsialistov kak sposob resheniya kadrovykh problem na gosudarstvennoy grazhdanskoy i munitsipal'noy sluzhbe [Attracting and retaining young professionals as a way to solve personnel problems in the state civil and municipal service]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 12:91-96. DOI 10.23672/SAE.2022.48.60.001

Sidorova O.V. 2022. Sovremennoye sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya munitsipal'noy sluzhby v Rossii [Current state, problems and prospects for the development of municipal service in Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 8(212): 54-56. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_8_54.

Tatarinova L.N., Maslennikova Ye.V. 2021. Kar'yernyye strategii v kontekste lichnostno-professional'nogo razvitiya rezerva upravlencheskikh kadrov [Career Strategies in the Context of Personal and Professional Development of Management Personnel]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye*, 1(8): 37-51. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-37-51

Troyanskaya M.A. 2021. Ispol'zovaniye professional'nykh standartov na munitsipal'noy sluzhbe [Use of professional standards in the municipal service]. *Vestnik Akademii znaniy*. 1(42):273-279. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-10923

Frolova E.V., Rogach O.V., Shalashnikova V.YU. 2021. Realizatsiya modeli «siti-menedzher» v Rossii: ogranicheniya i preimushchestva [Implementing the «city manager» model in Russia: limitations and advantages]. *Monitoring obshchestvennykh mneniy: privychnyye i sotsial'nyye peremeny*, 6(166): 506-527. DOI:10.14515/monitoring.2021.6.1887

Shamarova G.M. 2021. Sovremennyye tendentsii razvitiya munitsipal'noy sluzhby [Modern trends in the development of municipal service.]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 3:229-240.

Asplund S., Lindgren B.-M., Åström S., Hedlund M., Åhlin J. 2023. Organizational and psychosocial environmental factors associated with self-rated fatigue disorder among Municipal employees in rural north Sweden. *WORK*, 75(4):1215-1229.

Jung J. 2024. Career Paths and Professionalism: Examining ICMA Credentials among City Managers. *The American Review of Public Administration*, 54(8):7 32-746. DOI: 10.1177/02750740241269930

Humphrey N.M. 2021. Emotional labor and professionalism: finding balance at the local level. *State and local government review*, 53(3):260-270. DOI:10.1177/0160323X211048847

Pratama A.B., Ahsani R.D.P., Wulandari C. 2024. Does citizen feedback influence public service motivation? Evidence from a survey experiment in the context of urban service provisions. *Public Personnel Management*, 54(1):3-23. DOI:10.1177/00910260241254669

Klatt T., Fairholm M. 2022. Promote or Deter: How Organizations Influence Public Service Motivation. *Public Personnel Management*, 52(1):48-69. DOI: 10.1177/0091 0260221121101

Wessels R.G. 2022 Training and development model for municipal frontline staff. *Teaching Public Administration*, 40(1):42-69. DOI:10.1177/0144739421997524

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рогач Ольга Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-3031-4575

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Rogach, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-3031-4575

УДК 316.4
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-779-789
EDN HRBUIS

Использование аддитивной технологии применения ИИ в формировании инструментальных компетенций студентов-социологов

Шмарион Ю.В., Курских Е.П.
Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
lspu@lspu–lipetsk.ru

Аннотация. В век цифровизации особую актуальность приобретает повышение методологической компетенции социологов. Несмотря на активное внедрение в образование технологий искусственного интеллекта (ИИ), отсутствует опыт его системного применения для формирования инструментальных методологических компетенций у студентов-социологов, что создает разрыв между традиционной подготовкой и требованиями к современному специалисту. Целью данного исследования является разработка и апробация аддитивной технологии, интегрирующей искусственный интеллект в образовательный процесс студентов-социологов для формирования инструментальных методологических компетенций. Сбор эмпирических данных реализован посредством анкетирования, в котором принял участие 41 студент-социолог. Был выполнен параллельный эксперимент и применена техника кейс-стади. Результаты показли, что использование аддитивной технологии с применением ИИ обеспечивает студенту возможность формирования методологических компетенций более высокого уровня и способствует оптимизации процесса разработки программы социологического исследования. процесс студентов-социологов повышает эффективность обучения. Полученные результаты послужили основой для создания аддитивной технологии, которая преодолевает ограничения традиционного подхода и предоставляет инструмент для интеграции ИИ в образовательный процесс подготовки социологов.

Ключевые слова: социологи, искусственный интеллект, ИИ, образование, аддитивная технология, инструментальные методологические компетенции

Для цитирования: Шмарион Ю.В., Курских Е.П. 2025. Использование аддитивной технологии применения ИИ в формировании инструментальных компетенций студентов-социологов. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 779–789. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-779-789 EDN: HRBUIS

Additive AI Technology for Building Methodological Tool Use Competencies in Sociology Students

Yuri V. Shmarion, Elizaveta P. Kurskikh
P.P. Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University
42 Lenin St., Lipetsk 398020, Russian Federation
lspu@lspu–lipetsk.ru

Abstract. In the age of digitalization, the need to increase the methodological competence of sociologists is becoming particularly relevant. Despite the growing penetration of artificial intelligence technologies into education, there is no experience of its systematic application with a view to forming the ability to use methodological tools in students of sociology, which creates a gap between traditional training and practical requirements for a modern specialist. The purpose of this study is to develop and test an additive

© Шмарион Ю.В., Курских Е.П., 2025

technology that integrates artificial intelligence into the training of sociology students to build methodological tool use competencies. Empirical data was collected through a survey in which 41 sociology students participated, as well as a parallel experiment and a case study technique. The use of additive technology applying artificial intelligence provides the student with the opportunity to form methodological competencies of a higher level, and at the same time, helps optimize the process of developing a sociological research program. Thus, the technologically sound integration of artificial intelligence technology into the educational process can increase the effectiveness of learning. The results obtained in the course of the research served as the basis for the creation of an additive technology that overcomes the limitations of the traditional approach and provides a tool for integrating AI into the process of training sociologists.

Keywords: sociologists, artificial intelligence, education, additive technology, methodological tool use competencies

For citation: Shmarion Yu.V., Kurskikh E.P. 2025. Additive AI Technology for Building Methodological Tool Use Competencies in Sociology Students. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 779–789 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-779-789 EDN: HRBUIS

Введение

Современные тенденции развития общества характеризуются усилением информационной нагрузки и повышением требований к уровню квалификации специалистов. Умение грамотно интерпретировать большие объемы данных и применять методологически обоснованные инструменты становится актуальной задачей и в сфере социологии. Отсутствие комплексного подхода к созданию систем, интегрирующих классическое образование и инновационные методы, существенно снижает возможности повышения эффективности подготовки специалистов, и в результате не удовлетворяются потребности рынка труда, а научное сообщество сталкивается с задачей поиска новых путей подготовки профессионалов, способных успешно справляться с решением социально значимой проблематики. При этом, несмотря на растущую популярность использования искусственного интеллекта (ИИ) в различных сферах жизни, вопрос его применения в образовательном процессе для формирования инструментальных методологических компетенций (ИМК) социологов остается слабо изученным.

Большинство исследований сосредоточено на общей характеристике образовательных технологий, основанных на искусственном интеллекте, или же освещении отдельных аспектов их применения. В последние годы появилось значительное количество исследований, касающихся темы применения искусственного интеллекта в образовании, но большинство исследований сосредоточено на общей характеристике образовательных технологий, основанных на искусственном интеллекте, или же освещении отдельных аспектов их применения. Так, отечественные учёные отмечают, что совокупные данные об использовании ИИ в учреждениях высшего образования недостаточно структурированы и систематизированы [Шмарион, 2024]. Образовательное пространство специалисты относят к одной из наиболее консервативных областей жизнедеятельности социума [Каменева, 2024]. Однако в сложившихся условиях ускоренное внедрение цифровых образовательных ресурсов (в том числе на основе ИИ) становится все более востребованным [Коровникова, 2021]. ИИ-технологии позволяют подбирать персонализированную форму обучения на основе анализа возможностей и способностей субъектов образования, способствуют реализации концепции «самообразование на протяжении всей своей жизни». Адаптивно-персонализированный формат обучения на базе ИИ-технологий способствует формированию и развитию навыков «познавательной самостоятельности» субъектов образования [Павлюк, 2020]. Показана необходимость введения специализированных курсов по развитию компетенций взаимодействия с ИИ. Определена потребность

включения ИИ как дидактического инструмента при формировании исследовательских компетенций студентов [Кукуев, 2025].

Зарубежные исследователи также проявляют большой интерес к этой тематике. В работе ученых Ирана отмечается, что использование инструментов на основе искусственного интеллекта обеспечивает улучшение качества подготовки обучающихся, способствует сотрудничеству, критическому мышлению и адаптации преподавателей и обучающихся [Behnamnia, 2024]. Социологами США проведены исследования в вузах Китая и США, в которых наибольшее число респондентов составили студенты бакалавриата (72 %). В ходе исследования выделены пять основных видов использования ИИ в системе высшего образования: оценка и тестирование, прогнозирование, ассистенты на основе ИИ, интеллектуальные системы наставничества и управление учебным процессом студентов. Авторы также отмечают значительные различия в темпах роста исследований в зависимости от континентов и стран, акцентируя внимание на потенциальных инновациях, связанных с новыми технологиями, такими как ChatGPT [Crompton, 2023]. Ученые государственного университета Перу анализировали соответствие качеству методологических стандартов выпускных квалификационных работ (ВКР). Установлено, что многие ВКР содержат недостатки в части разработки программы социологического исследования, обработки данных и интерпретации результатов. Особенно остро стоят проблемы недостаточной обоснованности гипотез, некорректного выбора метода анализа и игнорирования ограничений исследования. Важным выводом этих ученых является рекомендация повысить требования к обучению студентов методологическим основам исследований, обеспечить контроль качества выполненных работ и разработать нормативные стандарты оценки ВКР [Estrada, 2022]. Социологи Чили изучили возможности использования потенциала ИИ в обеспечении инклюзивного образования в полностью дистанционном университете. Они отмечают, что, несмотря на широкое распространение технологий ИИ в образовательных системах, отсутствуют достаточные эмпирические исследования, рассматривающие влияние ИИ на обеспечение равноправного доступа к образованию [Reyes. 2024].

Таким образом, актуальным остается поиск решения проблемы разрыва между традиционным образованием и возможностями, предоставляемыми ИИ, в частности формирование ИМК социологов с использованием аддитивных технологий. При этом данный аспект является одним из центральных в подготовке социологов новой формации, способных вести глубокий научный анализ и давать объективные заключения о состоянии современного динамичного общества. В связи с этим исследования целью данного исследования является разработка и апробация аддитивной технологии, интегрирующей искусственный интеллект в образовательный процесс студентов-социологов для формирования инструментальных методологических компетенций.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования являются студенты регионального гуманитарного вуза. Предмет исследования – формирование инструментальных методологических компетенций студентов Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского направление подготовки 39.03.01 Социология.

Были использованы следующие методы: работа с документами (Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 39.03.01 Социология, основная образовательная программа, рабочие программы учебных дисциплин и практик), тестирование, социологический эксперимент. Компьютерная обработка социологической информации осуществлялась при помощи пакета программ SPSS. При анализе эмпирических данных использовались метод частотного анализа. Исследование осуществлялось в два этапа.

Результаты исследования и их обсуждение

Ранее, на первом этапе исследования в 2024 году проводился социальный эксперимент на базе ЛГПУ – сравнивались две группы студентов, обучающихся по направлению подготовки «Социология» (по 12 студентов в каждой группе, 2 и 3 курс): экспериментальная – разрабатывала программу социологического исследования с использованием ИИ, и контрольная – разрабатывала программу социологического исследования традиционным способом. Обе группы имели одинаковый исходный уровень подготовки. Результаты показали, что использование ИИ ускорило и повысило качество разработки программы, особенно в теоретико-методологической части [Шмарион, 2025].

Второй этап исследования был ориентирован на выявление посредством тестирования текущего состояния инструментальных методологических компетенций (ИМК) студентов. Тестирование проводилось в среде Google Forms. Выборка направленная, объемом 41 респондент, обучающийся на 1–4 курсах института истории права и общественных наук ЛГПУ. Гендерное распределение респондентов составило 17 % (n = 7) лиц мужского пола и 83 % (n = 34) лиц женского пола от общего числа участников исследования (n = 41).

В процессе тестирования определялся уровень понимания респондентами методологических основ социологических исследований. Данные, полученные в ходе тестирования, включавшего 17 вопросов, обработаны с применением методов математической статистики. Результаты демонстрируют, что современная традиционная подготовка студентов-социологов формирует базовый концептуальный фундамент, однако для совершенствования ИМК требуется дополнительная самостоятельная работа, где ключевую роль может сыграть искусственный интеллект как персонализированный ассистент.

Респонденты показали достаточно высокий уровень знаний, отвечая верно на вопросы о размере выборки (65,9 %), формате данных (61 %) и типе инструментария (65,9 %). Путем анализа допущенных ошибок были выявлены существенные лакуны в знаниях студентов. Студенты испытывают трудности в оценке качественных и количественных методов (12,2 %), что может свидетельствовать о том, что образование успешно закладывает понимание формальных различий, но не развивает навык практического различения методов.

Дать верное определение валидности в социологическом исследовании сумели 43,9 % опрошенных. Студенты, выбирая критерии, важные при критическом анализе статьи, правильно указали на логичность аргументации (78 %) и соответствие методологии целям (68,3 %). Отметим, что студенты дали правильные ответы, но не исчерпывающие, поскольку реже выбирали другие критерии, такие как учет ограничений метода (14,6 %) и четкость выводов (58,5 %). Формальные требования хорошо усваиваются студентами, но для выработки навыка критически оценивать методологические ограничения требуется больше практики. Для большинства студентов формулировка гипотез не вызывает затруднений. Только 29,3 % опрошенных допустили ошибки, предложив некорректную формулировку гипотез.

Анализ полученных эмпирических данных позволил оценить достигнутый уровень освоения студентами ИМК в рамках традиционной системы подготовки, которая в целом успешно формирует теоретико-методологическую базу у обучающихся. Однако были обнаружены существенные пробелы в формировании системной структуры инструментальных компетенций. К ним относятся: трудности операционализации, некритическое восприятие методологических ограничений, ошибки в верификации исследовательских гипотез, подмена схожего понятия другим и т. п. Все это указывает на необходимость перехода к новой системе формирования ИМК, в которой будет использована аддитивная технология с применением искусственного интеллекта.

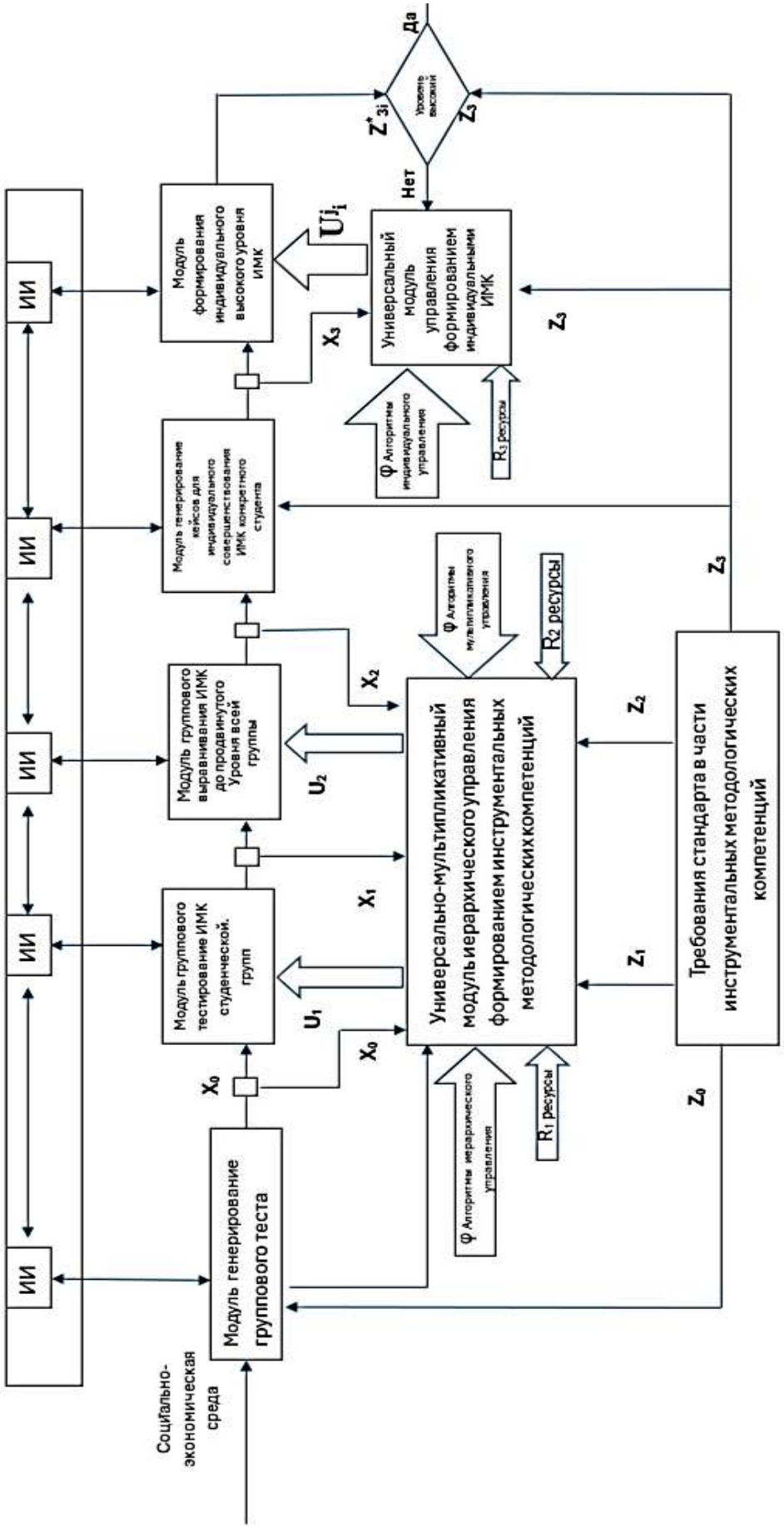
После проведения «среза» ИМК студентов, каждому из опрошенных было предложено пройти кейс в индивидуальном порядке. Кейсы составлялись с ориентацией на допущенные ошибки и прорабатывались студентами для усвоения знаний и полного устранения ошибок. При решении кейсов студенты использовали искусственный интеллект в качестве ассистента (теоретическое уточнение и эмпирическая интерпретация основных понятий, с уточнением процедур операционализации, со спецификой формулировки гипотез и т. п.). В результате проведенного эксперимента на групповом уровне был достигнут продвинутый уровень знаний, умений и навыков в части ИМК, определяемый рабочими программами соответствующих дисциплин, который создал условия для следующего этапа их совершенствования.

Формирование индивидуального высокого уровня ИМК реализовывалось как итерационный процесс, построенный на базе применения принципа дополнительности. Применение ИИ, системно интегрируясь с традиционным подходом, обеспечивает возможность достижения более высокого уровня освоения ИМК, каждым студентом. Итерационный процесс останавливается в ситуации, когда конкретный студент видит, что дальнейшего совершенствования ИМК не происходит.

Проведенный эксперимент и полученные результаты показали не только эффективность использования принципа дополнительности в процессе достижения высокого уровня ИМК студентов-социологов, но и дали основание для разработки структурно-функциональной схемы аддитивной технологии применения ИИ в формировании ИМК студентов социологов (см. рисунок).

Формирование ИМК у студентов реализуется посредством многоуровневого управления, на каждом иерархическом уровне активно используется ИИ. Аддитивная технология включает индивидуальные и групповые модули, функционирование которых осуществляется с помощью соответствующих алгоритмов управления: алгоритма иерархического управления, алгоритма мультипликативного управления, алгоритма индивидуального управления, работа которых должна быть обеспечена соответствующими ресурсами R_1. R_2, R_3. Целевые установки для каждого модуля: Z_0, Z_1, Z_2, Z_3 определяются в соотвествии с требованиями стандарта в части ИМК. Цель Z^*_{3i} – реально достигнутый высокий уровень ИКМ i-м студентом студенческой группы, определятся каждым студентом самостоятельно в зависимости от имеющихся ресурсов R_3, но Z^*_{3i} не должна быть ниже цели Z_3, соответствующего уровня формирования ИМК определенной в соответствии со стандартом. Эффективность управления обеспечивается разработкой необходимого управляющего воздействия: U1, U2 – управляющие воздействия на этапах соответствующего уровня формирования ИМК и U^j_i – самоуправляющееся действие i-го студента при решении j-го кейса в процессе формирования индивидуального высокого уровня ИМК с использованием необходимых обращений к ИИ: $ИИ_0$, $ИИ_1$, $ИИ_2$, $ИИ_3$ – совокупность промптов ИИ, необходимых на соответствующем этапе формирования ИМК. Устойчивость системы управления достигается за счёт наличия каналов обратной связи, которые используют данные X_0, X_1, X_2, X_3, являющиеся информацией обратной связи на этапах соответствующего уровня формирования ИМК.

Наличие структурно-функциональной схемы и результатов социологических исследований позволяет приступить к созданию аддитивной социальной технологии формирования ИМК с применением ИИ. Эта технология основывается на системном, деятельностном и структурно-функциональных подходах с использованием принципа дополнительности. Активное включение ИИ значительно расширяет образовательные возможности и сокращает время, необходимое для формирования ИМК. В процессе разработки социальной технологии описывается совокупность процедур и последовательность действий, реализация которых обеспечивает формирование заданного уровня ИМК.



Структурно-функциональная схема аддитивной технологии применения искусственного интеллекта в формировании инструментальных методологических компетенций студентов-социологов
Structural and functional scheme showing the additive technology of using AI for building methodological tool use competencies in sociology students

Процедура 1. Определение границ освоения студентами-социологами ИМК. Нормативно-правовой базой аддитивной технологии и тестирования выступает Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 февраля 2018 г. № 75 (ред. от 27 февраля 2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 39.03.01 Социология» [1], рабочие программы соответствующих дисциплин, отражающих требования к компетенциям, которыми должен овладеть студент. На базе этой информации формируется цель Z_0, представляющая требуемое овладение студентами ИМК на продвинутом уровне. С использованием ИИ разрабатывается тестовое задание (входное тестирование), с помощью которого оценивается достижение продвинутого уровня Z_0 как группы в целом, так и каждого студента в отдельности.

Процедура 2. Определение начального уровня для применения аддитивной технологии. Для определения границ освоения студентами социологами ИМК проводится входное тестирование. Полученные результаты тестирования обрабатываются методом математической статистики. Для групповых показателей: количество правильных ответов, количество неправильных ответов, количество пропущенных правильных ответов. Определяются следующие статистические характеристики: математическое ожидание, мода, дисперсия, среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации, минимальное и максимальное значение, размах. Индивидуальные результаты тестирования доводятся до сведения каждого студента и служат основанием для последующего анализа, направленного на выявление как индивидуальных, так и групповых внутренних и внешних факторов, детерминирующих успешность формирования ИМК.

Процедура 3. Определение лакун в знании и формировании ИМК у студентов-социологов. Данные, полученные после входного тестирования, анализируются. Особое внимание уделяется ошибкам, которые допустил каждый студент, поскольку именно они являются пробелами в ИМК этого студента. Для каждого студента результаты отклонений его знаний от Z_0 служат содержательным основанием для разработки индивидуальных кейсов. Каждый студент с помощью с генерированных индивидуальных кейсов устраняет пробелы в своих знаниях, и таким образом обеспечивается достижение группового продвинутого уровня ИМК.

Процедура 4. Проработка лакун в знаниях ИМК студентов-социологов методом кейс-стади с применением искусственного интеллекта. Студенты переходят на индивидуальную работу. Каждому студенту предлагается решить индивидуальный набор кейсов, направленных на устранение его пробелов в ИМК с выходом на продвинутый уровень ИМК. Каждый студент работает в индивидуальном порядке с помощью ИИ. В такой работе ИИ выступает как личный ассистент. На основании анализа статистических характеристик исходного тестирования определяется отрезок времени $T_{продв}$, в течение которого любой студент группы должен в обязательном порядке освоить продвинутый уровень ИМК. По истечение времени $T_{прод}$ проводится контрольное тестирование для определения реальности достижения всеми студентами и каждым продвинутого уровня ИМК.

Процедура 5. Проведение выходного тестирования. На основании нормативных документов определяются характеристики ИМК соответствующие продвинутому уровню. На базе этой информации формируется цель Z_2, и с использованием ИИ генерируется тест, с помощь которого будет определяться достижение группового продвинутого уровня ИМК. В тестировании принимают участие все студенты данной группы. Результаты

[1] Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 февраля 2018 года № 75 (ред. от 27 февраля 2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 39.03.01 Социология». URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-39-03-01-sociologiya-75/ (дата обращения: 18.05.2025).

тестирования используются для оценки эффективности данного этапа подготовки студенческой группы и для подтверждения того, что действительно ли были устранены методологические пробелы каждым студентом и группой, в целом.

Процедура 6. Повторение проработки допущенных ошибок (устранение лакун), если тестирование не показало положительную динамику. Поскольку представленная аддитивная технология циклична, на данной процедуре происходит анализ результатов тестирования и, если группа не достигает заданной цели Z_2 за время $T_{прод}$, то это недостижение цели Z_2 обязывает студента вернуться к процедуре 4 и совместными усилиями студенческой группы, посредством самоуправления, за минимальное время структура «развилка» обеспечит достижение цели Z_2. Если цель Z_2 за время $T_{прод}$ достигнута, студенческая группы переходит к процедуре 7.

Процедура 7. Достижение индивидуально высокого уровня ИМК каждым студентом. На данном этапе каждый студент в итерационном режиме, активно взаимодействуя с искусственным интеллектом, моделируя сложные в методологическом плане задачи и осуществляя поиск их оптимального решения, обеспечивает формирование индивидуально высокого уровня ИМК, соответствующего цели Z^*_{3i}, при этом уровень должен быть не ниже уровня, определяемого целью Z_3. Как только все студенты группы достигли результатов, превышающих Z_3, это означает, что использование аддитивной социальной технологии, обеспечивающей формирование ИМК студентов-социологов с применением искусственного интеллекта, реально способствует достижению всеми студентами группы высокого уровня ИМК.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает перспективность внедрения искусственного интеллекта для подготовки социологов. Эмпирически доказано, что предложенная аддитивная технология применения ИИ позволяет оптимизировать процесс создания программы социологического исследования и способствует выявлению индивидуальных лакун в знаниях.

Таким образом, данное исследование восполняет существующий пробел в области системного применения ИИ и предлагает конкретный инструментарий для его интеграции в образовательный процесс, что преодолевает ограничения традиционного подхода и способствует формированию высококвалифицированных специалистов. Важно отметить, что для корректного функционирования аддитивной технологии необходима доброжелательная образовательная среда. Представленная технология совершенствует существующую образовательную систему. Она направлена на то, чтобы научить будущих социологов использовать технологию искусственного интеллекта для улучшения своих профессиональных навыков, а не замены ИМК на результаты работы ИИ.

Настоящая работа служит отправной точкой для дальнейшей теоретической и практической деятельности в области внедрения инновационных решений в процесс подготовки высококвалифицированных кадров в области социологии. Представленные материалы создают предпосылки для последующего углубления знаний о влиянии ИИ на формирование необходимых навыков и компетенций студентов-социологов, что соответствует современным вызовам научно-технического прогресса и общественным потребностям XXI века.

Список литературы

Каменева Н.А. Использование искусственного интеллекта в высшем образовании // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024): сб. статей V международной научно-практической конференции. 14–15 ноября 2024 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 374–386 с.

Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. – 2021. – № 2. – С. 98–113.

Лучшева Л.В. Социальные проблемы использования искусственного интеллекта в высшем образовании: задачи и перспективы // Научный Татарстан. – 2020. – № 4. – С. 84–89.

Павлюк Е.С. Анализ зарубежного опыта влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс в высшем учебном заведении // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 1. – С. 65–72.

Кукуев Е. А., Гладкова Л. Н., Крежевских О. В., Фроленкова А. Л. Исследовательские компетенции студентов в эпоху искусственного интеллекта // Перспективы науки и образования. 2025. № 3. С. 55–71. https://doi.org/10.32744/pse.2025.3.4

Буякова К.И., Дмитриев Я.А., Иванова А.С., Фещенко А.В., Яковлева К.И. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе // Образование и наука. 2024. № 26(7). С. 160–193. doi: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193

Горская Н.Е., Глызина В.Е., Федорюк А.В. Исследование особенностей уровня субъективного контроля студентов в образовательном пространстве вуза // КПЖ. 2019. № 2 (133). URL: https://cyberleninka. ru/article/n/issledovanie-osobennostey-urovnya-subektivnogo-kontrolya-studentov-v-obrazovatelnomprostranstve-vuza (дата обращения: 01.12.2024).

Государственная программа Российской Федерации "Научно-технологическое развитие Российской Федерации". Утверждена Правительством Российской Федерации от 29 марта 2019 г. N 377. URL: https://base.garant.ru/72216664/#friends (дата обращения: 01.12.2024).

Давыдова Г.И., Шлыкова Н.В. Риски и вызовы при внедрении искусственного интеллекта в систему высшего образования [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2024. Том 21. № 3. С. 62–69. DOI: 10.17759/bppe.2024210308

Емельянова И.Н. Модель формирования научно-исследовательских компетенций // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 3. С. 37–45. DOI: 10.17759/pse.2017220304

Замкин П. В., Шукшина Т. И. Сущность и структура прикладных исследовательских компетенций педагога // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13. № 4 (52). С. 27-35. DOI: 10.51609/2079- 3499_2022_13_04_27

Караваева, Е.В. О разработке модели формирования исследовательских компетенций выпускников программ высшего // Высшее образование в России. 2018. № 4. С. 33-47.

Кейсы для оценки сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ высшего образования (программ бакалавриата, специалитета, магистратуры). РИО ЯГПУ, 2018. 218 с. 68 PerspektivyNauki i Obrazovania | 2025 | 3

Методология и методы психолого-педагогического исследования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям: 050706 (031000). Москва: Академия, 2012. 206 с.

Момбекова М.М. Формирование исследовательской компетенции будущих учителей иностранного языка в вузе как условие для модернизации образования // Образование и наука. 2024. № 26(6). С. 42–68. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-42-68

Окунев, Д.В. Формирование научной компетентности у студентов национальных исследовательских университетов // Интеграция образования. 2015. Т. 19, № 2. С. 31-38. DOI: 10.15507/ Inted.079.019.201502.031

Патутина С.Ю. Научно-исследовательские компетенции студенческой молодежи: суть и актуальная тематика российских исследований // Human Progress. 2022. Том 8, Вып. 4. С. 7. DOI: 10.34709/ IM.184.7.

Результаты диагностики прикладных исследовательских компетенций у студентов педагогических направлений подготовки и педагогов общеобразовательных организаций // Гуманитарные науки и образование, 2023, Т. 14, № 1 (53). С. 26-33

Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33

Федорова М.А., Завьялов А.М. Диагностика готовности студентов технического вуза к научно-исследовательской деятельности // Образование и наука. 2014. № 1 (110). С. 132-144

Behnamnia, N., Hayati, S., Kamsin, A., Ahmadi, A., & Alizadeh, Z. Enhancing Students' Research Skills Through AI Tools and Teacher Competencies: A Mixed-Methods Study. Journal of e-Learning and Knowledge Society, 2024, vol. 20(3), pp. 39-55. https://doi.org/10.20368/1971-8829/1135960.

Crompton, H., Burke, D. Artificial intelligence in higher education: the state of the field. International Journal of Educational Technology in Higher Education, 2023, vol. 20. https://doi.org/10.1186/s41239-023-00392-8

Estrada, E., Gallegos, N., &Huaypar, K. Calidad metodológica de las tesis de pregrado de unauniversidadpública peruana. Universidad y Sociedad, 2022, vol. 14(3), pp. 22-29.

Reyes, José & Meneses, Julio. Is artificial intelligence an opportunity for inclusive education? A case study in a fully online university. Ubiquity Proceedings, 2024, vol. 2. DOI: 10.5334/uproc.124.

Шмарион Ю.В., Конев И.В., Курских Е.П. Представления студентов гуманитарного вуза об искусственном интеллекте. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, vol. 49, no. 3, 2024, С. 477-486. doi:10.52575/2712-746X-2024-49-3-477-486

Шмарион Ю.В., Курских Е.П. Перспективы использования искусственного интеллекта в методологической подготовке будущих социологов. Гуманитарные исследования Центральной России, no. 3 (36), 2025, С. 69-75. doi:10.24412/2541-9056-2025-336-69-75

References

Kameneva N.A. The use of artificial intelligence in higher education // Digital humanities and technologies in education (DHTE 2024): collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. November 14-15, 2024 / Edited by V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. Moscow: Publishing House of the Moscow State Pedagogical University, 2024. 374-386 p.

Korovnikova N.A. Artificial intelligence in the educational space: problems and prospects // Social innovations and social sciences. Moscow: INION RAS, 2021, No. 2, pp. 98-113.

Besteva L.V. Social problems of using artificial intelligence in higher education: tasks and prospects // Scientific Tatarstan. – 2020. – No. 4. – pp. 84-89.

Pavlyuk E.S. Analysis of foreign experience of the influence of artificial intelligence on the educational process in higher education institutions // Modern pedagogical education. – 2020. – No. 1. – pp. 65-72. – URL: https://cyber leninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnogo-opyta-vliyaniya-iskusstvennogo-intellekta-na-obrazovatelnyy-protsess-v-vysshemuchebnom-zavedenii (accessed 11.03.2021)

Kukuev E. A., Gladkova L. N., Krezhevskikh O. V., Frolenkova A. L. Research competencies of students in the era of artificial intelligence // Perspectives of science and education. 2025. No. 3. pp. 55-71. https://doi.org/10.32744/pse.2025 .3.4

Buyakova K.I., Dmitriev Ya.A., Ivanova A.S., Feshchenko A.V., Yakovleva K.I. The attitude of students and teachers to the use of artificial intelligence tools in higher education // Education and Science. 2024. No. 26(7). pp. 160-193. doi: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193

Gorskaya N.E., Glyzina V.E., Fedoryuk A.V. A study of the peculiarities of the level of subjective control of students in the educational space of the university // KPJ. 2019. № 2 (133). URL: https://cyberleninkaru/article/n/issledovanie-osobennostey-urovnya-subektivnogo-kontrolya-studentov-v-obrazovatelnomprostranstve-vuza (accessed: 12/01/2024).

The State Program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation". Approved by the Government of the Russian Federation No. 377 dated March 29, 2019. URL: https://base .garant.ru/72216664/#friends (date of request: 12/01/2024).

Davydova G.I., Shlykova N.V. Risks and challenges in the implementation of artificial intelligence in the higher education system [Electronic resource] // Bulletin of practical Psychology of Education. 2024. Volume 21. No. 3. pp. 62-69. DOI: 10.17759/bppe.2024210308

Yemelyanova I.N. Model of formation of scientific research competencies // Psychological science and education. 2017. Volume 22. No. 3. pp. 37-45. DOI: 10.17759/pse.2017220304

Zamkin P. V., Shukshina T. I. The essence and structure of applied research competencies of a teacher // Humanities and education. 2022. Vol. 13. No. 4 (52). pp. 27-35. DOI: 10.51609/2079-3499_2022_13_04_27

Karavaeva, E.V. On the development of a model for the formation of research competencies of graduates of higher education programs // Higher education in Russia. 2018. No. 4. pp. 33-47.

Cases for assessing the formation of universal competencies of students in the development of educational programs of higher education (bachelor's degree, specialty, master's degree). RIO YAGPU, 2018. 218 p. 68 PerspektivyNauki i Obrazovania | 2025 | 3

Methodology and methods of psychological and pedagogical research: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialties: 050706 (031000). Moscow: Akademiya Publ., 2012. 206 p.

Mombekova M.M. Formation of the research competence of future foreign language teachers in higher education institutions as a condition for the modernization of education // Education and Science. 2024. No. 26(6). pp. 42-68. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-42-68

Okunev, D. V. Formation of scientific competence among students of national research universities // Integration of education. 2015. Vol. 19, No. 2. pp. 31-38. DOI: 10.15507/ Inted.079.019.201502.031

Patutina S.Y. Scientific and research competencies of students: the essence and current topics of Russian research // Human Progress. 2022. Volume 8, Issue 4. P. 7. DOI: 10.34709/IM.184.7. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_4/Patutina.pdf (date of reference: 12/01/2024).

Results of diagnostics of applied research competencies among students of pedagogical training areas and teachers of general education organizations // Humanities and Education, 2023, vol. 14, No. 1 (53). pp. 26-33

Sysoev P.V. Artificial intelligence in education: awareness, readiness and practice of using artificial intelligence technologies by higher school teachers in professional activities // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 10. pp. 9-33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33

Fedorova M.A., Zavyalov A.M. Diagnostics of the readiness of technical university students for research activities // Education and Science. 2014. No. 1 (110). pp. 132-144

Behnamnia, N., Hayati, S., Kamsin, A., Ahmadi, A., & Alizadeh, Z. Enhancing Students' Research Skills Through AI Tools and Teacher Competencies: A Mixed-Methods Study. Journal of e-Learning and Knowledge Society, 2024, vol. 20(3), pp. 39-55. https://doi.org/10.20368/1971-8829/1135960 .

Crompton, H., Burke, D. Artificial intelligence in higher education: the state of the field. International Journal of Educational Technology in Higher Education, 2023, vol. 20. https://doi.org/10.1186/s41239-023-00392-8

Estrada, E., Gallegos, N., Huaypar, K. Calidad metodológica de las tesis de pregrado de unauniversidadpública peruana. Universidad y Sociedad, 2022, vol. 14(3), pp. 22-29.

Reyes, José & Meneses, Julio. Is artificial intelligence an opportunity for inclusive education? A case study in a fully online university. Ubiquity Proceedings, 2024, vol. 2. DOI: 10.5334/uproc.124.

Shmarion Yu. V., Konev I. V., Kurskikh E. P. "Ideas of students of a state university about artificial intelligence" NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Pravo, vol. 49, No. 3, 2024, pp. 477-486. doi:10.52575/2712-746X-2024-49-3-477-486

Shmarion Yu.V., Kurskikh E.P. "Prospects of using artificial intelligence in the methodological training of future sociologists" Humanitarian Studies of Central Russia, No. 3 (36), 2025, pp. 69-75. doi:10.24412/2541-9056-2025-336-69-75

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шмарион Юрий Васильевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

Курских Елизавета Павловна, студентка, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri V. Shmarion, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management, P.P. Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia.

Elizaveta P. Kurskikh, Student, P.P. Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-790-798
EDN IDVOAB

Морализаторство как политика отчуждения права (к постановке проблемы)

Носков В.А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
noskov@bsuedu.ru

Аннотация. В статье морализаторство трактуется как активность правящих и оппозиционных элит с целью легитимации своей власти, что коррелируется с модусным (производным) отчуждением права, порожденным его атрибутивным (исходным) отчуждением от своей сущности – диалектического единства ценностей ограниченной свободы и симметричной справедливости, которые в ходе практической реализации становятся ценностями произвольной свободы и ассиметричной справедливости, демонстрируя раскол права на естественное право – правовой идеал и позитивное право – аберрацию этого идеала вследствие влияния фактора политики. В этом контексте политизация права означает подчинение правовых идеалов законам государства, провоцирующее последующее его отчуждение в форме морализаторства – как легитимирующей миссии власти. Эта миссия обозначается в рамках умеренной и радикальной версий, олицетворяющих, соответственно, как признание правящими и оппозиционными элитами легитимирующей взаимосвязи существующего законодательства и традиционной морали, так и отрицание этой взаимосвязи по причине абсолютизации либо существующей системы законодательства (легизм), либо «новой» морали (антилегизм). В первом случае подразумевается легитимный статус существующего миропорядка, во втором – актуализируется необходимость перехода к другому его типу.

Ключевые слова: право, политика, морализаторство, справедливость, свобода, миропорядок, легитимация

Для цитирования: Носков В.А. 2025. Морализаторство как политика отчуждения права (к постановке проблемы). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 790–798. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-790-798 EDN: IDVOAB

Moralizing as a Policy of Alienation of Law (to the Formulation of the Problem)

Vladimir A. Noskov
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
noskov@bsuedu.ru

Abstract. This article interprets moralizing as the activity of the ruling and opposition elites aimed at legitimizing their power. This correlates with the modal (derivative) alienation of law, generated by its attributive (initial) alienation from its essence – the dialectical unity of the values of limited freedom and symmetrical justice. These values, through practical implementation, become the values of arbitrary freedom and asymmetrical justice, demonstrating the split of law into natural law, which is the legal ideal,

© Носков В.А., 2025

and positive law – an aberration of this ideal due to the influence of political factors. In this context, the politicization of law signifies the subordination of legal ideals to the laws of the state, provoking its subsequent alienation in the form of moralizing – as the legitimizing mission of power. This mission is defined within the framework of moderate and radical versions, embodying, respectively, both the recognition by ruling and opposition elites of the legitimizing relationship between existing legislation and traditional morality, and the denial of this relationship through the absolutization of either the existing legal system (legism) or the "new" morality (anti-legism). The former implies recognition of the legitimacy of the existing world order, while the latter implies the legitimacy vacuum of the political strategies implemented by elites, which destroy the existing world order and necessitate a transition to another type.

Keywords: law, politics, moralizing, justice, freedom, worldorder, legitimation

For citation: Noskov V.A. 2025. Moralizing as a Policy of Alienation of Law (to the Formulation of the Problem). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 790–798 (in Russian): DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-790-798 EDN: IDVOAB

Введение

Характерное для современности стирание границ между ценностями-нормами и ценностями-девиациями подпитывает искушение морализаторством как легитимирующей активности правящих и оппозиционных элит с целью укрепления своей власти, если понимать под последней «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своим намерением» [Ледяев, 2000, с. 106]. Данное обстоятельство тянет за собой проблему легитимации миропорядка как сферы ответственности этих элит, что, на наш взгляд, выливается в модусную (производную) форму отчуждения права от своей сущности, обусловленную атрибутивной (исходной) формой его отчуждения вследствие влияния фактора политики.

Между тем подобная трактовка морализаторства до сих пор остается на периферии исследовательского внимания, будучи поглощенной другими проблемами, такими, например, как соотношение права и морали с учетом [Капустин, 2001; Шапиро, 2003; Хесле, 2013;] и вне учета фактора политики [Лукашева, 1986; Новгородцев, 1995; Лафитский, 2007; Хмелевский, 2012], либо ассоциируясь с этической проблематикой [1] или насилием как таковым [Бродский, 2014]. Отсюда вытекает необходимость в осмыслении проблемы отчуждения права в контексте фактора политики как источника его морализаторства, выраженного в умеренной и радикальной формах, каждая из которых реализует свое предназначение в аспекте легитимации власти элит, что коррелируется с проблемой легитимации существующего или зарождающегося миропорядка.

Легитимирующая миссия морализаторства: методологические акцентировки

В своем абстрактном выражении морализаторство выступает как стремление привязать оценки (по заблуждению или лицемерию) к критериям, оторванным от реального понимания дел [2], что создает возможность для элит предельно вольно трактовать любые идеи и смыслы. Подобная семантическая пластичность морализаторства способствует его востребованности в качестве политического инструмента оправдания власти правящих и оппозиционных элит, что выливается, соответственно, либо в обоснование легитимности существующего миропорядка, либо в отрицание этой легитимности, причем, в любом случае имеет место отчуждение права от своей сущности. Иными словами, данный подход ориентирует на трактовку

[1] Соина О.С. 1996. Морализаторство как этическая проблема: автореф. дис. … докт. филос. наук. М., 40 с.
[2] Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина: в 4 тт. 2010. М.: Мысль, Т.2. С. 609.

морализаторства как олицетворения примата политики по отношению к морали и праву, что не вписывается в правовые концепции власти и политики Гоббса, Локка, Спинозы, Руссо, Канта, но укладывается в понимание политики как человеческих отношений в аспекте их «первичности» по отношению к праву и морали [Кравченко, 1998, с. 52]. В этой связи уместно сослаться на мнение известного российского ученого Ю.А. Тихомирова: «Стремление некоторых юристов деполитизировать юридическую науку в 1990-е гг. – явное преувеличение. Политика была и остается важнейшим инструментом определения целей, влияния на сознание и поведение людей» [Тихомиров, 2023, с. 8]. Подобная оценка касается и морали, которая на уровне обыденного сознания не отрефлексирована (не осмыслена), рассматривается как нечто само собой разумеющееся, что позволяет элитам навязывать обществу ее политизированные версии с легитимирующим подтекстом.

Вместе с тем «первичность» политики над правом и моралью не безусловная, а условная, ибо политика не сводится исключительно к духовно-практической силе, сосредоточенной на балансировании, регуляции, оптимизации, канализации интересов, фундирующих известные виды человеческой активности [Ильин, Панарин, 1994, с. 11]. Как можно убедиться, в данном определении фигурирует парадигма эффективности – своего рода «физика» политических процессов и их результатов. Однако политика «метафизична» в аспекте зависимости от правового «облучения», если понимать под этим заинтересованность правящих (или оппозиционных) элит «на *монополию легитимного физического насилия*» [Вебер, 1990, с. 645]. Отсюда парадигма легитимности является не менее значимой составляющей политического бытия, поскольку она подкрепляет физическое насилие со стороны власти метафизическим насилием – морализаторством в форме политизированной морали. В свете данного подхода морализаторство есть отчуждение права от своей сущности по причине его «облучения» политикой, реализующей роль творца объективированных (состоявшихся) форм морально-правовой реальности, что делает этот феномен (морализаторство) вторичной (модусной) формой отчуждения права, порожденной первичной (атрибутивной) формой его отчуждения – продуктом политизации права.

Проблема отчуждения права неизбежно выводит на передний план прояснение его сущности, что, по мнению И. Канта, представляет для юриста такие же трудности, как для логика вопрос, что такое истина [Кант, 1965, с. 138]. Отсюда напрашивается допущение, что право (в своей идеальной ипостаси) выступает как диалектическое сопряжение ценностей *ограниченной свободы* – способности человека нести персональную ответственность за свои действия перед обществом (государством) и *симметричной справедливости* – способности человека требовать социальную ответственность со стороны общества (государства) за свое персональное благополучие. Этот правовой идеал нуждается в политике как средства реализации его требований на практике. Отсюда политизация права трансформирует его онтологический (самодостаточный) статус в методологический (обслуживающий) статус, поскольку, как отмечает Ж.-П. Сартр, «метод – это социальное и политическое оружие» [Сартр, 2023, с. 8]. Подобная миссия права закладывает легитимирующую основу для миропорядка, ибо, по мнению С.С. Алексеева, «нужно постоянно держать в поле зрения то существенное обстоятельство, что право – по своей основе *институт практического порядка*, функционирующий в самой гуще жизни (курсив мой. – *В.Н.*)» [Алексеев, 1997, с.100]. Получается, что право интегрирует в себе ценности порядка как имманентной (укорененной) цели, а также ограниченной свободы и симметричной справедливости как имплицированные (подразумеваемые) средства реализации этой цели. Эти ценностные приоритеты в ходе практической реализации выступают в политической оболочке, т.е. подчиняются требованиям политической целесообразности как синонима первичной (атрибутивной) формы отчуждения права – превращения ограниченной свободы в произвольную свободу, а симметричной справедливости – в ассиметричную справедливость.

Однако легитимирующая миссия права нивелируется не только в силу политизации – как первичное (атрибутивное) его отчуждение, но и благодаря морально-этическому фактору, востребованному обществом как побудительная сила, призванная, согласно Аристотелю, подчинять политическую деятельность архитектоническим целям блага и добра [Аристотель, 2021, с. 6]. Поэтому политика предстает не как «чистое», а как заинтересованное (в идеале этичное) миропредставление и мировоздействие на базе предвзятых принципов [1].

Уточним, что сутью морали является внутренняя убежденность индивида, субъективное долженствование, идея самоценности человеческой личности [Гусейнов, 1986, с. 160]. Исходя из этого, можно предположить, что сильные в экономическом, политическом, культурном и ином отношении субъекты власти располагают возможностями для навязывания обществу «нужных» трактовок моральных ценностей, что в свое время отметил русский мыслитель С. Франк: «Общий политический итог всегда, следовательно, определен *взаимодействием* между содержанием и уровнем общественного сознания масс и направлением идей руководящего меньшинства» [Франк, 1990, с. 254]. Именно «руководящее меньшинство» в лице правящих и оппозиционных элит располагает ресурсами и средствами для морализации политики, выступающей как позиционирование моральных ценностей, якобы тождественных истинным представлениям о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, определяющим соответствующие нормы поведения. В этом выражена суть морализаторской политики в духе Н. Макиавелли: «Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым… но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо» [Макиавелли, 2022, с. 93]. Исходя из этого, морализаторство есть использование морали правящими и оппозиционными элитами в качестве политического инструмента легитимации своей власти, причем, речь идет как об отдельных государствах, так и о мировом сообществе, имея в виду, с одной стороны, государства (транснациональные корпорации), располагающие возможностями экономического, политического, информационного и иного давления на международные организации (ООН и др.) с целью легитимации своей внешней политики путем навязывания «нужных» трактовок международного права, а с другой – государства и организации, не располагающие этими возможностями, однако обладающие соответствующими (в том числе военными) ресурсами, подкрепленными способностью их руководства принимать волевые решения для противодействия подобной «легитимации».

Можно заключить, что легитимирующее предназначение морализаторства выражается в политизации морали, что, однако, требует различать *умеренную* и *радикальную* его версии, подразумевающие, соответственно, конвергенцию (соединение) легитимирующих энергий законодательства и традиционной морали как свидетельство консенсуса между правящими и оппозиционными элитами и их дивергенцию (разъединение) как следствие конфронтации между этими элитами. Умеренное морализаторство есть мягкий вариант отчуждения права, отражающий неустойчивый баланс между ценностями произвольной свободы и асимметричной справедливости, которые, будучи аккумулированные в законах и традиционной морали, являют собой легитимирующие основы существующего миропорядка. Напротив, радикальное морализаторство – жесткий вариант отчуждения права, подразумевающий нарушение этого баланса, нивелирование легитимности существующего миропорядка с поощрением процессов его разрушения в экономической, социальной, культурной и иных сферах, приводящих к состоянию аномии (Э. Дюркгейм). Поэтому умеренное морализаторство есть показатель эволюционного развития общества, что востребует (пусть и в усеченном

[1] Философия в системе культуры: Учебное пособие для вузов / под. ред. В.В. Ильина. 2004. Калуга: Издательство «Полиграф-Информ». С. 42.

виде) легитимирующую миссию права, тогда как радикальное морализаторство есть отражение революционного его развития, провоцирующего редуцирование (сужение) этой миссии либо до *легизма* – существующей системы законодательства как идентификатора трактовок ценности справедливости со стороны государства, либо до *антилегизма* – «новой» морали как идентификатора альтернативных трактовок этой ценности. Обозначенные вариации радикального морализаторства есть порождение политической конъюнктуры, запускающие своеобразные монологи своих апологетов, с той лишь разницей, что в одном случае речь идет о монологе-инициативе в деле разрушения существующего миропорядка, а в другом – о монологе-реакции на подобную инициативу, что в любом случае приводит к нарушению хрупкого баланса между политизированными правовыми ценностями в лице произвольной свободы и асимметричной справедливости, выливающегося в эрозию легитимных основ существующего миропорядка.

Выходит, что в радикальном морализаторстве сопрягаются две его версии – *активное радикальное морализаторство* и *реактивное радикальное морализаторство* как стратегии легитимирующей активности правящих и оппозиционных элит, каждая из которых по своему способствует отчуждению права от своей идеальной сущности, поскольку из триединого правового идеала «ограниченная свобода – симметричная справедливость – порядок» первые две ценности трансформируются в произвольную свободу и ассиметричную справедливостью, в третья – уходит в небытие, ибо разрушение старого и созидание нового миропорядка означает отсутствие миропорядка как такового.

В целом морализаторство детерминировано историческими обстоятельствами, задающими легитимирующую активность элит по упрочению своей власти в духе конъюнктуры, выражающейся либо в умеренной, либо в радикальной формах политизации права: в первом случае доминирует установка на защиту существующего миропорядка, а во втором – на его разрушение, поскольку на передний план выходят задачи формирования нового миропорядка. Таким образом, эти формы морализаторства определяются стоящей перед элитами дилеммой – легитимировать (оправдывать) или делегитимировать (критиковать) существующий миропорядок.

Радикальное морализаторство в историческом ракурсе

В условиях перехода от одного типа (миро)порядка к другому радикальное морализаторство становится легитимирующей основой этих процессов, что можно показать на исторических примерах, имея в виду как российское государство – начало (1917 г.) и завершение (1991 г.) советского периода его истории, так и события, оказавшие влияние на мировое сообщество – прецеденты Косова (2008 г.), Абхазии и Южной Осетии (2008 г.), Крыма и Севастополя (2014 г.), Донбасса и Новороссии (2022 г.).

Так, состоявшиеся в ноябре 1917 г. (после Октябрьской революции) выборы в Учредительное собрание показали, что российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) получила около четверти голосов избирателей (24 %), что не помешало этой политической силе сохранить свою власть вначале в союзе с левыми эсерами (до июля 1918 г.), а затем стать единственной партией в стране. Здесь проявилась ставка на освящение радикального морализаторства (в облике «революционной» морали) над умеренной его версией (в облике апелляции к существующим законам и традиционной морали), что, с одной стороны, способствовало упрочению власти большевиков, а, с другой – разрушению старого миропорядка, что привело к гражданской войне. В данной ситуации, по мнению Г. Рормозера, была реализована идея В.И. Ленина о лишении государства субъектности в принятии окончательных решений: «Легальность не признается более легитимной. То, что легально, так и остается просто-напросто легальным, но оно отнюдь не является тем самым легитимным» [Рормозер, 1996, с. 100].

Однако после окончания гражданской войны новая власть осознает необходимость смены легитимирующих «подпорок» государства, что знаменовало отказ от радикального морализаторства в пользу его умеренной версии как примирителя легальности – советской системы законодательства и морали – в редакции кодекса строителя коммунизма. Эта версия умеренного морализаторства работала несколько десятилетий и исчерпала свой потенциал к середине 80-х годов XX века, когда в СССР обострились проблемы экономического, социального, национального характера, порожденные как объективными, так и субъективными причинами – некомпетентностью и нерешительностью руководства страны во главе с М.С. Горбачевым, что создавало угрозу единству страны и требовало, в частности, законодательного оформления процедур и механизмов возможного выхода той или иной союзной республики из состава Советского Союза, поскольку статья 72 Конституции СССР 1977 года носила декларативный характер, указывая лишь на то, что за каждой союзной республикой сохранялось право свободного выхода из СССР [1]. Поэтому в условиях набирающих силу центробежных тенденций Верховный Совет СССР 3 апреля 1990 г. принял Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», где, в частности, прописывались условия проведения референдума в республике, выходящей из СССР – 2-я статья, устанавливался переходный период при голосовании двух третей населения республики за выход из СССР – 9-я статья, перечислялись вопросы, которые должны решать, с одной стороны, Совет Министров СССР, а с другой – правительство выходящей из СССР союзной республики – 14-я статья [2].

Подобные инициативы официальной власти натолкнулись на яростное противодействие участников Народных фронтов, националистов, сторонников западных либеральных ценностей, которых сближала апелляция к «новой» морали как воплощению стремлений граждан и народов к свободе и самоопределению и, соответственно, антиподу существующего законодательства. Апофеозом морализаторского радикализма стало подписание в декабре 1991 г. руководителями России, Украины и Белоруссии соглашения, в котором констатировалось, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование [3], хотя этот документ противоречил и выше обозначенному союзному закону, и международному праву, в частности Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., согласно которому «государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы» [4]. Как результат – хаос на постсоветском пространстве, кровавые конфликты в ряде республик бывшего СССР, сотни тысяч беженцев, резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства граждан и т. д. Подобные решения уходят корнями в мировоззрение правящих и оппозиционных элит, одна из особенностей которого, по мнению известного правоведа Б.А. Кистяковского, в том, что «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности» [Кистяковский, 1991, с. 110]. Можно сказать, что интеллигенция России-СССР как олицетворение элиты (правящей или оппозиционной) сыграла ключевую роль в разрушении легитимных основ имперского, буржуазно-демократического и, наконец, советского типов государственности, делая

[1] Конституция и законы Союза ССР. М., 1983. С. 17.

[2] О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР: Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-I. URL: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_37784.html (дата обращения: 22.09.2025).

[3] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 08.12.1991. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900745 (дата обращения: 26.09.2025).

[4] Хельсинский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30039 (дата обращения: 23.09.2025)

ставку на радикальное морализаторство как антипод его умеренной версии, гарантирующей исторически сложившийся миропорядок.

Другой пример радикального морализаторства – признание независимости Косова от Сербии (2008 г.), изначально исходившее от 93 стран, обосновавших подобный шаг статьей 3 Декларации ООН о правах коренных народов (2007 г.), согласно которой «коренные народы имеют право на самоопределение» [1]. Это решение запустило процессы делегитимации существующего миропорядка путем навязывания очередной редакции «новой» морали как продолжения поисков в этом направлении французских якобинцев, русских большевиков или современных западников-либералов, что открыло своего рода «ящик Пандоры», ибо теперь легитимирующие основы миропорядка стали напоминать маятник, который мог качнуться в другую сторону (в рамках реактивного морализаторства), что продемонстрировала Россия, признав независимость Абхазии и Южной Осетии (2008 г.), Крыма (2014 г.), Донецкой и Луганской народных республик (2022 г.), ссылаясь на провозглашенный ООН один из ключевых принципов – право народов на самоопределение, а затем подкрепив это решение проведенными референдумами по вопросу вхождения в состав Российской Федерации Крыма и Севастополя (2014 г.), Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей (2022 г.), что получило отражение в статье 65 Конституции Российской Федерации [2]. Подобный сценарий стал ответом исповедуемому правящими элитами Запада активному радикальному морализаторству, будь это легистский его вариант – как освящение территориальной целостности, например, Испании (фактор Каталонии) и Украины или антилегистский вариант – как освящение разрушения территориальной целостности, например, Югославии. Антиномическая суть подобных политических решений заложена в 1-й и 2-й статьях Устава ООН, декларирующих, с одной стороны, право народов на самоопределение, а с другой – обеспечение территориальной неприкосновенности государств [3]. Будучи в потенциальном (декларативном) статусе, эти принципы воплощают умеренное морализаторство – легитимирующую основу существующего миропорядка, тогда как в актуальном (реализованном) статусе они ставят субъекта власти перед выбором – либо абсолютизировать существующее законодательство, либо в противовес ему создавать ценности «новой» морали, стимулируя таким образом радикальное морализаторство как инструмент разрушения легитимных основ существующего миропорядка.

Заключение

В свете заявленного подхода морализаторство есть политика правящих и оппозиционных элит по легитимации своей власти, что равнозначно модусному (производному) отчуждению права от своей сущности в формах: умеренного морализаторства – признания элитами легитимирующей взаимосвязи существующего законодательства и традиционной морали; радикального морализаторства – отрицания подобной взаимосвязи путем абсолютизации либо существующей системы законодательства (легизм), либо «новой» морали (антилегизм). Иными словами, умеренное морализаторство подразумевает легитимность существующего миропорядка, а радикальное – разрушение этой легитимности как олицетворение перехода к новому типу миропорядка. В этой связи легитимирующую ангажированность морализаторства

[1] Декларация Объединенных Наций о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml, свободный (дата обращения: 23.09.2025).

[2] Конституция Российской Федерации. URL: https://www.garant.ru/doc/constitution/

[3] См.: Устав Организации Объединенных наций. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов. Т. V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). М., 1980. С. 586–618.

можно трактовать как продолжение атрибутивного (исходного) отчуждения права от своей сущности вследствие его политизации, когда происходит раскол бытия права на естественное право – противоречивое единство идеалов ограниченной свободы и симметричной справедливости и позитивное право – трансформацию этих идеалов в ценности произвольной свободы и асимметричной справедливости в контексте подчинения требованиям политической целесообразности. Отсюда исходным моментом отчуждения права является эксплуатация элитами фактора политики, а завершающим – их апелляция к морализаторству в его умеренной и радикальной формах как стремления обеспечить легитимацию своей власти и, соответственно, защитить или разрушить существующий миропорядок.

Список литературы

Алексеев С.С. 1997. Философия права. М., НОРМА, 336 с.

Аристотель. 2021. Этика. М., АСТ, 416 с.

Бродский А.И. 2014. Морализаторство и насилие с логико-семантической точки зрения. *Вестник Санкт-Петербургского университета,* Серия 17. Выпуск 1: 5-11.

Вебер М. 1990. Избранные произведения. Пер. с нем. М., Прогресс, 808 с. (Weber M. 1980. Gesammelte Politische Schriften. Tubingen, S. 505-560).

Гусейнов А.А. 1986. Мораль. В кн.: Общественное сознание и его формы. Под ред. В.И. Толстых. М., Политиздат: 144-202.

Ильин В.В., Панарин А.С. 1994. Философия политики. М., Изд-во МГУ, 283 с.

Кант И. 1965. Сочинения в 6-ти томах. М., Мысль, Т. 4. Часть II, 478 с.

Капустин Б.Г. 2001. Критика политической морали (мораль – политика – политическая мораль). *Вопросы философии,* 2: 33-55.

Кистяковский Б.А. 1991. В защиту права. В кн.: Вехи. Интеллигенция в России: Сборник статей 1909–1910. М., Молодая гвардия: 109-136.

Кравченко И.И. 1998. Введение в исследование политики (филос. аспект). М., ИФРАН, 188 с.

Лафитский В.И. 2007. Принцип верховенства права в этико-правовом измерении. *Журнал российского права,* 9: 53–58.

Ледяев В.Г. 2000. Власть: концептуальный анализ. *Полис,* 1: 97-107.

Лукашева Е.А. 1986. Право, мораль, личность. М., Наука, 262 с.

Макиавелли Н. 2022. Государь. О военном искусстве. М., АСТ, 416 с.

Новгородцев П.И. 1995. Право и нравственность. *Правоведение,* 6: 103-113.

Рормозер Г. 1996. Кризис либерализма. Пер. с нем. М., ИФРАН, 292 с. (Rohmoser Gunter. 1994. Die Kriese unserer liberalen Respublik. Verlag Berlin Ullstein, 559 s.)

Сартр Ж.-П. 2023. Проблемы метода. Пер. с фр. М., АСТ, 220 с. (Sartre J.-P. 1967. Questions de methode. Gallimard, 255 p.).

Тихомиров Ю.А. 2023. Загадки правового воздействия на процессы в окружающем мире. *Журнал российского права,* 9: 5-14. DOI: 10.61205/jrp.2023.099.

Франк С. 1990. De profundis. В кн.: Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., Изд-во МГУ, 251-269.

Хесле В. 2013. Об отношении морали и политики. Часть 1. *Полис,* 4: 45-61.

Хмелевский С.В. 2012. Мораль и право: некоторые базовые аспекты взаимосвязи и взаимовлияния. *Бизнес в законе,* 2: 191-198.

Шапиро Я. 2003. Моральные основания политики. *Социологическое обозрение,* 3 (1): 20-34.

References

Alekseev S.S. 1997. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moskow, Publ. NORMA, 336 p.

Aristotle, 2021. Etika [Ethics]. Moskow, Publ. AST, 416 p.

Brodsky A.I., 2014. Moralizatorstvo i polucheniye s logiko-semanticheskoy tochki zreniya [Moralizing and violence from a logical-semantic point of view]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta,* Seriya 17. Vypusk 1: 5-11.

Frank S. 1990. Iz glubiny [De profundis]. In: Sbornik statey o russkoy revolyutsii [A collection of articles on the Russian Revolution]. Moskow, Moscow University Publ. House: 251-269.

Guseynov A.A. 1986. Moral' [Moral]. In.: Obshchestvennoye soznaniye i yego formy [Public consciousness and its forms]. Ed. V.I. Tolstykh. Moskow, Publ. Politizdat: 144-202.

Il'in V.V., Panarin A.S. 1994. Filosofiya politiki [Philosophy of Politics]. Moskow, Moscow University Publ. House, 283 p.

Kant I. 1965. Sochineniya v 6-ti tomakh. Tom 4, Chast' II. [Works in 6 volumes. Vol. 4, Part II]. Moskow, Publ. Mysl', 478 p. (in Russian).

Kapustin B.G. 2001. Kritika politicheskoy morali (moral' – politika – politicheskaya moral') [Critique of political morality (morality – politics – political morality)]. *Voprosy filosofii*, 2: 33-55.

Khesle V. 2013. Ob otnoshenii morali i politiki. Chast' 1 [On the relationship between morality and politics. Part 1]. *Polis*, 4: 45-61. (in Russian).

Khmelevsky S.V. 2012. Moral' i pravo: nekotoryye bazovyye aspekty vzaimosvyazi i vzaimovliyaniya [Morality and Law: Some Basic Aspects of Interrelation and Interinfluence*]*. *Biznes v zakone*, 2: 191-198.

Kistyakovskiy B.A. 1991. V zashchitu prava [In Defense of the Law]. In: Vekhi. Intelligentsiya v Rossii: Sbornik statey 1909-1910 [Milestones. The Intelligentsia in Russia: A Collection of Articles 1909–910]. Moskow., Publ. Molodaya gvardiya: 109-136.

Kravchenko I.I. 1998. Vvedeniye v issledovaniye politiki (filosofskiy aspekt) [Introduction to the Study of Politics (Philosophical Aspect)]. Moskow, Publ. IFRAN, 188 p.

Lafitsky V.I. 2007. Printsip verkhovenstva prava v etiko-pravovom obespechenii [The principle of the rule of law in the ethical and legal dimension]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 9: 53-58.

Ledyaev V.G. 2000. Vlast': kontseptual'nyy analiz [Power: conceptual analysis]. *Polis*, 1: 97-107.

Lukasheva Ye.A. 1986. Pravo, moral', lichnost' [Law, morality, personality]. Moskow, Publ. Nauka, 262 p. Machiavelli N. 2022. Gosudar'. O voyennom iskusstve [The Sovereign. On the Art of War]. Moskow, Publ. AST, 416 p.

Novgorodtsev P.I. 1995. Pravo i nravstvennost' [Law and Morality]. Pravovedeniye, 6: 103-113.

Rohrmoser G. 1996. Krizis liberalizma [The crisis of liberalism]. Translated from German. Moskow, Publ. IFRAN, 292 p. (Rohmoser Gunter. 1994. Die Kriese unserer liberalen Respublik. Verlag Berlin Ullstein, 559 s.)

Sartre J.-P. 2023. Problemy metoda [Problems of method]. Translated from French. Moskow, Publ. AST, 220 p. (Sartre J.-P. 1967. Questions de methode. Gallimard, 255 p.).

Shapiro Ya. 2003. Moral foundations of politics. Sotsiologicheskoye obozreniye, 3 (1): 20-34 (in Russian).

Tikhomirov Yu.A. 2023. Zagadki pravovogo vozdeystviya na protsessy v okruzhayushchem mire [Riddles of legal influence on processes in the surrounding world]. Zhurnal rossiyskogo prava, 9: 5-14.

Weber M., 1990. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Translated from German. Moskow, Publ. Progress, 808 p. (Weber M. 1980. Gesammelte Politische Schriften. Tubingen, S. 505-560).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Носков Владимир Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Noskov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 340.123
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-799-815
EDN IRCSQE

«Патриархальный абсолютизм» М.Н. Покровского: старая критика и новые подходы

Пенская Т.М., Пенской В.В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
penskaya@bsuedu.ru, penskoy@bsuedu.ru

Аннотация В процессе трансформации средневековой государственности в раннемодерную европейским обществом было опробовано несколько политических моделей. На определенное время наиболее успешной из них оказался абсолютизм. Российский и советский историк М.Н. Покровский ввел понятие «патриархального абсолютизма» как исходной ступени эволюции классического абсолютизма. Сегодня представляется возможным вернуться к предложенной Покровским концепции и пересмотреть негативное отношение советской историографии к его «патриархальному абсолютизму». Цель исследования заключается в актуализации проблемы и возвращения и исследовательское поле концепции «патриархального абсолютизма». В работе показано, что разработанная М.Н. Покровским концепция генезиса русского самодержавия стала продолжением традиции изучения этого политико-правового феномена в русской историко-юридической науке в XIX – начале XX веков и явилась попыткой приспособить прежние наработки в этой сфере к новой марксисткой научной парадигме. Во 2-й половине 30-х гг., XX в., когда Покровский и его школа подверглись жесткой критике и разгрому, предложенная им концепция происхождения и развития самодержавия была отброшена и забыта. Сделан вывод о том, что в свете сделанных в последние десятилетия открытий и появления новых интерпретаций исторического процесса в раннее Новое врем идеи М.Н. Покровского относительно природы русского абсолютизма не выглядят безнадежно устаревшими. Предварительные изыскания в этом направлении показывают перспективность высказанных им идей и прежде всего концепта «патриархального абсолютизма» и позволяют рассчитывать на получение оригинальных научных результатов при изучении вопросов истории российского самодержавия

Ключевые слова: Новое время, государство, абсолютизм, традиция, обычное право, религия, Россия, самодержавие, патриархальный абсолютизм, М.Н. Покровский, К.В. Базилевич

Для цитирования: Пенская Т.М., Пенской В.В. 2025. «Патриархальный абсолютизм» М.Н. Покровского: старая критика и новые подходы. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 799–815. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-799-815 EDN: IRCSQE

M.N. Pokrovsky's "Patriarchal Absolutism": Old Criticism and New Approaches

Tatyana M. Penskaya, Vitaly V. Penskoy
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation
penskaya@bsuedu.ru, penskoy@bsuedu.ru

Abstract. During the transformation of medieval statehood into early modernism, European society tested several political models. For a time, absolutism proved to be the most successful one. The Russian and Soviet historian M.N. Pokrovsky introduced the concept of "patriarchal absolutism" as the initial

© Пенская Т.М., Пенской В.В., 2025

stage in the evolution of classical absolutism. Today, it appears possible possible to return to Pokrovsky's concept and reconsider the negative attitude of Soviet historiography toward his "patriarchal absolutism". The aim of this study is to update the problem and return the concept of "patriarchal absolutism" to the research field. The paper demonstrates that Pokrovsky's concept of the genesis of Russian autocracy continued the tradition of studying this political and legal phenomenon in Russian historical and legal scholarship in the 19th and early 20th centuries and was an attempt to adapt previous work in this field to the new Marxist academic paradigm. In the second half of the 1930s, when Pokrovsky and his school were subjected to harsh criticism and defeat, his concept of the origin and development of autocracy was discarded and forgotten. It is concluded that, in light of discoveries made in recent decades and the emergence of new interpretations of the historical process in the early modern period, M.N. Pokrovsky's ideas regarding the nature of Russian absolutism do not appear hopelessly outdated. Preliminary research in this area demonstrates the promise of his ideas, especially the concept of "patriarchal absolutism," and allows us to expect to obtain original scientific results in studying the history of Russian autocracy.

Keywords: Modern, state, absolutism, tradition, common law, religion, Russia, autocracy, patriarchal absolutism, M.N. Pokrovsky, K.V. Bazilevich

For citation: Penskaya T.M., Penskoy V.V. 2025**.** M.N. Pokrovsky's "Patriarchal Absolutism": Old Criticism and New Approaches. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 799–815 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-799-815 EDN: IRCSQE

Введение

27 января 1936 г. в «Правде», ведущей советской газете, вышла передовая статья «Преподавание истории в нашей школе», в которой были подведены предварительные итоги (оказавшиеся, по мнению автора передовицы, неудовлетворительными) работы по реорганизации преподавания гражданской истории в советских школах. И одним из препятствий на этом пути правдинская статья назвала «вредные традиции школы М.Н. Покровского»[1]. Академик М.Н. Покровский, в 20-х гг. был звездой первой величины в молодой советской исторической науке. Точнее, даже не звездой, а сверхзвездой – впору говорить даже о своего рода «культе личности» первого советского историка-марксиста, практически монополизировавшего руководство развитием исторических изысканий в Советском Союзе в те годы (историк Н.И. Павленко метко окрестил его «фактическим диктатором в исторической науке» [Павленко, 1999, с. 30]). Заместитель наркома просвещения РСФСР, один из организаторов Коммунистической академии, Государственного ученого совета, Института истории и Института красной профессуры, ректором которого он являлся, председатель общества историков-марксистов, заведующий Центрархивом, редактор журналов «Красный архив», «Историк-марксист», член Главной редакции Большой Советской Энциклопедии и пр., и пр., и пр. – пожалуй, ни один из советских историков ни до, ни после Покровского не имел такого внушительного перечня занимаемых должностей и регалий. Однако это доминирование академика и его школы в отечественной историографии было недолгим. Сам мэтр скончался в 1932 г., а уже в 1934 г., с началом пересмотра практики преподавания истории в учебных заведениях СССР, его концепция оказывается под огнем критики со стороны партийного руководства – сперва непрямой, без перехода на личности. «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКЩб) констатируют, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлечённый, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей –

[1] Преподавание истории в нашей школе // Правда. 27 января 1936 г. С. 1. № 26 (6632) — Яндекс Поиск по архивам.

учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлечёнными социологическими схемами», – говорилось в постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г., с которого началась перестройка всей системы исторического образования в Советском Союзе [1]. И поскольку Покровский отвечал в свое время за выработку новой концепции исторического образования, то читавшим это постановление было совершенно ясно, на кого направлены замечания. А ведь еще февральский номер журнала «Борьба классов» за 1934 год открыла большая программная статья ученицы М.Н Покровского А.М. Панкратовой «Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР», в которой давалась высокая оценка деятельности академика на историческом поприще [Панкратова, 1934]. Панкратова катком прошлась по старым историкам (Платонову, Готье, Випперу, Петрушевскому и ряду др.), противопоставив их «воинствующему историку-большевику» Покровскому. Заслуга последнего, по ее словам, «заключалась прежде всего в том, что ленинизм в истории он сделал своим исходным методологическим оружием в борьбе с враждебной марксизму историографией» [Панкратова, 1934, с. 9]. Спустя же три месяца ситуация стала постепенно изменяться, и не прошло и двух лет, как критика «школы Покровского» и самого покойного академика стала открытой.

Январская 1936 года передовица в «Правде» начала кампанию против Покровского, подчеркивая, что хотя он сам и формировался как историк в борьбе с субъективизмом буржуазных историков, противопоставив развитие экономических отношений их стремлению представить главной движущей силой в истории деяния царей, попытка эта оказалась неудачной. «Сводя диалектический материализм к экономизму, или, точнее говоря, к экономическому самотеку», говорилось в статье, Покровский «мог создать **только схему социальных формаций, а не живую историю** борьбы классов с громадной ролью государства как рычага борьбы (здесь и далее выделено нами. – *В.П., Т.П*)» [2].

Однако это была только затравка, но стоило перевернуть газетную страницу, и на 2-й полосе этого выпуска «Правды» под многозначительным названием «На фронте исторической науки» в статье «В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП (б)» оценки деятельности покойного академика носили попросту разгромный характер. Отмечая, что «среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились анти-марксистские, анти-ленинские, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку», авторы статьи связывали эту укорененность «**в первую очередь** с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского». Преодоление кризиса в исторической науке и в преподавании истории в учебных заведениях СССР связывалось авторами материала с преодолением «этих вредных взглядов» [3].

Жесткая характеристика последствий господства Покровского в советской исторической науке была усилена в вышедшем в ноябре 1938 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»: «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой "школой" Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех

[1] Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б). О преподавании гражданской истории в школах СССР. 15 мая 1934 г. URL: // https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/353204-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-soyuza-ssr-i-tsentralnogo-komiteta-vkp-b-o-prepodavanii-grazhdanskoy-istorii-v-shkolah-sssr-15-maya-1934-g (дата обращения 22.09.2025)

[2] Преподавание истории в нашей школе // Правда. 27 января 1936 г. № 26 (6632). С. 1.

[3] На фронте исторической науки. В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б) // Правда. 27 января 1936 г. № 26 (6632). С. 2.

условий, в обстановке которых протекали исторические события, и тем самым искажала действительную историю» [1]. Покровский, таким образом, был окончательно разжалован из стройных историков-марксистов и приверженцев исторического материализма.

Эти чрезвычайно негативные оценки в реалиях того времени означали по существу приговор наследию М.Н. Покровского (и ему самому, если бы «диктатор исторической науки» дожил бы до этого времени) и требовали соответствующей реакции от советского исторического сообщества. И эта реакция не замедлила последовать, причем если ряд историков, выступивших с резкой критикой исторических взглядов покойного академика и заместителя наркома просвещения, сделал это, следуя изменившейся линии партии (как, например, та же А.М. Панкратова), то для других эта кампания носила определенно субъективный характер. В свое время М.Н. Покровский принял активное участие в организации политической чистки в Академии наук и так называемого «Академического дела» 1929–1931 гг. («дело Платонова-Тарле»), нанесшего сильнейший удар по старым историческим кадрам и окончательно утвердившего господствующее положение Покровского в молодой советской исторической науке. Эта его борьба против старых историков, похоже, имела еще и глубоко личные мотивы. П.Н. Милюков оставил интересные воспоминания о своих первых встречах с Покровским на семинарах П.Г. Виноградова, которые проливают свет на взаимоотношения Покровского и прежнего исторического сообщества: «Покровский, один из самых младших участников [семинара], обычно угрюмо молчал и всегда имел какой-то вид заранее обиженного и не оцененного по заслугам. Я думаю, здесь было заложено начало той мстительной вражды к товарищам-историкам, которую он потом проявил, очутившись у власти» [Милюков, 1993, с. 116]. Теперь же «товарищи-историки» получили возможность взять реванш, и они воспользовались ею в полной мере (во всяком случае, некоторые из них).

Апогеем критики концепции Покровского стал двухтомный сборник статей ведущих советских историков, который вышел в 1939 и 1940 гг. «Перед советскими историками стоит важнейшая задача преодоления вредных взглядов Покровского и ликвидации последствий вредительства на историческом фронте», – так была обозначена цель, стоящая перед советской исторической наукой во введении к первой части сборника [Против исторической…, 1939, с. 4]. Соответственно, части его носили характерные, в духе эпохи, названия: «Против исторической концепции М.Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» [1939; 1940].

Цель исследования заключается в актуализации проблемы и возвращения и исследовательское поле концепции «патриархального абсолютизма».

Материалы и методы исследования

В качестве источниковой базы были использованы классические исторические и историко-правовые труды, которые прямо или косвенно затрагивали проблемы генезиса и развития самодержавия/абсолютизма в России Нового времени, а также более современные работы, отражающие нынешнее состояние исторической и историко-правовой науки по этому вопросу. К анализу были привлечены основные работы М.Н. Покровского, касающиеся проблемы истории русского самодержавия, а также статья К.В. Базилевича с критикой концепции Покровского.

Был использован сравнительно-исторический метод и междисциплинарный подход. В процессе разработки темы мы опирались на такие фундаментальные принципы научного исследования, как принципы историзма и системности.

[1] О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление ЦК ВКП (б) // Вестник древней истории. 1938. № 3(4), с. 3–16. С. 4.

Происхождение и эволюция самодержавия
в трудах русских историков и правоведов XIX – нач. XX вв.

Спектр «вредных взглядов» М.Н Покровского, представленный в сборнике, был весьма обширен и охватывал как сугубо исторические вопросы, так и вопросы методологии и преподавании истории в учебных заведениях. Мы же остановимся на одном из них – связанном с происхождением и природой русского абсолютизма и в особенности с его начальной фазой, которую сам Покровский именовал не иначе как «патриархальный абсолютизм».

Данная проблема представляет особый интерес и для политической истории, и для истории государства и права, именно поэтому попыткам раскрыть сущность этого историко-правового феномена посвящено немало исследований историков и правоведов. На этом поприще отметились едва ли не все исследователи, которые касались проблем развития государства и права в России Нового времени. Говоря о дореволюционной российской традиции исследования самодержавия/абсолютизма, отметим, что она довольно четко делится на два течения, развивавшихся параллельно друг другу. Первое – это историко-правовые и правовые исследования, вторая – чисто исторические. Вкратце охарактеризуем их с тем, чтобы был более понятен тот фон, на котором сформировалась концепция генезиса и последующей эволюции русского самодержавия М.Н. Покровского.

В историко-правовых исследованиях тон задал М.М. Сперанский [2002, с. 61]. Его видение русского самодержавия поддержали и продолжили русские правоведы «государственной» школы [Коркунов, 1906; Градовский, 1907 и др.], которые рассматривали самодержавие прежде всего с формальной точки зрения, как в первую очередь правовой, а уже затем исторический феномен. При этом они подчеркивали три основных качества российского политического режима – самодержавность, неограниченность и законность, имевшие глубокую укорененность в русской истории [Романович-Славатинский, 1886]. Обращает на себя внимание и тот факт, что к началу XX века в российской историко-правовой науке сложилась точка зрения, согласно которой «самодержавие» и «абсолютизм» не были тождественны – «органическое», «природное» самодержавие противопоставлялось забюрократизированному абсолютизму, в рамках которого царь и народ оказывались разделены и противопоставлены друг другу растущей бюрократией [Казанский, 1913].

Русские историки «государственной» школы исследовали самодержавие, подходя к нему как к историческому явлению. Едва ли не первым попытался обозначить значение и место самодержавия в истории России Н.М. Карамзин. Для него было очевидным фактом, что «Россия основалась победами и единовластием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», а также и то, что «самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья» [Карамзин, 1991, с. 22, 105]. Для С.М. Соловьева, оказавшего огромное влияние на последующее развитие отечественной исторической науки, самодержавие выступало своего рода маркером, знаменовавшим окончательную победу государственного, автократического начала над началом коллективным, олигархическим, родовым [Соловьев, 1988, с. 52–53]. Для его ученика и последователя В.О. Ключевского эволюция политического режима в России от Средневековья к Новому времени выглядела как последовательная смена четырех форм власти. Князя-предводителя наемной военной дружины с неопределенным территориальным и политическим статусом в конечном итоге сменил «государь – царь и великий князь», в лице которого нашли свое полное и законченное выражение власть единоличная, территориальная и политическая [Ключевский, 1989а, с. 304, 305, 306]. При этом Ключевский, как и Сперанский, четко разделял самодержавие «внешнее» (как главный признак государственного суверенитета) и «внутренне» (как неразделенность власти государя с кем бы то ни было еще), подчеркивая, что и в XVI веке условий для формирования «внутреннего» самодержавия еще не сложилось [Ключевский, 1989в, с. 103].

Характерной чертой для «государственной» школы, равно как ее юридической составляющей, так и исторической, было признание определяющей роли внешнеполитического (в первую очередь военного) фактора в развитии самодержавия. Кроме того, самодержавие рассматривалось большинством представителей этого течения историко-правовой мысли «внешним» по отношению к «земле», откуда проистекала его «руководящая» и «направляющая» роль в истории государства и общества в России. Эта его характеристика была в краткой, лаконичной и образной форме выражена еще А.С. Пушкиным в переписке с П.Я. Чадаевым: Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie.

Однако «государственная» школа недолго доминировала в российском историко-правовом пространстве 2-й пол. XIX – нач. XX в. В конце XIX – нач. XX в. все большую популярность стал завоевывать марксизм, сперва в его «легальной» форме среди экономистов и социологов, а затем и среди историков. Один из первых историков-марксистов, Н.А. Рожков, ученик В.О. Ключевского, в 1906 году опубликовал небольшое исследование «Происхождение самодержавия в России» [Рожков, 1906]. В нем он подверг критике положение «государственной» школы о доминирующем влиянии «внешнего» фактора на становление русского самодержавия, заявив, что «в процессе происхождения самодержавной власти русских государей первенство принадлежит внутренним, главным образом, хозяйственным условиям» [Рожков, 1906, с. 212]. Эпоху Ивана Грозного и его преемников, Федора Иоанновича и Бориса Годунова, он рассматривал как переломный этап в формировании самодержавия – в эти десятилетия «наметились в главных чертах, хотя и не приняли законченного вида, экономические и социальные новообразования – денежное хозяйство с обширным рынком и крепостничество», необходимые для торжества самодержавия [Рожков, 1906, с. 189].

М.Н. Покровский и его концепция русского самодержавия. «Патриархальный абсолютизм» как его начальная стадия

М.Н. Покровский, также ученик Ключевского, не мог пройти мимо проблемы происхождения и развития самодержавия в России. Этой теме он уделил немало внимания и до революции, и после нее. Важнейшими в методологическим плане работами в этом направлении стали «Очерк истории русской культуры», в особенности 2-я часть [Покровский, 1918, с. 100–180], а после революции – две полемических статьи: «Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию? (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого: "1905")» и «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России» [Покровский, 1922; Покровский, 1933].

Что представляла из себя концепция абсолютизма в России Покровского? Остановимся на ней подробнее, так как, во-первых, она практически забыта и мало кто из современных исследователей пытается ее изучать; во-вторых, без изложения ее основных положений остаются неясными причины, по которым Покровский посмертно был подвергнут уничтожающей критике, и, в-третьих, концепция абсолютизма Покровского представляет сегодня, на наш взгляд, не только историографический интерес. Она любопытна параллелями, которые можно отыскать между его построениями и теми идеями, бытующими в сегодняшнем историческом сообществе – российском и в особенности зарубежном, западном.

Генезис самодержавия (и абсолютизма как одной из «продвинутых» его форм) М.Н. Покровский представлял следующим образом. Начальной стадией его развития, по мнению историка, был так называемый патриархальный абсолютизм. Рассматривая абсолютизм как одну из форм политической идеологии, Покровский исходил из того, что «древнейшие политические идеи суть не что иное, как приложение религиозных понятий и представлений к отношениям власти и подвластности». «В этом, – продолжал

Покровский, – "тайна власти", смутно отразившейся в учении о ее, власти, "божественном происхождении"» [Покровский, 1918, с. 100]. Отсюда, заключал он, проистекало то обстоятельство, что «первым и наиболее логическим последствием божественности власти в лице всех ее воплощений был абсолютный характер этой власти», ибо, во-первых, «власть бога может ограничить только высший бог, если таковой имеется»; во-вторых, «с богом нельзя спорить; по отношению к богу у человека нет и не может быть никаких прав»; в-третьих же, «абсолютизм божественной власти должен был обнимать собою все сферы – не только всю область материального, но я всю область духовного» [Покровский, 1918, с. 110, 113].

Исходя из этого можно было бы заключить, с точки зрения формальной логики, отмечал Покровский, что «патриархальный абсолютизм» должен был дать «необыкновенно сильную государственную власть» [Покровский, 1918, с. 122]. Однако этого не случилось. Причины историк видел в следующем. С одной стороны, идеальной формой патриархального абсолютизма, по мнению Покровского, являлась теократия. Но московский государь, при всей сакральности его власти, не в полной мере соответствовал отмеченному выше третьему требованию. Он не мог полностью взять под свой контроль духовную власть, ибо как мирянин не мог совершать таинства, «священник честнее царя потому, что он может совершать таинства, царь же нет». Больше того, продолжал Покровский, «таинство, сообщавшее мистическую силу самому царю, совершалось тем же священником или епископом» [Покровский, 1918, с. 116].

Это разделение сакрального и мирского налагало определенные границы на власть московских государей. Однако это не все, поскольку, с другой стороны, существенные ограничения на власть монарха накладывали, по мнению Покровского, «феодальные вольности». В основе этих вольностей, имевших, как «патриархальный абсолютизм», традиционное, связанное с религиозной идеологией, мировоззрение, лежало, как считал историк, понятие иммунитета. «Имение, пользующееся иммунитетом, есть табу для королевской, царской, великокняжеской – чьей угодно администрации» [Покровский, 1918, с. 122].

Примечательно то, как рассматривает Покровский обычай местничества, укоренившийся в Русском государстве московского периода. Для него местничество представляло собой частный случай иммунитета (причем окончательное оформление местничества относится к эпохе Ивана Грозного). Но самым важным для Покровского в существовании этого обычая было то, что одним фактом своего бытования местничество «наносит жестокий удар той теории, которая, основываясь на характеристике Герберштейна, хотела бы видеть в московском царстве образец абсолютной монархии – хотела бы усвоить московскому царю такую же власть над порядком, какую он имел над лицами» [Покровский, 1918, с. 125, 126; Ключевский, 1994, с. 250]. Оказывается, подчеркивал Покровский, что понятие отечества, которое лежало в основе местничества, было «**первой политической гарантией, какую мы встречаем на русской почве**…», поскольку, жалуя за службу своим государевым жалованием, великий князь не мог пожаловать «отечеством» – оно приобреталось по праву рождения и никак иначе. Так что, продолжал Покровский, падение местничества в конце XVII века явилось «одним из самых ярких знамений того, что старое московское царство рушилось» [Покровский, 1918, с. 126].

Но не только по причине наличия такого института, как местничество, власть московских государей, хотя и могла быть отнесена к разряду «патриархального абсолютизма», однако на деле не являлась подлинно абсолютной и самодержавной. Если местничество было политической гарантией общественной группы, то были гарантии, касавшиеся отдельных местностей – «волостной иммунитет», близкий по свойствам к иммунитетам церковным [Покровский, 1918, с. 132]. И все вместе эти иммунитеты, представлявшие неупорядоченную «мусорную кучу», именуемую «обычным правом»

[Покровский, 1918, с. 142], по мнению Покровского, накладывали существенные ограничения на патриархальную абсолютистскую власть московских государей. Традиционализм, патриархальность, религиозность – все это препятствовало, полагал Покровский, развитию в Московской России политической теории и практики. Для того, чтобы государство из установления «божественного» превратилось в «дело рук человеческих», писал он, необходима была известная «секуляризация политической мысли» [Покровский, 1918, с. 143]. Эту секуляризацию политической и правовой мысли в России (характеристике которой он отводил немалое место в 3-й части IV раздела «Очерка…») Покровский связывал с развитием излюбленного им «торгового капитализма», который выступал в его представлениях о русском историческом процессе в эпоху Нового времени едва ли не главным двигателем политического прогресса. Начало же этого процесса он относил ко временам Ивана Грозного, проводившего активную экспансионистскую политику («связь бюрократической монархии, централизованного деспотизма, с империализмом, с завоевательной, «активной», внешней политикой – не случайность» [Покровский, 1918, с. 161]).

«Этот хитрый московский кулак, – писал Покровский об Иване Грозном, – достойный потомок Ивана Калиты, схватился за первый попавшийся предлог, чтобы напасть на разваливавшийся ливонский орден – и захватить себе порт, а то и порты, на Балтийском море, то это нас уже может удивить всего менее». «Царь торговой страны – а такой было московское государство XVI века – не мог поступать иначе», – заключал он. И дальше, подводя обоснование под свою идею о тесной связи между рождением «торгового капитализма» и переменами в политическом режиме, Покровский отмечал, что «для того, чтобы биться за торговые пути, нужно было и стрелецкое войско, и позже солдатские и рейтарские полки». Но эта необходимость была обусловлена, вопреки мнению Троцкого (опиравшегося, как все время подчеркивал Покровский, на результаты изысканий российской буржуазной историографии и с которым он полемизировал), не отсталостью России и ее замедленным экономическим развитием. Нет, главная причина этого заключалась в том, что Россия «была новая страна, захваченная развитием торгового капитализма, и что ей приходилось отбивать себе место на солнышке у более старых, прочно укоренившихся, конкурентов. Для этого русскому торговому капиталу пришлось сковать страну железной дисциплиной и выработать настоящую диктатуру. Воплощением этой диктатуры торгового капитала и было московское самодержавие» [Покровский, 1922, с. 151].

При этом Покровский рассматривал процесс становления русского абсолютизма как дискретный, лишенный непрерывности и последовательности (задолго до того, как М. Фуко предложил рассматривать исторический процесс именно таким образом). Для него правление Ивана III и Василия III представляло собой классический образец «патриархального абсолютизма», тогда как Иван Грозный предпринял попытку порвать с традицией, попробовал совершить скачок и перейти в ускоренном темпе в новое состояние: «Его [Ивана Грозного] "опричнина" была попыткой за полтораста лет до Петра основать личное самодержавие петровской монархии» [Покровский, 1966, с. 304]. Но попытка эта, считал Покровский, была преждевременна, почему и была обречена на неудачу по объективным, как он полагал, причинам [Покровский, 1966, с. 305]. Самодержавие Грозного не пережило самого его создателя, и после его смерти, полагал Покровский, в политической сфере наступило время «феодальной реакции», «частичное и временное, возрождение политического феодализма» (то есть, в терминах Покровского, пресловутого «патриархального абсолютизма») [Покровский, 1966, с. 331].

Итак, замена «патриархального абсолютизма» и «феодальных вольностей», основанных на обычае и традиции, на секулярную модерную «бюрократическую монархию» была обусловлена потребностями молодого растущего «торгового капитализма», нуждавшегося в соответствующей политической надстройке для того,

чтобы реализовать свои экспансионистские цели. «Бюрократическую монархию невозможно себе представить безе торгового капитализма, как ее основы» [Покровский, 1918, с. 157]. Правда, перед смертью, в самом начале 30-х гг., Покровский несколько скорректировал свою концепцию под огнем критики и отказался от использования термина «торговый капитализм», охарактеризовав его «безграмотным» (естественно, с точки зрения истинного, то есть ленинского, понимания русской истории). Эта «безграмотность» проявлялась в том, что, как признавал сам Покровский, «ничего не производящий торговый капитал не может определять собою характера политической надстройки данного общества: вот отчего совершенно неправильной является формулировка самодержавия как "торгового капитала в мономаховой шапке"» [Покровский, 1933, с. 287].

Однако от самой идеи разделения развития абсолютизма в России на несколько этапов Покровский отказываться не собирался, равно как и от признания особой роли торгового капитала в становлении и развитии русского самодержавия. «Из всех форм капитала к самодержавию ближе всего был торговый капитал, опираясь на который самодержавие росло, опираясь на который феодальное государство чисто средневекового типа переросло в бюрократическую монархию» [Покровский, 1933, с. 303]. И далее он продолжал утверждать, что «власть вавилонских царей, и власть римских цезарей, и власть Наполеона I – это все абсолютизм, но социальная база этих абсолютизмов весьма различна. Здесь имеется в виду та разновидность абсолютизма ("бюрократическая монархия" на языке Покровского. – *В.П., Т.П.*), которая характерна для эпохи разложения феодального хозяйства и в свою очередь характеризуется тремя основными признаками: наличностью *бюрократии, постоянной армией и системой денежных налогов*…» [Покровский, 1933, с. 296]. И дальше историк подчеркивал, что бюрократия как отличительная черта «бюрократической монархии» «и есть то, что вносит новые черты в феодальную физиономию самодержавия, и это потому, что бюрократия как со своей социальной базой связана не с феодальным натуральным землевладением, а с товарным хозяйством и нарождающейся буржуазией» [Покровский, 1933, с. 298].

Критика К.В. Базилевичем теоретических воззрений М.Н. Покровского на российское самодержавие

Столь подробное освещение концепции М.Н. Покровского было необходимо для того, чтобы стала понятной та жесткая и нелицеприятная критика, с которой выступил относительного его теории происхождения русского абсолютизма в 1-й части академического двухтомника 1939–1940 гг. К.В. Базилевич, подготовивший для сборника большую статью под названием «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского» [Базилевич, 1939]. Цель, которую поставил перед собой К.В. Базилевич, приступая к критике исторических воззрений Покровского, заключалась прежде всего в том, чтобы доказать немарксистский характер его методологии. И, приступая к делу, он не преминул отметить, что «историческая схема Покровского сложилась в 1910–1912 гг.», когда он работал над своей главной работой – «Русской историей с древнейших времен». При этом Базилевич подчеркивал, что хотя теория Покровского относительно той решающей роли, которую сыграл в формировании Российского государства пресловутый «торговый капитал», сформировалась в борьбе с «буржуазной концепцией русского исторического процесса», тем не менее она «обнаруживает в отдельных своих частях значительное, неустраненное Покровским, влияние буржуазной исторической мысли, в частности работ В. Ключевского» [Базилевич, 1939, с. 140] (действительно, влияние работ Ключевского, в особенности его курса лекций по русской истории, без особого труда находится при анализе текстов Покровского). Главная проблема буржуазных историков и, следовательно, Покровского, полагал Базилевич, заключалась в том, что они, образно говоря, за деревьями не видели леса,

«искали не общих закономерно действующих причин, а частных условий» [Базилевич, 1939, с. 142].

Выход из сложившейся ситуации, по мнению Базилевича, был один – обращение к классикам марксизма, к «указаниям Маркса и Энгельса по вопросу образования в эпоху позднего средневековья национальных государств» [Базилевич, 1939, с. 143]. Эти «указания», полагал Базилевич, давали тот самый комплексный, целостный подход к изучению проблем становления новой государственности на переходе от Средневековья к Новому времени, которого не хватало буржуазным историкам (подразумевается Покровский). «Только всестороннее исследование конкретного исторического процесса позволяет, с одной стороны, **правильно объяснить его общую и частную обусловленность**, а с другой стороны, – **избежать абстрактности и схематизации**», тогда как «Покровский в своих работах об образовании Московского государства дает не конкретную историю этого процесса, а **схему, расходящуюся с основными требованиями марксистской исторической науки**…» [Базилевич, 1939, с. 143].

Теория М.Н. Покровского о происхождении и эволюции русского абсолютизма как составного элемента его концепции происхождения Российского государства попала под огонь критики К.В. Базилевича одной из первых. В его переложении она выглядела следующим образом: «Согласно концепции Покровского, в XV–XVI вв. еще не существовало основного условия для образования объединенного русского государства, не было «торгового капитализма», который, по его мнению, только один мог покончить с феодальной раздробленностью и создать самодержавную царскую власть (бюрократический абсолютизм). Создание этого строя он отодвигает на XVII–XVIII вв., на тот период времени, когда завершается развитие «торгового капитализма». При Иване IV старая феодальная организация подверглась разрушению, но на ее развалинах выросло не абсолютистское государство, а промежуточная политическая форма в виде системы «патриархального абсолютизма» [Базилевич, 1939, с. 147].

Критикуя построения Покровского, Базилевич исходил из того, что сам по себе процесс становления русского самодержавия был не только непрерывным, линейным, «вперед и вверх», но и закономерным итогом всего исторического развития русской государственности. Он писал: «Покровский не замечает того очевидного факта, что создание большого государства на территории, где еще недавно существовали десятки мелких государств, было бы невозможным без усиления центральной политической власти, которой в это время могла быть только самодержавная власть» [Базилевич, 1939, с. 155]. Как результат, считал Базилевич, «политический режим в Московском государстве этого времени не только был новым, но и принципиально иным, чем в русских «великих» и «удельных» княжествах предшествующего периода времени», а само «**московское самодержавие было неизбежным фактом политической истории этого времени**…» [Базилевич, 1939, с. 154, 157]. Любопытно отметить, что выступая против Покровского за его чрезмерную социологизацию и схематизацию истории, Базилевич сам волей-неволей подводит читателя к мысли о том, что неважно, кто стоял во главе государства, Иван Грозный или иной персонаж. Все равно победа самодержавия «была исторически подготовлена всем предыдущим развитием Московского государства» [Базилевич, 1939, с. 153].

В предложенной Базилевичем схеме, взамен концепции Покровского, «патриархальному абсолютизму» просто-напросто не было места – он никак не укладывался в стройный и последовательный процесс усиления власти московских государей, который достиг своего апогея с введением Иваном Грозным пресловутой опричнины. Для Базилевича она была завершающим этапом в укреплении самодержавия: «Долголетняя борьба между самодержавием, выражавшим классовые интересы дворянства, и боярством, пытавшимся задержать развитие централизованного государства, закончилась опричниной, которая на всей территории страны насаждала

однообразный порядок и еще более укрепляла самодержавную власть» [Базилевич, 1939, с. 155]. Отсюда Базилевич заключил, что «вывод Покровского о характере царской власти XVI в. и об ограничении ее феодальными учреждениями следует признать ошибочным в методологическом отношении и противоречащим конкретным историческим фактам». Сам академик, продолжал он, чувствовал уязвимость своих построений, почему и ввел в оборот тот самый «патриархальный абсолютизм», который, по мнению критика, явился «одной из самых отвлеченных категорий, не связанной с определенной ступенью общественно-экономического развития» [Базилевич, 1939, с. 155, 157].

Эта отвлеченность концепции «патриархального абсолютизма» являлась, по мнению Базилевича, ярким примером присущего Покровскому стремления схематизировать историю, оторвать ее от первоосновы, от классовой борьбы в ее подлинно марксистском понимании. Для Покровского, писал Базилевич, решающее воздействие на формы политического устройства оказывал не господствующий класс, а торговый капитал как форма развития обмена. «Поэтому Покровский рассматривал историю политического устройства Московского государства отдельно от его социальной истории, оторвал историю самодержавия от истории московского дворянства» [Базилевич, 1939, с. 159]. И, конечно же, не стоит забывать еще и о том, что сам по себе «патриархальный абсолютизм» представлял собой яркий пример того, как «частное условие» возводилось в абсолют и препятствовало поиску и выделению общих закономерностей.

Общий вывод Базилевича звучал крайне негативно: «Вся его [Покровского] теория "патриархального абсолютизма", неверная в методологическом отношении, противоречит и конкретному историческому материалу» [Базилевич, 1939, с. 159]. Эта ли его резкая оценка или же общий настрой советской исторической и историко-правовой науки в последующие десятилетия сыграли роль в том, что даже после определенной реабилитации Покровского как историка в 60-х гг. минувшего столетия [Груздинская, 2020], сопровождавшейся переизданием ряда его работ, его видение эволюции русского абсолютизма и концепт «патриархального абсолютизма» остались невостребованными, – остается вопросом без ответа. Примечательно, что в четырехтомник избранных работ Покровского, опубликованных в издательстве «Мысль» в 1966–1967 гг., «Очерк истории русской культуры», содержавший развернутое изложение сущности идеи «патриархального абсолютизма», не вошел. Но так ли уж безнадежно устарел (и представляет собой сугубо историографический интерес как пример очевидного заблуждения) этот тезис в свете последних тенденций изучения особенностей становления раннемодерного государства?

Формирование современных представлений об особенностях взаимодействия государства, церкви и общества в раннее Новое время

Сама по себе идея тесной увязки становления абсолютизма и религии отнюдь не нова. Еще в 1847 году немецкий экономист В. Рошер выделил в генезисе европейского абсолютизма в качестве его первой стадии «конфессиональный абсолютизм», время существования которого он отнес к сер. XVI – сер. XVII в., между Аугсбургским религиозным миром и окончанием Тридцатилетней войны [Roscher, 1847, s. 451]. Выдвинутая им идея оказалась востребована и позднее. Так, в 1949 году немецкий историк К. Эдер писал, что в раннее Новое время религия, конфессиональный интерес определяли направления внешней и внутренней политики и активно использовались властью для укрепления своих позиций в обществе [Eder, 1949]. Несколько позднее эта идея постепенно трансформировалась в концепцию «конфессионализации» [Zeeden, 1956; Zeeden, 1958]. Суть ее американский исследователь Н. Коллманн определяла как движение в рамках протестантской и католической конфессий, которое имело своей целью дисциплинирование членов общины через четкое формулирование основ

вероучения и введение жестких требований к их поведению, дополнявшие усилия власти и церкви по консолидации общества вокруг государства и официальной церкви [Kollmann, 2012, p. 1; Schmidt, 1992]. От себя мы добавим, что это движение было характерно и для раннемодерной России и, говоря о взаимосвязи конфессионализации и власти, подчеркнем – этот процесс активно стимулировался и поддерживался государством, которое видело в этом надежный инструмент управления обществом и контроля за ним.

Свой вклад в изучение особенностей взаимоотношений власти и религии в раннее Новое время внесли, пусть и опосредованно, в плане формировании новых методологий, социологи и культурологи. М. Вебер в 10-х гг. XX в., исследуя проблемы, связанные с проблемой господства (*Herrschaft*), среди прочих его видов выдели «традиционное господство» (или «патриархальное господство»). Оно основывалось, по мнению Вебера, «на *традиционном* основании, т. е. на повседневной вере в святость издавна действующей традиции и в легитимность основанного на этой традиции авторитета» [Вебер, 2016, с. 255]. Касаясь же значения традиции в жизни архаичных обществ, французский культуролог К. Леви Стросс предложил разделить общества на «холодные» и «горячие», и первые, по его мнению, стремятся к сохранению традиционного образа жизни и мысли [Леви Стросс, 2008, с. 438, 439]. К этому стоит добавить предложенную американским культурологом и социологом Э. Тоффлером периодизацию развития человеческого общества на три «волны», и первая из них – это общества аграрные, «деревенские», цивилизации сельскохозяйственные [Тоффлер, 2004, с. 38, 52]. В такого рода обществах именно деревня выступает главным «производителем» и материальных, и духовных ценностей. «Основной ячейкой архаического аграрного общества является малая локальная социальная общность (крестьянский локус) – источник традиционности и ее основной адепт», – писал российский исследователь С.Д. Домников. При этом он подчеркивал, что «как бы ни был культурно и экономически развит в государстве тот или иной социальный слой, пока в обществе сохраняется условия для воспроизводства аграрного локуса – основной ячейки социальной традиционности, общество как целое продолжает существовать в соответствии с законами воспроизводства традиционных общественных структур». Это объясняется тем, что, по его мнению, «**сплетение традиций образует замкнутую систему передачи социально значимого опыта, обеспечивающего полноценную жизнедеятельность целостного социального организма**…» [Домников, 2002, с. 20, 21, 22].

Каким было московское общество раннего Нового времени? Оно, вне всякого сомнения, было глубоко аграрным со всеми вытекающими отсюда последствиями для политической сферы. Упоминавшийся нами выше Н.А. Рожков писал по этому поводу, что «государственный строй – не что иное, как особая сторона того единого целого, две других части которого составляют хозяйство и устройство общества» [Рожков, 1906, с. 2]. И если основной ячейкой общества выступает крестьянский локус с его патриархальностью, традиционализмом и консерватизмом, то стоит ли ожидать иных отношений и настроений в его политической надстройке?

Господство традиционализма в политической сфере Русского государства того времени имело под собой и еще одно важное основание. Характеризуя поворот, который произошел в политико-правовых штудиях в западноевропейской новистике в последней трети минувшего столетия, Н. Коллманн отмечала, что точка приложения усилий исследователей сместилась в сторону тщательного анализа стратегий управления, централизации и формирования суверенитета. «Одно из направлений исследований изучает "жилы власти»" – процессы создания государственной инфраструктуры для обеспечения военных реформ и территориальной экспансии», – отмечала она далее [Kollmann, 2012, p. 1-2]. Эта новая властная инфраструктура представляла собой более совершенные и действенные бюрократический аппарат, фискальную систему, коронное право и суд, а также инструменты реализации господства – ту же постоянную регулярную

армию, находящуюся целиком и полностью на содержании монарха и под управлением его доверенных лиц.

Однако процесс наращивания этой «мускулатуры» был весьма дорогостоящ и требовал немалого времени на отладку и притирку его отдельных составных элементов, почему Н. Коллманн и отмечала, что не стоит преувеличивать силу раннемодерных централизующихся государств, в особенности на местном, региональном, уровне [Kollmann, 2012, p. 1]. Любопытное замечание на этот счет сделал отечественный исследователь К.В. Петров. Характеризуя Русское государство эпохи последних Рюриковичей, он писал, что «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе». Отсюда, делал он вывод, «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, **относительно слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения**…» [Петров, 2008, с. 376]. Любопытно, но об этом писал еще в конце XIX века В.О. Ключевский, отмечавший, что «московский государь имел обширную власть над лицами, но не над порядком» [Ключевский, 1994, с. 250].

Пока же эта новая опора власти в лице «жил власти» не была создана и не обрела достаточную эффективность, верховная власть вынуждена была ориентироваться на традиционные способы управления с оглядкой на позицию если не всей «земли», то, как минимум, «политического народа». Поддержка снизу давала власти недостающую ей легитимность, но она же и ограничивала ее. «Легитимность основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе» [Kollmann, 2012, p. 416].

Заключение

Итак, современные представления о раннемодерном обществе и государстве существенно, если не радикально, отличаются от тех, которые бытовали еще каких-то сто (или несколько менее) лет назад. Комплексный подход к их изучению позволил сделать выводы, которые ставят под вопрос действенность той схемы развития политической сферы европейского раннемодерного общества, которая была предложена классиками марксизма и на которую опирался К.В. Базилевич в своей критике М.Н. Покровского и его концепции происхождения и развития русского самодержавия в целом и «патриархального абсолютизма» как ее составной части.

В свете современных представлений о характере верховной власти в эпоху раннего Нового времени и ее возможностей по управлению и контролю над обществом концепт «патриархального абсолютизма» вовсе не выглядит таким уж отвлеченным и схематичным, абстрактным, понятием, неким «идеальным» типом. Напротив, он неплохо укладывается в систему черт, присущих политической сфере архаичных аграрных обществ Первой волны с их традиционализмом, густо замешанном на религиозности и иррациональности, патриархальностью и патернализмом. А ведь европейское общество раннего Нового времени (а русское и подавно) в основе своей оставалось все тем же традиционным обществом Первой волы. Поэтому можно с уверенностью сказать, что «патриархальный абсолютизм» как идея обладает немалым эвристическим потенциалом в области историко-правовых исследований политической практики и идеологии домодерных обществ и заслуживает того, чтобы вернуться к нему снова, но на современном научном и методологическом уровне.

Список литературы

Базилевич К.В. 1939. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М.Н. Покровского. В кн.: Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 1-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР: 140-178.

Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. I. Социология. М.: Издательский дом Высшей школы экономики: 445 с.

Градовский А.Д. 1907. Собрание сочинений. Т. VII. Начала русского государственного права. Ч. 1. О государственном устройстве. СПб.: Тип.-я М.М. Стасюлевича: 486 с.

Груздинская В.С. 2020. «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х – 60-е годы XX века. *Ученые записки Казанского университета*. Серия Гуманитарные науки. Т. 162. Кн. 3: 220-231.

Домников С.Д. 2002.Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа: 672 с.

Казанский П.Е. 1913. Власть российского императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Тип.-я «Техник»: 960 с.

Карамзин Н.М. 1991. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы: 127 с.

Ключевский В.О. 1994. Боярская дума Древней Руси. В кн.: Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси . Добрые люди Древней Руси. М.: Ладомир: 3-547.

Ключевский В.О. 1989. История сословий в России. В кн.: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М.: Мысль: 225-391.

Ключевский В.О. 1989. Терминология русской истории. В кн.: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М.: Мысль: 94-224.

Коркунов Н.М. 1906. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. СПб.: Тип.-я М.М. Стасюлевича: 623 с.

Леви Стросс К. 2008.Неприрученная мысль. В кн.: Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект: 143-501.

Милюков П.Н. 1993. Величие и паление Покровского (эпизод из истории науки в СССР). *Вопросы истории*. 4: 114-126.

Павленко Н.И. 1999. Академическое дело. Историки под прицелом ОГПУ. *Наука и жизнь.* 11: 26-30.

Панкратова А.М. 1934. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР. *Борьба классов*. 2: 1-27.

Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.»). *Очерки феодальной России*. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео: 365-382.

Покровский М.Н. 1933.О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России. В кн.: Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.-Л. Государственное социально-экономическое изд.-во, Вып. 1: 285–303.

Покровский М.Н. 1918. Очерк истории русской культуры. Ч. II. М.: Изд-во Т-ва «Мир»: 231 с.

Покровский М.Н. 1922. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»? (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого: «1905».). *Красная новь*. 3(7): 144-151.

Покровский М.Н. 1966. Русская история с древнейших времен. Т. I. В кн.: Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех томах. Т. I. М.: Мысль: 75-328.

Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. 1940. Сборник статей. Ч. 2-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР: 506 с.

Против исторической концепции М.Н. Покровского. 1939. Сборник статей. Ч. 1-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР: 518 с.

Рожков Н.А. 1906. Происхождение самодержавия в России. М.: Тип.-я А.И. Мамонтова: 218 с.

Романович-Славатинский А.В. 1886. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Основные государственные законы. Киев: Тип.-я Г.Л. Фронцкевича: 299 с.

Соловьев С.М. 1988. История России с древнейших времен. Т. 1. В кн.: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. I. М.: Мысль: 797 с.

Сперанский М.М. 2002. Руководство к познанию законов. В кн.: Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука: 45-92.

Тоффлер Э. 2004. Третья волна. М.: АСТ: 781 с.

Eder K. 1949. Die Kirche im Zeitalter des konfessionellen Absolutismus (1555-1648). Wien: Herder Verlag: XVII- 459.

Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press: 504.

Roscher W. 1847. Umrisse zur Naturlehre der drei Staatsformen. *Allgemeine ZeitSchrift fűr Geschichte*. 7: 79-88, 322-365, 436-473.

Schmidt H.R. 1992. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München; Oldenbourg, 153.

Zeeden E. 1958. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeildter der Glaubenskampfe. *Historische Zeitschrift*. 185: 249–299.

Zeeden E.W. 1956. Zeittalter der europäischen Glaubenskäpfe, Gegenreformation und katholische Reform. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte*. VII. Heft 3: 321-368.

References

Bazilevich K.V. 1939. «Torgovy`j kapitalizm» i genezis moskovskogo samoderzhaviya v rabotax M.N. Pokrovskogo ["Merchant Capitalism" and the Genesis of Moscow Autocracy in the Works of M.N. Pokrovsky.]. V kn.: Protiv istoricheskoj koncepcii M.N. Pokrovskogo [Against the Historical Concept of M.N. Pokrovsky]. Ch. 1-ya. M.-L.: Izd-vo AN SSSR Publ.: 140-178.

Domnikov S.D. 2002.Mat` zemlya i Czar`-gorod. Rossiya kak tradicionnoe obshhestvo [Mother Earth and Tsar City. Russia as a Traditional Society]. M.: Aleteja Publ.: 672 s.

Eder K. 1949. Die Kirche im Zeitalter des konfessionellen Absolutismus (1555-1648). Wien: Herder Verlag: XVII- 459.

Gradovskij A.D. 1907. Sobranie sochinenij. T. VII. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Ch. 1. O gosudarstvennom ustrojstve [Collected Works. Vol. VII. Principles of Russian State Law. Part 1. On the State Structure]. SPb.: Tip.-ya M.M. Stasyulevicha Publ.: 486 s.

Gruzdinskaya V.S. 2020. «Reabilitaciya» M.N. Pokrovskogo v soobshhestve istorikov: konecz 50-x – 60-e gody` XX veka ["Rehabilitation" of M.N. Pokrovsky in the Community of Historians: the Late 1950s – 1960s.]. *Ucheny`e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarny`e nauki*. T. 162. Kn. 3: 220-231.

Kazanskij P.E. 1913. Vlast` rossijskogo imperatora. Ocherki dejstvuyushhego russkogo prava [The Power of the Russian Emperor. Essays on Current Russian Law]. Odessa: Tip.-ya «Texnik» Publ.: 960 s.

Karamzin N.M. 1991. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyax [Note on Ancient and Modern Russia in Its Political and Civil Relations]. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury` Publ.: 127 s.

Klyuchevskij V.O. 1994. Boyarskaya duma Drevnej Rusi [Boyar Duma of Ancient Rus']. In: Klyuchevskij V.O. Boyarskaya duma Drevnej Rusi . Dobry`e lyudi Drevnej Rusi [Boyar Duma of Ancient Rus'. Good People of Ancient Rus']. M.: Ladomir: 3-547.

Klyuchevskij V.O. 1989. Istoriya soslovij v Rossii [History of the Estates in Russia]. In: Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomax. T. VI. Special`ny`e kursy` [Works in Nine Volumes. Vol. VI. Special Courses]. M.: My`sl` Publ.: 225-391.

Klyuchevskij V.O. 1989. Terminologiya russkoj istorii [Terminology of Russian History]. In: Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomax. T. VI. Special`ny`e kursy` [Works in Nine Volumes. Vol. VI. Special Courses]. M.: My`sl` Publ.: 94-224.

Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press: 504.

Korkunov N.M. 1906. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. I. Vvedenie i obshhaya chast` [Russian State Law. Vol. I. Introduction and General Part]. SPb.: Tip.-ya M.M. Stasyulevicha Publ.: 623 s.

Levi Stross K. 2008.Nepriruchennaya my`sl`[Untamed Thought]. In: Levi-Stross K. Totemizm segodnya. Nepriruchennaya my`sl` [Totemism Today. Untamed Thought]. M.: Akademicheskij proekt Publ.: 143-501.

Milyukov P.N. 1993. Velichie i palenie Pokrovskogo (e`pizod iz istorii nauki v SSSR) [The Greatness and Fall of Pokrovsky (An Episode from the History of Science in the USSR)]. *Voprosy` istorii*. 4: 114-126.

Pavlenko N.I. 1999. Akademicheskoe delo. Istoriki pod pricelom OGPU [Academic Affairs. Historians under the Gunpoint of the OGPU]. *Nauka i zhizn`*. 11: 26-30.

Pankratova A.M. 1934. Bor`ba za pobedu socializma i istoricheskaya nauka v SSSR [The Struggle for the Victory of Socialism and Historical Science in the USSR]. *Bor`ba klassov*. 2: 1-27.

Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat`i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny` XVI v.») [Did the Sudebnik of 1497 have the significance of law in its modern sense? (Regarding the article by S.N. Kisterev "The Grand Ducal Sudebnik of 1497 and judicial practice of the first half of the 16th century")]. *Ocherki feodal`noj Rossii*. Vy`p. 12. M.-SPb.: Al`yans-Arxeo Publ.: 365-382.

Pokrovskij M.N. 1933. O russkom feodalizme, proisxozhdenii i xaraktere absolyutizma v Rossii [On Russian feudalism, the origin and character of absolutism in Russia]. In: Pokrovskij M.N. Istoricheskaya nauka i bor`ba klassov (Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stat`i i zametki) [Historical science and the class struggle (historiographical essays, critical articles and notes)]. M.-L. Gosudarstvennoe social`no-e`konomicheskoe izd.-vo Publ. Vy`p. 1: 285–303.

Pokrovskij M.N. 1918. Ocherk istorii russkoj kul`tury` [Essay on the history of Russian culture]. Ch. II. M.: T-va «Mir» Publ.: 231 s.

Pokrovskij M.N. 1922. Pravda li, chto v Rossii absolyutizm «sushhestvoval naperekor obshhestvennomu razvitiyu»? (Po povodu vstupitel`noj glavy` poslednej knigi tov. Troczkogo: «1905») [Is it true that in Russia absolutism "existed in defiance of social development"? (Regarding the introductory chapter of Comrade Trotsky's last book: "1905")]. *Krasnaya nov`*. 3(7): 144-151.

Pokrovskij M.N. 1966. Russkaya istoriya s drevnejshix vremen [Russian history from ancient times]. T. I. In: Pokrovskij M.N. Izbranny`e proizvedeniya v chety`rex tomax [Selected works in four volumes]. T. I. M.: My`sl` Publ.: 75-328.

Rozhkov N.A. 1906. Proisxozhdenie samoderzhaviya v Rossii [The Origin of Autocracy in Russia]. M.: Tip.-ya A.I. Mamontova Publ.: 218 s.

Romanovich-Slavatinskij A.V. 1886. Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmaticheskom razvitii sravnitel`no s gosudarstvenny`m pravom Zapadnoj Evropy`. Ch. 1. Osnovny`e gosudarstvenny`e zakony` [The System of Russian State Law in Its Historical and Dogmatic Development Compared with the State Law of Western Europe. Part 1. Fundamental State Laws]. Kiev: Tip.-ya G.L. Fronczkevicha Publ.: 299 s.

Protiv antimarksistskoj koncepcii M.N. Pokrovskogo [Against the anti-Marxist concept of M.N. Pokrovsky]. 1940. Sbornik statej. Ch. 2-ya. M.-L.: Izd-vo AN SSSR Publ.: 506 s.

Protiv istoricheskoj koncepcii M.N. Pokrovskogo [Against the historical concept of M.N. Pokrovsky]. 1939. Sbornik statej. Ch. 1-ya. M.-L.: Izd-vo AN SSSR Publ.: 518 s.

Roscher W. 1847. Umrisse zur Naturlehre der drei Staatsformen. *Allgemeine ZeitSchrift fűr Geschichte*. 7: 79-88, 322-365, 436-473.

Schmidt H.R. 1992. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München; Oldenbourg, 153.

Solov`ev S.M. 1988. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen [History of Russia from Ancient Times]. T. 1. In: Solov`ev S.M. Sochineniya v vosemnadczati knigax [Works in Eighteen Books]. Kn. I. M.: My`sl` Publ.: 797 s.

Speranskij M.M. 2002. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov [A Guide to Understanding Laws]. In: Speranskij M.M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov [A Guide to Understanding Laws]. SPb.: Nauka Publ.: 45-92.

Toffler E`. 2004. Tret`ya volna [The Third Wave]. M.: AST Publ.: 781 s.

Veber M. 2016. Xozyajstvo i obshhestvo: ocherki ponimayushhej sociologii. V 4 t. T. I. Sociologiya [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. In 4 volumes. Vol. I. Sociology]. M.: Izdatel`skij dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki Publ.: 445 s.

Zeeden E. 1958. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeildter der Glaubenskampfe. *Historische Zeitschrift*. 185: 249–299.

Zeeden E.W. 1956. Zeittalter der europäischen Glaubenskäpfe, Gegenreformation und katholische Reform. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte*. VII. Heft 3: 321-368.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.10.2025
Поступила после рецензирования 02.11.2025
Принята к публикации 08.12.2025

Received October 5, 2025
Revised November 2, 2025
Accepted December 8, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.
ORCID 0000-0002-4092-8992

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.
ORCID 0000-0002-4092-8992

УДК 34.01
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-816-824
EDN KBLCSZ

Основные принципы пандектной кодификации: от римского права к современным кодексам

Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М.
Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»
Россия, 119049, Москва, Ленинский пр-кт, д. 4, стр. 1
tsukanova.e@misis.ru

Аннотация. Пандектная система организации нормативного материала сохраняет фундаментальное значение для современной правотворческой деятельности, выступая в качестве примера системного подхода к выработке кодифицированных актов. Несмотря на наличие значительного числа публикаций, посвященных кодификации, техническим аспектам разработки кодификационного акта уделяется недостаточно внимания. В связи с этим цель данного исследования заключается в выработке ключевых методологических аспектов, которых следует придерживаться в процессе кодификационного правотворчества, осуществляемой по пандектной модели. Для изучения данного вопроса было проанализировано наследие немецких пандектистов, деятельность которых положила начало пандектной системе построения нормативного материала. В результате исследования были выделены принцип обособления общих положений, принцип специализации правовых норм и принцип нормативной экономии. Данное исследование и его результаты развивают теорию кодификационного правотворчества на современном этапе.

Ключевые слова: правотворчество, принципы кодификации, специализация норм, нормативные обобщения, нормативная экономия

Для цитирования: Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М. 2025. Основные принципы пандектной кодификации: от римского права к современным кодексам. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 816–824. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-816-824 EDN: KBLCSZ

Basic Principles of Pandetic Codification: From Roman Law to Modern Codes

Elena Yu. Tsukanova, Diana M. Bakirova
National University of Science and Technology MISIS
4 Leninsky Ave., building 1, Moscow 119049, Russian Federation
tsukanova.e@misis.ru

Abstract. The pandectic system of organizing normative material retains its methodological significance for modern lawmaking, representing a classic example of a systemic approach to the architecture of codified acts. Despite the extensive body of scholarly works devoted to the general theory of codification, the technical and legal aspects of the structural organization of codification acts remain insufficiently developed in modern legal doctrine. Therefore, this study aims to develop a system of methodological guidelines relevant to the modern codification process which is carried out within the pandectic paradigm. The methodological basis of the work is a reconstruction of the scientific legacy of German pandecticism, which fundamentally transformed the casuistic legacy of Roman law into a coherent system of abstract logical categories in the 19th century. As a result of the study, the following principles of the pandectic construction of normative material have been systematized and conceptualized: 1) the principle of

© Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М., 2025

structural dualism; 2) the principle of specialization of legal norms; 3) the principle of normative economy. The theoretical significance of the study lies in the development of the doctrine of codification lawmaking in relation to contemporary challenges in legislative technology. The findings of the study can be used in the development and systematization of codified acts, ensuring their logical integrity and dogmatic consistency.

Keywords: lawmaking, principles of codification, specialization of norms, normative generalizations, normative economy

For citation: Tsukanova E.Yu., Bakirova D.M. 2025. Basic Principles of Pandetic Codification: From Roman Law to Modern Codes. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 816–824 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-816-824 EDN: KBLCSZ

Введение

Систематизация законодательства является естественным процессом поступательно и динамично развивающейся правовой системы конкретного государства. Высшей формой систематизации в общей теории права признается кодификация, представляющая собой особый механизм построения нормативного материала. Это вершина правотворческой деятельности, имеющей своей целью коренную, всестороннюю переработку и объединение нормативного материала в единый, логически целостный, внутренне согласованный акт [Липень, 2022, с. 137].

Сравнительно-исторический анализ кодификационных процессов развития законодательства европейских государств демонстрирует значительное своеобразие в трактовке как самой кодификации, так и механизма его реализации. Несмотря на существенные расхождения, сущностным и наиболее важным моментом кодификации выступает систематизационная деятельность, направленная на объединение различных нормативных предписаний в единый, логически целостный нормативный комплекс [Горячковская, Исаенко, 2023, с. 50]. Для определения отраслевой и национальной специфики отечественной кодификации представляется необходимым провести исследование процесса возникновения, становления и развития кодификационного процесса с экстраполяцией результатов на современную отечественную правовую традицию.

Приступая к анализу, следует акцентировать внимание на процесс кодификации гражданского законодательства, поскольку гражданские кодексы современных государств, при всей их национальной уникальности, зачастую отражают в своем содержании универсальный структурный подход, восходящий к европейской правовой традиции Нового времени. В качестве такого подхода рассматривается пандектная система, которая является не просто определенной схемой расположения нормативного материала, а целостной методологией его организации, отражающей определенный уровень юридического мышления.

Пандектистика как правовой феномен XIX века представляет собой высшую форму систематизации римского частного права, основа которого заложена в наиболее полном и систематизированном источнике – Дигестах Юстиниана. Иное наименование данного свода – Пандекты, которое и стало основой для обозначения такой системы организации правового материала. Несмотря на то, что классическая эпоха пандектистики относится к XIX веку, основные принципы построения законодательного текста остались такими же. Именно поэтому методологическое значение пандектистики выходит далеко за рамки историко-правового исследования. Она выступает в качестве фундамента пандектной системы, на базе которой сформированы современные гражданские кодексы, включая Германское гражданское уложение (BGB) и Гражданский кодекс РФ. Это касается не только гражданского законодательства, поскольку на базе принципов пандектной кодификации конструируется структура и иных кодифицированных нормативных актов.

Соответственно, актуальность исследования принципов пандектной кодификации обусловлена не только их историческим значением, но и непреходящим влиянием на современную законодательную технику и правоприменительную практику. В условиях постоянного усложнения общественных отношений системность и логическая стройность, изначально заложенные в пандектной модели, становятся критически важными в правотворческой деятельности.

Источники римского частного права как предпосылка формирования пандектной системы

Пандектная система обязана своим названием римскому источнику частного права – Дигестам Юстиниана или Пандектам. Данные наименования используются как синонимы. Однако Дигесты сами по себе являются сводом источников, которым была придана юридическая сила. Причем они были упорядочены определенным образом, что и позволяет их рассматривать в качестве одного из первых фундаментальных актов кодификации. Тем не менее кодификация как акт систематизации законодательства имеет более глубокие исторические корни. Генезис кодификации как метода систематизации права восходит к глубокой древности. Одним из древнейших памятников, осуществивших консолидацию разрозненных правовых предписаний в единый нормативный свод, являются Законы Хаммурапи (сер. XVIII в. до н. э.). Однако наиболее значимые источники ранней кодификационной деятельности сформировались в рамках римской правовой традиции.

Изначальной, хотя и обладающей значительной архаичностью, формой римской кодификации принято считать Законы XII таблиц (451–450 гг. до н. э.), зафиксировавшие основные нормы патрицианского и плебейского права. Качественно новым этапом в развитии данной юридической техники стал Кодекс Феодосия (438 г.), созданный по инициативе императора Феодосия II. Данный акт, в отличие от своих предшественников, представлял собой не просто запись обычаев, а целенаправленную компиляцию и систематизацию императорских конституций, что существенно унифицировало правоприменительную практику поздней Римской империи.

Основной и, можно сказать, особый этап в истории римского права ознаменовала кодификационная деятельность императора Юстиниана под руководством его квестора Трибониана. Результатом этой масштабной работы стало создание нормативно-доктринального комплекса, известного под позднейшим названием Corpus iuris civilis (Свод гражданского права). Данный Свод, сохранивший и систематизировавший римское юридическое наследие, состоял из четырёх взаимодополняющих частей: 1) Дигесты (Digesta) – выдержки из сочинений классических римских юристов, тематически упорядоченные и распределённые на пятьдесят книг с дробной рубрикацией на титулы и фрагменты; 2) Институции (Institutiones) – официальный учебник – введение в право, обладавший силой закона и предлагавший систематизированное изложение ключевых правовых институтов; 3) Кодекс (Codex) – свод императорских конституций, изданных со времени правления Адриана (с 138 г.) и кодифицированных в двенадцати тематических книгах; 4) Новеллы (Novellae) – собрание новых законов, принятых самим Юстинианом после публикации Кодекса и отражавших дальнейшее развитие византийского права.

Именно эта редакция Дигест (Пандектов) обеспечила рецепцию римского права, сделав его предметом изучения и научного анализа в университетах средневековой Европы и заложив основы последующего развития европейской правовой традиции [Шайдуров, 2015, с. 212].

В научной литературе данное собрание правовых источников зачастую именуют актом кодификации, тем более что одна из частей указанного Свода именуется непосредственно Кодексом. Данный документ можно квалифицировать как кодификационный акт только с исторических позиций. В середине первого тысячелетия

он мог восприниматься как высшая форма систематизации нормативного материала. Но даже с учетом этого, ни Corpus iuris civilis в целом, ни каждая из его частей не являются результатом кодификации в современной ее трактовке. Это больше похоже на такой вид систематизации, как инкорпорация. На это обращали внимание уже дореволюционные российские юристы. Например, Г.Ф. Шершеневич писал, что Кодекс Юстиниана представляет собой «типичную инкорпорацию», поскольку он только лишь соединил все императорские конституции «от Адриана до Юстиниана с соблюдением систематического и хронологического порядка» [Шершеневич, 1910, с. 421]. В советский период аналогичное мнение высказывалось Д.А. Керимовым [1962, с. 33] и иными учеными.

С точки зрения систематизации права средневековый период, несмотря на наличие отдельных значимых законодательных памятников, не имеет большого значения в процессе генезиса кодификации в современной интерпретации. Начало ее стремительного развития следует относить к эпохе Нового времени, и наиболее значимые результаты этого процесса были достигнуты в XIX столетии.

Начало XIX века ознаменовалось кодификационной деятельностью во Франции, результатом которой явился ряд кодификационных актов, наиболее значимым стал Гражданский кодекс Франции (1804 г.), известный также как Кодекс Наполеона. В завершении XIX века было принято Германское гражданское уложение (1896 г.), имеющее кодифицированный вид и ставшее основой для систематизации отечественного гражданского законодательства [Богоненко, 2020, с. 113–118]. Модели кодификации, предложенные Францией и Германией, оказали столь масштабное нормативно-концептуальное воздействие на правовые системы мира, что легли в основу классификации К. Цвайгерта и Х. Кетца, выделивших соответственно романскую и германскую правовые семьи в качестве автономных типов [Цвайгерт, Кетц, 2000, с. 117].

Указанное столетие в научной доктрине единодушно определяется как эпоха активной систематизации законодательства, в первую очередь кодификации. Подобная характеристика законодательной активности европейских государств, сформулированная еще современниками XIX века, остается общепризнанной и в современной историко-правовой науке, акцентирующей системообразующую роль этого периода для становления современного континентального права.

В аспекте проводимого нами исследования особое внимание следует уделить кодификации германского гражданского законодательства, поскольку именно в рамках данного процесса сформировалась пандектистика как наука о высшей форме систематизации римского права. Наиболее весомую характеристику кодификационной работы, которую проделали германские пандектисты, дал Р. Давид. Им было отмечено, что «кодификация – это техника, которая позволяла осуществить замыслы школы естественного права завершить многовековую эволюцию правовой науки, четко изложив, в отличие от хаоса компиляций Юстиниана, права, соответствующие интересам общества» [Давид, 1988, с. 74].

Интенсивный импульс кодификационной деятельности, характерный для начала XIX столетия, был существенно замедлен в германских государствах под влиянием доктрины исторической школы права. Ее сторонники отстаивали идею органического, эволюционного развития права из «народного духа». В противовес такому подходу сторонники юридического позитивизма настаивали на целенаправленном нормотворчестве в форме кодификационных актов. Несмотря на эту теоретическую конфронтацию, именно XIX век (в особенности ее вторая половина) стал для Германии эпохой системной кодификации, в ходе которой были созданы унифицированные нормативные акты, комплексно регламентировавшие ключевые сферы публичной и частной жизни формирующейся нации.

Д.Е. Пономарев, характеризуя данный процесс, отметил, что «с XIX века, под влиянием, во многом, идей естественного права, а также немецких пандектистов, начинает

складываться тенденция к кодификации позитивного права, когда оно утрачивает свою генетически хаотическую форму и начинает становиться выражением системы догматических понятий, то есть внутренне упорядоченным образованием, подчиненным определенной логике строения» [Пономарев, 2005, с. 100].

Немецкая пандектистика осуществляла не просто обобщение текстов Дигест Юстиниана, а их догматическую реконструкцию. Пандектисты подвергли казуистичное наследие римских юристов глубокой переработке. Вследствие этого в научной литературе высказано мнение о том, что европейская кодификация XIX века погубила римское право [Гьяро, 2020, с. 185]. В результате появилась универсальная и внутренне непротиворечивая система абстрактных правовых категорий, используемая вплоть до настоящего времени. Эта система, получившая название пандектной, постепенно эволюционировала от рецепции чисто римских конструкций к созданию универсального понятийного аппарата, пригодного для современного ей правопорядка. Разработанный пандектистами метод структурной организации нормативного материала стал классическим и был воспринят в качестве образца для гражданских кодификаций многих государств, включая правовые системы советского и постсоветского периодов.

Принципы пандектной системы организации нормативного материала

Как уже было отмечено ранее, осуществление кодификации германского гражданского законодательства было осуществлено в рамках пандектной системы, которая характеризует структурную основу представления нормативного материала. Развитие пандектной модели связано с деятельностью ведущих представителей немецкой правовой науки XIX столетия (Г.Ф. Пухта, Б. Виндшейд, Г. Дернбург и др.), которые осуществили догматическую реконструкцию римского права. Результатом их трудов стала разработка универсального понятийного аппарата, сформировавшего категориальный фундамент современной цивилистики. К числу таких базовых конструкций относятся «сделка», «договор», «вещное право», «право собственности» и «деликт».

Правотворческая кодификационная деятельность, осуществляемая по панденктной модели, базируется на системе методологических оснований. Такие основы могут рассматриваться в качестве ее структурных принципов, комплексное использование которых в процессе правотворчества позволяет добиваться соответствующего результата в виде кодифицированных актов [Иванов, 2020, с. 149]. Кодификационная деятельность представляет собой систематизацию не только и не столько законодательства, сколько самого права как системы правовых норм. Она осуществляется на уровне отдельных правовых норм, выстраивая их в определенном порядке и иерархии [Иванов, 2024]. Вследствие этого можно говорить о том, что указанные принципы организуют правовой материал таким образом, что он преобразуется из простого свода норм в целостную логическую систему, обеспечивая системность, иерархичность и догматическую целостность. Также стоит отметить, что принципы сами по себе по отношению друг к другу находятся в функциональной зависимости.

К числу базовых принципов пандектного построения нормативных актов, по нашему мнению, следует относить следующие.

1. Принцип обособления общих положений.

Ключевым системообразующим признаком пандектной модели выступает выделение Общей части, содержащей общие положения, применимые ко всей совокупности регулируемых отраслью отношений. В научной доктрине справедливо утверждается, что пандектная система требует дихотомии кодекса на Общую и

Особенную части. Данный юридико-технический прием минимизирует повторы и предотвращает казуистичность правового регулирования. Оборотной стороной этих достоинств является некоторый догматизм и снижение доступности закона для непрофессионалов, что признается в литературе недостатком данной модели.

Дуализм в разграничении нормативного материала является основным принципом, отличающим пандектную систему от институционной. Общая часть обычно представлена совокупностью абстрактных норм, понятий и принципов, применимых ко всей отрасли права. Эти нормы экономят правовой материал и обеспечивают системное единство. Особенная часть регулирует конкретные виды правоотношений (вещные, обязательственные, семейные, наследственные). Нормы общей части к конкретным видам применяются субсидиарно.

2. Принцип специализации правовых норм.

Выделение общих положений в структуре нормативного акта обусловливает необходимость формирования нормативных обобщений довольно высокого уровня абстракции. Логика изложения материала следует от наиболее общих и абстрактных правовых категорий к частным и конкретным. Сначала определяются фундаментальные понятия (юридическое лицо, право собственности, сделка), а затем – их конкретные проявления и виды (различные типы договоров, ограниченные вещные права). Пандектная система оперирует не казусами, а высокоабстрактными правовыми конструкциями, избавленными от казуистики жизненных обстоятельств. Эти конструкции (например, «сделка», «вещное право») являются универсальными моделями, применимыми к широкому кругу ситуаций. Это позволило создать гибкий и устойчивый к изменениям понятийный аппарат.

Фактически разработчики пандектной системы права осуществили фундаментальную методологическую революцию, модифицируя казуистическое изложение Свода римского частного права в строгую систему абстрактно-логических категорий. Данный процесс не сводился к простой интерпретации римских источников, а представлял собой их масштабную реконструкцию, результатом которой стало возникновение юридической догматики, приведшей к так называемой «юриспруденции понятий» [Деханов, 2023, с. 18]. Можно говорить о том, что в рамках пандектистики на базе конкретных жизненных казусов был сформирован автономный понятийный ряд, ставший основой не только для изложения законодательного текста, но и логики выстраивания правового материала в целом. С.Ф. Афанасьев по этому поводу отмечает, что «немецкая пандектика развила институционную парадигму за счет выработки наиболее общих понятий, категорий и принципов» [Афанасьев, 2023, с. 49]. Ключевым достижением этой научной школы стала разработка универсального категориального аппарата, который используется вплоть до настоящего времени. Именно это заложило фундамент последующей кодификации гражданского законодательства, а также конструированию любых непротиворечивых нормативных систем в целом.

Формирование абстрактных правовых конструкций и обеспечение логики их применения к конкретным жизненным ситуациям предопределяет дихотомию норм, согласно которой они подразделяются на общие и специальные. Это также является сущностно значимым аспектом кодификации. Выделение общих и специальных норм в научной литературе называют «стержневым принципом пандектной системы» [Шушканов, 2020, с. 33].

3. Принцип нормативной экономии.

Принцип нормативной экономии выступает ключевым элементом технического изложения кодифицированного акта, обеспечивая оптимизацию правового материала через устранение дублирующих и избыточных предписаний. Реализация данного принципа предполагает обособление нормативных обобщений, что позволяет создать целостную систему взаимосвязанных положений. Благодаря наличию Общей части и абстрактных конструкций удается избежать бесконечных повторов однотипных норм.

Правила о субъектах, сделках, исковой давности не дублируются в каждом разделе, а формулируются один раз, что делает кодекс компактным и логичным.

Кроме того, рассматриваемый принцип находит свое структурное воплощение в создании системы сквозных правовых институтов, действие которых распространяется на различные элементы кодифицированного акта. Логическая упорядоченность законодательства повышают его доступность и эффективность для профессионального сообщества. Это обеспечивается за счет сокращения временных затрат на правовой анализ и квалификацию. При этом формируется единообразная судебная практика, что в конечном итоге повышает эффективность всего механизма правового регулирования.

Заключение

Эти принципы в своей совокупности формируют соответствующий методологический инструментарий, который обеспечил пандектной системе ее историческую устойчивость и сделал ее доминирующей моделью для гражданских кодификаций романо-германской правовой семьи. Хотя пандектная система сформировалась как основа для кодификации гражданского законодательства, ее ключевые принципы обладают значительным потенциалом для структурирования нормативного материала иных правовых отраслей. Ее влияние вышло далеко за рамки частного права, став образцом юридико-технического совершенства в процессе правотворчества.

Таким образом, пандектная система представляет собой не только историческую форму цивилистической кодификации, но и универсальный метод юридического мышления и законодательной техники. Ее главная заслуга – это сама идея системности, требующая вычленения общего и особенного, абстрактного и конкретного, что делает право более предсказуемым, логичным и профессиональным. Если правовая отрасль достигает определенного и достаточно высокого уровня догматической зрелости, она закономерно тяготеет к пандектным принципам своего построения.

Список литературы

Афанасьев С.Ф. 2023. Заметки об институционно-пандектном подходе в частном праве и цивилистическом процессе: история и современность. *Вестник гражданского процесса,* 13(5): 49–88. DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88.

Богоненко В.А. 2020. Историко-правовые предпосылки кодификации гражданского права Франции. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки,* 5: 113–118.

Горячковская Ю.М., Исаенко В.А. 2023. Кодификация в системе форм систематизации законодательства. *Право и государство: теория и практика,* 8(224): 47–51. DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_47.

Гьяро Т. 2020. Римское право погибает с появлением кодификации. *Закон*, 9: 185–199.

Давид Р. 1988. Основные правовые системы современности. М., Прогресс, 495 с.

Деханов С.А., Деханов М.С. 2023. Пандектная и институционная модели в цивилистике. *Евразийская адвокатура*, 4(63): 16–20. DOI 10.52068/2304-9839_2023_63_4_16.

Иванов А.Б. 2020. К вопросу о системе принципов юридической кодификации. *Юридическая техника*, 14: 149–153.

Иванов А.Б. 2024. Кодификация законодательства или кодификация права: постановка проблемы. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*, 4(70): 594–607. DOI 10.18255/1996-5648-2024-4-594-607.

Керимов Д.А. 1962. Кодификация и законодательная техника. М., Госюриздат, 104 с.

Липень С.В. 2022. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права. *Lex Russica (Русский закон)*, 2(183): 132–147.

Пономарев Д.Е. 2005. Генезис и сущность юридической конструкции. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 23 с.

Цвайгерт К., Кетц Х. 1998. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х т. Т. 1: Основы. М., Междунар. отношения, 478 с.

Шайдуров И.В. 2015. Роль пандектного права в становлении российской цивилистики. *Власть Закона*, 2(22): 210–216.

Шершеневич Г.Ф. 1910. Общая теория права. Вып. 1. М., Издание Бр. Башмаковых, 806 с.

Шушканов П.А. 2020. О соблюдении принципов пандектной кодификации в структуре Гражданского кодекса РФ. *Мировой судья*, 2: 32–35.

References

Afanas'ev S.F. 2023. Zametki ob institucionno-pandektnom podhode v chastnom prave i civilisticheskom processe: istorija i sovremennost' [Notes on the Institutional-Pandect Approach in Private Law and Civil Procedure: History and Modernity]. *Vestnik grazhdanskogo processa*, 13(5): 49–88. DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88.

Bogonenko V.A. 2020. Istoriko-pravovye predposylki kodifikacii grazhdanskogo prava Francii [Historical and legal background for the codification of civil law in France]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki*, 5: 113–118.

Gorjachkovskaja Ju.M., Isaenko V.A. 2023. Kodifikacija v sisteme form sistematizacii zakonodatel'stva [Codification in the system of forms of systematization of legislation]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*, 8(224): 47–51. DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_47.

G'jaro T. 2020. Rimskoe pravo pogibaet s pojavleniem kodifikacii [Roman law dies with the advent of codification]. *Zakon*, 9: 185–199.

David R. 1988. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [The main legal systems of modern times]. Moscow, Publ. Progress, 495 p.

Dehanov S.A., Dehanov M.S. 2023. Pandektnaja i institucionnaja modeli v civilistike [Pandect and institutional models in civil law]. *Evrazijskaja advokatura*, 4(63): 16–20. DOI 10.52068/2304-9839_2023_63_4_16.

Ivanov A.B. 2020. K voprosu o sisteme principov juridicheskoj kodifikacii [On the issue of the system of principles of legal codification]. *Juridicheskaja tehnika*, 14: 149–153.

Ivanov A.B. 2024. Kodifikacija zakonodatel'stva ili kodifikacija prava: postanovka problem [Codification of legislation or codification of law: statement of the problem]. *Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki*, 4(70): 594–607. DOI 10.18255/1996-5648-2024-4-594-607.

Kerimov D.A. 1962. Kodifikacija i zakonodatel'naja tehnika [Codification and legislative technique]. Moscow, Publ. Gosjurizdat, 104 p.

Lipen' S.V. 2022. Transformacija teorii sistematizacii zakonodatel'stva v jepohu cifrovizacii prava [Transformation of the Theory of Systematization of Legislation in the Era of Digitalization of Law]. *Lex Russica (Russkij zakon)*, 2(183): 132–147.

Ponomarev D.E. 2005. Genezis i sushhnost' juridicheskoj konstrukcii [Genesis and essence of legal structure]. Abstract. dis. ... cand. legal sciences. Ekaterinburg, 23 p.

Cvajgert K., Ketc X. 1998. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: V 2-h tt. T. 1: Osnovy [Introduction to Comparative Law in the Sphere of Private Law: In 2 volumes. Volume 1: Fundamentals]. Moscow, Publ. Mezhdunar. otnoshenija, 478 p.

Shajdurov I.V. 2015. Rol' pandektnogo prava v stanovlenii rossijskoj civilistiki [The role of pandect law in the development of Russian civil law]. *Vlast' Zakona*, 2(22): 210–216.

Shershenevich G.F. 1910. Obshhaja teorija prava. Vyp. 1 [General Theory of Law. Issue 1]. Moscow, Publ. Izdanie Br. Bashmakovyh, 806 p.

Shushkanov P.A. 2020. O sobljudenii principov pandektnoj kodifikacii v strukture Grazhdanskogo kodeksa RF [On compliance with the principles of pandect codification in the structure of the Civil Code of the Russian Federation]. *Mirovoj sud'ja*, 2: 32–35.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.09.2025
Поступила после рецензирования 28.10.2025
Принята к публикации 02.12.2025

Received September 19, 2025
Revised October 28, 2025
Accepted December 2, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цуканова Елена Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, директор Центра патриотического и культурно-нравственного воспитания, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия.

Бакирова Диана Максимовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры социальных наук и технологий, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena Yu. Tsukanova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Center for Patriotic and Cultural-Moral Education, National Research University MISIS, Moscow, Russia.

Diana M. Bakirova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Technologies, National Research University MISIS, Moscow, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 343.1
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-825-832
EDN LNXUNS

Проблемы уголовно-судебного правоприменения в условиях цифровой трансформации

Еременко В.М., Ляхова А.И., Першина Е.А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
lyakhova@bsuedu.ru, kupryashina@bsuedu.ru

Аннотация. Судебной форма правоприменения служит важнейшим механизмом обеспечения законности и социальной справедливости в российском государстве, обеспечивает восстановление нарушенных прав субъектов правоотношений и эффективное разрешение юридических конфликтов. Цель исследования заключается в выявлении проблем развития судебного правоприменения в условиях быстрого распространения и внедрения цифровых технологий, а также оценке их влияния на практику судебных решений и правовую практику в целом. Проведен анализ теоретико-правовых подходов к судебному правоприменению. Особое внимание уделено вопросам правовой определенности и эффективности судебных решений в условиях изменяющейся реальности. В результате исследования были выявлены основные проблемы судебного правоприменения: отсутствие законодательной регламентации основных понятий киберпреступности; сложности международного и трансграничного сотрудничества правоохранительных органов; ограниченность технических возможностей и недостаточная подготовка сотрудников правоохранительных органов. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства и процедур правоприменения, повышения качества судебной практики и обеспечения правовой защиты участников процессуальной деятельности в динамично меняющемся обществе.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное правоприменение, судебная практика, цифровые технологии, киберпреступность, угрозы, вызовы

Для цитирования: Еременко В.М., Ляхова А.И., Першина Е.А. 2025. Проблемы уголовно-судебного правоприменения в условиях цифровой трансформации. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 825–832. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-825-832 EDN: LNXUNS

Problems of Criminal and Judicial Law Enforcement in the Context of Digital Transformation

Valentin M. Eremenko, Anzhelika I. Lyakhova, Elena A. Pershina
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
lyakhova@bsuedu.ru, kupryashina@bsuedu.ru

Abstract. Currently, issues of judicial law enforcement in the consideration of crimes related to the use of information technology are becoming particularly relevant. The purpose of the study is to identify the problems of judicial law enforcement development in the context of the rapid spread and introduction of digital technologies, as well as to analyze their impact on judicial decision-making and legal practice in general. The analysis of theoretical and legal approaches to judicial law enforcement is carried out, and

© Еременко В.М., Ляхова А.И., Першина Е.А., 2025

the problems of judicial law enforcement in the context of widespread digital technologies are revealed. Special attention is paid to the issues of legal certainty and the effectiveness of judicial decisions in changing realities. As a result of the study, the main problems of judicial law enforcement have been identified: the lack of legislative regulation of the basic concepts of cybercrime; difficulties in international and cross-border law enforcement cooperation; limited technical capabilities and insufficient training of law enforcement officers. The conclusion is made about the need to improve legislation and law enforcement procedures, improve the quality of judicial practice and ensure legal protection of participants in procedural activities in a dynamically changing society.

Keywords: criminal proceedings, judicial law enforcement, judicial practice, digital technologies, cybercrime, threats, challenges

For citation: Eremenko V.M., Lyakhova A.I., Pershina E.A. 2025. Problems of Criminal and Judicial Law Enforcement in the Context of Digital Transformation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 825–832 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-825-832 EDN: LNXUNS

Введение

Одной из фундаментальных категорий юриспруденции является правоприменение – формализованная и регламентированная деятельность уполномоченных субъектов, направленная на реализацию правовых положений посредством принятия актов правоприменения в процессе разрешения конкретных правовых ситуаций и конфликтов.

Рост высокотехнологичных преступлений, связанных с использованием сети Интернет, криптовалют и виртуальной реальности ставит перед системой уголовного правосудия ряд серьезных вызовов, заставляющих искать новые подходы и адаптироваться к новым условиям. Совершение преступлений с помощью современных информационных технологий и социальной инженерии как метода воздействия на потерпевших с целью заставить их раскрыть личные данные, широко используется преступниками для незаконного доступа к личной информации, денежным средствам, имуществу и прочим активам. В связи с этим представляют интерес научно-концептуальные исследования, которые обосновывают необходимость трансформации правоприменительной деятельности и института доказывания. Так, в монографии «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах» [Жижина, 2023] исследованы теоретические и методологические аспекты криминалистического обеспечения расследования киберпреступлений, также затронуты проблемы международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия. Исследование понятийного аппарата социальной инженерии, криминалистической характеристики и методики раскрытия и расследования дистанционных преступлений, а также анализ проблем законодательного регулирования отдельных вопросов доказывания представлен в работе «Особенности первоначального этапа расследования дистанционных хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии» [Старостенко, 2024].

Внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство посредством использования видеоконференцсвязи, систематизации судебных решений в базах данных, внедрения электронного документооборота в деятельность судебных и правоохранительных органов, создает предпосылки для ускорения судебных процессов и повышения качества принимаемых решений. Принципы и порядок использования электронного документа в уголовном судопроизводстве исследованы в работе «Цифровые технологии в сфере правосудия по уголовным делам» [Гришина, Тасаков, 2022, с. 82-83], вопросы совершенствования уголовно-процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства в контексте технологической трансформации раскрытия и расследования уголовных дел рассматривались в статье «Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного

судопроизводства» [Марковичева, 2025, с. 167-169]. Комплексное научное исследование, посвященное анализу концепции электронного правосудия, систем искусственного интеллекта в судопроизводстве, электронного документооборота в судебных и правоохранительных органах, а также зарубежных систем цифровизации судопроизводства создает теоретическую основу для разработки эффективных моделей внедрения цифровых технологий в российскую судебную систему, оптимизации правовых процедур и улучшения взаимодействия участников судебного процесса [Бурдина, 2021]. Правоприменение необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с правопониманием и правотворчеством, поскольку качество законодательства и правоприменения в российской действительности коррелируется с качеством взаимодействия научных работников, «законодателей» и правоприменителей [Ершов, 2008, с. 14].

Судебное правоприменение является важным инструментом защиты прав граждан и противодействия новым видам преступлений, возникающим благодаря развитию информационных технологий. Правильное применение закона и объективная оценка доказательств способствуют эффективному правосудию и поддержанию общественного порядка. Для выявления актуальных проблем судебного правоприменения в уголовном судопроизводстве необходимо исследование теоретических подходов, сложившихся в юридической науке к определению самого понятия «правоприменение», его сущности и признакам, соотношения судебного правоприменения с другими формами правореализации, а также особенностей уголовно-судебного применения норм в условиях цифровизации всех сфер общественной жизни.

Теоретико-правовые подходы к судебному правоприменению

Судебное правоприменение в современных условиях является важным направлением юридической науки и практики, поскольку отражает реалии сегодняшнего российского общества и определяет перспективы дальнейшего развития системы правосудия. Российские учёные и юристы активно исследуют данную тему, предлагая новые концепции и подходы к решению накопившихся проблем.

В общей теории права состоялись определения понятия правоприменения: как способа реализации материальных норм права наряду с использованием прав, исполнением обязанностей и соблюдением запретов [Денисов, 1980, с. 338; Бошно, 2011, с. 274; Марченко, 2017, с. 380-391]; как организационно-правовой формы деятельности управомоченных органов и лиц, связанной с разрешением жизненных ситуаций и принятием в порядке, определённом нормами процессуального права, актов применения норм права [Борисов, 2007, с. 208]; как универсального способа применения права в рамках юридических форм государственной деятельности [Тонков, 2019, с. 140].

Судебное правоприменение, являясь специальной разновидностью правоприменения наряду с управленческим и административным, осуществляется специальным субъектом – судом или судьей и реализуется в строго регламентированной законом процессуальной форме в соответствии с конституционным правом граждан на судебную защиту своих прав и законных интересов.

К определению сущности и признаков судебного правоприменения в юридической науке также следует выделить несколько подходов. Так, одни правоведы рассматривают судебное правоприменение в контексте системы разделение властей (системы сдержек и противовесов), полагая, что представители судебной власти могут и должны способствовать реализации права в рамках действующих полномочий. Иными словами, судьи взаимодействуют с готовым правовым материалом и реализуют его на практике, а также могут выявлять несовершенство тех или иных законодательных конструкций исходя из принципов права и/или объективных обстоятельств, но сама по себе деятельность судей не порождает право [Лозовская, 2005]. «Индивидуальный характер правоприменения и его направленность на разрешение конкретных юридических дел,

выделяет С.С. Алексеев, тем самым подчеркивая, что в результате судебной деятельности зачастую возникают индивидуальные правоприменительные акты, которые порождают юридические последствия только в адрес конкретного лица» [Алексеев, 1999, с. 265].

В противовес данной позиции ряд исследователей [Ярославцев, 2007, с. 137; Марченко, 2017, с. 295–301] наоборот утверждают, что судья находится на стыке правовой (как должно) и объективной реальности (как есть). Следовательно, необходимо законодательно закрепить правотворческие полномочия судей, тем самым повышая качество и эффективность правовых норм. А.В. Корнев, к примеру, отмечает, что если законодательное положение, которым «руководствуется суд, имеет некоторую степень неопределенности и возможность для толкования, то выбор из возможных вариантов интерпретации данной нормы для последующего применения происходит по усмотрению суда. Таким образом, следует говорить о том, что суд любой из инстанций способен фактически осуществлять правотворческую деятельность, поскольку судебная власть в лице судьи непосредственно нивелирует правовую неопределенность понятий и классификаций, встречающихся в законодательстве, а также устраняет правовые пробелы в нормативном регулировании» [Корнев, 2016, с. 22–23]. В данном контексте участие исполнительной и законодательной власти имеет формальный характер.

Наконец, представители сдержанной позиции полагают, что необходимо применять «расширительный подход к вопросу судебной власти. Таким образом, судебное правотворчество находится в компетенции только высших судов – Конституционного Суда РФ при реализации им судебного конституционного контроля и Верховного Суда РФ в рамках обобщения судебной практики в виде издаваемых постановлений Пленума» [Гук, 2025]. Согласно данному «подходу судебному правоприменению присущи особые субъект – государство в лице управомоченных лиц, и формы, а также последовательность, публикация правоприменительных актов и их официальное признание как статуса или фактора» [Аверин, Гроза, 2020, с. 61–62]. Таким образом, без компетенции высших судов по обработке правового материала (рассмотрения, пересмотров и т. д. судебных решений) не может быть и речи о судебном правоприменении как аспекте правотворчества, поскольку данная деятельность не имела бы системного характера

Многоступенчатость и последовательность правоприменительной деятельности органов уголовного правосудия

В качестве отличительного признака «уголовно-судебного правоприменения выступает определенная последовательность правоприменительных циклов: при производстве по уголовным делам применению норм уголовного права предшествует применение норм уголовно-процессуального права, правильная реализация которых выступает гарантией обоснованных и справедливых решений» [Ашуров, 2013, с. 82].

Уголовно-правовая регламентация составов преступлений и регулирование уголовных правоотношений, порождаемых юридическим фактом преступления, представляют два самостоятельных способа правового регулирования в широком смысле, сопряженных между собой и образующих систему. Теоретически единичная норма может только предписывать, дозволять, запрещать, предоставлять возможность усмотрения, рекомендовать. Однако совокупность норм отрасли права не может состоять только из однотипных норм, в том числе только из охранительных норм. Реализация охранительной функции норм Особенной части УК обеспечивается совокупностью норм Уголовного кодекса, уголовно-процессуального законодательства с опорой на общеправовые методы правового регулирования. Таким образом, эффективное уголовно-судебное правоприменение предполагает симбиоз материальных и процессуальных норм в качестве необходимого правового инструментария, позволяющего обеспечивать законность, справедливость и обоснованность принимаемых судебных решений.

В качестве актуальных проблем уголовно-судебного правоприменения следует выделить:

1) отсутствие законодательно закрепленных определений ряда понятий, используемых в сфере информационной безопасности и цифрового пространства («фишинг», «дипфейк», «хеш», «сетевая атака», «фейковый аккаунт» и др.) снижает качество расследования и судебного разбирательства, затрудняет процесс квалификации деяний [Капинус, 2022] и создает возможности для уклонения от уголовной ответственности виновных лиц;

2) отсутствие эффективных механизмов защиты прав и законных интересов граждан; Правовая реальность меняется существенно и быстро. Планирование и организация преступлений, заблаговременный вывод денежных средств и легализация имущества преступными группами и при этом отсутствие обеспечительных мер и достаточных законодательных гарантий создают сложную правовую ситуацию. Так, например, в настоящее время зафиксированы случаи продажи жилья под воздействием телефонных мошенников, о влиянии которых не известно ни покупателю, ни риелтору. Суды применяют ст. 178 Гражданского кодекса РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения и удовлетворяют иски продавцов о признании права собственности на единственное жилье, при этом «каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом». Однако, поскольку у продавца недвижимости отсутствуют денежные средства, в связи с передачей их мошенникам, покупатель остается без жилья, денежных средств и зачастую с ипотечным займом, при этом отсутствие лиц, подозреваемых в мошенничестве, и обвинительного приговора суда не препятствует принятию судом решения по гражданскому делу о признании сделки недействительной. Практика применения судебными органами норм права по подобным категориям дел привела к увеличению рисков для покупателей при заключении договоров купли-продажи недвижимости; необходимости разработки дополнительных меры по восстановлению нарушенных прав и возмещению ущерба сторонам сделки; внедрению дополнительных процедур проверки полномочий продавца.

3) ограниченность технических возможностей и недостаточная подготовка правоохранителей. Следы преступлений с использованием информационных технологий (фишинговых ссылок, дипфейкой) хранятся преимущественно в электронном виде, что затрудняет сбор доказательной базы, поскольку органы расследования сталкиваются с проблемами удаления или шифрования информации, повреждением инфраструктуры, необходимостью привлечения квалифицированных технических экспертов для расшифровки и сбора цифровых доказательств.

4) проблемы международного и трансграничного сотрудничества правоохранительных органов.

Использование VPN-сервисов, прокси-серверов и других технологий маскировки IP-адреса и географического расположения усложняет поиск и идентификацию преступника, а отсутствие эффективных инструментов международного сотрудничества, оперативности в рассмотрении запросов о правовой помощи и различий в нормативном регулировании уголовных процедур в разных государствах приводит к невозможности привлечения к ответственности виновных лиц [Никурадзе, 2022, с.108].

Меняющаяся реальность представляет правовую действительность, которая будучи не способна представлять собой правовой идеал, тем не менее, должна максимально приближаться к нему и успевать избавляться от правовых норм и институтов, приходящих в противоречие с развитием технологий.

Заключение

Уголовно-судебное правоприменение условиях развития цифровых технологий и связанных с эти угроз, требует модернизации законодательных предписаний и практики их правоприменения. Выявленные в ходе исследования проблемы требуют комплексного подхода и целенаправленных усилий государства и гражданского общества для достижения справедливых и эффективных результатов в сфере уголовно-правового применения.

В целях совершенствования законодательной базы необходим комплексный анализ уголовного законодательства на предмет криминализации и декриминализации отдельных составов преступлений; выявления дублирования правовых норм, устранения коллизионности уголовного законодательства на основе научно разработанного методологического подхода с учетом закономерностей развития уголовного законодательства и правоприменения.

Разработка единой методики квалификационной оценки деяний, связанных с компьютерными технологиями, предполагает систематизацию критериев, которые позволят судьям и сотрудникам правоохранительных органов однозначно трактовать правонарушения и избегать разночтений в правоприменительной практике. Такая методика позволит устранить расхождения в интерпретациях отдельных положений закона и способствует формированию согласованной практики квалификации преступлений в сфере компьютерной информации. Применение подобного инструментария обеспечит более эффективное применение санкций и повысит уровень защиты законных интересов граждан и организаций.

Для модернизация материально-технической базы правоохранительных органов необходимы закупки современного оборудования и программного обеспечения, способного анализировать большие объемы данных, проводить криминалистический анализ электронных следов и восстанавливать удаленную информацию. Такие инструменты существенно повысят шансы обнаружения преступников и раскрытия преступлений. Решение проблемы подготовки квалифицированных кадров требует создания новых региональных центров кибербезопасности, расширение полномочий существующих подразделений «К» для оперативного предупреждения или раскрытия киберпреступлений.

Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос международного сотрудничества и обмена опытом с зарубежными странами, такими как Китай, Индия и США, где имеются значительные успехи в создании эффективных структур по борьбе с кибератаками.

Анализ современных проблем уголовно-судебного правоприменения позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и практики. Только комплексный подход, сочетающий технологическую модернизацию, укрепление независимости суда и повышение профессионального уровня специалистов, способен обеспечить эффективное функционирование судебной системы в условиях меняющейся реальности.

Список литературы

Аверин А. В., Гроза Ю. А. 2020. Правосудие и право. М., Юрлитинформ, 440 с.

Алексєєв С. С. 1997. Философия права. М., Норма, 336 с.

Ашуров В. К. 2013. Применение норм уголовно-процессуального права: теоретические аспекты. *Вестник Волгоградской академии МВД России,* 4(27): С. 81-86.

Борисов Г. А. 2007. Теория государства и права. Белгород, БелГУ, 292 с.

Бошно С. В. 2011. Теория права и государства. М., Эксмо, 489 с.

Бурдина Е. В., Зуев С. В. 2021. Электронное правосудие. М., РГУП, 344 с.

Гришина Е. П., Тасаков С. В. 2022. Цифровые технологии в сфере правосудия по уголовным делам. *Вестник Казанского юридического института МВД России,* 13(4): 77-85.

Гук П. А. 2024. Судебное правоприменение в современной России: общетеоретический аспект и реалии практики. Пенза, Пензенский государственный университет, 198 с.

Денисов А. И., Зорькин, В. Д., Кененов А. А., Кудрявцев Ю. В. 1980. Теория государства и права. М., Юридическая литература, 432 с.

Ершов В. В. 2008. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения. *Российское правосудие, 7*(27): 4-15.

Жижина М. В., Завьялова Д. В. 2023. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах. М., Проспект, 136 с.

Капинус О. С. 2022. Цифровизация преступности и уголовное право. *Baikal Research Journal, 13*(1). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(1).22

Корнев А. В. 2014) Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфическая форма судебного правотворчества в России. *Вестник Российского университета дружбы народов*, (1): 21-29.

Лозовская С. В. 2005. Правовой прецедент: вопросы теории и практики Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 26 с.

Марковичева Е. В. 2025. Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. *Правосудие, 7*(3): 162-178. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.162-178

Марченко М. Н. 2017. Судебное правотворчество и судейское право. М., Проспект, 448 с.

Никурадзе Н. О. 2022. Влияние глобальной информатизации общества на развитие уголовного процесса в России и за рубежом. *International Law Journal, 5*(4): 107-113.

Старостенко Н. И. 2024. Особенности первоначального этапа расследования дистанционных хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии. М., Издательский дом «Юрлитинформ», 168 с

Тонков Е. Е. 2019. Государство созидающее как вектор развития современной России. М., Юрлитинформ, 392 с.

Ярославцев В. Г. 2007. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. М., Юрлитинформ, 304 с.

References

Averin A.V., Groza Yu. A. 2020. Justice and law. Moscow, Yurlitinform, 440 p.

Alekseev S. S. 1997. Philosophy of Law. Moscow, Norma, 336 p.

Ashurov V. K. 2013. Application of the norms of criminal procedure law: theoretical aspects. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4(27): pp.81-86.

Borisov G. A. 2007. Theory of the state and law. Belgorod, BelSU, 292 p.

Boshno S. V. 2011. Theory of Law and the State. Moscow, Eksmo, 489 p.

Burdina E. V., Zuev S. V. 2021. Electronic justice. Moscow, RGUP, 344 p.

Grishina E. P., Tasakov S. V. 2022. Digital technologies in the field of criminal justice. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 13(4): 77-85.

Guk P. A. 2024. Judicial law enforcement in modern Russia: a general theoretical aspect and the realities of practice. Penza, Penza State University, 198 p.

Denisov A. I., Zorkin, V. D., Kenenov A. A., Kudryavtsev Yu.V. 1980. Theory of the state and law. Moscow, Legal Literature, 432 p.

Ershov V. V. 2008. Theoretical and practical problems of legal understanding, law-making and law enforcement. Russian Justice, 7(27):4-15.

Zhizhina M. V., Zavyalova D. V. 2023. Investigation of crimes in the field of computer information in the Russian Federation and foreign countries. Moscow, Prospekt, 136 p.

Kapinus O. S. 2022. Digitalization of crime and criminal law. Baikal Research Journal, 13(1). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(1) .22

Kornev A.V. 2014) Explanations of the plenums of the supreme courts on judicial practice as a specific form of judicial law-making in Russia. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, (1): 21-29.

Lozovskaya S. V. 2005. Legal precedent: issues of theory and practice Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 26 p.

Markovicheva E. V. 2025. The impact of information technology on the system of guarantees of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. Justice, 7(3): 162-178. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.162-178

Marchenko M. N. 2017. Judicial law-making and judicial law. Moscow, Prospect, 448 p.

Nikuradze N. O. 2022. The impact of global informatization of society on the development of criminal proceedings in Russia and abroad. International Law Journal, 5(4): 107-113.

Starostenko N. I. 2024. Features of the initial stage of the investigation of remote theft committed using social engineering methods. Moscow, Publishing House "Yurlitinform", 168 p.

Tonkov E. E. 2019. The creative state as a vector of development of modern Russia. Moscow, Yurlitinform, 392 p.

Yaroslavtsev V. G. 2007. Moral justice and judicial law-making. Moscow, Yurlitinform, 304 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Еременко Валентин Михайлович, председатель Октябрьского районного суда г. Белгорода в почетной отставке, преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Ляхова Анжелика Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Першина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, заведующая кафедрой уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin M. Eremenko, Former Chairman of the Oktyabrsky District Court of Belgorod, honoured retiree, Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Anzhelika I. Lyakhova, Candidate of Law Science, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Elena A. Pershina Candidate of Law Science, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Belgorod State National Research University Belgorod, Russia.

УДК 342
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-833-844
EDN IYKRIV

Перспективы развития конституционного судебного нормоконтроля в Российской Федерации

Кандохов В.Х.
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Россия, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. ул. Большая Садовая, д. 69
vkandokhov@mail.ru

Аннотация. Конституционная реформа 2020 года запустила процессы обновления взаимодействия публичных органов в различных сферах. В области усиления контроля за соблюдением и охраной Конституции Российской Федерации произошел пересмотр взаимоотношений между Президентом Российской Федерации, парламентариями и Конституционным Судом Российской Федерации в связи с осуществлением конституционного судебного нормоконтроля. Поправки в Конституцию Российской Федерации свидетельствуют о существенном обновлении модели нормоконтроля, в том числе о его распространении на не вступившие в законную силу акты парламента. Цель исследования – выявить причины и проблемы реализации института конституционного судебного нормоконтроля, предложить пути решения. На основе обзора законодательства обозначены основные направления совершенствования института конституционного судебного нормоконтроля, исследуется специфика его обновленной регламентации в предварительной форме. Несмотря на высокий охранительный конституционный потенциал, предварительный конституционный судебный нормоконтроль в отношении законопроектов, принятых законов до их подписания до сих пор ни разу не был инициирован и осуществлен. Причины этого связаны с повышением качества законов, с негативным отношением к предварительному нормоконтролю, а также с неполной регламентацией его осуществления. Сделан вывод о необходимости оптимизации отдельных положений законодательства, связанных с регламентацией федерального, регионального законодательных процессов в аспектах их пересечения с реализацией предварительного конституционного судебного нормоконтроля в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: нормоконтроль, конституционный контроль, законодательный процесс, принцип разделения властей, Конституционный Суд Российской Федерации, Президент Российской Федерации

Для цитирования: Кандохов В.Х. 2025. Перспективы развития конституционного судебного нормоконтроля в Российской Федерации. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 833–844. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-833-844 EDN: IYKRIV

Prospects for the Development of Preliminary Regulatory Control Exercised by the Constitutional Court of the Russian Federation

Vadim Kh. Kandokhov
Rostov State University of Economics (RSUE),
69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation
vkandokhov@mail.ru

Abstract. The constitutional reform of 2020 launched the processes of updating the interaction of public authorities in various fields. In the field of strengthening control over the observance and protection of the Constitution of the Russian Federation, the relationship between the President of the Russian Federation,

© Кандохов В.Х., 2025

parliamentarians and the Constitutional Court of the Russian Federation has been reviewed in connection with the implementation of constitutional judicial regulatory control. Amendments to the Constitution of the Russian Federation regarding constitutional judicial regulatory control, in addition to updating the status parameters of the domestic body of constitutional justice, indicate a significant update of the model of regulatory control, including its extension to acts of Parliament that have not entered into force. The purpose of the study is to identify the causes and problems of the implementation of the institution of constitutional judicial regulatory control, and to propose solutions. Based on the review of legislation, the main directions for improving the institution of constitutional judicial regulatory control are outlined, and the specifics of its updated regulation in a preliminary form are investigated. Despite the high protective constitutional potential, the preliminary constitutional judicial regulatory control in relation to draft laws, adopted laws before their signing, has so far never been initiated and implemented. The reasons are different, related to the improvement of the quality of laws, partly due to a negative attitude towards preliminary regulatory control, as well as incomplete regulation of its implementation. It is concluded that it is necessary to optimize certain legislative provisions related to the regulation of federal and regional legislative processes in terms of their intersection with the implementation of preliminary constitutional judicial regulatory control in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: regulatory control, constitutional control, legislative process, the principle of separation of powers, the Constitutional Court of the Russian Federation, the President of the Russian Federation

For citation: Kandokhov V.Kh. 2025. Prospects for the Development of Preliminary Regulatory Control Exercised by the Constitutional Court of the Russian Federation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 833–844 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-833-844 EDN: IYKRIV

Введение

Оптимизация нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации произошла вследствие изменений, внесенных в положения ст. 125 Конституции Российской Федерации [1] конституционными поправками 2020 года [2], а так же в связи с последующими за ними трансформациями в иных нормативных правовых актах. Формально-юридические изменения в объеме, содержании, подходах к осуществлению конституционного судебного нормоконтроля в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствуют о совершенствовании процедурных аспектов, функций, принципов, видов данного нормоконтроля, вместе с тем в определенной мере очерчивают и закладывают дальнейшие перспективы его развития. Для того, чтобы нововведения в части, касающейся предварительного конституционного судебного нормоконтроля, могли быть приведены в действие, необходимо произвести пересмотр и доработку соответствующей части законодательства.

Обзор изменений в практике реализации института конституционного судебного нормоконтроля вследствие проведения конституционной реформы

Широкий подход к рассмотрению последействий конституционной реформы в части оптимизации контрольной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации предполагает анализ ряда направлений, связанных с поправками в Конституцию

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

[2] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 11 ст. 1416.

Российской Федерации в 2020 году. До поправок 2020 года, согласно положениям законодательства, в качестве специализированных конституционных судов функционировал Конституционный Суд Российской Федерации и конституционные (уставные) суды в субъектах Российской Федерации. Трансформация судебной системы по итогу реализации конституционной реформы привела к упразднению региональной конституционной юстиции, несмотря на то, что она играла важную роль в защите прав граждан [Колесников, 2019]. В законодательстве не было единого предписания по поводу создания конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации, так как единого понимания в их необходимости ни снизу, ни сверху не сложилось. Федеральный конституционный закон 1996 года «О судебной системе Российской Федерации» [1] предусматривал дискрецию регионов в данном вопросе, соответственно, данные суды были созданы не во всех субъектах Российской Федерации. Конституционные (уставные) суды осуществляли конституционный нормоконтроль в отношении различных актов субъектов Российской Федерации, в том числе не вступивших в силу. Возможности обжалования решений указанных судов предусмотрено не было. В научной литературе отмечались и другие проблемные аспекты организации деятельности конституционных (уставных) субъектов федерации: сложности в определении объектов конституционного контроля, границ нормоконтроля [Невинский, 1999, с. 8–10]; небольшой объем полномочий и отсутствие их четкого разграничения с полномочиями Конституционного Суда Российской Федерации [Евлоев, 2020, с. 146]. В 2023 году конституционные (уставные) суды прекратили свое существование, так как в ч. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации в перечне судов, входящих в судебную систему, впервые закрепленном в тексте Основного закона, законодатель их не включил.

Данная новелла неоднозначно оценивается исследователями. Упразднение расценивалось и как закономерность вследствие непроработанности законодательного обеспечения, и как неверный подход с позиции укрепления демократических и федеративных начал [Евлоев, 2020, с. 141]. И была возможность, как указывали О.А. Кожевников, А.В. Крысанов, опираясь на опыт региональной конституционной юстиции в Федеративной Республики Германии и немецких доктринальных подходов относительно организационной самостоятельности земель, включающей право создавать собственную систему органов государственной власти, сохранить и обеспечить существование региональной конституционной юстиции в России и без упоминания в Конституции Российской Федерации, однако законодатель поспешил скомкать и декларативно выполнить положения конституционный реформы [Кожевников, Крысанов, 2021]. Представляется, вопросы осуществления регионального конституционного нормоконтроля, несмотря на упразднение конституционных (уставных) судов, все еще актуальны, о чем свидетельствует практика создания конституционных (уставных) советов при региональных парламентах [Кряжков, 2021; Князев, 2022]. К вопросу воссоздания конституционной юстиции в регионах возможно в будущем будет необходимо вернуться при условии разработки единой концепции с учетом прошлого опыта России и иностранных федеративных государств, в которых имеются подобные суды. Более всего представляют интерес изменения, произошедшие в ходе конституционной реформы, которые скорректировали формально-юридическое наполнение института конституционного судебного нормоконтроля.

В целях развития последующего конституционного судебного нормоконтроля законодателем была произведена корректировка ряда положений, ранее закрепленных в ст. 125 Конституции Российской Федерации. Так, например, конституционная нормконтрольная ситуация по ч. 2 ст. 125 получила уточнение в части перечня субъектов, имеющих право подавать соответствующий запрос об инициировании проверки на

[1] Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 января 1997 г. № 1 ст. 1.

предмет конституционности указанных в данной части нормативных правовых актов. Собственно сам перечень остался неизменным, он, как и ранее, является закрытым, новых субъектов законодатель не добавил, лишь заменил членов Совета Федерации на сенаторов Российской Федерации в соответствии с изменениями наименований парламентариев верхней палаты. В п. «а» ч. 2 и ч. 4 перечень объектов получил уточнение. В п. «а» ч. 2 ранее упоминались лишь федеральные законы, а в ч. 4 – законы. С учетом того, что по действующей редакции ч. 4 и п. «а» ч. 2 объекты проверки взаимоувязаны, указывается, что проверка по жалобам на нарушение прав граждан и запросам судов осуществляется в отношении законов и иных нормативных актов, указанных в п.п. а), б) ч. 2 ст. 125, а законы в ч. 4 ранее упоминались в значении обеих форм законов, и федеральных и федеральных конституционных, но текстуально это было неочевидно, и на практике такие жалобы рассматривались[1]. В настоящее время данные особенности четко формально-юридически определены: к объектам проверки в части законов отнесены и федеральные законы, и федеральные конституционные законы по 2 и 4 частям статьи 125 Конституции Российской Федерации.

Конституционная нормоконтрольная ситуация по ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации изменилась более существенно. Согласно содержанию предыдущей редакции данной части, последующий нормоконтроль осуществлялся, как по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод, так и по запросам судов в отношении только такой разновидности правовых актов, как законы, с обязательным условием, что они либо применены, либо подлежат применению в конкретном деле. В обновленной части в настоящее время заявители (граждане, суды), формы их обращений (жалобы на нарушение конституционных прав и свобод, судебный запрос) остались прежними; изменился не только объект нормоконтроля, а также обстоятельства нормоконтрольной ситуации, при которых осуществляется нормоконтроль по жалобам и запросам, – оспариваемый акт должен быть исключительно применен в конкретном деле – то есть превентивный абстрактный последующий контроль (как ранее было закреплено: «…примененного или подлежащего применению в конкретном деле…») данной редакцией исключен. Также необходимо отметить, что произошло техническое текстуальное разделение этих двух нормоконтрольных ситуаций в четвертой части на пункты а) и б). Также в пункте а) теперь конституционно закреплено, что в отношении жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверка законов и иных правовых актов на конституционность осуществляется в случае исчерпания всех иных средств российской национальной судебной защиты. Ранее подобная формулировка была закреплена лишь в статье, посвященной международной судебной защите (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации), и означает, что нельзя напрямую обратиться в Конституционный Суд, минуя иные судебные инстанции, в том числе Верховный Суд. Практика применения последовательного порядка обжалования судебных актов с формулировкой «исчерпание всех средств судебной защиты» применяется во многих странах, в деятельности Европейского Суда по правам человека. Данное законодательное решение выступает оптимальным в том смысле, что позволяет гражданину, прежде всего, добиться решения по фактическим обстоятельствам своего дела, тем самым восстановив свои нарушенные права, а затем, в случае неудовлетворения результатом, при

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 2020 г. № 30-П по делу о проверке конституционности частей третьей и пятой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», части первой статьи 439 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 4 части статьи 43 Федерального закона «Об исполнительном производстве», в связи с жалобой граждан В.В. Однодворцева, Е.В. Однодворцева, М.Е. Однодворцева, Н.В. Однодворцевой и Т.П. Однодворцевой // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 июля 2020 г. № 27. ст. 4288.

обнаружившейся в ходе рассмотрения его дела дефектности законодательства, в том числе неопределенности, противоречивости, обратиться в Конституционный Суд как в последнюю, на сегодняшний день, судебную инстанцию. Данный порядок, по справедливому замечанию В.Д. Зорькина, никоим образом не ущемляет права на защиту, поскольку суд, рассматривающий дело по существу, на любой стадии производства может обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности правового акта. Формулировка «исчерпание всех средств судебной защиты» внесла ясность, окончательно оформила модель взаимодействия Конституционного Суда с иными судами, и подчеркнула его субсидиарность [1].

Таким образом, формально-юридически получило уточнение содержание вопросов последующего нормоконтроля – перечень подлежащих проверке правовых актов расширился, и одновременно нормоконтроль сужен по времени и характеру проверки; вариант запуска нормоконтроля до наступления факта нарушения каких-либо правоотношений, прав и свобод личности, так сказать в целях профилактики, не предусмотрен, равно как и обращение напрямую в Конституционный Суд Российской Федерации, минуя иные судебные инстанции российской судебной системы.

В рамках закрепления института предварительного конституционного судебного нормоконтроля произошло обновление вектора нормоконтроля. Необходимо отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации до конституционной реформы 2020 года занимал позицию отказа от предварительной оценки конституционности конкретных положений законопроектов, находящихся на рассмотрении в парламенте, которая подразумевалась в запросе о толковании положений Конституции Российской Федерации. Подобные случаи Конституционный Суд Российской Федерации принципиально негативно оценивал как недопустимую попытку вмешательства в законодательный процесс; в своих определениях исходил из того, что недопустимо посредством толкования Конституции оценивать конституционность законопроектов [2]. При этом в практике иностранных государств такое право органы, осуществляющие судебный конституционный нормоконтроль, в отношении отдельных объектов проверки на соответствие конституции в подходящих обстоятельствах успешно самопровозглашали (США, Чехия [Шустров, 2024а, с. 212], Индия [Шустров, 2024в, с. 106, 223]).

Обращаясь к широкой аудитории в рамках празднования 30-летия Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал в этой связи, что толкование не может подменять собой нормоконтроль, это различные виды конституционного судопроизводства [3]. Однако фактически в 2015 году рассмотрел

[1] Зорькин В.Д. Конституционно-судебная защита прав в Российской Федерации: основные свойства. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации 24.06.2024 [Электронный ресурс] // Конституционный Суд Российской Федерации: сайт. URL: https://ksrf.ru/information/speech/14921/ (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07 декабря 1995 г. № 80-О «О прекращении производства по делу о толковании положений статьи 95, части 2 статьи 96, пунктов 7 и 8 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 февраля 1997 г. № 14-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Владимирской области о толковании пункта н части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Тверской области о толковании положений статьи 12 Конституции Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2003 г. № 430-О; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.2004 № 395-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: htpps://consultant.ru. (дата обращения: 10.09.2025).

[3] Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2021) [Электронный ресурс] // Конституционный Суд Российской

подобный запрос в рамках процедуры толкования [1]. При этом аргументировал, что многолетнюю практику по отказу подменять одни формы конституционного контроля другими считает единственно верной.

До 2020 года предварительный нормоконтроль мог быть осуществлен исключительно в отношении не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации. Практика реализации данного вида нормоконтроля сложилась двумя способами. По п. г) ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации предварительный нормоконтроль осуществлялся факультативно по запросу тех же субъектов, которыми мог быть инициирован последующий нормоконтроль по данной части статьи, в отношении не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации любой тематики. В отношении не вступивших в силу международных договоров по вопросу принятия в состав Российской Федерации нового субъекта федерации предварительный нормоконтроль осуществлялся в обязательном порядке по запросу главы государства в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [2].

Согласно поправкам, внесенным в Конституцию Российской Федерации в 2020 году к правовым актам, подлежащим проверке на конституционность до их вступления в силу по установленным в законодательстве параметрам, относятся не только международные договоры, но и законопроекты, законы. В рамках обновленной модели предварительного конституционного нормоконтроля, исходя из положений Основного закона, к объектам проверки следует относить: не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации (п. г) ч. 2 ст. 125), проект федерального конституционного закона, проект федерального закона, проект закона о поправке к конституции, принятые, но не подписанные главой государства федеральные конституционные законы, федеральные законы, необнародованные законы субъекта Российской Федерации (п. а), в) ч. 5 [1] ст. 125). Этот перечень дополняется положениями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» – международные договоры, не вступившие в силу, подлежащие в обязательном порядке ратификации по вопросам принятия в Российскую Федерацию нового субъекта по запросу Президента Российской Федерации (ч. 2 ст. 88), поправки к законопроекту о поправке к Конституции Российской Федерации, изменяющие положения Конституции Российской Федерации или определяющие порядок вступления в силу такой поправки (ч. 2 ст. 110.6); закон о поправке к Конституции Российской Федерации, принятый в порядке, предусмотренном ст. 136 Конституции Российской Федерации, до его подписания Президентом Российской Федерации (ч. 4 ст. 110.6).

В настоящее время оптимизация законодательства в части предварительного конституционного судебного нормоконтроля позволяет отметить следующие особенности:

– расширение возможностей его применения в отношении актов парламентов (законопроектов, законов до их вступления в силу);

– его применение в отношении актов, издаваемых федеральным парламентом и региональными парламентами;

– факультативное применение в отношении большей части объектов предварительного конституционного судебного нормоконтроля, за исключением

Федерации: сайт. URL: https://ksrf.ru/Info/Anniversary/Documents/Aspects2021.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 28 ст. 4335.

[2] Федеральный конституционный закон от 17 декабря 12.2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4916.

обязательного нормоконтроля в части не вступивших в силу международных договоров о присоединении новых субъектов Российской Федерации по запросу Президента Российской Федерации;

– его осуществление на различных стадиях законодательного процесса (как на входе в парламент, так и на выходе из него);

– разнообразие алгоритмов нормоконтрольных процедур по предварительной проверке различных групп объектов по данному виду нормоконтроля, различающихся по субъектам инициирования, основаниям проведения (в связи с наличием правового спора, либо на основе установленного полномочия Конституционного Суда Российской Федерации), срокам осуществления, результатам проверки, возможности преодоления последствия признания факта неконституционности, прохождения полного перечня стадий конституционного судопроизводства или пропуска отдельных, участия в них тех или иных субъектов;

– его реализации не только в соответствии с принципами демократизма, законности, гуманизма, разделения властей, независимости судей и ряда других как общеправовых, так и конституционных, но и принципов нормоконтроля: правовой определенности, сдержанности, соразмерности, конституционной идентичности, а так же субсидиарности.

Перспективы применения предварительного конституционного судебного нормоконтроля

Изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, закрепили возможности применения предварительного конституционного судебного нормоконтроля в отношении законопроектов, не вступивших в силу законов, однако на практике данный вид нормоконтроля ни разу не был применен. Причины здесь кроются как в негативном отношении к данному нововведению, так и в имеющихся пробелах законодательства в процедурной части его регулирования.

В научной литературе [Брежнев, 2020, с. 38] высказывались критические замечания по вопросам реализации предварительного конституционного судебного нормоконтроля в связи с небольшими сроками его проведения, возможностями выхолащивания сути предварительного нормоконтроля в случае последующего проведения по одному и тому же объекту нормоконтроля и др. Однако самую негативную коннотацию несут замечания, связанные с термином «вмешательство», которые могут быть рассмотрены по нескольким направлениям: во взаимосвязи и в соотношении деятельности по осуществлению предварительного конституционного судебного нормоконтроля с принципом разделения властей, определениями нормоконтроля как дополнительной стадии законодательного процесса, наделением Конституционного Суда Российской Федерации статусом негативного законодателя.

Если подходить к возможности осуществления предварительного конституционного судебного нормоконтроля в преломлении принципа разделения властей, то следует отметить, что законодательный процесс осуществляется исключительно от имени народа как единственного источника государственной власти и суверенитета. В ходе законодательного процесса имеются широкие возможности обсуждения, заслушивания экспертных оценок и общественного мнения, достаточно времени, чтобы встретиться с избирателями, учесть их запросы, неспешно выбрать оптимальный вариант законодательной регламентации какого-нибудь законодательного пробела. Наделение суда возможностями контролировать парламент, исходя из того, что суд назначается, народ прямо не участвует в его формировании, указывает на снижение легитимности деятельности парламентариев. Взаимодействие суда с парламентом в точке осуществления предварительного нормоконтроля в отношении законопроектов в целом создает препятствия для последнего к осуществлению законотворчества, приостанавливает соответствующий процесс, обязывает выполнить последствия признания

решений о неконституционности актов, и может восприниматься как вмешательство в законодательную деятельность, как признак нарушения принципа разделения властей. Тем более что суд ограничен во времени при вынесении решения о конституционности или неконституционности того или иного законопроекта, что, как уже отмечалось, не может благоприятно сказаться на качестве нормоконтроля. Здесь представляется, следует исходить из понимания, что власть едина, а разделение властей абстрактно и условно, на что в свое время указывал Г. Кельзен [Антонов, 2013, с. 9], разъясняя, что разделение компетенции между законодателями и судьями есть не разделение функций, а лишь разделение труда в одном и том же процессе. Подобной точки зрения придерживаются и другие авторы, которые указывают, что государственная власть едина, но ее функции осуществляются различными органами [Эбзеев, 2017, с. 361]. Цель общая и у парламентариев, и у судебного органа конституционной юстиции – установление справедливого правового регулирования, отвечающего потребностям граждан в свободе и равенстве, соответствующего основным параметрам, заложенным в Конституции. Первоначально применяется нормоконтроль парламента, затем, вследствие не устраненных законодательных дефектов в его ходе или наличия непримиримых противоречий в ходе разработки законопроектов, нарушений при принятии законов, инициирующий нормоконтроль субъект может прибегнуть к нормоконтролю конституционного суда, который (имеющий опыт рассмотрения законодательных ошибок постфактум, накопивший богатейшую практику правовых позиций, содержащих способы разрешения конфликтов и противоречий путем оптимального нахождения (сочетания) баланса интересов посредством «взвешивания» ценностей применительно к различным аспектам правового регулирования) способен препятствовать дефектам и даже обогатить законотворческую деятельность. В данных правоотношениях Конституционный Суд Российской Федерации выступает в виде арбитра, который оценивает конституционность законотворческих инициатив с позиции их соответствия высшим конституционным принципа, нормам и ценностям, обеспечивая тем самым режим конституционной законности [Клишас, 2021, с. 16].

Регламентация участия Конституционного Суда Российской Федерации в нормоконтрольных процедурах, связанных с ратификацией не вступивших в силу международных договоров, осуществляемых в рамках законодательных процедур, также не дает оснований относить его к участникам законодательного процесса, не содержит признаков подмены законодателя. Хотя, предварительный конституционный судебный нормоконтроль в данном случае осуществляется перед процедурой ратификации, превращаясь, в «нулевое чтение» [Остапович, 2015 а, с. 25]. Однако, представляется, характер отношений, складывающихся по данному поводу между Конституционным Судом Российской Федерации и федеральным парламентом, взаимосвязь нормоконтрольной процедуры с процедурой ратификации, которая осуществляется в рамках по принятию федерального закона, равно как и вовлечение Суда в нормо-контрольные процедуры по законопроектам, не могут свидетельствовать о сути такой связи, как участие Конституционного Суда Российской Федерации в законотворчестве. Он посредством предписанных ему полномочий не участвует, а содействует деятельности парламента, и поэтому его деятельность не может быть классифицирована как нормотворчество, «чтение», в чистом виде.

Как отмечалось, роль негативного законодателя, которая выражается в возможности исключать нормы из законодательства, в том числе связана с толкованием и интерпретацией правовых норм, хоть и с определенными особенностями, выполняют органы конституционного контроля, суды во многих странах [Остапович, 2015 б, с. 569]. В этом смысле в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации по последующему нормоконтролю действительно имеются признаки выполнения им роли «негативного» законодателя, тем более, как отмечалось, нормативный характер его

деятельности приближает его к нормотворчеству [Молотов, 2003, с. 25-26]. Однако оно носит лишь временный характер в той части, когда указывает на правило, до внесения соответствующих изменений в закон, его конструирование и дальнейшее применение в том смысле, как было дано в истолковании, не может считаться правотворчеством. В рамках предварительного конституционного судебного нормоконтроля Конституционный Суд не может быть негативным законодателем исходя из специфики осуществления нормоконтроля до вступления правового акта в силу. Возможность в ходе осуществления предварительного конституционного судебного нормоконтроля Конституционного Суда Российской Федерации влиять на законодательный процесс ограничена законодателем четко закрепленными рамками нормоконтрольных ситуаций, пределами допустимости соответствующих обращений – должен быть конституционыйнй спор, либо установленное правомочие Конституционного Суда Российской Федерации – временем осуществления (он осуществляется в момент приостановления законодательной процедуры в отношении того или иного объекта нормоконтрольной проверки). Нормоконтроль Конституционного Суда Российской Федерации не подменяет парламентский, осуществляется после и вне парламентских процедур, на иных началах. Также недопустимость вмешательства обуславливается характером принимаемых решений, установлением лишь факта соответствия либо несоответствия проверяемого акта конституции, четко закрепленными последствиями принятия того или иного решения и возможностью в большинстве случаев преодолеть факт признания акта неконституционным, за некоторыми исключениями (признанные неконституционными законопроекты федеральных конституционных и федеральных законов, поправки к законопроекту о поправках к конституции). Нельзя также назвать вмешательством предоставленную Конституционному Суду возможность давать экспертно-консультативные рекомендации по устранению выявленных нарушений, наоборот, данные положения подчеркивают, что нарушения могут и должны быть оперативно устранены парламентариями в рамках соответствующих законодательных процедур после их возобновления в целях придания законопроекту, закону последующего движения по стадиям законодательного процесса.

Другой причиной неприменения предварительного судебного конституционного контроля видится непроработанность некоторых процедур в части взаимодействия публичных органов власти по отдельным аспектам его осуществления. Так, специфика применения предварительного конституционного судебного нормоконтроля связана с приостановлением законодательного процесса и началом процесса в рамках конституционного судопроизводства. В этой связи большое значение имеют сроки обоих процессов, четко закрепленные формально-юридические условия их приостановления, возобновления и связанные с ними правила их исчисления и иные аспекты, на основе которых строится деятельность участвующих во взаимодействии публичных органов. Однако до сих пор в Регламент Государственной Думы Российской Федерации не внесены положения о срочности, приоритетности рассмотрения законопроектов о поправках в Конституции Российской Федерации и поправок к таким законам, что имеет существенное значение для обеспечения эффективного взаимодействия Президента Российской Федерации, инициирующего такой нормоконтроль, с парламентариями, а также косвенно для соблюдения сроков осуществления нормоконтроля. Не отражены в законодательстве отдельные аспекты, касающиеся прерывания движения актов по его стадиям в связи с принятием к рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации соответствующего запроса. Последствия внесения запроса в виде запрета движения по стадиям, сроки проведения нормоконтроля установлены, однако субъект и способ приостановки законодательного процесса четко не определен. Представляется, данную проблему необходимо разрешить в полном соответствии с принципом разделения властей, отнеся соответствующие полномочия к ведению парламентариев, дополнив

положения законодательства по вопросам приостановления либо прекращения принятия промежуточных или итоговых вопросов в ходе законодательного процесса в связи с принятым к рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации запросом. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в положения Регламента Государственной Думы Российской Федерации, Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». С учетом того, что нормоконтрольной проверке могут быть подвергнуты законопроекты в различных чтениях, необходимо вопросы приостановления законодательного процесса, а также варианты преодоления признания актов неконституционными, отразить в статьях 118, 121, 122, 123, 125 Регламента Государственной Думы Российской Федерации, дополнив их соответствующими положениями. Статью 13 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» также необходимо дополнить положениями, связанными с вопросами приостановления подписания и обнародования закона субъекта Российской Федерации в случае обращения с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке его конституционности и возобновления сроков подписания и обнародования закона субъекта Российской Федерации в случае его признания Конституционным Судом Российской Федерации конституционным.

Кроме того, в целях эффективного применения предварительного конституционного судебного нормоконтроля в отношении регионального законодательства, представляется, правом инициировать проверку целесообразно наделить, помимо Президента Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, а также инициативную группу не менее 1/3 депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации, в связи с чем необходимо внести соответствующие изменения в законодательство.

Заключение

Институт конституционного судебного нормоконтроля вследствие конституционных поправок 2020 года и проводимой конституционной реформы существенно обновился. Нормоконтроль в деятельности отечественного специализированного судебного органа конституционного контроля расширился в части объектов предварительной нормоконтрольной проверки, его сфера применения распространилась на не вступившие в силу акты парламента, соответственно, появились новые алгоритмы его проведения. Запрос на применение конституционного предварительного нормоконтроля достаточно высок, современные реалии обуславливают необходимость существенного обновления законодательства.

Посредством реализации предварительного конституционного нормоконтроля Конституционный Суд Российской Федерации способен оказать существенную помощь законодателю, в случае имеющихся правовых лакун, противоречий в формируемом законодательном материале, еще до начала реализации правовой нормы, разрешить конфликт конституционных ценностей, выявить и нейтрализовать неконституционные модели правового регулирования. В целях его превращения в реально действующий инструмент охраны Конституции Российской Федерации от неконституционных изменений, защиты законодательства от вступления в силу законов, принятых с нарушениями либо содержащих неконституционные положения, отдельные процедурные аспекты реализации предварительного конституционного судебного нормоконтроля требуется дополнительно урегулировать.

Список литературы

Антонов М.В. 2013. Ганс Кельзен (1881-1973): основные вехи интеллектуального пути// *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 1: 3–15.

Брежнев О.В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // *Актуальные проблемы российского права*, 10: 36-43. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.036-043.

Евлоев И.М. 2020. Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? *Актуальные проблемы российского права,* 10 (119), Т. 15: 141–150. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.141-150.

Клишас А.А. 2021. О роли Конституционного Суда России в контексте его новых полномочий по предварительному конституционному контролю. *Журнал конституционного правосудия*, 5: 10-22. DOI: 10.18572/2072-4144-2021-5-10-22.

Князев С.Д. 2022. Конституционный (уставны) контроль в субъектах Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра. *Журнал конституционного правосудия,* 2: 33–38. DOI: 10.18572/2072-4144-2022-2-33-38

Кожевников О.А., Крысанов А.В. 2021. Конституционная реформа в России и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации: упразднение без права на защиту. *Вестник Уральского юридического института МВД России,* 1: 92–97.

Колесников Д.А. 2019. Роль практики конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в защите и развитии социальных прав человека и гражданина. *Актуальные проблемы российского права*, 5: 60–68. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.060-068

Кряжков В.А. 2021. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он должен быть после упразднения конституционных (уставных) судов. *Государство и право,* 9: 65–74. DOI: 10.31857/S102694520016757-3

Молотов А.В. 2003. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Диссертация … кандидат юридических наук. Тюмень, 229 с.

Невинский В.В. 1999. Пределы абстрактного контроля конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации. *Российский юридический журнал*, 4: 5–11.

Остапович И.Ю. 2015. Судебный конституционный контроль и нормотворчество: проблемы соотношения. М., РИОР: ИНФРА–М, 230 с.

Остапович И.Ю. 2015. Судебные органы конституционного контроля как «негативный законодатель» в современной практике зарубежных стран. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения,* 4: 569–575. DOI: 10.12737/14265

Шустров Д.Г. 2024. Конституционный контроль за изменением конституции в зарубежных странах. Т. 1. М., Проспект, 271 с.

Шустров Д.Г. 2024. Конституционный контроль за изменением конституции в зарубежных странах. Т. 2. М., Проспект, 264 с.

Эбзеев Б.С. 2017. Введение в Конституцию России. М., Инфра–М, 558 с.

References

Antonov M.V. 2013. Gans Kel'zen (1881-1973): osnovnye vekhi intellektual'nogo puti [Hans Kelsen (1881-1973): the main milestones of the intellectual path] *Right. Journal of the Higher School of Economics*, 1:3-15. (in Russian).

Brezhnev O.V. Preliminary constitutional control and its implementation in Russia: problems of theory and practice// *Actual Problems of Russian Law*, 10:36-43. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.036-043.

Evloev I.M. 2020. Liquidation of the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation: legality or error? *Actual Problems of Russian Law*, 10 (119), vol. 15: 141-150. (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.141-150.

Klishas A.A. 2021. On the role of the Constitutional Court of Russia in the context of its new powers of preliminary constitutional control. *Journal of Constitutional Justice*, 5:10-22. (in Russian). DOI:10.18572/2072-4144-2021-5-10-22.

Knyazev S.D. 2022. Constitutional (statutory) control in the subjects of the Russian Federation: yesterday, today, tomorrow. *Journal of Constitutional Justice*, 2:33-38. (in Russian). DOI: 10.18572/2072-4144-2022-2-33-38

Kozhevnikov O.A., Krysanov A.V. 2021. Konstitutsionnaya reforma v Rossii i konstitutsionnye (ustavnye) sudy sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: uprazdnenie bez prava na zashchitu.

[Constitutional reform in Russia and the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation: abolition without the right to protection]. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1:92-97. (in Russian).

Kolesnikov D.A. 2019. The role of the practice of the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation in the protection and development of social human and civil rights. *Actual Problems of Russian Law*, 5:60-68. (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.060-068

Kryazhkov V.A. 2021. Constitutional control in the subjects of the Russian Federation: what it should be after the abolition of the constitutional (statutory) courts. *State and Law*, 9:65-74. (in Russian). DOI: 10.31857/S102694520016757-3

Molotov A.V. 2003. Abstraktnyi i konkretnyi sudebnyi konstitutsionnyi normokontrol' v deyatel'nosti Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Abstract and concrete judicial constitutional normocontrol in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Dis. ... cand. juridcal sciences. Tyumen. 229 p. (in Russian).

Nevinsky V.V. 1999. Predely abstraktnogo kontrolya konstitutsionnogo (ustavnogo) suda sub"ekta Rossiiskoi Federatsii [The limits of the abstract control of the constitutional (statutory) court of the subject of the Russian Federation]. *Russian Law Journal*, 4:5-11. (in Russian).

Ostapovich I.Y. 2015. Sudebnyi konstitutsionnyi kontrol' i normotvorchestvo: problemy sootnosheniya. [Judicial constitutional control and rulemaking: problems of correlation]. M., RIOR: INFRA–M, 230 p. (in Russian).

Ostapovich I.Y. 2015. Judicial bodies of constitutional control as a "negative legislator" in modern practice of foreign countries. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 4:569-575. (in Russian). DOI: 10.12737/14265

Shustrov D.G. 2024. Konstitutsionnyi kontrol' za izmeneniem konstitutsii v zarubezhnykh stranakh. [Constitutional control over constitutional amendments in foreign countries], Vol. 1. M., Prospekt, 271 p. (in Russian).

Shustrov D.G. 2024. Konstitutsionnyi kontrol' za izmeneniem konstitutsii v zarubezhnykh stranakh. [Constitutional control over constitutional amendments in foreign countries]. Vol. 2. M., Prospekt, 264 p. (in Russian).

Ebzeev B.S. 2017. Vvedenie v Konstitutsiyu Rossii. [Introduction to the Constitution of Russia]. M., Infra-M, 558 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.06.2025
Поступила после рецензирования 10.10.2025
Принята к публикации 12.12.2025

Received June 17, 2025
Revised October 10, 2025
Accepted December 12, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандохов Вадим Хасанбиевич, преподаватель-ассистент кафедры конституционного и муниципального права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim Kh. Kandokhov, Teaching Assistant of the Department of Constitutional and Municipal Law, Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation.

УДК 342.7
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-845-857
EDN LZTHZX

Воспитание как элемент публично-правового обязательства в России

Нифанов А.Н., Билык К.В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
nifanov@bsuedu.ru, 1890686@bsuedu.ru

Аннотация. Статус образования в Российской Федерации конституционно закреплен как общественно значимое благо, воспитание признано неотъемлемой частью образовательного процесса. При этом существует противоречие между гражданско-правовой формой договора об образовании и его фактически публично-правовым содержанием. В связи с этим авторами поставлена цель представить научное обоснование необходимости трансформации договора об образовании в публично-правовую форму, унифицированную на федеральном уровне, с учетом интегративного единства обучения и воспитания, а также преодоления диссонанса между используемой в законодательстве категорией «образовательная услуга» и реальной природой образовательного процесса. В работе показано, что современная правовая регламентация образовательных отношений сохраняет противоречивый характер, проявляющийся в формальном использовании гражданско-правовых конструкций (в частности, договора оказания услуг) применительно к публично-правовым по своей сути отношениям. Обоснована авторская концепция публично-правового договора (соглашения) об образовании, обязательного для заключения вне зависимости от формы и способа финансирования, с четким включением воспитательной составляющей в предмет договора. Предложено нормативное закрепление такой формы в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» как инструмента обеспечения принципов равенства, правовой определенности и эффективного общественного контроля в сфере образования.

Ключевые слова: договор, образовательные отношения, образование, воспитание, государственный образовательный стандарт, услуга

Для цитирования: Нифанов А.Н., Билык К.В. 2025. Воспитание как элемент публично-правового обязательства в России. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 845–857. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-845-857 EDN: LZTHZX

Upbringing as an Element of Public Law Obligations in Russia

Alexey N. Nifanov, Kirill V. Bilyk
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
nifanov@bsuedu.ru, 1890686@bsuedu.ru

Abstract. The status of education in the Russian Federation is constitutionally fixed as a socially significant benefit, with upbringing recognized as an integral part of the educational process. At the same time, there is a contradiction between the civil law form of an education agreement and its actual public law content. In this regard, the authors set out to provide a scientific justification for the need to transform the education agreement into a public legal form, unified at the federal level, taking into account the integrative unity of education and upbringing, as well as overcoming the dissonance between the category

© Нифанов А.Н., Билык К.В., 2025

of “educational service” used in legislation and the real nature of the educational process. The paper shows that the modern legal regulation of educational relations retains a contradictory character, which is manifested in the formal use of civil law structures (in particular, service contracts) in respect to public law relations. The authors’ concept of a public law agreement on education is substantiated, which is mandatory for signing regardless of the form and method of financing, with a clear inclusion of the educational component into the subject of the agreement. The authors propose a normative consolidation of this form in the Federal Law “On Education in the Russian Federation” as a tool to ensure the principles of equality, legal certainty, and effective public control in the field of education.

Keywords: contract, educational relations, education, upbringing, state educational standard, service

For citation: Nifanov A.N., Bilyk K.V. 2025. Upbringing as an Element of Public Law Obligations in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 845–857 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-845-857 EDN: LZTHZX

Введение

Воспитание в современном обществе и государстве суть разноаспектная категория и многоэтапный непрерывный процесс, в совокупности форм проявления претендующий на признание его институциональной (социально-правовой) природы, конституционно опосредованной и обусловленной включенностью воспитательной составляющей в широкий спектр общественных отношений как связующего социального элемента, в ряд комплексных правовых институтов – как содержательного аспекта правовых норм. Комплексный характер и конкретно юридическое значение воспитания как института явственно прослеживается в нормативных правовых [1] и доктринальных источниках

Однако на практике наблюдается отсутствие системности в правовой регламентации и организационно-правовом обеспечении воспитательного процесса. Это подтверждается в частности, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, отмечающего фрагментарность регулирования в данной сфере [2]. Как следствие, не достигаются стратегические цели, закрепленные в том числе в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3].

Видится логичным актуализировать элементы государственной унификации и стандартизации правового регулирования образовательных отношений на локальном уровне, причем в наиболее индивидуализированном его сегменте – между участниками конкретных образовательных отношений (образовательная организация, обучающийся, его родитель или законный представитель). И именно в этом сегменте наибольшую значимость приобретает юридическое содержание отношений (права и обязанности сторон) в области воспитания. Апробированным и перспективным правовым инструментом, на наш взгляд, является договор об образовании.

[1] См.: О языках народов Российской Федерации : Закон от 25.10.1991 № 1807-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740; Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802; Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28.

[2] См.: По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : Постановление Конституционного Суда от 18.07.2013 № 19-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

[3] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

При этом следует уточнить, что задействование для решения указанной задачи локальных нормативных актов образовательных организаций – типовых и аутентичных – в сфере воспитания является нецелесообразным, поскольку, их регулятивный потенциал в целом вызывает сомнения ввиду нередкого дублирования в содержании положений законодательных и (или) подзаконных нормативных правовых актов либо, напротив, использования эксклюзивных подходов к содержательному наполнению, призванных отразить специфику конкретной образовательной организации. Соответственно, предлагаемое усиление государственного вмешательства именно на данном уровне либо окажется неэффективным, либо фактически заблокирует рациональные предложения и инициативы, апробацию аутентичных методик и подходов в сфере воспитания, что идет вразрез с конституционно опосредованными и законодательно гарантированными автономией образовательных организаций академическими правами и свободами основных участников образовательного процесса (ст. 43, 44 Конституции России, ст. 3, 47 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1]).

В доктринальном аспекте анализ современных научных трудов демонстрирует устойчивый интерес к проблемам воспитания [Сырых, 2010; Радаева, Агафонова, 2021; Федяева, 2021; Вилачева, 2024]. Однако воспитательная функция и соответствующее юридическое содержание (права и обязанности сторон в этой сфере) в контексте договорных обязательств остаются без детального научного осмысления, поскольку ученые рассматривают договор об образовании, как правило, применительно к оказанию платных услуг или обеспечению академических прав [Климкин, 2014; Калина, Сощенко, 2016; Руденко, 2022]. Таким образом, в конституционно-правовой науке существует пробел, связанный с отсутствием комплексного анализа договора об образовании как инструмента правовой конкретизации воспитательной составляющей.

Учитывая изложенное, основой настоящего исследования выступает анализ юридической проблематики договора об образовании. В фокусе внимания находится интерпретация его целевой направленности, предмета и содержания, а также идентификация правовой природы в условиях общегосударственного значения сферы образования, где обучение и воспитание представляют собой неразрывную связь.

Целью исследования является определение правовой природы договора об образовании в Российской Федерации и выработка на его основе предложений по закреплению в содержании договора взаимных прав и обязанностей сторон в сфере воспитания.

Логика исследования выстроена следующим образом: на основе формально-юридического и сравнительно-правового методов осуществлен анализ норм конституционного, гражданского и образовательного права, регулирующих договорные отношения в сфере образования. Далее, с применением методов правового моделирования и интерпретации, исследовано содержание типовых договоров об образовании на предмет отражения в них воспитательного компонента.

Публично-правовая составляющая в образовательных отношениях

В настоящее время сохраняет актуальность дискуссия о платных образовательных услугах в сфере образования (преимущественно высшего), их договорной формализации и юридической интерпретации. Нами в данной связи поддерживается «критический взгляд на сложившуюся правовую модель восприятия такого института, как платное образование <…> через призму договора возмездного оказания услуг. Эта модель непосредственно влияет на правоприменение, в том числе через разрешение споров судами общей

[1] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.08.2025); Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

юрисдикции. Анализ отличий образовательной деятельности от возмездного оказания услуг, роль, которую образование несет для всего общества и государства, обусловливают не только необходимость регулятивного воздействия, но и особенности регламентации правоотношений между студентом и образовательной организацией. <…> Сохранение различий в юридическом опосредовании платного и "бесплатного" образования приводит также к неравенству субъектов образовательного процесса, искаженному восприятию задач и целей образовательной деятельности при универсальности федеральных государственных образовательных стандартов. Тем самым исследуемая проблема приобретает и конституционно-правовое значение» [Тай, Смола, 2024]. Также следует согласиться с утверждением, что «истинная правовая природа отношений студента и вуза свидетельствует о неприменимости к ним напрямую правовой модели договора оказания услуг. В правоприменительной практике эта модель оказалась воспринята в силу нематериального характера предмета договора и его экономического смысла ("полезный эффект"), однако в юридическом плане считать образование услугой – упрощение, которое приводит к негативным последствиям. <…> Уже на уровне нормативных определений образования и услуг в законодательстве РФ видно, что есть принципиальное отличие: оказание услуг исполнителем производится по заданию заказчика. Получение образования, напротив, никакого задания заказчика (т. е. студента), помимо выбора направления в целом, не предполагает и выдаваться студентом преподавателю не может. <…> Иначе говоря, в отличие от типичной сервильной деятельности при оказании услуг образование предполагает другой модус взаимодействия между студентом и вузом (преподавателем): ведущий и ведомый, обучающий и обучаемый, со значительной, а может даже и превалирующей публично-правовой составляющей» [Тай, Смола, 2024]. Примечательно, что изложенная позиция поддерживается далеко не всеми исследователями. Отдельные представители юридической науки продолжают настаивать на гражданско-правовой природе «договора об оказании платных образовательных услуг» [Ивашина, Руденко, 2023], причем в подтверждение своего мнения приводят, к примеру, такой аргумент: «…поскольку образовательные услуги могут оказываться частными образовательными организациями» [Ивашина, Руденко, 2023]. Представляется, именно такая сегрегация образовательных организаций не выдерживает критики, поскольку нормы законодательства об образовании предполагают выполнение этими организациями ряда установленных государством требований для осуществления образовательной деятельности, включая прохождение таких административных процедур, как лицензирование и аккредитация (например, ст. 2, 6–8 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1]), в том числе вне зависимости от организационно-правовой формы и статуса учредителя.

В контексте изложенной позиции предметный исследовательский интерес представляет выделение и обоснование превалирования именно публично-правовой составляющей в образовательных отношениях. И, как видится, неразрывность обучения и воспитания играет в таком обосновании не последнюю роль: сложно вычленить в практически постоянном процессе воспитания некий частный интерес и тем более произвести его юридическое опосредование. Фактически невозможно юридически обособить возмездное обучение в едином образовательном процессе, если только речь не идет о четко выраженных дополнительных услугах по обучению тому или иному предмету, передаче конкретного объема знаний (информации) и (или) формированию отдельно взятого умения. При этом следует согласиться, что к категории последних можно относить те услуги, «которые предоставляет вуз и которые содержательно находятся за рамками образовательных стандартов (к примеру, дополнительное обучение иностранным языкам или вождению автомобиля)» [Тай, Смола, 2024]. В свою очередь,

[1] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

весьма спорной выглядит и возможность оценки качества результата такого обучения как образовательной услуги (в сравнении, к примеру, с бытовыми услугами) – реально (юридически, методически и пр.) можно обеспечить только качество его нормативных и организационно-плановых основ, условий, процесса реализации. Оценка результативности же во многом будет носить субъективный характер. Представляется, соотносимые требования к качеству могут быть адресованы и процессу воспитания. Следовательно, вопросы воспитания в юридическом формате также могут быть сформулированы как обязательный и взаимосвязанный предмет договора об образовании. На это указывают и, к примеру, уже формализованные в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» воспитательные элементы образовательной программы, и структурные элементы системы воспитания.

Завершая этап рассуждений относительно недопустимости ассоциирования договора об образовании с гражданско-правовым договором (оказания услуг) на уровне высшего образования, можно дополнительно выделить следующие отличительные черты первого как договора с превалирующей публично-правовой составляющей [Тай, Смола, 2024], предлагаемые в научной литературе:

– осуществляется не по «заданию конкретного заказчика», напротив, в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» на заказчика (в лице обучающегося) возложен целый ряд обязанностей (ч. 1 ст. 43). Фактически заказчиком здесь выступает общество и государство в единстве ценностных и целевых установок [например, Кирилловых, 2013];

– содержание договора регулирует образовательный процесс на основе федерального государственного образовательного стандарта по соответствующему направлению подготовки или специальности, включая все обеспечивающие данный процесс условия (сюда закономерно могут быть отнесены условия и общий порядок воспитательной работы с обучающимся);

– основанием возникновения образовательных отношений является распорядительный акт образовательной организации о приеме лица на обучение в эту организацию или для прохождения промежуточной аттестации и (или) государственной итоговой аттестации (ч. 1 ст. 53 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»), а не заключение договора с этой организацией;

– ввиду протяженности процесса получения высшего образования во времени, вне зависимости от уровня и формы обучения (как правило, более одного года) договор об образовании не предполагает ежегодного перезаключения, а образовательный процесс в целом выстраивается поэтапно и основывается на ранее полученных знаниях, навыках, компетенциях. Причем освоение следующей стадии образовательного процесса возможно, как правило, при условии успешного прохождения аттестации на предыдущей стадии [Сырых, 2010];

– порождаемые таким договором правоотношения между образовательным учреждением и обучающимся строятся на властных полномочиях, реализуемых первым от имени государства, закрепленных принципами и нормами законодательства об образовании. Причем такие полномочия должны применяться только как средство обеспечения правопорядка в образовательном процессе и надлежащего качества образования, получаемого обучающимся, в юридически допустимых форматах. «Поскольку образовательное отношение возникает и развивается на основе властных полномочий, присущих аккредитованным образовательным учреждениям, а образовательный договор не способен изменить образовательный процесс и содержание образования, закрепленное государственным образовательным стандартом, постольку нет никаких оснований рассматривать это отношение в качестве гражданско-правового. В нем отсутствуют основополагающие черты гражданского правоотношения – свобода воли и равенство сторон» [Сырых, 2010];

– на основании такого договора, даже при условии полной оплаты стоимости обучения, обучающийся не вправе требовать от образовательной организации выдачи документа об образовании, пока не будет выполнен учебный план и успешно пройдена аттестация (что в принципе недопустимо в рамках исключительно гражданско-правовых отношений, в частности, в силу главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]).

Договорная формализация неразрывности обучения и воспитания

Не утратила своей актуальности и точка зрения, согласно которой «объектом образовательных отношений выступают такие духовные блага, как знания, умения, навыки, гражданственность, интеллигентность. Вопрос о содержании образования и его результатах носит исторически изменчивый характер, определяется экономическими, культурными, политическими и иными условиями общества, но при любом подходе к проблемам содержания образования объект образовательных отношений не выходит за пределы духовных благ» [Сырых, 2010]. Учитывая современные (актуализированные) конституционные установки, к категории таких благ следует отнести и воспитание личности в соответствии с «духом и буквой» действующей российской Конституции [Радаева, Агафонова, 2021].

В данной связи однозначно следует поддержать позицию, согласно которой «регулятивное воздействие государства в области образования – комплексное, достаточно объемное и детализированное, что обусловлено значением образовательной деятельности для государства, признанием его важности. Это воздействие простирается гораздо дальше формулирования базовых правил в Федеральном законе "Об образовании в Российской Федерации". На образовательных учреждениях лежит обязанность вести обучение и воспитание в соответствии с государственным образовательным стандартом как нормативным правовым актом, характеризующим содержание образования (определенного уровня), отражающим социальный заказ и учитывающим возможности личности и системы образования. Эта обязанность придает публичный характер образовательным отношениям» [Тай, Смола, 2024].

В свою очередь безусловное осуществление воспитания в сфере образования, как представляется, образует неисключаемую основу, которая априори придает публично-правовой характер образовательным отношениям, реализуемым на соответствующем уровне (речь идет преимущественно о взаимосвязанном и последовательно реализуемом образовательном процессе). В частности, ратуя за придание отношениям в сфере образования публично-правового характера, исследователи нередко акцентируют внимание именно на единстве процесса обучения и воспитания [Суханов, 2003; Сырых, 2010 Кирилловых, 2013; Федяева, 2021; Вилачева, 2024], причем – вполне обоснованно – в рамках соответствующего образовательного стандарта. Контекстно подтверждает данный тезис и следующая позиция: «Принципиально важным для категории "образование" является… определение его в качестве общественно значимого блага. …Государство и общество заинтересованы в обеспечении права каждого на образование, а самое главное, образование пока еще находится в сфере публичных, т. е. государственных интересов. Таким образом, вся правовая материя современного образовательного права должна основываться на разумном сочетании частноправовых и публично-правовых инструментов регулирования с преобладанием последних» [Кирилловых, 2013]. Представляется, безусловное признание социальной (и, соответственно, общегосударственной) значимости института воспитания вполне коррелирует с вышеприведенной точкой зрения и в силу своей природы во многом обеспечивает публично-правовой характер образовательного процесса в целом.

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2025. № 26 (часть I). Ст. 3508.

Примечательно, что еще в 2021 году в поручении Президента России, адресованном Правительству и профильной комиссии Государственного Совета России[1], была поставлена задача рассмотреть вопрос об исключении понятия «образовательная услуга» из законодательства об образовании, однако, как отмечается в научной литературе, соответствующие мероприятия так и не были реализованы [Тай, Смола, 2024]. Данный факт также находит подтверждение в предметных нормативных правовых актах в актуальной редакции. Так, активно оперирует категориями «образовательная услуга» и «платная образовательная услуга», Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 29, 32, 35, 47, 48, 50, 54 и др.). Порядок реализации таких услуг обеспечивает Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» [2]. В свою очередь утвержденные профильным федеральным министерством формы типовых договоров об образовании [3] в своем содержании до сих пор используют указанные спорные категории. При этом наименования таких договоров не содержат спорных категорий, хотя формулировка наименования в первой из утвержденных форм вызывает еще больше вопросов с точки зрения юридической техники, как минимум в части формально-логической согласованности предметной составляющей – «Об утверждении примерной формы договора об образовании на обучение по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» [4]. В приведенном примере уже на уровне наименования договора четко выделена только одна составляющая предмета регулирования в сфере образования – обучение. Для уровня школьного образования такой оговорки в наименовании договора не предусмотрено, но в почти аналогичном предыдущему содержании предметный акцент именно на обучении также просматривается. То есть в приведенных типовых договорах для данных уровней образования даже нормативно взаимосвязанное с обучением воспитание фактически игнорируется. Представляется, в таких результатах подзаконного нормотворчества можно усмотреть противоречие Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», в нормах которого прямо закрепляется единство и неразрывность процесса обучения и воспитания (ст. 3). Исключение составляет только содержание формы типового договора для уровня дошкольного образования. В ст. 2.3.7 и 2.3.9 понятие «воспитание» хотя бы упоминается, при том что предмет договора изложен через интеграционную категорию образовательной деятельности [5] (что, в принципе, формально-логически закономерно, поскольку одной из ключевых фигур такого договора выступает воспитанник). Примечательно, что именно последняя из указанных форм подвергалась

[1] Путин поручил убрать понятие «образовательная услуга» из законодательства // Российская газета. – URL: https://rg.ru/2021/09/27/putin-poruchit-ubrat-poniatie-obrazovatelnaia-usluga-iz-zakonodatelstva.html?ysclid=miirp2go9g478053435 (дата обращения: 15.08.2025).

[2] Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг : Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1441 // СЗ РФ. 2020. № 39. Ст. 6035.

[3] См.: Об утверждении примерной формы договора об образовании на обучение по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования : Приказ Министерства образования и науки РФ от 21.11.2013 № 1267 // Российская газета. 2014, 28 февраля; Об утверждении примерной формы договора об образовании по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования : Приказ Министерства образования и науки РФ от 09.12.2013 № 1315 // Российская газета. 2014, 11 апреля; Об утверждении примерной формы договора об образовании по образовательным программам дошкольного образования : Приказ Министерства образования и науки РФ от 13.01.2014 № 8 // Российская газета. 2014, 11 апреля.

[4] Об утверждении примерной формы договора об образовании на обучение по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования : Приказ Министерства образования и науки РФ от 21.11.2013 № 1267 // Российская газета. 2014, 28 февраля.

[5] Об утверждении примерной формы договора об образовании по образовательным программам дошкольного образования : Приказ Министерства образования и науки РФ от 13.01.2014 № 8 // Российская газета. 2014, 11 апреля.

изменениям, причем сравнительно недавно – в 2024 году, а ее содержательная составляющая позволяет выделить основной публично-правовой и дополнительный частноправовой аспекты.

Конечно, этот пример не свидетельствует о тенденции придания договорам об образовании публично-правового характера, но все же отметить попытку пересмотра его правовой природы на официальном (подзаконном) уровне необходимо. В свою очередь, типовая форма договора «Об образовании по дополнительным общеобразовательным программам» [1], разработанная значительно позже предшествующих (к 2020 г.), но до сих пор не подлежащая применению ввиду неисполнения формально-юридического условия (отсутствия требуемого совместного нормативного акта двух профильных министерств), также оперирует категорией «образовательные услуги», включая ее платную разновидность. Воспитательная конструкция здесь традиционно отсутствует. В данной связи, исходя из конституционно опосредованных целей и задач образования и с учетом изложенного, видится обоснованным нивелирование исключительно гражданско-правового характера договора об образовании соответствующего уровня (содержательно – в качестве договора оказания платных образовательных услуг) и нормативное закрепление публично-правового вида договора об образовании, причем с формулировкой в предмете регулирования равновесных положений об обучении и воспитании.

В дополнение к аргументации заявленной позиции следует отметить, что рассматриваемый пример договора в части установления платы за образование ввиду возмездного характера его получения, с учетом обозначенных ранее конституционно и законодательно опосредованных установок, содержательно не противоречит публично-правовой природе образовательных отношений. Как верно отмечается в научной литературе, «имущественные отношения в сфере публичного права распространены не менее широко, чем в отраслях частного права. Значительная часть таких отношений возникает и развивается в целях удовлетворения частных интересов гражданина. Например, только на платной основе гражданин может воспользоваться "услугами" нотариуса, получить заграничный паспорт, зарегистрировать недвижимость, наконец, обратиться в суд. Но все имущественные отношения такого рода не признаются гражданско-правовыми» [Тай, Смола, 2024].

Правовая природа образовательных отношений между образовательной организацией и обучающимся

В этой связи не менее дискуссионным с научно-практической, в том числе юридической, точки зрения выступает определение правовой природы образовательных отношений, складывающихся между образовательной организацией (как правило, высшего образования) и обучающимся в связи с бюджетным финансированием получения образования последним. «В работах, прямо или опосредованно затрагивающих этот вопрос, были высказаны полярные точки зрения: об отнесении данных отношений к педагогическим, образовательным, административным, социально-обеспечительным, праву социального обеспечения, гражданско-правовым. <…> Однако содержание образовательного процесса не различается и не может различаться в зависимости от способа его финансирования. Статья 34 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" устанавливает равные академические права для субъектов образовательных отношений (обучающихся) вне зависимости от условий договора об образовании, будь то платная либо бесплатная (бюджетная) основа. Указанные субъекты

[1] Об утверждении примерной формы договора об образовании по дополнительным общеобразовательным программам : Приказ Министерства просвещения РФ от 16.09.2020 № 500 (Документ не вступил в силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 13.11.2020 (дата обращения: 15.08.2025).

подчиняются единым законодательным требованиям, предъявляемым к образовательному процессу. <…> Негосударственные образовательные учреждения, имеющие государственную аккредитацию, не будучи государственными по своим организационно-правовым формам, тоже входят в механизм государства, поскольку выполняют государственные функции и наделяются теми же правами, что и государственные образовательные учреждения. В то же время применение принципа равенства должно влечь и возврат в госбюджет денег при отчислении студента, обучающегося за счет таких средств, однако аналогичные "платным образовательным услугам" последствия прекращения договора об образовании законодательством РФ не установлены» [Тай, Смола, 2024].

Примечательно, что исследователи, как правило, акцентируют внимание лишь на обучении за счет государственного бюджета соответствующего уровня, не рассматривая в качестве взаимосвязанного предмета таких отношений воспитание. В свою очередь воспитание в принципе выпадает из данной дискуссии в части приведенной выше градации образовательных отношений, поскольку в его процессе задействованные не только правовые нормы, но и духовная, нравственная, моральная и т. п. регулятивные составляющие. И четко отграничить воспитание от обучения (по учебному плану, календарному графику и другим составляющим образовательной программы, а особенно – в части возмездного или условно безвозмездного характера получения образования) крайне сложно. Более того, Министерство образования Российской Федерации в своих инструктивных документах исходит из того, что преподаватель при осуществлении различных видов педагогической и сопряженной с ней деятельности работает с группой обучающихся, способ финансирования получения образования которыми может отличаться [1] (исходя из сложившейся практики, студенты в академической группе не делятся по своему статусу в контексте указанного критерия). Соответственно, не представляется возможным дифференцировать в рассматриваемом ключе даже обучение, не говоря о воспитании. Между тем, особая комплексная правовая природа воспитания не исключает возможности обособления его как предмета регулирования, в том числе в рамках публично-правового договора об образовании (хотя бы на критериальной и (или) системно-структурной основе).

Публично-правовой договор об образовании: предложения по совершенствованию

В свою очередь, подчеркнутый выше принцип равенства – вне зависимости от способа финансирования получения обучающимся образования – позволяет выдвинуть идею о юридической регламентации конкретных образовательных отношений (на примере высшего образования) посредством публично-правового договора об образовании. Предполагается, что именно публично-правовая – как минимум, превалирующая – составляющая содержания такого договора будет унифицирована на федеральном нормативном правовом уровне (допускается, что подзаконном – с утверждением соответствующим профильным министерством). Здесь в предмете договора должны найти обязательное отражение и вопросы обучения, и вопросы воспитания. Причем в части воспитания, как представляется, должен быть закреплен и обязательный для освоения адресатом минимум воспитательных продуктов. Финансовая (или субсидиарно и в допустимых пределах – частноправовая) составляющая для договоров об образовании на

[1] Письмо Министерства образования РФ от 26.06.2003 № 14-55-784ин/15 «О примерных нормах времени для расчета объема учебной работы и основных видов учебно-методической и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом образовательных учреждений высшего и дополнительного профессионального образования» // КонтурНорматив. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=63367&ysclid=miis2guaby543214698 (дата обращения: 15.08.2025).

возмездной основе должна быть также унифицирована по форме, но в части количественных показателей адресована конкретной образовательной организации. Помимо обязательных элементов, характерных для договора, и обязательная публично-правовая, и дополнительная составляющие должны включать (дифференцированно) положения об ответственности всех сторон договора (соглашения) за неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей с указанием конкретных видов и оснований юридической ответственности, начиная с дисциплинарной.

Таким образом, предлагается нормативно в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» закрепить обязательность заключения договора об образовании между образовательной организацией, обучающимся и (или) его законным представителем вне зависимости от способа финансирования получения образования соответствующего уровня и формы. Представляется, такой подход позволит юридически гарантировать не только принцип равенства, анонсированный выше, но повысить степень юридической ответственности всех сторон конкретного правоотношения, а также минимизировать риски возможных злоупотреблений любой из сторон, особенно на основании субъективной интерпретации правовой природы образовательных отношений в целом и юридической природы (формы) договора об образовании в частности. Для упрощения правореализации можно нормативно разграничить наименования типовых форм: договор об образовании – для получения образования на возмездной основе, соглашение об образовании – на основе финансирования из средств бюджета соответствующего уровня.

Учитывая, что на современном этапе все уровни образования в Российской Федерации регулируются алгоритмично и достаточно унифицированно, в том числе в качестве функциональной основы имеют единый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», а также отдельные федеральные государственные образовательные стандарты, дифференцированные именно по уровням образования [1], то в перспективе видится обоснованным внедрение договора об образовании для каждого из таких уровней. Типовые формы соответствующих договоров должны быть структурно идентичны, а содержательно наполняться исходя из целей, задач соответствующего образовательного уровня, ценностей и приоритетов, имманентных каждому из них, с учетом ключевых требований предметного образовательного стандарта и с обязательным отражением в предмете регулирования образования и воспитания на паритетных началах. Предмет договора может носить открытый характер и дополняться иными видами образовательной деятельности и сопряженными с ней (например, присмотр и уход за ребенком для уровня дошкольного образования [Вилачева, 2024]), но обучение и воспитание в своем единстве, как квинтэссенция образовательного процесса, должны наличествовать в обязательном порядке в каждой унифицированной форме договора (соглашения) об образовании. Представляется, такой подход вполне применим не только к основным видам образования – по уровням, но и к дополнительному образованию в целом. Как минимум, типовая форма договора для такого вида образования разработана,

[1] См.: Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования : Приказ Министерства образования и науки РФ от 17.10.2013 № 1155 // Российская газета. 2013, 25 ноября; Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : Приказ Министерства просвещения РФ от 31.05.2021 № 287 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 22.02.2024 (дата обращения: 15.08.2025); Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.04 Юриспруденция : Приказ Министерства просвещения РФ от 27.10.2023 № 798 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 01.12.2023 (дата обращения: 15.08.2025); Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция : Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13.08.2020 № 1011 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 03.04.2023 (дата обращения: 15.08.2025).

что отмечалось выше. Для дополнительного образования воспитательная деятельность может носить не системный, а предметно-целевой (даже фрагментарный – в допустимых пределах) характер, но в предмете регулирования (договора об образовании) воспитательный аспект должен присутствовать, поскольку согласно профильному законодательству любое образование суть единый процесс обучения и воспитания.

Интерпретация и определение вида договора об образовании

Анализ научной литературы показал, что исследователи преимущественно придерживаются отраслевого (или институционального) подхода при определении правовой природы и видовой принадлежности договоров, относимых к категории публично-правовых: акцентируется внимание, к примеру, на конституционном [Руденко, 2022], административном [Климкин, 2014], финансовом [Андриевский, 2018], трудовом договорах, служебных контрактах [Климкин, 2014; Калина, Сощенко, 2016] (для отдельных видов государственной и (или) муниципальной службы) и т. п. Однако выделяемые авторами совокупности признаков каждого вида таких договоров не позволяют прямо соотнести ни один из них с договором об образовании как публично-правовой формой регулирования конкретных образовательных отношений. К примеру, договор об образовании имеет много признаков, характерных и для административного договора, особенно в части целевой установки на «достижение социально значимых результатов» [Калина, Сощенко, 2016], но имеет существенные отличия в направленности и субъектном составе: образовательные организации, несмотря на наличие у них государственной аккредитации и производных «властных полномочий», все же сложно поставить в один ряд с органами публичной власти и (или) их представителями, реализующими управленческие функции, которые, по мнению ведущих ученых-административистов, выступают обязательной стороной административного договора [Климкин, 2014].

Отметим, что образовательные отношения, включая периодически формально игнорируемое воспитание, носят комплексный характер и, соответственно, могут регулироваться нормами права различной отраслевой принадлежности (как отрасли права, так и отрасли законодательства). Следовательно, ассоциировать договор об образовании с одним из уже обособленных в правовой доктрине и практике видом публично-правовых договоров не представляется возможным. Оптимальным в данном ключе видится подход, в развитие которого договоры публично-правового характера с предметом регулирования комплексных отношений (комплекс разноотраслевых отношений с превалированием в них публично-правовой составляющей) следует относить к категории договоров смешанного типа, причем на данном этапе «оснований для выделения самостоятельного договорного вида не имеется» [Калина, Сощенко, 2016].

Таким образом, предлагаемый договор об образовании по своей правовой природе должен носить публично-правовой характер, относиться к категории межотраслевых (межинституциональных) ввиду задействования при оформлении его содержания норм различных отраслей (институтов) права, а, соответственно, по типу – к смешанным договорам. Обязательным условием определения видовой принадлежности при этом сохраняется превалирование публично-правовой составляющей договора и строго субсидиарный характер частноправового элемента в его содержании.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлена смешанная публично-правовая и частноправовая природа договора об образовании, где воспитательный компонент выступает не факультативным, а существенным условием, вытекающим из конституционных принципов и государственных образовательных стандартов.

Определено, что в настоящее время содержание типовых форм договора не конкретизирует взаимные права и обязанности сторон в сфере воспитания, что приводит к его декларативности и правовой неопределенности.

Разработаны и предложены для включения в договор конкретные условия, детализирующие воспитательную деятельность: обязательства образовательной организации по созданию развивающей среды, а обязанности обучающегося и родителей – по соблюдению правил внутреннего распорядка и уважению традиционных ценностей. Это позволит трансформировать договор из формального документа в рабочий инструмент правового регулирования воспитательного процесса.

В перспективе, если исследование договора об образовании в институциональном ключе получит развитие, можно будет говорить об обособлении (вида) образовательных договоров публично-правового характера.

Список литературы

Андриевский К.В. 2018. Финансовый договор как разновидность публичного договора. *Евразийская адвокатура*, 1 (32): 98–102.

Вилачева М.Н. 2024. Дискуссионные аспекты присмотра и ухода за ребенком в юридической конструкции конституционного права на дошкольное образование. *Административное и муниципальное право*, 4: 71–94. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.4.70657

Ивашина А.А., Руденко Е.Ю. 2023. Правовая природа договора об оказании платных образовательных услуг. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 11: 131–135. DOI: 10.23672/SAE.2023.11.11.035

Калина Е.С., Сощенко Д.Д. 2016. Публичные и частноправовые начала в административном договоре. *Вестник ЮУрГУ. Серия "Право"*, 2: 115–121. DOI: 10.14529/law160219

Кирилловых А.А. 2013. Отдельные проблемы юридической техники и содержательной стороны норм Закона «Об образовании в Российской Федерации». *Законодательство и экономика*, 7: 23–28.

Климкин Н.С. 2014. Административный договор в системе договорных отношений Российской Федерации. *Общественные науки. Политика и право*, 2 (30): 43–55.

Радаева С.В., Агафонова Н.Ю. 2021. Актуальные проблемы реализации конституционного права на высшее образование. *Образование и право*, 6: 54–58. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-54-58

Руденко В.В. 2022. Роль договоров в конституционном праве России. *Правопорядок: история, теория, практика*, 4 (35): 27–32.

Суханов Е.А. 2003. Осторожно: гражданско-правовые конструкции. *Законодательство*, 9: 60–65.

Сырых В.М. 2010. Образовательные услуги и образовательные правоотношения: дискуссионные взгляды и действительное содержание. *Журнал российского права*, 4: 69–79.

Тай Ю.В., Смола А.А. 2024. Высшее образование в России. "Что ты такое?!". *Вестник гражданского процесса*, 4: 82–102.

Федяева Л.В. 2021. Еще раз о воспитании и обучении. Вестник Омского государственного педагогического университета. *Гуманитарные исследования*, 4 (33): 156–160. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-33-156-160

References

Andrievsky K.V. 2018. Financial contract as a type of public contract. *Evrazijskaya advokatura*, 1 (32): 98–102. (In Russian)

Vilacheva M.N. 2024. Diskussionnye aspekty prismotra i uhoda za rebenkom v yuridicheskoj konstrukcii konstitucionnogo prava na doshkol'noe obrazovanie [Controversial aspects of child care and supervision in the legal structure of the constitutional right to preschool education]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo*, 4: 71–94. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.4.70657

Ivashina A.A., Rudenko E.Yu. 2023. The legal nature of a contract for the provision of paid educational services. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 11: 131–135. DOI: 10.23672/SAE.2023.11.11.035. (In Russian)

Kalina E.S., Soshchenko D.D. 2016. Public and private law principles in the administrative contract. *Vestnik YUUrGU. Seriya "Pravo"*, 2: 115–121. DOI: 10.14529/law160219. (In Russian)

Kirillovyh A.A. 2013. Otdel'nye problemy yuridicheskoj tekhniki i soderzhatel'noj storony norm Zakona «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Some problems of legal technique and the substantive aspect of the norms of the Law "On Education in the Russian Federation"]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 7: 23–28.

Klimkin N.S. 2014. Administrative contract in the system of contractual relations of the Russian Federation. *Obshchestvennye nauki. Politika i pravo*, 2 (30): 43–55. (In Russian)

Radaeva S.V., Agafonova N.Yu. 2021. Actual problems of realization of the constitutional right to higher education. *Obrazovanie i pravo*, 6: 54–58. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-54-58. (In Russian)

Rudenko V.V. 2022. The role of treaties in constitutional law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 4 (35): 27–32. (In Russian)

Suhanov E.A. 2003. Ostorozhno: grazhdansko-pravovye konstrukcii [Caution: civil law constructions]. *Zakonodatel'stvo*, 9: 60–65.

Sirikh V.M. 2010. Educational services and educational legal relationships: controversial views and true reflection. *ZHurnal rossijskogo prava*, 4: 69–79. (In Russian)

Tai Yu.V., Smola A.A. 2024. Vysshee obrazovanie v Rossii. "Chto ty takoe?!" [Higher Education in Russia. "What Are You? "]. *Vestnik grazhdanskogo processa*, 4: 82–102.

Fedyaeva L.V. 2021. Upbringing in teaching revisited. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. *Gumanitarnye issledovaniya*, 4 (33): 156–160. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-33-156-160. (In Russian)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2025
Поступила после рецензирования 21.10.2025
Принята к публикации 02.12.2025

Received September 3, 2025
Revised October 21, 2025
Accepted December 02, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нифанов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Билык Кирилл Владимирович, аспирант кафедры конституционного и международного права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey N. Nifanov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Kirill V. Bilyk, Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 34(075.32)
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-858-866
EDN MAXSGK

Принцип надежности государства как альтернатива западной концепции устойчивого развития: правовые проблемы применения в России

[1] Таболин В.В., [2] Мархгейм М.В.
[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3.
[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.
tabolin@mail.ru, markheim@bsuedu.ru

Аннотация. Современные вызовы государственного строительства России, связанные с негативным влиянием глобализации на обеспечение ее национальных интересов и безопасности, актуализируют поиски новых публично-правовых средств не только минимизации проявляющих себя рисков, но и повышения эффективности функционирования государственного механизма в интересах личности, общества и государства. В доктринальном плане такие публично-правовые средства могут быть выявлены в процессе критического осмысления наличествующих и формулирования новых для российского государствоведения подходов. К числу таковых относится предлагаемый принцип надежности государства. Цель исследования – предложить принцип надежности государства, раскрыть его конституционно-правовое содержание и обосновать преимущества перед западной концепцией устойчивого развития. Рассмотрены вопросы целесообразности дальнейшего использования последней с учетом критики результатов ее внедрения в России. Как альтернатива данной концепции предложен принцип надежности государства, рассматриваемый с помощью метода аналогии путем приложения технических определений «надежности» к гуманитарным публичным институтам с последующей правовой инкорпорацией понятия надежности в юридическую науку. На основании полученных результатов предложена правовая трактовка принципа надежности государства, охватывающая его основные характеристики. Сделан вывод, что такие составные элементы принципа надежности государства как стабильность и безопасность не только фактически используются в системе государственных институтов современной России, но и применяются для оценки их деятельности. Помимо указанных обобщений и выводов авторами сформулировано определение принципа надежности государства в качестве научно обоснованной конституционно-правовой характеристики его способности сохранять работоспособность всех государственных институтов, обеспечивать стабильность социально-экономического развития страны, ее национальную безопасность в условиях действия любых неблагоприятных внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, принцип надежности государства, государство, правовая система, публичные органы

Для цитирования: Таболин В.В., Мархгейм М.В. 2025. Принцип надежности государства как альтернатива западной концепции устойчивого развития: правовые проблемы применения в России. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 858–866. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-858-866 EDN: MAXSGK

© Таболин В.В., Мархгейм М.В., 2025

The Principle of State Reliability as an Alternative to the Western Concept of Sustainable Development: Legal Problems of Application in Russia

[1] Vladimir V. Tabolin, [2] Marina V. Markheim
[1] National Research University "Higher School of Economics",
3 B. Trekhsvyatitelsky ln., Moscow 109028, Russian Federation
[2] Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
tabolin@mail.ru, markheim@bsuedu.ru

Abstract. The current challenges of Russia's state-building process, which are related to the negative impact of globalization on ensuring its national interests and security, have led to the search for new public-law means not only to minimize the existing risks, but also to improve the efficiency of the state mechanism in the interests of individuals, society, and the state. In terms of doctrine, such public-law means can be identified through a critical analysis of existing approaches and the formulation of new ones for Russian state studies. One such approach is the proposed principle of state reliability. The purpose of this research is to justify the principle of state reliability and highlight its advantages over sustainable development. The article discusses the feasibility of continuing to use the Western concept of sustainable development, taking into account the criticism of its implementation in Russia. As an alternative to this concept, the principle of state reliability is proposed, which is considered using the method of analogy by applying technical approaches to the definition of "reliability" to humanitarian public institutions, followed by the legal incorporation of the concept of reliability into legal science. Based on the results obtained, a legal interpretation of the principle of state reliability is proposed, which covers its main characteristics. It is concluded that such components of the principle of state reliability as stability and security are not only used in the system of state institutions in modern Russia, but are also applied to evaluate their activities. In addition to these generalizations and conclusions, the author proposes defining the principle of state reliability as a scientifically grounded constitutional and legal characteristic of the state's ability to maintain the functionality of all state institutions and ensure the stability of the country's socio-economic development, its national security in the face of any adverse internal and external factors.

Keywords: sustainable development, principle of state reliability, state, legal system, public authorities

For citation: Tabolin V.V., Markheim M.V. 2025. The Principle of State Reliability as an Alternative to the Western Concept of Sustainable Development: Legal Problems of Application in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 858–866. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-858-866 EDN: MAXSGK

Введение

Концепция устойчивого развития (Concept of Sustainable Development) была официально сформулирована в 1987 году в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» [1]. Она подразумевает развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего поколения без ущерба для будущих поколений. Основные элементы устойчивого развития включают экономические, социальные и экологические аспекты, которые, по замыслу, должны быть взаимосвязаны.

Деятельность участников Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года) в канве данной проблемы привела к принятию Декларации по окружающей среде и развитию [2], именуемой Рио-де-Жанейрской. В ней было сформулировано содержание 27 принципов устойчивого развития. Для задач данного

[1] Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» : [прил. к записке Генерального секретаря ООН от 4 августа 1987 г.] // Большая российская энциклопедия. – URL: https\\bigenc.ru/b/ot-edinoi-zemli-k-edinomu-m-22b527 (дата обращения 15.08.2025).

[2] Декларация по окружающей среде и развитию: Документ ООН A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 15.08.2025).

исследования сведем их к семи, а именно выделим: принцип интеграции (экономических, социальных и экологических аспектов развития в единую цель), принцип предосторожности (если существует вероятность серьезного вреда для окружающей среды или здоровья людей, даже если нет научной уверенности в этом, необходимо принимать меры для предотвращения возможного вреда); принцип партнерства (для устойчивого развития требуется сотрудничество между государствами, частным сектором и общественными организациями); принцип участия (вовлеченность всех заинтересованных сторон в процесс принятия решений, касающихся устойчивого развития); принцип справедливости и равноправия (необходимость учитывать потребности и интересы всех групп населения); принцип сохранения биоразнообразия (при разработке и реализации любых проектов или программ); принцип сокращения выбросов (загрязняющих веществ в окружающую среду и переходить на экологически чистые технологии и процессы).

В России этих принципов придерживаются не только в общефедеральном масштабе, но и на уровне отдельных субъектов Федерации. Отметим, что большая территория нашей страны и социально-культурное разнообразие ее субъектов сравнимы с различиями между странами. При этом указами Президента Российской Федерации [1] закреплены специальные показатели состояния экономики, социальной сферы и экологии. Отражено это и в стратегических документах Правительства Российской Федерации [2]. То есть «три кита» Концепции устойчивого развития, принятой на уровне ООН, получив статус универсальных, последовательно включены в национальные правовые акты России.

При этом, несмотря на формализацию перспектив и механизмов реализации концепции устойчивого развития в научной литературе продолжается ее критическое осмысление в качестве фактора правовой модернизации [Пасенов, 2020], в русле эволюции теоретических подходов, современного видения [Кадомцева, 2023], мифов и реалий [Снакин В.В. 2016], в сравнении с концепцией человеческого развития [Федотов, 2021], с позиции модификации ее принципов, институтов [Васильев, 2024] и механизмов реализации [Брче и др., 2020], с учетом современных тенденций устойчивого развития России [Ручкина, 2023] и др. Изложенные в указанных и иных работах доводы и выводы, касающиеся несовершенств концепции устойчивого развития, которые проявились в ходе ее реализации в России, дают основания для двух подходов. Первый ориентирует на дальнейшую научную и практическую адаптацию данной концепции с учетом современных вызовов и угроз, в том числе связанных с глобализацией, второй – на формулирование иного подхода, который представляется более адекватным современному развитию Российского государства.

Избрав второй научный трек, полагаем целью данной работы предложить и раскрыть принцип надежности государства, акцентировать его преимущества перед устойчивым развитием.

---

[1] Российская Федерация. Указы Президента. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: от 1 мая 1996 года № 440. – Москва : Собрание Законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1572. – Текст : непосредственный; О сокращении выбросов парниковых газов: от 4 ноября 2020 года № 666. Официальный сайт Президента РФ. - URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990 (дата обращения 25.08.2025); О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: от 7 мая 2024 года № 309. – Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения 15.08.2025).

[2] Российская Федерация. Правительство РФ. Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ: Распоряжение от 14 июля 2021 года № 1912-р. – Москва : Собрание Законодательства РФ. 2021. № 30. Ст. 5814; Об утверждении правил создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведение операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц: Постановление от 30.04.2022 г. № 790. – Официальный сайт Правительства РФ. – URL: http://government.ru/docs/all/140827 (дата обращения 15.08.2025); Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. – Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/docs/all/157308/ (дата обращения 15.08.2025).

Что такое – устойчивое развитие?

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 01.05.1996 № 440 одним из главных направлений «…перехода России к устойчивому развитию является создание правовой основы перехода к устойчивому развитию, включая совершенствование действующего законодательства, определяющего, в частности, экономические механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды». Тем самым подчеркнута приоритетность означенных указом сфер.

Однако вызывает вопрос содержание самого понятия «устойчивое развитие» – что это? – Постоянное социально-экономическое изменение среды жизнедеятельности? Но постоянно меняющаяся ситуация в государстве предполагает постоянный процесс реформирования, а значит все его системы нестабильны. Хорошо известно, чем серьезнее реформа (модернизация, обновление, усовершенствование как элементы развития), тем длительнее кризис управления в государственной системе и отдельных ее элементов и подсистем. При этом мы ясно понимаем, что по целому ряду объективных и субъективных причин все области жизнедеятельности государства, общества и человека не могут развиваться одновременно и постоянно. Во-первых, ни одно государство, даже очень богатое, не обладает всеми необходимыми материальными ресурсами. Во-вторых, возможны проблемы и ошибки в правовом регулировании различных сфер жизни человека и государства. Происходит накопление энтропии развития – рост совокупности подобных ошибок в практике правоприменения и управления. Более того, в условиях больших государств действует такой фактор, как сегментированная анархия управления, – по разным причинам возникают зоны (сектора, отрасли) государственной «неуправляемости» и «невидимости», где в лучшем случае функционирует местное самоуправление или даже производственно-хозяйственное управление. Кроме того, выделенные направления устойчивого развития (экономика, социология и экология) не охватывают всего спектра задач, требующих своего долгосрочного решения. Забота о будущих поколениях весьма важна, но главным условием этой заботы, по нашему мнению, является качественный уровень жизни уже живущего поколения. И, конечно, необходимо создание базовых конституционно-правовых и социально-экономических основ не только «светлого будущего», но и «светлого настоящего».

Современная жизнь демонстрирует сегодня скорее обратный процесс, когда в угоду политическим и коммерческим целям государственная власть (например, в Европе) готова допустить активную деградацию «демократических» и экономических принципов. К примеру, утративший легитимность президент в кругу разного рода политических элит и их коалиций продолжает восприниматься как легитимный, а демократически избранному президенту они же отказывают в признании; представляющие высокие институты ЕС, открыто заявляют о приемлемости и даже желательности вопреки юридическим, экономическим и финансовым принципам взаимодействия государств и их соответствующим обязательствам произвольно без санкции ООН изымать (по сути, воровать) российские зарубежные активы. Все это разворачивается на наших глазах, все более заостряя вопрос об устойчивости миропорядка, придерживающегося принципов устойчивого развития.

Особо необходимо отметить явно обозначившуюся проблему организационно-правовой несостоятельности целого ряда международных организаций, активно пропагандировавших концепцию устойчивого развития как панацею от всех бед в настоящем и будущем. Среди наиболее «бесполезных» сегодня – Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС), занимающий центральное место в деятельности системы ООН по продвижению всех трех аспектов устойчивого развития –

экономического, социального и экологического [1]. Теряет значимость также Всемирная торговая организация (ВТО), которая полностью утратила такую важную функцию, как разрешение торговых споров и обеспечение соблюдения правил ВТО, которые гарантировались этим механизмом [2], том числе в целях устойчивого развития. В числе доводов в пользу такой оценки приведем обсуждаемые на уровне государств-членов мотивы выхода из ВТО [3].

Принцип надежности государства

В качестве альтернативного метода обеспечения устойчивых и реальных условий комплексного развития государства и общества как процесса достижения практических целей и стабильного функционирования государственного механизма может быть использован принцип надежности государства.

Термин «надежность» весьма многозначен. В технических словарях «надежность» определяется как вероятность того, что «система или устройство будет работать без сбоев в течение определенного времени» [4]. Государственный стандарт определяет надёжность как «свойство объекта сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях применения, технического обслуживания, ремонта, хранения и транспортирования» [5]. С учетом подхода Т.Ф. Ломова [6], в данном понятии присутствуют две стороны: качественная (способность выполнять требуемые функции) и количественная (способность делать это в течение заданного времени и в заданных условиях). Это уточнение посчитали важным для нашего рассуждения в пользу «надежности» государства. Принцип надежности в гуманитарных науках может быть определен по-разному. В экономической науке «надежность» связана с финансовой стабильностью и устойчивостью предприятия. В психологии «надежность» относится к качеству личности, которое проявляется в выполнении обещаний, ответственности и доверии. В любом случае, надежность является важным показателем качества и доверия в различных областях жизни [7]. Обычно выделяют три главных признака надежности: работоспособность, безопасность и стабильность. А.А. Маркосян под надежностью живой системы понимал такой «уровень регулирования жизнедеятельности системы, при котором обеспечивается его оптимальный ход с достаточной лабильностью или пластичностью, гарантирующей быстрое приспособление и перестройку» [Молекулярные…, 1970].

Справедлива версия М.С. Солодкой, что сегодня особенно актуальна проблема надежности государства, общественных систем в обеспечении уверенности граждан в безопасности, социальной защите и поддержке [Солодкая, 2000]. В рамках материалистической традиции философии надежность понимается как «объективная характеристика сложнотелеономических систем, выражающая их способность сохранять

[1] Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС). URL: https:// www.un.org/ru/aboutun/ booklet/ ecosoc.shtml (дата обращения 15.08.2025).

[2] Всемирная торговая организация. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/vto (дата обращения 15.08.2025).

[3] Конец ВТО: США разрушают систему международной торговли, которую сами же и выстраивали - URL: https://dzen.ru/a/aKWGox5hRH8USiYA?ysclid=miromtzxb199834804 (дата обращения 29.11.2025). –

[4] Большая российская энциклопедия URL: https://bigenc.ru/c/nadiozhnost-c725e4?ysclid= mirp6wkqle367184783 (дата обращения 29.11.2025).

[5] ГОСТ 27.002-2015 Надежность в технике. Термины и определения: национальный стандарт Российской Федерации Электронный фонд «Кодекс». – URL: docs.cntd.ru (дата обращения 15.08.2025).

[6] Основы инженерной психологии : учебное пособие для втузов / под ред. чл.-кор. АН СССР проф. Б.Ф. Ломова. – Москва : Высшая школа, 1977, 335 с.

[7] Значение слов – URL: https://slova-znachenie.ru (дата обращения 15.08.2025).

свою качественную определенность, целостность, устойчивость нормального функционирования и развития при возмущающих действиях среды» [1]. Поддерживаем позицию, согласно которой в надежности заключается «бóльшая доля уверенности в стабильности, повторяемости, обеспеченной упорядоченностью событий, вещей, а значит некоторой гарантии безопасности, проистекающей от этого» [Осадчук, Максименко, 2016]. Применительно к государству качество «надежности» практически не применяется. Однако, полагаем, что такое качество государства исключительно востребованным. Оно производно не просто от наличия социально-экономических, политических, законодательных, кадровых ресурсов и отношений, но и от их состояния стабильности, непротиворечивости, профессионализма, оснащенности. Соответственно, чем выше уровень этих состояний, тем выше надежность всей системы государственного управления. Принцип надежности государства предполагает акцент на роли государства как основного гаранта работоспособности и стабильности государственного механизма, а также обеспечения безопасности общества в любых, даже негативных и чрезвычайных условиях.

Принцип надежности государства содержательно и организационно связан с рядом следующих условий:

– государство должно сохранять контроль над своими ресурсами и политикой, защищая свои интересы от внешних влияний, обеспечивая выживаемость основных правовых и социально-экономических институтов;

– обеспечение устойчивого экономического роста через внутренние механизмы управления и регулирования;

– поддержка социальной политики, направленной на улучшение качества жизни граждан и предотвращение социальных конфликтов;

– формирование духовно-нравственных ценностей у граждан как элемент надежности государства;

– принятие мер по охране окружающей среды с учетом местных условий и потребностей населения, а не только на основе универсальных международных стандартов, производных от концепции устойчивого развития.

Надежность государства предполагает комплексный подход к устойчивому развитию, который фокусируется на внутренних ресурсах и возможностях страны. Это позволяет избежать зависимости от внешних факторов и сохранить контроль над процессами развития.

Таким образом, с правовой точки зрения *принцип надежности государства может рассматриваться как научно обоснованная конституционно-правовая характеристика его способности сохранять работоспособность всех государственных институтов, обеспечивать стабильность социально-экономического развития страны, ее национальную безопасность в условиях действия любых неблагоприятных внутренних и внешних факторов.*

Научный подход к реализации принципа надежности государства предполагает его правовое закрепление в конституционно-правовом поле российского законодательства, прогнозирование развития его элементов с целью повышения их надежности, систематический анализ состояния надежности государства по показателям работоспособности, стабильности и безопасности.

Относительно безопасности считаем важным отметить, что она есть существенный, но все же элемент принципа надежности государства. Уровень безопасности в самых разных ее аспектах (государственная, природно-климатическая, медицинская, транспортная и др.) прямо влияет на признаки надежности государства. Причем эти черты характеризуются такими важнейшими показателями, как экономический рост, качество

[1] Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004. – 1072 с.

жизни, благоприятная среда проживания, низкая безработица, демографическая и миграционная стабильность, социальные гарантии, нравственное и духовное состояние граждан, политико-правовая ответственность публичных органов власти и управления.

Состояние/степень надежности государства в показателях качества, эффективности, безопасности и живучести равно важны для правовых, экономических, социальных и политических его систем.

Существенным показателем стабильности государства является его правовая «живучесть» как способность эффективным правовым регулированием преодолевать внутренние и внешние угрозы и конфликты, т. е. сохранять работоспособность государственной системы в экстремальных ситуациях. С теоретико-правовой точки зрения это означает качество и эффективность правовой системы государства.

Заключение

Приведенные рассуждения относительно принципа надежности государства в его противопоставлении с постулатами концепции устойчивого развития дали основания для следующих обобщений и выводов.

Устойчивое развитие как универсальный глобалистский проект в ходе интериоризации в политическую повестку Российского государства обнаружил, с одной стороны, изъяны его влияния на национальную экономику, социальную сферу, экологическую безопасность; с другой – на формирование идей относительно адаптации концепции к современным условиям российской действительности или ее замены как не отвечающей потребностям государства и общества.

В качестве такой альтернативы предложен принцип надежности государства, базовыми компонентами которого по аналогии с определениями надежности из технической сферы, являются работоспособность, стабильность и безопасность. Именно эти элементы положены в основу предложенного авторами правового определения принципа надежности государства с акцентом на его конституционно-правовое содержание.

Преимуществами принципа надежности государства являются: опора на внутренние ресурсы для обеспечения национальных интересов, акцент на роли государства как основного гаранта работоспособности и стабильности государственного механизма, на его прерогативе в обеспечении безопасности общества и граждан в любых, даже негативных и чрезвычайных условиях. Данное исследование позволило по-новому взглянуть на принятые подходы к развитию Российской Федерации и получить новые возможности формирования его механизмов.

Полагаем, что ресурсы надежности Российского государства в условиях современных вызовов будут последовательно и достаточно успешно реализованы в ближайшие годы. В силу этого Россия не в глобальной повестке, а сосредоточившись на собственных ресурсах, продолжит укреплять свою конституционно-правовую самостоятельность и независимость, сохраняя полную работоспособность государственного аппарата и местных органов власти, экономической и социальной систем, обеспечит устойчивость и стабильность социально-экономического развития страны, ее национальной безопасности. Все это составляет содержание предложенного нами принципа надежности государства, более широкое и углубленное исследование которого позволит выйти на новые направления юридической науки, прежде всего конституционно-правового уровня.

Список литературы

Авакьян С.А. 2020. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*, 3: 7–33. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-3-7-33

Брче М.А., Омельченко И.Н., Шааб А. 2020. Устойчивое развитие: механизмы реализации. Москва : Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 172 с.

Васильев В.П. 2024. Устойчивое развитие: модификация принципов и институтов. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* 30(1): 193-204. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-193-204.

Кадомцева М.Е. 2023. Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение. *AlterEconomics*, 20(1): 166-188. DOI: 10.31063/ AlterEconomics/2023.20-1.9

Молекулярные и функциональные основы онтогенеза. 1970. В кн. К 60-летию со дня рождения акад. В.Н. Никитина. Москва: Медицина. 392 с.

Осадчук О.Л., Максименко Л.А. 2016. Понятие «надежность» в различных сферах жизнедеятельности человека: философские и этико-психологические аспекты. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 3-1: 167-173.

Пасенов А.Н. 2020. Концепция устойчивого развития как фактор правовой модернизации России : дис. … канд. юрид. наук. Белгород. 183 с.

Постников А.Е. 2024. Конституция и развитие конституционного анализа. *Журнал российского права*. 28(3): 32-44. DOI: 10.61205/S160565900028066-6

Ручкина Г.Ф. 2023. К вопросу о соответствии понятия «предпринимательская деятельность» современным тенденциям, направленным на устойчивое развитие Российской Федерации. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 11-266: 86-94. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-11266-86-94

Снакин В.В. 2016. Путь к устойчивому развитию: мифы и реалии. *Век глобализации*, 1-2 (17-18): 80-86.

Солодкая М.С. 2000. Методологические основания, социальные идеалы и пути обеспечения надежности социотехнических систем управления. *Credo new*, 5(23): 22-46.

Федотов А.А. 2021. Устойчивое развитие и человеческое развитие: сравнение концепций. *Экономика природопользования,* 3: 4-9. DOI: 10.36535/1994-8336-2021-03-1

References

Avakyan S.A. 2020. The 2020 constitutional reform and Russian parliamentarism: reality, decisions, expectations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya*. 3: 7-33. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-3-7-33 (In Russian)

Brche M.A., Omel`chenko I.N., Shaab A. 2020. Ustojchivoe razvitie: mexanizmy` realizacii. M. : Izdatel`stvo MGTU im. N.E. Baumana. 172 s.

Vasilev V.P. 2024. Ustojchivoe razvitie: modifikaciya principov i institutov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya.* 30(1): 193-204. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-193-204.

Kadomceva M.E. 2023. Koncepciya ustojchivogo razvitiya: e`volyuciya teoreticheskix podxodov i sovremennoe videnie. *AlterEconomics,* 20(1): 166-188. DOI:10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9

Molekulyarny`e i funkcional`ny`e osnovy` ontogeneza [Molecular and functional foundations of ontogenesis]. 1970. V kn. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya akad. V.N. Nikitina. M. : Medicina, 392 s.

Osadchuk O.L., Maksimenko L.A. 2016. Concept of reliability of various spheres of ability to live of the person. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. 3-1: 167-173. (In Russian)

Pasenov A.N. 2020. Koncepciya ustojchivogo razvitiya kak faktor pravovoj modernizacii Rossii [The concept of sustainable development as a factor in Russia's legal modernization]: dis. … kand. yurid. nauk. Belgorod. 183 c.

Postnikov A.E. 2024. Constitution and development of constitutional analysis. *Zhurnal rossijskogo prava*. V. 28. 3: 32-44. DOI: 10.61205/S160565900028066-6. (In Russian)

Ruchkina G.F. 2023. K voprosu o sootvetstvii ponyatiya «predprinimatelskaya deyatelnost» sovremennym tendenciyam, napravlennym na ustojchivoe razvitie Rossijskoj Federacii. *Imushhestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii*. 11-266: 86-94. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-11266-86-94

Snakin V.V. 2016. Put k ustojchivomu razvitiyu: mify i realii. *Vek globalizacii*. 1-2 (17-18): 80-86.

Solodkaya M.S. 2000. Metodologicheskie osnovaniya, social'nye idealy i puti obespecheniya nadezhnosti sociotekhnicheskih sistem upravleniya. *Credo new*, 5 (23): 22–46.
Fedotov A.A. 2021. Ustojchivoe razvitie i chelovecheskoe razvitie: sravnenie koncepcij. E`konomika prirodopol`zovaniya, 3: 4-9. DOI: 10.36535/1994-8336-2021-03-1

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.08.2025
Поступила после рецензирования 14.10.2025
Принята к публикации 8.12.2025

Received August 18, 2025
Revised October 14, 2025
Accepted December 8, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Таболин Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента публичного права факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-2418-8189

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Tabolin, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Public Law, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-2418-8189

Marina V. Markheim, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Institute of Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 341.4
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-867-875
EDN MBOIJE

Особенности правовой квалификации преступлений террористической направленности в международном праве

[1] Шубин В.Н., [2] Чуева И.А.
[1] Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Россия, 392001, г. Тамбов, ул. Гастелло, д. 32а
[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
k3rangaschubin@inbox.ru, chueva_i@bsuedu.ru

Аннотация. В современных реалиях террористические угрозы носят транснациональный характер, при этом отсутствует единое признанное юридическое определение терроризма, что существенно затрудняет международное сотрудничество в сфере уголовного преследования и правосудия. Целью исследования является выявление проблем, возникающих при квалификации деяний в качестве актов международного терроризма, и определение основных элементов, формирующих международно-правовой состав данного преступления на основе существующих конвенционных механизмов. Показано, что, несмотря на отсутствие универсальной дефиниции, международное право выработало консенсусные критерии для идентификации террористических актов, прежде всего, через специальную цель – принуждение правительств или устрашение населения. Сделан вывод о том, что дальнейшее совершенствование международно-правового режима противодействия терроризму должно быть направлено не только на выработку всеобъемлющей конвенции, но и на укрепление существующих механизмов, в частности, на гармонизацию национального законодательства и более широкое применение принципа универсальной юрисдикции.

Ключевые слова: международное право, терроризм, правовая квалификация, международные преступления, универсальная юрисдикция, конвенционный механизм, состав преступления, международное сотрудничество, экстрадиция

Для цитирования: Шубин В.Н., Чуева И.А. 2025. Особенности правовой квалификации преступлений террористической направленности в международном праве. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 867–875. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-867-875 EDN: MBOIJE

Features of the Legal Qualification of Terrorist Crimes in International Law

[1] Valery N. Shubin, [2] Inna A. Chueva
[1] Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
32a Gastello St., Tambov 392001, Russian Federation
[2] Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
k3rangaschubin@inbox.ru, chueva_i@bsuedu.ru

Abstract. Today, terrorist threats are transnational in nature, while there is no single recognized legal definition of terrorism, which significantly complicates international cooperation in the field of criminal

© Шубин В.Н., Чуева И.А., 2025

prosecution and justice. The purpose of the study is to identify the problems that arise when specific acts are determined as deeds of international terrorism, and to identify the main elements that form the international legal structure of this crime on the basis of existing conventional mechanisms. It is shown that, despite the lack of a universal definition, international law has developed consensus criteria for identifying terrorist acts, primarily through a special purpose – coercion of governments or intimidation of the population. It is concluded that further improvement of the international legal regime for countering terrorism should be aimed not only at developing a comprehensive convention, but also at strengthening existing mechanisms, in particular, at harmonizing national legislation and wider application of the principle of universal jurisdiction.

Keywords: international law, terrorism, legal classification, international crimes, universal jurisdiction, conventional mechanism, elements of the crime, international cooperation, extradition

For citation: Shubin V.N., Chueva I.A. 2025. Features of the Legal Qualification of Terrorist Crimes in International Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 867–875 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-867-875 EDN: MBOIJE

Введение

В условиях глобализации и возрастающей взаимозависимости государств терроризм превратился из внутригосударственной проблемы в одну из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности. Его транснациональный характер, проявляющийся в планировании, финансировании, исполнении и сокрытии последствий преступлений на территориях различных государств, требует скоординированных и юридически выверенных ответных мер со стороны всего мирового сообщества. Однако эффективность такого противодействия напрямую зависит от способности международного права дать четкую и однозначную правовую оценку террористическим преступлениям. Центральной проблемой, препятствующей формированию единого фронта борьбы с терроризмом, остается вопрос его правовой квалификации [Пикин, 2021]. Отсутствие универсально принятого определения терроризма в международном праве порождает многочисленные коллизии в правоприменительной практике, создает лазейки для уклонения от ответственности и затрудняет реализацию институтов международного сотрудничества, таких как выдача преступников и оказание правовой помощи [Кондратенко, 2016]. Сложность квалификации обусловлена не только правовыми, но и политическими факторами, связанными с известным тезисом «террорист для одного – борец за свободу для другого», что исторически тормозит достижение консенсуса.

Различные подходы к определению терроризма в уголовном праве зарубежных стран свидетельствуют о сохраняющейся фрагментации правового поля, что не способствует единообразному применению норм [Теппеев, 2024]. Однако международное сообщество осознает необходимость консолидации усилий, которые выражаются в принятии целого ряда универсальных и региональных конвенций, направленных на борьбу с отдельными проявлениями террористической деятельности. Именно конвенционный, или «секторальный», подход сегодня составляет основу международно-правового режима противодействия терроризму.

Целью исследования является выявление особенностей и проблем правовой квалификации преступлений террористической направленности в современном международном праве.

В рамках данного исследования предполагается рассмотреть сложившиеся подходы к определению состава международного терроризма, выявить его объективные и субъективные признаки, а также проанализировать юрисдикционные аспекты, имеющие решающее значение для обеспечения неотвратимости наказания.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частно-научных методов познания, чтобы обеспечить всесторонность и объективность анализа поставленной проблемы. Центральное место в работе занимает формально-юридический (догматический) метод, который применялся для анализа содержания международных договоров, резолюций Совета Безопасности ООН и других документов международных организаций, формирующих нормативную базу для квалификации террористических преступлений. С его помощью выявлены составы преступлений, предусмотренных в так называемых антитеррористических конвенциях. Использовался сравнительно-правовой метод, который помог сопоставить различные подходы к определению терроризма и ответственности за него как на международном уровне, так и в рамках национальных правовых систем. Системный подход дал возможность рассмотреть совокупность международно-правовых норм в сфере борьбы с терроризмом как единый, хотя и не до конца сформированный правовой режим, выявить взаимосвязи между его отдельными компонентами, такими как нормы материального права, процессуальные механизмы и институты сотрудничества.

Кроме того, применялся историко-правовой метод для отслеживания эволюции международно-правовых представлений о терроризме, начиная с первых попыток его криминализации под эгидой Лиги Наций и заканчивая современным состоянием, характеризующимся наличием разветвленной системы конвенционных обязательств.

Анализ научной доктрины и юридической литературы по теме исследования помог обобщить существующие теоретические подходы к пониманию сущности терроризма как международного преступления и выявить наиболее дискуссионные вопросы, связанные с его правовой квалификацией. Комплексное применение указанных методов обеспечило достижение поставленной цели и помогло сформулировать обоснованные выводы относительно текущего состояния и перспектив развития международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Квалификация преступлений террористической направленности в международном праве

Проблема преступлений террористической направленности остается одной из наиболее острых в современном мире и вызывает необходимость всестороннего изучения особенностей их правовой квалификации, особенно в контексте международного права [Липкина, 2018]. Сложность заключается в отсутствии единого, общепризнанного на международном уровне определения самого понятия «терроризм», которое существенно осложняет унификацию законодательства и механизмов сотрудничества [Bodrožić, 2016]. Международное сообщество, тем не менее, предпринимает попытки определить и квалифицировать отдельные виды преступлений, ассоциируемых с терроризмом, через систему конвенций и резолюций [Дикусар, 2018].

В отличие от национальных правовых систем, где могут существовать прямые определения террористических преступлений, международное право пошло по пути разработки секторальных конвенций, фокусирующихся на конкретных видах действий, которые квалифицируются как преступные, если они совершены с террористической целью [Coković, Radončić, Terzić, 2017]. Подход международного права, таким образом, в значительной степени базируется на квалификации деяний, а не на универсальном определении терроризма [Petrović, 2020].

В широком смысле преступления террористической направленности в международном праве описаны как уголовно наказуемые деяния, предусмотренные международными конвенциями, которые по своей природе имеют транснациональный характер, совершаются с целью устрашения населения или принуждения правительства

или международной организации к совершению или воздержанию от совершения какого-либо действия и подлежат преследованию на основе принципа универсальной юрисдикции или принципа «выдай или суди» [Orina, 2016]. Террористические преступления, как правило, характеризуются совершением общественно опасных действий, представляющих угрозу международному миру и безопасности. Важным элементом выступает именно цель деяния – оказание воздействия на принятие решений органами власти, а также их общественно-политическая и идеологическая мотивация.

Международно-правовые основы борьбы с преступлениями террористической направленности основаны на международных актах, которые криминализуют конкретные действия, часто совершаемые террористами.

К международным актам, регулирующим борьбу с данными преступлениями, относятся:

1. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 1997 г.) [1] устанавливает уголовную ответственность за незаконное и преднамеренное доставление, помещение, приведение в действие или взрывание взрывного или иного смертоносного устройства в месте общественного пользования, государственном или правительственном объекте, объекте инфраструктуры или экологическом объекте или на его территории

2. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 1999 г.) [2] криминализует предоставление или сбор средств с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения любого из преступлений, предусмотренных в конвенциях-предшественницах. Она также криминализует предоставление или сбор средств для совершения любого другого действия, направленного на причинение смерти или серьезных телесных повреждений гражданскому лицу или любому другому лицу, не принимающему активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта. Цель такого действия по его характеру или контексту заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

3. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 2005 г.) [3], устанавливающая ответственность за незаконное и преднамеренное владение радиоактивным материалом или изготовление, обладание, использование ядерного или взрывного устройства, ядерного реактора с намерением причинить смерть или серьезные телесные повреждения, причинить значительный ущерб имуществу или окружающей среде или с целью заставить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Указанные конвенции направлены на закрытие правовых пробелов и обеспечение принципа «выдай или суди», чтобы преследовать лиц, совершивших террористические деяния, вне зависимости от места совершения.

---

[1] Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1997 года; вступила в силу для Российской Федерации 7 июня 2001 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=9&nd=201008929&collection=1&ysclid=mj1dr9q8zv94530251 (дата обращения 10.10.2025).

[2] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года; вступила в силу для Российской Федерации 27 декабря 2002 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=201017101&page=1&rdk=0&link_id=0&ysclid=mj1dvsmzau35560974#I0 (дата обращения 10.10.2025).

[3] Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года; вступила в силу для Российской Федерации 7 июля 2007 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=203001910&collection=1&ysclid=mj1e30xxfo91456173 (дата обращения 10.10.2025).

Исходя из международного законодательства и доктринальных подходов, преступления террористической направленности в международном праве можно классифицировать по объекту посягательства, а также по характеру деяний:

1. Преступления, связанные с непосредственным применением насилия или угрозой его применения (акты насилия) [Chakraborty, 2019; Defossez, 2021]:

– бомбовый терроризм – использование взрывных или иных смертоносных устройств в публичных местах, объектах инфраструктуры или государственных объектах (регулируется Международной конвенцией о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года);

– ядерный терроризм – незаконное и преднамеренное использование радиоактивных материалов или ядерных устройств для причинения ущерба или принуждения (регулируется Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года);

– захват заложников – совершение действий по захвату и удержанию лиц с угрозой их убийства или причинения вреда, с целью принуждения к совершению или воздержанию от совершения какого-либо действия (регулируется Международной конвенцией о борьбе с захватом заложников 1979 года);

– преступления против безопасности гражданской авиации и морского судоходства – акты, направленные против безопасности полетов или судов, захват, саботаж и иные насильственные действия (регулируются соответствующими конвенциями, такими как Токийская 1963 г.[1], Гаагская 1970 г.[2] и Монреальская 1971 г.[3] конвенции).

2. Преступления, связанные с организацией и обеспечением террористической деятельности [Orina, 2016; Chakraborty, 2019; Petrović, 2020; Defossez, 2021]:

– финансирование терроризма – предоставление или сбор средств для совершения террористических актов (регулируется Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма 1999 года);

– организация или участие в террористическом сообществе (группе) – деятельность по созданию, руководству или вхождению в структуру, целью которой является совершение преступлений террористической направленности;

– подготовка и пособничество – действия, направленные на содействие или создание условий для совершения террористических актов (вербовку, обучение, предоставление средств).

3. Преступления, связанные с использованием информационных технологий в террористических целях. Хотя специальной универсальной конвенции, комплексно регулирующей кибертерроризм, пока не существует, тенденции к криминализации использования информационно-коммуникационных технологий для вербовки, пропаганды и планирования террористических актов очевидны на международном уровне и в рамках региональных соглашений.

Международное право выработало консенсусный подход к квалификации деяний в качестве преступлений террористической направленности через совокупность отраслевых (секторальных) конвенций и норм обычного права. Анализ международных документов показывает, что правовая квалификация терроризма строится на основе трех компонентов: характера самого деяния (объективная сторона), наличия специальной цели (субъективная сторона) и международного элемента, обусловливающего применение норм международного права.

[1] Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (подписана в Токио 14 сентября 1963 года). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1762784/ (дата обращения 10.10.2025)

[2] Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (принята 16 декабря 1970 года). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51201/ (дата обращения 10.10.2025)

[3] Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации

(подписана в Монреале 23 сентября 1971 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml?ysclid=mj1eioh2zf821256278 (дата обращения 10.10.2025)

Объективная сторона террористических преступлений в международном праве охватывает перечень насильственных действий, криминализованных в более чем девятнадцати универсальных и региональных конвенциях. К таким деяниям относятся, в частности, захват воздушных судов, акты насилия в аэропортах, захват заложников, преступления против лиц, пользующихся международной защитой, незаконный захват и использование ядерного материала, террористические бомбардировки и финансирование терроризма. «Секторальный» подход дает обойти политические разногласия относительно общего определения, фокусируясь на конкретных общественно опасных деяниях, недопустимость которых признается всеми государствами. Таким образом, при квалификации конкретного акта правоприменитель в первую очередь обращается к положениям соответствующих конвенций, чтобы установить, подпадает ли совершенное действие под их предметную юрисдикцию. Важным аспектом является то, что объективная сторона может включать не только совершение оконченного преступления, но и участие в нем, организацию террористического сообщества, а также вербовку и подготовку лиц для совершения таких актов, что находит отражение в национальном законодательстве, направленном на обеспечение безопасности [Chakraborty, 2019; Defossez, 2021].

Наиболее значимым элементом для правовой квалификации, отличающим терроризм от общеуголовных преступлений, является субъективная сторона, а именно наличие у виновного особой цели. Международная практика и доктрина сходятся во мнении, что террористический акт совершается не просто с умыслом на причинение смерти или вреда здоровью, а с конечной целью оказать воздействие на волю третьих лиц. Такая цель, как правило, формулируется как намерение запугать население или какую-либо его часть, либо принудить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Именно «трансцендентный» мотив, выходящий за рамки непосредственного результата насилия, является ядром концепции терроризма и его главным квалифицирующим признаком [Defossez, 2021]. Сложность доказывания такой цели представляет собой одну из главных практических проблем. При этом психологические аспекты субъекта преступления, его мотивационная сфера и идеологические установки играют важную роль в процессе установления данного признака, хотя и не всегда находят прямое отражение в юридических формулировках.

Третьим компонентом, определяющим особенности квалификации, является наличие международного элемента, который обусловливает применение норм международного права и задействование механизмов международного сотрудничества. Преступление приобретает международный характер, если оно затрагивает интересы нескольких государств, например, когда преступник и жертва являются гражданами разных стран, преступление совершено на территории одного государства, а его подготовка велась в другом, или когда деяние направлено против международной организации. Такие преступления являются основанием для применения принципа «выдай или суди», закрепленного во всех антитеррористических конвенциях, и служит предпосылкой для установления универсальной юрисдикции. Проблемы установления универсальной юрисдикции в отношении преступлений террористической направленности являются предметом активных научных дискуссий, поскольку ее применение напрямую связано с суверенитетом государств и их готовностью осуществлять уголовное преследование за преступления, не имеющие прямой связи с их территорией или гражданами [Defossez, 2021]. Квалификация преступления как международного терроризма открывает путь к использованию расширенного набора юрисдикционных оснований, преодолевающих традиционные территориальные ограничения.

Таким образом, международное право подходит к квалификации преступлений террористической направленности через призму криминализации конкретных опасных деяний, устанавливая универсальные стандарты уголовной ответственности и принципы

юрисдикции для борьбы с транснациональным характером этих преступлений. Несмотря на отсутствие единого определения терроризма, система секторальных конвенций ООН обеспечивает правовую основу для международного сотрудничества, обязывая государства-участники либо выдавать преступников, либо осуществлять уголовное преследование на своей территории.

Анализ содержания международных актов и мнений исследователей показал, что международно-правовая квалификация терроризма представляет собой сложный, многоуровневый процесс, который не сводится к подведению деяния под единую норму-дефиницию, а требует комплексного анализа целого ряда факторов. Существующий «секторальный» подход, несмотря на свою вынужденную природу, оказался достаточно прагматичным решением, позволившим создать рабочую правовую базу для международного сотрудничества. Однако такая фрагментарность порождает и существенные проблемы. Квалификация преступлений экстремистской и террористической направленности на стыке национального и международного права часто вызывает сложности, связанные с различным объемом понятий в разных правовых системах. Например, деяние, квалифицируемое как терроризм в одном государстве, может рассматриваться как общеуголовное преступление в другом, что создает барьеры для экстрадиции, особенно если запрашиваемое к выдаче лицо ссылается на политический характер своих действий.

Основным для дискуссии остается вопрос о соотношении терроризма и права на самоопределение народов, ведущих национально-освободительную борьбу. Отсутствие четкого разграничения понятий в международном праве является главным политическим препятствием на пути принятия всеобъемлющей конвенции. Также международный правовой режим ставит перед юридической наукой и практикой сложную задачу по выработке объективных критериев, которые помогли бы отделить преступные методы ведения борьбы от самой борьбы, какой бы спорной ни была ее цель.

Еще одним важным аспектом обсуждения является эффективность существующих юрисдикционных механизмов. Принцип универсальной юрисдикции, теоретически являющийся инструментом в борьбе с международным терроризмом, на практике применяется государствами крайне неохотно, по политическим соображениям и нежеланием портить отношения с другими странами, так и с практическими трудностями (сбором доказательств за рубежом, высокими затратами на судопроизводство и проблемами обеспечения безопасности свидетелей). Механизмы экстрадиции, основанные на двусторонних и многосторонних договорах, остаются основным инструментом передачи преступников, однако и здесь возникает множество проблем, связанных с оговоркой о «политическом преступлении» и требованиями соблюдения прав человека в запрашивающем государстве.

Следовательно, дискуссия о путях совершенствования международно-правового режима противодействия терроризму должна вестись в нескольких направлениях.

Во-первых, необходимо продолжать усилия по гармонизации национальных законодательств на основе общих подходов, заложенных в резолюциях СБ ООН и модельных законах.

Во-вторых, следует искать пути для преодоления политических разногласий с целью выработки всеобъемлющего определения, которое бы четко отграничивало терроризм от иных форм политического насилия.

Наконец, важно укреплять доверие между государствами и развивать практические механизмы сотрудничества, поскольку без политической воли даже самые совершенные правовые нормы останутся неэффективными.

Общие характеристики базовой концепции терроризма, несмотря на все споры, уже достаточно четко прослеживаются в международной практике, и именно на них следует опираться при дальнейшем развитии правового регулирования.

Заключение

Исследование правовой квалификации преступлений террористической направленности в международном праве показал, что современный международно-правовой режим противодействия терроризму характеризуется парадоксальной ситуацией. При отсутствии единого и универсально признанного определения данного преступления существует разветвленная и достаточно детализированная система конвенционных норм, криминализирующих конкретные его проявления. Правовая квалификация деяния в качестве акта международного терроризма осуществляется не на основе единой дефиниции, а путем установления его соответствия признакам, закрепленным в отраслевых антитеррористических конвенциях. Основным элементом, отграничивающим терроризм от иных насильственных преступлений, выступает его субъективная сторона, а именно специальная цель – устрашение населения или принуждение органов власти либо международных организаций к совершению определенных действий. Именно мотивационный компонент, наряду с объективными признаками конкретного деяния (захват заложников, бомбовая атака и т. д.), формирует международно-правовой состав преступления террористической направленности.

Несмотря на определенную эффективность «секторального» подхода, его фрагментарность порождает серьезные проблемы в правоприменительной практике, связанные с коллизиями юрисдикций, сложностями при экстрадиции и отсутствием единообразия в национальном законодательстве. Преодоление указанных проблем требует дальнейших скоординированных усилий мирового сообщества, направленных как на продолжение работы над проектом Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, так и на совершенствование и универсализацию уже существующих конвенционных механизмов. Особое значение приобретает последовательное применение принципа универсальной юрисдикции, который должен стать неотъемлемым элементом системы неотвратимости наказания за террористические преступления, подрывающие основы международного правопорядка. В конечном счете успех в борьбе с терроризмом зависит не только от совершенства юридических формулировок, но и от политической воли государств к реальному и бескомпромиссному сотрудничеству на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Список литературы

Пикин И.В. 2021. Понятие, виды и ответственность за преступления террористической направленности в уголовном праве зарубежных стран. *Legal Bulletin*, Т. 6, 2: 32-38.

Кондратенко З.К. 2016. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нём как направление обеспечения национальной безопасности. *Историческая и социально-образовательная мысль*, Т. 8, 1-2: 21-27.

Теппеев А.А. 2024. К вопросу об анализе психологических аспектов субъекта преступлений террористической направленности. *Право и управление*, 12: 257-260.

Липкина Н.Н. 2018. Универсальная юрисдикция: международно-правовые основания и проблемы установления в отношении преступлений террористической направленности. *Lex russica*, 6 (139): 92-105.

Bodrožić I. 2016. Terrorism as a crime in the documents of international organizations. *Science security police*. Vol. 21, 1: 203-217.

Дикусар Я.С. 2018. Квалификации преступлений экстремистской и террористической направленности. *Высшее профессиональное и дополнительное образование*, № 6: 69-91.

Coković S., Radončić H., Terzić M. 2017. Crime – terrorism. *Military opus*, Vol. 69, 8: 379-392.

Petrović D. 2020. General characteristics of the basic concept of terrorism. *Foreign Legal Life*, 64, 4: 147-160.

Orina N.M. 2016. A critique of the international legal regime applicable to terrorism. *Strathmore law journal*, Vol. 1(2): 21-36.

Chakraborty A. 2019. International Legal Regime: Analysis of Cases Relating to Global Terrorism. *Extradition Laws in the International and Indian Regime*: 77-130. DOI:10.1007/978-981-13-6397-9_3.

Defossez D. 2021. The concept of Terrorism: time to abandon the national approach to international law. *CIFILE Journal of International Law*, Vol. 3(2): 1-13. DOI:10.30489/CIFJ.2021.269726.1025.

References

Pikin I.V. 2021. Ponyatie, vidy i otvetstvennost' za prestupleniya terroristicheskoi napravlennosti v ugolovnom prave zarubezhnykh stran [The concept, types and responsibility for terrorist crimes in the criminal law of foreign countries]. *Legal Bulletin*, T. 6, 2: 32-38.

Kondratenko Z.K. 2016. Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu terroristicheskogo soobshchestva i uchastie v nem kak napravlenie obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Criminal liability for the organization of a terrorist community and participation in it as a way of ensuring national security]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, T. 8, 1-2: 21-27.

Teppeev A.A. 2024. K voprosu ob analize psikhologicheskikh aspektov sub"ekta prestuplenii terroristicheskoi napravlennosti [On the issue of analyzing the psychological aspects of the subject of terrorist crimes]. *Pravo i upravlenie*, 12: 257-260.

Lipkina N.N. 2018. Universal'naya yurisdiktsiya: mezhdunarodno-pravovye osnovaniya i problemy ustanovleniya v otnoshenii prestuplenii terroristicheskoi napravlennosti [Universal jurisdiction: international legal grounds and problems of establishment in relation to terrorist crimes]. *Lex russica*, 6 (139): 92-105.

Bodrožić I. 2016. Terrorism as a crime in the documents of international organizations. *Science security police*. Vol. 21, 1: 203-217.

Dikusar YA.S. 2018. Kvalifikatsii prestuplenii ehkstremistskoi i terroristicheskoi napravlennosti [Qualifications of extremist and terrorist crimes]. *Vysshee professional'noe i dopolnitel'noe obrazovanie*, № 6: 69-91.

Coković S., Radončić H., Terzić M. 2017. Crime – terrorism. *Military opus*, Vol. 69, 8: 379-392.

Petrović D. 2020. General characteristics of the basic concept of terrorism. *Foreign Legal Life*, Vol. 64, 4: 147-160.

Orina N.M. 2016. A critique of the international legal regime applicable to terrorism. *Strathmore law journal*, Vol. 1(2): 21-36.

Chakraborty A. 2019. International Legal Regime: Analysis of Cases Relating to Global Terrorism. *Extradition Laws in the International and Indian Regime*: 77-130. DOI: 10.1007/978-981-13-6397-9_3.

Defossez D. 2021. The concept of Terrorism: time to abandon the national approach to international law. *CIFILE Journal of International Law*, Vol. 3(2): 1-13. DOI:10.30489/CIFJ.2021.269726.1025.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.10.2025
Поступила после рецензирования 05.11.2025
Принята к публикации 26.11.2025

Received October 18, 2025
Revised November 05, 2025
Accepted November 26, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шубин Валерий Николаевич, студент, Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов, Россия.

Чуева Инна Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery N. Shubin, Student of the Tambov Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russia.

Inna A. Chueva, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ
HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 81’42’27(06)
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-876-885
EDN MXKAQT

Культурный суверенитет как основа развития и безопасности российского общества

Воденко К.В., Волохова Е.В., Тихоновскова М.П.
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова
Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vodenkok@mail.ru, volohova.1973@mail.ru, tikhonovskova.maria@yandex.ru

Аннотация. В условиях специальной военной операции, санкций, сложной международной обстановки вопросы и задачи, касающиеся культурного суверенитета, развития и безопасности российского общества имеют определяющее значение, будучи главным средством проведения в жизнь информационной национальной российской государственной политики. Очевидна направленность некоторых государств на уничтожение российской культуры, образования, искусства, что создает угрозу социально-политической стабильности России и расшатывает ее национальную безопасность. Суть культурного суверенитета понимается авторами как культурный код, основанный на отечественных ценностях, и проявляется в культурной идентичности личности и коллектива. В работе редлоджены пути решения проблемы угрозы национальной безопасности нашей страны. Авторы приходят к выводу, что культурный суверенитет – это главное условие обеспечения духовной и национальной безопасности России.

Ключевые слова: культурный суверенитет, общество, традиционные ценности, Русский мир

Для цитирования: Воденко К.В., Волохова Е.В., Тихоновскова М.П. 2025. Культурный суверенитет как основа развития и безопасности российского общества. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 876–885. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-876-885 EDN: MXKAQT

Cultural Sovereignty as the Basis for the Development and Security of Russian Society

Konstantin V. Vodenko, Elena V. Volokhova, Maria P. Tikhonovskova
M.I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),
132 Prosveshcheniya St., Novocherkassk 346428, Russian Federation
vodenkok@mail.ru, volohova.1973@mail.ru, tikhonovskova.maria@yandex.ru

Abstract. In the context of the special military operation, sanctions, and a complex international situation, the issues and tasks related to cultural sovereignty, development, and security of Russian society are of crucial importance, being the main means of implementing Russia’s national information policy. It is obvious that some states are aiming at the destruction of Russian culture, education, and art, which poses a threat to the country’s socio-political stability and undermines its national security. The essence of cultural sovereignty is understood by the authors as a cultural code based on national values. It is manifested in the cultural identity of the individual and the collective. The paper outlines ways to solve the problem of threats to the national security of our country. The authors conclude that cultural sovereignty is the main condition for ensuring Russia's spiritual and national security.

Keywords: cultural sovereignty, society, traditional values, the Russian world

© Воденко К.В., Волохова Е.В., Тихоновскова М.П., 2025

For citation: Vodenko K.V., Volokhova E.V., Tikhonovskova M.P. 2025. Cultural Sovereignty as the Basis for the Development and Security of Russian Society. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 876–885 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-876-885 EDN: MXKAQT

Введение

Вопросы, касающиеся культурного суверенитета страны, являются важными в отечественной гуманитарной и политической науке, социологии и философии в частности. Президент Российской Федерации 25.01.2023 внес изменения в документ «Об утверждении Основ государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента от 24 декабря 2014 года № 808. В нем сделаны дополнения, внесено определение понятия «культурный суверенитет». Обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации указано как цель государственной культурной политики [1].

Культурный суверенитет – это право страны следовать тем ценностям и нормам поведения, морали, которые наработаны, сформированы в ходе истории, воспринимаются и принимаются ее народом. Следовательно, принятие или непринятие обществом тех или иных эталонов, норм и ценностей выше непризнания или признания их сторонними для данной страны субъектами. Государство и его народ вправе бороться с распространением информации, разрушающей ценности, этические и моральные нормы граждан. Культурный суверенитет страны подразумевает сохранение привычной для гражданина культурной среды, обеспечивает возможности для самоутверждения и самоопределения.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности включают сохранение человеческой жизни, прав и свобод человека, приоритет духовного над материальным, семью, труд, служение Отечеству, морали и нормы нравственности, справедливость, взаимопомощь, преемственность истории Родины, коллективизм, вера, милосердие, гуманизм. В настоящее время существуют факторы, влияющие на российское общество и его культурный суверенитет. Это, например, пропаганда модели социума потребления, массовая культура, то есть сведение высокой культуры к ее тривиальному восприятию, отрицание объективности истины. Все это несет угрозу не только культуре России, но и базовым ценностям классической цивилизации всех стран. Поэтому необходимо уметь противостоять потокам необработанной информации, которая переносится через Интернет и телевидение.

Культурная безопасность является аспектом национальной безопасности, она отвечает за составляющие духовной культуры, то есть науки, образования, религии, морали, творчества [Безуглая, 2021]. Мероприятия, которые направлены на сохранение культурного суверенитета, укрепляют национальную идентичность, защищают культурное наследие, поддерживают отечественные таланты. Просветительские мероприятия, такие как лекции, мастер-классы, уроки с участием известных отечественных поэтов и музыкантов изучение народных промыслов, фольклора, фестивали, посвященные родному кинематографу, музыке, поэзии («Кинотавр», «Славянский базар»), формируют у граждан уважение к своей истории, воспитывают патриотизм. Эффективно создание маршрутов (например, «Золотое кольцо»), распространение информации о малых интересных исторических городах. Кроме того, правовое и институциональное обеспечения – законы о языках народов страны, «Российский культурный фонд», «Президентский фонд культурных инициатив», а также научные работы, публикация документов остановит процесс искажения истории.

[1] Указ Президента от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ культурной политики» с изменениями и дополнениями от 25 января 2023 года. http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208

Государственные органы, согласно Федеральному закону Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», должны учитывать и удовлетворять интересы граждан, их потребности. Например, к жизненным интересам человека относят свободу творчества, слова, совести, вероисповедания; свободный доступ к учреждениям культуры, библиотекам; образование, сохранение национальной самобытности.

Государство должно поддерживать интересы своих граждан и следовать международному принципу: «…каждое государство обладает неотъемлемым правом выбирать себе… культурную систему без вмешательства в какой-либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства» [Фурс, 2000, с. 200].

Чтобы обеспечить культурную безопасность страны, государственным органам можно пойти двумя путями. Первый путь: определить культурные объекты (они должны быть в федеральной собственности и являться объектами культурного наследия), которым необходимо обеспечение. Для этого проводится историко-культурная экспертиза. Второй путь: определить объекты, в отношении которых существует опасность исчезновения. Источниками угрозы для таких объектов могут быть иностранные фирмы и компании, зарубежные представительства некоммерческих организаций, но также бедность бюджета региона и чрезвычайные обстоятельства. Статья 3 Федерального закона Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» гласит: «Под угрозой безопасности понимается «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства» [1] – разрушение, деформация, культурная экспансия иностранных государств, обеднение, искажение культурного и исторического пространства. Иерархия угроз такова: сначала общество принимает чужие ценности (под давлением или добровольно), язык, искажает историю, потом теряет идентичность, самобытность, единство. Нация становится разобщенной, слабой, подверженной манипуляциям.

Итак, в России существуют законодательные способы предотвращения угроз для культурного суверенитета. В культурном пространстве согласовано работают федеральные органы, органы местного самоуправления, физические, юридические лица. Большую роль играют институты гражданского общества, вузы и школы, общественные палаты семьи.

Идентичность народа как основа культурной безопасности

Российская риторика истолковывает «культурный суверенитет» как основу обеспечения национальной безопасности. Кто контролирует культуру нации, тот контролирует будущее страны. В данном контексте культура рассматривается как наследие, культурный код, культурная политика, тактика в международных отношениях. Культурная безопасность подразумевает процесс, направленный на предупреждение религиозных конфликтов, исчезновение культурной идентичности, угасание духовности, разрушение культурных памятников. В современной действительности России культурный суверенитет объясняется с акцентом на существование противостояния ценностей коллективного Запада и Русского Мира [2]. Прогрессирующая глобализация требует от России безопасности не только границ, но и культурного и информационного пространства. Только с соблюдением данных требований возможно сохранение идентичности народа.

Мы рассматриваем идентичность россиян как важный компонент национальной безопасности, потому что она включает в себя идейные установки, ценности людей, культурный код, святость, чувство принадлежности к цивилизационной общности.

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 № 390-ФЗ. http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417

[2] Минобрнауки подтвердило «Ъ» намерение отказаться от Болонской системы. Интервью с министром науки и высшего образования Российской Федерации В. Фальковым. 24.05.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5367629 (дата обращения: 1.12.2025).

Идентичность является основой, опорой развития, образа жизни. В связи с этим Российская Федерация принимает меры по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии, деструктивного психологического воздействия, осуществляет контроль в сфере информации, борется с экстремистской литературой, пропагандирующей насилие, расовую нетерпимость [Рузин, 2014]. Массовая культура, которая представляет собой многоплановое культурное поле, также вызывает опасение государства и большей части населения России. Россия и ее граждане сумели сохранить культурный суверенитет благодаря накопленному советскому культурно-образовательному потенциалу.

Интересно отметить, что каждая страна строит политику борьбы против «культурного захвата». Франция периодически принимала специальные законы, которые поддерживали и продолжают поддерживать национальный французский кинематограф. Министерством культуры регулировалось соотношение американских и французских фильмов в кинотеатрах. Страны Центральной Азии бережно охраняют культурное наследие. Были заключены региональные соглашения об охране и правильном использовании культурного наследия жителей Центральной Азии. Объекты, представляющие культурную ценность, популяризируются. Актуальны и интересны туристические маршруты по различным культурным объектам. В рамках сотрудничества с Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры проводятся работы в области реставраций зданий, представляющих собой материальную и духовную ценность. В США существуют законы, которые способствуют защите исторических мест, памятников, фольклора, артефактов, произведений искусства и ландшафтов [Тимофеев, 2017]. Великобритании присуща стратегия «гибкой власти», «гибкой силы» – способности государства добиваться результатов на международной арене не через санкции и войны, а через убеждение и привлечение. Она основана на создании имиджа культурной притягательности своей страны для граждан других стран. С этой целью созданы культурные фонды. Если говорить о политике и идеологии, западные страны продвигают модели либеральной демократии, свободы слова, меньшинств.

Что касается политики России, хорошим примером служит фонд «Русский Мир». Это государственная некоммерческая организация, созданная Указом Президента Российской Федерации в 2007 году. Его миссия – популяризация русского языка и культуры за рубежом, поддержка программ изучения русского языка, работа с соотечественниками, русскими диаспорами за пределами России, помощь в сохранении их культурной и языковой идентичности. Элементы «гибкой силы» таковы: культурная привлекательность (продвижение богатого наследия русской литературы, музыки, искусства); гуманитарное сотрудничество, предоставление доступа к изучению языка и культуры. В настоящее время в информационной войны против Российской Федерации «Русский Мир» ставит трудные задачи [Тимофеев, 2017]. В некоторых западных странах создается образ России как агрессивного государства, угрожающего безопасности западных государств, нарушающей международное право. Сейчас только русская культура и её потенциал являются инструментами «гибкой силы» России на мировой арене. Стоит отметить, что большое количество организаций, которые занимаются продвижением «русского мира», имеют малый ресурс применения «гибкой силы». Так, например, отдельная задача по продвижению русского языка, решение которой возложено на фонд «Русский Мир», не может быть решена без заинтересованности иностранных студентов в получении образования в России. Отсутствие единой идеологии также является серьёзным ограничивающим фактором [Голобородько, 2012]. В СССР такая идеология была («построение коммунизма»), сейчас сложно определить, с чем в будущем ассоциируется «Русский Мир». Было бы правильно направить «гибкую силу», «гибкую власть» русской многонациональной культуры на российское общество, актуализировать наиболее привлекательные образцы родной культуры, вынося на поверхность близкое каждому

человеку мироощущение [Тотрова, 2019]. Для получения результата от интеллектуальной части российского общества требуется определить эти образы, связывая их с общечеловеческими экзистенциями, сделать их внятными для представителей других культурных миров [Шабров, 2020, с. 295].

В настоящее время ученые анализируют существующие в мире реакции на глобальное уничтожение культурной самоидентификации: бездействие, ведущее к войнам, терроризму; насилие, то есть уничтожение всех носителей иной культуры (путь «арийской расы»); апартеид, предусматривающий запрет на ассимиляцию меньшинств; изоляционизм, заключающийся в попытках не допустить культурное многообразие; ассимиляторство, при котором происходит культурное воздействие на иммигрантов; мультикультурализм, подразумевающий сосуществование многих культур без преобладания какой-либо одной культуры [Рузин, 2014]. Все эти пути имеют в той или иной степени отрицательный характер. Тем временем все более разрушительному воздействию подвергаются фундаментальные моральные и культурные нормы, навязывается культ насилия, наслаждения и потребления, становится законным употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Каков же путь борьбы с угрозами утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров?

Прежде всего следует отметить, что это долгий процесс, требующий работы на всех уровнях, от семьи до государства. Это не запреты и изоляция, а созидание, пропаганда своих ценностей. Главное, на наш взгляд, – это образование, цель которого не только давать знания, информировать, но и формировать мировоззрение. Следует забыть выражение «образование для карьеры», вспомнить «образование для формирования личности». Педагог должен быть нравственным ориентиром для учеников, его статус должен быть поднят государством. Семья должна оставаться основой общества, иметь юридическую защиту, экономическую поддержку. Здесь может помочь церковь, предлагая совместные культурные и образовательные проекты (волонтерские движения, лекции). Вспомним слова философа Н.А. Бердяева: «Благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура всегда гордится <…> неразрывной связью с великим прошлым. Культура, подобно Церкви, более всего дорожит своей преемственностью» [Бердяев, 2012, с. 271]. Борьба против угроз культурной безопасности должна быть не оборонительной войной, а стратегией уверенного наступления методом конструирования более привлекательной, духовной, осмысленной реальности.

Итак, культурный суверенитет в русле научных трудов российских ученых [Черняховский, 2019, с. 201] определяется как феномен, выявляющий и характеризующий ориентиры национальной идентичности (наличие культурного кода, аутентичных ценностей, возможность поддерживать эти ценности без стороннего вмешательства, искажения). Мы рассматриваем культурный суверенитет как совокупность социально-культурных факторов, благодаря которым государство и народ создают свою идентичность, осознают опасность излишней социально-психологической и культурной зависимости от влияния других стран (особенно недружественных в данный момент). К принципам государственной культурной политики относятся защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка и противодействие излишнему использованию иностранной лексики; защита традиционных семейных ценностей и института брака как союза мужчины и женщины. При этом необходимо понимать, что государству следует правильно определять границы влияния чужой культуры на отечественную культуру.

Социально-культурные факторы, обеспечивающие культурный суверенитет

Культурная среда страны, города, села, деревни, объекты их культурного наследия, культурная инфраструктура, уровень социального и экономического развития местности – все это характеристики и показатели культурного суверенитета. Социокультурные основы обеспечения суверенитета нашей страны – это традиционные ценности российского общества: права и свободы, жизнь и достоинство, патриотизм и вера, служение Родине, крепкая семья, гуманизм, милосердие, труд, историческая память, единство народов.

Понятие «культурный суверенитет» тесно связано с понятием «государственный суверенитет», то есть обеспечение культурного суверенитета является основной целью государства, компонентом его национальной безопасности. Важно отметить, что мы рассматриваем культурный суверенитет не как полную изоляцию от международных направлений в культуре, но культура России выступает на первом месте, государство поддерживает ее в первую очередь. Такая стратегия дает устойчивость к отрицательным влияниям, пропаганде «недружественных стран».

Очевидно, что культурное наследие России имеет огромный потенциал. Его дальнейшее раскрытие ведет к укреплению культурного суверенитета в малых поселениях, областях нашей страны. Для этого должна осуществляется совокупность мероприятий, например, цифровизация культурного наследия. Кроме того, создаются электронные каталоги, 3D-модели памятников, виртуальных музеев, используются инновационные технологии для сохранения объектов, применяются спутниковые и геоинформационные системы для наблюдения за памятниками. Поддерживаются волонтерские движения, граждане, таким образом, участвуют в сохранении культурного наследия, являются волонтерами культуры. Выделяются гранты для проектов (например, по охране памятников, народных промыслов).

Государство реагирует на проблемы, касающиеся национальной безопасности и культурного суверенитета: «Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. <…> В связи с этим ключевыми факторами формирования духовно-нравственного фундамента страны являются вопросы защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, соблюдения конституционных прав граждан в сфере культуры, в том числе права на доступ к культурным ценностям, сохранения исторического и культурного наследия, выполнения задач в области национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации» [1] .

Государственная власть осознает, что основа безопасности – это человек с устойчивой национальной идентичностью, поэтому делаются попытки обновить образовательные стандарты, например, увеличить количество часов на изучение истории и отечественной литературы. Введен урок патриотического воспитания «Разговоры о важном». Государство финансирует молодежные движения, например, «Движение первых». Работа государства направлена также вовне. За рубежом функционируют институты русского языка и культуры (Россотрудничество) для формирования благоприятного образа России и борьбы с русофобией. Россия участвует в международных организациях (ЮНЕСКО) для защиты своих культурных ценностей и исторической правды. Созданы международные каналы (например, RT), которые

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.

предлагают альтернативную западной точку зрения и отстаивают национальные интересы. Государство совершает ограничительное и силовое реагирование в случае угроз культурной и национальной безопасности, принимая иногда жесткие меры. Это блокировка ресурсов, то есть ограничение доступа к иностранным платформам и СМИ, которые признаются угрожающими национальной безопасности. За экстремизм, разжигание розни, дискредитацию власти и армии (это считается подрывом основ государственности) обвиняемые привлекаются к уголовной ответственности. Информационное поле защищается с помощью противодействия кибератакам на культурные ресурсы.

Можно утверждать, что искусство и кино, компьютерные игры явились орудием культурно-языковой борьбы, используемым некоторыми западными странами. Главное психологическое информационное оружие – подмена смыслов и ценностей. Безликие «ремейки» фильмов и песен, экранизации литературных произведений, содержащие эпатаж, оскорбления по отношению к художественным образцам, представляют собой подделки, которые препятствуют развитию общенациональной культуры. Кроме того, к сожалению, существуют равнодушные к культурному суверенитету группы людей, ведомства, работа которых не совпадает с общей культурной политикой государства. При этом многие писатели и поэты поддерживают бойцов России, воспевают их подвиги.

Таким образом, можно сделать вывод: защита культурного суверенитета России – это защита от внешнего отрицательного влияния, но также от влияний внутри страны, от деятельности людей, наносящих вред национальной безопасности. Российский народ должен просвещаться, грамотно противостоять радикализму и разрушению в области культуры, беречь ценности, сложившиеся веками в России. Все это в какой-то степени напоминает информационное противоборство и пропагандистскую атаку. Важно подчеркнуть, что атака должна быть отражена, так как область культуры – на передовом крае идеологии. Результаты борьбы есть. Например, Российское военно-историческое общество проводит множество конференций, круглых столов, целью которых является противодействие неправильному трактованию исторических фактов Великой Отечественной войны. Взяты под охрану объекты историко-культурного наследия, сделан акцент на патриотическое воспитание детей, молодежи. Осознавая, что подмена культурных ценностей, искажение исторических фактов – это угроза национальной безопасности, государство утверждает, что сложившаяся в мире и в экономике России ситуация требует использования исторического опыта страны, традиций ее политической культуры, позволявших ей принимать вызовы и совершать исторические прорывы на разных этапах ее развития.

Таким образом, главными средствами противодействия угрозе культурному суверенитету являются: создание, поддержка культуры высокого образца, слияние повседневной жизни людей с потенциалом национальной культуры, популяризация национальных смыслов и ценностей и осознание того, что сохранение культурного суверенитета страны выше частных интересов. Также важна подготовка высококвалифицированных кадров в области культуры. В настоящее время мы наблюдаем государственный заказ на создание фильмов, произведений литературы и искусства, вектор которых направлен на популяризацию традиционных ценностей; также государственными органами контролируется качество выпускаемой речевой продукции. Поддерживаются и расширяются культурные связи за рубежом (в основном сейчас это дружественные страны Азии, Китай, страны Африки). С одной стороны, происходит расширение поля информационных ресурсов, с другой стороны, формируется безопасная среда с проверенной информацией. Создано множество общественных проектов, направленных на патриотическое воспитание. В связи с этим логично вспомнить восточную мудрость: «Хочешь завоевать народ, воспитай его детей». Подчеркнем необходимость устранения следующих фактов: пересмотр моральных норм,

психологическое манипулирование, подмена культурных ценностей, разжигание межнациональных конфликтов, агрессивный экстремизм, разрыв между поколениями. Государство обращает внимание на образование детей. Поддерживается трехступенчатая система образования в области музыки, театра, циркового искусства [1].

Все это должно помочь сохранить культурный суверенитет, избежать фальсификации исторических фактов, духовных ценностей и культурных сущностей нации, предотвратит угрозу национальной безопасности, сохранив национальный культурный код. При этом публичные органы власти должны взаимодействовать с гражданским обществом. Так, нацпроект «Культурная среда» позволяет получить дополнительные возможности для творческого развития в домах культуры, музыкальных и художественных школах, шире открывает двери для доступа к историческим и культурным ценностям. Проект «Творческие люди» поддерживает инициативы, направленные на укрепление гражданской идентичности и сбережение духовно-нравственных ценностей народов России. Этот проект направлен на поддержку и развитие добровольческой деятельности. Проект «Цифровая среда» занимается всесторонним духовно-нравственным развитием молодежи путем доступа к проверенному, качественному интернет-контенту и участия в культурно-просветительских программах.

Подчеркнем, что речь не идет о культурной самоизоляции. Культурная безопасность – это своего рода философия, метод, который гарантирует отношение к гражданам с учетом их уникальных культурных различий, потребностей. Несомненно, граждане России обязаны осознавать собственную культурную идентичность, но им также следует быть гибкими и открытыми людям с другой культурой. Мы говорим о перехватывании культурной инициативы, о политике, которая должна быть активной и созидательной. Культура не имеет границ, но культура имеет корни. Что касается свободы творчества, следует понимать, что она важна и значима, но это должна быть свобода цивилизованного человека, которая демонстрирует принятие определённых цивилизационных табу. Нужно понимать, что реальное творчество следует отличать от имитации творчества, которое выдает за новое пренебрежение старым, традиционным. Свобода творчества несёт в себе огромную энергию – но, как и ядерная энергия, она может реализоваться и в ядерной бомбе, и в атомной электростанции [Черняховский, 2019, с. 180]. Чернобыльская катастрофа тоже стала результатом предельно вольного отношения к свободе научного творчества.

Заключение

Итак, в отечественной науке культурным суверенитетом называется наличие подлинных ценностей и культурного кода, возможность и способность беречь их, несмотря на внешнее влияние; это право народа России принимать и ориентироваться на те образцы, ценности и нормы морали, которые выработаны в ходе истории, признаются и принимаются им. Народ вправе отрицать и противодействовать непроверенной, вредной для страны информационной продукции, которая угрожает самобытности, идентичности россиян. Граждане Российской Федерации вправе не допускать речевые продукты, материалы области культуры, если они могут нанести ущерб территориальной целостности страны.

Несомненно, государство строит стратегию в области национальной и международной безопасности, принимает решительные меры по поводу сохранения культурного суверенитета России. В настоящее время в условиях специальной военной операции велико информационное воздействие, которое ставит задачей уничтожение

[1] Минобрнауки подтвердило «Ъ» намерение отказаться от Болонской системы. Интервью с министром науки и высшего образования Российской Федерации В. Фальковым. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5367629

исторических, культурных ценностей. Российская Федерация борется с «гибкой силой», создав Доктрину информационной безопасности. Российское общество должно осознавать проблему, хранить самобытность, иметь объединяющие принципы, объединяющую идеологию, мировоззрение; быть грамотным, чтобы устранить поверхностное восприятие информации, клиповое мышление, манипуляцию сознанием, навязывание моделей поведения.

Анализ понятия «цивилизационная идентичность» показал, что приобщение к культуре и истории предков, восприятие разных национальностей и конфессий как нечто, имеющее общее ценностное ядро, общие представления о человеке, обществе, моральных принципах, способствует укреплению культурного суверенитета. Мы не имеем в виду игнорирование национальных различий, осознавая, что сохранение традиций разных народов, народного творчества – это важная часть этнонациональной идентичности. Важно отметить, что в формировании идентичности играют большую роль стратегии в культурной политике. Инструментом защиты российской культурной идентичности является культурный суверенитет, который достигается целенаправленной работой государства и общества.

Суверенность и независимость – право страны самой определять свой вектор развития, ценности и этические нормы. Культурная идентичность, культурная безопасность – это фундаментальные категории современности, которые находятся в пространстве традиций и инноваций. Соединение традиций и инновации доказывает тот факт, что традиционность не тормозит культурное развитие, наоборот, оно делает общество творчески активным, с новыми переосмыслениями инновации и традиции. Культурный суверенитет, благодаря которому формируется культурная идентичность, защищает людей от деструктивного влияния извне. Историческая память, культурное наследие – инструменты для укрепления культурного суверенитета, который является базой объединения общества.

Список литературы

Безуглая Н.С. 2021. Проблемы формирования целостности общества и культурного кода средствами социально-культурной деятельности как фактора обеспечения национальной безопасности. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, 18(6): 195-206.

Бердяев Н.А. 2012. Философия неравенства. М., 624 с.

Голобородько А.Ю. 2012. Социальное и политическое пространство реализации государственной культурной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности. *Вестник Поволжской академии государственной службы*, 4(33): 15-24.

Рузин В.Д. 2014. Стратегические приоритеты построения национального культурного суверенитета. *Стратегические приоритеты*, 4(4): 55-66.

Степанов Ю.С. 2004. Константы. В кн.: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект: 992 с.

Тимофеев М.С. 2017. Роль государства в обеспечении культурного суверенитета народа в современной России. *Вестник Российского университета кооперации,* 2(28): 139-142.

Тотрова З.Х. 2019. Проблема культурного суверенитета в условиях глобализации. *Современные исследования социальных проблем*, 11(2–2): 137-144.

Фурс В.Н. 2000. Философия незавершенного модерна Ю. Хабермаса. Минск, 224 с.

Черняховский С.Ф. 2019. Политическая культура: государственная политика и философия будущего. М., Институт наследия, 253 с.

Шабров О.Ф. 2020. Культурная политика и национально-государственный суверенитет. *Власть,* 28(6): 295-299.

References

Bezuglaya N.S. 2021. Problemy formirovaniya tselostnosti obshchestva i kul'turnogo koda sredstvami sotsial'no-kul'turnoi deyatel'nosti kak faktora obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Problems of forming the integrity of society and the cultural code by means of socio-cultural activities as a

factor of ensuring national security]. *Vestnik Rossiiskogo ehkonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, 18(6): 195-206.

Berdyaev N.A. 2012. Filosofiya neravenstva [The philosophy of inequality]. M., 624 p.

Goloborod'ko A.Yu. 2012. Sotsial'noe i politicheskoe prostranstvo realizatsii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki kak instrumenta obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Social and political space for the implementation of the state cultural policy as an instrument for ensuring national security]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby*, 4(33): 15-24.

Ruzin V.D. 2014. Strategicheskie prioritety postroeniya natsional'nogo kul'turnogo suvereniteta [Strategic priorities of building national cultural sovereignty]. *Strategicheskie prioritety*, 4(4): 55-66.

Stepanov YU.S. 2004. Konstanty [Constants]. In: Slovar' russkoi kul'tury. 3-e izd., ispr. i dop [Dictionary of Russian Culture.3rd ed., rev. and suppl]. M.: Akademicheskii Proekt: 992 p.

Timofeev M.S. 2017. Rol' gosudarstva v obespechenii kul'turnogo suvereniteta naroda v sovremennoi Rossii [The role of the state in ensuring the cultural sovereignty of the people in modern Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*, 2(28): 139-142.

Totrova Z.Kh. 2019. Problema kul'turnogo suvereniteta v usloviyakh globalizatsii [The problem of cultural sovereignty in the context of globalization]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 11(2–2): 137-144.

Furs V.N. 2000. Filosofiya nezavershennogo moderna Yu. Khabermasa [J. Habermas's Philosophy of unfinished modernity]. Minsk, 224 p.

Chernyakhovskii S.F. 2019. Politicheskaya kul'tura: gosudarstvennaya politika i filosofiya budushchego [Political culture: state policy and the philosophy of the future]. M., Institut naslediya, 253 p.

Shabrov O.F. 2020. Kul'turnaya politika i natsional'no-gosudarstvennyi suverenitet [Cultural policy and national-state sovereignty]. *Vlast'*, 28(6): 295-299.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.03.2025
Поступила после рецензирования 19.05.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received March 19, 2025
Revised May 19, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Волохова Елена Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Тихоновскова Мария Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

Elena V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor, Department of Jurisprudence, M.I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

Maria P. Tikhonovskova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, M.I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

УДК 32
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-886-894
EDN NIZGUQ

Культурная безопасность и национальная идея

Мельникова Л.В., Джинибалаян С.М.
Донской государственный аграрный университет
Россия, 346493, Ростовская обл., п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, д. 24
smith_53@ mail.ru; dsm@donlib.ru

Аннотация. В данной работе анализируются контуры разработки национальной идеи в современных социокультурных реалиях как базового фактора консолидации российского общества и элемента национальной и культурной безопасности. Национальная безопасность основывается на прочном социокультурном фундаменте, состоящем из исторически сложившихся российских цивилизационных ценностей и национальной идеи, скрепляющей этот фундамент. Культурная безопасность включает в себя национальную безопасность, социокультурное и национальное самосознание и является определяющим фактором обеспечения государственной безопасности. Аксиологическое ядро, базовое ценностное содержание российской цивилизации составляют социокультурные инварианты (духовность, державность, соборность), которые, несмотря на историческую динамику, представляют собой относительно устойчивое и стабильное образование. При детализации этих инвариантов выделяются традиционные ценности, являющиеся основой для формирования национального самосознания и национальной идеи. Внимание авторов акцентируется на патриотизме как ценности, способствующей единению общества, его осмыслении в аспекте национальной идеи.

Ключевые слова: национальная безопасность, культурная безопасность, национальная идея, традиционные ценности, патриотизм

Для цитирования: Мельникова Л.В., Джинибалаян С.М. 2025. Культурная безопасность и национальная идея. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 886–894. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-886-894 EDN: NIZGUQ

Cultural Security and the National Idea

Larisa V. Melnikova, Sergey M. Djinibalayan
Don State Agrarian University
24 Krivoshlykova St., Persianovsky settl., Rostov region 346493, Russian Federation
smith_53@ mail.ru; dsm@donlib.ru

Abstract. This work examines challenges accompanying the formulation of the national idea in the paradigm of cultural security. The authors analyze the contours of the development of a national idea in modern socio-cultural realities as the basic factor in the consolidation of Russian society and an element of national and cultural security. National security is based on a solid sociocultural foundation, consisting of historically established Russian civilizational values and a national idea that holds this foundation together. Cultural security includes national security, socio-cultural and national identity, and is a determining factor in ensuring state security. The axiological core, the basic value content of Russian civilization, is made up of sociocultural invariants (spirituality, sovereignty, conciliarity), which, despite the historical dynamics, are relatively stable concepts. When detailing these invariants, traditional values are distinguished, which constitute the basis for shaping the national identity and national idea. The authors' attention is focused on patriotism as a value that contributes to the unity of society and on its understanding in the aspect of the national idea.

© Мельникова Л.В., Джинибалаян С.М., 2025

Keywords: national security, cultural security, national idea, traditional values, patriotism

For citation: Melnikova L.V., Djinibalayan S.M. 2025. Cultural Security and the National Idea. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law,* 50(4): 886–894 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-886-894 EDN: NIZGUQ

Введение

Национальная безопасность представляет собой очень емкую, многогранную и многостороннюю концепцию. Чаще всего ее связывают с сохранением суверенитета страны, ее военной и экономической мощи, и исследуют этот вопрос именно в этих аспектах. Но наряду с этим национальная безопасность самым тесным образом взаимосвязана с процессами, происходящими в жизни общества. Общественные отношения, система образования, уровень развития науки, искусства, идеология, ценностная ориентация, высшая ценность и все, что имеет отношение к нации, национальная культура и национальная идея оказывают непосредственное влияние на национальную безопасность, поскольку одним из базовых факторов национальной безопасности является консолидация общества и его однородность. Недооценивать это губительно для будущего страны. Масштабность данной проблемы сегодня становится очевидна всем: и обществу, и государству. Негативные тенденции и кризисные явления, связанные с уменьшением роли национальной культуры и, соответственно, с угрозой национальной безопасности, вызваны процессами глобализации, попыткой насаждения в российском обществе западных образцов и норм, формированием и повсеместным распространением потребительских ценностей. Вследствие этого у российских граждан происходит подмена понятий, трансформация мировоззрения и сознания, дезорганизация, потеря самобытности и культурного кода нации. Уже совершенно очевидно, что западные ценности неприемлемы для российского общества, необходимо срочно и кардинально изменять сложившуюся ситуацию. В связи с этим встают вопросы, на которые обществу следует дать ответы, наметить пути их решения с целью преодоления кризиса социокультурной идентичности: каким образом преодолевать деструктивные последствия глобализационных процессов и внедрения в сознание россиян западных норм? Каковы базовые принципы формирования национального самосознания? Что должно являться высшими ценностями в обществе и на основе чего разработать национальную идею? Как обеспечить и укрепить национальную безопасность?

Поиски ответов на эти и другие вопросы социокультурного аспекта в нашем обществе уже активно ведутся. Общественный диалог имеет место на разных площадках, так как эта проблематика действительно приобретает чрезвычайную актуальность. Но, несмотря на это, четких ответов еще не существует, и необходимы глубокие исследования этой непростой тематики. А для обеспечения высокого уровня национальной безопасности экономического, политического, технологического развития страны не достаточно, поскольку оно должно основываться на прочном и монолитном социокультурном фундаменте, состоящем из исторически сложившихся цивилизационных российских ценностей и национальной идеи как скрепляющего элемента этого фундамента, элемента общенационального единства. Сегодня на наших глазах происходит новый исторический поворот. Наше общество находится на новом витке развития. Наша задача заключается в том, чтобы четко обрисовать контуры нового пути развития на основе национальной идеи.

Выявление социокультурных факторов, способствующих осмыслению национальной идеи, и контуры ее разработки, а также взаимосвязь национальной идеи с культурной безопасностью являются целью нашего исследования.

Для реализации данной цели мы обращаемся к следующим методологическим принципам и подходам: системности, историзму, объективности, всесторонности,

поскольку культурная безопасность как важная составляющая национальной безопасности является сложной и многоуровневой системой, включающей в себя различные сферы жизни общества и деятельности человека. Элементы данной системы (политические, экономические, информационные, социальные и др.) образуют различные конфигурации, проникают друг в друга и постоянно взаимодействуют, образуя различные уровни. На принцип историзма необходимо опираться для выявления базовых социокультурных цивилизационных российских ценностей и разработки на их основе национальной идеи. У каждой нации свой, особенный и уникальный социально-исторический путь развития, в ходе которого он наполняется неким сакральным содержанием, особыми для этой нации смыслами и идеями, выражающимися в определенных символах, традициях и обычаях, ценностях, мировоззрении, национальном характере и т. п.

Проблема культурной безопасности

Проблема безопасности является одной из основных витальных проблем человека и общества. Безопасность – одно из главных условий цивилизационного развития и функционирования практически всех сфер общественной жизни и человеческой деятельности. В связи с этим безопасность представлена в различных аспектах, в том числе и культурологическом. Наиболее ощутимы, очевидны и понятны угрозы военного, геополитического, террористического, экономического характера, поэтому в проблематике национальной безопасности они первостепенны и широко исследуются. В гораздо меньшей степени акцентируется внимание на изучении культурной безопасности. Это связано с тем, что сложнее идентифицировать и адекватно оценить угрозы культурологического характера. Поэтому редко кто просчитывает негативные, иногда даже разрушительные последствия отсутствия культурной безопасности для развития страны, а это может спровоцировать масштабные деструктивные общественные процессы. Но сегодня следует отметить существенные изменения в исследовании и анализе культурной безопасности, понимание ее значения в обеспечении национальной безопасности и активную общественную дискуссию по этому вопросу. Проблемы в духовной сфере жизни общества настолько очевидны, что требуют безотлагательного решения. Для решения стратегических задач, выхода из кризиса социокультурной идентичности и определения дальнейшего пути развития страны государству необходимо обеспечить должный уровень культурной безопасности, поскольку культура является определяющим фактором.

Рассмотрим место и роль культурной безопасности в структуре национальной безопасности. «Национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [1].

Политика нашего государства в сфере национальной безопасности направлена на реализацию стратегии по защите национальных интересов. «Национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» [2]. Чаще всего речь идет о защите военной, геополитической, экономической, информационной сфер.

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 23 февраля 2025).

[2] Там же.

Вместе с тем, как отмечалось выше, сегодня все больше внимания уделяется социокультурному аспекту общественного развития. «Основными факторами, определяющими положение и роль Российской Федерации в мире в долгосрочной перспективе, становятся высокое качество человеческого потенциала... Состояние науки, инновационной сферы, промышленности, системы образования, здравоохранения и культуры превращается в ключевой индикатор конкурентоспособности России» [1]. Как мы видим из Указа Президента Российской Федерации, главными объектами, нуждающимися в обеспечении национальной безопасности, являются личность, общество и государство. Таким образом, государство должно обеспечить соответствующие для их развития военно-стратегические, геополитические, экономические условия.

В этом ключе следует рассматривать культурную безопасность как основу настоящей социальной реальности и будущего общественного бытия, а также определить ее главенствующие принципы и факторы, базовые элементы, способствующие сохранению национального суверенитета. Культурная безопасность представляет собой предельно широкую концепцию, объединяющую систему защиты национальной безопасности и социокультурной идентичности, а также культурную политику по сохранению базовых цивилизационных ценностей для обеспечения устойчивого развития российского общества. В нашем понимании культурная безопасность не сводится к безопасности самой культуры, а включает в себя национальную безопасность, социокультурное и национальное самосознание и является определяющим фактором обеспечения государственной безопасности.

Российская цивилизация как самобытная социально-историческая система в ходе своего развития создает, производит, транслирует свою материальную и духовную культуру и нуждается в ее защите и сохранении. Для обеспечения этих процессов личности, обществу и государству необходимо иметь, формировать и моделировать в соответствии с современными вызовами относительно устойчивое и стабильное ядро социокультурных цивилизационных ценностей и опираться на них. Эти ценностные ориентиры также являются основой для формирования национального самосознания, без которого трудно себе представить национальную и культурную безопасность, а также консолидацию общества. «Русскую цивилизацию можно рассматривать как замкнутую духовную общность, целостное развитие духовно-нравственных и материальных форм жизни русского народа, определивших его историческую судьбу и сформировавших национальное сознание» [Платонов, 2010]. К базовым аксиологическим ориентирам, прежде всего, относятся: историческая память, исторические традиции и традиционные ценности, национальная символика, духовно-нравственные нормы. «Российская Федерация рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности» [2].

Таким образом, аксиологическое ядро, базовое ценностное содержание российской цивилизации представляет собой относительно устойчивое и стабильное образование, несмотря на существующую историческую динамику ценностей. Поэтому культурная безопасность является важной составляющей национальной безопасности. Укрепление государственного суверенитета, устойчивое экономическое и социальное развитие сегодня рассматривается в тесной взаимосвязи с повышением уровня культурно-ценностного суверенитета.

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 23 февраля 2025).

[2] Там же.

Национальная идея

С учетом современных реалий – геополитических, военных, экономических вызовов и угроз, кризисных процессов в различных сферах – предпринимаемых на данный момент мер явно не достаточно для сплочения общества и обеспечения национальной и культурной безопасности. Сегодня возникла насущная потребность выработки теоретической концепции и практической политики в области национальной и культурной безопасности с опорой на национальную идею, консолидирующую все общественные слои и группы. Отсутствие идеи в обществе можно сравнить с отсутствием души у человека, такое общество постепенно будет деградировать и увядать: «Когда исчезает идея, общество уподобляется человеку, из которого вышел дух» [Шалыганов, 2017, с. 804]. Различные противоречия в обществе без единения, в том числе и на основе национальной идеи, активно разрушают государственное устройство. И в этом случае не может идти речь о национальной безопасности, развитии страны в различных сферах, сохранении ее самобытности и уникальности в социокультурном контексте, цивилизационных особенностей. «Идейный вакуум означает: опереться больше не на что, стратегической цели нет. Это приводит к естественным последствиям – система оплывает и рушится» [Шалыганов, 2017, с. 823]. На коротком временном отрезке отклонение от стратегического курса будет не сильно заметно. Но формирующиеся проблемы обязательно проявят себя и, возможно, уже в более масштабном, если не катастрофическом варианте. Поэтому сегодня разработка национальной идеи является приоритетной и важной задачей в стратегии развития нашего государства.

Основой национальной идеи должна стать некая высшая ценность. В каждом историческом периоде существует своя высшая ценность, в жертву которой приносятся все остальные ценности. В свое время религию потеснила идея коммунизма, затем государство потеснило идею коммунизма. Затем человек потеснил идею государства. В современном обществе «человека начинает теснить что-то новое, трудноуловимое. Это не государство и не материя. Это продукт обожествления быта и бренда» [Шалыганов, 2017, с. 828]. На данный момент это негативное изменение мировоззрения представляет собой масштабную проблему и угрозу для нашего общества. У человека, ориентированного на потребление, материальные ценности и бытовое благополучие, происходит трансформация сознания. В ценностях простого человеческого бытия ничего плохого нет, это вполне нормальное явление. Но когда эти ценности становятся высшей целью и жизненным приоритетом, подменяя собой духовность, сознание человека претерпевает деструктивные изменения.

В современном российском обществе, в котором на протяжении долгого периода происходило насаждение западных образцов, культа материального потребления, разработку национальной идеи на основе традиционных российских цивилизационных ценностей и ее внедрение в массовое сознание необходимо осуществлять одновременно с формированием нового мировоззрения, так как высшая ценность, являющаяся основой национальной идеи, определяется мировоззрением. Важно понимать и учитывать, что без определенного типа мировоззрения провозглашенная национальная идея работать не будет, а будет являться лишь профанацией. «Ценность, ради которой нужно не жалеть ни себя, ни семью, ни жизнь, всегда вытекала из мировоззрения. Например, при монархии основанием патриотизма была религия. Царь считался представителем Бога, и потому защита державы, которую ему вверил Бог, считалась служением Богу. Жертвуя собой ради России, человек в конечном итоге понимал это жертвой Богу» [Шалыганов, 2017, с. 822].

В Указе «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Президент страны отмечает, что мировоззрение российского народа необходимо формировать на основе традиционных ценностей: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к

поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [1]. При формировании определенного мировоззрения, на основе которого будет разрабатываться, внедряться и эффективно работать на благо страны национальная идея, необходимо учитывать, что в соответствии с закономерностями развития общества смена мировоззренческих принципов не происходит одномоментно, а растягивается на довольно продолжительный временной период и может охватывать не одно поколение. Следовательно, имеет смысл искать корни высшей ценности в национальном культурно-историческом коде, правильно его определить и интерпретировать в современной ситуации.

В вопросе формирования национальной идеи необходимо акцентировать внимание на том, что на одной риторике без подтверждения конкретными делами, внедрения разработок идеи в жизнь, результата не будет, один из примеров этому – распад СССР. «Советское общество формально заявляет о служении одному божеству (коммунизму), но фактически служит другому (государству)… Советские люди толком не осознали, что строят» [Шалыганов, 2017, с. 823]. Таким образом, противоречия, появляющиеся в обществе, будут действовать как деструктивная сила, и возникает шанс разрушения государственности.

Далее рассмотрим, что может являться основой реально работающей на благо общества, обеспечивающей его культурную безопасность национальной идеи. Однозначно, это будут не экономические, не материальные посылы. Никакие экономические требования не способны сконцентрировать вокруг себя огромную энергию масс, а лишь могут объединить мечтающих о власти, и в лучшем случае при этом может появиться оппозиционная партия. Лишь высшая идея духовного содержания будет принята народом и близка ему. Духовность всегда являлась одной из основ российской цивилизационной идентичности и особенностью русского национального характера. Такая высшая идея дает мощный энергетический импульс и может собрать вокруг себя интеллектуалов, способных понять возникновение и природу того или иного посыла, необходимого для национальной идеи, определить вектор, пути и методы его реализации в массах, а также осмыслить масштаб мировоззренческой трансформации. Обычным людям это не под силу. Изначально формирование национальной идеи должно осуществляться интеллектуальной элитой общества, поскольку обычный человек, какими бы способностями и ресурсами он ни обладал и каким бы высоко моральным принципам ни следовал, не начнет действовать первым, он может присоединиться к процессу. Общество может принять данную идею, если она действительно будет отражать духовные и ценностные ориентиры, выработанные на протяжении цивилизационного развития, будет близка и понятна по духу национальному самосознанию и национальным интересам. Таким образом, важными составляющими успеха являются уровень четкости и понятности сформированной идеи, ее соответствие ожиданиям масс, а также учет особенностей исторического развития в целом и конкретной современной ситуации.

Далее проанализируем, что из цивилизационных социокультурных инвариантов российской идентичности можно взять за основу национальной идеи. Инвариантами мы называем относительно устойчивые, но в то же время исторически динамичные цивилизационные структурные компоненты. По мнению В.Ф. Шаповалова, «в истории, наряду с преходящим, изменчивым, исторически обусловленным, существенное место занимает и то, что может быть условно названо "вечным" [Шаповалов, 2003, с. 8]. Следовательно, логично осуществлять поиск национальной идеи именно в том, что

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/405679061/ (дата обращения: 23 февраля 2025).

остается неизменным, но проявляется в различных вариантах в зависимости от исторических моментов, способствуя непрерывности существования и сохранению российской цивилизации, ее уникальности и самобытности, а также преемственности поколений. «Мы исходим из факта единства исторической устойчивости и изменчивости культурной идентичности России и выделяем следующие инварианты или основные вневременные структуры российской культурной идентичности: духовность (на некоторых исторических этапах проявляется в форме православия), самодержавие, соборность (целостность народной, общественной и государственной жизни)» [Мельникова, Поломошнов, 2012, с. 65].

Таким образом, мы можем осмыслить, какая высшая ценность является доминирующей на современном историческом этапе развития российского общества и способна выступить для него консолидирующей основой. «Россия сумела создать органическое сочетание единства и свободы, в условиях которого почти каждый русский был строителем великой державы не за страх, а за совесть. Абсолютные ценности, на любви к которым объединялись русские люди – Бог, Царь, Родина, или, как это звучало в массе: за Веру, Царя и Отечество. Таким образом, известная формула «православие – самодержавие – народность» возникла не на пустом месте, а отражала соборные ценности русского народа, возникшие еще в глубокой древности. Эти мотивы звучат в самых ранних произведениях Древней Руси» [Платонов, 2010].

Сейчас в нашем обществе активно ведется дискурс о патриотизме как ценности, способствующей единению и гармонизации общества, происходит осмысление патриотизма в аспекте национальной идеи нашего государства в современных социокультурных реалиях, и законодательно обозначаются векторы возрождения этой духовной аксиологической основы российского народа. В Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» говорится: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы…» [1]. Патриотизм как проявление соборности на протяжении всего исторического развития России являлся важной составляющей русской культуры, идентичности и национального самосознания, он способствовал укреплению и сохранению суверенитета страны. В самые сложные моменты войн и смуты, конфликтов и кризисов, катастроф и стихийных бедствий патриотизм являлся объединяющей общество силой. Сегодня в российском обществе патриотизм выступает на передний план в качестве традиционной высшей ценности для формирования национальной идеи. В Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Президент «в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета…, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма…, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности…» ставит задачу создания необходимых условий «для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей…» [2]. Таким образом, патриотизм как аксиологическая ценность основывается на целостном образе Отчизны, складывающемся из многих

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/405679061/ (дата обращения: 23 февраля 2025).

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84648.html (дата обращения: 23 февраля 2025).

компонентов: обеспечения национальной и культурной безопасности, геополитического суверенитета, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранения самоидентичности, самобытности и уникальности в национальном сознании, социокультурного единства традиций и современных новаций, высокого уровеня жизни и достойного места гражданина в общественной жизни и т. п.

Но вместе с тем в современных реалиях мы можем констатировать негативные трансформации этой высшей ценности, которые требуют глубокого осмысления и переформатирования. Прежде всего, это связано с продолжительным кризисом культурной идентичности, образовавшимся после распада СССР, заменой традиционных российских ценностей на западные, идеологическим вакуумом, несформированностью надлежащего для этой идеи мировоззрения. Выше мы говорили, что пока не сформировано соответствующее мировоззрение, провозглашение патриотизма высшей ценностью так и останется только провозглашением, пустым лозунгом, не наполненным смыслом и не нашедшим отклик в сердцах и умах нашего народа. Патриотизм, любовь к Отечеству, готовность пожертвовать всем ради него должны стать частью национального самосознания. «Сегодня формированию патриотизма препятствуют расслоение общества, бедность, этнонационализм, коррупция, идеологический плюрализм» [Костина, Макаревич, Карпухин, Луков, 2021, с. 518].

Таким образом, нашему обществу необходимо провести огромную работу для преодоления негативных изменений этого базового инварианта социокультурной идентичности и истинного его возрождения как высшей традиционной ценности. Для этого следует разработать ясную и четкую программу, сконцентрированную не на формулировках, лозунгах и призывах, а на содержании и этапах внедрения в жизнь. Мы видим, что запрос в обществе на патриотизм как национальную идею существует. Этот посыл идет не только сверху, то есть от государства, но и снизу, то есть от народных масс, для которых противоестественно жить в ценностном и идеологическом вакууме или с опорой не на те ценности (материальные), без высшей идеи. Как мы отмечали выше, такое общество обречено. «Стержень самобытности России – ее духовные основы, ее история, смыслы и ценности, разделяемые ее народом, ее прочная гражданская идентичность и сплоченность ее граждан. Все это именуется культурой и становится основой национальной безопасности нашей страны» [Костина, Макаревич, Карпухин, Луков, 2021, с. 519]. Поэтому в целях выживания, самосохранения российской цивилизации общество пришло к этому пониманию и готово двигаться в направлении, соответствующем национальной идеи.

Заключение

Культурная безопасность является важным фактором национальной безопасности. Укрепление нации, ее консолидация является залогом успешного экономического развития и функционирования гражданских и политических институтов, сохранения независимости страны и ее будущего процветания. Сплочение нации происходит на основе общей системы представлений и ценностей, которые складываются в процессе цивилизационного развития в границах национальной истории и формируют определенное мировоззрение и культурный код. Таким образом, культурная безопасность определяется социокультурной идентичностью и национальным самосознанием, которые претерпевают исторические трансформации, иногда негативные в силу различного рода внешних и внутренних вызовов, кризисов и угроз. Вследствие этого возникает витальная потребность в разработке парадигмы и практической политики в области национальной культурной безопасности.

В обеспечении культурной безопасности страны главенствующую роль играет национальная идея как фактор консолидации общества. Высокий уровень культурной безопасности можно обеспечить только при наличии национальной идеи.

В российской цивилизации существуют основные инварианты культурной идентичности: духовность, самодержавие (сильная государственная власть), соборность. Эти достаточно устойчивые вневременные образования являются социокультурным ядром национальной идеи. Русская национальная идея получает свое выражение также в системе традиционных ценностей. В парадигме национальной идеи сегодня происходит активное осмысление патриотизма как ценности, способствующей единению и гармонизации общества в современных социокультурных реалиях, и законодательно обозначаются векторы возрождения этой духовной аксиологической основы российского народа.

Список литературы

Костина А.В., Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И., Луков В.А. 2021. Культура как фактор национальной безопасности современной России: Значение и ролевая модель. Москва, ЛЕНАНД, 328 с.

Мельникова Л.В., Поломошнов А.Ф. 2012. Российская социокультурная идентичность в исторической перспективе. п. Персиановский, 186 с.

Платонов О.А. 2010. Неповторимые черты русской цивилизации. Доклад. Изборский клуб. URL: https://izborsk-club.ru/428 (дата обращения 23 февраля 2025).

Шаповалов В.Ф. 2003. Истоки и смысл российской цивилизации. Учебное пособие для вузов. Москва, ФАИЕР-ПРЕСС, 624 с.

Шалыганов Ю.В. 2017. Проект «Россия». ПСС. Книга 1-я. Москва, Эксмо, 944 с.

References

Kostina A.V., Makarevich E`.F., Karpukhin O.I., Lukov V.A. 2021. Kul`tura kak faktor naczional`noj bezopasnosti sovremennoj Rossii: Znachenie i rolevaya model`. [Culture as a factor of national security of modern Russia: Significance and role model]. Moscow, Publ. LENAND, 328 p.

Melnikova L.V., Polomoshnov A.F. 2012. Rossijskaja sociokul'turnajai identichnost' v istoricheskoj perspektive. [Russian socio-cultural identity in historical perspective]. P. Persianovskij, 186 p.

Platonov O.A. 2010. Nepovtorimy`e cherty` russkoj czivilizaczii. Doklad. Izborskij klub. URL: https://izborsk-club.ru/428 (date of application: 23.02.2025).

Shapovalov V.F. 2003. Istoki i smy`sl rossijskoj czivilizaczii. [The origins and meaning of Russian civilization]. Uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow, Publ. FAIER-PRESS, 624 p.

Shalyganov Yu.V. 2017. Proekt «Rossiya». [Project «Russia»]. PSS. Book 1. Moscow, E`ksmo, 944 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.02.2025
Поступила после рецензирования 28.05.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received February 28, 2025
Revised May 28, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельникова Лариса Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Ростовская обл., Россия.

Джинибалаян Сергей Манукович, аспирант кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Ростовская обл., Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa V. Melnikova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Rostov region, Persianovsky settl., Rostov region, Russia.

Sergey M. Djinibalayan, Postgraduate Student of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky settl., Rostov region, Russia.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-895-903
EDN PAZVTY

Медиаполитика как технология бытия: субъект в эпоху алгоритмов

Сорокопуд М.С.
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Белгород, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
azarimariya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается медиаполитика как фундаментальная технология бытия в условиях цифровой трансформации общества. Автор исходит из онтологического понимания медиасреды, в которой алгоритмы и платформы перестают быть лишь нейтральными посредниками информации, превращаясь в активных агентов формирования субъектности, публичности и истины. В контексте философских подходов М. Хайдеггера, М. Фуко, Б. Стиглера и Х. Арендт анализируются трансформации понятий истины, власти и этики в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется феномену алгоритмической модификации публичного пространства, в котором субъект предстает как производная от цифрового следа и поведенческой модели, а истина как результат сетевой видимости и перформативного признания. В статье также рассматриваются этические дилеммы, возникающие в условиях платформенного управления вниманием, персонализированной фильтрации информации и машинной генерации контента. Делается вывод о необходимости философской переоценки медиаполитики как института, конституирующего саму форму цифрового существования субъекта в XXI веке.

Ключевые слова: медиаполитика, цифровая власть, философия медиа, субъектность, истина, цифровая этика, публичность

Для цитирования: Сорокопуд М.С. 2025. Медиаполитика как технология бытия: субъект в эпоху алгоритмов. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 895–903. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-895-903 EDN: PAZVTY

Media Policy as a Technology of Being: Subject in the Age of Algorithms

Maria S. Sorokopud
I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
azarimariya@yandex.ru

Abstract. The article examines media policy as a fundamental technology of being in the context of the digital transformation of society. The author proceeds from the ontological understanding of the media environment, in which algorithms and platforms cease to be just neutral intermediaries of information, turning into active agents of the formation of subjectivity, publicity and truth. In the context of the philosophical approaches of M. Heidegger, M. Foucault, B. Stiegler, and H. Arendt, the transformations of the concepts of truth, power and ethics in the digital age are analyzed. Particular attention is paid to the phenomenon of algorithmic modification of public space, in which the subject appears as a derivative of a digital trace and behavioral model, and truth as a result of network visibility and performative recognition. The article also examines the ethical dilemmas that arise in the context of platform attention management, personalized information filtering and machine content generation. A conclusion is made

© Сорокопуд М.С., 2025

about the need for a philosophical reassessment of media policy as an institution that constitutes the very form of digital existence of the subject in the 21st century.

Keywords: media policy, digital power, philosophy of media, subjectivity, truth, digital ethics, publicity

For citation: Sorokopud M.S. 2025. Media Policy as a Technology of Being: Subject in the Age of Algorithms. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 895–903 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-895-903 EDN: PAZVTY

Введение

Цифровая трансформация медиапространства радикально изменила способ существования, коммункации и мышления человека в общественной среде. Современные алгоритмические платформы не просто обеспечивают доступ к информации, но активно формируют онтологические условия публичности, субъектности и истины. В этих условиях медиаполитика перестает быть лишь инструментом государственного или корпоративного регулирования и становится технологией бытия, участвующей в самом процессе конституирования человеческого «я» в цифровой среде.

Традиционные категории политической философии (свобода выражения, публичная сфера, субъект права) оказываются недостаточными для анализа новой конфигурации власти, в которой алгоритмы незаметно управляют вниманием, восприятием и реакциями человека. Французский философ М. Фуко отмечал: «На самом деле власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к ее продукции» [Фуко, 2021, с. 138]. Сегодня эта производящая функция реализуется с помощью медиаплатформ, превращая медиаполитику в ключевой механизм субъектопроизводства.

Целью исследования является философское осмысление медиаполитики как технологии бытия, ее роли в трансформации субъекта в условиях цифровой алгоритмизированной реальности. Гипотеза исследования заключается в том, что современная медиаполитика функционирует как онтологическая техника, производящая определенный тип субъективности, основанный на вычислимости, управляемости и поведенческой предсказуемости.

Основой исследования является междисциплинарный синтез философии техники, политической онтологии, цифровой гуманитаристики и критической теории медиа. Исследование базируется на герменевтическом анализе философских текстов (М. Хайдеггер, М. Фуко, Х. Арендт, Б. Стиглер, Ю. Хабермас), а также на критическом прочтении эмпирических кейсов (работа алгоритмов TikTok, Facebook, X [1] и др.) сквозь призму философской рефлексии. Ключевые методологические подходы: феноменологический анализ цифрового опыта субъекта, генеалогический подход к формированию цифровой власти и режимов истины, теория медиатехнологий как структур власти и производств субъектности, критика платформенного капитализма в ее философском измерении. Также используются элементы аналитической реконструкции медиаполитических документов (например, Digital Services Act, AI Act), чтобы показать, как философские основания воплощаются в нормативных механизмах.

Анализ результатов исследования

Цифровое медиапространство, представляющее собой виртуальную проекцию социальной реальности, в современное время приобретает радикально новую онтологическую форму, в которой происходят трансформации самого способа бытия,

[1] *Facebook принадлежит Meta, признана судом экстремистской и запрещена в РФ. X (Твиттер) заблокирован на территории РФ.*

восприятия мира и отношений между субъектами. Мы имеем дело не с отражением или дополнением реального, а с созданием вторичной онтологии, в которой цифровое и символическое неотделимо от материального и политического.

М. Хайдеггер утверждает, что «техника – это не просто некая произвольная человеческая деятельность, но "способ раскрытия» [цит. по: Rohkrämer, 2005, с. 186]. В этом контексте цифровые технологии, включая алгоритмы социальных платформ, механизмы модерации, фильтры контента и рекомендательные системы, выступают как онтологические агенты, определяющие, что и как может быть проявлено, доступно, интерпретировано. Цифровая медиаполитика как система институциональных и технократических практик становится формой производства действительности и задает правила манифестации смыслов, «архитектонику видимости» (согласно взглядам Ж. Бодрийяра), формируя тем самым то, что считается реальным, а что иллюзорным, допустимым или подлежащим забвению.

Анализируя природу власти, М. Фуко подчеркивает: «На самом деле, власть производит; она производит реальность; она производит область своих объектов, а также методов добывания истины относительно них» [Фуко, 1993, 2024, с. 53]. Цифровая медиаполитика действует по этому принципу и институционально (государственно) и технологически (алгоритмически) организует поля допустимых дискурсов. Решение о блокировке или продвижении информации (от Twitter до TikTok) становится актом онтологической селекции, в которой «быть представленным» означает «быть». Например, в Иране в 2022 году аккаунты пользователей, публиковавших сообщения о протестах на персидском языке, подвергались массовым удалениям [Alimardani, 2022]. Инфовласть отличается от традиционных форм власти тем, что она не подавляет напрямую, а структурирует поведение посредством управления вниманием. Инфовласть работает через «архитектуру выбора», создавая контекст, в котором субъекты «сами выбирают» нужное поведение, что соответствует концепции «правительственности» М. Фуко, в которой власть осуществляется посредством управления возможностями и условиями выбора.

Онтологическая глубина цифровой медиаполитики особенно очевидна в феномене платформенной зависимости мышления. Мыслимое все чаще соразмеряется с тем, что можно сказать «в рамках платформы», будь то в пределах 280 символов [1] или в актуальных видео в TikTok. То, что не вписывается в эти форматы, не просто теряет возможность быть услышанным, а теряет право на существование как социально релевантная мысль. Примером также является деятельность YouTube по демонетизации или удалению видеоконтента, который алгоритмы или модераторы считают нарушающим «стандарты сообщества» (от антипрививочной пропаганды до видео с критикой военных действий). Независимо от содержания, это становится актом онтологического «отсечения»; видео, которому отказано в показе и распространении, оказывается онтологически нереализованным в публичном поле. Цифровая медиаполитика требует философского осмысления как практики онтологического управления, в котором технологии и институты формируют не просто информационную среду, а саму структуру проявленности современного мира.

Классическая эпистемология, начиная с Платона и завершая Новым временем, предполагала устойчивую модель познания: субъект (рациональный, автономный, мыслящий) способен при определенных условиях достичь истины как соответствия мысли и реальности. Указанная парадигма утверждалась в философии Р. Декарта, Д. Канта, И. Локка и была основана на доверии к логике, наблюдению и универсальным критериям истины. Однако в условиях цифровой эпохи происходит эпистемологический сдвиг, радикально изменяющий само понимание того, что такое истина и как она производится.

[1] *Ограничение длины сообщений в Twitter – 280 символов.*

Современная цифровая среда подчинена алгоритмической логике, то есть информации присваивается значимость не на основе истины, а на основании метрик вовлеченности (количества просмотров, репостов, кликов, лайков). Согласно мнению Ж. Бодрийяра, «симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет» [Бодрийяр, 2016, с. 126]. Цифровая истина становится функцией перформативной видимости, и то, что видимо, обсуждаемо и подкреплено социальным вниманием, обретает статус правды. Происходит трансформация от истины как соответствия к истине как социально-алгоритмической функции. Твит с миллионом репостов влияет на сознание больше, чем экспертное заключение, опубликованное в академическом журнале. Цифровая медиаполитика в этой системе берет на себя роль регулятора эпистемических границ. Она определяет, что следует считать «научной точкой зрения», а что «фейком», и что может распространяться как «общественно значимая информация», а что блокируется как «вредное содержание». Однако в условиях непрозрачности алгоритмических механизмов и политизации процессов модерации возникают опасные эпистемологические парадоксы. В стремлении «защитить истину» (будь то государство, частные платформы или международные организации) цифровая власть часто производит истину как управляемую конструкцию. Истина превращается в то, что санкционировано, допущено к воспроизводству и институционально охраняемо, что соответствует критике М. Фуко: «Истина – это вещь этого мира: она создается только в силу множества форм ограничения. И это вызывает регулярные эффекты силы. Каждое общество имеет свой режим истины, свою "общую политику" истины: то есть типы дискурса, которые оно принимает и заставляет функционировать как истинные; механизмы и примеры, позволяющие отличать истинные от ложных утверждений, средства, с помощью которых каждое из них санкционируется; методы и процедуры, придающие ценность получению истины; статус тех, кто обязан говорить то, что считается истинным» [Фуко, 2002, с. 76]. В результате истина теряет универсальность, становясь локальной и контекстуальной, зависимой от инфраструктуры ее производства, что и есть суть феномена постправды, о котором говорит аналитик С. Тесич: «Единой правды нет, есть множество правд индивидуальных» [Тесич, 1992, с. 13], а Г. Франкфурт в работе «Об истине» писал, что «вранье уважает истину – по крайней мере, признает ее. А болтовня равнодушна к ней» [Гарри, 2020, с. 43]. Рассмотрим конкретный пример, в период пандемии COVID-19 цифровые платформы (Facebook, Twitter и YouTube), активизировали модерацию, удаляя «вредную» медицинскую информацию, а границы между дезинформацией и альтернативной научной позицией часто оказывались размытыми. Так, удалялись видео с учеными, высказывающими сомнения в обязательной вакцинации, даже если их аргументация не содержала фейков, но выходила за рамки официальной линии ВОЗ, что показывает, как эпистемическая цензура может превратиться в политико-технологическую практику управления истиной.

Корейско-немецкий философ Бен-Чхоль Хан подчеркивает, что «цифровая прозрачность не ведет к истине, а к перегрузке. Когда все становится видимым, исчезает фокус – и, значит, исчезает истина» [Хан, 2023, с. 133]. Информационная гиперпрозрачность парадоксальным образом ослабляет критерии истины. Мы живем в мире, в котором доступ к данным является беспрецедентным, а понимание становится все более поверхностным. Алгоритмы платформ способствуют замыканию пользователя в когнитивных пузырях, в которых он видит только согласующиеся с его взглядами материалы, что подрывает саму возможность диалогического познания, которой придерживался Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия. В итоге цифровая медиаполитика стоит перед этико-эпистемологическим вызовом, либо она будет действовать в логике цифровой биовласти (производя «официальную истину» и управляя дискурсом), либо она должна будет выработать механизмы открытой критической рефлексии, обеспечивающей прозрачность модерации, плюрализм мнений и поддержку

условий для подлинного познания. Без этого истина рискует окончательно утратить свое значение, уступив место политически управляемому информационному пейзажу.

Нельзя не отметить, что цифровая медиаполитика обостряет ряд фундаментальных этических проблем современности, связанных с границами свободы выражения, правом на доступ к информации, ответственностью за цифровое высказывание и защитой человеческого достоинства в условиях тотальной прозрачности и сетевой уязвимости. Этика медиапространства находится в сложном равновесии между либеральной традицией индивидуальных прав и необходимостью защиты общества от манипуляций, дезинформации, языка вражды и цифрового насилия. В классической либеральной традиции, представленной Д.С. Миллем, свобода слова выступает краеугольным камнем открытого общества: «Если запрещаемое мнение правильно, то запрет на его выражение означает запрет на знание истины, если же оно неправильно, то препятствовать его выражению – значит мешать людям достичь лучшего понимания истины, возможного в результате столкновения истины с заблуждением» [Милль, 1995, с. 246]. Однако в цифровом пространстве границы между мнением и вредом размыты. Высказывание, сделанное в частной социальной сети, может вызвать волну травли, подстрекательства или стать катализатором политического насилия. Возникает этическая дилемма, где заканчивается свобода выражения и начинается моральная обязанность воздержаться от высказывания, способного причинить вред? Кто должен определять это – государство, технологические корпорации, профессиональные модераторы или сами пользователи?

Ответы на эти вопросы могут быть найдены с помощью полицентрического подхода. Ни государство, ни технологические корпорации, ни сами пользователи не могут монопольно определять, где проходит эта граница, поскольку она контекстуальна и подвижна. Следуя этике ответственности Э. Левинаса, высказывание не может быть нейтральным, оно всегда обращено к Другому и потому предполагает моральное измерение до свободы. Оптимальным является распределенная система, в рамках которой государство устанавливает юридические рамки, платформы реализуют технические фильтры, профессиональные модераторы обеспечивают интерпретацию в конкретных случаях, а пользователи вовлечены в формирование культуры этической рефлексии. Такая модель позволит сохранить баланс между правом на высказывание и обязанностью не причинять вред в цифровом публичном пространстве.

Э. Левинас утверждает, что подлинная этика возникает при встрече с Другим, в признании его инаковости и уязвимости: «Лицо Другого зовет меня, разрушает до основания мое радостное обладание миром. И я чувствую, что меня зовет вопрос. Это тревожно и это может разрушить меня до основания. Он говорит со мной, зовет меня, приглашает меня в отношения, и я отвечаю» [Левинас, 1998, с. 154]. Цифровая персонализация, алгоритмическая фильтрация и системы таргетинга искажают эту возможность встречи. Вместо этического контакта с инаковостью пользователь оказывается в цифровом эхо-отражении, в котором окружающее информационное поле подтверждает уже имеющиеся взгляды, вкусы, страхи и предрассудки. Подобные платформенные механизмы, как алгоритмы, обучаются на предыдущих предпочтениях пользователя, исключая не только дискомфортные, но и этически значимые встречи с чужим (по мнению Э. Левинаса), что ведет к редукции публичности и подрыву межчеловеческого пространства как этической категории. Цифровая этика здесь сталкивается с парадоксом, попытка защитить пользователя (с помощью модерации, ограничения контента, удаления экстремизма) нередко ведет к ограничению моральной зрелости, поскольку этически значимые ситуации предполагают столкновение с конфликтом, противоречием, амбивалентностью. Без возможности встретиться с инаковостью, общество теряет навык этического различения. Примером служит политика X (ранее Twitter), в рамках которой после покупки И. Маском платформы было отменено множество ограничений на выражение мнений. С одной стороны, это поддерживает идею

«абсолютной свободы слова», с другой – привело к всплеску антисемитских, расистских и сексистских высказываний. Где проходит граница между радикальной свободой и цифровым варварством – остается открытым вопросом.

Цифровая медиаполитика не может быть сведена к формальной модерации контента. Она должна стать этической инфраструктурой, способной обеспечить условия для сосуществования автономии и взаимной уязвимости, что включает прозрачные правила модерации, основанные на этических принципах, а не только политических и юридических нормах; права на апелляцию и возражение при удалении контента; платформенную ответственность за распространение вредоносного контента; институции цифровой медиаграмотности, формирующие критическое и этически чувствительное мышление у пользователей. Цифровая политика должна быть ориентирована не только на «регулирование поведения», но и на воспитание цифровой субъектности, способной к рефлексии, эмпатии и принятию инаковости. Этический вызов заключается не в том, чтобы удалить весь «вредный» контент, а в том, чтобы научить общество жить с различием и принимать сложность цифрового мира как неизбежную этическую данность.

Классическая модель публичности, развитая в трудах Х. Арендт и Ю. Хабермаса, базировалась на представлении об открытом, горизонтальном пространстве, в котором свободные и равноправные граждане участвуют в рациональном обсуждении общего блага. Х. Арендт подчеркивает: «В публичной сфере, где в расчет принимается только то, что можно увидеть или услышать, "видимость" и "слышимость" имеют первостепенное значение» [Арент, 2013, с. 226].

Ю. Хабермас анализировал становление буржуазной публичности как пространства критической рефлексии, диалога и контроля над властью [Хабермас, 2016]. Однако в цифровую эпоху эти классические категории подвергаются трансформации. Публичность становится не пространством консенсуса, а ареной фрагментированной, поляризованной и алгоритмически управляемой коммуникации. Цифровые платформы создают мнимую открытость, в действительности фильтруя видимость, продвигая одни высказывания и маргинализируя другие на основе коммерческих, политических или идеологических соображений. Публичное пространство оказывается алгоритмически медиатизированным, то есть не существует как априорная политическая сцена, а формируется в зависимости от цифровой архитектуры, что приводит к феномену «платформенной публичности», контингентной, нестабильной и глубоко иерархичной. Пользователь не столько выражает мнение, сколько производит данные, которые затем используются для таргетинга, предсказания и поведенческого моделирования. Именно здесь возникает проблема субъектности. Вместо гражданина, наделенного разумом, речью и политической волей, на передний план выходит так называемый цифровой двойник, другими словами, это агрегат метаданных, поведения, эмоциональных реакций и сетевой активности. Цифровая медиаполитика в этой парадигме функционирует не как нейтральный механизм регулирования, а как технология субъектопроизводства, структурирующая способы самовосприятия, идентичности и участия в обществе.

Будущее медиаполитики в цифровую эпоху не сводится к технической модерации контента или юридическому надзору над платформами и предполагает фундаментальный философский поворот в понимании информации, субъекта и власти. В условиях, когда цифровые медиа не просто транслируют реальность, а формируют саму ткань социального мира, перспективы медиаполитики связаны с вопросом – каким будет человек в эпоху постцифровой культуры? Можно предположить, что человек будущего будет представлять собой не автономный субъект модерности, а платформенно-опосредованное существо, чья идентичность, память и восприятие мира конструируются с помощью медиатехнологий. Следовательно, медиаполитика должна рассматриваться как дисциплина, формирующая, помимо коммуникационных режимов, и онтологические условия становления субъекта, чья свобода, критичность и способность к этическому

отношению к Другому будут зависеть от архитектуры цифрового взаимодействия. У. Митчелл еще в 1990-х предсказывал, что цифровая инфраструктура станет новой формой архитектуры власти, и предлагал говорить о «кодированном городе», в котором коммуникационные технологии определяют траектории движения, доступ и поведение [Митчелл, 2017, с. 278]. Сегодня указанная идея находит отражение в «умных городах», в которых граждане взаимодействуют с государством посредством цифровых интерфейсов, а управление становится программируемым (от здравоохранения до голосования). Возникает новая форма инфраструктурной медиаполитики, когда сама технология принимает решение о том, кто и когда получает доступ к информации, как формируется доверие и где устанавливаются границы допустимого.

В ближайшие десятилетия медиаполитика столкнется с двумя фундаментальными вызовами: глобализацией искусственного интеллекта и концентрацией цифровой медиасобственности в руках транснациональных корпораций. Указанные тенденции способны радикально изменить баланс между публичным и частным, гражданскими правами и алгоритмической властью. С одной стороны, стремительное внедрение генеративного искусственного интеллекта в сферу медиа (ChatGPT, Sora, Gemini, Claude и др.) приводит к тому, что информация перестает быть следствием человеческого дискурса, а становится синтезированной машинными структурами, что создает новый тип медиареальности (машинную реальность), в которой граница между оригиналом и симулякром стирается. Ж. Бодрийяр еще в 1981 году предвидел это, описывая эпоху симулякров как время, когда «знак не отражает реальность, а подменяет ее, формируя гиперреальность» [Бодрийяр, 2000, с. 121]. В контексте развития искусственного интеллекта медиаполитика должна будет решать вопросы не только модерации, но и онтологической достоверности высказывания. Кто несет ответственность за сгенерированный с помощью искусственного интеллекта контент? Где проходит граница между «искусственным знанием» и человеческим свидетельством? Это приведет к формированию новых правовых категорий, таких как цифровая идентичность искусственного интеллекта, право на аутентичную информацию или когнитивная гигиена общества. С другой стороны, наблюдается все более явная тенденция к олигополии медиасобственности. Крупнейшие цифровые платформы контролируют инфраструктуру цифровой публичности, включая хостинг, алгоритмы ранжирования, рекламные бюджеты и аудитории. Описанная ситуация означает, что власть над медиасредой становится властью над самой возможностью публичного существования.

Н. Срничек подчеркивает, что платформы стремятся к максимальной централизации данных, чтобы усиливать прогнозируемость поведения и снижать транзакционные издержки. В этом контексте возможны два сценария. Первый, технократический, при котором происходит дальнейшая приватизация медиапространства, когда государства становятся зависимыми от частных платформ, а публичная сфера управляется как сервис, и возникает угроза утраты цифрового суверенитета. Второй, республиканский, при котором происходит установление демократического контроля над медиасредой (внедрение платформ, служащих общественным интересам, систем «прозрачный искусственный интеллект», государственной поддержки альтернативных медиа, прав на алгоритмическое объяснение). Отсюда вытекает необходимость институциональной философии медиавласти, дисциплины, которая будет не только критиковать цифровую власть, но и проектировать формы ее переустройства. Такой подход требует соединения усилий философов, юристов, инженеров, педагогов и самих граждан. Если медиаполитика останется лишь реактивной (цензурующей и охраняющей), она будет неизбежно отставать от скорости технологических трансформаций. Чтобы быть адекватной вызовам будущего, она должна стать проективной, не только регулировать потоки информации, но и предугадывать модели субъектности и кооперации в цифровом мире.

Таким образом, современная цифровая медиаполитика является ключевым элементом трансформации структуры общественного бытия, формирующим новые режимы истины, публичности, субъектности и этики. Философский анализ позволяет выявить глубинные импликации этой трансформации и поставить вопрос о границах допустимого в цифровом управлении. Но в перспективе необходима разработка философски обоснованного медиаполитического проекта, способного не только защищать общество от цифровых угроз, но и сохранять пространство свободы, ответственности и критического мышления. Без этого цифровая власть рискует перерасти в форму тоталитарного контроля, скрытого под маской рациональности и эффективности.

Список литературы

Арент Х. Ответственность и суждение; пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. Москва: Издательство Института Гайдара, 2013. 350 с.

Бен-Чхоль Хан Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг. Москва: АСТ, 2023. 158 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. Москва: Добросвет, 2000. 389 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции; пер. с фр. А. Качалова. Москва: ПОСТУМ, 2016. 238 с.

Гарри Г. Франкфурт Об истине. Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. 72 с.

Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высш. религиоз.филос. шк., 1998. 264 с.

Митчелл У. Я ++. Человек, город, сети: электронный ресурс. 3-е изд. Москва: Стрелка Пресс, 2017. 386 с.

О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / Рос. акад. наук, Ин-т философии; сост. М.А. Абрамов и др.; отв. ред. М.А. Абрамов. Москва: Наука, 1995. 461 с.

Тесич С. Правительство лжи // The Nation. 6 января 1992. С. 12–14.

Фуко М. Археология знания; пер. с французского М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. Изд. 4-е, стер. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2024. 413 с.

Фуко М. Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии. 1993. №5. С 53.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; перевод с французского: С. Ч. Офертаса, под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. Москва: «Праксис», 2002. 384 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы; пер. В. Наумов. Москва: Ад Маргинем Пресс: Garage, cop. 2021. 383 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года; пер. с немецкого В.В. Иванова. Москва: Весь Мир, 2016. 342 с.

Alimardani M. How Instagram Is Failing Protesters in Iran / [Электронный ресурс]. – URL: https/slate.com/technology/2022/06/instagram-meta-iran-protests-exceptions.html

Rohkrämer Th. Martin Heidegger, National Socialism, and Environmentalism // How Green Were the Nazis?: Nature, Environment, and Nation in the Third Reich / Ed. by F.-J. Brüggemeier, M. Cioc, T. Zeller. Athens; Ohio: Ohio University Press, 2005. P. 186.

References

Arent, H. Responsibility and Judgment; trans. from English by D. Aronson, S. Bardina, R. Gulyaev. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 350 p.

Byun-Chol Han The Crisis of Narrative. How Neoliberalism Turned Narratives into Storytelling. Moscow: AST, 2023. 158 p.

Baudrillard, J. Symbolic Exchange and Death; trans. from French and introduction by S.N. Zenkin. Moscow: Dobrosvet, 2000. 389 p.

Baudrillard, J. Simulacra and Simulations; trans. from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM, 2016. 238 p.

Harry G. Frankfurt On Truth. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020. 72 p.

Levinas, E. Time and the Other. The Humanism of Another Person. St. Petersburg: Higher Religious Philosophical School, 1998. 264 p.
Mitchell, W. Ya++. Man, City, Networks: An Electronic Resource. 3rd ed. Moscow: Strelka Press, 2017. 386 p.
On Freedom. Anthology of Western European Classical Liberal Thought / Rus. Academy of Sciences, Institute of Philosophy; compiled by M.A. Abramov et al.; ed. by M.A. Abramov. Moscow: Nauka, 1995. 461 p.
Tesich, S. The Government of Lies // The Nation. January 6, 1992. Pp. 12–14.
Foucault, M. The Archaeology of Knowledge; trans. from French by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova. 4th ed., reprinted. Saint Petersburg: Humanitarian Academy, 2024. 413 p.
Foucault M. Life: Experience and Science // Questions of Philosophy. 1993. No. 5. P. 53.
Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews / M. Foucault; translated from French by S. Ch. Ofertas, edited by V. P. Vizgin and B. M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2002. 384 p.
Foucault M. Supervise and Punish: The Birth of the Prison; trans. Moscow: Ad Marginem Press: Garage, cop. 2021. 383 p.
Habermas J. Structural Change in the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society: with a Preface to the 1990 Reprint; trans. from German by V.V. Ivanov. Moscow: Ves' Mir, 2016. 342 p.
Alimardani M. How Instagram Is Failing Protesters in Iran / In: Codification.RF. URL: https/slate.com/technology/2022/06/instagram-meta-iran-protests-exceptions.html
Rohkrämer Th. Martin Heidegger, National Socialism, and Environmentalism // How Green Were the Nazis?: Nature, Environment, and Nation in the Third Reich / Ed. by F.-J. Brüggemeier, M. Cioc, T. Zeller. Athens; Ohio: Ohio University Press, 2005. P. 186.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокопуд Мария Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria S. Sorokopud, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Research Department, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

УДК 316.4.051.63
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-904-912
EDN QLHCXO

Понятие «поколение»: признаки и классификация

Стогнеев Е.А.
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69.
stogneever@mail.ru

Аннотация. На данный момент существует множество определений понятия «поколение», все они отличаются по отрасли научного знания или имеют обобщающую характеристику. Автор проанализировал существующие подходы к определению понятия «поколение» и к его сущности, проследил основные этапы формирования научного представления о поколениях. В процессе исследования выявлены признаки и на основании их предложено авторское определение понятия «поколение». Результаты исследования позволят более точно определять межпоколенческие отличия, идентифицировать поколения, формулировать основные отличия между ними и преодолевать эти различия; будут востребованны в социологических, политических, конфликтологических, психологических и педагогических исследованиях.

Ключевые слова: поколение, социальное пространство и время, субъективное пространство и время, понятие «поколение», разнородность поколений

Для цитирования: Стогнеев Е.А. 2025. Понятие «поколение»: признаки и классификация. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 904–912. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-904-912 EDN: QLHCXO

The “Generation” Concept: Characteristics and Classification

Egor A. Stogneev
Rostov State University of Economics (RSUE),
69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation
stogneever@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of defining the concept of “generation”. Currently, there are numerous definitions; they all differ in the field of scientific knowledge or have a generalizing characteristic. The author analyzes existing approaches to the concept of generation and its essence and traces the main stages in the development of a scientific understanding of generations. In the course of the research, characteristic features of the concept under study have been analyzed and an original definition of “generation” has been formed. The data obtained will make it possible to more accurately determine intergenerational differences and will be useful in sociological, political, conflictological, psychological and pedagogical studies. They will also allow more precise identification of generations, revealing key differences between them and overcoming these distinctions.

Keywords: generation, social space and time, subjective space and time, concept of generation, heterogeneity of generations

For citation: Stogneev E.A. 2025. The “Generation” Concept: Characteristics and Classification. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law,* 50(4): 904–912 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-904-912 EDN: QLHCXO

© Стогнеев Е.А., 2025

Введение

В обществе существует множество культурных факторов, выражающих отличительные черты больших и малых групп. Социальное пространство, а в месте с ним и человек, является динамичной системой и именно поэтому подвергается постоянным изменениям – культурным, философским, филологическим, техническим и пр. В череде таких изменений накапливаются различные групповые отличия, одной из групп с явными отличительными признаками является поколение. В последнее время о поколениях стали говорить больше, появились новые представления о внутрипоколенческих и межпоколенческих сущностях.

Цель данного исследования заключается в определении основных признаков формирования поколений и межпоколенческих отличий. Выделив признаки, мы сможем более точно определять поколения, формулировать основные отличия между поколениями и научиться их преодолевать. Мы ставим перед собой следующие задачи: установить основные причины изменений между поколениями, проанализировать уже имеющиеся представления о самом понятии «поколение», определить его сущность.

История концептуализации понятия «поколение»

По мнению Карла Манхейма, основной фактор различий между поколениями связан с общей судьбой, происходящей в исторический момент. Так, по Манхейму, поколения представляют собой общность людей, близких по возрасту, переживших или переживающих один период исторических событий в юношестве. По Манхейму «поколение» раскрывается как уникальное социальное явление, которое «представляет собой не более чем особый тип тождественности местонахождения, в данном случае – запечатленных в историко-социальном процессе "возрастных групп"» [Манхейм, 1998, с. 26]. При этом в «локомотиве» потенциальных изменений, вызывающих или формулирующих отличительные черты поколений друг от друга, будет интеллигенция. Так, Манхейм, выделяет четыре фазы, показывающие процесс трансформации поколенческого мировоззрения. В первом поколении возникает беспокойство в связи с новыми обстоятельствами в политической, экономической или социальной жизни. Традиции больше не отвечают новым вызовам и становятся ощутимым обременяющим фактором. Вторая фаза связана с переосмыслением реальности и вызвана «расхождением изменений и былым положением, утратившим свои прежние функции» [Манхейм, 2010, с. 156]. В этот момент возникают «забытые исторические перспективы». Привычный мир изменился и это поколение больше не вписывается в новую действительность, в связи с чем придумывает «философию старого доброго времени». Третья фаза связана с расширением новой традиции среди большего количества единомышленников, выходящего за пределы интеллигенции, «традиционалистская установка становится коллективной и направленной против изменившегося социального порядка или его защитников» [Манхейм, 2010, с. 157]. Четвертая фаза становится заключительной и свершается уже «лицами одинакового происхождения, но принадлежащих к следующему поколению, способному примириться с изменившемся положением дел» [Манхейм, 2010, с. 158]. Таким образом, К. Манхейм иллюстрирует конфликтность межпоколенческих отношений, но с элементами неизбежной преемственности. Реакции старших поколений на внешние изменения приводят в действие процесс трансформации культурного пространства всех поколений. И останавливается этот процесс только с готовностью нового поколения принять предлагаемые условия, но новые кризисы создают «философию старого доброго времени», обновляя культуру необходимой в данный момент времени традицией.

При более внимательном изучении формулы Манхейма можно заметить, что традиция, пусть и видоизмененная, становится формой межпоколенческой коммуникации,

хотя в этой форме и присутствует элемент давления. Старшие поколения или их представители из числа интеллигенции в силу своего опыта, социального статуса, роли в обществе имеют преимущества в формировании общей картины мира. По крайней мере так было раньше, с появлением интернета, новой формы коммуникации и консолидации молодых поколений ситуация изменилась.

Так что же такое «поколение»? Термин «поколение» имеет многогранное значение и используется в различных дисциплинах, таких как социология, культурология, демография и история. В каждой из дисциплин в определении «поколение» присутствует свой контекст, из-за чего понятие может трактоваться несколько иначе, однако все определения объединяет акцент на временных рамках и уникальных историко-культурных условиях, которые влияют на формирование ценностей и поведения группы людей.

Несмотря на распространённость и общественный интерес к понятию «поколение», анализ и формулирование идей данной сущности начался только в XIX веке. В это время О. Конт открывает поколения как один из важнейших факторов динамичного развития общества. Понятие «поколение» представляется отдельным от системы семейных отношений и рассматривается с точки зрения историко-социального подхода. Так, по О. Конту можно выделить взаимосвязь социального прогресса и межпоколенческой динамики. В свою очередь сама взаимосвязь складывается из положительной динамики продолжительности жизни и роста смертности среди пожилого поколения. Рост продолжительности жизни «приводит к инертности и доминированию консерватизма» [Каланова, 2016, с. 85], а высокая быстрая смена поколений «не позволяют стабилизировать инновации и нарушают общественный порядок» [Каланова, 2016, с. 85].
О. Конт рассматривает смену поколений как наиболее важный фактор, влияющий на историческую динамику, иными словами, внешние изменения провоцируются внутренними процессами, такими как смена поколений. Несмотря на то, что О. Конт не дает определения поколению, он обращает внимание на взаимосвязь смены поколений и продолжительности жизни. В свою очередь Дж. Милль дополняет принцип исторической преемственности поколений влиянием прошлого поколения на новые как основным фактором социальной эволюции. Из такого подхода возникает альтернативная точка зрения: смена поколений – это последствие исторического процесса, не измеримое в количественных величинах, но связанное с единым чувственным переживанием общей реальности и одной возрастной категорией.

Наиболее четко такую позицию сформулировал В. Дильтей, который представил поколение как множественную связь индивидов, которые «образуют некоторое однородное единство благодаря тому, что они зависят от одних и тех же великих событий и происшествий, имевших место в годы их формирования, как бы ни различались другие, дополнительные факторы» [Дильтей, 1958, с. 37]. В таком определении присутствует преобладающий фактор исторического влияния именно на юношеские переживания – в период, в котором формируется основа личности человека, – именно этой части жизни многие исследователи отводят важнейшее место в формировании человека. Помимо определения, Дильтей выделяет основные жизненные отрезки, кратные 30 годам. Иными словами, с момента рождения и до полной зрелости поколения проходит 30 лет, а после появляется новое поколение. Привязка к определенному временному промежутку Дильтея связана с еще одной спецификой понимания им «поколений», которая становится альтернативой временных отрезков, способных заменить такие понятия, как дни, месяцы, годы, но при этом будет иметь исключительно социокультурное значение. «Поколение» показывает динамику интеллектуального, исторического, культурного развития в социальной среде.

Трудами О. Конта и Дж. Милля был сформулирован позитивно-натуралистический подход к определению поколений, который включает в себя пространственно-временные характеристики. С таким подходом довольно сложно поспорить, поскольку поколения

действительно отличаются по хронологическому и пространственному признакам, но чего-то по-прежнему не хватает в самом определении. Дильтей дополняет понятие субъективным временем и субъективным пространством, объясняя дополнение отличием в восприятии объективной действительности у разных поколений.

Но Х. Ортега-И-Гассет отходит от натуралистической традиции, устанавливает 15-летний ритм жизни и смены поколений, а также разрабатывает собственную схему взаимодействия поколений. Ортега создал систему из 4 поколений: «С рождения до 15 лет длится детство, с 15 до 30 лет происходит активное включение человека в общественную жизнь. Борьба идет между вступившими в зрелый возраст, уже сформировавшими свой собственный «стиль» (30–45-летними) и «правящим» поколением (45–60-летними)» [Ортега-И-Гассет, 1997, с. 34]. Ортега не полностью отрицает тридцатилетний период поколенческой активности, но в отличие от предшественников, устанавливает неравномерность протикания всего срока и делит его на 2 периода: «…в течение первого новое поколение распространяет свои идеи, склонности и вкусы, которые в конце концов утверждаются прочно и в течение всего второго поколения господствуют». Ортега не учел, что продолжительность жизни может меняться, ученики Ортеги дополнили концепцию пятым поколением – 60–75 лет.

Современный подход к понятию «поколение» начинается с упоминания низкого уровня внутригрупповой солидарности. Ортега тоже понимал это, но его романтический взгляд на поколение оставляет след надежды на некую общность: «Поколение – это и не горсть одиночек, и не просто масса: это как бы новое целостное социальное тело, обладающее и своим избранным меньшинством, и своей толпой, заброшенное на орбиту существования с определенной жизненной траекторией. Поколение, динамический компромисс между массой и индивидом, представляет собой самое важное историческое понятие и является, так сказать, той траекторией, по которой движется история» [Ортега-И-Гассет, 1991, с. 5]. Подход Ортеги-И-Гассета уникален тем, что он с большим вниманием фокусируется на чувственном восприятии жизни, времени и пространства. Субъективное время и субъективное пространство в модели Ортеги играет важнейшую роль, что возвращает человеку, его внутреннему миру первопричинность поколенческих изменений. Ортега предлагает понимать поколения как «общность сосуществующих в одном кругу сверстников. Иначе говоря, понятие поколения изначально объединяет два признака: единство возраста и наличие жизненных контактов» [Ортега-И-Гассет, 1997, с. 261]. В отличие от своих предшественников позитивистов, Ортега романтизирует представления о поколениях, но это не означает, что он не прав в своих суждениях, и именно они дополняют картину, представляющую понятие «поколение».

Понятие «поколение»: современные подходы

В современном определении понятия поколений существует множество подходов, многие из них соответствуют своей отрасли науки, другие могут отличаться, хоть и находятся в одной научной парадигме, например социологический подход. Отдельно стоит перечислить такие подходы, как биологический (покаление – форма одного организма, различающегося по строению, образу жизни, способу размножения, сменяющемуся в процессе его жизненного цикла; генеалогический (группа особей, одинаково отдаленных от общих предков; демографический (родившиеся на протяжении одного года (когорта) и составляющие возрастную структуру населения); историко-культурный (понятие, имеющее символический смысл, характеризующий участников одного события или современников важных исторических событий, людей с общими ориентациями или настроениями) [1]. Помимо перечисленных, выделяется еще один подход – философский. Здесь понятие «поколение» обрастает условными или гипотетическими

[1] Советский энциклопедический словарь. 1982. Советская энциклопедия, М., 1633 с. С. 1498.

смыслами и представляется общностью современников, чья жизнь непосредственно связана с каким-либо важным историческим событием. Такой общности приписывается некое духовное, символическое качество – «дух времени» [1]. Каждый из этих подходов дополняет друг друга и дает более полное представление о понятии «поколение», но еще не достаточное, чтобы дать окончательный ответ о том, какие именно признаки отличают «поколение» от других социальных явлений групповой связи. В современной социальной и гуманитарной мысли «поколение понимается как условная, длительная социальная группа, организованная стихийно. Отмечается низкая сплоченность в группе поколений» [Пищук, 2018, с. 219]. Данный подход формирует представление о том, что «единение поколения как социальной общности происходит только на этапе первичной социализации и социального обособления поколений в рамках системы образования» [там же]. Далее группа – поколение – биографизируется и фактически, это связано с низким уровнем солидарности и консолидированности, распадается на различные группы социального взаимодействия. Исторический процесс в таком подходе выступает важным элементом, связанным с конкретными поколенческими группами или структурами. При этом структуры поколений включают в себя механизмы и стандарты межличностного взаимодействия. Временные рамки становятся значимой частью формирования социализации определённых возрастных групп, которые приходятся на особенно важные критические периоды.

С точки зрения классического подхода, поколение – это «большая социальная, малоструктурированная группа, идентификация представителей которой происходит по историческим, возрастным, событийным, социально-психологическим признакам» [Пищук, 2018, с. 221]. Для понимания данного определения необходимо погрузиться в общий контекст человеческих объединений. Человек социален, и эта социальность является необходимой частью человеческого выживания. Самым крупным кластером человеческой социальности является общество. В первую очередь нас интересует одна из функций общества – культурная. Речь идет о передачи традиций и знаний от поколения к поколению. Если рассмотреть сам процесс передачи как один из факторов совместной деятельности молодых поколений и их взаимодействие со старшими поколениями, то мы действительно обнаружим подтверждение событийности и самоидентификации поколения по историческим, возрастным, социальным, событийным признакам. Но неужели на этом внутрипоколенческая связь рвется, биографизируется?

Существует подход к пониманию понятия «поколение», который рассматривает проблему сквозь призму политических изменений и социальных возможностей, при этом основным актором изменчивости служит именно класс, претерпевший культурную трансформацию. П. Бурдье утверждает, историческое развитие, возможности к образованию и невозможность молодежи вернуться к своему классовому занятию является причиной появления поколений, таким образом, «когда воспроизводство классовой позиции невозможно (деклассирование) или не осуществляется иначе, как через смену слоя класса (реконверсия). В этом случае изменение способа социального происхождения агентов определяет появление различных поколений» [Бурдье, 1993, с. 145]. При этом межпоколенческие отношения являются конфликтной средой, «поскольку они имеют в качестве первопричины оппозицию между ценностями и стилями жизни, связанными с преобладанием в наследстве экономического или культурного капитала» [там же].

Из определения Бурдье, построенного скорее на отсутствии признаков (воспроизводство классовой позиции), чем на их описании, все же можно выделить полезные идеи, позволяющие понять процесс формирования межпоколенческих отличий. В процессе деклассирования или реконверсии, то есть в процессе изменения способа социального происхождения агента, провоцируется появление поколений. Это связано со

[1] Ильичев Л.Ф. Федосеев П.Н. Ковалев С.М. Панов В.Г. Философский энциклопедический словарь. М., ГНИ «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. С. 506.

множеством факторов, например, доступностью образования и информации, развитием и преобладанием новых форм трудовой деятельности, а в след за ней и рабочих отношений, доступностью средств обеспечения жизнедеятельности человека, новыми культурными и философскими пространствами (постмодерн, метамодерн, трансгуманизм) и многим другим, – всем, что приводит к изменениям в системе ценностей человека, его индивидуальной и коллективной деятельности, что отражается и на взаимоотношениях поколений. С другой стороны, можно рассмотреть «поколение» как «одну из форм неструктурированной большой группы, объединяющей людей с общими социальными представлениями, ценностными ориентациями и отношением к миру» [Марцинковская, Полева, 2017, с. 28]. Можно согласиться и с таким определением. Действительно, структура в формировании поколений отсутствует, но разве можно определить что-то через отсутствие каких-либо признаков? Поколение – это большая группа, но такие ли у них общие ценности и ориентации?

Основные критерии поколения

Поколение является широкой группой дифференциации общества. В работе В.В. Родаева поднимается вопрос об однородности каждого поколения. За основу было взято поколение миллениалов и проанализировано по типу населенного пункта. В ходе исследования выяснилось, что «практики поведения сельских миллениалов по большинству параметров действительно значимо отличаются от практик поведения их городских сверстников» [Радаев, 2020, с. 33]. Такие отличия возникают на фоне разности материальных и информационных возможностей сельских и городских жителей. Но несмотря на все отличия, новые практики среди сельских миллениалов устанавливаются скорее, чем среди старших поколений. На основании этого можно сказать, что поколения действительно отличаются друг от друга по ряду поведенческих характеристик, но в тоже время имеются отличия и среди одного поколения. «Происходит параллельный рост новых практик поведения на селе и в городе, но разрыв между двумя типами сообществ по большинству параметров все же сохраняется, в том числе внутри нового поколения миллениалов» [там же].

Не только населенный пункт, а точнее образ жизни различных населенных пунктов и их экономическое и информационное благополучие, становятся фактором внутрипоколенческого отличия, но и возраст. Например, Дж. Твенге замечает, что несмотря на то, что поколение миллениалов считается технологически подкованным и период их взросления пришелся на резкий скачек развития технологий, не все его представители имели одинаковый доступ, например к мобильным устройствам, а именно они и интернет оказали существенное влияние на основные паттерны данного поколения. Речь не идет об экономических отличиях, только о возрастных, пик доступности этих устройств пришелся на 2010-е годы, соответственно более поздние миллениалы столкнулись с феноменами интернета и социальных сетей в более раннем возрасте, а значит, их паттерны формировались в более близком контакте с технологиями, чем у старших представителей поколения [Твенге, 2019, с. 406] Такой подход в понимании самого явления «поколение» дает нам подсказку к его определению и вводит важный параметр – разнородность.

Прежде чем перейти к определению понятия «поколения», мы считаем важным остановиться на рассмотрении понятия «современники», потому что, во-первых, часть признаков поколения совпадает с современниками, а во-вторых, независимо от принадлежности к конкретному поколению мы все являемся современниками друг другу и уже это является объединяющим фактором как в социальном плане, если говорить о межпоколенческой динамики, так и в гуманитарном плане, если говорить об индивидуальных особенностях человека. Понятие современник обладает признаками

времени, пространства и исторической судьбы. То есть современник – тот, кто живет в одно время с кем-либо, чем-либо [1].

Так чем же является «поколение»? Одним из важнейших признаков, отличающих поколения, является возраст. Каждый возраст имеет свои отличия по социальным функциям, физическим возможностям, психологическому развитию. На основании данного признака мы можем соотносить людей с тем или иным поколением. Не только числовое измерение возраста отличает поколения друг от друга, но и сама природа возраста, его субъективного восприятия времени и происходящих событий. Следующий немаловажный признак – это общее социальное пространство или объективное пространство. Под объективным пространством мы понимаем некую границу, отделяющую территорию проживания больших или малых групп людей, например, город, страна, континент, остров и т. д. Каждое пространство имеет свои особенности, природные, политические, экономические и социальные. Эти особенности, на прямую или косвенно, влияют на развитие поколенческих особенностей. Например, экономическая обеспеченность деревень или небольших городов будет отличаться от экономической обеспеченности крупных городов, что в свою очередь влияет на доступность к технологиям, информации, формирует совершенно разные кризисные ситуации и пути их преодоления. Говоря об объективном пространстве, возникает необходимость упомянуть и об общем социальном времени или объективном времени. Объективное время согласованно с общей хронологией времени, общими историческими событиями. Данный признак позволяет нам определить, когда происходят те или иные исторические события. Продолжая пример из объективного пространства, мы понимаем, что в разных местах в одно и тоже время протекали разные социальные и природные процессы, а также время протекания этих процессов могло составлять больший или меньший временной промежуток, что в свою очередь влияет на уровень воздействия этих событий на разных людей и поколения. Общая духовная и материальная культура является важным признаком, который позволяет различать поколения по направленности описываемых характеристик, поскольку относится к межпоколенческим отличиям. Как уже было сказано выше, общие объективные время и пространство дают понимание современников, но, несмотря на общую для всех поколений современность, в том числе и культуру, каждое поколение встречается с изменениями этой культуры в разные возрастные периоды и по-разному, духовная и материальная культура влияет на эти возрастные группы, что приводит к отличиям в духовной жизни поколений. Общая историческая судьба – современники подвергаются воздействию единого исторического момента, но при этом разные поколения находятся на разных социальных позициях. Молодые поколения только начинают познавать себя и свое место в социальном пространстве, среднее поколение уже активно вовлечено и даже формирует социальное пространство, а старшее отстаивает традиции, сложившиеся за их период активного действия. В список признаков, описывающих поколение, входит еще и коллективно-субъективное пространство и время. Помимо объективных пространства и времени, необходимо выделить субъективные характеристики. Данный признак соотносится с самым первым – возрастом, но именно в сочетании с пространством и временем становится очевидна важность его влияния на формирование поколений. Каждый человеческий возраст по-разному воспринимает протяженность времени, свое место в пространстве и сам масштаб пространства, в котором он находится. Иными словами – это интерперсональное пространство, «система взаимосвязей субъектов человеческой жизни, включая все ее элементы: различные сообщества людей (семья, трудовые коллективы, круг друзей, случайных знакомых и т. д.); статусность как синтез финансово-материального, социального, духовного положения Личности, определяющая ее успешность в социальных кругах; способность Личности к

[1] Ожегов С.И. 2019. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М., Мир и Образование, 1376 с. С. 1106

социализации, социальной адаптации» [Литке, Миронов, 2018, с. 51]. Иными словами, интерперсональное пространство включает в себя связи и отношения между людьми, их социальный статус и способности к адаптации.

На основании работ В.В. Радаева и Дж. Твенге можно выделить еще один важный признак, который часто опускается и не входит в основное определение поколения ни в одном из подходов. Таким признаком является разнородность поколений. Упомянутые авторы используют понятие «неоднородность», но мы будем применять именно «разнородность». Разнородность внутри одного поколения возникает из-за разных характеристик: жизненных, пространственно-временных, экономических, социальных, политических и т. д. Именно эта разнородность дает более полное представление о самом феномене поколение и четко утверждает всю сложность в его определении.

Заключение

Итак, на наш взгляд, поколение – это разнородная, одновозрастная группа людей, существующих в едином пространстве и времени, обладающих общей культурой и подверженных влиянию общих исторических событий. Под разнородностью поколения мы понимаем отличие формирующих факторов в рамках одного поколения. Этими факторами могутт выступать локальное пространство, выделенная из поколения когорта, возраст знакомства с историческим моментом, экономический и социальный капитал различных групп в раках выделенного поколения. Единое пространство и время носит как локальный, так и глобальный характер, а также делится на три составляющих: объективные, субъективные и коллективно-субъективные пространство и время. Важным является и общая материальная и духовная культура, именно они становятся как навигаторами, так и инструментами в меняющихся условиях исторического момента.

На данный момент в научном дискурсе сложилось несколько ключевых подходов к определению понятия «поколение», и большая часть из них относится к конкретной отрасли научного знания, это, например, социальное определение, биологическое, генеалогическое, демографическое, историко-культурное, философское. Помимо отраслевых определений обнаруживаются, и как показывает анализ, оказывают определенное влияние на формирование определения «поколение», такие подходы, как позитивистский, романтический и идеалистический. В свою очередь, предложенное в данном исследование определение синтезируют не только уже существующие подходы, но и последние знания о природе поколений.

Мы выделили основные признаки понятия, а именно: объективные пространство и время, субъективные пространство и время, общая духовная и материальная культура, общая историческая судьба и разнородность. Научная новизна исследования заключается в принципиально новом определении понятия «поколение», выведенном на основании признаков и представленном как разнородная, одновозрастная, социальная группа людей, существующая в едином пространстве и времени, обладающих общей культурой и подверженных влиянию общих исторических событий.

Список литературы

Бурдье П. 1993. Социология политики. Пер. сфр. М., Socio-Logos, 336с.

Каланова С.М. 2016. Поколенческий анализ современной социальной реальности: основные подходы. Социология и право. 4(34): 81-86.

Литке С.Г. 2018. Интерперсональное пространство жизнедеятельности как система развития осознанности. Современные исследования социальных проблем, Т. 9, 6-1:48-60. DOI 10.12731/2218-7405-2018-6-48-60.

Манхейм К.1998. Проблема поколений. Пер. с нем. Новое литературное обозрение, 2: 56.

Манхейм К.2010. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. М., РАО Говорящая книга, 744 с.

Марцинковская Т.Д. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение. Мир психологии. 1(89):24-37.

Ортега-и-Гассет Х. 1991. Что такое философия. М., Наука, 408с.
Ортега-и-Гассет, Х. 1997. Избранные труды. Пер. с исп.М.,Весь Мир,704 с.
Пищик В.И. 2018. Типологические и идентификационные признаки поколений. Российский психологический журнал, Т. 15, 2: 215-236. DOI 10.21702/rpj.2018.2.9.
Радаев В.В. 2020. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть). Социологический журнал, Т. 26, 3: 30-63.
Твенге Дж. 2019. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни, и что это значит для всех остальных. Пер. сангл. М., Рипол-Классик, 406 с.
Dilthey W. 1985. Uberdas Studiumder Geschichteder Wissenschaftenvom Menschen, der Gesellschaftunddem Staat. Gesammelte Schriften. Bd. V. Stuttgart, 245 p.

References

Burd'e P. 1993. Sociologiyapolitiki [Sociology of politics] Per. s fp. Moscow, Publ. Socio-Logos, 336 p.
Kalanova S.M. 2016. Pokolencheskij analiz sovremennoj social'noj real'nosti: osnovnyepodhody [Generational analysis of modern social reality: basic approaches]. *Sociologiyai parvo.* 4(34): 81-86.
Litke S. G. 2018. Interpersonal'noe prostranstvo zhiznedeyatel'nosti kak Sistema razvitiya osoznannosti [The interpersonal space of life activity as a system of awareness development]. *Sovremennyeissledovaniyasocial'nyh problem*, T. 9, 6-1: 48-60.
Manhejm K. 1998. Problemapokolenij [The generational problem]. Per. s nem. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2: 56.
Manhejm K. 2010. Diagnoz nashego vremeni [The diagnosis of our time]. Per. s nem. Moscow, Publ. RAO Govoryashchaya kniga, 744 p.
Marcinkovskaya T. D. Pokoleniya epohi tranzitivnosti: cennosti, identichnost', obshchenie [Generations of the era of transitivity: values, identity, communication]. *Mir psihologii*. 1(89): 24-37.
Ortega-i-Gasset X. 1991. Chtotakoefilosofiya [What is philosophy?]. Moscow, Publ. Nauka, 408 p.
Ortega-i-Gasset, X. 1997. IzbrannyeTrudy[Selected works]. Per. s isp. Moscow, Publ. Ves' Mir,704 p.
Pishchik V. I. 2018. Tipologicheskie iidentifikacionnye priznaki pokolenij [Typological and identification features of generations]. *Rossijski jpsihologicheskij zhurnal*, T. 15, 2: 215-236. DOI 10.21702/rpj.2018.2.9.
Radaev V. V. 2020. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe iempiricheskoe obosnovanie [The split of the millennial generation: historical and empirical justification]. (Pervayachast') Sociologicheskij zhurnal, T. 26, 3:30-63.DOI 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.
TvengeDzh. 2019. Pokolenie I. Generation I. Why has the Internet generation lost its rebellious spirit, become more tolerant, less happy, and completely unprepared for adulthood, and what does this mean for everyone else. Per. s angl. Moscow, Publ. Ripol-Klassik, 406 p.
DiltheyW. 1985. Uberdas Studiumder Geschichteder Wissenschaftenvom Menschen, der Gesellschaft und dem Staat. *Gesammelte Schriften. Bd. V. Stuttgart,* 245 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.01.2025
Поступила после рецензирования 29.04.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received January 29, 2025
Revised April 29, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стогнеев Егор Анатольевич, аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor A. Stogneev, Postgraduate Student, Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia.

УДК 316.774
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-913-919
EDN TKDKVN

Экзистенциальные проблемы современных молодежных субкультур

Хасуев А.Э.
Чеченский государственный университет им А.А. Кадырова,
Россия, 364907, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32
alarih95@gmail.com

Аннотацция. Переход общества от индустриальной к постиндустриальной эпохе обусловливает возникновение новых культурных и социальных феноменов. Несмотря на многочисленные работы по теме молодежных субкультур, до сих пор отсутствует системный подход к анализу их экзистенциальной значимости и влияния на формирование идентичности участников в условиях глобализации и массовой культуры. Целью исследования является выявление ключевых экзистенциальных проблем, с которыми сталкиваются представители молодежных субкультур, анализ их роли в формировании аутентичного бытия и противостоянии гегемонистским тенденциям массовой культуры. Исследование проводилось на основе теоретического анализа существующих концепций и методов в области социальной философии, психологии и культурологии, а также литературы по вопросам молодежных субкультур и идентичности. В результате исследования обоснована значимость молодежных субкультур как автономных пространств, в которых происходит экзистенциальное самоопределение и сопротивление унификации, а также определен механизм формирования идентичности через участие в коллективных формах самовыражения; выделены основные экзистенциальные проблемы, такие как поиск подлинной идентичности, сопротивление социальному отвержению и взаимодействие с экзистенциальными дилеммами массовой культуры. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории молодежных субкультур, подчеркивая их роль в формировании экзистенциальных ориентиров и когнитивных практик; открывают новое направление в изучении проблем идентичности и самоопределения молодежных групп в условиях постмодернистских изменений.

Ключевые слова: экзистенциальные проблемы, молодежные субкультуры, идентичность, массовая культура, аутентичность

Для цитирования: Хасуев А.Э. 2025. Экзистенциальные проблемы современных молодежных субкультур. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 913–919. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-913-919 EDN: TKDKVN

Existential Problems of Contemporary Youth Subcultures

Aslanbek E. Khasuev
A.A. Kadyrov Chechen State University
32 Sheripov St., Grozny 364907, Russian Federation
alarih95@gmail.com

Abstract. The study of existential problems of modern youth subcultures is of great importance in the context of the transition of society from the industrial to the post-industrial era, which determines the emergence of new cultural and social phenomena. Despite numerous works on the topic of youth subcultures, there is still no systematic approach to the analysis of their existential significance and influence on the formation of identity of participants in the context of globalization and mass culture. The purpose of this study is to identify key existential problems faced by representatives of youth subcultures, as well as to analyze their role in the formation of authentic being and opposition to the hegemonic

© Хасуев А.Э., 2025

tendencies of mass culture. The study was conducted on the basis of theoretical analysis of existing concepts and methods in the field of social philosophy, psychology, and cultural studies, as well as using the analysis of literature on youth subcultures and identity. The study revealed the importance of youth subcultures as autonomous spaces in which existential self-determination and resistance to unification occur, and also determined the mechanism of identity formation through participation in collective forms of self-expression. In addition, key existential problems were identified, such as the search for authentic identity, resistance to social rejection and interaction with existential dilemmas of mass culture. The results obtained make a significant contribution to the development of the theory of youth subcultures, emphasizing their role in the formation of existential guidelines and cognitive practices. The author's findings open a new direction in the study of the problems of identity and self-determination of youth groups in the context of postmodern changes.

Keywords: existential problems, youth subcultures, identity, mass culture, authenticity

For citation: Khasuev A.E. 2025. Existential Problems of Contemporary Youth Subcultures. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 913–919 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-913-919 EDN: TKDKVN

Введение

В эпоху перехода от индустриального к постиндустриальному укладу, зародившемуся в последние десятилетия XX века, обозначается появление комплексного социального феномена, именуемого молодежной субкультурой. Эта субкультура представляет собой культурную субсистему, частично автономную от доминирующей метанарративной культуры общества. Данное явление возникло как ответ на апорию постмодерна – необходимость молодежи формировать прочные социокультурные анклавы, устойчивые к релятивистским мутациям мышления и антиутопической реальности, лишенной всякой предопределенной смысловой наполненности. На данный момент неформальные ассоциации и группировки достигли апогея своего развития.

Современные молодежные субкультуры представляют собой явление, обладающее сложной структурой и многомерной экзистенциальной значимостью. Они функционируют как контргегемонические образования, призванные деконструировать доминирующие социокультурные парадигмы и создавать альтернативные пространства для самовыражения и самореализации. В условиях всеобъемлющей глобализации и цифровизации субкультуры становятся своеобразными анклавами автономного бытия, в которых каждый участник может обрести смысложизненные ориентиры, выходящие за пределы гомогенизирующих тенденций массовой культуры. Субкультура становится буфером против социокультурного риска и предотвращает развертывание внутриличностных экзистенциальных кризисов [Баева, 2007, с. 87].

В рамках данного исследования экзистенциальных проблем современных молодежных субкультур объектом анализа являются неформальные молодежные объединения, функционирующие как автономные социокультурные образования, выражающие альтернативные ценностные системы и практики самовыражения.

Методология исследования

Методологическая основа исследования включает комплекс авторских и адаптированных методов, направленных на глубокий анализ феномена молодежных субкультур. Герменевтический анализ применяется для интерпретации текстов и символических практик субкультур, позволяя выявить скрытые смыслы и ценностные ориентиры, присущие данным сообществам. Этнографический метод включает полевые исследования, наблюдения и участие в жизни субкультурных групп, что позволяет получить эмпирические данные о их повседневной практике и социальной организации. Когнитивно-семиотический анализ направлен на изучение знаковых систем и коммуникационных стратегий, используемых в субкультурах, что способствует

пониманию их внутренней логики и механизмов смыслообразования. Компаративистский подход предполагает сопоставление различных субкультурных феноменов в разных культурных контекстах, что позволяет выявить универсальные и специфические черты молодежных сообществ. Психосоциологический анализ ориентирован на изучение психоэмоциональных и социокультурных факторов, влияющих на формирование идентичности и экзистенциальных ориентиров молодежи в рамках субкультур.

Применение данных методов позволяет глубже понять механизмы функционирования молодежных субкультур как пространств экзистенциальной самореализации и сопротивления доминирующим социокультурным нормам.

Основная часть

Основная экзистенциальная проблема, с которой сталкиваются представители молодежных субкультур, заключается в поиске и сохранении подлинной идентичности в условиях массовой культуры. Массовое общество с его тенденцией к унификации и стандартизации навязывает определенные модели поведения, мысли и чувства, которые подавляют индивидуальную самобытность. В этом контексте субкультура становится пространством для сопротивления и бунта против абсурдного мира, предоставляя индивидам возможность восстановления утраченных экзистенциальных связей и поиска собственного пути. Субкультурный индивид, стремящийся к проникновению в онтологические глубины бытия и феноменов, отвергает повседневный консюмеризм в пользу экзистенциального восприятия реальности, которое характеризуется крайней широтой интерпретаций и стремлением охватить все сущее. Этот человек непрестанно находится в состоянии диалектического напряжения, изобилующего полярностями и антиномиями, что заставляет его постоянно осуществлять выбор между существующими альтернативами и разрешать кризис смыслообразования, определяя, ради чего и в чьё имя он существует.

Экзистенциальная напряженность, пронизывающая субкультурные сообщества, обусловлена необходимостью поддержания гносеологической целостности личности. В условиях господства массмедиа и конформизма субкультурные индивиды стремятся к формированию собственной эпистемологической позиции, которая противостоит редукционистским тенденциям общества. Гносеологическое самосознание субкультурных субъектов направлено на осмысление и деконструкцию навязанных обществом познавательных схем, что позволяет им выработать уникальные когнитивные модели, отражающие их подлинную экзистенциальную сущность [Козлова, 2004, с. 22]. Идентичность в субкультурном контексте приобретает статус динамической категории, которая постоянно переосмысливается и перестраивается в процессе взаимодействия с различными культурными кодами и символами. Этот процесс гносеологической рефлексии позволяет субкультурным индивидам не только осознавать свою уникальность, но и формировать новые формы коллективного бытия, основанные на принципах солидарности и взаимного признания.

Неформал восстает против доминирующего культурного априори, занимая позицию активного антагониста всеобщим ценностям, искренне отвергая их догматическую сущность. Этот субъект культивирует жизненный путь, который вызывает общественное осуждение, однако он извлекает из этого гедонистическое удовольствие, предоваясь саботажу стандартизирующих системных структур, нацеленных на гомогенизацию индивидуума. Его стремление не взваливать на себя бремя банальных, заурядных проблематик оказывается воплощением философии освобождения от сковывающих цепей невольного повседневного бытия, освобождения, которое позволяет ему сохранить и применить свой личный потенциал к более значимым и глубоким аспектам существования. Неформал, отказываясь пропагандировать свой образ жизни, бережет его от превращения в одну из тех модных иллюзий, которые он презирает, борясь с массовым

стремлением к однообразию. Внутренняя динамика юношеского максимализма представляет собой вихрь хаотических стремлений, коллидирующих с проникновенной инфантильностью и паразитическими аспектами сознания, господствующими в психологических ландшафтах многомиллионной аудитории. Этот субъект отказывается от поисков союзов на арене публичного дискурса, где доминирует страх перед изоляцией и социальной экскоммуникацией. Он выбирает разрыв с мейнстримовыми взглядами ради переживания экстремальных, рискованных эмоций, позволяя себе глубоко исследовать и наслаждаться экзистенциальным аспектом жизни через личные опыты [Александрова, 2015, с. 30].

Реальность, которая в глазах молодежи воспринимается как субкультурная, есть не что иное, как детерминанта мономерных когнитивных процессов, что никак не обогащают индивидуальный жизненный опыт. Это обуславливает диссонанс между эндогенными стремлениями индивида и экзогенными требованиями социума, которое диктует правила структурирования его личного бытия, культивируя уверенность в ценности того, что не соответствует общепринятым канонам. Здесь кроется ключевое отличие между индивидом, погруженным в субкультуру, и тем, кто остается за ее пределами. Для первого индивида жизнь в социуме ассимилируется как акт экзистенциального противостояния враждебной атмосфере, не воспринимаемой как метафорический «домашний очаг». Второй же индивидум обретает свое «естественное светило» в данной экосистеме, где он добровольно оставляет себя незащищенным не только в экстернальном измерении, но и в контексте отсутствия необходимости в конструировании своего интимного внутреннего мира, с которым была бы согласована вся его сущность. В рамках субкультуры отдельный человек воссоединяется и укрепляется за счет коллективного духа своих единомышленников. Через процесс интрагрупповой самоактуализации он постепенно трансцендирует ангст своего «массового» бытия, что объясняется наличием онтологических лимитов всех его стремлений и потенций.

Итак, субкультурные объединения функционируют как гетеротопии, в которых осуществляется критическое переосмысление социальных норм, что способствует созданию альтернативных пространств для экзистенциальной самореализации. Говоря прямо, это трансцендентальное измерение субкультур, которое выходит за рамки эмпирического опыта, характеризует притязания на достижение глубинного понимания бытия. Экзистенциальная напряженность и идентичность, таким образом, становятся элементами в формировании субкультурной эпистемологии, которая противостоит гегемонистским тенденциям массового общества, способствуя развитию подлинного самосознания индивидуальной самобытности.

Субкультурное сообщество характеризуется сложной матрицей конфликтности, обусловленной напряжением между стремлением к автономии и необходимостью социальной интеграции. Этот конфликт проявляется на микро- и макроуровнях, формируя экзистенциальный ландшафт, на котором в конфронтацию вступают различные когнитивные и ценностные системы [Кузина, Акимова, 2020, с. 124]. Внутренний конфликт субкультурного индивида выражается в антагонизме между его подлинными желаниями, устремлениями, интересами и навязанными обществом нормами. Он носит не только этическую, но и гносеологическую природу, так как индивид вынужден переосмысливать свою идентичность и когнитивные установки в свете внешних требований. Гносеологическая напряженность внутри субкультуры возникает из-за необходимости постоянной рефлексии и критической оценки своего положения в контексте доминирующих дискурсов. Внешний конфликт выражается в диалектическом противостоянии субкультурных групп и доминирующей культуры, стремящейся ассимилировать любые формы девиантного поведения. Доминирующая культура использует свои гносеологические и идеологические ресурсы для подавления и маргинализации субкультурных выражений. В этом контексте субкультуры выступают

как формы сопротивления и децентрализации, создавая альтернативные эпистемологические пространства.

Таким образом, субкультурное сообщество функционирует как гетерономное пространство, где внутренние и внешние конфликты становятся неотъемлемыми элементами его существования. Внутренние конфликты обуславливаются необходимостью сохранения гносеологической и экзистенциальной целостности в условиях постоянного давления. В свою очередь, внешние конфликты проявляются в форме культурной борьбы за право на существование и признание в рамках широкой социальной структуры. В контексте такого бытия реальность редуцируется до дихотомии экзистенциальных уровней: аффирмативного (утилитарного, присущего) и алиенационного (отрицательного, эвакуированного из смысла). Аффирмативный уровень контрапунктирует алиенационному, высвобождая субъект от алиенации массового бытия и утверждая аутентичную форму существования, которая является симбиотической, а не монолитной.

Каждый индивидуум способен обнаружить отражение своих интеллектуальных поисков и эмоциональных колебаний в данной концепции при условии, что он воздержится от любых форм экстремистского ардора, приводящих к коллективному идолопоклонничеству и деспотичному доминированию над всем спектром его действий в прозаичной реальности, включая эволюцию его идентичности и духовных стремлений. В противном случае субъект рискует утратить потребность в рефлексии по поводу текущих событий, как внешних, так и интроспективных [Сапогова, 2014, с. 73].

Одной из ключевых экзистенциальных проблем молодежных субкультур является проблема аутентичности. В условиях, когда массовая культура стремится коммерциализировать и стандартизировать все аспекты жизни, сохранение подлинной индивидуальности становится непростой задачей. Гегемонистский дискурс массмедиа и рекламной индустрии формирует схожие образы, стремясь подчинить их логике потребления и прибыли. В этом контексте субкультуры выступают как противовес, предлагая альтернативные эпистемологические пространства, в которых каждый может выразить свою уникальность и противостоять процессам унификации.

Однако даже эти субверсивные пространства подвержены риску коммерциализации и фетишизации, нередко приводящей к их интеграции в доминирующие рыночные структуры. Субкультурные сообщества постоянно сталкиваются с дилеммой: как сохранить свою аутентичность в условиях, когда любые формы сопротивления могут быть ассимилированы, преобразованы в очередной продукт массового потребления. Этот процесс отражает диалектическую борьбу за подлинность, в которой субкультурные субъекты социума вынуждены непрерывно пересматривать и обновлять свои гносеологические практики. Субкультуры предоставляют своим участникам степень экзистенциальной свободы, позволяя им выйти за пределы навязанных рамок и исследовать новые формы бытия. Однако эта свобода сопряжена с высокой степенью ответственности за собственное существование. То есть она требует от индивида постоянного переосмысления своей жизни и принятия решений, которые определяют его судьбу, отражают глубинные этические и гносеологические убеждения. Если конкретнее, субкультуры также выполняют функцию катализатора для экзистенциального самоопределения, побуждая своих членов к глубокой рефлексии, критическому анализу собственного бытия. Индивид, вступая в субкультурное сообщество, обретает возможность участия в коллективных формах познания, которые противостоят редукционистским и детерминированным моделям, навязываемым обществом. Это создает условия для формирования аутентичных эпистемологических практик, основанных на принципах самопознания и самосовершенствования [Луков, 2002, с. 84].

Одним их современных ученых, который занимается проблемой экзистенциального поля молодежных субкультур, является французский социолог, профессор Сорбонны

Д. Маффесоли, в своих трудах анализирующий эксплорацию постмодернистских социокультуральных конфигураций, их трансмутаций в рамках современных общественных динамик субкультурных манифестаций. Он предлагает концепцию «племени» как фундаментального компонента постмодернистской социальной архитектуры. Д. Маффесоли доказывает, что преобладающие классические социокультурные структуры сменяются более пластичными формами, структурируемыми эмоциональными и символическими связями. Его аналитическая работа акцентирует внимание на роли эстетических и ритуальных практик в конституировании новых социальных взаимосвязей, открывая инновационные перспективы в экзистенциальных исследованиях молодежи в контексте субкультурной принадлежности.

Э. Чамберс, британская исследовательница в домене медиа и культурных студий, концентрируется на эксплорации молодежных субкультур сквозь оптику медиакультурных феноменов. Она анализирует то, каким образом эти субкультуры апроприируют медиаресурсы (особенно цифровые платформы) в целях субъективного выражения структур сообществ. Она также исследует процессы, посредством которых медиапрактики молодежи катализируют эмерджентность новых форм идентичности, рефлектирующих их экзистенциальные аспирации. Её научные труды акцентируют значимость современных технологий в конституировании экзистенциальных новообразований молодежи, демонстрируя, как технологическая интеракция способствует экзистенциальному автономизму.

Интерпретация результатов исследования позволяет распределить основные экзистенциальные проблемы, которые испытывают члены молодежных субкультур, по следующим блокам:

1) проблемы личной идентичности, связанные с тем, что участие в жизнедеятельности сообщества способствует личностной идентичности и творческому росту через культурную принадлежность;

2) проблемы противостояния социальному отвержению, отражающиеся в критике и предвзятости в адрес субкультуры, усиливающего чувство солидарности участников;

3) столкновение с экзистенциальными дилеммами, связанные с рефлексией философских вопросов, таких как влияние культуры на личность и возможности изменения общественных взглядов, трудности в поиске баланса между личными убеждениями и социальным давлением;

4) проблемы переосмысление жизненного пути, которые возникают при интеграции в новую субкультурную реальность, обуславливают выбор карьеры или образовательные предпочтения, указывают на значимость культурной идентичности при экзистенциальном самоопределении.

Таким образом, субкультуры играют определяющее значение в формировании экзистенциального опыта молодежи.

Заключение

В рамках проведённого исследования экзистенциальных проблем современных молодежных субкультур был осуществлён системный анализ их роли в формировании идентичности и самореализации индивидов в условиях постмодернистской социокультурной динамики. В работе показано явление субкультур как автономных социокультурных гетеротопий, функционирующих как пространства альтернативного бытия и самовыражения: проведен анализ экзистенциальной напряжённости субкультурных индивидов, обусловленной необходимостью поддержания гносеологической целостности личности в условиях доминирования массовой культуры; представлена концептуализация идентичности как динамической категории, постоянно переосмысляемой в процессе взаимодействия с различными культурными кодами и символами; субкультуры рассмотрены как катализатор экзистенциального

самоопределения, побуждающего к глубокой рефлексии и критическому анализу собственного бытия.

Данное исследование вносит значительный вклад в развитие теории молодежных субкультур, расширяя понимание их экзистенциальной значимости и влияния на формирование идентичности в условиях постмодернистской социокультурной динамики. Предложенная концептуализация субкультуры как пространства альтернативного бытия и самовыражения открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области социокультурной антропологии и философии молодежи.

Список литературы

Александрова Е.А. 2015. Субкультуры образовательной системы: функции, типология, проблемы. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 15(2): 25–31.

Баева И.А. 2007. Психология молодежной субкультуры (социально-психологический аспект молодежной политики). Психология воспитания, 1(10): 82–90.

Козлова Н.Н. 2004. Методология анализа человеческих документов. Социологические исследования, 1: 14–26.

Кузина Д.В., Акимова М.О. 2020. Идентичность как предмет психологического исследования. Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 26(2): 122–126.

Луков В.А. 2002. Особенности молодежных субкультур в России. Социологические исследования, 10: 79–87.

Сапогова Е.Е. 2014. Жизненный и экзистенциальный опыт в автобиографических нарративах личности. Вопросы психологии, 1: 68–79.

References

Aleksandrova E.A. 2015. Subcultures of the Educational System: Functions, Typology, Problems. Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 15(2): 25–31.

Baeva I.A. 2007. Psychology of Youth Subculture (Socio-Psychological Aspect of Youth Policy). Psychology of Education, 1(10): 82–90.

Kozlova N.N. 2004. Methodology of Human Document Analysis. Sociological Research, 1: 14–26.

Kuzina D.V., Akimova M.O. 2020. Identity as a Subject of Psychological Research. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 26(2): 122–126.

Lukov V.A. 2002. Characteristics of Youth Subcultures in Russia. Sociological Research, 10: 79–87.

Sapogova E.E. 2014. Life and Existential Experience in Personality Autobiographical Narratives. Voprosy Psychologii, 1: 68–79.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хасуев Асланбек Эйляевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aslanbek E. Khasuev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 231.2
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-920-927
EDN UWAWHQ

Рационально-философские основания терминологического аппарата Леонтия Византийского и Иоанна Дамаскина. Сущности и акциденции

Стрелкова И.А., Нифонтова О.И.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
strelkova_i@bsuedu.ru; nifontova.olya2013@yandex.ru

Аннотация. Исследование впервые проводит сопоставление философско-терминологических концепций патрологов Леонтия Византийского и Иоанна Дамаскина. Оба являются ключевыми фигурами патристики и средневековой философии, однако их взгляды редко рассматриваются вместе в рамках единого анализа. Исследование позволяет выявить сходства и различия в трактовке сущностных категорий («сущности» и «акциденции»), которые играют ключевую роль в формировании мировоззрения Средневековья. Анализ понятийного аппарата обоих авторов открывает новые перспективы понимания формирования религиозной догматики и богословской аргументации.

Ключевые слова: философия, христианство, патрология, Иоанн Дамасский, Леонтий Византийский, сущность, акциденция

Для цитирования: Стрелкова И.А., Нифонтова О.И. 2025. Рационально-философские основания терминологического аппарата Леонтия Византийского и Иоанна Дамаскина. Сущности и акциденции. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 920–927. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-920-927 EDN: UWAWHQ

The Rational and Philosophical Foundations of the Terminological Apparatus of Leontius of Byzantium and John of Damascus. Essences and Accidents

Irina A. Strelkova, Olga I. Nifontova
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
strelkova_i@bsuedu.ru; nifontova.olya2013@yandex.ru

Abstract. This study is the first to compare the philosophical and terminological concepts of the patrologists John of Damascus and Leontius of Byzantium. Although both key figures in patristics and medieval philosophy, their views are rarely examined together in a single analysis. The study reveals similarities and differences in their interpretations of essential categories (such as "essence" and "accident"), which played a crucial role in shaping the worldview of the Middle Ages. Analyzing the

© Стрелкова И.А., Нифонтова О.И., 2025

conceptual frameworks of both authors provides new insights into the development of religious dogma and theological reasoning.

Keywords: philosophy, Christianity, patrology, John of Damascus, Leontius of Byzantium, essence, accident

For citation: Strelkova I.A., Nifontova O.I. 2025. The Rational and Philosophical Foundations of the Terminological Apparatus of Leontius of Byzantium and John of Damascus. Essences and accidents. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 920–927 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-920-927 EDN: UWAWHQ

Введение

Иоанн Дамаскин и Леонтий Византийский – два выдающихся мыслителя, внесших значительный вклад в развитие богословской терминологии византийской эпохи. Их труды о сущностях и акциденциях до сих пор являются предметом пристального изучения у историков науки, специалистов в области религиозной философии и богословия.

Цель исследования – проанализировать ключевые аспекты терминологического аппарата этих двух авторов в контексте их учения о сущностях и акциденциях. Работа предполагает использование междисциплинарного подхода, сочетающего методы исторической науки, лингвистического анализа и философского и богословского осмысления.

Догматическая система Леонтия Византийского и ее влияние на становление поздней византийской христологии

Христология – «учение о Лице Иисуса Христа, занимающее среди других истин христианского богословия центральное место, всегда составляло предмет особенного внимания со стороны христианских богословов и христианских писателей» [Соколов, 2005, с. 78]. Развивалась христология с первых веков христианства достаточно быстро. Уже в III веке Ориген рассуждает о христологической проблеме: «Должно… со всяким страхом и благоговением наблюдать, чтобы в одном и том же (Лице) обнаружить истину той и другой природы, так, чтобы, с одной стороны, не помыслить чего-нибудь недостойного и неприличного о той Божественной и неизреченной Сущности (substantia), и, с другой стороны, деяния (Его, как человека), не счесть ложными призрачными образами. Вложить все это в уши человеческие и изъяснить словами, конечно, далеко превосходит силы нашего достоинства, ума и слова» [Ориген, 2005, с. 23]. Данным высказыванием предугаданы итоги христологического развития в V веке на Халкидонском соборе, на котором выражалась мысль, что Иисус Христос есть единый Богочеловек в полноте и реальности двух Его природ: Божества и человечества.

Халкидонская христология по своей непререкаемой определенности должна была стать пределом в развитии учения о Лице Иисуса Христа. Однако по поводу содержания и смысла вероопределения на территории восточной Церкви в дальнейшем возникают горячие споры, поставившие в необходимость богословским силам Церкви VI века снова пересмотреть и обсудить вопрос о правильном понимании Халкидонского определения. Среди этих сил одной из выдающихся является Леонтий Византийский [Соколов, 2005, с. 79].

Рационально-богословские основания догматической системы Леонтия Византийского

Леонтий Византийский как полемист и богослов был ярким представителем схоластического направления своего времени. Его стремление к четкому и ясному определению базовых понятий отвечало потребностям того периода в разработке

единообразного и завершенного христологического терминологического аппарата. Для достижения этой цели он опирался на труды святых отцов церкви, особенно ценил мнение Кирилла Александрийского и каппадокийских учителей. При этом писатель не ограничивался простым цитированием авторитетных источников, а подвергал их критическому рассмотрению, что отличало его подход от фанатичной доверчивости к традиции: «Надлежит заботиться не о словах, но о мыслях; и если есть какое-нибудь новое слово, раз оно отвечает своему назначению и согласуется с изначально исповедуемым православием, его нужно уважать и почитать, как соответственное». Напротив, «если какое-нибудь речение, употребляемое во св. Писании и у св. Отцов, по нечестивому нововведению переносится кем-либо в сторону от истинного смысла, то нужно его отбрасывать и отвращаться от них, как от ловких шулеров, подделывающих не только изображение, но и надпись» (на монетах)...» [1].

Как крупный представитель патрологии, Леонтий Византийский ориентировался главным образом на решение конкретных спорных вопросов своего времени, а не на создание всеохватывающей системной теории. Структурирование своих мыслей он использовал лишь для преодоления неоднозначности или расплывчатости высказываний отцов церкви, которые могли быть неправильно интерпретированы оппонентами. Так, например, говоря о разгоревшейся в то время дискуссии вокруг природы соединения Божественного и человеческого в лице Иисуса Христа, Леонтий Византийский отмечал: «Воздвигнута Всеобщая война об образе единения, о котором многие ничего не знают и сомневаются… поэтому нужно философствовать, чтобы узнать, с чем мы согласны и с чем нет» [цит. по: Соколов, 2005, с. 78]. Он заново рассматривает уже принятые и общепризнанные дефиниции, проводя над ними тщательный анализ. Результатом становится организованная и целостная система понятий, где каждое из них занимает свое точно определенное место. Этот процесс включал в себя как заимствование ранее предложенных формулировок, так и внедрение собственных новых.

Все сочинения Леонтия Византийского отличаются строгим догматико-полемическим характером и по своему идейному содержанию не выходят из рамок халкидонского определения. При этом он ставит себе четкую цель – всесторонне обосновать и оправдать тезисы этого определения и в особенности доказать полное их согласие с церковным преданием и святоотеческим учением. Эта цель была значительной и трудновыполнимой.

Влияние Леонтия Византийского на литературное и богословское наследие Иоанна Дамаскина

Литературные труды и богословское учение Иоанна Дамаскина представляют особенный интерес и значение для богословия и философии, потому что они весьма близки к сочинениям Леонтия Византийского, местам трудно указать какое-то различие между обоими авторами. Воплощение Сына Божия Иоанн Дамаскин изображает как единый акт, совершившийся в единый хронологический момент: «...вместе (одновременно) тело явилось и телом Бога Слова, и телом одушевленным, разумным и мыслящим, совершенным Богом и совершенным человеком. Он воспринял от Св. Девы разумную и одушевленную плоть, соединившись по ипостаси неслитно, неизменно и нераздельно, не переменяя природы Своего Божества в сущность тела, ни сущности плоти в природу Своего Божества, и из Божественной природы в соединении с человеческой не образован одной соединенной природы» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 243]. Произошло не обожествление человека, но вочеловечение Бога. Отсюда имя Христа есть имя Лица, обозначающего два естества. Иоанн Дамаскин утверждал, что оба естества (Божеское и

[1] Цит. по: Г.В. Флоровский. Восточные отцы V–VIII века (из чтений в Православном Богословском институте в Париже). Париж, 1933 г.

человеческое) во Христе объединились таким образом, что каждая сущность сохраняла свою индивидуальную идентичность внутри общей сложной ипостаси Сына Божьего. Он указывает на тот пункт, где возможно было такое взаимное соприкосновение Божества с человечеством: «Слово Божие соединилось с плотию через посредство ума, который занимает посредствующее положение между чистотою Божества и грубостию плоти» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 243]. Подобно Иоанну Дамаскину, Леонтий Византийский, изображая ипостасное соединение природ во Христе, отрицает образование одной сложной природы. Смысл этого последнего выражения у обоих авторов, скорее всего, заключается в том, что Сын Божий есть единый носитель двух совершенных природ, есть истинный Богочеловек.

Те рационально-философские основания, которые предлагает Иоанн Дамаскин в доказательство своих христологических тезисов, совершенно совпадают с такими же у Леонтия Византийского, только последний «дает более или менее отрывочные эскизы» [Соколов, 2005, с. 98]. Иоанн Дамаскин же представляет целостный, компактный свод таких рационально-философских оснований в своих «Философских главах» (или в «Диалектике» [Иоанн Дамаскин, 2006]. Очевиден сходный материал у обоих авторов, в частности касающийся ипостасного соединения природ во Христе.

Терминология Леонтия Византийского и Иоанна Дамаскина: сущность и акциденция

Иоанн Дамаскин рассматривает сущность (οὐσία) как нечто неизменное и постоянное во всех вещах, что составляет основу их существования. Сущностью называется то, что является одним и тем же во всех вещах, например человеческая природа или какая-либо другая общая форма. Для него сущность представляет собой универсальное начало, лежащее в основе конкретных индивидуальностей. Она выступает как некий идеал, который реализуется в различных предметах мира через акциденции.

Акциденцией (παρεῖσιν), согласно богослову, называются все дополнительные свойства объекта, которые могут изменяться без изменения его собственной сущности. К ним относятся размеры, цвет, форма и т. д. «Под акциденцией мы понимаем такое свойство, которое может быть добавлено к субъекту или удалено от него без изменения самой сути этого субъекта» [Иоанн Дамаскин, 2006, с. 6]. Таким образом, Иоанн Дамаскин проводит четкое различие между сущностью и акцидентальными признаками, считая первое необходимым условием бытия любой вещи, а второе – случайным дополнением.

Точное определение и строгая дифференциация христологических терминов дают возможность Иоанну Дамаскину защищать христианский догмат о воплощении от еретиков. «Еретиков вводит в заблуждение вот что: они признают естество и ипостась за одно и то же. Хотя мы и говорим, что в человеке одно естество, но мы говорим так, не обращая внимания на определение души и тела. Между тем как каждая личность собственно имеет два естества и состоит в двух естествах – души и тела. Но в отношении к Господу Иисусу Христу нельзя найти общий вид. Ибо не было, нет и не будет другого Христа, который состоял бы из Божества и человечества. Поэтому о Господе Иисусе Христе нельзя сказать, что в Нем одно естество, т. е. нельзя сказать, что как отдельная человеческая личность сложена из души и тела, так же и Христос сложен из Божества и человечества» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 245]. Иоанн Дамаскин принимает это традиционное выражение именно с той точки зрения, которую разделяли такие авторы, как Кирилл Александрийский и Леонтий Византийский: «общее естество, всецело созерцаемое в ипостаси Слова». На эту формулу он ссылается, истолковывая ее так, что «у Эммануила одна ипостась Божества и человечества и потому у них обоих общие, как бы естественные, свойства» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 245]. Или, иначе, Христос является единым живым существом, которое совмещает в своей личности два разных вида жизненного начала.

Леонтий Византийский разрабатывал свою теорию сущностей и акциденций в рамках дискуссий вокруг проблемы универсалий. Для него сущность (ἐνέργεια) представляла собой не абстрактный принцип, а, скорее, реальность, существующую в мире. Реальность – это та действительность, которая существует здесь и сейчас, отделенная от всего возможного [Говорун, 2001]. Он противопоставлял реальность возможности (δύναμις). Последнее обозначало потенциальное положение дел, которое еще не воплотилось в факте. Таким образом, богослов трактует сущность как уже реализованную возможность, ставшую фактом. Согласно этому мнению, акциденция также относится к сфере реальности, однако она характеризуется зависимостью от соответствующей сущности. Акцидентальным называется то, что принадлежит вещи лишь постольку, поскольку эта вещь обладает такой-то сущностью. Акцидентальное – это то, что приписывается некоему субъекту благодаря наличию у него какой-либо определенной сущности [Говорун, 2001].

Общее в концепциях двух авторов

Все существующее, по мысли обоих авторов, разделяется на две половины: сущности и акциденции. Сущность (substantia) есть то, что существует само по себе и не нуждается в другом. Она есть первый и высший род. Она есть самое общее и широкое понятие в применении к существующим вещам. В свою очередь, сущность, или род разделяется на виды, которые являются понятиями меньшего объема. Вид есть то, на что разделяется род, так как род обязательно разделяется на виды, и то, что не разделяется, не является родом, равно как и то, что не имеет рода, не есть вид. И род, и виды составляются из множества отдельных самостоятельных сущностей, которые называются индивидами, то есть особыми неделимыми сущностями. Акциденциями называется то, что в видах и индивидах может быть и не быть без ущерба для их существования. Однако различаются существенные и несущественные акциденции, или неотделимые и отделимые: первые относятся к таким признакам (свойствам и качествам) видов и индивидов, без которых последние перестают быть таковыми, становятся иносущными, вторые – к таким, которые не влияют на изменение их сущности и не превращают их в иные виды или индивиды.

Эти логические определения сущностей и акциденций при переводе их на язык философии получают название природ и ипостасей, причем ипостасью называется более частное, природой – более общее. К природе принадлежат род и виды, к ипостаси – индивиды. Природа означает, что есть предмет, а ипостась – кто или что он такое. Ипостась есть бытие само по себе, бытие самостоятельное. Однако ипостаси не может быть без природы или сущности, равно как не может быть природы-сущности без ипостаси, или без лица. Возможны различные отношения между ипостасью и природой: «первое – когда одна ипостась вмещает в себе одну природу и существует независимо от других природ и ипостасей, другое – когда в одной ипостаси действуют взаимно две природы, например душа и тело в человеке, третье – когда одна ипостась действует в другой, как ее природная ипостась, например ипостась Сына Божия в человечестве Христа» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 245]. В случае соединения природ в одной ипостаси эти природы считаются воипостасными. Такие, например, Божество и человечество в Иисусе Христе.

Проблема взаимопроникновения свойств во Христе

Характеризуя взаимоотношение естеств во Христе, Иоанн Дамаскин пользуется теми же самыми аналогиями, какие вели свое начало из отеческой традиции и какие в особенности получили широкое применение у Леонтия Византийского. Это примеры тела и души в человеке, а также огня и железа в раскаленном мече, огня и дерева в горячем

угле. Еретики злоупотребляли этими аналогиями, делали из них выводы, противоречащие христианским догматам, поэтому Иоанн Дамаскин ставит задачу – дать соответствующие разъяснения. Так он опровергает мнение монофизитов, основывавшихся в своем учении об одной природе Христа на том, что и у человека составляется из души и тела одна человеческая природа: «Ибо кто столь неразумен, чтобы и в соединении души с телом считать одну природу обоих? Во Христе – нет вида, ибо не много Христов, состоящих из Божества и человечества, чтобы все, подходящие под этот вид, считались одной природы, но один – Христос из двух и в двух природах познаваемый там же. Так, Григорий Богослов говорит: "Две природы – Бог и человек, как душа и тело, но не два Сына"» [Иоанн Дамаскин, 2003]. Точно так же он пользуется и сравнением с раскаленным мечом для доказательства наличности во Христе истинного Божества вместе с полным человечеством – против несториан, и наличием в Нем двух энергий и воль – против монофелитов. На доказательное значение аналогий Иоанн Дамаскин смотрит одинаково с Леонтием Византийским: «…аналогии имеют не только сходственные черты, но и различные с прототипом, иначе они перестали бы быть аналогиями» [Соколов, 2005, с. 102]. «Необходимо, чтобы в примерах усматривалось и то, что подобно, и то, что различно, так как иначе это был бы уже не пример. Сходное во всем было бы тожеством, а не примером, в особенности в том, что относится к Богу» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 246].

В дальнейшем в изложении своей христологии Иоанн Дамаскин воспроизводит везде мысли и термины Леонтия Византийского, в значительной мере пользуется мнением Анастасия Синаита и Максима Исповедника. В особенности такое заимствование заметно у него в учении о волях, действованиях во Христе. Признание двух полных и совершенных природ во Христе само собой обусловливает признание и двух свободных воль и действований во Христе – Божеской и человеческой. Считая, согласно с Максимом Исповедником, волю и энергию атрибутом природы, а не ипостаси, Иоанн Дамаскин доказывает необходимость признания во Христе воли Божественной и воли человеческой. Но он идет далее в развитии этого вопроса о волях и пишет о том, что нужно различать волю как способность хотения, желания вообще от определенного хотения и желания чего-либо по свободному выбору и решению. Такую свободную волю проявляет уже человеческая личность, и в этом смысле она является ипостасным свойством. «Но поелику Христос един и ипостась Его – едина, то один и тот же хотящий и так, как свойственно Богу, и так, как свойственно человеку. А так как он имеет два естества, способныя хотеть, то в Нем две воли, или два естественныя хотения» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 246].

Точно так же разрешается христианским писателем вопрос об энергиях и действованиях во Христе. Так как «во Христе два естества, то необходимо говорить и о двух различных действованиях, ибо не бывает естества, лишенного действования» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 246].

Далее поднимается вопрос о том, не может ли признание во Христе двух свободных воль и двух особых энергий и действований вести к признанию в Нем борьбы, несогласованности волевых движений и отсюда – к несоответственности энергий и действий. Не может ли в Нем проявиться противление человеческой воли божественной воле и уклонение к греховной деятельности? Ответ христианского писателя таков: человеческая воля Спасителя, как чуждая от природы греху, естественно и свободно избирала и желала только того, что угодно воле Божией. Благодаря тесной связи природ в лице Христа наблюдается обмен характерными особенностями каждой из этих природ. Каждое из них перенимает у другого его отличительные черты благодаря полному единству их ипостаси и глубокой взаимопроникаемости сущностей. Данный феномен не подразумевал смешения или уничтожения природ, а скорее указывал на синергию их возможностей. Отсюда все человеческое во Христе становится обожествленным, в том числе и воля и энергия Его, а потому и невозможно ожидать, чтобы человечество во Христе, в волевых актах или в реальных действиях и поступках, становилось в оппозицию

к Божеству, обнаруживало в себе что-либо недостойное этого Божества. Напротив, на основании ипостасного единения и обожествления естеств во Христе нужно признать совершеннейшую гармонию и согласованность в проявлении и деятельности Божеских и человеческих сил и действий во Христе. Христос как Богочеловек являет собой единую личность, имеющую одно самосознание, которое и воспринимает, и направляет акты той и другой природной жизни как свои собственные, безраздельно Ему принадлежащие.

С точки зрения истинного Богочеловечества Иисуса Христа для Иоанна Дамаскина не представлялось никаких затруднений разрешить все спорные христологические вопросы, какие выдвигались в разное время несторианами и монофизитами. Несториане утверждали, что Евангелие говорит об одном первоначальном, чистом человечестве Иисуса Христа, которое подлежало обычным законам человеческого возрастания и развития. Монофизитам казалась неприемлемой относительно Иисуса Христа мысль об истинном и совершенном человечестве, так как этому человечеству должны быть присущи страсти, болезни и др. Иоанн Дамаскин считает такой взгляд ложным и находит, что Христос «воспринял всего человека и все свойственное человеку, кроме греха, потому что грех неестествен и не Творцом вложен в нас. Естественныя же и безупречныя страсти, каковы – голод, жажда, утомление, труд, слезы, тление, боязнь, предсмертная мука... – это все Он воспринял, дабы все освятить» [Иоанн Дамаскин, 2003, с. 247].

Тело Христово было подвержено страданиям, нуждам и слабостям животной и чувственной жизни. Оно было подчинено тлению. Поэтому с его точки зрения не правы юлианисты и афтароподокиты, утверждавшие такое нетление Бога во время Его земной жизни. Но тело Бога не претерпело посмертного разрушения или разложения на стихии, как об этом и было предсказано у пророка (Пс.15, 10). Поэтому не правы и агноиты или фемистиане, признававшие в Иисусе Христе незнание будущего и в особенности дня суда Господня. «Естество человеческое по своей сущности не обладает ведением будущего, душа же Господа, по причине соединения с Самим Богом Словом и тожества Ипостаси, обогатилась вместе с остальными знамениями Божества и ведением будущаго» [Иоанн Дамаскин, 2003 с. 247].

Леонтий Византийский не дал в своих сочинениях ясного и определенного мнения по данному вопросу. Но там, где он касается этого вопроса, отмечается, что Христос, владея истинным человечеством, которому свойственно несовершенное ведение, обладал и истинным Божеством, которое, как всеведущее, просветило совершенным знанием и человеческую душу Иисуса Христа.

Заключение

Рассматривая терминологический аппарат Иоанна Дамаскина и Леонтия Византийского, можно отметить сходство и различия их концепций: оба мыслителя проводят аналогичное разделение на сущность и акциденцию, воспринимая последнюю как нечто преходящее и дополнительное по отношению к первому. Однако они интерпретируют эти категории несколько по-разному. У Иоанна Дамаскина сущность выступает в качестве общего начала, лежащего в основе множества единичных вещей; у Леонтия Византийского – это реальность, отличная от возможности.

Кроме того, следует упомянуть о специфической роли, которую каждый из них отводил своим категориям в общей системе знаний. Так, для Иоанна Дамаскина соотношение сущности и акциденции было важнейшим элементом его логики, позволявшим органично связать диалектическое мышление с онтологическими представлениями. Леонтий Византийский использовал свои понятия преимущественно для решения проблем метафизических универсалий, пытаясь разрешить споры Платона и Аристотеля о природе видов и родов.

Оба философа внесли значительный вклад в развитие византийской схоластической традиции, предложив оригинальную интерпретацию представленных категорий.

Терминологическое наследие Леонтия Византийского и Иоанна Дамаскина продолжает оказывать влияние на современные исследования в области религиозной философии и богословия, служа основой для дальнейшей разработки данной проблематики. Их труды помогают лучше понять историю формирования христианских догматов и процесс становления византийской культуры. Исследование имеет большое значение для развития научного знания в области истории философии и богословия.

Список литературы

Говорун С. Н. 2001. *Церковь и время.* Леонтий Византийский и его трактат против Нестория и Евтихия. №. 2 (15). М, Б/и. с. 204-237.

Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Творения, М, Сибирская Благозвонница, 2022, 895 с.

Иоанн Дамаскин. 2003. Точное изложение православной веры. М, Издательство Сретенского монастыря, 370 с.

Иоанн Дамаскин. Источник знания. СПб., Наука, 2006, 358 с.

Ориген. О началах / ред. И. В. Власова, Самара, РА, 2005, 384 с.

Соколов В. 2005. Завершение Византийской христологии после Леонтия Византийского: Православие и монофизитство. М, Панагия, 453 с.

References

Govorun S. N. 2001. Cerkov' i vremja: Leontij Vizantijskij i ego traktat protiv Nestorija i Evtihija. №. 2(15). M, B/i. p. 204-237.

Grigorij Bogoslov, arhiepiskop Konstantinopol'skij. Tvorenija, M, Sibirskaja Blagozvonnica, 2022, 895 p.

Ioann Damaskin. 2003. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very. M, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja, 370 p.

Ioann Damaskin. Istochnik znanija. SPb., Nauka, 2006, 358 p.

Origen. O nachalah / red. I. V. Vlasova, Samara, RA, 2005, 384 p.

Sokolov V. 2005. Zavershenie Vizantijskoj hristologii posle Leontija Vizantijskogo: Pravoslavie i monofizitstvo. M, Panagija, 453 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 09.06.2025
Поступила после рецензирования 09.09.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received June 09,2025
Revised September 09,2025
Accepted November 29,2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Стрелкова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Нифонтова Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-4522-5778

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Strelkova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Olga I. Nifontova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.
https://orcid.org/0000-0002-4522-5778

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА
CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 101.1 +130.2 +304.44
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-928-937
EDN VHXHJO

Общинный туризм во Вьетнаме как механизм трансляции и сохранения этнической культурной идентичности

[1]Дашкова Е.В. [2] Ивушкина Е.Б.
[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Россия, 119571, г. Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1
[2] Институт сферы обслуживания и предпринимательства –
филиал Донского государственного технического университета в г. Шахты,
Россия, 346500, г. Шахты, ул. Шевченко, д. 147
dashkova-ev@ranepa.ru; ivushkina62@mail.ru

Аннотация. В последние десятилетия устойчивое развитие туризма стало ключевым направлением государственной политики во многих странах Азии, включая Вьетнам. Авторами представлен комплексный анализ современного состояния, проблем и перспектив устойчивого развития туризма во Вьетнаме с учетом экономических, экологических и социальных факторов, а также рекомендации по совершенствованию российской национальной политики в данной сфере. В работе рассмотрены особенности и тенденции устойчивого развития туризма в Республике Вьетнам, включая общинный туризм, выявлены ключевые проблемы и сформулированы практические рекомендации.

Ключевые слова: туризм, устойчивое развитие, Вьетнам, общинный туризм, туристическая привлекательность

Для цитирования: Дашкова Е.В., Ивушкина Е.Б. 2025. Общинный туризм во Вьетнаме как механизм трансляции и сохранения этнической культурной идентичности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 928–937. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-928-937 EDN: VHXHJO

Community Tourism in Vietnam as a Mechanism for the Transmission and Preservation of Ethnic and Cultural Identity

[1] Elena V. Dashkova, [2] Elena B. Ivushkina
[1] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky Ave., building 1, Moscow 119571, Russian Federation
[2] Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of Don State Technical University in Shakhty
147 Shevchenko St., Shakhty 346500, Russian Federation
dashkova-ev@ranepa.ru; ivushkina62@mail.ru

Abstract. In recent decades, the sustainable development of tourism has become a key area of government policy in many Asian countries, including Vietnam. The authors present a comprehensive analysis of the current state, problems, and prospects of sustainable tourism development in Vietnam,

© Дашкова Е.В., Ивушкина Е.Б., 2025

taking into account economic, environmental, and social factors, as well as recommendations for improving national policy in this area. The paper examines the features and trends of sustainable tourism development in the Republic of Vietnam, including community tourism, identifies key problems and makes practical recommendations.

Keywords: tourism, sustainable development, Vietnam, community tourism, tourist attraction

For citation: Dashkova E.V., Ivushkina E.B. 2025. Community Tourism in Vietnam as a Mechanism for the Transmission and Preservation of Ethnic and Cultural Identity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 928–937 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-928-937 EDN: VHXHJO

Введение

В последние десятилетия устойчивое развитие туризма стало ключевым направлением государственной политики во многих странах Азии, включая Вьетнам. Устойчивое развитие подразумевает баланс между удовлетворением потребностей общества и сохранением природных и культурных ресурсов для будущих поколений.

Социалистическая республика Вьетнам активно проводит в жизнь экономические реформы. Принципы этих преобразований основываются на концепции устойчивого развития, которое способствует не только экономическому росту, но и решению проблем, связанных с экологией, культурой, уровнем жизни населения. Одной из ведущих отраслей экономики Вьетнама в последние годы становится туризм. Сфера туризма также развивается на принципах устойчивого развития и связана с решением проблем экологической безопасности, созданием туристской инфраструктуры с использованием «зеленой экономики», включением местных сообществ в организацию и предоставления туристских услуг. Внедрение принципов устойчивого развития позволяет не только сохранять природные и культурные ресурсы для будущих поколений, но и обеспечивать долгосрочную экономическую выгоду для местных сообществ, повышая их уровень жизни и социальную стабильность. Особое внимание уделяется общинному туризму, в рамках которого местные жители становятся активными участниками процесса, что способствует вовлечению населения, сохранению традиций и развитию малого бизнеса.

Анализ научной литературы свидетельствует о высокой степени изученности отдельных аспектов устойчивого развития туризма во Вьетнаме, однако сохраняется актуальность комплексных исследований, направленных на интеграцию экономических, экологических и социальных факторов, а также на разработку эффективных механизмов участия местных сообществ и совершенствование государственной политики в данной сфере.

Целью работы является комплексный анализ современного состояния, проблем и перспектив устойчивого развития туризма во Вьетнаме с учетом экономических, экологических и социальных факторов, а также выработка рекомендаций по совершенствованию российской национальной политики в данной сфере.

В ходе исследования использовался комплекс научных методов, включая анализ и синтез, системный и сравнительный подходы, контент-анализ научных публикаций и нормативных документов, статистический анализ и кейс-стади. Такой методологический инструментарий позволил всесторонне рассмотреть особенности и тенденции устойчивого развития туризма в Республике Вьетнам, выявить ключевые проблемы и сформулировать практические рекомендации.

Результаты и их обсуждение

Тема устойчивого развития туризма в Республике Вьетнам широко освещается в научной литературе, что отражает растущий интерес исследователей к данной проблематике как на национальном, так и на международном уровне. Вопросы

устойчивого развития туризма активно рассматриваются в работах азиатских и западных авторов, где анализируются как теоретические основы устойчивого туризма, так и практические аспекты его реализации во Вьетнаме. Особое внимание уделяется влиянию экономических реформ, начавшихся в стране в 1986 году, на развитие туристической отрасли, а также внедрению инновационных подходов и принципов устойчивого развития (Vuong Khanh Tuan, 2019). В ряде публикаций подчеркивается, что именно экотуризм стал новым вектором развития, позволяющим Вьетнаму не только увеличить туристический поток, но и более рационально использовать природные и культурные ресурсы.

Исследования Pham H.H. и Khin A.A. (2016) акцентируют внимание на необходимости поиска баланса между экономическим ростом и сохранением окружающей среды, отмечая, что вьетнамская политика долгое время была ориентирована преимущественно на экономическую выгоду, что привело к ряду экологических проблем. В научной литературе также анализируется вклад туризма в ВВП страны, его роль в создании рабочих мест и формировании экспортных доходов (Нгуен, Б.Б., 2019). Наряду с этим отмечаются и проблемы: нечеткая стратегия развития, низкая конкурентоспособность услуг, недостаточная гибкость в реагировании на изменения рынка.

Значительное внимание уделяется вопросам взаимодействия между туризмом, местными сообществами и окружающей средой. В отдельных работах развитие общинного туризма рассматривается как эффективная модель устойчивого развития, способствующая вовлечению местного населения, сохранению культурных традиций и формированию социальной ответственности (Нгуен Куок Хынг, 2013). Также анализируются примеры успешного внедрения экотуризма и общинных инициатив, проблемы, связанные с недостаточной подготовкой кадров и необходимостью развития профессиональных компетенций местных жителей. В ряде публикаций подчеркивается, что для формирования устойчивой туристической системы необходимо учитывать целый комплекс факторов: политические, правовые, экономические, экологические и культурные (Мирошниченко П.Н., 2023). Вьетнамский опыт сопоставляется с европейскими и мировыми практиками, что позволяет выработать рекомендации по совершенствованию национальной стратегии устойчивого развития туризма.

Устойчивое развитие туризма – это концепция, основанная на принципах баланса между экономическим ростом, сохранением окружающей среды и обеспечением социальных выгод для местного населения. Впервые вопросы устойчивого развития туризма были подняты на международной повестке в конце XX века, когда стало очевидно, что неконтролируемое развитие туристической индустрии может привести к деградации природных и культурных ресурсов, а также к ухудшению качества жизни местных сообществ.

Основные принципы устойчивого развития туризма:

– экономическая устойчивость. Туризм должен способствовать развитию местной экономики, создавать рабочие места, обеспечивать приток инвестиций и приносить пользу местным жителям. Экономическая устойчивость подразумевает долгосрочную прибыльность отрасли без ущерба для других сфер жизни общества;

– экологическая устойчивость. Туристическая деятельность должна минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, способствовать сохранению биоразнообразия, рациональному использованию природных ресурсов и предотвращению загрязнения. Экологическая устойчивость подразумевает долгосрочное сохранение природного потенциала территории;

– социально-культурная устойчивость. Туризм должен поддерживать и развивать местную культуру, традиции и самобытность, способствовать социальной сплочённости, улучшать качество жизни населения, а также обеспечивать справедливое распределение выгод от туризма между всеми членами общества.

В современных исследованиях устойчивое развитие туризма рассматривается как многоуровневая система, в которой взаимодействуют государство, бизнес, местные сообщества и туристы (Дашкова Е.В., 2022). Каждый из участников этого процесса играет свою роль в обеспечении баланса между экономическими, экологическими и социальными интересами. Государство формирует нормативно-правовую базу, разрабатывает стратегические программы и регулирует деятельность в отрасли. Бизнес внедряет инновации, инвестирует в инфраструктуру, обеспечивает качество услуг. Местные сообщества вовлекаются в управление туризмом, получают экономические и социальные выгоды, участвуют в сохранении культурного наследия. Туристы становятся активными участниками процесса, формируя спрос на экологически и социально ответственные услуги.

Во Вьетнаме, как и в других странах, устойчивое развитие туризма зависит от ряда факторов:

– экономических (размер инвестиций, развитие инфраструктуры, создание рабочих мест, поддержка малого бизнеса, рост доходов населения) (Кузнецов М.Е., 2023);

– экологических (сохранение природных ресурсов, снижение загрязнения, адаптация к изменению климата) (Ле Бао Н, 2020; Ле Хоанг Ань Хой, 2023);

– социальных (повышение качества образования и профессиональной подготовки, сохранение традиций, участие местных жителей в управлении туризмом);

– институциональных (наличие эффективной государственной политики, поддержка инноваций, развитие партнерских отношений между государством, бизнесом и обществом).

Особое внимание в современной теории устойчивого туризма уделяется развитию общинного (community-based) и экотуризма. Эти формы туризма предполагают активное участие местных жителей в создании и управлении туристическими продуктами, что способствует более справедливому распределению выгод, сохранению традиций и повышению социальной ответственности. Экологический туризм ориентирован на минимизацию экологического следа и популяризацию природоохранных практик. Общинный туризм во Вьетнаме – это вид туризма, направленный на вовлечение местных сообществ, особенно малых народностей и сельских жителей, в процесс приёма и обслуживания туристов. Основная суть такого туризма заключается в том, чтобы дать путешественникам возможность познакомиться с традиционной культурой, бытом, ремёслами и обычаями местного населения, а также способствовать устойчивому развитию регионов, сохранению их уникальных традиций и улучшению качества жизни местных жителей. Большая часть доходов от такого туризма направляется на поддержку местных сообществ, сохранение окружающей среды и развитие инфраструктуры. В рамках общинного туризма туристы могут посещать деревни малых народностей (например, на севере Вьетнама, где живут этнические группы, такие как хмонги, дао, зао и другие), знакомиться с их образом жизни, участвовать в традиционных церемониях и ремёслах; останавливаться в домах местных жителей (гостевые дома), пробовать национальную кухню, принимать участие в сельскохозяйственных работах, праздниках и фестивалях; изучать традиционные ремёсла – ткачество, вышивку, изготовление посуды, музыкальных инструментов. Такой подход позволяет туристам получить уникальный опыт, а местным жителям – дополнительный источник дохода и стимул для сохранения своей культуры и традиций. Общинный туризм также способствует диверсификации туристической сферы. Наиболее популярные регионы Вьетнама для общинного туризма – это, прежде всего, северные горные районы, где проживают многочисленные этнические группы, а также ряд центральных и южных локаций, где местные сообщества активно вовлечены в туристическую деятельность (Чан Б.Т., Богомолова Е.С., 2021).

Среди них можно выделить следующие:

– Сапа и северо-западные провинции (Лаокай, Лайтяу, Хазанг, Дьенбьен). Здесь туристы могут остановиться в домах местных жителей, познакомиться с культурой народностей хмонг, зао, тай, дао, принять участие в традиционных праздниках и ремёслах, а также совершить треккинг по живописным рисовым террасам.

– Центральный Вьетнам (окрестности Хойана, Дананг): в районе Хойана и близлежащих деревнях развивается сельский и общинный туризм: туристы посещают местные ремесленные мастерские, фермы, участвуют в кулинарных мастер-классах и знакомятся с бытом вьетнамских крестьян.

– Дельта Меконга (провинции Донгтхап, Тьензянь, Кантхо). Здесь популярны экскурсии по реке и плавучим рынкам, посещение традиционных деревень, знакомство с сельскохозяйственным укладом жизни и местной кухней.

– Горные районы центрального Вьетнама (провинции Куангнам, Куангнгай): здесь также можно встретить программы общинного туризма, особенно в районах проживания народностей кохо, бана, седанг.

Принципы общинного туризма, успешно реализуемые во Вьетнаме, вполне применимы и в России. Они способны не только развивать туристическую инфраструктуру, но и поддерживать местные сообщества, сохранять традиции и улучшать качество жизни в сельской местности.

Принципы, которые можно использовать в российских условиях:

– вовлечение местных жителей в туристическую деятельность, когда местное население становится не только объектом показа, но и активным участником туристического процесса: предоставляет услуги размещения (гостевые дома, агроусадьбы), организует экскурсии, мастер-классы по ремёслам, кулинарии, народным праздникам и фестивалям;

– развитие сельского и этнического туризма – использование уникальных природных и культурных ресурсов, знакомство туристов с традиционным укладом жизни, народными промыслами, региональной кухней, участие в сельскохозяйственных работах, рыбалке, охоте, конных прогулках, экологических маршрутах;

– создание инфраструктуры и поддержка со стороны государства – развитие сети гостевых домов, агроусадеб, формирование агротуристических кластеров, выделение грантов и обучение местных жителей для повышения качества услуг;

– экологическая ответственность – развитие экологического туризма, поддержание чистоты природных территорий, вовлечение туристов в мероприятия по охране окружающей среды.

Применение принципов общинного туризма позволит повысить туристическую привлекательность регионов, создать новые рабочие места и сохранить уникальные традиции российской глубинки. Для развития общинного туризма в России наиболее подходящими являются регионы с уникальной природой, богатым культурным наследием, традиционными промыслами и этническим разнообразием: Северный Кавказ (Республики Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея); Республика Алтай и Алтайский край, Республика Татарстан, Республики Бурятия и Карелия, которые имеют ресурсы для экологического, сельского и этнического туризма благодаря уникальной природе, развитой сети гостевых домов, экотроп, традициям коренных народов, большому количеству сельского населения и многочисленным традиционным семьям.

Концепция устойчивого развития туризма предполагает интеграцию экономических, экологических и социальных целей в стратегию и практику развития туристической отрасли. Ее применение в туризме имеет ряд специфических особенностей, как во Вьетнаме, где вопросы устойчивости приобретают особую актуальность в условиях быстрого экономического роста и растущей нагрузки на природные и культурные

ресурсы: комплексный и междисциплинарный подход; баланс между экономической выгодой и сохранением ресурсов; вовлечение местных сообществ; ориентация на долгосрочную перспективу; гибкость и адаптивность политики; многоуровневая система управления; внедрение международных стандартов и обмен опытом; фокус на экотуризме и инновациях.

Таким образом, особенности применения концепции устойчивого развития в туризме заключаются в необходимости комплексного и интегрированного подхода, активного участия местных сообществ, ориентации на долгосрочную перспективу и гибкости политики. Только при условии учета экономических, экологических и социальных аспектов возможно формирование устойчивой, конкурентоспособной и социально ответственной туристической отрасли, способной приносить пользу как нынешним, так и будущим поколениям.

Современная туристическая индустрия Вьетнама демонстрирует динамичный рост и становится одной из ведущих отраслей национальной экономики. После начала экономических реформ в 1986 году страна активно внедряет инновации и рыночные механизмы, что позволило туризму занять стратегически важное место среди приоритетных направлений развития (Vuong Khanh Tuan, 2019). Прямой вклад индустрии туризма в ВВП составляет 6,6 %. Туризм также является важным источником занятости: в отрасли работает более 6 миллионов человек, что превышает 11 % занятости в сфере услуг (Hoang Pham Huyl, 2016). Кроме того, туризм занимает первое место по объёму валютных поступлений среди экспортных услуг, опережая транспорт, телекоммуникации и финансовые услуги. Ежегодно во Вьетнам приезжает всё больше иностранных и местных туристов. Это стимулирует развитие гостиничной, ресторанной, транспортной и развлекательной инфраструктуры, а также способствует росту сопутствующих отраслей (Кобелев Е.В., 2024). В последние годы особое внимание уделяется развитию экотуризма и общинного туризма, что позволяет более рационально использовать природные и культурные ресурсы страны.

Несмотря на экономические успехи, индустрия сталкивается с серьёзными проблемами. Быстрый рост туристических потоков приводит к перегрузке природных и культурных объектов, загрязнению окружающей среды, истощению ресурсов. По мнению Pham H. H. и Khin A. A. (2016), Вьетнам долгое время делал упор на экономическую выгоду, что привело к ряду экологических проблем (Фам Чан Хай Нга, 2016). Сегодня становится очевидным, что для дальнейшего развития необходим баланс между экономическими, экологическими и социальными аспектами.

В последние годы во Вьетнаме активно развивается общинный туризм, в котором местные жители играют ведущую роль в организации и управлении туристической деятельностью. Однако развитию препятствует недостаточная подготовка кадров и нехватка профессиональных компетенций у местного населения. В связи с этим Вьетнам разрабатывает национальную стратегию устойчивого развития туризма, в которой выделяются три ключевых направления: развитие инфраструктуры, создание рабочих мест, поддержка местного бизнеса; защита природных ресурсов, внедрение экологических стандартов, развитие экотуризма; повышение качества образования и подготовки кадров, сохранение культурного наследия, вовлечение местных жителей в управление туризмом.

Таким образом, современное состояние туристической индустрии Вьетнама характеризуется быстрым ростом, значительным экономическим вкладом и возрастающей ролью в социальной жизни страны. Вместе с тем отрасль сталкивается с вызовами, связанными с необходимостью перехода к устойчивым моделям развития, сохранением природных и культурных ресурсов, а также повышением качества и конкурентоспособности туристических услуг. Решение этих задач требует комплексного подхода, включающего экономические, экологические и социальные меры, а также активное участие всех заинтересованных сторон – государства, бизнеса и местных

сообществ. Устойчивое развитие туризма во Вьетнаме формируется под влиянием комплекса факторов и реализуется с помощью определённых механизмов, обеспечивающих баланс между экономическим ростом, сохранением окружающей среды и социальным благополучием местных сообществ.

Таким образом, ключевая проблема устойчивого развития туризма во Вьетнаме – это поиск баланса между экономической выгодой, защитой окружающей среды и социальными интересами. Только комплексное и согласованное решение этих задач позволит обеспечить долгосрочную устойчивость отрасли. Преодоление перечисленных проблем требует системного подхода, включающего совершенствование государственной политики и развитие профессионального образования.

На современном этапе профессиональное образование в туристской отрасли граждане Вьетнама смогут получить в образовательных учреждениях Российской Федерации. Это может быть представлено в различных формах:

1. Изучение образовательных программ в российских университетах. Вьетнамским абитуриентам и специалистам рекомендуется изучить предложения ведущих российских вузов, реализующих программы по туризму, гостиничному делу, менеджменту в индустрии гостеприимства, экотуризму и устойчивому развитию. Особое внимание стоит уделить таким университетам, как Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Российский государственный университет туризма и сервиса (РГУТиС), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Южный Федеральный университет, Донской государственный технический университет, Северо-Кавказский федеральный университет, а также другие региональные вузы.

2. Участие в стипендиальных и грантовых программах. Вьетнамским студентам следует активно использовать возможности получения стипендий и грантов, предоставляемых российским правительством (Россотрудничество), вузами, а также международными организациями. Это позволит снизить финансовую нагрузку и повысить мотивацию к обучению.

3. Изучение русского языка. Для успешного обучения в российских вузах важно владеть русским языком на уровне не ниже B1–B2. Рекомендуется пройти подготовительные языковые курсы (при вузах или онлайн), а также развивать навыки делового языка.

4. Практико-ориентированное обучение и стажировки. Следует выбирать программы, включающие производственную практику и стажировки в туристических компаниях, гостиницах, музеях и национальных парках России. Это позволит получить ценный опыт, познакомиться с российскими стандартами сервиса и особенностями развития внутреннего туризма.

5. Изучение российского и международного опыта в области устойчивого туризма.

Особое внимание рекомендуется уделять курсам и дисциплинам, связанным с устойчивым развитием туризма, экотуризмом, управлением туристическими направлениями, взаимодействием с местными сообществами и природоохранной деятельностью. Российский опыт может быть полезен для внедрения лучших практик во Вьетнаме.

6. Участие в студенческих и профессиональных сообществах. Рекомендуется вступать в профессиональные ассоциации, студенческие клубы, участвовать в конференциях, форумах, конкурсах, что способствует формированию профессиональных связей, обмену опытом и развитию лидерских качеств.

7. Использование онлайн-образования и международных обменов. Вьетнамским студентам стоит рассмотреть возможность прохождения онлайн-курсов в российских вузах, участия в программах академической мобильности, летних школах и

краткосрочных стажировках, что позволит познакомиться с российской системой образования и расширить кругозор.

Профессиональное образование в сфере туризма в России открывает перед гражданами Вьетнама широкие перспективы карьерного роста, освоения передовых технологий и стандартов, а также способствует развитию устойчивого туризма и укреплению международных связей.

Заключение

Туристическая индустрия страны за последние десятилетия превратилась в одну из ключевых отраслей экономики, внося значительный вклад в ВВП, занятость населения и валютные поступления. Благодаря экономическим реформам, начатым в 1986 году, и внедрению инновационных подходов Вьетнам активно внедряет принципы устойчивого развития в политику и практику туристической отрасли. В то же время стремительный рост туризма сопровождается серьёзными вызовами. Среди них – перегрузка природных и культурных ресурсов, экологические проблемы, неравномерное распределение экономических выгод, недостаточная подготовка кадров, а также слабое вовлечение местного населения в процессы управления туризмом. Стратегии развития зачастую остаются недостаточно гибкими и научно обоснованными, что снижает конкурентоспособность и устойчивость отрасли на международном рынке.

Исследование показало, что для достижения устойчивого развития туризма во Вьетнаме необходимо учитывать и гармонично сочетать три ключевых направления: экономическое развитие, защиту окружающей среды и социальное благополучие. Особое значение принадлежит развитию общинного туризма.

Общинный туризм как явление способствует передаче традиционных устоев тех народностей, которые проживают в районах Вьетнама. Для туристов разрабатываются этнокультурные программы, которые транслируют традиции и обычаи народностей Вьетнама. Это рекреативно-анимационные программы, которые вовлекают в деятельность не только туристов, но и местное население, демонстрирующее свои традиции, ремесла, национальную кухню, фольклор. В ходе подготовки таких рекреативно-анимационных программ местные жители глубже узнают уникальные особенности культуры малых этнических групп, традиционно проживающих во Вьетнаме. Старшие передают информацию о традициях и обычаях молодым, которые сами лучше узнают свою традиционную культуру и транслируют её для туристов. Так в общинах поддерживается интерес молодежи изучать наследие предков, который мотивируется еще и доходом, получаемым от реализации таких программ для туристов. Программы общинного туризма основываются на экономике впечатлений. Туристы, получая яркие впечатления от участия в этнических рекреативно-анимационных программах, лучше узнают народ, начинают с уважением относиться к другой культуре и становятся ретрансляторами культурных смыслов народов Вьетнама. Особенно ценно участие местных сообществ в туристской деятельности. Местные жители проводят экскурсии, рассказывая о своих традициях, организуют гастрономические матер-классы, проводят этнокультурные праздники, что позволяет укрепить самоидентификацию своего народа и формировать гордость за культуру, носителями которой они являются. Общинный туризм имеет государственную и общественную поддержку. Государство оказывает финансовую поддержку общинам, которые реализуют туристские программы. Общественные организации способствуют продвижению этих программ на туристический рынок. Такие инструменты способствуют устойчивому развитию туризма в регионах Вьетнама, где проживают этнические меньшинства.

Таким образом, общинный туризм во Вьетнаме способствует сохранению и трансляции этнической культуры народностей этой страны. Этот опыт заслуживает внимания, так как реализация принципов интеграции культурного наследия

в экономическую деятельность позволит не только сохранить уникальные культурные ресурсы страны, но и обеспечить высокое качество жизни населения, устойчивый экономический рост и позитивный имидж государства на мировой туристической арене.

Список литературы

Дашкова, Е.В. Устойчивое развитие туризма: основные факторы / Е.В. Дашкова // Устойчивое развитие горных территорий антропогенная деятельность в природопользовании. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Грозный, 2022. С. 65-73.

Кобелев, Е.В. Туристическая отрасль во Вьетнаме / Е.В. Кобелев // Вьетнамские исследования. – 2024. – Т. 8., № 4. – С. 55-67

Кузнецов, М.Е. Сравнительный анализ моделей устойчивого развития стран азиатско-тихоокеанского региона на примере Южной Кореи и Вьетнама / М.Е. Кузнецов // Экономика устойчивого развития. – 2023. – № 3 (55). – С.91-99.

Ле Бао Н, Анализ существующих ресурсов для развития экотуризма во Вьетнаме / Ле Бао Н // Стратегии развития индустрии туризма и гостеприимства: сборник статей. – М.: КноРус, 2020. – С. 28-32

Ле Хоанг Ань Хой, О проблемах обеспечения экологической безопасности Вьетнама / Ле Хоанг Ань Хой // Вопросы российской юстиции – 2023. – № 29. – С. 223-232

Нгуен, Б.Б. Стратегии развития туристического рынка Вьетнама / Б.Б. Нгуен // Современные тенденции развития туризма и индустрии гостеприимства: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Донецк, 16-17 мая 2019 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского, 2019. – С. 19-22.

Нгуен Куок Хынг, Культура как ресурсный фактор устойчивого развития туризма во Вьетнаме / Нгуен Куок Хынг // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 1(51). – С.73-78

Мирошниченко П.Н. Система менеджмента устойчивого туризма территории / П.Н. Мирошниченко // Ежегодная итоговая научно-практическая конференция научно-педагогических работников: сборник материалов конференции. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2023. – С. 135-140

Фам Чан Хай Нга. Конкурентоспособность розничной торговли Вьетнама после вступления в ВТО / Хай Нга Фам Чан // Устойчивое развитие мировой экономики и конкурентоспособность России в глобальной экономике: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2015г.); под общ. ред. И.Н. Платоновой. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 90–100.

Чан Б.Т., Интеграция регионов для развития устойчивого внутреннего туризма Вьетнама / Б.Т. Чан, Е.С. Богомолова // Инновационные научные исследования. – М: Вестник науки, 2021. С. 177-184

Hoang Pham Huyl, Sustainable Competitive Advantages for Ecotourism Development of Phu Quoc Island: Background and Literature Reviews / Hoang Pham Huy, Aye Aye Khin // Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). – Vol. 2. – Issue-10. – 2016 – pp. 296-299

Vuong Khanh Tuan, Analyzing factors affecting tourism sustainable development towards Vietnam in the new era / Vuong Khanh Tuan and Prof. Dr Premkumar Rajagopal // European Journal of Business and Innovation Research – Vol.7, № 1. – January 2019. – pp. 30-42.

References

Dashkova, E.V. (2022). Sustainable Development of Tourism: Main Factors. In: Sustainable Development of Mountain Territories: Anthropogenic Activity in Nature Management. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Grozny, pp. 65–73.

Kobelev, E.V. (2024). The Tourism Industry in Vietnam. Vietnamese Studies, Issue 8, No. 4, pp. 55–67.

Kuznetsov, M.E. (2023). Comparative Analysis of Sustainable Development Models in Asia-Pacific Countries: The Case of South Korea and Vietnam. Sustainable Development Economics, No. 3 (55), pp. 91–99.

Le Bao N. (2020). Analysis of Existing Resources for the Development of Ecotourism in Vietnam. In: Strategies for the Development of the Tourism and Hospitality Industry: Collection of Articles. Moscow: Knorus Publishing House, pp. 28–32.

Le Hoang Anh Hoi. (2023). On the Problems of Ensuring Environmental Safety in Vietnam. Issues of Russian Justice, No. 29, pp. 223–232.

Nguyen, B.B. (2019). Strategies for the Development of Vietnam's Tourism Market. In: Modern Trends in the Development of Tourism and Hospitality Industry: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Donetsk, May 16–17, 2019. Donetsk: Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, pp. 19–22.

Nguyen Quoc Hung. (2013). Culture as a Resource Factor for the Sustainable Development of Tourism in Vietnam. Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts, No. 1(51), pp. 73–78.

Miroshnichenko, P.N. (2023). Sustainable Tourism Management System of the Territory. In: Annual Final Scientific and Practical Conference of Scientific and Pedagogical Workers: Proceedings. Grozny: Publishing House of Chechen State University named after A.A. Kadyrov, pp. 135–140.

Pham Chan Hai Nga. (2016). Competitiveness of Vietnam's Retail Trade after WTO Accession. In: Sustainable Development of the World Economy and Competitiveness of Russia in the Global Economy: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 15, 2015); ed. by I.N. Platonova. Moscow: MGIMO-University, pp. 90–100.

Chan, B.T., & Bogomolova, E.S. (2021). Integration of Regions for the Development of Sustainable Domestic Tourism in Vietnam. Innovative Scientific Research. Moscow: Vestnik Nauki, pp. 177–184.

Hoang Pham Huyl (2016), Sustainable Competitive Advantages for Ecotourism Development of Phu Quoc Island: Background and Literature Reviews / Hoang Pham Huy, Aye Aye Khin // Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). – Vol. 2. – Issue-10. – 2016 – pp. 296-299

Vuong Khanh Tuan (2019), Analyzing factors affecting tourism sustainable development towards Vietnam in the new era / Vuong Khanh Tuan and Prof. Dr Premkumar Rajagopal // European Journal of Business and Innovation Research – Vol.7– № 1. – January 2019. – pp. 30-42.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.06.2025
Поступила после рецензирования 05.09.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received June 05, 2025
Revised September 05, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашкова Елена Валерьевна, доктор философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Ивушкина Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства – филиал Донского государственного технического университета в г. Шахты, г. Шахты, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Dashkova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Elena B. Ivushkina, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Services and Entrepreneurship (branch) of Don State Technical University in Shakhty, Shakhty, Russia.

УДК 130.8
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-938-941
EDN VRHDUF

Утопия: эволюция жанра

[1] Паниотова Т.С., [2] Савлучинская А.Д.
[1] Южный федеральный университет,
Россия, 344045, г. Ростов-на-Дону, Днепровский пер., д. 116
[2] Московский архитектурно-строительный институт,
Россия, 117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А
tspaniotova@mail.ru; Alisa.savluchinskaya@gmail.com

Аннотация. Несмотря на обширные исследования утопии как литературного феномена, недостаточно изучена её трансформация из философского диалога в инструмент социально-политической критики. Цель работы — выявить закономерности развития жанра и его влияние на общественные дискурсы. Результаты демонстрируют, что утопия эволюционировала от статичных моделей идеального общества к динамичным проектам, сочетающим критику действительности с технологическим и экологическим утопизмом. В работе систематизированы этапы развития жанра и доказана его роль катализатора социальных изменений.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, Платон, Т. Мор, социальная критика, литературный жанр, индустриализация

Для цитирования: Паниотова Т.С., Савлучинская А.Д. 2025. Утопия: эволюция жанра. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 938–941. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-938-941 EDN: VRHDUF

Utopia: Evolution of the Genre

[1] Taisiya S. Paniotova, [2] Alisa D. Savluchinskaya
[1]Southern Federal University
116 Dneprovsky Ln., Rostov-on-Don 344045, Russian Federation
[2] Moscow Institute of Architecture and Construction,
1A Vvedensky St., Moscow 117342, Russian Federation
tspaniotova@mail.ru; Alisa.savluchinskaya@gmail.com

Abstract. Despite extensive research on utopia as a literary phenomenon, its transformation from a philosophical dialogue into a tool of socio-political criticism remains under- researched. The aim of the study is to identify patterns in the genre evolution and its impact on societal discourses. The results demonstrate that utopia evolved from static models of an ideal society to dynamic projects that combine critique of reality with technological and ecological utopianism. The study contribution lies in systematizing the stages of the genre development and demonstrating its role as a catalyst for social change.

Keywords: utopia, dystopia, Plato, Thomas More, social criticism, literary genre, industrialization

For citation: Paniotova T.S., Savluchinskaya A.D. 2025. Utopia: Evolution of the Genre. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 50(4): 938–941 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-938-941 EDN: VRHDUF

Утопия как жанр, берущий начало от произведений Мора и Кампанеллы, сохраняет двойственность: сочетает критику реальности с проектированием идеалов. Несмотря на споры, интерес к утопии растёт, что отражает её влияние на общественные дискурсы. Цель исследования — выявить закономерности развития жанра.

© Паниотова Т.С., Савлучинская А.Д., 2025

Античность: истоки утопии. Основы утопического мышления заложены в диалоге Платона «Государство» (IV в. до н.э.), где впервые предложена рациональная модель общества [3]. Платон описал иерархию сословий (правители-философы, воины, производители) и отказ элиты от частной собственности, стремясь системно переустроить реальность через логику. В отличие от мифов о «золотом веке», его подход сочетал критику действительности с воображаемой альтернативой, задав парадигму жанра. Критику платоновской модели общности имущества представил Аристотель: «К тому, что составляет предмет владения очень многих, прилагают наименьшую заботу» [1, с. 406]. Даже последователи Платона смягчили его идеи, сосредоточившись на этике индивида. Однако «государство» осталось отправной точкой утопического мышления, демонстрируя силу соединения рационального анализа и творческого воображения для конструирования социальных альтернатив.

«Утопия» Томаса Мора: становление жанра. В 1516 г. Томас Мор ввёл термин «утопия», соединив греческие слова τόπος (место) и приставку u- (отрицание или благо), создав двойственность: «место, которого нет» или «благое место». Его трактат, написанный в эпоху огораживаний и социального кризиса, сочетает сатиру на европейские реалии (нищету, неравенство) с проектом идеального общества. В первой части «Утопии» Мор через персонажа Рафаила Гитлодея (от греч. «болтун») критикует законы, приводящие к обнищанию, во второй – описывает остров Утопия с отсутствием частной собственности, всеобщим трудом и выборной властью. Однако ирония автора («многого не могу одобрить») превращает текст в инструмент политической и религиозной сатиры, маскирующей запретные темы [2].

Современники восприняли книгу неоднозначно: Эразм Роттердамский восхищался её гуманизмом, назвав книгу «золотой… достойной стать достоянием всех образованных людей» [5, с. 89], а церковь и власти видели угрозу в идеях общности имущества и религиозной терпимости. Критики отмечали противоречия: утопийцы отвергают собственность, но практикуют рабство; проповедуют мир, но воюют. Сам Мор, будучи католиком, не поддерживал радикальных реформ, что породило споры о том, была ли «Утопия» искренним проектом или интеллектуальной провокацией.

Соединив платоновскую традицию с ренессансным гуманизмом, Мор заложил основы утопии как жанра, где конструирование альтернативы становится способом критики и преобразования реальности. Его работа вскрыла ключевой парадокс утопии: это одновременно «бегство от реальности» и «инструмент её изменения». Идея «чтобы достичь возможного, надо желать невозможного» продолжает вдохновлять авторов, доказывая, что утопия – не бегство от реальности, а способ ее изменения. Этот дуализм определил суть жанра, доказав, что утопия – не фантазия, а способ переосмысления мира.

Классические утопии Возрождения. К классическим утопиям эпохи Возрождения относят работы таких авторов, как Томмазо Кампанелла, Френсис Бэкон и Сирано де Бержерак. Эти авторы развивали такие идеи, как рациональная организация общества (иерархия, общность имущества), акцент на науку и использование вымышленных миров для критики реальности.

Томмазо Кампанелла в «Городе Солнца» (1602) совместил платоновскую модель с христианским мистицизмом, выраженным через астрологическое влияние на устройство всей жизни города. Обществом управляет жрец-философ («Солнце»), отсутствует частная собственность, браки и воспитание детей контролируются государством для «улучшения породы». Наука становится религией: стены города покрыты изображениями знаний. Инквизиция осудила труд за смешение рационализма с верой [2].

Фрэнсис Бэкон в «Новой Атлантиде» (1627) сместил фокус на научный прогресс. Островом управляет «Дом Соломона» – сообщество учёных, создающих технологии

(микроскопы, летательные аппараты). Бэкон видел в познании моральный долг, предвосхитив технократические идеи [2]. Современные критики обвинили его в утопическом сциентизме.

Сирано де Бержерак в «Ином свете…» (1657) превратил утопию в своеобразную форму сатиры. Луна населена абсурдным обществом: люди рождаются из пробирок, войны ведутся эпиграммами [2]. В своей работе Бержерак словно высмеивал саму идею социального идеала, показав, что земные философы не следуют своим же принципам. Книгу запретили, но её считают предтечей антиутопии.

Таким образом Кампанелла, Бэкон и Бержерак развивали утопический жанр, наделяя его новыми гранями. Если первые два искали идеал в теократии и науке, то Бержерак подверг сомнению саму возможность утопии, раскрыв парадокс жанра: стремление к совершенству сталкивается с человеческим несовершенством. Утопии Возрождения стали «лабораторией мысли», где критика настоящего открывала пути к будущему.

Утопия в XIX веке: вызовы индустриального мира. XIX век, эпоха промышленной революции. Авторы-утописты переосмысляли утопию как инструмент критики капитализма и технократии и предлагали альтернативы, повлиявшие на социалистические и экологические движения.

Эдвард Бульвер-Литтон в «Грядущей расе» (1871) создал раннюю антиутопию. Подземная цивилизация Вриль-я, использующая энергию «вриля», лишена войн и бедности, но стагнирует: технологии подавляют творчество, превращая людей в рабов машин [4]. Роман предвосхитил дистопии XX века, отразив страх перед дегуманизацией прогресса.

Эдвард Беллами в бестселлере «Взгляд назад» (1888) предложил социалистическую утопию как ответ на социальное неравенство США. Его общество будущего основано на технологиях, работающих на общее благо, с всеобщим образованием и пенсиями [4]. Книга стала политическим манифестом, вдохновив «Беллами-клубы» и повлияв на Новый курс Рузвельта. Однако критики (включая Уильяма Морриса) обвиняли Беллами в создании «казарменного» мира, где эффективность подавляет свободу.

Уильям Моррис в «Вестях ниоткуда» (1890) противопоставил технократии Беллами экоутопию ручного труда и гармонию с природой. Его посткапиталистический мир без фабрик и денег основан на творчестве, децентрализованном самоуправлении и восстановленных экосистемах [4]. Моррис критиковал индустриализм как «варварство без красоты», предвосхитив идеи устойчивого развития. Его лозунг «Искусство для всех!» повлиял на дизайн и архитектуру.

Бульвер-Литтон показал обратную сторону прогресса. Беллами превратил утопию в программу социальных реформ. Моррис соединил эстетику с экологией, бросив вызов технократии. Их работы доказали, что утопия – не бегство от реальности, а инструмент её критики и преобразования. Век споров о машинах, равенстве и природе актуален в эпоху климатических кризисов и цифровизации как никогда.

Заключение

Развитие утопии отражает эволюцию общественных идеалов и ответы на вызовы эпох. Основные этапы трансформации:

1. *Античность.* Платон в «Государстве» заложил парадигму утопии: системная модель общества через философский анализ и иерархию. Его идея «справедливости через разделение функций» стала основой жанра, несмотря на критику Аристотеля, указавшего на игнорирование человеческой природы.

2. Ренессанс. Томас Мор ввёл термин «утопия», соединив описание идеала с иронией. Его двойственность («благое место» vs «место, которого нет») превратила жанр в инструмент политической рефлексии. Кампанелла, Бэкон и Бержерак радикализировали идеи: от теократии до научного прогресса и сатиры, предвосхитив антиутопию.

3. XIX век. Индустриальная эпоха породила утопии-манифесты: Беллами («Взгляд назад») – технократическая модель с государственным регулированием; Моррис («Вести ниоткуда») – экоцентричная утопия ручного труда и гармонии с природой.

Закономерности развития жанра:

1. Критика современности – утопия отражает социальные противоречия (неравенство, экокризисы).
2. Диалектика рационального и чувственного – от логики Платона и Бэкона к этике Мора и эстетике Морриса.
3. От статики к динамике – ранние утопии предлагали завершённые модели, а XIX век – процесс, требующий участия общества.
4. Влияние на реальность – идеи Беллами повлияли на социальные реформы, а Моррис – на экологическое мышление.

Таким образом, утопия эволюционировала от философского эксперимента к социальному проектированию. Её сила – не в достижении идеала, а в постановке вечных вопросов: что есть справедливость? Возможен ли прогресс без потерь? Как сохранить человечность в мире технологий? Эти вопросы остаются актуальными, помогая обществу переосмысливать ценности и адаптироваться к изменениям. Утопия – не конечная цель, а инструмент диалога о будущем.

Список литературы

Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
Платон. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: АСТ, 2023. 448 с.
Эразм Роттердамский. Письма / под ред. Л. Пинского. СПб.: Азбука-классика, 2007. 384 с.

References

Aristotle. Politics // Essays: In 4 volumes. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983. pp. 376-644.
Plato. The State / translated from ancient Greek by A.N. Egunov, Moscow: AST, 2023. 448 p.
Erasmus of Rotterdam. Letters / edited by L. Pinsky. St. Petersburg: ABC classics, 2007. 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.06.2025
Поступила после рецензирования 05.09.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received June 05,2025
Revised September 05,2025
Accepted November 29,2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Паниотова Таисия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры теории, культуры, этики и эстетики института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Савлучинская Алиса Дмитриевна, преподаватель кафедры «Архитектура и дизайн», Московский архитектурно-строительный институт, Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taisiya S. Paniotova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory, Culture, Ethics and Aesthetics, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Alisa D. Savluchinskaya, Lecturer, Department of Architecture and Design, Moscow Institute of Architecture and Construction, Moscow, Russia.

.

УДК 379.8
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-942-950
EDN VWHZWS

Концептуализация досуга: философские основания свободного времени и его роль в формировании культурной идентичности

Римская О.Н., Енина С.А, Посохова Н.В.
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, д. 7
olgarimskaja@rambler.ru, eninasa@mail.ru, natalna_76@mail.ru

Аннотация. В работе исследуется трансформация понимания свободного времени, выявляются аксиологические основания различных моделей досуга. Анализируется процесс конструирования идентичности через досуговые практики в историко-философской перспективе. Особое внимание уделяется диалектике индивидуального и коллективного в пространстве досуга, а также механизмам трансляции культурных кодов через добровольно избираемые практики времяпрепровождения.

Ключевые слова: досуг, отдых, культурная идентичность, досуговые практики

Для цитирования: Римская О.Н., Енина С.А., Посохова Н.В. 2025. Концептуализация досуга: философские основания свободного времени и его роль в формировании культурной идентичности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 942–950. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-942-950 EDN: VWHZWS

Conceptualizing Leisure: Philosophical Foundations of Free Time and Its Role in Shaping Cultural Identity

Olga N. Rimskaya, Svetlana A. Enina, Natalia V. Posokhova
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St., Belgorod 308033, Russian Federation
olgarimskaja@rambler.ru, eninasa@mail.ru, natalna_76@mail.ru

Abstract. This article provides a comprehensive philosophical analysis of the phenomenon of leisure as a multidimensional sociocultural construct. It explores the transformation of the understanding of free time and identifies the axiological foundations of various leisure models. The authors analyze the process of identity construction through leisure practices from a historical and philosophical perspective. Particular attention is paid to the dialectic of the individual and the collective in the space of leisure, as well as the mechanisms for transmitting cultural codes through voluntarily chosen leisure practices.

Keywords: leisure, recreation, cultural identity, leisure practices

For citation: Rimskaya O.N., Enina S.A., Posokhova N.V. 2025. Conceptualizing Leisure: Philosophical Foundations of Free Time and Its Role in Shaping Cultural Identity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law,* 50(4): 942–950 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-942-950 EDN: VWHZWS

Современное понимание досуга часто сводится к представлению о периоде пассивного отдыха или развлечений. Однако философско-культурологический анализ позволяет раскрыть более глубокие смысловые пласты этого феномена. Досуг

© Римская О.Н., Енина С.А., Посохова Н.В., 2025

представляет собой сложный социокультурный конструкт, выполняющий важнейшие функции в процессе становления личности и формировании общественных отношений. Современная философия культуры рассматривает досуг как важнейший элемент социальной и культурной идентичности. Практики проведения свободного времени становятся маркерами социальной принадлежности, формируя своеобразные «досуговые стили». Феномен глобализации и сложившееся многообразие культур усложнили структуру досуга и создали множество форм и видов досуговой активности и деятельности. Анализ связи досуга и культурной идентичности с академической точки зрения требует применения критических теорий и междисциплинарных подходов.

Наша личность формируется под влиянием двух основных факторов: того, что происходит внутри нас, и того, что нас окружает. По-настоящему понять себя можно только через честные ответы на вопросы «кто я?» и «зачем я живу?». Быть настоящим – значит жить в согласии со своими убеждениями и ценностями, даже когда это сложно. На это влияет многое: умение понимать себя, самостоятельность в решениях, отношения с другими и способность здраво мыслить. Философы по-разному подходили к этому вопросу. Декарт считал, что самосознание («я мыслю – значит, существую») – основа личности [Декарт, 2004]. Аристотель видел цель жизни в достижении счастья через развитие своих способностей [Аристотель, 1983], а Сартр и другие экзистенциалисты настаивали, что мы сами создаем себя через ежедневный выбор [Сартр, 1953]. Наша идентичность не существует в вакууме – она постоянно взаимодействует с социальной средой. Мы балансируем между тем, кем хотим быть, и тем, какие роли нам предлагает общество. Можно сказать, что наша личность рождается в диалоге с окружающими. Свободное время – это не просто отдых. Хобби, творчество, спорт и другие добровольные занятия помогают нам лучше понять себя, раскрыть свои способности, выразить свои чувства и мысли, найти баланс между внутренними желаниями и внешними требованиями.

В пространстве досуга человек обретает потенциальную возможность всестороннего личностного развития за рамками жестко детерминированных производственных процессов, но при этом социокультурная среда создает для индивида проблемную ситуацию, связанную с эффективным использованием досугового потенциала для развития досуговой культуры личности. Разнообразие форм досуговой деятельности диктует разнообразие экспликации культуры поведения, досугового общения, развития личностных качеств индивида, его духовных, физических и других социально значимых потребностей и интересов, что находит отражение в индивидуальной социально-культурной деятельности. В связи с этим актуализируется значение социокультурных потребностей, связанных с различными видами, формами организации, функциями, содержанием досуговой деятельности, что определяет необходимость изучения культурного формирования личности [Головина, 2011].

С позиции антропологического подхода досуг представляет собой значимую социальную практику, обеспечивающую усвоение и трансляцию культурных образцов. Эта деятельность выступает механизмом социализации, через который индивид осваивает ценностные ориентации и поведенческие модели, принятые в конкретном обществе. Содержательное наполнение досуга варьируется в различных культурных системах, что демонстрирует отсутствие универсальных критериев для его определения. Характер рекреационной деятельности детерминирован системой символов и практик, специфичных для каждой культуры. Даже базовые концепты отдыха и удовольствия интерпретируются через призму культурного кода, что подтверждает тезис о досуге как социальном конструкте.

Современные исследования идентифицируют досуг как важнейший фактор формирования личности, выполняющий две взаимосвязанные функции: с одной стороны,

конституирование индивидуального самосознания через рефлексивные практики и, с другой стороны, интеграцию в социум через усвоение коллективных ценностей.

В кросс-культурной перспективе прослеживаются существенные различия в организации досугового пространства. Например, западные общества акцентируют индивидуальные формы отдыха, в то время как восточные культуры сохраняют приоритет коллективных практик. Эти различия отражают глубинные мировоззренческие установки, определяющие способы взаимодействия личности и общества.

Дополнительный анализ досуговых практик позволяет выделить следующие аспекты досуговой деятельности:

1. Церемониальные формы досуга как механизм культурной преемственности. Ритуальные практики организации свободного времени выполняют функцию социального консерватизма, обеспечивая трансляцию культурных кодов между поколениями. Традиционные празднества, обрядовые действа и сезонные развлечения образуют символический каркас коллективной идентичности. Например, японская ханами (любование цветением сакуры) или немецкие рождественские ярмарки не просто развлекают, но и закрепляют в общественном сознании ключевые культурные нарративы. Эти практики создают эмоционально насыщенные опорные точки в коллективной памяти, способствуя сохранению этнокультурной уникальности в условиях глобализационных процессов. Особую значимость такие формы приобретают в диаспоральных сообществах, где они становятся инструментом сохранения национальной идентичности.

2. Трансформация досуговых паттернов в контексте глобализации. Современные досуговые практики испытывают одновременное влияние двух разнонаправленных тенденций: унификации под воздействием глобальных медиа и возрождения локальных традиций. С одной стороны, наблюдается распространение универсальных форм отдыха (киноиндустрия, социальные сети, международный туризм), с другой – активизация поиска аутентичных культурных опытов. Этот парадокс находит выражение в феномене «глокализации», когда глобальные тренды адаптируются к местным условиям, порождая гибридные формы досуга. Например, практики йоги, трансформировавшиеся при переходе из восточного культурного контекста в западный, или локальные фестивали, сознательно эксплуатирующие международные форматы для привлечения туристов.

3. Гендерная и возрастная стратификация досугового пространства. Организация свободного времени продолжает отражать существующие социальные иерархии и стратификационные механизмы. Гендерный анализ выявляет устойчивое воспроизводство традиционных моделей: женский досуг чаще остается привязанным к приватной сфере и семейным обязанностям, тогда как мужской преимущественно реализуется в публичном пространстве. Возрастная стратификация проявляется в существовании институционально закрепленных практик (детские игровые площадки, молодежные клубы, центры для пожилых), которые не только обслуживают разные потребности, но и конструируют соответствующие возрастные идентичности. При этом цифровая среда создает предпосылки для преодоления этих границ, формируя новые, более гибкие модели досугового поведения.

4. Цифровые технологии как фактор формирования новых социокультурных взаимодействий. Цифровизация радикально преобразует ландшафт современного досуга, создавая принципиально новые формы социальности. Виртуальные сообщества по интересам, онлайн-игры и социальные сети формируют гибридное пространство, где стираются границы между физическим и цифровым, реальным и игровым. Эти платформы не просто предоставляют новые развлечения, но и становятся площадками для экспериментов с идентичностью, социальными ролями и способами коммуникации. Особого внимания заслуживает феномен «цифрового эскапизма» – целенаправленного использования онлайн-пространств как альтернативы повседневности, что порождает новые формы социальной адаптации и одновременно новые риски социальной изоляции.

Данный анализ демонстрирует, что современный досуг представляет собой сложную многоуровневую систему, где переплетаются традиционные и инновационные элементы, а его изучение требует учета постоянно усложняющегося комплекса социальных, технологических и культурных факторов. Отсюда следует, что досуг представляет собой сложный культурный феномен, который не только отражает существующие социальные нормы, но и активно участвует в процессе их переосмысления и модернизации. Его изучение требует учета многообразия культурных контекстов и понимания глубинных механизмов взаимодействия между индивидуальными потребностями и коллективными ценностями. Изучение досуга включает разные научные подходы. Для более детального анализа стоит уделить внимание многослойной природе досуга, демонстрируя его значение как для конституирования индивидуальной субъективности, так и для воспроизводства социальных структур. Постструктуралистские подходы оспаривают понятие фиксированной культурной идентичности, предполагая, что идентичность изменчива, перформативна и постоянно обсуждается. Досуг становится сценой, где разворачиваются эти переговоры. Выбор, который делают люди в отношении своего досуга, – от моды и увлечения путешествиями и развлечениями – это акт самовыражения, который одновременно отражает и формирует их развивающуюся культурную идентичность. Этот выбор никогда не делается в вакууме, а формируется под влиянием общественных дискурсов, динамики власти и доступа к ресурсам.

Критические исследования досуга более подробно изучают, как досуг связан с социальным неравенством. Доступ к определённым формам досуга и участие в них часто стратифицированы по признакам класса, пола, расы и других социальных категорий. Доминирующие культурные формы досуга, часто отражающие ценности и интересы привилегированных групп, могут маргинализировать или исключать другие культурные проявления. Это поднимает этические вопросы о равном доступе к досугу и о способности досуга укреплять или оспаривать существующие социальные иерархии.

В контексте устойчивого образа жизни досуг приобретает дополнительные измерения. Осознанный выбор видов досуга может как способствовать экологической и социальной устойчивости, так и препятствовать ей. Экотуризм, например, может быть формой досуга, способствующей повышению экологической сознательности и поддержке местной экономики, но при отсутствии ответственного управления он может привести к ухудшению состояния окружающей среды и превращению культуры в товар.

Рассматривая досуг через призму поведенческой науки, мы признаём, что выбор досуга определяется сложным взаимодействием когнитивных, эмоциональных и социальных факторов. Понимание этих факторов критически важно для разработки мер, способствующих формированию устойчивых видов досуга и культурной идентичности, которая одновременно приносит личное удовлетворение и несет социальную ответственность. Это включает в себя анализ того, как культурные нарративы формируют восприятие досуга, как социальные нормы влияют на поведение в досуге и как индивидуальные ценности и мотивация могут быть согласованы с устойчивыми вариантами досуга.

В конечном счёте академическое исследование досуга и культурной идентичности выявляет сложную и динамичную взаимосвязь. Досуг – это не просто пассивное отражение культуры, но активная сила формирования, согласования и трансформации культурной идентичности. Понимание этой сложной взаимосвязи жизненно важно для построения инклюзивных, справедливых и устойчивых обществ, где досуг способствует индивидуальному благополучию и коллективному культурному обогащению. Академический анализ выявляет досуг как динамическую силу, формирующую и трансформирующую культурную идентичность в более широких социальных контекстах и парадигмах устойчивого образа жизни (см. таблицу).

Роль досуга в укреплении культурной идентичности
с точки зрения различных дисциплин
The role of leisure in strengthening culturl identity, in terms of various sciences

Дисциплина	Роль досуга
Социология	досуг как механизм социальной сплоченности и укрепления групповой идентичности посредством совместных занятий и ритуалов
Антропология	досуг как культурно обусловленное понятие; виды деятельности и их значения являются культурно специфическими, отражают и передают культурные ценности
Психология	выбор досуга имеет внутреннюю мотивацию, а культурно обусловленный досуг укрепляет самоидентификацию и принадлежность
Культурология	досуг как место культурного взаимодействия и функционирования, где активно формируются и выражаются идентичности
Экономика	коммерциализация досуга и ее влияние на культурную аутентичность и доступность; досуг как товар в культурных индустриях
Экологические исследования	роль досуга в устойчивом развитии; устойчивые и неустойчивые практики досуга и их культурные последствия

Свободное времяпрепровождение представляет собой значимую социальную практику, способствующую формированию и сохранению культурной самобытности. Через добровольно избираемые занятия человек не просто отдыхает, но и актуализирует свою принадлежность к определенной культурной общности. Ценностный аспект проявляется в том, что досуг часто отражает коллективные представления о прекрасном, допустимом и предпочтительном. Посещение театров, музеев или народных гуляний формирует общее символическое пространство, где закрепляются ключевые культурные нарративы. В эпоху глобализации досуг выполняет компенсаторную функцию – через локальные формы отдыха люди сохраняют связь со своей культурной средой. Исследование досуга в культурологическом измерении раскрывает его значимость как инструмента поддержания непрерывной связи между индивидом и его культурной средой. Локальные практики времяпрепровождения формируют устойчивую систему культурного воспроизводства, где через повседневные ритуалы отдыха транслируются ключевые элементы идентичности.

Философская интерпретация досуга получает содержательную полноту, в том числе в контексте исследования культурной идентичности, проявляющейся в досуговых практиках. Базовые философские категории – свобода, творчество, самореализация – обретают конкретное наполнение через анализ того, как различные культуры формируют уникальные модели отдыха и рекреации.

Участие в различных досуговых мероприятиях укрепляет культурную идентичность. Участие в местных или национальных фестивалях, которые часто включают в себя исторические реконструкции, традиционную музыку, танцы и еду, напрямую связывает людей с их культурным наследием. Эти практики создают «мосты» между поколениями, обеспечивая трансляцию этнических традиций в современных форматах. Особую значимость приобретают гастрономические фестивали, посвященные национальной кухне. Совместное приготовление и дегустация традиционных блюд становятся актом культурной коммуникации, где через вкусовые ассоциации передаются глубинные пласты этнического самосознания. Кулинарные традиции оказываются эффективным средством сохранения культурной памяти. Ремесленные ярмарки и фольклорные фестивали выполняют двоякую функцию: сохраняют аутентичные практики и создают новые формы их бытования. Мастер-классы по народным промыслам, выставки традиционного костюма, школы этнической музыки – все это становится мостом между архаичными

формами культуры и современными способами их интерпретации. В условиях глобализации традиционные фестивали приобретают особое значение как механизм культурного сопротивления унификации. Они позволяют местным сообществам не только сохранять уникальность, но и транслировать ее вовне, выстраивая диалог с другими культурами с позиции уверенной самобытности. Исполнение и восприятие этнических мелодий, освоение хореографического наследия и участие в фольклорных мероприятиях формируют комплексную систему культурной идентификации. Акустические коды и ритмические паттерны традиционной музыки выступают мощными катализаторами коллективной памяти, пробуждая глубинные пласты этнического самосознания. Хореографическое искусство функционирует как невербальный язык культурной преемственности, где через телесные практики транслируются исторические нарративы и мифологические сюжеты. Каждое танцевальное движение становится элементом живой традиции, связывающей современное поколение с предшествующими эпохами. Особую значимость приобретает синергетический эффект совместного музицирования и танца, порождающий состояние коммуникативной общности. Этот опыт способствует кристаллизации групповой солидарности и осознанию принадлежности к конкретному культурному полю.

Важное значение имееют нарративные практики и устное творчество. В процессе досугового взаимодействия происходит трансляция вербально-символических комплексов, включающих эпические сказания, мифологические сюжеты и исторические хроники. Эти нарративные формы функционируют как механизмы культурного наследования, обеспечивая преемственность мировоззренческих парадигм и этических ориентиров. Фольклорные повествования создают смысловое поле для коллективной идентификации, где через метафорические образы и архетипические сюжеты усваиваются базовые ценностные оппозиции (добро/зло, своё/чужое), модели социально одобряемого поведения, способы интерпретации исторического опыта, этнические стереотипы и автостереотипы. Особую роль играют интерактивные формы рассказывания, предполагающие соучастие слушателей в реконструкции сюжета. Этот процесс превращает пассивных реципиентов в активных со-творцов традиции, укрепляя их связь с культурным наследием. В современном контексте устные практики обретают новые форматы бытования – от подкастов с народными сказаниями до цифровых архивов устной истории. Это позволяет сохранить аутентичность нарратива при расширении аудитории и способов передачи. Данные механизмы обеспечивают не просто сохранение, но постоянное переосмысление культурного кода, позволяя традиции оставаться живым и развивающимся организмом.

Участие в традиционных спортивных состязаниях и национальных играх формирует комплексное поле коллективной идентификации. Эти практики функционируют как мощный инструмент консолидации сообщества, активизируя чувство сопричастности к культурному наследию. Этнические виды спорта и народные игры выступают живым воплощением исторического опыта, сохраняя физические практики, отражающие традиционный уклад жизни, символические жесты и ритуалы, связанные с культурным кодом, уникальные двигательные паттерны, передаваемые между поколениями. Совместное переживание спортивных событий создает мощное эмоциональное поле, способствующее формированию «воображаемого сообщества». Болельщики становятся частью коллективного тела, разделяющего общие триумфы и поражения. Традиционные игры часто воспроизводят в условной форме значимых исторических событий или хозяйственных практик, обеспечивая их символическое закрепление в коллективной памяти. Это превращает физическую активность в нарратив, рассказывающий о культурных особенностях сообщества. В современном контексте наблюдается диалектическое взаимодействие: глобальные спортивные дисциплины адаптируются к местным традициям, тогда как национальные виды спорта обретают международное

признание. Этот процесс обогащает палитру идентификационных ресурсов, позволяя совмещать глобальную и локальную принадлежность. Спортивная и игровая деятельность предстает как динамичная система воспроизводства культурной идентичности, где через физические практики актуализируются глубинные пласты коллективного самосознания.

Религиозные практики и духовные путешествия. Совершение коллективных паломничеств к сакральным местам и участие в календарных религиозных торжествах формируют многомерное пространство культурно-духовной идентификации. Эти практики активизируют архетипические пласты коллективного сознания, связывая личный духовный опыт с исторической памятью сообщества. Ритуализированные формы поведения во время религиозных праздников воспроизводят символические коды, обеспечивающие преемственность традиции; модели социального взаимодействия, основанные на общих ценностях; эмоциональные паттерны, объединяющие участников в коллектив. Паломничества как динамические практики создают особое коммуникативное пространство, где стираются социальные границы и формируется экзистенциальная общность. Совместное преодоление пути и участие в сакральных действах порождают глубокое переживание сопричастности. Сакральная топография маршрутов и мест паломничества закрепляет в коллективном сознании значимые географические объекты как части культурного ландшафта, превращая физическое пространство в символическое. Сезонные религиозные праздники синхронизируют ритмы индивидуальной жизни с циклами природного и сакрального времени, создавая основу для формирования темпоральной идентичности сообщества. В современном контексте наблюдается трансформация этих практик – от возрождения забытых традиций до создания новых форм духовного туризма, что свидетельствует об их непреходящей значимости для поддержания культурной целостности. Таким образом, религиозные практики выступают как мощный механизм кристаллизации групповой идентичности, где духовное и культурное начала образуют неразрывное единство, обеспечивающее устойчивость сообщества в условиях социальных изменений.

Лингвистическая практика и языковое наследие. Осознанное использование досугового времени для освоения и совершенствования родного языка представляет собой стратегический ресурс сохранения культурного кода. Эта деятельность формирует комплексную систему лингвокультурной компетенции, где языковые навыки становятся мостом к исторической памяти этноса. Погружение в языковую среду через неформальные практики позволяет активизировать глубинные пласты культурного бессознательного, освоить уникальные концепты и категории мировосприятия, воссоздать ментальные структуры, характерные для языковой картины мира. Языковые практики в досуговом формате приобретают особую эффективность благодаря своей добровольности и эмоциональной насыщенности. Кружки родной речи, литературные клубы, театральные студии создают естественную среду для усвоения не только лексики, но и культурных коннотаций. Цифровые технологии открыли новые возможности для языкового возрождения – от мобильных приложений с этнокультурным контентом до онлайн-сообществ носителей. Эти инструменты позволяют преодолеть территориальную разобщенность и создать виртуальные пространства языковой социализации. Особое значение имеет межпоколенческая коммуникация в процессе языкового обучения, когда старшее поколение передает не только словарный запас, но и связанные с ним культурные смыслы и жизненные сценарии. Досуговая деятельность по освоению родного языка трансформируется из индивидуального занятия в коллективную практику сохранения культурной идентичности, где каждый акт речевого творчества становится вкладом в поддержание живого многообразия мировой лингвокультурной палитры.

Таким образом, досуг является важнейшим аспектом жизнедеятельности современного человека. В настоящее время интерес к этой сфере связан с онтологическими сдвигами в обществе и содержательным богатством самих досуговых

практик. Досуговые потребности прочно вошли в систему ценностей всех социальных групп, при этом поступательное развитие мировой цивилизации предполагает новые варианты и версии организации и проведения свободного времени. Сегодня правомерно говорить об индустрии досуга, в рамках которой, пожалуй, каждый индивид в зависимости от потребностей, собственных возможностей и экспектаций может найти формальные и неформальные способы приобщения к тем или иным практикам. В этом плане показательна та идентичность, которую позволяет обрести досуг как таковой. Социокультурная дифференцация как одна из функций досуговых практик позволяет уточнить статус каждого отдельно взятого человека [Равочкин, Попов, 2023].

Философско-культурологическое осмысление досуга позволяет преодолеть его редукционистское понимание как простого отдыха. Досуг предстаёт как сложный многомерный феномен, играющий ключевую роль в процессе самореализации личности и развитии культуры. В современном обществе, характеризующемся ускорением темпа жизни и ростом неопределённости, переосмысление значения досуга становится особенно актуальным. Развитие критического подхода к досуговым практикам может стать важным ресурсом для противостояния потребительской стандартизации и сохранения человеческой аутентичности.

Список литературы

Андреева С.В. 2011. Феномен досуга: история и современность. Вестник Томского государственного университета. № 344: 42–45.

Аристотель. 1983. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. В 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, Т. 4. 830 с.

Волощенко Г.Г. 2006. Досуг как явление культуры: генезис и развитие: дис. … д-ра культурологии. Омск, 249 с.

Головина Г.В. 2011. Культура досуга и культурное формирование личности // Вестник МГУКИ. 1(39): 103-108.

Гофман И. 2000. Представление себя другим в повседневной жизни. – М. : КАНОН-прессЦ, Кучково поле, 304 с.

Декарт Р. Начала философии 2004. / Рене Декарт; [Соврем. гуманит. ун-т]. – М. : Соврем. гуманит. ун-т, 134, [1] с. ил.; 21. – (Антология гуманитарных наук); ISBN 5-8323-0169-2

Каган, М. С. 1996. Философия культуры / М.С. Каган // Сб. трудов. – СПб.

Равочкин Н.Н., Попов Е.А. 2023. Концептуализация понятия "досуговые практики" в современной социологии // Социодинамика. № 2. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39716

Сартр, Жан Поль. 1953. Экзистенциализм - это гуманизм / Жан-Поль Сартр ; пер. с фр. М. Грецкого. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 42, [2] с. : 23 см.

De Grazia, S. 1962. Of Time, W ork, and Leisure. – New York: The Twentieth Century Fund, 559 p.

References

Andreeva, S.V. 2011. The Phenomenon of Leisure: History and Modernity // Bulletin of Tomsk State University. No. 344. pp. 42–45.

Aristotle. 1983. Nicomachean Ethics // Aristotle. Works: In 4 volumes / Translated from ancient Greek; General editor A.I. Dovatura. Moscow: Mysl', Vol. 4. 830 p.

Voloschenko, G.G. 2006. Leisure as a Cultural Phenomenon: Genesis and Development: Doctor of Cultural Studies Dissertation. Omsk, 249 p.

Golovina, G.V. 2011. Leisure Culture and Cultural Formation of Personality // Bulletin of MGUKI.1(39): 103-108.

Goffman, I. 2000. Presenting Oneself to Others in Everyday Life. – M.: CANON-pressC, Kuchkovo Pole, 304 p.

Descartes, R. Principles of Philosophy. 2004. / René Descartes; [Modern Humanitarian University]. – M.: Modern Humanitarian University, 134, [1] p. ill.; 21. – (Anthology of the Humanities); ISBN 5-8323-0169-2

Kagan, M. S. 1996. Philosophy of Culture / M.S. Kagan // Collection of Works. – St. Petersburg.

Ravochkin, N.N., Popov, E.A. 2023. Conceptualization of the concept of "leisure practices" in modern sociology // Sociodynamics. No. 2. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39716

Sartre, Jean-Paul. 1953. Existentialism is a humanism / Jean-Paul Sartre; trans. from French by M. Gretsky. - Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 42, [2] p.: 23 cm.

De Grazia, S. 1962. Of Time, W ork, and Leisure. – New York: The Twentieth Century Fund, 559 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 15, 2025
Revised July 15, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римская Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственноый институт искусств и культуры, г. Белгород, г. Белгород, Россия.

Енина Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Посохова Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Rimskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Svetlana A. Enina, Senior Lecturer, Department of Social and Cultural Activities and Tourism, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Natalia V. Posokhova, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Socio-Cultural Activities and Tourism, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

УДК 7. 072. 3
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-951-957
EDN YAYWKV

Кураторский поворот и арт-критика

Цзян Чаожань
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, 2-я линия Васильевского острова, д. 3/2
chaoranjiang@yandex.ru

Аннотация. Важную роль в арт-критике играет кураторский поворот, который привел к новому пониманию кураторского проекта – он стал трактоваться как открытая самокритическая практика. В силу того, что влияние кураторского поворота на арт-критику мало изучено, целью исследования является выявление аспектов трансформации критического дискурса под влиянием новый ситуации, сложившейся после кураторского поворота. Исследование проводилось посредством философской рефлексии о поворотах в культуре и метода социокультурного анализа. В результате исследования были выявлены основные тенденции в развитии феномена культурного поворота: критика – важная составляющая кураторского поворота, поскольку кураторский проект стал публичным пространством для выражения новых тенденций, их художественного осмысления и дискуссий широкого формата между художниками, кураторами и зрителями. Однако кураторский поворот также усугубил кризис художественной критики, что заставляет нас переосмыслить взаимоотношения критиков и кураторов современного искусства. Результаты исследования открывают новое теоретическое направление в исследовании вызова, который кураторский поворот бросил деятельности современного арт-критика.

Ключевые слова: кураторский поворот, художественная критика, арт-критик, куратор, кураторство

Для цитирования: Цзян Ч. 2025. Кураторский поворот и арт-критика. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(4): 951–957. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-951-957 EDN: YAYWKV

Curatorial Turn and Art Criticism

Jiang Chaoran
St. Petersburg State University,
3/2 2nd line V.O., St. Petersburg 199034, Russian Federation
chaoranjiang@yandex.ru

Abstract. The curatorial turn, which led to a new understanding of the curatorial project, plays an important role in art criticism. After the curatorial turn, the curatorial turn the curatorial project began to be interpreted as an open self-critical practice. As this phenomenon has been little researched, this article considers the problem in this formulation for the first time. The aim of this study is to investigate the transformation of critical discourse under the influence of the new situation that emerged after the curatorial turn. The research was conducted on the basis of philosophical reflection on turns in culture and the method of socio-cultural analysis. The research revealed the main trends in the development of the "cultural turn" phenomenon: criticism is an important component of the curatorial turn, as the curatorial project became a public space for the expression of new trends, their artistic reflection, and wide-format discussions between artists, curators and viewers. However, the curatorial turn has also exacerbated the crisis of art criticism, which forces us to rethink the relationship between critics and curators of

© Цзян Ч., 2025

contemporary art. The results of this study open a new theoretical direction in exploring the challenge that the curatorial turn has posed to the activities of the contemporary art critic.

Keywords: curatorial turn, art criticism, art critic, curator, curating

For citation: Jiang C. 2025. Curatorial Turn and Art Criticism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 951–957 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-951-957 EDN: YAYWKV

Введение

Кураторский поворот произошел в 1930-е годы и заключался в изменении роли и фигуры куратора в арт-режиме, в котором также работал и арт-критик. Кураторский поворот вызвал новую тенденцию: куратор постепенно становился «критическим», а критик был выгнан из центра мира искусства. Как полагает В. Савчук, термин «поворот» означает, что исследователи «претендуют на онтологическую значимость предмета своих исследований, с которым они работают, так как в случае признания результатов поворотными, их область становится не только первой философской дисциплиной (философией языка, человека, образа, медиа), но и самой злободневной сферой исследования. Давая свой ответ на вопрос “Что есть все”, исследователи определенного направления возводят собственную онтологическую модель до универсального статуса». [Савчук, 2014, с. 56]. Кураторский поворот, таким образом, означает, что институт кураторства поднимается на философский уровень и становится парадигмой мышления.

Арт-критика как парадигма предполагает описание, анализ, оценку и интерпретацию произведения искусства, эти же функции присутствуют и в кураторском проекте. Поэтому кураторский поворот неизбежно привел к столкновению новой парадигмы кураторства с существовавшей парадигмой художественной критики, и напряжение между ними продолжает усиливаться: в определенной степени они сливаются друг с другом, образуя единое пространство. Критика – важная составляющая кураторского поворота, поскольку кураторский проект стал публичным пространством для выражения новых тенденций, их художественного осмысления и дискуссий широкого формата между художниками, кураторами и зрителями, в которых рождаются новые идеи и разрушаются строгие междисциплинарные границы. Таким образом, кураторская выставка существенно отличается от простой персональной выставки художника.

Кроме того, кураторский поворот, делая акцент на внимании к концепту художественного проекта, снимает проблему излишней теоретизации академической критики. В выставку включаются диалоги художника и зрителя, круглые столы и доклады, обсуждение конкретных произведений искусства и самого проекта. Критические дебаты, сосредоточенные на кураторской практике, активизировались и, как отмечал Алекс Фаркухарсон, оживили дискуссии, связанные с фигурой куратора, чему свидетельствует вербальное использование слова «кураторство» (которое ранее использовалось в форме существительного) [Farquharson, 2003, p. 7]. Однако кураторский поворот также усугубил кризис художественной критики, что заставляет нас переосмыслить взаимоотношения критиков и кураторов в современном режиме искусства.

Кураторской проект как парадигма критической практики

Выставки «Когда отношения становятся формой» 1969 года и «Маги Земли» 1989 года кардинально изменили понимание роли кураторской практики. В первом случае художественный музей перестал быть местом демонстрации традиционной живописи и открыл границы выставочных форм и концепций, во втором – впервые появились выставочные режимы «глобализации» и «культурного плюрализма» в современном искусстве. Окви Энвезор – особенно важная фигура в процессе кураторского поворота. На 11-й выставке «Документа» в Касселе 2002 года и 56-й Венецианской биеннале 2015 года

его кураторские концепции и идея открытия выставочного пространства характеризуются производством знаний [Liu, 2013, p. 27]. Энвезор твердо убежден, что мы живем в «эпоху кураторских выставок» [Enwezor, 2020, p. 428]. Кураторство вызывает эстетический опыт, создает открытые пространства, устанавливает социальные связи, демонстрирует восприятие и рефлексию на основе ощущения искусства.

Кураторство как социальная практика связывает произведение искусства с более широкими социальными структурами и контекстами, объединяя визуальную культуру, социальную политику, исторические вопросы и вовлечение общественности. За последние несколько десятилетий с момента своего возникновения кураторство включило форму критического мышления и действия, направленные на постановку вопросов, трансформацию и связь с обществом. Кураторство больше не сводится к доказательству собственных художественных концепций, выставочных моделей, повествовательных стратегий и дискурса куратора. Оно способствует созданию различных мест действия и экспериментированию со способами участия для формирования публичной сферы и открытия «дискурсивного пространства с неограниченными возможностями» [O'Neill, 2003, p. 7]. Со временем концепция кураторства расширилась, включив в себя ряд мероприятий, связанных с выставками, таких как лекции, интервью, мастер-классы, образовательные программы, перформансы и показы с акцентом на «гибкость, временность, мобильность, интерактивность, перформативность и связность» [O'Neill, 2003, p. 7]. Таким образом, кураторство должно рассматриваться как публичное пространство экспериментов с различными способами участия, «дискурсивное пространство с возможностью открытых результатов». Соответственно, вместо того, чтобы рассматривать выставку как отдельную единицу, ее следует изучать как открытый критический проект.

Более подробное обсуждение кураторского поворота представлено в статье куратора Пола О'Нила （Paul O'Neill） «Кураторский поворот: от практики к дискурсу». О'Нил начинает свое рассуждение с описания исторического контекста кураторского поворота в искусстве: в 1960–1990-е годы преобладала тенденция рассматривать кураторские проекты как новую критическую практику для создания диалога в публичном пространстве [O'Neill, 2007, p. 13]. Согласно Фуко, эпоха определяется ее эпистемой, то есть набором отношений между дискурсами, которые стимулируют и выявляют новые тенденции в теориях, практиках и институциях [Foucault, 1994, с. 34–35]. Современные кураторы отказываются от традиционных способов репрезентации и дисциплинарных классификаций в попытке установить критический диалог с институциями и открыть новые пути для отражении времени. Все чаще художественные практики происходят в публичных пространствах, на улицах, в интернете и социальных сетях – пространствах, которые рассматриваются как способные породить творческое несогласие, в противовес ортодоксальности или авторитету, представленным официальной системой и коммерческими художественными организациями, открывая таким образом новый способ дискурсивного производства в изобразительном искусстве.

В XXI веке все больше кураторов стали организовывать выставки коллективно, формируя новый способ производства, который ставит под сомнение само понятие кураторства. Они относятся к кураторству как к опыту, жесту и постепенно превращают его в художественную практику, направленную на создание условий для диалога и коммуникации. В каком-то смысле выставка стала для художников инструментом самореализации и эффективным способом создания мест и пространств, в которых происходит диалог художника, куратора и зрителя. Кураторский поворот заставил мир искусства задуматься о выставочном стиле «авторского манифеста» куратора и попытаться найти новую форму искусства, более эгалитарную [Liu, 2013, p. 27]. Концепция «глобальности» меняет правила и стандарты Европы и критически смещает кураторскую практику в сторону более всеобъемлющей, сложной и тонкой перспективы.

[Liu, 2013, p. 27] Производство знаний привело к более глубокой взаимоинтеграции кураторства и критики с точки зрения не только их функций, но и их включения в более широкую практику производства гуманистического знания как средства реконструкции существующей системы ценностей, разрушенной постмодернизмом. Выставка (какую бы форму она ни принимала) всегда идеологична, но в то же время она и продуктивна, а кураторство – самая интеллектуальная работа в обороте искусства. [Liu, 2013, p. 27] Практика куратора по реализации через художников собственных идей превращается в творческую критическую силу в дискурсе, формируя эффективные смыслы в экосистеме искусства с производством знаний.

Взаимоотношения куратора и арт-критика

Кураторский поворот не является уникальным продуктом современной эпохи; когда критика еще только формировалась в ситуации модерна, появление фигуры критика стало следствием публичных выставок [Верещагина, 2004, с. 8]. В работе «Истории художественной критики» Лионелло Вентури (Lionello Venturi) подробно описывает, как появление выставок в XVIII веке сформировало художественную критику: «В XVIII веке были созданы такие дисциплины, как искусствоведение и художественная критика. До этого времени деятельность критиков осуществлялась в монографиях по искусству и биографиях художников. Но с появлением художественных выставок, особенно во Франции, в XVIII веке появилась возможность для критических публикаций; художественная критика стала уже не оценкой, зажатой между соответствующими фактами и правилами, а личным взглядом на группу произведений и группу художников. Эти критики – современники художников, и поэтому они обязаны избавиться от общих принципов, исходить из непосредственного впечатления от произведения, проверить истинность принципов на примере произведения, понять произведение через общее восприятие личности художника и понять личность в контексте многообразия современных интересов; другими словами, он обязан найти связь между целостным произведением искусства и всеми элементами, составляющими произведение искусства» [Venturi, 1964, p. 137]. Выставка создает публичное пространство, в котором находится критик, и в то же время освобождает его от прежней функции служения художнику и искусствоведческих исследований, возлагая на него новую миссию – сосредоточиться на современниках и вопросах, актуальных тенденциям настоящего времени.

Так, А. Верещагина делает вывод: «Художественная критика – это явление общественной жизни, один из главных путей общения публики и художников. Для нее необходимо наличие публичных выставок, ибо когда их нет, а произведения скрыты во дворцах и частных собраниях, нет нужды в художественной критике. Только выставки дают возможность публике познакомиться с важнейшими явлениями в искусстве» [Верещагина, 2004, с. 8]. Отсюда ясно: критика и выставки были тесно связаны уже в XVIII веке, и, можно сказать, что без выставок не было бы критики в современном понимании этого слова. Поэтому кураторский поворот, произошедший в 1930-е годы, изменил не столько отношения между критиками и кураторами, сколько роли тех и других в социальной и художественной системе, что напрямую связано со сменой парадигмы производства знания в современном мышлении.

Вдохновленный Жилем Делезом, Окви Энвезор использовал термины «резонансы» и «интерференции» в своем кураторском тексте к 11-й «Документе» в Касселе (Германия), чтобы «создать связи между различными дисциплинами и областями в смысле концепции Делеза» [Rajchman, 2003, p. 64]. Это событие продемонстрировало связь между областями критики и кураторства. Кроме того, существует множество других примеров ситуаций, когда критики занимались кураторством: такие известные критики, как Гринберг и Лиотар, курировали крупные художественные выставки: первый в 1964 году – выставку

«Постживописная абстракция» (Post-painterly Abstraction), а второй в 1985 году – выставку «Нематериальное» (Les immatériaux).

Кроме того, кураторский поворот привел к изменению объекта художественной критики. Традиционно объектом художественной критики является произведение искусства, а художники и выставки выступают лишь как контекст для понимания произведения [Верещагина, 2004, с. 5]. Китайский критик Пэн Фэн строго ограничивает объект критики самим произведением искусства, мотивируя это тем, что «художник играет множество различных ролей и выполняет различные социальные функции, а его функция, связанная с искусством, может быть полностью воплощена в произведении искусства, поэтому сужение рамок до произведения искусства поможет сделать нашу дискуссию более целенаправленной и более объективной» [Peng, 2013, p. 35]. В его рассуждении дискуссия о выставке отсутствует полностью, как будто она находится вне поля зрения критика. Предвзятость Пэн Фэна проистекает из непонимания самой критики, то есть восприятия ее как инструмента, помогающего понять произведения.

После кураторского поворота выставка как важный способ художественной коммуникации стала самостоятельным объектом внимания критиков, и привлекают их часто не произведения, а личность куратора, кураторская концепция, макет выставки, критерии отбора произведений и так далее. Например, американский исследователь Хоми К. Бхабха, анализируя постмодернизм и постколониализм, выбрал в качестве примера две репрезентативные выставки – «Маги Земли» в 1989 году и «1492 год: искусство в эпоху великих открытий» (Circa 1492: Art in the Age of Exploration) в 1992 году. Выбор данных выставок обосновывается тем, что «они демонстрируют плюрализм культурного производства и занимают центральное место в дебатах вокруг кризиса постмодерна» [Bhabha, 2010, p. 445]. Кроме того, Бхабха пишет, что «именно имея в виду процесс воспроизводства, я обращусь к своему конечному объекту – выставке или ярмарке искусства – как к постмодернистскому или постструктуралистскому объекту критического исследования» [Bhabha, 2010, p. 446]. На этом примере видно, как кураторский поворот влияет на критику: выставка постепенно становится независимым от контекста произведения объектом критики, и в конечном счете сама «выставка» в макроскопическом смысле, то есть выставочный режим, становится объектом критики.

Вызовы кураторского поворота критикам

Кураторский поворот настолько углубил кризис, в котором оказались критики в мире современного искусства, что возглас «критика умерла» раздается бесконечно [Baker et al., 2002]. Критики были оттеснены на второй план в результате того, что кураторы де-факто имели власть над критикой. О'Нил даже предположил, что за 30 лет между 1960-ми и 1990-ми годами критики были постепенно полностью вытеснены кураторами [O'Neill, 2007, p. 13]. По мнению О'Нила, в 1960-е годы исследовательская критика двигалась в направлении кураторской критики, статус выставочного пространства становился все более важным, чем статус произведения искусства, а основной дискурс художественных выставок начал отходить от форм критики. В отличие от традиционных форм западной художественной критики в кураторском дискурсе (т. е. ассоциативной современности), кураторская критика и ее предмет вышли за рамки дискуссий, связанных с художниками и арт-объектами, и включили в себя экспозиции и роль куратора выставки [O'Neill, 2007].

Возникновение новой формы кураторства в 1990-е годы также сделало эту тему возможным направлением в плане дискуссий, критики и дебатов, в связи с чем отстраненная роль критика в параллельных культурных дискурсах была заменена новыми пространствами кураторской критики. В этот период кураторы и художники реагировали на «новое состояние критики» и вступали с ним в контакт, расширяя границы выставочной формы, чтобы включить в нее более инференциальные, неформальные и геополитические способы обсуждения, ориентированные на выставку [O'Neill, 2007, p. 13].

Кураторский поворот, несомненно, является серьезным вызовом для роли критика, и, как заявляет О'Нил, возвышение куратора привело к шаткому положению критика в мире искусства, где его авторитет и надежность все чаще подвергаются сомнению.

После 1990-х годов кураторский поворот усилился еще больше, но новой тенденцией стало не столько уничтожение критики кураторством, сколько их слияние. О'Нил предполагает, что доминирование этой «кураторской ситуации» в 1990-е годы (а также профессионализация современного кураторства) утвердило практику кураторства как возможное критическое пространство. Сегодня «новый критический куратор» занял место традиционного критика [O'Neill, 2007, p. 13]. Лиам Гиллик （Liam Gillick）отмечает, что его участие в критическом пространстве – это результат ослабления полуавтономной критической ситуации, и одна из причин этого в том, что кураторство стало динамичным процессом. По его мнению, многие критики уже превратились в кураторов, тем не менее «умные люди» продолжают постепенно присоединяться к этому процессу трансформации в координаторов, продюсеров, коммуникаторов и новых критиков [O'Neill, 2007, p. 14]. О'Нил неоднократно отмечал, что место, занимаемое критиками в мире искусства, постепенно вытесняется кураторами, потому что выставки постепенно приобретают все большее значение. Однако здесь важно найти основную функцию критика, которая заключается в том, чтобы критиковать: прояснять, вписывать в художественный контекст, интерпретировать...

Даже если критик вынужден отойти от своего прошлого имиджа или предпочитает носить несколько шляп и развиваться одновременно в нескольких областях, его основная функция остается неизменной – посмотрим на тезис О'Нила – выставка становится новым пространством для критики, а куратор – новым субъектом критики. Таким образом, кураторы становятся критиками или берут на себя часть работы критиков. С этой точки зрения легко понять, что сенсационный тезис современного критика Беньямина Бухло: «художественная критика больше не нужна» [Baker et al., 2002, p. 10], – не выдерживает критики. Бухло утверждает, что современные художественные институции, такие как галереи, решили взращивать собственных критиков и кураторов из соображений выгоды, в результате чего независимым критикам не осталось места, и, следовательно, критика больше не нужна. Он ошибочно рассматривает независимость как непременное условие критики, и здесь полезно вспомнить принцип модернистской критики, который сосредоточивается на самокритичной, саморегулирующейся позиции, и на сегодняшний день потерял свою актуальность одновременно с тем, как модернизм ушел в прошлое. Другими словами, кто бы ни критиковал, пока он критикует, он берет на себя функцию критика; недостаточно независимый, лицемерный субъект критики, который служит капиталу или власти, – плохой критик, но он все равно критик, просто идеологизированный.

Заключение

Понятие кураторства сегодня прочно укоренилось в системе философского, гуманитарного, социокультурного и других типов научного знания. Его появление в научном, философском, социокультурном дискурсе продемонстрировало становление новой парадигмы в понимании природы человека и общества, роли культуры в развитии человечества, поведения человека и различных социальных образований. Кураторский поворот обозначает новый подход к пониманию кураторства, которое все больше и больше превращается в открытую критическую социо-практику. Данная работа предлагает аргументы в пользу критического характера кураторского поворота, а также выделяет ряд проблемных точек на стыке кураторской и арт-критической деятельности, концептуально связанной с кураторским поворотом. Результаты исследования открывают новое теоретическое направление в исследовании вызова, который бросил кураторский поворот деятельности современного арт-критика.

Список литературы
References

Верещагина А.Г. 2004. Критики и искусство. М., Прогресс-Традиция, 744 с.
Vereshchagina A.G. 2004. Kritiki i iskusstvo [criticism and art]. Moscow, Progress-Traditsiia, 744 p.
Савчук В.В. 2014. Медиафилософия: приступ реальности. СПб., Изд-во РХГА, 192 с.
Savchuk V.V. 2014. Mediafilosofiia: pristup real'nosti [Media philosophy: the onset of reality]. St Petersburg, Publ. RKhGA, 192 p.
Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. СПб., A-cad, 395 с. (Micel Foucault. 1966. Paris CALLIMARD).
Foucault Micel. 1994. Slova i veshchi. Arkheologiia gumanitarnykh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Translated from the Frenc. St Petersburg, Publ. A-cad, 395 p. (Micel Foucault. 1966. Paris CALLIMARD).
Baker G., Krauss R., Buchloh B., Fraser A., Joselit D., Meyer J., ... & Molesworth H. 2002. Round table: The present conditions of art criticism. *October*, 100: 201–228.
Bhabha H. 2010. Postmodernism/Postcolonialism. in Nelson R., Shiff R. (Eds.). Critical terms for art history. Chicago, University of Chicago Press, pp. 435-452.
Enwezor O. 2020. the black box. *Oncurating*, 428-435.
Farquharson A. 2003. Features: I curate, you curate, we curate. *Art Monthly*, 269: 7–10.
O'Neill P. 2003. Features: Curating U-Topics. *Art Monthly*, 272: 7–10.
O'Neill P. 2007. The curatorial turn: from practice to discourse. *Issues in curating contemporary art and performance*, 25: 13–28.
Rajchman J. 2003. Unhappy returns: the po-mo decade. *Artforum*, 8 (41): 61–64.
Venturi L. 1964. History of art criticism. Boston, Dutton.
Liu Yan. 2013. Curatorial practices and boundaries as knowledge production. *Meishu guancha*, 12: 27–28 (in Chinese).
Peng Feng. 2013. What is art criticism. *Wenyi yanjiu*, 7: 34–41 (in Chinese).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.04.2025
Поступила после рецензирования 28.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 28, 2025
Revised July 28, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цзян Чаожань, аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jiang Chaoran, Postgraduate Student of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ
THESES

УДК 378.4
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-958-965
EDN YSYXCE

Этические проблемы и риски интеграции технологий искусственного интеллекта в российское высшее образование

Валеева Г.В.
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, д. 125
stark.k@rambler.ru

Аннотация. В работе показаны основные направления внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс университета и преимущества использования передовой технологии. Выделены и проанализированы этические проблемы, возникающие в ходе применения технологий искусственного интеллекта, и определены возможные риски, сопряженные с принятием образовательных решений на основе алгоритмов автоматизированных и роботизированных систем. В результате исследования сформулированы рекомендации по созданию необходимых условий для этичного и безопасного использования искусственного интеллекта в образовательном процессе университета, соблюдение которых позволит максимально раскрыть потенциал интеллектуальных технологий и снизить негативные последствия, что обеспечит развитие эффективной и устойчивой системы высшего образования. Научная новизна исследования определяется этико-философским подходом к проблеме использования искусственного интеллекта в российской высшей школе.

Ключевые слова: цифровизация высшего образования, искусственный интеллект, образовательный процесс, университет, интеллектуальные технологии, этика искусственного интеллекта, этические проблемы, риски

Для цитирования: Валеева Г.В. 2025. Этические проблемы и риски интеграции технологий искусственного интеллекта в российское высшее образование. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 958–965. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-958-965 EDN: YSYXCE

Ethical Issues and Risks of Integrating Artificial Intelligence Technologies into Russian Higher Education

Galina V. Valeeva
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125 Lenin Ave., Tula 300026, Russian Federation
stark.k@rambler.ru

Abstract. The paper shows the main directions of introducing artificial intelligence into the educational process at the university and the advantages of using advanced technology. The author highlights and analyzes the ethical problems accompanying the application of artificial intelligence and identifies possible risks associated with making educational decisions based on algorithms of automated and robotic systems. The findings allow drawing recommendations on creating necessary conditions for the ethical

© Валеева Г.В., 2025

and safe use of artificial intelligence in the educational process at the university, which will maximize the potential of intelligent technologies and reduce negative consequences, thus ensuring the development of an effective and sustainable system of higher education. The scientific novelty of the article is determined by the ethical and philosophical approach to the problem of using artificial intelligence in Russia's higher education.

Keywords: digitalization of higher education, artificial intelligence, educational process, university, intelligent technologies, ethics of artificial intelligence, ethical issues, risks

For citation: Valeeva G.V. 2025. Ethical Issues and Risks of Integrating Artificial Intelligence Technologies into Russian Higher Education. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law,* 50(4): 958–965 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-958-965 EDN: YSYXCE

Введение

В настоящее время цифровизация является одним из определяющих факторов развития российского общества и его социальных институтов, в том числе и образования. Внедрение новых технологий в образовательный процесс университета позволяет высшей школе быть драйвером инновационных преобразований, соответствовать требованиям современного рынка труда и вызовам цифровой эпохи. Среди множества инструментов цифровизации особое значение имеет искусственный интеллект (ИИ), уникальные возможности которого вполне могут обеспечить эффективность учебного процесса, оптимизацию управления образовательной организацией и модернизацию инфраструктуры вуза. Вместе с тем активное использование ИИ в образовательной деятельности университета влечет появление проблем этического характера, которые требуют осмысления и поиска предотвращения негативных последствий.

Цель настоящего исследования заключается в определении этических проблем и выявлении потенциальных рисков, связанных с применением технологий ИИ в образовательном процессе российской высшей школы.

Преимущества использования технологий ИИ в образовательном процессе университета

Искусственный интеллект предстает одной из передовых технологий, обеспечивающей экономический рост, производительность труда, повышение уровня благосостояния жизни, доступность медицины, новаторство в сфере науки, качество образования [1], поэтому интеграция в образовательный процесс автоматизированных и роботизированных систем, способных обрабатывать большие объемы информации, воспроизводить мыслительные операции, обучать и аккумулировать опыт для последующего осуществления того или иного выбора, становится приоритетной задачей университета. Технологии ИИ, включая машинное обучение (Machine Lerning), аналитику данных (Bid Data), виртуальных ассистентов, программные системы оценки успеваемости студентов и мониторинга посещаемости, адаптивные системы и персонализированные учебные платформы, VR/AR-технологии, генеративные модели и симуляторы, безусловно, способствуют гибкому принятию решений в обучении, управлении и развитии цифровой инфраструктуры вуза. По мнению исследователей, подобные технологические инструменты существенно повышают эффективность образовательной деятельности, развивая человеческий капитал и стимулируя формирование цифровой национальной экономики [Давыдов и др., 2024].

[1] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490. Президент России (дата обращения: 10.05.2025).

Так, использование технологий ИИ в учебном процессе позволяет: адаптировать и получать образование, следуя индивидуальному образовательному маршруту; проводить учебные занятия в интерактивной форме, более привлекательной и понятной для молодого поколения; получать оперативный отклик от автоматизированной системы на вопрос или заданное действие; проводить и контролировать работу между обучающимися разных специальностей и уровней подготовки; беспристрастно оценивать знания, умения, навыки, а также проводить диагностику студенческих групп (вовлеченность, успеваемость, посещаемость); разрабатывать содержание читаемого курса на основе интеллектуальных обучающих систем, а также новые образовательные программы и инновационные методы обучения. Управление образовательной организацией при помощи технологий ИИ обеспечивает: составление оптимального расписания; автоматическое распределение нагрузки и проведение аналитики продуктивности работы профессорско-преподавательского состава; рациональное планирование расходов и затрат; формирование рейтинга абитуриентов и распределение студентов по направлениям обучения. «Кроме того, способность ИИ предсказывать уровень отсева и успешности студентов способствует целенаправленному вмешательству, улучшая среднюю академическую успеваемость» [Лоскутова, 2024, с. 243]. Развитие цифровой инфраструктуры университета за счет создания интеллектуального кампуса – инфраструктуры университетского городка, оснащенной современными техническими устройствами и технологическими системами, позволит студентам иметь быстрый доступ к расписанию занятий, находить учебные аудитории, получать обратную связь от преподавателей и администрации вуза [Токтарова и др., 2023, с. 215]. Интеллектуальный кампус предполагает широкое применение технологий ИИ (автоматизация управления корпусами, интеллектуальные сервисы поддержи студентов, информационные порталы, навигационные системы и пр.), направленные на повышение комфорта, безопасности и рационального использования ресурсов цифровой образовательной среды университета.

Таким образом, преимущества технологий ИИ для образовательного процесса университета заключаются в следующем: поддержание высокого уровня качества высшего образования; повышение эффективности обучения и взаимодействия преподавателя со студентами; упрощение координации и улучшение администрирования образовательной деятельности; формирование новых форматов взаимоотношений и сотрудничества внутри университетской среды; создание единой интеллектуальной платформы обучения, способствующей адаптации вуза к меняющимся условиям рынка труда и новым требованиям социума. В целом «ИИ обладает потенциалом сделать высококачественное обучение на протяжении всей жизни доступным для всех пользователей, а также возможностью для борьбы со многими глубоко укоренившимися проблемами, с которыми сталкиваются системы образования и сами учащиеся: от узкой и поверхностной учебной программы до устаревшей и неадекватной системы оценивания» [Филимонова, 2024].

Этические проблемы и риски использования ИИ в высшей школе

Однако, несмотря на преимущества, внедрение ИИ создает принципиально новые этико-прикладные проблемы, которые ставят под вопрос его инструментальные возможности, доверие к этой технологии и ее ценность в контексте цифровизации высшего образования, тем самым обуславливая потенциальные риски: «…риски и угрозы, которые создает его вторжение в высшее образование, способны кардинально изменить не только весь образовательный процесс, но и сами университеты как общественные институты. Иными словами, риски для всех могут обрести экзистенциальный характер» [Согомонов, 2024]. Это подчеркивает важность рассмотрения этических аспектов,

сопровождающих интеграцию технологий ИИ, определяющих степень влияния инноваций на образовательные практики, взаимодействие ключевых акторов образовательного процесса, а также формирование нового образа университета.

Анализ работ современных российских исследователей в области вопросов этики ИИ в образовании, наряду с личным опытом преподавательской деятельности в университете, позволил выделить следующие этико-прикладные проблемы и связанные с ними риски использования интеллектуальных технологий в высшей школе:

1. ***В учебном процессе***: упрощенный подход к обучению формирует культуру потребления готового контента [Шлыкова, 2020], препятствующую развитию способности к поиску и передаче нового знания; чрезмерная зависимость от готовых решений снижает самостоятельность, а также способность критически мыслить и анализировать; поверхностное и фрагментарное усвоение учебной программы в интерактивном формате формирует клиповое мышление; нивелируется традиционная воспитательная компонента в результате подмены офлайн-коммуникации между преподавателем и студентами безликим интерфейсом; возникает проблема ИИ-плагиата при выполнении учебных заданий и подготовке исследовательских текстов [Сысоев, 2024, с. 31]) и авторской этики, так как «развитие современных цифровых технологий и генеративного ИИ открыло перед студентами и молодыми исследователями новые, практически неограниченные возможности в использовании ИИ-инструментов с целью продуцирования академических текстов и присваивания себе их авторства» [Сысоев, 2024, 36]); искажается объективная оценка учебных достижений обучающихся ввиду потенциальной предвзятости и непрозрачности алгоритмов «умных машин».

> *Риски*: *девальвация знания; формирование недостаточной профессиональной компетентности будущих специалистов; формирование ограниченно развитой личности, зависимой от интеллектуальных систем, неспособной творчески мыслить и быть инициативной; трансформация традиционной роли преподавателя (от транслятора знаний к куратору контента, созданного ИИ) и его социального статуса (от представителя академического сообщества к посреднику между студентом и цифровым образованием) [Валеева, 2024]; аннигиляция норм педагогической этики и нравственных ценностей; фальсификация научных исследований и разработок, создающая угрозы для развития науки в целом; утрата доверия к результатам оценивания, ухудшение качества образования и дискредитация высшей школы*.

2. ***В управлении образовательной организацией***: игнорирование человеческого фактора и несоблюдение принципа справедливости в распределении учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава; скрытый мониторинг учебной деятельности студентов и профессиональной деятельности преподавателей; проблема разграничения сфер компетенции человека и машины (существует ли граница между творческими и интеллектуальными достижениями человека и результатами, получаемыми с помощью ИИ? [Белкина, 2025]); проблема потенциального нарушения права на личную жизнь и конфиденциальность данных; неясность в определении того, кто именно несет ответственность за принятые решения на основе ИИ-аналитики данных (руководство вуза или разработчик ИИ технологии): «В большинстве случаев механизмы принятия решений, используемые в образовательных ИИ-системах, остаются закрытыми для пользователей. Это затрудняет понимание логики работы алгоритмов, снижает уровень доверия к автоматизированным системам и может привести к необоснованным или несправедливым образовательным решениям» [Константинов, 2025].

> *Риски: дегуманизация образования за счет чрезмерной автоматизации процессов принятия образовательных решений без учета мнения участников образовательного процесса; дестабилизация нравственной атмосферы*

университета, потеря доверия, стресс и выгорание как обучающихся, так и преподавателей; размытие границ между интеллектуальным трудом человека и результатами «умных машин»; отсутствие должных мер защиты может привести к информационной утечке, неконтролируемому распространению конфиденциальных данных, ущемлению прав отдельных работников вуза и студентов; потенциальная предвзятость и непрозрачность алгоритмов ИИ, т.е. сложность объективной оценки учебных достижений студентов и труда преподавателя.

3. ***В развитии цифровой инфраструктуры:*** неравномерный доступ к ресурсам цифрового кампуса; отсутствие этико-нормативной регламентации ИИ и механизмов защиты прав субъектов образовательной деятельности; зависимость от технологий ИИ как субъектов образовательной деятельности, так и университета; уязвимость перед кибер- и хакерскими атаками.

Риски: усиление социального неравенства и цифровой изоляции; дисбаланс между технологическими инновациями и потребностями личности студента, преподавателя, сотрудника вуза; формирование «инфоргов» [Floridi, 2013, 2014] – информационно-воплощенных организмов, которые осознают реальность преимущественно посредством искусственного интеллекта и сталкиваются с необходимостью постоянного взаимодействия с глобальной социо-когнитивной сетью, аккумулирующей совокупное знание всего человечества; утрата автономии вуза, его независимости и самостоятельности в принятии решений; технические сбои, срыв образовательного процесса и как следствие – угроза репутации университета.

Рекомендации по обеспечению этичного и безопасного применения технологий ИИ в образовательном процессе университета

Для минимизации этических проблем и предотвращения негативных последствий интеграции ИИ в высшее образование необходимо определить нравственные границы, обеспечивающие баланс между доверием к цифровому инструментарию и сохранением контроля со стороны человека за ходом образовательного процесса.

В этой связи видится целесообразным:

1) разработка и внедрение единого кодекса этики использования технологий ИИ в российской высшей школе, основу которого будут составлять принципы благодеяния, невредительства, автономии, справедливости и объяснимости [Floridi, 2021];

2) создание экспертной комиссии, включающей специалистов в области этики, разработчиков ИИ, представителей администрации вуза, которая будет осуществлять контроль над соблюдением этических принципов и норм при внедрении и использовании ИИ в образовательном процессе;

3) введение учебных дисциплин, направленных на изучение этических аспектов и основ ответственного использования технологий ИИ для студентов и курсов повышения квалификации для профессорско-преподавательского состава;

4) усиление защиты персональных данных участников образовательного процесса путем сокращения объема собираемых сведений, обеспечения высокого уровня информационной безопасности, предоставления возможностей анонимности и постоянного контроля качества алгоритмов ИИ с целью недопущения нарушений приватности;

5) совершенствование методов оценки и верификации алгоритмов ИИ, используемых в учебном процессе вуза;

6) повышение уровня информированности студентов и преподавателей о внедрении новых технологий ИИ и принципах их работы;

7) проведение систематического мониторинга эффективности используемых в образовательном процессе технологий ИИ;

8) определение четких образовательных целей при планировании внедрения ИИ, ориентированных на повышение производительности учебного процесса, оптимизацию менеджмента и качественную модернизацию цифровой инфраструктуры университета, а также осуществление комплексной оценки потенциального влияния ИИ на всех участников образовательного процесса, результаты обучения и деятельности самой образовательной организации в целом.

На наш взгляд, реализация предложенных рекомендаций позволит достичь гармоничного взаимодействия человека и технологий ИИ, создавая необходимые условия для устойчивого развития сферы высшего образования в условиях цифровизации.

Заключение

Искусственный интеллект, являясь не только технической новеллой современности, но и мощным инструментом цифровизации высшего образования, обладает значительным потенциалом для трансформации образовательной среды университета согласно вызовам и требованиям современного общества. Несомненно, внедрение и использование технологий ИИ позволяет существенно повысить качество и продуктивность учебного процесса, предоставляя студенческой аудитории персонализированный подход к освоению материала, своевременную обратную связь и адаптивные методики оценки полученных знаний, умений и навыков; автоматизация ряда управленческих функций способствует оптимизации ресурсов и совершенствованию организационных образовательных процессов; интеллектуальный кампус обеспечивает комфортную образовательную среду – от интерактивных пространств для занятий до удобного доступа к учебному контенту и перемещения внутри университетского комплекса. Однако активное применение ИИ порождает множество этических проблем, связанных с принятием в образовательном процессе решений на основе алгоритмов интеллектуальных систем и оказывающих неоднозначное влияние на жизнь и карьеру будущих специалистов, профессиональную деятельность преподавателей и развитие университета в целом. Поэтому важным аспектом успешной интеграции ИИ является разработка и соблюдение рекомендаций по этичному и безопасному использованию интеллектуальных технологий в образовательном процессе университета, позволяющим максимизировать преимущества ИИ и снизить потенциальные риски, создавая при этом эффективную и устойчивую систему высшего образования.

Список литературы

Белкина А.М. Этическая сторона искусственного интеллекта. *Вестник Омского университета,* 1 (30): 51-58.

Валеева Г.В. Этические проблемы и риски цифровой трансформации преподавателя высшей школы. *Общество: философия, история, культура*, 5: 69-74. DOI: 10.24158/fik.2024.5.9.

Давыдов С.Г., Матвеева Н.Н., Адемукова Н.В., Вичканова А.А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития. *Университетское управление: практика и анализ,* 3: 32-44.

Константинов А.В. Этические вызовы использования искусственного интеллекта в образовательном процессе вуза. Материалы XX Международной научно-практической конференции «Новые образовательные стратегии в открытом цифровом пространстве» (РГПУ им. А.И. Герцена, СПб, 1-26 марта 2025 г.). URL: https://nesinods.ru/konstantinov-a-v-2025 (дата обращения: 11.05.2025)

Лоскутова М.А. Искусственный интеллект в высшем образовании –прорыв или деградация. *Экономические науки,* 3 (232): 242-247.

Согомонов А.Ю. Искусственный интеллект в университетском образовании как этико-прикладная проблема. *Ведомости прикладной этики*, 2(64): 82-97.

Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом. Высшее образование в России, 2: 31-53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53

Токтарова В.И., Попова О.П., Сагдуллина И.И., Белянин В.А. Технологии искусственного интеллекта в практике современного высшего образования. *Вестник Марийского государственного университета,* 2 (50): 210-220.

Филимонова И.В. Этическая сторона использования искусственного интеллекта в образовании. *Вестник евразийской науки*, s1. URL: https://esj.today/PDF/64FAVN124.pdf (дата обращения: 10.05.2025)

Шлыкова О.В. Цифровое потребление культурного контента в условиях «новой нормы» дистанцированного мира. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*,5 (97): 160-169.

Floridi L., Cowls J. A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. Ethics, Governance, and Policies in Artificial Intelligence. PSSP, V. 144. 2021. P. 5-17. DOI: 10.1162/99608f92.8cd550d

Floridi L. The Fourth Revolution – How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.

Floridi L. The ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. 384 p.

References

Belkina A.M. Eticheskaya storona iskusstvennogo intellekta. Vestnik Omskogo universiteta, 1(30): 51-58.

Valeeva G.V. Eticheskie problemy i riski cifrovoj transformacii prepodavatelya vysshej shkoly. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, 5: 69-74. DOI: 10.24158/fik.2024.5.9.

Davydov S.G., Matveeva N.N., Ademukova N. V., Vichkanova A.A. Iskusstvennyj intellekt v rossijskom vysshem obrazovanii: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz, 3: 32-44.

Konstantinov A.V. Eticheskie vyzovy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nom processe vuza. Materialy XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Novye obrazovatel'nye strategii v otkrytom cifrovom prostranstve» (RGPU im. A.I. Gercena, SPb, 1-26 marta 2025 g.). URL: https://nesinods.ru/konstantinov-a-v-2025 (data obrashcheniya: 11.05.2025)

Loskutova M.A. Iskusstvennyj intellekt v vysshem obrazovanii –proryv ili degradaciya. Ekonomicheskie nauki, 3 (232): 242-247.

Sogomonov A.Yu. Iskusstvennyj intellekt v universitetskom obrazovanii kak etiko-prikladnaya problema. Vedomosti prikladnoj etiki, 2 (64): 82-97. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68511791 (data obrashcheniya: 11.05.2025)

Sysoev P.V. Etika i II-plagiat v akademicheskoj srede: ponimanie studentami voprosov soblyudeniya avtorskoj etiki i problemy plagiata v processe vzaimodejstviya s generativnym iskusstvennym intellektom. Vysshee obrazovanie v Rossii, 2: 31-53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53

Toktarova V.I., Popova O.P., Sagdullina I.I., Belyanin V.A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v praktike sovremennogo vysshego obrazovaniya. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta, 2 (50): 210-220.

Filimonova I.V. Eticheskaya storona ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v obrazovanii. Vestnik evrazijskoj nauki, s1. URL: https://esj.today/PDF/64FAVN124.pdf (data obrashcheniya: 10.05.2025)

Shlykova O.V. Cifrovoe potreblenie kul'turnogo kontenta v usloviyah «novoj normy» distancirovannogo mira. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv,5 (97): 160-169.

Floridi L., Cowls J. A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. Ethics, Governance, and Policies in Artificial Intelligence. PSSP, V. 144. 2021. P. 5-17. DOI: 10.1162/99608f92.8cd550d

Floridi L. The Fourth Revolution – How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.

Floridi L. The ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.07.2025
Поступила после рецензирования 13.10.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received July 13, 2025
Revised October 13, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валеева Галина Викторовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии истории, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Galina V. Valeeva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia.

УДК 130.2; 141
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-966-974
EDN YVDCAL

Социально-эпистемологические механизмы легитимации войны в современном культурном пространстве

[1] Усова Г.М., [2] Цуриков И.М., [2] Цурикова Л.В.
[1] Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71
[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85
galina.usova.1979@mail.ru, tsurikovish275@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен войны как особая форма производства и циркуляции знания в современном культурном пространстве. Опираясь на принципы социальной эпистемологии, постструктурализма и культурной философии, автор анализирует механизмы легитимации войны, действующие в медийных, институциональных и дискурсивных структурах общества. Показано, что в постмодернистскую эпоху легитимация войны утрачивает традиционные моральные и рациональные основания, трансформируясь в перформативный и симулятивный процесс, где истина определяется не соответствием реальности, а убедительностью представления. Особое внимание уделено феномену «нового военного гуманизма» и роли медиа в формировании эпистемологического согласия на насилие. В работе обоснован тезис о переходе от идеологической к эпистемологической модели власти, в которой знание становится инструментом нормализации войны. Сделан вывод, что преодоление легитимации войны возможно лишь через формирование альтернативной эпистемологии – знания как этического отношения, а не как формы контроля.

Ключевые слова: война, социальная эпистемология, легитимация, культура, постмодерн, медиа, симулякр, гуманизм, насилие, дискурс, память, этика знания

Для цитирования: Усова Г.М., Цуриков И.М., Цурикова Л.В. 2025. Социально-эпистемологические механизмы легитимации войны в современном культурном пространстве. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 966–974. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-966-974 EDN: YVDCAL

Socio-Epistemological Mechanisms of War Legitimation in the Modern Cultural Space

[1] Galina M. Usova, [2] Igor M. Tsurikov, [2] Larisa V. Tsurikova
[1] I.D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
[2] Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
galina.usova.1979@mail.ru, tsurikovish275@yandex.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of war as a special form of knowledge production and circulation in the contemporary cultural space. Drawing on the principles of social epistemology, poststructuralism, and cultural philosophy, the authors analyze the mechanisms of war legitimation operating in the media, institutional, and discursive structures of society. It is shown that in the postmodern era, the legitimization of war is losing its traditional moral and rational foundations, transforming into a performative and simulative process, where truth is determined not by its

© Усова Г.М., Цуриков И.М., Цурикова Л.В., 2025

correspondence to reality, but by the persuasiveness of the representation. Particular attention is paid to the phenomenon of "new military humanism" and the role of media in shaping epistemological consent to violence. The paper substantiates the thesis of a transition from an ideological to an epistemological model of power, in which knowledge becomes an instrument for the normalization of war. It concludes that overcoming the legitimization of war is possible only through the development of an alternative epistemology – knowledge as an ethical attitude, not as a form of control.

Keywords: war, social epistemology, legitimation, culture, postmodernity, media, simulacrum, humanism, violence, discourse, memory, ethics of knowledge

For citation: Usova G.M., Tsurikov I.M., Tsurikova L.V. 2025. Socio-Epistemological Mechanisms of War Legitimation in the Modern Cultural Space. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 966–974 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-966-974 EDN: YVDCAL

Введение

Современная культурная ситуация характеризуется радикальной трансформацией представлений о войне и насилии. Война перестает быть исключительно политическим актом или конфликтом интересов государств и становится феноменом культуры, формой социального знания и медийной репрезентации. В условиях постиндустриального и цифрового общества границы между военным и невоенным, информацией и дезинформацией, героизмом и преступлением оказываются размыты. Эпистемологические механизмы, обеспечивающие легитимность войны, перестают быть прозрачными и рациональными, превращаясь в сложную сеть дискурсивных и символических конструкций.

М. Фуко отмечал, что «на деле власть производит реальное, производит области объектов и ритуалов истины» [Фуко, 2021, с. 133]. Следовательно, понимание войны требует анализа ее политико-экономических причин и изучения тех форм знания, которые делают войну возможной, оправданной и даже необходимой. Современные войны (в особенности информационные и гибридные) демонстрируют, что легитимация насилия происходит через идеологию и эпистемологические практики, производство и циркуляцию «правдоподобных» знаний, образов и нарративов. Поэтому актуальность данной темы определяется необходимостью переосмыслить саму структуру знания о войне, как она создается, кому принадлежит право ее интерпретации и какие социальные институты обеспечивают ее нормативную приемлемость.

Целью исследования является философско-эпистемологический анализ механизмов легитимации войны в современном культурном пространстве. Гипотеза исследования состоит в том, что современная легитимация войны основана на эпистемологических режимах производства истины, которые формируют культурную норму восприятия насилия.

Методология

Основой исследования являются принципы социальной эпистемологии, критической теории культуры и постструктуралистского анализа дискурса. Исследование опирается на социально-эпистемологический подход (С. Фуллер, А. Голдман, Е. Мамчур), позволяющий рассматривать знание как социально обусловленный механизм поддержания власти и авторитета. Анализ власти и знания М. Фуко раскрывает механизм «эпистемологического насилия», когда доминирующие дискурсы создают войну как факт культуры. Культурно-философский и постмодернистский подход (Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, П. Вирилио) позволяет рассматривать войну как текст, симулякр и медиасобытие. Дискурсивный анализ (М. Бахтин, Т. ван Дейк) применяется для выявления структур языка, метафор и риторических стратегий, придающих войне смысл и культурную легитимность.

Результаты исследования

Эпистемология войны представляет собой одну из наиболее сложных и противоречивых зон современной философии культуры. Война, традиционно рассматриваемая как предельная форма социального действия, в новейшее время все чаще описывается в категориях знания, коммуникации и символического обмена. Если в классической философской традиции (Г.В.Ф. Гегель, К. Клаузевиц, А. Шопенгауэр) война мыслится как проявление диалектики духа, столкновение воли или инструмент политики, то в условиях постиндустриального общества она приобретает новые эпистемологические очертания и становится структурой знания, формой социального высказывания, инструментом смыслового производства.

Классическое определение войны, данное К. фон Клаузевицем («продолжение политики иными средствами» [Клаузевиц, 1941, с. 27]), долгое время задавало нормативную рамку ее понимания. Однако уже в XX веке философия и гуманитарное знание ставят под сомнение идею войны как рационального действия. После катастроф мировых войн возникает потребность осмыслить причины конфликтов и условия возможности самого знания о войне. Война перестает быть лишь политическим феноменом и превращается в эпистемологическую проблему, вопрос о том, кто определяет истину о войне и по каким критериям она устанавливается.

Философия второй половины XX века (от М. Хайдеггера до М. Фуко) утверждает идею, что любое знание вписано в контекст власти, а любая истина является результатом исторически сложившегося дискурсивного порядка. В этом смысле война оказывается актом применения силы и проявлением власти знания, она возможна лишь там, где определенные формы дискурса легитимируют насилие как необходимое или справедливое. Власть, как указывает М. Фуко, «достигает наибольшей эффективности через производство истины, в которую верят» [Фуко, 2021, с. 234]. Следовательно, современная война представляет собой борьбу за монополию на истину, за право определять, что есть агрессия, защита, гуманитарная миссия или терроризм.

Понятие легитимации традиционно связано с социологией власти (М. Вебер), в рамках которой оно обозначает признание обществом законности господства. Однако в контексте философии знания легитимация приобретает иное значение, как процесс когнитивного закрепления, в котором определенные формы дискурса утверждаются в качестве истинных. П. Бергер и Т. Лукман считали, что любое социальное знание есть «продукт институционализации и символического воспроизводства» [Бергер, 1995, с. 65]. Следовательно, война тоже становится объектом такого конструирования и существует постольку, поскольку существует система смыслов, норм и верований, делающих ее возможной.

В условиях информационного общества механизмы легитимации войны смещаются из сферы политической идеологии в сферу эпистемологии культуры. Средства массовой информации, цифровые технологии и визуальные медиа формируют особые режимы видимости (П. Вирилио), когда восприятие войны определяется скоростью передачи данных и визуальным эффектом. Истина о войне становится зависимой от медиапространства, и легитимация войны превращается в производство достоверности, управление границами правдоподобного.

Современная культура характеризуется состоянием «кризиса великих нарративов» (Ж.-Ф. Лиотар). В результате войны теряют прежние оправдательные основания (религиозные, идеологические, национальные). Их место занимают гибридные формы символического убеждения, в которых гуманизм и насилие сосуществуют в одном дискурсивном пространстве. Термин «новый военный гуманизм», введенный рядом западных теоретиков, обозначает именно это парадоксальное сочетание, – война представляется как акт защиты, освобождения, даже гуманитарного долга.

Подобное смещение возможно только при условии изменения эпистемологической парадигмы. Если модерн требовал рационального оправдания насилия (война как средство прогресса, как реализация национального духа), то постмодерн размывает саму возможность единой рациональности. Истина становится множественной, контекстуальной и сетевой. В этих условиях легитимация войны превращается в игру дискурсов, когда различные акторы (государство, СМИ, корпорации, международные организации) производят собственные версии истины, соревнуясь за внимание аудитории.

Ж. Бодрийяр писал, что «сама реальность войны растворяется в медиальном гиперпространстве симулякров» [Бодрийяр, 2016, с. 24]. Для массового сознания война существует лишь как поток изображений и сообщений, в котором границы между реальным и воображаемым исчезают. Эпистемологическая катастрофа, описанная французским философом, заключается в том, что истина о войне становится недостижимой, но это не мешает ей быть убедительной. Можно говорить о переходе от онтологической к эпистемологической модели войны. Если в онтологическом понимании война – это бытийственное событие, столкновение сущностей, то в эпистемологическом – это событие знания, акт коммуникации, в котором конституируется социальная реальность.

Социальная эпистемология, сформировавшаяся во второй половине XX века (С. Фуллер, А. Голдман, А.И. Ракитов, Е. Мамчур), предлагает рассматривать знание как результат коллективных когнитивных практик. Применительно к войне это означает, что способы ее восприятия и осмысления определяются социально закрепленными структурами знания. Знание о войне циркулирует через множество каналов: государственные институты, образовательные программы, средства массовой информации, кинематограф, цифровые платформы. Каждый из этих каналов выполняет функцию эпистемологического посредника, определяя рамки допустимого знания. Так формируется особая «эпистемологическая экология» войны, в которой границы между истиной, пропагандой и художественной интерпретацией становятся неразличимыми.

Следовательно, война предстает как эпистемологический режим, поддерживаемый культурой. Подобный подход позволяет перейти от моральной оценки к философскому анализу структур знания, не спрашивать, «почему люди воюют», а исследовать, почему они считают войну возможной и оправданной.

Современное культурное пространство не просто отражает войны, а производит их. Война становится формой социального знания, конструируемого институтами власти, медиа, науки и искусства. Каждая из этих сфер вырабатывает собственные эпистемологические механизмы, благодаря которым война получает смысл, оправдание и культурную легитимность. Механизмы действуют как структуры познания, через которые общество осмысляет и организует свою реальность.

Институциональный уровень формирования представлений о войне связан с процессами, описанными М. Фуко в концепции власти-знания. Школьные учебники, официальные хроники, дипломатические документы и военные доктрины как формы институционализированного знания определяют рамки допустимого восприятия войны. Через систему образования формируется исторический нарратив, в котором определенные войны закрепляются как «справедливые» или «освободительные», а другие – как «агрессивные» или «незаконные».

Ю. Хабермас подчеркивал, что «легитимность власти достигается в процессе коммуникативного действия, речевого акта, а не с помощью манипуляции и внешнего явного воздействия» [Хабермас, 2001, с. 246]. Однако, как показывают современные медийные конфликты, эта рациональность оказывается инструментализированной, государства и международные организации создают когнитивные схемы, в которых война становится морально оправданной в терминах защиты, безопасности или предотвращения

зла. Так формируется то, что П. Рикер называл «нарративной идентичностью», культурное самооправдание насилия через историю [Рикер, 2008].

Следующий уровень – дискурсивный. Язык войны не является нейтральным и структурирует восприятие, определяет границы возможного опыта. Война «говорится» определенным образом, через эвфемизмы, метафоры, символы и клише. Как отмечал Р. Барт, «идеология проявляется прежде всего в языке, который называет вещи тем, чем они не являются» [Барт, 2014, с. 102]. Эвфемизация военного дискурса является одним из главных эпистемологических механизмов легитимации насилия. Термины вроде «превентивная операция», «точечный удар», «гуманитарное вмешательство» создают иллюзию рациональности и моральной правоты. В результате сам факт насилия исчезает за фасадом технических и моральных категорий. Кроме того, дискурс войны конструирует двоичную модель мира: «мы – они», «свои – чужие». Указанная бинарность обеспечивает когнитивную стабильность, необходимую для коллективной мобилизации. По наблюдению Х. Арендт, подобные механизмы порождают «тотальную структуру мышления», в которой любое сомнение воспринимается как измена [Арендт, 1996]. Язык войны описывает реальность и создает онтологическую рамку, в которой насилие воспринимается как морально неизбежное.

Культурная память является еще одним фундаментальным механизмом эпистемологической легитимации. Через миф, ритуал и героический нарратив общество создает символический капитал, делающий войну частью своей идентичности. Мифологизация войны не есть искажение истины, это способ превращения насилия в смысл. К.Г. Юнг отмечал, что мифология делает все «ясным» для ее носителей, и в этом смысле можно говорить об «объяснении» [Юнг, 1997]. В этом смысле миф о войне обеспечивает когнитивную стабильность общества и превращает травму в подвиг, разрушение в созидание. Мемориалы, праздники, фильмы и учебники закрепляют этот миф, формируя «социальное бессознательное войны». П. Нора указывал, что современные общества существуют не столько во времени, сколько в пространстве памяти [Нора, 1999]. Война становится главным «местом памяти», вокруг которого конституируется национальная идентичность. В этом контексте героизация войны – это культурная традиция и форма эпистемологического управления, через героев и образы победы формируется коллективная правда, не подлежащая сомнению.

Особую роль в формировании эпистемологии войны играет медийное пространство. По наблюдению П. Вирилио, современная война – это, прежде всего, «война скорости и информации» [Вирилио, 2002, с. 62]. Цифровые технологии создают эффект «присутствия на расстоянии», аудитория наблюдает за конфликтом в реальном времени, но ее восприятие управляется ритмом и монтажом изображения.

Медиа создают режим симуляции, в котором различие между документом и постановкой, реальностью и виртуальностью становится неуловимым. Образы войны тиражируются в виде коротких видео, мемов и новостных фрагментов, теряя контекст и историческую сложность. В результате возникает то, что можно назвать эпистемологическим дефицитом, зритель знает «все обо всем», но не способен отличить истину от интерпретации.

Более того, визуальное насилие становится формой развлечения. Ж. Бодрийяр писал: «Мы больше не смотрим на войну — мы потребляем ее как образ» [Бодрийяр, 2016, с. 24]. Подобное потребление формирует эмоциональное участие без рефлексии, когда сочувствие, возмущение и страх оказываются заменены эстетической вовлеченностью. Медийная культура тем самым не просто информирует о войне, а нормализует ее присутствие в сознании. Медиатизация войны создает новую форму знания, аффективное знание, в котором эмоции подменяют аргументы, а визуальные впечатления вытесняют критическое мышление, что и есть новый тип эпистемологического контроля, не через идеологию, а через управление восприятием.

Социально-эпистемологические механизмы легитимации войны образуют сложную систему взаимосвязанных уровней: институциональный (создает нормативные рамки знания), дискурсивный (оформляет язык и метафоры войны), мифологический (обеспечивает символическую и эмоциональную устойчивость), медийный (управляет визуальным и когнитивным восприятием). Уровни не действуют изолированно, а образуют взаимопроникающую сеть, в которой каждая форма знания подтверждает другую. В результате война превращается в самовоспроизводящийся культурный текст, внутри которого истина и ложь, добро и зло, насилие и гуманизм теряют четкие границы.

Будучи информационно насыщенным, современное общество оказывается эпистемологически уязвимым; чем больше данных о войне, тем труднее увидеть войну как факт, а не как эффект знания. Отсюда и необходимость философской критики этих механизмов, направленной против тех когнитивных структур, которые делают ее возможной и приемлемой.

Постмодернистская эпоха радикально изменила формы знания и способы оправдания насилия, но вместе с утратой рационального оправдания война не исчезает, а, напротив, приобретает новые формы легитимации, основанные на эпистемологических играх постмодернистского сознания. Меняется и сама этическая конфигурация войны. Постмодерн рождает парадоксальный дискурс, который можно обозначить как «новый военный гуманизм». В рамках этого дискурса война позиционируется как защита, акт спасения, моральный долг перед человечеством. По мнению З. Баумана, гуманизм «утратил трансцендентное измерение и превратился в технику заботы» [Бауман, 2019, с. 208]. Гуманитарные интервенции, миротворческие миссии, «умные» бомбардировки сопровождаются риторикой милосердия, безопасности и цивилизационного прогресса. Легитимация войны в этом случае достигается через обращение к гуманистическим ценностям, но эти ценности уже не являются универсальными, они локальны, инструментальны, зависимы от медиального контекста. Война становится этически нейтральной, потому что добро и зло подчиняются логике управляемого изображения.

Постмодернистская легитимация войны не нуждается в длительном идеологическом производстве. Она мгновенна, модульна, основана на сетевых структурах знания. В социальных медиа, потоках информации, легитимация осуществляется в режиме «здесь и сейчас», достаточно краткого видеоролика, эмоционального поста или символического жеста, чтобы закрепить определенный смысл. Власть над смыслом становится децентрализованной, каждый участник информационного поля может быть производителем легитимации, но это не приводит к демократизации, поскольку сама структура информации предопределяет направление интерпретации. Б. Латур писал, что «сеть не освобождает, а переназначает ответственность» [Латур, 2014, с. 85]. Война в сетевом обществе становится эпистемологически рассеянной, никто не владеет истиной, но все участвуют в ее производстве.

В этом контексте исчезает само различие между знанием и верой. Эпистемология войны превращается в психоэстетику восприятия, когда правдоподобие подменяет истину, а мораль растворяется в эмоции. Постмодернистская культура, разрушившая границы между фактом и вымыслом, тем самым разрушает и границы между войной и ее образом. Война становится частью повседневной символической экономики и циркулирует в новостных лентах, играх, рекламе, кинематографе и перестает быть исключением, превращаясь в один из способов быть современным.

Выводы

Современная культура, в которой война стала неотъемлемым элементом информационного и символического обмена, демонстрирует глубокую эпистемологическую трансформацию, насилие утрачивает статус исключительного события и становится нормой восприятия. В результате легитимация войны перестает

быть чисто политическим актом и превращается в форму культурного производства истины. Подобное производство осуществляется через язык, образы, практики памяти и массовые медиа. Культура сама становится носителем и посредником эпистемологической власти, встраивая войну в систему коллективного опыта.

Одним из основных последствий является смещение границ морального суждения. В традиционных культурах война оценивалась сквозь призму добра и зла, справедливости и агрессии, чести и преступления, однако в постмодернистском культурном поле эти противоположности размываются. Война утрачивает этическую определенность и описывается через категории целесообразности, эффективности, гуманитарности.

В результате можно сделать несколько выводов. Во-первых, современная культура перестает рассматривать войну как моральную аномалию, а напротив, она интегрирует войну в пространство моральной нейтральности, в рамках которой критерии добра и зла подменяются прагматикой выживания и риторикой защиты. Подобная утрата этических ориентиров сопряжена с трансформацией самой структуры коллективной идентичности. Через войну общество конструирует собственные представления о «мы» и «они», поэтому война выступает механизмом идентификации, принадлежность к сообществу определяется участием в легитимированной памяти насилия. Культурные практики (праздники, музеи, фильмы, литература) выступают пространствами, в которых поддерживается этот нарратив. В контексте войны это означает, что культурная память становится инструментом удержания коллективного смысла, а мифологизация победы формой символического консенсуса. Следовательно, легитимация войны закрепляется в политическом и эмоционально-памятственном измерении.

Во-вторых, культурная память превращается в механизм воспроизводства легитимности насилия, поскольку общество хранит скорее форму, через которую оно оправдывает собственное прошлое, а не воспоминания о войне. Другое значимое следствие это медийная десенсибилизация. Массовое воспроизведение изображений насилия снижает эмоциональный порог восприятия. Война становится привычным визуальным фоном, элементом новостного потока, эстетическим жанром, виртуальным зрелищем. Постоянное присутствие войны в медиапространстве производит эффект эмоциональной усталости и апатии. Зритель сочувствует, но не действует, переживает, но не осмысливает.

В-третьих, медийная культура создает парадоксальную форму когнитивного отчуждения, чем больше мы видим войну, тем меньше способны воспринимать ее как трагедию. Обозначенная десенсибилизация приводит к еще одному последствию – нормализации войны как повседневного феномена. В сетевой культуре границы между военным и гражданским, реальным и игровым, политическим и эстетическим становятся все более проницаемыми. Война проникает в повседневность через язык (военные метафоры в деловой и спортивной риторике), технологии (геймификация конфликта, кибервойны), визуальные привычки (новостные ленты, кино, мемы). Этим объясняется то, что современный человек живет в состоянии «военного присутствия без фронта». Война перестает быть внешним событием и становится внутренней энергией культуры, формой продуктивного напряжения. В этом смысле война является продолжением культуры другими средствами (средствами образа, кода, медиа, алгоритма).

В-четвертых, современная культура воспроизводит войну как собственный ритм и структуру, превращая насилие в форму культурного самопознания. Однако в этой тотальной медиатизации и символизации войны возникает новое философское противоречие. Общество, которое бесконечно говорит о мире, оказывается все менее способным его мыслить. Эпистемологическая легитимация войны подрывает саму возможность альтернативного знания, знания о мире как о пространстве согласия. Если истина определяется через силу изображения, а справедливость через убедительность нарратива, то дискурс мира теряет когнитивную и этическую силу. Современное

общество живет именно в этой технологии, война легитимируется не потому, что она справедлива, а потому что она убедительно представлена. Вместе с тем внутри постмодернистской фрагментации все еще возможны контр-эпистемологические практики, направленные на разрушение легитимационных механизмов. Критическая философия, искусство, документалистика, этика ненасилия способны вернуть войне ее травматическую реальность, вернуть человеку способность чувствовать и понимать страдание как чужое, а не как сюжет.

В-пятых, преодоление легитимации войны возможно только через изменение эпистемологических структур, отказ от знания как власти и возвращение к знанию как этическому отношению.

Заключая, отметим, что культурные последствия эпистемологической легитимации войны проявляются в четырех ключевых тенденциях: моральной нейтрализации насилия, превращении памяти в механизм оправдания, медийной десенсибилизации, нормализации войны как формы культурной повседневности, свидетельствующих о том, что война в постмодернистском мире перестает быть событием истории и становится эпистемологическим состоянием культуры. Война укоренена в самой логике современного познания, в котором истина измеряется интенсивностью воздействия, а не глубиной понимания. Поэтому философия, если она хочет сохранить свою гуманистическую миссию, должна быть критикой власти и критикой знания, особенно знания, способного делать насилие разумным.

Список литературы

Арендт Х. 1996. Истоки тоталитаризма. Москва: ЦентрКом, 672 с.

Барт Р. 2014. Мифологии; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 3-е изд. Москва: Академический проект, 351 с.

Бауман З. 2019. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текучей современности. Санкт-Петербург: Изд–во Ивана Лимбаха, 365 с.

Бергер П. 1995. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания. Москва: Моск. филос. фонд, 322 с.

Бодрийяр Ж. 2016. Дух терроризма; Войны в заливе не было; пер. с фр. А. Качалова. Москва: РИПОЛ классик, 222 с.

Вирильо П. 2002. Информационная бомба: Стратегия обмана / Пер. с фр. И. Окуневой. Москва: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», Гнозис, 190 с.

Клаузевиц Карл фон. 1941.О войне. Москва: Воениздат, 496 с.

Латур Б. 2014. Пересборка социального: введение в актарно–сетевую теорию; пер. с англ. И. Полонской. Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 381 с.

Нора П. 1999. Между памятью и историей. В кн.: Проблематика мест памяти. Франция – память, с. 17–50.

Рикер П. 2008.Я – сам как другой; пер. с французского Скуратов Б.М. Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 419 с.

Фуко М. 2021. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы; перевод: В. Наумов. Москва: Ад Маргинем Пресс, 383 с.

Хабермас Ю. 2001. Между фактами и нормами. London: The MIT Press, 630 с.

Юнг К. 1997. Душа и миф: Шесть архетипов. Москва: ЗАО «Совершенство», 382 с.

References

Arendt H. 1996. The origins of totalitarianism. Moscow: Tsentrkom, 672 p.

Barth, R. 2014. Mythologies; translated from French, introductory article and commentary by S. Zenkin. 3rd ed. Moscow: Academic Project, 351 p.

Bauman Z. 2019. Moral blindness. Loss of sensitivity in the era of fluid modernity. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 365 p.

Berger P. 1995. The social construction of reality: A Treatise on Sociology. knowledge. Moscow: Moscow. Philos. foundation, 322 p.

Baudrillard J. 2016. The spirit of terrorism; There was no war in the Gulf; translated from French by A. Kachalov. Moscow: RIPOL classic, 222 p.
Virillo P. 2002. Information bomb: A strategy of deception / Translated from French by I. Okuneva. Moscow: Scientific Research Foundation. "Pragmatics of Culture", Gnosis, 190 p.
Carl von Clausewitz. 1941. About the war. Moscow: Voenizdat, 496 p.
Latur B. 2014. Reassembling the Social: an Introduction to actor–network theory; translated from English by I. Polonskaya. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics, 381 p.
Nora P. 1999. Between memory and history. In: The problematics of memory locations. France – Memory, pp. 17-50.
Riker P. 2008.I am myself as another; translated from the French by Skuratov B.M. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 419 p.
Foucault M. 2021. To supervise and punish: the Birth of prison; translated by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem Press, 383 p.
Habermas Y. 2001. Between facts and norms. London: The MIT Press, 630 p.
Jung, K. 1997. Soul and myth: Six archetypes. Moscow: CJSC "Perfection", 382 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.07.2025
Поступила после рецензирования 13.10.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received July 13, 2025
Revised October 13, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усова Галина Михайловна, старший преподаватель кафедры криминалистики, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Цуриков Игорь Максимович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Цурикова Лариса Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina M. Usova, Senior Lecturer of the Department of Criminalistics, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Igor M. Tsurikov, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Larisa V. Tsurikova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 781.7
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-975-980
EDN YYGLEK

Аксиология и фактурные особенности китайской народной музыки

Фэн Инхун
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
yinghongfeng@yandex.ru

Аннотация. В работе раскрываются культурно-идеологические и социокультурные контексты музыки династического Китая эпохи Цинь, Тан, Сун и др. Показано, что, во-первых, они содержали сакральные мотивы, смыслы и значения, отражающие основные догматические правила и парадигмальные принципы доминирующей конфуцианской этики; во-вторых, находя проявление в образно-интонационном строе музыки и отражаясь в его характеристиках, они формировали качественную и уникальную фактуру национального музыкального искусства. По мнению автора, именно отсюда берут начало символическая условность, отвлеченно-таинственная статика освященных многовековой традицией религиозно-гимновых образов и церемониальных жанров, которая столь характерна для модели китайской музыкальной культуры; соотнесенность музыкальных тонов с временами года и суток, отдельными цветами, определенными планетами, органами тела и др., принятая в китайской музыкальной системе; сочетание музыкальных образов с философскими мотивами мировой космогонии, в которой музыкальный архетип выступает грандиозной сакральной космической силой, царящей над миром.

Ключевые слова: Китай, народная музыка, эстетика, Шицзин, конфуцианская этика, Чжоу и Хань, императорский двор, государство, воспитание, образование, символизм, природа, человек

Для цитирования: Фэн Инхун. 2025. Аксиология и фактурные особенности китайской народной музыки. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 975–980. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-975-980 EDN: YYGLEK

Axiology and Textural Features of Chinese Folk Music

Feng Yinghong
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
yinghongfeng@yandex.ru

Abstract. The work reveals the cultural, ideological and socio-cultural contexts of the music of dynastic China of the Qin, Tang, Song, and other eras. It is shown that, firstly, they contained sacred motifs, meanings and connotations reflecting the basic dogmatic rules and paradigmatic principles of the dominant Confucian ethics; secondly, finding expression in the figurative intonation structure of music and being reflected in its characteristics, they formed a qualitative and unique texture of national musical art. According to the author, this is where we can trace the origins of the symbolic convention, the abstractly mysterious statics of religious hymn images and ceremonial genres consecrated by centuries-old tradition, which is so characteristic of the model of Chinese musical culture; the correlation of musical tones with the seasons of the year and day, individual colors, certain planets, body organs, etc., adopted in the Chinese musical system; the combination of musical images with philosophical motifs of the world cosmogony, in which the musical archetype acts as a grandiose sacred cosmic force reigning over the world.

© Фэн Инхун, 2025

Keywords: China, folk music, aesthetics, Shijing, Confucian ethics, Zhou and Han, imperial court, state, upbringing, education, symbolism, nature, man

For citation: Feng Yinghong. 2025. Axiology and Textural Features of Chinese Folk Music. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law,* 50(4): 975–980 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-975-980 EDN: YYGLEK

История китайской музыки, нашедшая отражение в широком сегменте источников (в мифах, легендах, литературных памятниках, древних манускриптах, ранних теорийных трактатах, археологических памятниках дописьменного периода и др.), свидетельствует о богатстве музыкальной культуры Китая в её жанровом и стилевом разнообразии – от народно-песенной традиции, молитвенных заклинаний с выраженными социальными элементами, до торжественных од, гимнов, сакрализующих правителя и несущих культурно-идеологическую нагрузку. При этом важнейший источник «Шицзин» («Книга песен и гимнов») подчёркивает качественную специфику музыкальной эстетической парадигмы, обуславливающей неповторимость колорита и уникальность конструктивных элементов восточной музыки. На протяжении всей эволюции китайской музыки, в том числе в современной КНР, традиционно сохраняется связь развития музыкальных институций с их курированием со стороны государства.

Анализ источников выявил устойчивый исследовательский интерес специалистов, занятых в междисциплинарных отраслях знания. Это, прежде всего, классические труды, посвященные рефлексии культурно-исторической динамики в контексте кантовского соотношения «духа» и «морали» (Г. Гегель, М. Вебер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, И. Кант, Э. Кассирер, Р. Карнап), и в контексте культурного становления личности (И.Ф. Шеллинг, В. Дильтей, Л. Ранке, Ф. Шлейермахер и др.). Этетическую парадигму и специфику музыкальной эстетики, колорит знаково-символических контекстов народно-песенного искусства Китая рассматривают Аль-Хусри, Дуин, В.Л. Живов, М.С. Осеннева, В.А. Самарин, В.Г. Соколов, ян Пэнтао. В контексте тенденции современного синтеза, симультанности в искусстве интересны работы М.А. Петрова, В. Конен. Пласт китайского народно-песенного искусства исследуют китайские (Бянь Мэн, Ван Бинжао, Ван Лисан, Ван Пейюан, Ван Чин, Ли Цзялу, Ляо Найсюн, Лин Эряо, Мао Лижуй, Сюй Бо, Цай Чжичжон, Чжао Щаошен, Чжуан-цзы Шо, Шэнь Гуэньцюнь, Юань Гохуа, Ян Бо, Ян Иньлю и др.) и российские авторы (К. Аджемов, М.И. Кириллова, С. М. Хентова, В. Шестаков, Г. Шнеерсон, О.Ф. Шульпяков и др.). Они затрагивают также аспекты развития национальных народных инструментов и их роль в современном музыкальном дискурсе. Современные концептуализации представлены работами таких специалистов, как Б.Н. Кузыка, Г.П. Орлов, Р.П. Трофимова, П.С. Селезнев, Э.В. Соколов, Ю.А. Стрельцова, Ю.В. Яковца и др., которые рассматривают феномен музыки с точки зрения алгоритмов «локальных цивилизаций», политики мягкой силы, творческих практик.

Отдельный интерес представляют исторические, литературные источники, архивные документы по музыке Древнего Китая. В этом ряду назовём «Шицзин» / «Книга песен и гимнов» по истории музыки раннего этапа Западного Чжоу (XII–X вв. до н.э.) и до конца эпохи Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.). Кроме того, в значительной мере благодаря экспедиционно-полевым исследованиям, путешествиям многих учёных в разные уголки мира складывалось кумулятивное фактологическое и теоретико-методологическое знание о музыкально-исполнительских традициях и особенностях музыкальных образов; об основных образовательных парадигмах и их преломлении в государственной культурной политике, системе музыкального обучения.

Отметим, что есть немало древнекитайских исторических источников, свидетельствующих в пользу политической и культурно-идеологической, а также финансовой поддержки развития музыки в Китае. С учетом и пониманием роли и значеня музыки для процветания государства в духе приверженности традиционным ценностям императором инициируется и создается начальная система специализированных институтов правительственных чиновников – собирателей поэтического и песенного фольклора, оригинального этнического фактурного музыкального материала, сохраняющегося в китайских провинциях. Подчеркнём, что такая ситуация сохраняется и сегодня, когда в рамках культурной политики КНР много делается в этом направлении [Синь Юйфэн, 2024, с. 4]. В нашем понимании речь идет не столько о рычагах и механизмах откровенного вмешательства, или же о тотальном контроле, ограничении свободы музыкальной сферы, сколько о заинтересованности, заботе и действенной поддержке развития национальной музыки и музыкальной образовательной системы на государственном уровне,о стремлении государства к эффективному реформированию музыкально-образовательной системы и её оптимизации в условиях исторического и современного модернизирующегося Китая. Такая «императорская линия» присутствовала в достаточно явном виде уже в ранние династические эпохи Чжоу и Хань, когда император, «сын Неба», чётко понимая роль и значение «музыкального аргумента», направлял значительные усилия на подъем культуры и искусств.

В истории Китая и развитии его музыкальной культуры особая роль принадлежит Танской и Сунской эпохам (7–13 вв. до н. э.), которые отмечены повышенным вниманием и личным участием императора в совершенствовании механизмов по развитию профессионального музыкального искусства. По свидетельствам китайских авторов Мао Лижуй и Шэнь Гуэньцюнь, «…особенно много внимания уделяется композиторской музыке» [Мао Лижуй и Шэнь Гуэньцюнь, 1985]. Древние манускрипты и иные ранние источники, отражающие историю китайской музыкальной жизни, содержат немало прямых свидетельств относительно основных направлений музыкальной эволюции. В этом ряду народно-песенное и церемониальное направление – от создания церемониально-торжественных гимнов до классической народной лирической песни. Не менее популярны были также театральная музыка, камерные произведения инструментальных жанров, хоровая музыка и другие направления. Любопытно, что, описывая блеск музыкально насыщенного и чрезвычайно пышного, роскошного императорского двора эпох Сунов, источники свидетельствуют, что «…при дворце сына неба состояло 10 оркестров большого и сложного состава с инструменталистами, певцами, жонглерами, акробатами. Среди китайских музыкантов-профессионалов Танской эпохи были замечательные народные художники, следовавшие традиции Цюй Юаня, которые воспевали человеколюбивые идеалы, красоту родной природы, стихию и чувственные душевные порывы человеческой натуры». На это обращают внимание и европейские авторы, изучающие культурные культурного развития народов мира [Салимова, Додде, 2001, с. 201].

Крайне уникальны и фактурны китайские ударные инструменты, представленные богатым и красочным арсеналом. Китайская музыка тяготеет к высоким и резким звучаниям, поэтому особое мастерство вкладывалось в создание звонких ударных. Самым древним из них является цин: каменная пластинка серповидной или овальной формы, подвешенная к раме; ударяя по пластинке молоточком, можно получить звук определённой высоты. Соединяя разные по высоте звучания цины, мастера создали бяньцин (как правило, в нём шестнадцать цинов), на котором можно играть, как на металлофоне, извлекая мелодию. Таким же образом использовали и металлические гонги: их объединяли в инструмент под названием «юньло» Эти инструменты могли как солировать, так и звучать в ансамблях, дублируя главную мелодию и придавая музыке необходимую эмоциональную напряжённость. Надо сказать, весь спектр китайского музыкального

инструментария широко использовался в древнем китайском музыкальном театре, исторически восходящем к народной традиции массовых действ и с танцевально-песенным представлениям (в первую очередь это было обусловлено задачами повседневной жизни, насущными потребностями в хорошем урожае, добывании пищи, в связи с чем развивались и были крайне востребованы в народной культуре сакральные действа и представления – жертвенные обряды, мистерии, общения с духами умерших и пр.). Эволюция такого рода театральной культуры вполне объективно привела к появлению (в границах 8–5 вв. до н. э.) придворного (царского) профессионального театра, получившего достаточно привилегированный статус, а также к созданию и укреплению театральных труп при дворе.

В данном контексте уместна экспликация театрального действа – представления, которое исследователи дают следующим образом: «Спектакль классического театра представлял собою сложное и стройное художественное целое. Все было подчинено единому ритму движения: музыка, разговор, танец, мимика, симфония красок. Музыка оставалась ближе к народным истокам, чем какой-либо другой элемент представления. Все роли – в том числе женские – в классическом театре исполнялись мужчинами. Традицией музыкального театра стало фальцетное пение. Ансамбли пелись в унисон. Оркестр сопровождал пение; струнные (хуцинь, сансянь, юйцинь) или флейты и другие духовые дублировали вокальную мелодию» [Ван Дон Мэй, 2004]. Но в любом случае очевидно, что идейные и этические установки конфуцианства, декларированные прежде всего на императорском уровне, возводили музыку в ранг не только духовного, но и практического государственного культового формообразования.

Исследователи, говоря о возможностях и «полномочиях», которыми стала обладать музыка над человеком, делают вывод о том, что, её влияние, начиная с древности, не исчерпывалось только моральными и эстетическими границами. Оно было гораздо шире, включая, с точки зрения Ван Бинжао и Юань Гохуа, «…возможности манипулирования нравами, настроением народа, управления людьми, удержания их в покорности и смирении» [Ван Бинжао и Юань Гохуа, 1994]. Мы склонны согласиться с Мао Лижуй и Шэнь Гуэньцюнь в том, что «отношение конфуцианства и государства к музыке, беспрецедентное в истории цивилизаций, можно считать одной из основных специфических черт китайской цивилизации» [Ван Дон Мэй, 2004, с. 9].

Культурно-исторический генезис национальной китайской музыки и традиционных народных инструментов отражает понимание национальной музыкальной как неотъемлемой части мировой культурно-цивилизационной динамики [Трофимова, Селезнев, 2017]. Это подтверждается и генезисом монгольской традиции (Внутренняя Монголия), в которой широко практиковалось использование древнего народного инструмента – овального бубна, происхождение которого обусловлено, как говорят специалисты, с идеологией примитивного шаманизма, в практиках которого присутствовал данный «первородный» музыкальный инструментарий, своего рода матрица более современных. Во многом это связано с концепцией репродуктивного поклонения в шаманизме. Бубен, украшенный тотемными реалистичными и вымышленными знаками и символами (птицы, звери, деревья, озёра и другими росписями), аккумулирует разноплановые шаманские сведения. Их можно рассматривать как особую форму письменного «языка заклинаний» шаманских мистерий. В этой связи связанные между собой щипковые и смычковые музыкальные инструменты возникли именно как продолжение овального бубна, отражая уже более разнообразные и широкие смысловые контексты, как правило, отражающие картину миропонимания человека.

Мировоззренческая структура шаманизма базируется на бинарной оппозиции «Гань Кун – Инь и Ян», получившими развитие в древнекитайской натурфилософии и соответствующей картине мира (темное – светлое, женское – мужское, пассивное – активное и др). Путём воспроизводства таинственного звукоряда вселенной – «Си» –

достигалось понимание цикличности жизни и природы. Такие концептуальные смысловые коннотации связанны с трактовками природных сил как непреходящего жизненного источника, объекта поклонения, почитания и др. До сих пор в современных стилизациях народного песенного китайского искусства угадывается звучание «природных стихий» (луч солнца, сила ветер, непрерывность дождь, журчание воды, шум листвы, дыхание земли, целительная мощь дерева и другие семантические лейтмотивы).

В рамках пересечения «Восток – Запад» нельзя отрицать и фактора музыкального заимствования и взаимовлияния между китайскими и европейскими музыкальными моделями. А.С. Некрасов, рассматривая возможности проявления творческого потенциала человека в условиях современной общественной жизни [Некрасов, 2020], обосновывает универсальность любого творчества по линиям их сопряжения. Осмысление музыкальной жизни Древнего Китая позволяет говорить о том, что формирование музыкального инструментария, фактурной специфики китайской музыки, по словам Ван Дон Мэйя, «…является результатом обогащения китайской музыкальной культуры вследствие миграции и «китаизации» музыкальных инструментов Центральной и Передней Азии» [Ван Дон Мэй, 2004, с. 4]. Разделяя данное наблюдение, мы сошлёмся на исторические факты, которые описывают тенденцию массового возвращения китайских музыкантов в страну в русле движения «За новую культуру» (1910–1920). Получив зарубежное образование, многие из них «…начали играть европейскую классическую музыку» [Салимова, Додде, 2001, с. 201]. Во многих крупных китайских городах симфоническое оркестровое направление представляет собой смесь европейской классической музыки и джаза, крайне популярного в концертных залах и столь же востребованного публикой [Упоров, 2017]. При этом в музыкально-образовательной системе современного Китая отмечается тенденция автономизации исполнительского искусства и вокальной педагогики, областей, занимающих лидирующее место в музыкальной жизни.

Таким образом, наблюдается приверженность китайского государства культурной стратегии, в которой на фоне современных процессов музыкальной интеграции приоритетная роль отводится развитию национальной музыки, матрицей которой по-прежнему выступает народное музыкальное искусство, фактурное и самобытное.

Список литературы

Ван Бинжао и Юань Гохуа. Общая история педагогической мысли в Китае. В 8-ми т. Чанша. Педагогическое издательство провинции Хунань, 1994 г. (на кит. яз.).

Ван Дон Мэй Великий шелковый путь в истории китайской музыкальной культуры. Автореферат дис. к. искусств. Санкт-Петербург. 2004.

Конен В. Дж. Театр и симфония. Роль оперы в формировании классической симфонии. – 2-е изд. – Москва: Музыка, 1975. – 376 с.

Мао Лижуй и Шэнь Гуэньцюнь. Общая история образования в Китае. В 6-ти томах. – Цзинань. Педагогическое издательство провинции Шаньдун. – 1985–1989 гг. (на кит. яз.) и др.

Некрасов А.С. Философский анализ творческого потенциала в человеческом и социальном измерении. автореферат ... доктора философских наук : 09.00.13. / Некрасов Андрей Сергеевич. – Москва. – 2020. – 40 с.

Салимова К., Додде Н. Педагогика народов мира: История и современность К. Салимова, Н. Додде. – Москва: Педагогическое общество России. – 2001. – 576 с.

Синь Юйфэн. Диалектика традиции и модернизации в культуре современного Китая. Автореф. Дис. кандидата культурологических наук. 5.10.1. / Синь Юйфэн – Краснодар. – 2025. – 26 с.

Синь Юйфэн. Национальная одежда в системе традиционной культуры народности шэ: история развития / Юйфэн Синь // Культурная жизнь Юга России. – 2024. – № 1. – С. 152–160.

Трофимова Р.П., Селезнев П.С. Культурная политика как алгоритм «локальных цивилизаций» // Философские науки. – 2017. – № 10. – С. 111-120.

Упоров М.С. Оценка окупаемости дистанционного музыкального конкурса // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. 2017. – С. 376–380.

References

Wang Bingzhao and Yuan Guohua. The general history of pedagogical thought in China. In: 8th T. Changsha. Pedagogical Publishing House of Hunan Province, 1994 (in Chinese).

Wang Dong Mei The Great Silk Road in the History of Chinese Musical culture. Abstract of the dissertation of the Candidate of Fine Arts. St. Petersburg. 2004.

Konen V. J. Theater and symphony. The role of opera in the formation of classical symphony. – 2nd ed. – Moscow: Music, 1975. – 376 p.

Mao Ligui and Shen Guenqun. The general history of education in China. In: 6 volumes. – Jinan. Pedagogical Publishing House of Shandong province. –1985-1989. (in Chinese) and others.

Nekrasov A.S. Philosophical analysis of creative potential in the human and social dimension. The abstract ... Doctor of Philosophy : 09.00.13. / Nekrasov Andrey Sergeevich. – Moscow. – 2020. – 40 p.

Salimova K., Dodde N. Pedagogy of the peoples of the world: History and modernity K. Salimova, N. Dodde. – Moscow: Pedagogical Society of Russia. – 2001. – 576 p

Xin Yufeng. The dialectic of tradition and modernization in the culture of modern China. Abstract of the dissertation of the Candidate of Cultural Sciences. 5.10.1. / Xin Yufeng – Krasnodar. – 2025. – 26 p.

Xin Yufeng. National clothing in the system of traditional culture of the She people: a history of development / Yufeng Xin // Cultural life of the South of Russia. – 2024. – No. 1. – pp. 152-160.

Trofimova R.P., Seleznev P.S. Cultural policy as an algorithm of "local civilizations" // Philosophical Sciences. – 2017. – No. 10. pp. 111-120.

Uporov M.S. Assessment of the payback of a remote music competition. // Economics, Management and Law: innovative problem solving. 2017. – pp. 376-380.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 08.06.2025
Поступила после рецензирования 08.09.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received June 08, 2025
Revised September 08, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фэн Инхун, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Feng Yinghong, Postgraduate Student at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ
ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

УДК 101; 130.2; 304.2
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-981-1000
EDN YZNPAV

Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2017 год

Римский В.П.
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, д. 7.
rimskiy@bsuedu.ru

Аннотация. Статья продолжает публикацию архивной переписки автора с философом Николаем Петровичем Рагозиным (19.12.1953 – 24.10.2020), которая велась на протяжении пяти лет, с 2016 по 2020 год, и сохранилась в личном архиве. В данной части переписки (2017 г.) много внимания уделено специфике духовного производства в той трактовке, которая имеется в марксистской традиции отечественной философии. Также продолжено рассмотрение специфики философского дискурса – особого языка, диалога как в образно-понятийной (литературно-философской) форме, так и в простой речи, нерефлексивном разговоре. В диалоге уделено внимание Русской революции 1917 года, столетие которой отмечалось в 2017 году.

Ключевые слова: предметность философии, история философии, литература, философия, литературно-философский дискурс, духовное производство

Для цитирования: Римский В.П. 2025. Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2017 год. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 981–1000. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-981-1000 EDN: YZNPAV

Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The year 2017

Viktor P. Rimskiy
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St., Belgorod 308033, Russian Federation
rimskiy@bsuedu.ru

Abstract. The article continues the publication of the author's archival correspondence with philosopher Nikolai Petrovich Ragozin (12/19/1953 – 10/24/2020), which was conducted for five years, from 2016 to 2020, and has been preserved in his personal archive. In this part of the correspondence (2017), much attention is paid to the specifics of spiritual production as interpreted in the Marxist tradition of Russian philosophy. The article also continues discussing the specifics of philosophical discourse – a special language, dialogue in both figurative and conceptual (literary and philosophical) form, as well as in simple speech and non-reflexive conversation. The dialogue focused on the 1917 Russian Revolution, which was celebrated in 2017.

Keywords: the subject of philosophy, the history of philosophy, literature, philosophy, literary and philosophical discourse, spiritual production

For citation: Rimsky V.P. 2025. Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The year 2017. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 981–1000 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-981-1000 EDN: YZNPAV

© Римский В.П., 2025

Введение

Талантливый французский писатель Луи-Фердинанд Селин, правый анархист и критик левого экзистенциализма, утверждал, что его новация в литературе состояла в том, что он ввёл в художественную словесность «эмоциональную насыщенность простой речи», «обычного разговора» [1]. Однако это была именно анархистская самонадеянность – всё новое всегда оказывается хорошо забытым старым… Тем не менее незатейливость «простой речи» всегда интереснее, образнее и глубже в своих смыслах, чем любая «профессиональная литературность» или «рациональная философичность», выработанная в традициях литературы и философии как способов духовного производства, форм культуры, а уж тем более современной «креативной индустрии».

Диалог («разговор» в переводе с греческого) всегда использовался в литературе и философии как *приём*, то есть носил и носит все признаки *искусственности* (или искусства), и лишь талантливому писателю (иногда и философу) удаётся передать всю живость и безыскусственность устной речи двух (и более) людей. И то, что М.М. Бахтин высветил диалогичность и даже полифоничность в литературных текстах Ф.М. Достоевского, нисколько не опровергает тот факт, что у великого русского писателя речь многочисленных персонажей носит всё же искусственный характер и вряд ли во всём аналогична эмоциональности живой человеческой речи повседневности той эпохи. Поэтому в чём-то был прав Л.-Ф. Селин в своей имитации разговорной речи, вплоть до воспроизведения жаргона и ненормативной лексики. Кстати, некоторые современные прозаики, особенно молодые, ему в этом вовсю подражают, что не делает им чести ни в подражании, ни в использовании «матюков». Именно русские (и советские) классики редко употребляли ненормативную лексику в передаче «живой речи» своих персонажей, заменяя её иногда эвфемизмами (но в обыденной жизни, например, Л.Н. Толстой или А.М. Горький, бывали и «мастерами» мата). В литературных письменных текстах не просто срабатывала самоцензура, но присутствовала и простая человеческая тактичность, и православный запрет на магию языческой скверны. В устном и письменном диалоге, литературном или философском, важнее эмоциональная интимность разговорной, обыденной речи, её сокровенность, а не откровенность.

Надеюсь, что именно откровенность смыслов размышлений сохранилась в нашей переписке [2], в которой можно, разумеется, видеть и определённую искусственность, и тактичность, хотя мы её вели, не думая о возможной публикации, – сокровенность, откровенность и интимность наших электронных писем предназначались друг для друга (самые мало значимые для смыслов интимные места мною удалены).

1 января 2017 г.

В.П. Римский: Николай, спасибо! И тебя с семейством поздравляю с наступившим Новым годом! Счастья и мира, здоровья и благополучия! Пусть в 2017 году произойдут вновь революционные события, изменяющие мир в победном направлении нашей цивилизации. Год прошедший был трудным, хотя для меня и результативным. Много сделал, но устал страшно. <…> На прошлой неделе поехал в Москву, повидаться с севастопольской сестрой и зятем, которых не видел три года. Выезжая, почувствовал, что заболеваю… <…> и сестра меня, младшего брата, в Москве лечила с удовольствием, как когда-то в детстве. <…> Но в Москву не люблю ездить, хотя в планах есть там издаваться (одну книгу зарядил, в работе там). <…> Надеюсь, что в 17 году наше сотрудничество продолжится, желаю нам встретиться с какой-либо целесообразной оказией в Белгороде,

[1] Селин Л.-Ф. Интервью с профессором Y. / Луи-Фердинанд Селин. Пер. с фр. Маруси Климовой и Вячеслава Кондратовича. – Москва : Опустошитель, 2020. – 160 с.

[2] Первую часть см.: Римский В.П. 2025. Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2016 год. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 50(3): 662–678. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-662-678. EDN: XSJXCS

Донецке либо Ростове. Накануне звонил многим, особенно одиноким: Муленко, Дегтярёву, Шенкао – все они по семейной жизни одни, но держатся стоически. Передавали всем, с кем буду на связи, приветы. Кстати, в наступившем году будет 45 лет, как мы поступили в универ. Может замутим встречу? <…> Скажи своё мнение. Обнимаю и по православному троекратно целую. Твой В.Р.

5 января 2017 г.

Н.П. Рагозин: С наступающим Рождеством Христовым!

Дорогой Витя, желаю хорошо встретить этот замечательный праздник. Береги себя и своих близких. Пусть новый год станет для тебя столь же плодотворным, как и предыдущий.

До начала войны у нас с женой образовалась традиция в рождественские праздники ездить в Святогорский монастырь (это под Славянском), где в эти дни бывала какая-то удивительная атмосфера умиротворения и тишины [*]. Хочется дождаться того времени, когда нам снова будет туда открыта дорога.

Думаю, что наступивший год будет богат интересными событиями, поскольку он отмечен несколькими знаменательными датами, которые не пройдут незаметно. Одна из таких дат – 150-летие со дня выхода в свет «Капитала» К. Маркса. Я хочу провести в Донецке конференцию, посвященную этому событию [1]. На мой взгляд, и спустя полтора столетия «Капитал» высится как Джомолунгма над ландшафтом философской и социально-экономической мысли. Я сейчас работаю над программой конференции. Когда будет готов черновик пришлю его тебе на предмет замечаний и предложений.

Что касается встречи по поводу 45-летия поступления в университет, то идея интересная. Любопытно посмотреть на то, что с нами сделало время, и что мы сделали со временем [*]. Место встречи, естественно, Ростов, а время – середина сентября. Так мне видится приемлемая локализация этого мероприятия. Будешь обсуждать эту затею с однокашниками, передавай им привет от меня. Еще раз с наступающим тебя праздником! Крепко обнимаю. Твой Н.Р.

7 января 2017 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай, огромное спасибо! И вас с женой поздравляю с Рождеством Христовым! Желаю душевного и семейного спокойствия! А так как политическое спокойствие вряд ли ожидаемо, то пусть всё в этом году завершится его установлением и умиротворением. Мы с Ольгой, когда ещё ездили по вашей земле, всё время хотели свернуть в Святогорский монастырь, – пусть это наше желание сбудется в ближайшее время вместе с вами. Конференция по «Капиталу» – это классная идея! Я постараюсь при любых условиях приехать и привезу Гришу Перетятькина и кого-нибудь ещё из ростовчан [*]. А на какой месяц планируешь? <…> Крепко обнимаю и троекратно лобызаю, твой В.Р.

---

[*] Ничего удивительного нет в том, что супруги, исповедующие в интеллектуальной жизни творческий марксизм «ильенковского типа», в частной повседневности тянутся душой и сердцем к исконному православию.

[1] Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2018 года / Отв. редактор к. Рагозина Т.Э. Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2018. 290 с. Также см. фоторепортаж конференции: https://donntu.ru/gallery/iv-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-marksizm-i-sovremennost-alternativy.

[*] Из встречи я вынес мнение: люди со временем почти не меняются. Виктор Макаров (Штирлиц, как мы его звали на курсе), например, после встречи в кафе также таинственно и незаметно исчез, как и его прототип в рассказе «Штирлиц на малине» (см.: Римский В.П. Дни печали и скорби: Повести, рассказы, эссе. М.: Летний сад, 2017).

[*] Увы, это не случилось. Нельзя откладывать возможное, ибо мы часто уходим из жизни столь неожиданно, как Н.П. Рагозин, а через год после него – и Г.Ф. Перетятькин.

23 февраля 2017 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Поздравляю с праздником. Вы в Донбассе – настоящие защитники России. Желаю здоровья, политических и творческих успехов. В воскресенье еду в Ростов (оппонентом на защиту докторской). Народ настроен на встречу в конце июня или начале июля, так как сентябрь проблематичен – начало учебного года. Шлю свою книгу, что уже в печати (не помню, высылал или нет) [1]. Крепко обнимаю – В.Р.

24 Февраль 2017 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Спасибо за поздравления с праздником. Мы каждый день чувствуем, что такое защита Отечества. Дня не проходит без украинских обстрелов. И сейчас, когда я тебе пишу, за окном гремели несколько очень сильных (а значит и близких) взрывов [*]. По всему видно быть войне. Украинские войска просто так отсюда не уйдут. И я предполагаю, что будут они уходить как фашистские войска в Отечественную – уже сейчас есть информация о минировании заводов, прицельно бьют по жизненной инфраструктуре: у нас остановилась Донецкая фильтровальная станция, бьют по электроподстанциям, газопроводам, жилому сектору и т.п.

Мы уже как-то притерпелись к этому и стараемся продолжать работать и жить, хотя не строим планов на длительную перспективу. С учетом этого, встреча в июне-июле находится в горизонте планирования. Если Бог даст, то свидимся в Ростове.

Витя, большое спасибо за присланную книгу. Я с интересом прочту ее и сделаю рецензию для нашего журнала. <…> В свою очередь в прикрепленном файле я посылаю тебе информационное письмо о международной конференции, которую мы проводим 21 апреля в Донецке. <…>

Удачной тебе поездке в Ростов. Передавай ростовчанам привет. Крепко обнимаю.

Твой Николай Рагозин.

25 Февраля 2017 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Я постоянно слежу за новостями Донбасса, очень переживаю. Сейчас собираюсь в дорогу – съезжу и напишу подробно. Книга в Москве вышла – сегодня сообщил директор, надо забирать нашу часть тиража. В конференции обязательно поучаствуем (у нас областной грант «Фальсификация истории»). Жаль, что в марте. Как как я чувствую, к осени Донетчина будет освобождена вами полностью. Они, с…и, тепло ждут... Привет супруге. Обнимаю и желаю вам всем выдержки и надежды, твой В.Р. <…>

Ещё через полчаса: Николай Петрович, по этой ссылке мой коллега и младший товарищ Андрей Майданский (наш, ростовчанин) выкладывает новые книги в электронном формате <…> Думаю, что вам там без русских новых книг вообще трудно, а здесь всё систематизировано… У Андрея есть собственный сайт, где выложены книги, особенно по Ильенкову. Андрей известен за рубежом как исследователь марксизма (для тебя это важно), Ильенкова и Спинозы.

14 марта 2017 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый день! Я выпал из переписки, извини. В воскресенье утром, 26 февраля поехал в Ростов, а по дороге начал заболевать, пока без температуры – просто ломало, насморк, кашель. Во вторник встретился с Ваней Плужниковым, он меня отвёз на автовокзал за обратным билетом, потом забрали Штирлица, посидели у Вани. <…> А в среду выступал на защите уже с большой

[1] Речь идёт о монографии: Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала / [В.П. Римский и др.]; под ред. В.П. Римского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.

[*] Скоро это повторилось и до сих пор повторяется в Белгороде.

температурой, за 38 гр. Вернулся в пятницу утром в Белгород и уже «добирал» дома. Наверное, от усталости организм принимает в себя всё, лишь бы я не работал «через не могу». <…> А может возраст? <…> В Ростове мы прикинули, что лучше собраться с 30 июня (пятница) по 2 июля (воскресенье) <…> Если сможете, то приезжайте. Я и сам боюсь что-либо загадывать. Давно живу здесь-и-сейчас. Но кой-какие вещи всё же надо продумывать. В Ростове сбросил на флешку большое интервью в аудио-формате Юрия Романовича Тищенко Громову (был у них на факультете такой парень, рано ушёл из жизни) – часов на пять. Мы с Гришей начали слушать, но дома ещё не настроил колонки в компе, чтобы дослушать. Оно интересно как в плане личной судьбы Ю.Р., так и для «истории ростовской философии». <…> Как вы там? Я желаю вам стоического бытия и душевного равновесия. Крепко обнимаю. В.Р.

14 марта 2017 г.

Н.П. Рагозин: Здравствуй, Виктор Павлович! Статьи подождем. А о здоровье нужно позаботиться. Постарайся летом отдохнуть, покажись врачам. С простудными и гриппозными заболеваниями сейчас лучше не шутить. <…> Возраст берет свое. От этого никуда не денешься. А работы меньше не становится. Сроки встречи принимаются. Постараюсь быть. Крепко обнимаю. Поклон твоей супруге. Твой Н. Рагозин.

23 апреля 2017 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович, добрый день! Во-первых, хоть и с опозданием поздравляю Вас с Пасхой – Христос Воскресе! Счастья Вам и здоровья, мира и спокойствия в этом году!

Во-вторых, огромное спасибо вам за публикации! Они в тему, т.к. многие аспиранты выходят на защиты, а им нужны апробации и публикации дополнительные, свежие.

В-третьих, извини, что я опять «пропал». И на Пасху даже не ожил: я помню Пасху с трёх лет (рассказ «Свеча»; бабушку хоронили в понедельник 14 апреля 58 года, сразу после Пасхи, лил дождь), но такой холодной ещё в моей жизни не было. Такое впечатление, будто всё застыло в каком-то послезимнем, мартовском дежавю: в центре начали цвести абрикосы, а потом снега навалило, ударил мороз, и абрикосовый цвет весь погорел. Правда, в нашем саду абрикосы впервые собрались цвести и не успели, мороз их миновал – может и выживут. Вот, наверное, потому я никак и не выкарабкаюсь из зимней депрессии, ничего не делаю, лишь читаю, да пешком стал ходить больше. А у вас, наверное, это дежавю погодно-депрессивное ещё усиливается политическим ступором... <…>

Завтра в БГИИК принимаем Петра Боянича, доктора философии из Белградского университета: занимается, как и мы, темами насилия и террора, мира и войны, преступлений и пр., но, кажется, больше в постмодернистском духе (пытается даже пристегнуть православие). А потом повезём его во вторник в Прохоровку, на место сражений. Сергей Борисов, мой ученик, а теперь первый проректор, родом оттуда; батюшка в прохоровском храме Петра и Павла – наш аспирант. <…>

Вы мне с женой шлите в оба наши журнала статьи – даже очень прошу!!! НИК мы готовим в список ВАК по культурологии и философии, потому хочу сделать майский выпуск усиленным, и ваши статьи в этом помогут [1]. И в Ведомости давайте для защиты [2]. <…> Виталий Даренский, из Луганска (знакомы?), текст докторской диссертации подготовил, и у него почти все статьи в наших журналах, он только ждёт монографию и потом будет у нас в Белгороде защищаться. <…>

[1] См.: Рагозин Н.П. Рождение идеи университета в немецкой классической философии. Часть I. // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3(15). С. 66-74; Рагозина Т.Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3 (15). С. 12-21.

[2] См.: Рагозин Н.П. Обоснование идеи университета в немецкой классической философии. Часть 2. // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2018. Том 43, № 2. С. 215-220.

Я так рад, что списался с тобой. И это, думаю, не старость, а мудрость, когда жизнь отсеивает всё лишнее (и лишних), а лучшее всплывает в твоей жизни из далека и глубины прошлого (или будущего?). Ну, вот, это уже <…> чистой воды философская лирика. Пиши, я очень рад твоим письмам.

Крепко обнимаю, твой В.Р.

23 апреля 2017 г.

Н.П. Рагозин: Добрый день, Виктор Павлович! Спасибо за поздравления и добрые пожелания по случаю Пасхи! Естественно, что всего доброго с этим светлым праздником желаю вашему дому.

Прошедшие две недели пролетели как один день. Помимо научной конференции и Коллегии Министерства образования и науки, на эти недели пришлась подготовка организационного собрания учебно-методического объединения преподавателей социогуманитарных дисциплин вузов ДНР. Я пробил его создание и теперь назначен министерством руководителем УМО. Дело хлопотное, но нужное, поскольку нас выпускающие кафедры «затирают», оставляя время на наши дисциплины по «остаточному принципу» и сам перечень дисциплин в ГОСах делая идиотским. Мы за 23 года на Украине уже вполне хлебнули последствий отсутствия формирования научного мировоззрения у молодежи, но для выпускающих кафедр это не послужило уроком.

В ноябре прошлого года я делал доклад на Коллегии МОН о состоянии преподавания социо-гуманитарных дисциплин в наших вузах и тогда же убедил Коллегию в необходимости создания такого УМО. Попытаюсь выжать из этого начинания нечто полезное для противодействия технократической профессионализации высшего образования. От просвещенческого «новояза» («рынок труда», «компетенции», «образовательные услуги» и т.п.) несет лакейским духом «чего изволите-с?». Университет уже не служит местом формирования самостоятельно мыслящей и ответственной личности, а превратился в профессиональную бурсу, где из человека делают товар, пользующийся спросом на рынке труда. Но даже в рамках такой убогой постановки вопроса никто всерьез не стремится разобраться в том, а что в самом деле нужно этому рынку, не говоря уже об обществе и человеке. Развелось столько пустых бумаг, мнимых «специалистов», которые на деле являются в лучшем случае полузнайками, и т.д. Не буду далее развивать эту тему. Она вам хорошо знакома.

Когда тебя накрывает мутной волной «образованщины», единственным убежищем остается научное исследование, на которое стараешься сохранить время и силы. По мере того и другого будем двигаться и готовить публикации.

С Даренским я не знаком, но некоторые его публикации читал. Какого-то общего представления о его работах пока составить не могу. Что он собирается у вас защищать?

Мы с Таней тоже работаем над диссертационными исследованиями. Когда будем защищать, еще не знаем, но идеи о том, что это должно произойти непременно в Ростове у нас нет. Пока набираем российские публикации. Будет что-то готовое – обязательно пришлем для ваших журналов. Спасибо за приглашение. В свою очередь ждем ваши публикации для нашего журнала.

Ну, буду заканчивать. Успехов вам с супругой в обустройстве сада и огорода. Холода скоро закончатся, и мать-природа возьмет свое и еще порадует вас.

Крепко обнимаю. Николай Рагозин.

7 мая 2017 г.

В.П. Римский: Дорогие Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна! Сердечно поздравляем (я и жена) вас с Днём Победы! Увы, вам, всем жителям Донбасса, довелось хлебнуть новой войны, поэтому для вас этот день приобретает ещё многие-многие смыслы, даже отличные от наших, экзистенциально более глубокие, трагичные. Поэтому

желаем крепости духа и тела, скорейшего окончания смуты и войны, творческой энергии, которой вам не занимать, всякого повседневного блага. <…>

Провёл в конце апреля защиты кандидатских и круглый стол с Петаром Бояничем, доктором философии из Сербии. Он занимается проблематикой, близкой нам: война, насилие, террор... Приглашает в сентябре к себе в Белград на конференцию и предлагает продумать возможность проведения «настоящей» международной конференции в Белгороде (с приглашением действительных специалистов и интересантов из дальних и ближних «зарубежьев» и крупных российских игроков). Если ничего с вузом не случится, то мы, разумеется, всё сделаем (будем пытаться и грант получить). Вообще я надеюсь всё с вами в Ростове обсудить в конце июня – начале июля *.

Теперь о современном образовании: в России такой же маразм процветает… Думаю, он близок «украинскому», поэтому особо не обольщайтесь российскими перспективами – боритесь у себя, здесь и сейчас (я ведь считаю, что вы уже ни при каком раскладе обратно не вернётесь – возможен лишь имитиационный вариант «конфедеративного переучреждения государства» с последующим приходом в Россию). <…> У нас в вузе ещё всё нормально и терпимо, так как Ирина Борисовна, наш ректор, сама прошла все стадии от лаборанта через профессора и зав. кафедрой – к ректору; потом взяла всех нас из университета – вот мы пока и держим оборону… Кстати, давайте, может, проведём для вашего журнала (и нашего параллельно?) дискуссию о современном образовании? О практиках насилия и сопротивления бюрократизации высшего образования?

Летом надеюсь дописать многое из начатого, тогда обязательно пришлю новое в ваш журнал. Николая крепко обнимаю, а Татьяне Эдуардовне шлю низкий поклон.

Ваш Виктор Р.

8 мая 2017 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! С праздником Победы! Желаю встретить его в кругу семьи и светлых воспоминаний о наших славных предках. Война не отпускает Россию. Хлебнули этого горя сполна наши дедушки и бабушки, досталось родителям, теперь подошел и наш черед. Так мы это воспринимаем в Донбассе. Ломают Россию. Слишком лакомый она кусок для гиен.

Но главное, чтобы мы сами не сломались. А опыт Донбасса показывает, что, к сожалению, есть достаточно многочисленная публика, которая продала душу дьяволу. И это олигархи, и их обслуга, те, кто встроился в систему «купи-продай». И тут не важно, что они продают, важно стремление извлечь прибыль, обогатиться. Националисты, экстремисты, террористы – это просто шушера, расходный материал, инструмент глобального капитала, который переформатирует под себя весь мир. Беда в том, что в мире пока не сформировалась глобальная сила, альтернативная капиталу.

Нужна такая альтернатива во всех сферах общества, в том числе и в образовании. То, что в России (как и на Украине) выстроили систему образования в интересах капитала, для меня не тайна. И никаких иллюзий на этот счет у меня нет. У нас в ДНР сейчас тоже копируют российскую систему. Но, учитывая наше сложное положение, московские кураторы образования в некоторых вопросах идут нам на встречу. Я хочу воспользоваться хотя бы этой скромной возможностью для того, чтобы мы не повторяли всех глупостей, которые системе образования навязали либеральные реформаторы.

Идея устроить журнальное обсуждение проблем образования неплохая. Но хотелось бы, чтобы из обсуждения родились предложения к действию. Самих по себе обсуждений уже было немало, а «Васька слушает да ест» ... В общем, это дело надо хорошо обмозговать и подготовить. При встрече, надеюсь, продолжим эту тему.

Еще раз с Праздником! Низкий поклон Ольге Николаевне. Крепко обнимаю, Н. Рагозин.

* Конференцию мы провели в следующем 2018 году.

12 июня 2017 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Извини, что долго не писал. В мае засел за прозу и подготовил книгу к печати (шлю макет): помимо старого, которое во многом отредактировал, прописал и переписал, включил и много нового 1. Например, из написанного когда-то цикла рассказов получилась повесть «Богатяновка. 70-е». Сидел недели три, сбил сон (вставал в три утра и писал), устал. Правда, где и за какие деньги печатать – не знаю. Потом, в прошедшем мае, провёл в Прохоровке конференцию по своему гранту «Православная инициатива» (нежданно выиграл), а на следующий день отправился на конференцию в Калугу, где ко мне прицепился клещ, когда водружали крест на храм в некогда закрытом и запущенном монастыре, а я стоял под берёзой; приехал оттуда вечером в свой день рождения (его как бы провёл в дороге), два дня писал доклад в Москву и уехал туда на конференцию в Высшую школу экономики. Приехал и редактировал докторские, что поступили в наш совет. <…> И ещё занимался больше месяца обустройством участка. Вот, вроде бы и оправдался...

Созванивался с Ваней Плужниковым: все считают целесообразным встречу провести 1 июля; встречаемся у главного корпуса, кажется, в 12.00; потом в бывшем кафе «Радуга» посидим. Я Ване напомнил, как мы как-то там пили портвейн всей группой, пока Толик Бондаренко бегал и проставлял у Гуськова всем нам зачёт по биологии. Потом мы там собирались во время философского конгресса 2002 года. Как ты смотришь на этот срок? Поддерживаешь ли ты контакт с Юрием Романовичем? Я считаю необходимым пригласить его, Драча, Ерыгина и Тамару Петровну [Матяш] – а больше никого и нет... Правда, у Матяш семейное горе, тяжело болеет взрослая внучка (мы распространяли листовку о помощи и слали деньги на счёт). Я очень хочу всех, кто придёт, увидеть: сколько нас и наших дней осталось до «дня печали и скорби»? Крепко обнимаю, твой В.Р.

13 июня 2017 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! С прошедшим тебя праздником – Днем России. Насыщенный у тебя график работы. Я это хорошо понимаю и потому за паузу в переписке оправдываться не нужно. У самого, как говорится, забот полон рот. <…>

С Юрием Романовичем я, бывая в Ростове, встречаюсь. Встречался также с Г.В. Драчом (он, кстати, член редколлегии нашего журнала «Культура и цивилизация»). Ерыгина давно не видел, но его телефоны у меня есть. Нет контактов с Тамарой Петровной. Но знаю, что она по неизвестной мне причине плохо относится к Юрию Романовичу. Поэтому не уверен, что свести их в одной кампании – это хорошая идея. <…>

Витя, будешь писать ребятам (а кто выразил готовность встретиться 1-го июля?), передавай привет. <…>

Крепко обнимаю. Береги себя. Рукопись книги прочту и напишу о своих впечатлениях. Кланяюсь твоей супруге. Твой Н.Р.

24 июня 2017 г.

Н.П. Рагозин: Добрый день, Виктор Павлович! К сожалению, 1-го я не смогу приехать. Мои обстоятельства за последнее время изменились. <…> Но будем надеяться, что еще свидимся. Передавай все ребятам большой привет. <…> Какие у тебя планы на лето? Еще не могу сказать, наверное, но мы с женой подумываем немножко поколесить по России на своей машине. Привет супруге. Успешного Вам окончания учебного года. И постарайтесь отдохнуть. Твой Н.П.

В.П. Римский: Николай Петрович, ещё раз привет! Я сегодняшний день посвятил переписке и вновь вернулся в почту. Жаль, что ты не сможешь приехать – многие хотели именно тебя повидать. <…> Ещё раз обнимаю. В.Р.

[1] См.: Римский В.П. Дни печали и скорби: Повести, рассказы, эссе. М.: Летний сад, 2017. 512 с.

12 июля 2017 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! С большим интересом прочел сборник твоих повестей и эссе «Дни печали и скорби». Давно не читал художественной прозы и сильно, как оказалось, соскучился. Тем более приятно было читать хорошую ясную прозу, написанную живым языком. Прозу, наполненную исповедальной тональностью, подернутую дымкой ностальгии и грусти. Многие персонажи «ростовского круга» узнаваемы, хотя я видел их несколько с другой стороны. Но, впрочем, кто знает, сколько в нашей жизни сторон и как их все охватить.

Особенно тронула история твоей семьи. Подумалось сколько у нас таких трудных, запутанных семейных историй, со своими взлетами, падениями, трагедиями. А ведь в них преломилась столь же извилистая и трагическая история нашего отечества, в котором каждому поколению достается и война, и революция, и нищета. Такую историю не загонишь в теоретические схемы, и слабо верится в теоретическую конструкцию хэппи энда.

Отдельно надо говорить о теоретических эссе. Но об этом лучше действительно говорить, а не писать. Здесь есть, что обсудить и о чем поспорить. Ну будем надеяться, что такая возможность нам представится.

Как прошла встреча однокашников? Черкни пару строк, и если есть фото, то пришли, пожалуйста.

Всего самого доброго тебе и твоей супруге. Твой Николай Рагозин.

14 июля 2017 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Спасибо за тёплый отзыв о моей прозе. А то я всё сокрушаюсь, что занимаюсь самовыражением и постоянно мучаюсь вопросом: а кому оно нужно? Я слал макет с иллюстрациями или без? Девочка сделала оформление книги выпускной дипломной работой бакалавриата факультета дизайна (на всякий случай шлю уже макет с оформлением по другой своей почте – получилось неплохо). Когда текст написан, всегда возникает вопрос издания. Сейчас думаю об этом, в Белгороде издавать не хочу. Философскую книгу «Дискурсивность Петрова» в Москве мы издавали путём софинансирования от института культуры [*]. И ещё я подумал вот что: моя тематика ближе ростовским и донецким краям. Не заинтересует ли это, например, ваши издательства (разумеется, путём софинансирования)? Может, тогда она найдёт более целевого читателя?

В Ростове я пробыл с 30 июня по 4 июля; вернулся домой и 6-го смотался в Тулу подписать бумаги по ГАК аспирантов, вернулся и сгоряча начал заниматься кое-какими делами, но теперь впал в ступор – и начался отпускной отходняк... Благо идут дожди, похолодало. Перестал вдохновляться от жары.

Что касается Ростова. Было вроде бы мало ребят: Оля Кирсанова и Ира Николашвили, Штирлиц и Ваня Плужников, Муленко Володя и Вадик Беженцев. Был Сергей Семененко, удивительная у него судьба получилась со службой в ГРУ. Ну и Вадик Коротков… <…> Посиделки получились приличными и одновременно «бюджетными» – Ваня Плужников постарался. День и вечер были жаркими, посидели тепло <…> – всё в письме и не опишешь. Главное могу сказать: люди не меняются внутренне! Мы все остались теми же! Может, пить только стали меньше...

Все дни до моего отъезда случилась страшная ростовская жара, и я все дни просидел у Гриши Перетятькина во дворе под дубом, в понедельник 3-го туда к нам и Г.В. Драч приезжал попить красного вина (он только его и пьёт). В родовую станицу и Шахты я так и не поехал по такой жаре – уже не тот запал и здоровье; отложил до осени или весны. <…>

Хорошо бы встретиться и поговорить. Если вы будете каким-то окольным путём в центральной России или Москве – дайте знать. Может что и получится со встречей? <…> Передавай привет супруге, Татьяне Эдуардовне. Я вам желаю летом отдохнуть. Крепко обнимаю, твой В.Р.

[*] Монография несколько лет продавалась на «маркетплейсах», но потом разошлась вся.

15 июля 2017 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Буду отвечать по порядку. Макет я получил с иллюстрациями. Кстати, они мне понравились. Мне даже показалось, что рисовал их человек, бывавший в Ростове. Так что девочке-дизайнеру мой респект. Что касается издания книги в Донецке, то с этим ничего сейчас не получится по следующим причинам. Во-первых, сейчас не осталось ни одного крупного солидного издательства. Есть пара-тройка минитипографий, которые годятся, чтобы напечатать за наличку какую-нибудь малотиражную брошюру без выходных данных. Во-вторых, у нас еще с украинских времен стала разваливаться сеть книжных магазинов, на смену которым пришел книжный базар, где частники торговали главным образом учебной и справочной литературой. Сейчас книжных магазинов стало еще меньше, а базар беднее, поскольку книги труднее привозить и платежеспособный спрос упал. Одним словом, и с издателем, и с читателем дела у нас обстоят неважно. Думаю, что таковой скорее всего может водиться в Ростове, если издание книги там сопроводить авторской пресс-конференцией с приглашением коллег и студентов РГУ.

Жалею, что не смог побывать на встрече. Но в самом деле никак не мог уехать из Донецка: 30-го был Ученый совет ДонНТУ, где меня избрали еще на 5 лет заведовать кафедрой. А 1-го была Аккредитационная коллегия МОН ДНР, членом которой я состою и пропускать ее было нельзя. С 3-го формально мы с женой в отпуске, но каждый день бываем на работе, поскольку вуз готовится к лицензированию и аккредитации, и вокруг этого развели такую бюрократическую кадриль, что все уже осатанели. Особенно достается жене, поскольку её кафедра готовит три блока документов по аккредитации.

Что касается планов на отпуск, который сжимается как шагреневая кожа, то они содержат два пункта: 1) полежать для профилактики в больнице под капельницей; 2) съездить в Ростов к родственникам жены. <…> Но главная часть отпуска – поработать над своими темами – идет вне расписания. В любое время, когда есть силы и никто не дергает в сторону.Конечно, хотелось бы встретиться. Но пока долгосрочное планирование не получается. А что касается транспортных возможностей, то из Донецка, насколько мне известно, есть прямой автобус в Белгород. Как только горизонт планирования расширится – я тебе напишу.

Желаю вам с супругой хорошо отдохнуть в санатории. Крепко обнимаю, Н.Р.

18 июля 2017 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, доброе утро! <…> Да, я тоже работаю, как ты хорошо сказал, «вне расписания». У меня остался ещё один незавершённый проект в духе «подведения итогов»: монография с моим учеником Сергеем Борисовым (от студенческой скамьи до доктора наук и первого проректора БГИИК) с таким примерно названием – «Тотальность насилия и свобода человека», куда войдут все написанные нами тексты по этой проблематике, особенно наши докторские, которые по уму и не изданы до сих пор <…> [1]. Мы сейчас завязали контакт с Петаром Бояничем из Белграда (он печатался на русском; его, кстати, тянут к себе и питерцы, и свердловцы – УрФУ), который этой проблематикой в Европе занимается серьёзно (он ученик Дерриды). Мы планируем через год провести по тематике насилия серьёзную международную конференцию. И Донецк, наверное, должен сказать своё веское слово, просветить свой «духовный опыт сопротивления злу силой» (наверное, в марксистском ключе). Вот в последнем моменте я сейчас и сижу: конспектирую Ильина, потом, наверное, день уделю Толстому (читать-то читал в бумажных книгах несколько раз, но всегда в своей работе дохожу до «конспекта» – работаю с электронными версиями книг). <…> Но у меня желание и самому приехать в Донецк. <…> Планируете ли вы что-либо проводить у себя?

[1] К сожалению, проект пока не реализован, а под этим названием вышла моя малотиражная монография: Римский В.П. Тотальность культуры и свобода человека. Белгород : БГИИК, 2022. 215 с.

А ещё я занимаюсь редактированием кандидатских – 4 штуки. Две из них мы должны выпустить в августе по новой системе подготовки аспирантов, как студентов: госэкзамен и защита научного доклада – им теперь выдают дипломы (третий уровень высшего образования). Другие вузы сделали это в июне, а мы перенесли на август (буду прерывать отпуск). Чушь полная – никто из них, как и магистранты, на занятия и так не ходит (и это во всех вузах!). Ладно бы, как я в своё время, – но я ведь много читал, и писать тогда начал прозу. А нынешние аспиранты – часто полная бездарь и тунеядцы, впрочем, как и студенты – поколение ЕГЭ. Судя по тому, как вы готовитесь к аккредитации, и вы успешно вступаете в бюрократическое «российское образовательное пространство» <…>

Позавчера убирал остатки мусора в саду-огороде. <…> Теперь болит спина, но надо немного заниматься и физическим трудом, хоть я и не толстовец. <…> Правда, когда поработаю – чувствую себя и физически, и душевно прекрасно. В санатории мы планируем в основном родоновые и успокоительные ванные, плавание в бассейне и реке Ворксле, т.к. беспокоят кости и плохой, рваный сон… Сон, правда, плохой из-за непомерного сидения за компом – могу сесть в 6-7 и встать через 12 часов, забывая даже о еде <…> Вот уже перед этим письмом открыл Ильина и в огород не собираюсь, что не скажешь о моей жене – она стонет (кости болят!), но ползёт упорно на грядки, экспериментирует...

Пиши, над чем работаешь, как отдыхаете. Если не можем пока встретиться, так хоть попишем. Передавай привет Татьяне Эдуардовне. Крепко обнимаю. Ваш В.Р.

21 июля 2017 г.

Н.П. Рагозин: Привет, Виктор Павлович! Несколько дней не подходил к компьютеру, чтобы дать отдохнуть глазам, поэтому отвечаю с опозданием.

Что касается научной работы и темы насилия. В сборнике докладов нашей конференции и в последнем номере журнала «Культура и цивилизация» есть ряд материалов по проблеме насилия. Я этой проблемой специально не занимался, но ее актуальность несомненна [1]. Насилие в последние десятилетия в мире растет по экспоненте. Я полагаю, что Стокгольмский институт исследований мира и вооруженных конфликтов (кажется, он так называется) этот рост насилия зафиксировал в цифрах и фактах. Думаю, что эти явления суть признаки появления на арене истории «повивальной бабки». Чем закончится миссия этой самой «бабки» – то ли она поможет появиться на свет здоровенькому ребенку, то ли угробит и роженицу, и дитя, – сейчас трудно сказать. Но мир стоит на пороге крутого переворота всего уклада отношений и систем ценностей, накоплены такие средства насилия и затронуты столь могущественные интересы, что без драки дело не обойдется. Фактически драка уже идет, правда в виде локальных конфликтов. Один из них – это Донбасс.

Я сейчас занимаюсь проблематикой духовного производства, которое в соответствии с предвидением Маркса становится главным по отношению к материальному производству. Но только это происходит – чего не предвидел Маркс – не в условиях общественной собственности на основные средства производства, а в условиях частной собственности. Отсюда и уродства современной духовной жизни, включая систему образования. Тема громадная и мало проработанная. Но буду двигаться по мере сил. <…>

Рад, что вы с супругой отдохнете и подлечитесь в санатории. Это дело нужное. Мы с женой в прежнее время выбирались в санатории Бердянска, а также любили ездить на природу в Святогорск (под Славянском). Но сейчас это для нас закрыто. Мое имя занесено в списки «Миротворца», а украинская прокуратура возбудила против меня (отпетого

[1] Однако вскоре вышла наша совместная публикация, см.: Философия войны и мира, насилия и ненасилия. Под ред. В.П. Римского. Москва : Академический проект, 2019. 462 с. (Философские технологии). Глава 7. Социально-философские и морально-этические аспекты насилия и ненасилия: марксистская версия. С. 121–137.

сепаратиста) уголовное дело с перспективой от 8 до 15 лет заключения. Будем отдыхать и лечиться дома. Слава Богу, у нас в Донецке есть очень приличные врачи.

Желаю вам с женой хорошенько отдохнуть и набраться сил. Всего самого доброго. Обнимаю. Твой Н.Р.

<…>

6 сентября 2017 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Витя! Я внимательно прочёл твое эссе и хочу поделиться некоторыми мыслями, которые родились у меня по ходу чтения [1].

Эссе – такая форма, где присутствуют эскизы мыслей, дополняемые образами. И то (эскизы), и другое (образы) у читателя рождает свой ассоциативный ряд, вызывает коннотации смыслов, которые могут не совпадать с тем, чего хотел автор эссе. И здесь надо отметить, что некая недоговоренность, недосказанность эссе составляет его привлекательность, поскольку она дает читателю свободу и побуждает к самостоятельному размышлению. Поэтому не удивлюсь, если мое прочтение эссе не совпадет с твоим замыслом. Надеюсь, в ответном письме ты отметишь и пояснишь эти разночтения. Думаю, что наша обоюдная любовь к свободе мысли пересилит и возможное расхождение наших позиций в отдельных вопросах. Теперь к делу.

Не сочти это дежурным приемом рецензий и отзывов, но снова хочу отметить легкость твоего пера, которой я по-хорошему завидую. Приятно читать о серьезных вещах, когда о них написано без за́уми, квазиучёного сленга, которым зачастую прикрывается отсутствие собственной мысли. В свое время Шопенгауэр написал «кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Думаю, что и в перевернутом виде это правило содержит в себе много верного.

Насколько я понял, твой общий замысел заключается в том, чтобы набросать некую «феноменологию насилия», в которой исходной точкой служит «нагая живая жизнь» как некий абсолютный антропологический минимум («метафизический остаток», я бы добавил – «человечности»), который сохраняется у человека под гнетом любого насилия. Для общего обозначения этого минимума ты используешь позаимствованный у Агамбена римский термин «Homo sacer» и предлагаешь свою расшифровку его.

Я порылся в «Латинско-русском словаре» Дворецкого и мне кажется, что слово «sacer» и производные от него («sacerdos, dtis m, f [sacer] – жрец, жрица»; «sacerdotium, I n [sacerdos] – жречество, жреческий сан, звание жреца»; «sacrarium, i n [sacer] – 1) святилище, храм (s. Bonae Deae C; s. Jovis Su); 2) помещение для хранения священной утвари (s. est locus, in quo sacra reponuntur Dig)»; «sacratus, a, um 1. part. pf. к sacro; 2. adj. священный (templum V; jus Sen); обожествлённый, обожествляемый (sc. Augustus 0)»; «sacricola, ae m [sacrum + colo II] 1) совершающий жертвоприношение, жрец» и т.д.) имеет главное значение «священного, святого, божественного», того, что является объектом поклонения, но никак не того, что «проклято и забыто», подверглось насилию.

Дворецкий упоминает это словосочетание «Homo sacer», но указывает, что оно означало человека «обречённого подземным богам, т.е. преданного проклятию, проклятого, гнусного». Я думаю, что это выражение обозначало человека, подвергнутого изгнанию из рода (вероятно, в преисподнюю), переставшего быть родственником и человеком и потому лишившегося всех человеческих прав. Эти предположения надо бы обсудить с филологами и историками, но пока этот термин вызывает сомнения, как подходящий для выражения «метафизических остатков» человечности.

Для «феноменологии насилия» ключевым понятием является понятие насилия. (Я так полагаю, что твое эссе представляет набросок выступления на планируемой

[1] Речь ниже идёт, прежде всего, об эссе «Нагая живая жизнь Варлама Шаламова» в книге: Римский В.П. Дни печали и скорби: Повести, рассказы, эссе. М.: Летний сад, 2017. С. 479–496. Развитие идей, смыслов и образов эссе также в литературно-философском дискурсе см.: Римский В.П., Римская О.Н. Философская проза Варлама Шаламова // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 4 (28). С. 45-63.

конференции, о которой ты мне писал?) Мне кажется, что при обсуждении проблемы насилия требуется диалектический подход. Нельзя насилие противопоставлять ненасилию как абсолютное зло абсолютное добру. Постановка этого вопроса у Толстого и спор с ним Ильина и последующие обсуждения этой проблемы очень часто грешат таким метафизическим противопоставлением. Развитие, в котором высшая форма снимает или подчиняет себе низшую форму бытия, уже включает в себя некое насилие над этой низшей формой. В этом случае ненасилие = застою, отказу от движения, развития.

Когда мы ребенка учим человеческому способу отправления естественных потребностей его тела, мы подвергаем его тело определенному насилию, здесь «жизнь bios» (жизнь в полисе, жизнь ради многих)» совершает насилие над ««жизнь zoé» (голая жизнь)». Такое насилие – абсолютное зло? У человека не только душа, но и тело социально подверглось культурному преобразованию. И в этом смысле «нагая жизнь» не такая уж и нагая. Нагота существует только для человека, животные всегда одеты.

Но вернемся к понятию насилия. Мне кажется, следует различать разные виды насилия. Тогда мы не перейдем ни к апологии насилия, ни к его огульному отрицанию.

Дисциплина – это некоторый вид насилия? Увы, да. Но можно ли добиться чего-нибудь стоящего без дисциплины и самоограничения?

Ах, это сладкое слово «свобода»! Но чтобы сохранить и оградить свою свободу, сколько нужно сил, усилий и в известном смысле насилия проявить!

На этом кончаю свои беглые заметки и перехожу к итогам. Виктор Павлович, ты сам можешь судить, насколько интересно твое эссе, сколько мыслей оно вызывает. В частности, нынешней интеллигенции, запутавшейся в «трёх соснах нигилизма» и не знающей, каким богам ей молиться, будет весьма полезно познакомиться с твоей оценкой Солженицина, которая отнюдь не является расхожей и общепринятой сегодня (но этим она и ценна) и которую мы с Татьяной Эдуардовной полностью разделяем. Уже по одному этому мы обязательно опубликуем это эссе (но мне кажется, что с концовкой эссе нужно поработать. У тебя есть время до конца октября) и даже специально для этого введём в нашем журнале рубрику «Философская эссеистика».

Впрочем, возможен и другой вариант. Татьяна Эдуардовна мне сказала, что ты завершаешь работу над статьей о философской прозе Шаламова. Если эссе и статья тематически связаны, то было бы целесообразнее вначале (в ноябрьском номере 2017 г.) опубликовать статью более общего плана, а именно: о философской прозе Шаламова, а в следующем номере (в июне 2018 г.) – эссе. Подумай над этим вариантом. <…>

Ну и, наконец, пару слов о своей статье, которую я готовлю для твоего журнала. Она тоже несколько великовата для одного номера, поэтому я её сразу разделил на две части: «*Рождение* идеи университета в немецкой классической философии» и «*Обоснование* идеи университета в немецкой классической философии» (обе – на материале работ Канта) [1]. Если получится всё закончить сегодня, то сегодня же и вышлю; если нет – то через пару дней.

Крепко обнимаем, Ваши Татьяна и Николай.

28 октября 2017 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович, добрый день! Извини, что долго молчал. После отпуска работа в институте началась со смены ректора 13 сентября, но мы с Ольгой плюнули на всё и 14–18 сентября, в её день рождения, отправились на самолёте в Севастополь, потом я один полетел на конференцию в Белград (19–25 сентября), а по

[1] См.: Рагозин Н.П. Рождение идеи университета в немецкой классической философии. Часть I // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3(15). С. 66–74; Рагозин Н.П. Обоснование идеи университета в немецкой классической философии. Часть 2 // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2018. Том 43, № 2. С. 215–220.

приезду меня накрыла такая хандра, что Ленский вместе с Обломовым отдыхают... Никак не выйду из этого состояния – ничего не делается и не пишется. Не знаю, связано ли это со сменой ректора <…> или с осенью и общей усталостью... Пошла в печать моя проза с эссе (см. окончательную версию). Шлю журнал с вашими статьями, там и моя есть. Смотрите и обновлённый университетский журнал, и новый регламент для знакомства: вторую твою статью надеюсь напечатать там. Вы молодцы, что ушли от «болонского процесса» – вот уж хрень несусветная... <…> Может, и поэтому ничего не хочется делать? Пиши. Поклон Татьяне Эдуардовне. Твой В.Р.

Н.П. Рагозин: Добрый день, Виктор Павлович! Хандра – это от усталости и эмоционального выгорания. У тебя был слишком насыщенный год. По крайней мере переписка последнего года свидетельствует, что ты был загружен до предела. Надо «сбросить обороты».

Спасибо тебе за публикации наших с Татьяной статей. Мы сейчас тоже загружены и учебными делами, и всякой административной работой.

Я с удовольствием почитаю сборник твоих повестей и эссе. Я уже бегло просмотрел оглавление и увидел эссе о Шаламове. Этот текст отличается от того, который ты прислал нам? Ты планируешь дальше разбирать его философскую прозу? На одном сайте я обнаружил собрание сочинений Шаламова, кажется в 7-ми томах. Если тебе нужно, я пришлю. Какие впечатления у тебя остались от белградской конференции? Как принимали сербские друзья? Что у них творится в высшей школе? Наверное, евроинтеграция идет в полный рост.

Пиши и не хандри. У тебя все нормально. Ты живешь в мире, у тебя свой дом, любимая семья, дети, внуки. Есть любимая работа, в которой ты состоялся. Привет твоей супруге. Твой Н.Р.

6 ноября 2017 г.

В.П. Римский: Дорогие Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна, доброе утро! Извините, но с «праздниками» не поздравляю. Я с ними и для себя не разобрался – пусть с ними разбирается история. Хотя считаю, что надо было оставить 7 ноября, придав смысл «дня первой русской республики».

Я наконец-то зашевелился, будто бы начала проходить хандра. <…> Главное, навёл порядок в саду <…> – осталось обрезать деревья и кусты в зиму; <…> поставить теплицу <…> И будем ждать февраля, когда начнём ее осваивать. Сегодня хочу закончить статью о революции. 9 ноября мы наконец выберем ректора – может, всё войдёт в стабильную колею. Он, конечно, говорит, что ничего менять не будет, но будет <…> Надеюсь, что мы сообща сможем противостоять тем реформах, которые спускаются из Москвы.

Собрание Шаламова у меня есть и бумажное, и электронное. В электронном формате нет 7-го, дополнительного тома: если можно, то вышли, пожалуйста. Эссе в книге несколько отличается от того текста, что я послал вам первый раз. У меня с эссе и докладами на конференции по Шаламову собирается материал на маленькую монографию, философско-публицистическую (или литературно-публицистическую?). Думаю, зимой сделать и издать в том же издательстве – у них есть малоформатная «шаламовская» литературоведческая серия.

О белградской, как и о московской конференции в Вышке, впечатление одно: мы должны развивать свои научные традиции, а не некие заёмно-западные. <…> Одна и та же или подобная тусовка, что и в Москве (даже персонажи повторились). Сами для себя что-то говорят, идеи, разумеется, или псевдолиберальные (они и не ведают, что такое «классический либерализм»), или непонятно мировоззренчески какие. Ну, и куда весь этот «научный» выхлоп? Кому нужна эта игра в бисер? Разумеется, стремятся сербы «в Европу». Нет, ребята, особенно молодые политологи (с ними разговаривал), всё понимают, но говорят: «А куда нам деваться?» В целом публика гостеприимная, а кухня прекрасная, южная: какая-то смесь кавказской, молдавской и украинской. Белград хранит

следы былого имперского величия – австрийского, королевско-сербского и титовско-социалистического; в архитектуре – нечто, будто несущее всё лучшее из южнорусских городов типа Ростова, Одессы и Харькова (в Донецке, к моему стыду, не был). Это и понятно, так как архитектором многих зданий и королевского дворца в Белграде был Николай Петрович Краснов, племянник и полный тёзка донского атамана Н.П. Краснова. Но всё плохо ухожено, город похож на стареющего, когда-то зажиточного пенсионера, но старающегося «жить достойно». На улицах полно гуляющей, праздной публики, будто застряли в каком-то празднике (может, это моё впечатление от «центра»?). Жил я в самом центре: напротив – президентский дворец, справа – скупщина, рядом – посольство Турции. Говорят, что промышленность, как и провинция, сдыхают. Ракия понравилась. Привёз большую бутылку, и вчера мы её допили с соседом из дома напротив <…> Оля делала манты.

Ну, вот такие наши основные новости. Да, художественная книга уже в конце ноября выйдет. Как вы? Пишите. Вы меня поддерживаете самим фактом существования ДНР и хоть какой-то борьбы со вселенским маразмом, в который впадает мир. Обнимаю. Ваш В.Р.

Н.П. Рагозин: Доброе утро, Виктор Павлович! Я тебе посылаю искомый 7 том Шаламова и некоторую литературу о нем, которая тебе может быть понадобится. Более подробно напишу позднее. Сейчас тороплюсь на работу. Привет супруге. Твой Н.Р.

11 ноября 2017 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, доброе утро! Наконец мы избрали нового/старого ректора. И я восполняю потраченное время, когда не писал друзьям (одно общее послание ты, я думаю, получил). Никак не сяду дописать статью о революции 17-го года – полно материала, текст в голове почти готов, а не пишется 1. Наверное, растяну на несколько статей. <…> Пишите.

<…>

12 декабря 2017 г.

В.П. Римский: Добрый день, дорогой Николай Петрович! Извини, что долго молчал. За это время сделал два номера журналов, написав туда ещё и свои статьи. А теперь выпускаю на защиту диссертации, редактируя и пр. (в том числе и докторскую Виталия Даренского из ЛНР). <…> Плюс ещё годовые отчёты и пр. Устал… Понимаю, что это пустяки по сравнению с тем, как живётся вам там. Я это всё понял, пообщавшись с Виталием [Даренским]... Мне будет интересно твоё и Татьяны Эдуардовны мнение о нашей статье (писал в основном я сам) и проблемах, поднятых там – мы ведь постарались текстуально и контекстуально опровергнуть многие мифы, сложившиеся вокруг Потёмкина и Петрова, как и прочих фигур 2. Послал статью и Мареевым, верным ильенковцам, и Резванову (он, как профессорский сын, более всех «был в теме»). Может получится обсуждение проблем «советской философии»? Затеваю и международную конференцию по насилию, куда включил и тебя (см.). <…> Татьяне Эдуардовне поклон. Обнимаю, твой В.Р.

21 декабря 2017 г.

Н.П. Рагозин: Доброе утро, Виктор Павлович! Извини, что отвечаю не скоро, но были дела на работе, которые не давали возможности прочесть переписку и подумать над ее содержимым.

---

[1] Подтянул за собой аспирантов: Аббасов, Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. Великая Русская революция: модернизация Модерна? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2017. Т. 42. № 24 (273). С. 78–87.

[2] Римский В.П., Майданский А.Д., Перетятькин Г.Ф., Римская О.Н. Фрагменты истории советской философии в переписке Эвальда Ильенкова с Михаилом Петровым и Алексеем Потёмкиным // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 4 (16). С. 67–86.

Переписка воскрешает обстановку и заботы того времени. Подспудная борьба философских, моральных и политических принципов, которых придерживались люди той эпохи, при том, что далеко не всегда они сами понимали, куда ведут эти принципы, можно ли (и как) их реализовать в существующих условиях и отчего эти условия сложились именно таким, а не иным образом. С одной стороны выступали идеалисты, стремившиеся к мерцавшему в их головах идеалу, а с другой – реалисты-прагматики, которые твердо знали, с какой стороны нужно намазывать масло на бутерброд.

Историю советской философии нужно изучать и ее нужно писать, но написать вне истории советского общества не получится. А с этим дела у нас обстоят неважно. Я пока не знаю ни одного исследования, которое давало бы полную картину процессов, которые подспудно протекали в обществе и в конце привели его к той совокупности объективных предпосылок, без которых не мог бы совершиться стремительный и безвольный крах «красного проекта». Ведь это чудовищный скандал, что в решающий момент тот общественный строй, который так много дал народу, этот самый народ и не защитил... И это касается не только беспартийных, но и миллионов членов партии, которые начали сдавать партбилеты. «Авангард» – твою мать! Миллионы повернули к египетским котлам с мясом, не понимая, что в этих котлах будут варить их собственное мясо до тех пор, пока оно не отстанет от костей.

Я вспоминаю 1991 год – накануне референдума о независимости Украины. Весь город был заклеен «руховскими» листовками, которые вопили о том, что «москаль съел твое сало», и как только ты проголосуешь за независимость, то тут же нажрешься этого сала до рвоты. Мы с женой, как идиоты, бегали вечерами по городу и клеили свои самодельные листовки, в которых писали, что всё это вранье, и Союз должен быть сохранен. Но это был глас вопиющего в пустыне.

Таким же пустынным запомнился жаркий августовский день, когда объявили ГКЧП, и законно избранный президент Союза был отстранен от власти с какими-то мутными объяснениями, которые жалко промычал трясущийся Янаев. Никто в городе не шелохнулся. Я пошел в партком университета, затем в райком партии и везде встретил закрытые двери. А по городским улицам прогуливались немногочисленные парочки, ели мороженое и пили прохладительные напитки. Это самые тяжелые воспоминания моей жизни. Чувствуешь себя щепкой, которую несет мутный исторический водоворот. Но, видимо, надо пройти и через это. «Нагая жизнь» учит массы, что добиться освобождения можно только «своею собственной рукой», только собственным трудом можно создать достойные человека условия жизни. И эти суровые уроки нужно вбивать в мозги масс, а не кормить их сладкими обещаниями коммунистического рая к 80-м годам, или изобилия «европейской цивилизации», которая рвется нас осчастливить...

Что-то я расфилософствовался. Перейдем к делу.

Спасибо за включение в состав оргкомитета конференции. Война и мир, насилие и ненасилие – это вечно злободневные темы. Обсуждение их, да еще под сенью великого имени Л. Толстого – очень ответственное занятие, постараюсь ему соответствовать.

У нас есть встречное предложение. В конце апреля мы собираемся провести конференцию, приуроченную к 200-летию со дня рождения К. Маркса. Среди тем конференции есть проблема насилия и ненасилия. Приглашаем с супругой и белгородских коллег присылать свои материалы на конференцию 1. Если нужно будет, то организуем выступление по скайпу. У нас обстановка такая напряженная, что наши службы безопасности не рекомендуют приглашать гостей, поскольку этой самой безопасности обеспечить не могут.

[1] См.: Римский В.П., Римская О.Н. Понимание интеллектуального труда у К. Маркса и П. Бурдьё // Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2018 года / Отв. ред. Рагозина Т.Э. Донецк : ГОУВПО «ДОННТУ», 2018. С. 36–44.

Для того, чтобы конференция перед официальными инстанциями носила международный характер, нам нужно Ваше согласие выступить её соорганизаторами. Это согласие не влечет никаких материальных обязательств. <…> Крепко жму твою руку. Успехов в работе. Здоровья и благополучия семьей. Поклон твоей супруге. Твой, Н. Рагозин.

31 декабря 2017 г.

В.П. Римский: Добрый вечер, дорогие Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна! Мы – я и Ольга – от всей души поздравляем с наступающим Новым годом! Пусть вам он принесёт конец войны, мир и спокойствие! Желаем также здоровья и благополучия, любви и взаимопонимания в семейной повседневности. <…>

Я вернулся из Шуи: туда и обратно возили на машине; страшно устал. <…> Крепко обнимаем. Ваши В.Р. и О.Р.

Post scriptum

В личном плане для нас, ведущих переписку, 2017 год был знаменателен тем, что исполнилось 45 лет после поступления в Alma mater, Ростовский-на-Дону университет *, и сорок лет выпуска 1977 года (я закончил на год позже после экзистенциальных метаний), поэтому сквозь переписку прошёл сюжет «встречи выпускников», которую затеяли я и И.Ф. Плужников. Мы встретились (Н.П. Рагозин не смог приехать из-за бюрократической загруженности), увидели, что все постарели, но внутренне не изменились, реализовав в персональных судьбах заложенное в нас природой, родителями и Богом. Кто-то отслужил в армии, органах безопасности и внутренних дел, многие выбрали образование, и почти все успели выйти на пенсию по старой системе (даже я, самый молодой в группе), а кое-кто покинул наш мир...

И большинство продолжали работать, спасая страну в провалах демографического кризиса, а себя – в финансовых дырах личных бюджетов (в советское время многие предпочли бы пенсионный отдых). Н.П. Рагозин с женой и коллегами попали в водоворот глобального конфликта, триггер которого оказался на Донбассе (он очень образно описывает во многих местах события «донбасской русской весны»). В профессиональной сфере высшей школы приход де факто России в Донбасс не принёс облегчения и обновления, но усугубил бюрократический раж чиновников от «просвещения». Это невольно стало контекстом его философских размышлений и замыслов в понимании духовного производства в связи с эволюцией европейского университетского образования. Эвристический потенциал марксистской категории «духовное производство», который наиболее последовательно развивала ростовская философско-культурологическая школа в 1970-е годы 1, фактически параллельно с западными изысканиями в сфере «креативных индустрий», до сих пор не реализован. И очень жаль, что докторская диссертация Н.П. Рагозина, в которой он разворачивал дискурс духовного производства в духе творческого марксизма (он остался достойным учеником как Э.В. Ильенкова, так и других представителей его школы, а также нашего учителя – Ю.Р. Тищенко, талантливого интерпретатора К. Маркса), так и не была написана. Надеемся, что рагозинские «рукописи не горят», и мы их опубликуем …

Интересно, что дискурс «духовного производства» в этот год совпал и с нашей коллективной монографией «Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала» (большая часть текста была написана

* Южный федеральный университет, к сожалению, растерял вольнолюбивый дух «ждановского университета» советских времён, разделив бюрократическую судьбу со всеми российскими вузами.

[1] См.: Драч Г.В. 2017. У истоков Ростовской философско-культурологической школы. Статья 1. М.К. Петров // Наука. Искусство. Культура. – 2017. №1 (13). – С. 5–16; Драч Г.В. У истоков Ростовской философско-культурологической школы. Статья 2. Ю.А. Жданов и В.Е. Давидович // Наука. Искусство. Культура. – 2017. № 2 (14). 2017. – С. 5–16.

мною, учениками (в моей редакции) и коллегами-ростовчанами), которая – как и ряд наших статей 1 – стала фактическим «подведением итогов» двадцати лет работы одного из направлений уже ростовско-белгородской школы (в следующем году я подвёл итоги другого нашего направления – философского осмысления свободы и насилия). В монографии признавались заслуги М.К. Петрова в развитии ростовской и советской философии, но сам концепт «учреждающая дискурсивность» нёс ироничные смыслы, что и определило содержательную критику петровских идей и концептов, начатую мною ещё в контексте кандидатской и продолженную в докторской диссертации. Н.П. Рагозин в переписке разделил эту критичность, иронично отозвавшись о преувеличении фигуры и концепции М.К. Петрова некоторыми ростовчанами и москвичами.

А вот в «мировом масштабе» год лично для нас, – страна очень мало этому Событию уделила внимания, – прошёл под знаком 100-летия Великой Русской революции 2. И для меня, и для Н.П. Рагозина было бесспорным, что бездумное отречение от философии марксизма и диалектики, что случилось со многими российскими коллегами, тупо ударившимися головой о моду на «русскую религиозную философию», «онтологию Хайдеггера etc.» или «синергетику», было плохим симптомом не некоего «творчества», а всё того же догматизма и двурушничества, которыми грешила вся официальная советская философия и социально-гуманитарные науки. Как образно сказал на первой защите моей кандидатской диссертации Г.П. Предвечный: «На пустом месте, без предшественников, начинают только шизофреники». Для нас было бесспорным и всемирно-историческое значение Русской революции XX века, которые не смогла похоронить русская контрреволюция перестройки и либеральных «реформ».

Я писал в аннотации: «Мифы о революции» очевидным образом связаны и с «мифами революции». Авторы рассматривают природу Русской Революции 1917 года как единый процесс, обусловленный сложными конфликтами в развитии мировой культурно-цивилизационной системы Модерна и отечественной цивилизации: конфликтами традиционализма, капитализма и индустриализма, империалистической интернационализации и этнокультурной специфики» [3]. Моё понимание Русской революции выходило за рамки как её апологетики в догматическом марксизме или левачестве, так и бездумной критики либеральной публикой. Я подвёл итоги многих собственных идей, предложенных в докторской диссертации и последующих публикациях: «Модерн внутри себя до сих пор содержит *множественность культурных проектов* и постоянно производит "несовременные", "современные", "постсовременные" и "несвоевременные" временны*е* и ментальные структуры, коды, образы и образцы-архетипы и присваивает их в качестве собственности и культурного капитала. <…> Европейский Разум, так воспетый Гегелем, окончательно скончался в Зимнем дворце семнадцатого года и Версальском саду восемнадцатого года. Была ли альтернатива подобному ходу истории? <…> Социалистическая революция казалась всем народам Земли в начале XX века альтернативным капиталистическому империализму проектом трансформации цивилизации Модерна в «светлое будущее», где реализуются идеалы «Свободы, Равенства и Братства». В нашей Великой революции, в её энергетике и едином смысловом поле *впервые совпали все проекты цивилизации Модерна*: либерально-демократический (свобода), социалистический (равенство) и традиционалистский (братство). Перекодированный код «Братство» и культурный проект традиционализма впервые реально был сплавлен в единое целое вместе с кодами «Свобода» и «Равенство» в коммунистический проект именно в Великой Русской Революции, которая и воплощает до сих пор наиболее модернизированную редакцию Модерна. Но этот целостный *проект*

[1] Римский В.П., Майданский А.Д., Перетятькин Г.Ф., Римская О.Н. Фрагменты истории советской философии в переписке Эвальда Ильенкова с Михаилом Петровым и Алексеем Потёмкиным. Наука. Искусство. Культура. 2017. № 4 (16). С. 67–86.

[2] Аббасов, Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. Великая Русская революция: модернизация Модерна? Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2017. Т. 42. № 24 (273). С. 81–87.

[3] Там же, с. 81.

коммунизма как реальное воплощения цивилизации Модерна оказался несвоевременным…» [1]. Я не просто так процитировал себя – не для самолюбования, а подчеркнул тот факт, что развернувшиеся в XXI столетии процессы – и Русская весна в Новороссии, и СВО, и весь нынешний глобальный кризис – явились закономерным продолжением «модернизации Модерна» в Русской революции, ещё не завершённым Событием, всё ещё длящимся здесь и сейчас, прямо по Хайдеггеру…

Список литературы

Аббасов, Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. 2017. Великая Русская революция: модернизация Модерна? Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Вып. 42. № 24 (273). Белгород, 2017. С. 81–90.

Бахтин М.М. 1979. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. Москва: Советская Россия, 1979. 320 с.

Драч Г.В. 2017. У истоков Ростовской философско-культурологической школы. Статья 1. М.К. Петров. Наука. Искусство. Культура. Выпуск 1 (13). 2017. С. 5-16.

Драч Г.В. 2017а. У истоков Ростовской философско-культурологической школы. Статья 2. Ю.А. Жданов и В.Е. Давидович. Наука. Искусство. Культура. Выпуск 2 (14). 2017. С. 5–16.

Марксизм и современность: альтернативы XXI века. 2018. В кн.: Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2018 года / Отв. ред. Рагозина Т.Э. Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2018. 290 с.

Рагозин Н.П. 2017. Рождение идеи университета в немецкой классической философии. Часть I. Наука. Искусство. Культура. Выпуск 3 (15). 2017. С. 66–74.

Рагозин Н.П. 2017а. Социальное предназначение науки: быть достоянием общества или «служанкой капитала». В кн.: Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года. Донецк: ДНТУ, 2017. С. 18-33.

Рагозин Н.П. 2018. Обоснование идеи университета в немецкой классической философии. Часть 2. Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право, 43(2): С. 215-220.

Рагозина Т.Э. 2017. Культурная память versus историческая память. Наука. Искусство. Культура. Выпуск 3 (15). 2017. С. 12-21.

Римский В.П. 2017. Как понять культурно-цивилизационную специфику России? В кн.: Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года. Донецк: ДНТУ, 20. С. 7-17.

Римский В.П. 2017 а. Культурно-цивилизационная специфика России в свете методологии «сопряжения». Культура и цивилизация. № 1 (5). Донецк, 2017. С. 22-29.

Римский В.П. 2017 б. Дни печали и скорби: Повести, рассказы, эссе. М.: Летний сад, 2017. 512 с.

Римский В.П. 2022. Тотальность культуры и свобода человека. Белгород: БГИИК, 2022. 215 с.

Римский В.П. и др. 2017. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. / [В.П. Римский и др.]; под ред. В.П. Римского. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.

Римский В.П., Римская О.Н. 2018. Понимание интеллектуального труда у К. Маркса и П. Бурдьё. В кн.: Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2018 года / Отв. ред. Рагозина Т.Э. Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2018. С. 36-44.

Римский В.П., Римская О.Н. 2020. Философская проза Варлама Шаламова. Наука. Искусство. Культура. Выпуск 4 (28). Белгород, 2020. С. 45-63.

Римский В.П., Майданский А.Д., Перетятькин Г.Ф., Римская О.Н. 2017. Фрагменты истории советской философии в переписке Эвальда Ильенкова с Михаилом Петровым и Алексеем Потёмкиным. Наука. Искусство. Культура. № 4 (16). Белгород, С. 67-86.

Селин Л.-Ф. 2020. Интервью с профессором Y. / Луи-Фердинанд Селин. Пер. с фр. Маруси Климовой и Вячеслава Кондратовича. Москва: Опустошитель, 2020. 160 с.

Философия войны и мира, насилия и ненасилия. 2019. / Под ред. В.П. Римского. Москва: Академический проект, 2019. 462 с. (Философские технологии). ISBN 978-5-8291-2398-7

[1] Аббасов, Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. Великая Русская революция: модернизация Модерна? Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2017. Т. 42. № 24 (273). С. 86, 87, 42.

References

Abbasov, R.G., Borisova O.S., Rimsky V.P. 2017. The Great Russian Revolution: modernization of Modernity? // Scientific bulletin of BelSU. The series "Philosophy. Sociology. The right." Issue 42. No. 24 (273). Belgorod, 2017. pp. 78-87.

Bakhtin M.M. 1979. Problems of Dostoevsky's Poetics. 4th Ed. Moscow: Soviet Russia, 1979. 320 p.

Marxism and Modernity: Alternatives of the 21st Century. 2018. Materials of the international scientific conference. April 27, 2018 / Ed. Ragozina T.E. Donetsk: GOUVPO DONNTU, 2018. 290 p.

Ragozin N.P. 2017. The birth of the university idea in German classical philosophy. Part I. Science. Art. Culture. Issue 3 (15). 2017. pp. 66-74.

Ragozin N.P. 2017. The social purpose of science is to be the property of society or the "servant of capital." Subjective and objective in the historical process. Proceedings of the international scientific conference on April 21, 2017. Donetsk: DNTU, 2017. pp. 18-33.

Ragozin N.P. 2018. The substantiation of the university idea in German classical philosophy. Part 2. Scientific bulletin of BelSU. Philosophy. Sociology. Right. V.43, No. 2. June 2018. pp. 215-220.

Ragozina T.E. 2017. Cultural memory versus historical memory // Science. Art. Culture. 2017. № 3 (15): 12-21.

Rimsky V.P. 2017. How to understand the cultural and civilizational specifics of Russia? Subjective and objective in the historical process. Proceedings of the international scientific conference on April 21, 2017. Donetsk: DNTU, 20. pp. 7-17.

Rimsky V.P. 2017 a. Cultural and civilizational specifics of Russia in the light of the methodology of "conjugation" // Culture and Civilization. No. 1 (5). Donetsk, 2017. pp. 22-29.

Rimsky V.P. 2017 b. Days of sorrow and sorrow: Novels, short stories, essays. Moscow: Summer Garden, 2017. 512 p.: ill. ISBN 978-5-98856-293-1

Rimsky V.P. 2022. The totality of culture and human freedom. Belgorod: BGIIK, 2022. 215 p. ISBN 978-5-91756-127-1

Rimsky V.P. and others 2017. Mikhail Petrov's Institutional Discursivity: an Intellectual in the Interior of Cultural Capital. / [V.P. Rimsky et al.]; edited by V.P. Rimsky. Moscow: Canon+ ROOI "Rehabilitation", 456 p.

Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2018. Understanding intellectual labor by K. Marx and P. Bourdieu. Marxism and Modernity: Alternatives of the 21st Century. Materials of the international scientific conference. April 27, 2018 / Ed. Ragozina T.E. Donetsk: GOUVPO DONNTU, 2018. pp. 36-44.

Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2020. Philosophical prose by Varlam Shalamov. Science. Art. Culture. Issue 4 (28). Belgorod, 2020. pp. 45-63.

Rimsky V.P., Maidansky A.D., Peretyatkin G.F., Rimskaya O.N. 2017. Fragments of the history of Soviet philosophy in the correspondence of Evald Ilyenkov with Mikhail Petrov and Alexei Potemkin. Science. Art. Culture. No. 4 (16). Belgorod, pp. 67-86.

Celine L.-F. 2020. Interview with Professor Y. Louis-Ferdinand Celine. Translated from French by Marusia Klimova and Vyacheslav Kondratovich. Moscow: Desolator, 2020. 160 p.

The philosophy of war and peace, violence and nonviolence. 2019. / Edited by V.P. Rimsky. Moscow: Academic Project, 2019. 462 p. (Philosophical Technologies). ISBN 978-5-8291-2398-7

Поступила в редакцию 08.06.2025
Поступила после рецензирования 08.09.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received June 08, 2025
Revised September 08, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor P. Rimskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ
SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 111.85
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-1001-1004
EDN ZPYUTQ

О новом способе мышления в эпоху кризиса. Рецензия на книгу: Юк Хуэй. Пост-Европа. М. ; Владивосток : Ад Маргинем Пресс, 2025. 176 с.

[1] Бай Цзе, [2, 3] Борисов С.Н., [3] Резник С.В.
[1] Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.
[2] Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, д. 7.
[3] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.
borisov_sn@bsuedu.ru; reznik@bsuedu.ru

Аннотация. Рецензия посвящена работе известного китайского философа Юка Хуэя, продолжающей его исследования проблемы неевропейского способа мышления, которое сегодня возможно только как философия техники. «Пост-Европа» затрагивает вопрос сущности Европы, заключающейся в соединении философии, техники и истории, что не только создало цивилизационное преимущество, но также сделало европейский способ мышления планетарным. Соответственно, сегодняшний кризис этого способа мышления, проявляющийся в утрате Heimat, бездомности, затрагивает весь мир, и Восток, активно заимствующий технику, не может остаться в стороне от осмысления проблемы. Юк Хуэй пытается найти решение в концепте индивидуации как способе восточного ответа на кризисность. Он предлагает европейской мысли признание бездомности как новой точки зрения и восточной мысли – как оригинальное решение проблемы напряжения между универсальностью техники и локальностью мысли.

Ключевые слова: философия, способ мышления, техника, язык, Восток, Европа, кризис, Юк Хуэй

Для цитирования: Бай Цзе, Борисов С.Н., Резник С.В. 2025. О новом способе мышления в эпоху кризиса. Рецензия на книгу: Юк Хуэй. Пост-Европа. М. ; Владивосток : Ад Маргинем Пресс, 2025. 176 с. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 50(4): 1001–1004. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-1001-1004 EDN: ZPYUTQ

About a New Way of Thinking in an Era of Crisis. Book Review: Yuk Hui. Post-Europe. Moscow ; Vladivostok : Ad Marginem Press, 2025. 176 p.

[1] Bai Jie, [2, 3] Sergey N. Borisov, [3] Sergey V. Reznik
[1] St. Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation
[2] Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Korolev St., Belgorod 308033, Russian Federation
[3]Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
Borisov_sn@bsuedu.ru; reznik@bsuedu.ru

Abstract. The review is devoted to the work by the famous Chinese philosopher Yuka Hui, who continues his research on the problem of a non-European way of thinking, which today is only possible as a philosophy of technology. The book touches on essence of Europe, which consists in combining

© Бай Цзе, Борисов С.Н., Резник С.В., 2025

philosophy, technology and history that have created a civilizational advantage and expanded the European way of thinking to a planetary scale. Accordingly, the contemporary crisis of this way of thinking, manifested in the loss of Heimat and homelessness, affects the whole world. The East, which actively borrows technology, cannot stay away from elaborating this problem. Yuk Hui is trying to find a solution in the concept of individuation as a way of the Eastern response to the crisis. He makes a proposal to European thought, which consists in recognizing homelessness as a new point of view, and Eastern thought as a search for an original solution to the tension between the universality of technology and the locality of thought.

Keywords: philosophy, way of thinking, technology, language, East, Europe, crisis, Yuk Hui

For citation: Bai Jie, Borisov S.N., Reznik S.V. 2025. About a New Way of Thinking in an Era of Crisis. Book Review: Yuk Hui. Post-Europe. Moscow ; Vladivostok : Ad Marginem Press, 2025. 176 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 1001–1004 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-1001-1004 EDN: ZPYUTQ

Китайский философ Юк Хуэй достаточно популярен во всем мире, и кажется, что ответ на вопрос «почему» лежит на поверхности. Его работы посвящены, с одной стороны, острым, с другой – классическим проблемам европейской мысли. К первым как раз можно отнести книгу «Пост-Европа», посвященную кризису европейского, а значит, и в целом западного мышления. Вторые касаются фундаментальных проблем логоса и techne, духа и материи, природы самого европейского мышления. И с этим рядом вопросов Юк Хуэй стоит за великими европейскими философами: Ф. Ницше, И. Кантом, М. Хайдеггером, Б. Стиглером, но предпринимает попытку дать собственный ответ, рассматривая кризис европейской цивилизации и мысли с другой – культурно, телесно, мыслительно – точки зрения. Работа «Пост-Европа» продолжает работы Юка Хуэя «Рекурсивность и контингентность», «Искусство и космотехника», а также «Вопрос о технике в Китае».

Продолжение связано с ответом на вопрос о том, как возможна неевропейская мысль. И для ответа первое, что необходимо, это сам язык, который для Хуэя представляет собой технический орган, ничем не уступающий руке. И вопрос о языке предваряет следующий вопрос о Европе и европейском мышлении, заданный автором в первой части книги, названной «Прелюдия: Точка зрения Heimatlosigkeit», где Heimat (нем. «родина») – не только тема рассуждений М. Хайдеггера, но также то, что все европейцы потеряли под воздействием техно-экономического развития, изменившего ландшафт и способы обращения с привычными объектами. Остается принять установку бездомности или внедомашнюю точку зрения на будущее, избегающую противопоставления дома и не-дома. Собственно, это и есть условия и возможность говорения сегодня о Европе и Востоке.

Возвращаясь к ранее поставленному вопросу о том, что такое Европа, Хуэй дает ответ в первой главе «Философия и пост-Европа», обращаясь к высказыванию Б. Стиглера о том, что Европа есть философия, а философия сущностно носит европейский характер. В этом смысле тоска по Heimat практически в буквальном смысле отсылает к началу философии и Европы – древней Греции, вопрошанию о бытии посредством логоса [Stiegler, 1994]. География здесь соединяется со способом мысли, специфическим, европейским использованием мышления в соединении рационального и технического [Хуэй, 2025, с. 52]. Хуэй отдает себе отчет, что до сегодняшнего дня такое объединение осуществлялось как колонизация, глобализация суть ее вариация, не изменяющая того, что в столкновении с Другим (другими) европейская мысль находила лишь своих-других, не отличающихся принципиально и сущностно, и одновременно не обращая внимания на то, что, распространившись на весь земной шар, европейская техно-логия, техно-мысль, сама уже не может оставаться прежней, только европейской, мыслью. Связь европейской

мысли и техники приводит к нескольким следствиям: констатации кризисности Европы и возможности преодоления этого состояния через технику, а также возможности планетаризации Европы через развитие техники. Последнее ставит вопрос о том, является ли техника сугубо европейской, ведь сегодня лидерами технологического развития являются многие страны Востока. Очевидно, нет, но, несмотря на это, все еще существует проблема признания инаковости в философской мысли, самостоятельности неевропейского техно-логоса. Все это ставит перед мышлением задачи, для Юка Хуэя связанные с индивидуацией. Концепт индивидуации как осознания индивидом собственной самостоятельности через установление резонансных отношений со средой он заимствует у Бернара Стиглера, применяя его для описания диалога культур, способов мысли и обоснования того, как возможна настоящая планетаризация мышления.

Собственно, планетаризация мышления является задачей для западной философии, которая должна идти вслед за технологией, в том числе реализуя установку собственного Geist на универсальность. Но встречный процесс должен разворачиваться и на Востоке, ведь диалог является не просто коммуникацией, но также индивидуацией, осознанием самостоятельности, возможной только через создание нового. Об этом вторая глава «Пост-Европы», названная вопросом «Что такое Азия?».

Хуэй отмечает, что сама постановка вопроса об Азии как некой сущности будет являться неверной прежде всего потому, что вопрос о сущности исходит из греческой, а значит, европейской точки зрения, заключающейся в том, что нечто существующее бытийствует в своей пред-явленности. «Существовать» в западной философии означает буквально находиться перед нами, но также сохранять свое единство, быть оформленным. И в отличие от Европы, Восток не может такое единство предъявить. Различия между Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией весьма значительны, как и между странами внутри самой Азии, например, между Китаем и Индией, Японией и Вьетнамом. Если же вернуться к утверждению, что дух Европы заключен в ее философии, то также невозможно найти философскую систему, объединяющую весть Восток в целом. Хуэй пишет о том, что Восток или Азия как нечто единое возникает только в ответ на европейскую колонизацию, в том числе в виде подъема национализма [Хуэй, 2025, с. 121]. И здесь его идеи достаточно близки концепту ориентализма Э. Саида, для которого Восток есть прежде всего конструкт, возникающий в трудах европейских писателей и художников, а впоследствии транслируемый остальному миру [Саид, 2006].

Сам же Восток, может сложиться впечатление, остается в стороне от мирового мыслительного процесса, на что Хуэй отвечает, что азиатские способы мышления «играют значительную роль в повседневной жизни азиатских сообществ, выступая в качестве того бессознательного, которое формирует вкусы, жесты и ценности» [Хуэй, 2025, с. 105]. Оно может стать основой для нооразнообразия как множества историй, концептов и идей, необходимых для преодоления мирового кризиса. По мнению Хуэя, это ставит перед восточной философией две задачи: выход за границы «классического гуманизма, сосредоточенного на ценности человеческой морали и ответственности», а также необходимость индивидуации мышления [Хуэй, 2025, с. 117–119]. В качестве примеров индивидуации, создания нового восточноазиатского мышления Хуэй приводит китайского философа Моу Цзунсаня и японского философа Нисиду Китаро. Они оба смогли индивидуализировать мышление через напряжение дома и бездомности, Востока и глобального Запада. В таком приложении восточной мысли к осмыслению техники Хуэй видит ее задачу [Хуэй, 2025, с. 136].

Заключение работы, кода «Хорошие постъевропейцы», посвящена будущему, которое отрывается для Хуэя в признании и установлении той точки зрения, которую от называет Heimatlosigkeit. Это будущее, с одной стороны, уже наступило посредством планетаризации европейского техно-логоса, а с другой – еще нуждается в создании через индивидуацию, признание планетарности как множественности. Иначе говоря,

пост-Европа еще должна состояться в своей универсальности не только как техника, но и как мысль, невозможная без языка, к которому Хуэй снова возвращается в завершении книги, отмечая, что язык связывает нас с Heimat через вкус и тело. Но также язык является тем, что позволяет выйти за пределы «родной» локальности и понять других через речь, изучение другого языка. В этом смысле тоска по Heimat, бездомность современного мира, лечится не возвратом в прошлое, а переосмыслением локальности и разнообразия – актуальной задачей как для европейцев, так и для жителей Востока.

Список литературы

Кант И. К вечному миру / Сочинения: в 8 т. Т. 7. Москва : Чоро, 1994. 495 с.
Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург : Русский мир, 2006. 636 с.
Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Тракль. Москва : Водолей, 2017. 240 с.
Хуэй Юк Пост-Европа. Москва ; Владивосток : Ад-Маргинем Пресс, 2025. 176 с.
Stiegler B. La technique et le temps. Tome 1, La faute d’Epiméthée. Galillee, 1994. 313 p.

References

Kant And. Towards eternal peace / Essays: in 8 volumes. Vol. 7. Moscow : Choro, 1994. 495 p.
Said E. Orientalism. Western concepts of the East. Saint Petersburg : Russian World, 2006. 636 p.
Heidegger M. About poets and poetry: Helderlin. Rilke. Trakl. Moscow : Aquarius, 2017. 240 p.
Hui Yuk Post-Europe. Moscow ; Vladivostok : Ad-Marginem Press, 2025. 176 p.
Stiegler B. La technique et le temps. Tome 1, La faute d’Epiméthée. Galillee, 1994. 313 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.07.2025
Поступила после рецензирования 10.10.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received July 10, 2025
Revised October 10, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бай Цзе, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Резник Сергей Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bai Jie, Postgraduate Student at St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Sergey V. Reznik, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.